

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
М69

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Подписано в печать 5.12.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 7000 экз. Заказ № 2452.

Михайлов В.Д.

М69 Дверь с той стороны: Роман; Рассказы / В.Д. Михайлов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 635, [5] с. — (Классика отечественной фантастики).

ISBN 5-17-016686-9

Признанный мастер отечественной фантастики...

Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» — и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, — и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове.

Не верите?

Прочитайте — и убедитесь сами!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Д. Михайлов, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

ДВЕРЬ С ТОЙ СТОРОНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Инна говорила прерывистым полупшепотом, от волнения не заканчивая фраз; слова торопливо набегали друг на друга. Нынче голос изменял ей — великолепный голос, хрупкий, с придыханиями, он всегда привлекал не меньше, чем облик, а порой и больше. Сейчас голос дрожал.

— Ты придешь сегодня?

— Милая...

Истомин произнес это слово, не думая над ним и не ощущая смысла; слово было привычным, да и сама Инна тоже, с ее матовой кожей, с черными кольцами волос и профессиональной точностью и выразительностью движений. Произнес, и сразу же, по привычке, увидел слово написанным.

— Последний вечер. Последний... Почему все кончается? На Земле ты забудешь меня. Сразу...

— Нет.

— Поцелуй меня. Сейчас. Все равно, пусть видят, все равно. Не хочу терять тебя. Скажи, мы не расстанемся на Земле.

— Мы встретимся.

— Где? Когда? Говори сразу.

— Потом, Инна.

— О, я понимаю, понимаю... Не надо хитрить, милый. Старая женщина — на что я тебе там? Но все равно — спасибо.

— Ты ошибаешься...

Истомин должен был при этих словах нежно улыбнуться. Он и улыбнулся, только позже чем следовало — мыслями был уже не с ней. Он злился на самого себя: предугадывал

вопрос, который ему зададут на Земле: «Ну, что вы для нас написали?» А он был где-то на полпути и потерял тут столько времени вместо того, чтобы работать.

— Дорогая... — нерешительно начал он.

— Лучше молчи, — попросила она. — Будем танцевать молча. Как быстро кончился полет...

Полуторамесячный рейс Антора — Земля завершился. «Кит», корабль класса «А», три дня назад удачно вышел из сопространства почти на границе Солнечной системы и теперь, идя в режиме торможения под углом в тридцать градусов к плоскости эклиптики, пересекал последние миллиарды километров. До финиша оставались сутки с небольшим.

Чем ближе становилась Земля, тем быстрее росла уверенность в счастливом завершении полета (мысль о возможной катастрофе всегда гнездится в сознании пассажира), — и уверенности этой сопутствовал нервный подъем. Те отношения, что быстро возникают в путешествиях именно потому, что возникают случайно и ненадолго, все эти мимолетные любви, дружбы и антипатии вспыхивали в заключительный раз перед тем, как погаснуть и забыться после первых же шагов по надежной поверхности планеты.

По давней традиции, в последний перед прибытием вечер команда корабля давала бал. Ужин кончился, свет в просторном салоне и палубой выше — в саду был притушен, звучала медленная музыка и пахло морем. Ожидали капитана; кое-кто танцевал, неспешные разговоры остальных были полны Землей.

— Позволю себе заметить, администратор: власть, по-моему, сродни любви — чувство, а не профессия. И вот вы, в предвкушении медового месяца...

— Знаете, лучше не надо об этом. — В голосе Карского не было ни малейшего пренебрежения, он говорил искренне. — В полете есть нечто умиротворяющее: человек отрывается от повседневного, пребывает как бы в состоянии психической невесомости. Кроме того, я еще не введен в должность и, откровенно говоря, волнуясь.

— И напрасно, да будет мне позволено сказать так, — улыбнулся Нарев. — Не помню случая, чтобы избранный на

планете кандидат после пятилетнего курса не был утвержден Советом Федерации. Но простите — не слишком ли сух наш разговор?

Он повернулся в кресле и с минуту думал, сосредоточенно глядя на дринк-пульт, пошевеливая над ним расслабленными пальцами. Администратор смотрел на резкий профиль Нарева, на его длинный, характерного разреза глаз. Впрочем, и без этого в Нареве легко угадывался уроженец Ливии в системе Тау: манера разговора выдавала его, витиеватая, гипертрофированная вежливость. Каждая из обитаемых планет Федерации сохраняла обычаи, манеры, моды и привычки, существовавшие на Земле в тот период, когда происходило заселение именно этой планеты, хотя на Земле впоследствии все успевало уже не раз измениться. Периферия консервативна, подумал Карский. Пусть сообщение между планетами поддерживается постоянно, но прилетают и улетают единицы, а жизнь на планетах развивается в тех направлениях, какие были определены вначале; вот одна из сложностей управления Федерацией. Карский и сам чувствовал себя в первую очередь анторианцем, хотя и старался избавиться от этого ограниченного патриотизма. Ничего, пройдет со временем, подумал он успокоительно. Пройдет...

Нарев уже успел нажать клавиши и теперь ждал. Тихо шуршал механизм, потом сиреневая жидкость наполнила бокалы. Нарев протянул один администратору, откинулся на спинку кресла и поднес свой к губам. Напиток пахнул Землей, тропинками, солнцем.

— На целый год стать членом Совета, — задумчиво проговорил Карский. — По сути дела — возглавить цивилизацию! Трудно не испугаться этого.

— Я вряд ли ошибусь, сказав, что вы готовы к этому.

— Время покажет... А помните, когда ввели эту систему, казалось нелепым: избирать человека, который займет свой пост лишь через пять лет, а до тех пор будет оторван от практической деятельности. Мне и самому не верилось...

— Теперь, если я сужу правильно, вы убедились в ее целесообразности?

— Во всяком случае, это было интереснейшее время. Пять лет назад я уже мог увидеть Федерацию такой, какой она стала только теперь. Пять лет не имел дела с каждодневными

задачами, но следил за развитием главных линий, учился прослеживать ветвление и эволюцию потребностей общества. Я уже тогда видел, что за эти годы человек окончательно выключится из сферы материального производства, передав его автоматам и компьютерам. Так что мы — избранные тогда — заранее готовились решать проблемы направления и использования высвобождающейся человеческой энергии — грандиозные проблемы...

— И куда же, если не секрет, собираетесь вы направить нашу энергию?

— У меня есть немало мыслей по этому поводу, но пока они еще не стали мнением Совета, вряд ли я имею право... Да и, кроме того, мы ведь лишь начнем их решать. Разрабатывать намеченные направления станут наши последователи — те, кто и завтра, и еще целый год в своих кабинетах будут продолжать и координировать линии развития, долгими часами совещаться с футурологами и прогносеологами, как делали это и мы, будут наблюдать за развитием как бы со стороны и гадать о непредсказуемых факторах, возникновение которых неизбежно... Да, система оправдывается. Если не говорить о волнении — оно кажется мне естественным, — я чувствую, что прихожу к руководству во всеоружии.

— И — сколь ни печально — только на год. Это не кажется вам обидным?

Администратор пожал плечами.

— За год работы я неизбежно отстану. Буду координировать уже известные мне линии, но не хватит времени, чтобы следить за всем новым, что возникнет за этот год, настолько пристально, чтобы потом органично вплести его в старую сеть. Это сделают те, о ком я уже говорил — люди, избранные не пять, а четыре года тому назад. Нет, все совершенно разумно.

— Да, — согласился Нарев после паузы, — воистину, система мудра. И это подтверждается: за все время не было ни единой попытки остаться на второй срок. Или еще пример: вы летите на рейсовом корабле, хотя вам наверняка могли предоставить и отдельную машину.

Администратор улыбнулся.

— Мы здравомыслящие люди. К чему зря расходовать топливо? Но не пора ли присоединиться к обществу?

Он встал, чтобы выйти из бара в салон. Нарев покосился на него и тоже поднялся.

— Меня терзает искушение заметить, что понятие здравомыслия всегда было относительным. Как добро и зло, например.

— А вы пытались бы остаться у власти? И летали бы в одиночку на стоместном корабле?

— Я? — усмехнулся Нарев. — Если я чего-то не умею, то, увя, как раз предугадывать свои поступки.

Они неторопливо направились к выходу.

— И еще, — сказал Карский, — всегда надо немного тосковать о том, что кончается. Иначе наступит пресыщение. А в вашей работе не так? Кстати, я и не знаю...

Они остановились в салоне, привыкая к полутьме.

— Осмелюсь перебить вас. Вот человек, которому пресыщение не грозит, — сказал Нарев, меняя тему разговора и указывая кивком на актрису, танцующую с писателем. Карский серьезно ответил:

— Она очаровательна. Но я выбрал бы другую.

— И я догадываюсь кого. Но не соглашусь с вами. Неразумно волновать капитана в полете.

— Тем более, когда предстоит финиш, — сказал администратор и вздохнул. — Да, Земля... А вы надолго в метрополию? Вы хозяйственник?

— Питаю надежду, что вы не думаете этого, — сказал Нарев, чуть изогнув губы в улыбке. — Будь я хозяйственником, я ни в коем случае не стал бы завязывать знакомство с вами, это могли бы расценить как попытку устроить дела своей планеты или округа.

— Вряд ли: вы не анторианин, а я буду заниматься делами именно этой планеты. Вы же, если не ошибаюсь, с Ливии?

— Голос выдает? Противный голос, правда? Рискну употребить такое определение. Но это только при земной плотности атмосферы, как тут. На Ливии наши голоса звучат прекрасно. Кстати, могу ответить тем же: такие смуглые лица, как ваше, можно увидеть лишь на Анторе... А что касается моих занятий, то я путешественник. Самая независимая профессия. Несколько романтизируя, я сказал бы: прихожу без восторга и покидаю без сожаления. И на моей Ливии не был уже много лет.

— Жаль. Я как раз собирался спросить: на этой планете недавно были какие-то осложнения, но я не успел получить информацию и не знаю деталей. Кто-то пытался встать во главе...

— Вы заставляете меня пожалеть о том, что я совершенно не в курсе дела. Живу в пути и счастлив, и не желаю иного. Хотя нет, — порой мне хочется быть капитаном такого вот А-лайнера. Вот где подлинная независимость, и судьба окружающих зависит только от вас.

— А знаете, если верить курсу психологии, который я прошел, это ваше желание означает, что вы ощущаете в себе запас энергии и где-то обижены тем, что люди не используют ее по назначению с максимальным эффектом. Я прав?

— Значит, вы разбираетесь во мне лучше, чем я сам.

— Нет, я не замечал за собой такого.

— Простите, если я смутил вас.

— О, пожалуйста, я не в обиде.

В центре круглого экрана капелькой янтаря сияло Солнце.

— Вот он, — удовлетворенно сказал штурман Луговой. — Детка Йовис. Прошу отметить в журнале, капитан: рекорд. Еще никто не выходил на видеосвязь с системой Юпитера на таком расстоянии. Молодец я?

— Это я выясню в Управлении кадров, — пообещал капитан Устюг.

— А вообще, — продолжал штурман, — Солнечная загружена бездарно, нарушена центровка: все планеты на одном борту.

— По прибытии подай рапорт в отдел перевозок, — посоветовал капитан.

Штурман посмотрел на него со всей проницательностью, свойственной (как они сами полагают) людям, чей возраст перевалил уже далеко за двадцать.

— Вы волнуетесь, мастер!

Сколько-то мгновений они смотрели друг на друга молча. Капитан был вдвое старше и на целую голову ниже ростом, и все же чем-то они напоминали друг друга; может быть, ровным, характерного оттенка загаром, что приобретает под корабельным кварцем, или пристальностью взглядов, или неторопливой точностью движений, какой требуют корабли.

— Следить за состоянием экипажа — это моя обязанность, — ответил, наконец, Устюг. — А на моем корабле принято выполнять свои обязанности и не заниматься чужими. При входе в систему обязанность штурмана — следить за курсом и своевременно брать пеленг.

Луговой улыбнулся.

— Не беспокойтесь, мастер. Пока Солнце впереди и Ригаль справа, нам бояться нечего. А скажите, так глубоко интересоваться состоянием пассажиров тоже входит в обязанности капитана?

— Да, — сухо сказал Устюг. — Входит.

— Но раньше в рейсах капитан доверял это Вере. Кто же беспокоит вас на борту «Кита»? Администратор Карский? Путешественник Нарев? Физик? Или Истомин — вы решили, что он напишет о вас книгу? Не старичок же Петров привлек ваше внимание и не футболист Еремеев, хотя он и чемпион Федерации...

Капитан Устюг молча смотрел на штурмана, пытаясь понять, является ли причиной необычной болтливости предфинишная лихорадка, что треплет порой молодых судоводителей, или просто нахальство.

— Мила едет с мужем, — продолжал перечислять Луговой. — Актриса влюблена не в вас. И если только мы не везем зайцев, то это может быть лишь Зоя Серова. А она...

Нет, решил капитан, никакая не лихорадка. Простое мальчишеское нахальство пополам с любопытством.

— Пост-Юпитер уже пять секунд ждет ответа, — сухо сказал он.

— Виноват, мастер, — спохватился штурман. — Прости.

— Ох, и молод ты, Саша, — Устюг вздохнул то ли с сожалением, то ли с завистью. — Вызовешь меня, как только будет связь с Землей.

— Решаюсь привлечь ваше внимание, дорогой администратор: вот человек, который не боится испортить капитану настроение. Ученые вообще немного самонадеянны, вы, конечно, уже не раз замечали это. Некоторая самоуверенность свойственна всем, кто имеет дело с фактами, неизвестными другим. Разумеется, это не относится к присутствующим... — добавил Нарев, увидев, что Карский поморщился.

Физик Карачаров подтащил кресло поближе к Зое и с размаху плюхнулся в него.

— Ути малые, — сказал он. — Крохотные девочки не должны скучать. Сейчас мы улыбнемся. Ну — раз, два! Что же вы?

Господи, и этот не прошел мимо. А ведь целый месяц казался человеком не от мира сего, жил в каких-то иных измерениях и разве что не подносил за обедом ложку к уху. Что делать? Обрить голову? Прилепить нос до пояса? И прилепила бы, не пожалела себя. Но ведь не всякое внимание надоедает, и кто-то один должен смотреть, смотреть до рези в глазах. Ради одного приходится терпеть остальных. Не сидеть же безвылазно в каюте?

Зоя вздохнула.

— Вы сегодня неузнаваемы, — любезно сказала она. — Закончили, наверное, вашу работу?

— Работу? — Физик, казалось, на миг растерялся. — Нет, к сожалению. Всегда не хватает какой-то недели... слишком быстро стали летать корабли, что ли? — Он моргнул, развел руками. — Или я живу медленно?

Вот об этом пусть и говорит.

— Почему же вы поторопились лететь?

— Вызывали соратники по школе. Научной, конечно. Там завариваются дела...

— Интересно. Расскажите.

Но он не поддался на уловку.

— С удовольствием — когда останемся вдвоем.

Это вышло хорошо, почувствовал Карачаров. Он был сегодня ловеласом, донжуаном, покорителем сердец, и обожательницы валялись у его ног. Так он воспринимал этим вечером себя и весь окружающий мир. Мир этот был условен, и его позволялось вообразить каким угодно: настоящей оставалась лишь математика и то, что можно было выразить с ее помощью. Модели своего личного мира Карачаров строил в зависимости от настроения.

— Боюсь, вы поздно спохватились, — сказала Зоя равнодушно. — Рейс кончается.

— Что такое эти полтора месяца по сравнению со временем, которое у нас впереди!

— Впереди у нас — разные времена. Я недолго буду на Земле. Сдам материалы, истории болезни со Стрелы-второй, проведу контрольный эксперимент...

— На Стреле-второй все женщины так прекрасны? Хотя, конечно, нет, вы везде будете исключением. А что с вами стряслось?

— Со мной? Ничего.

— А болезнь?

Она улыбнулась.

— Болела не я. Хотя, возможно, в науке и останется «болезнь Серовой».

Зоя постаралась, чтобы это прозвучало не слишком самоуверенно.

Физик снова стал на миг серьезным.

— Вы, значит, что-то закончили. Завидую.

— Ну, не совсем еще. Просто оттуда нет регулярного общения с Землей, да и с Анторой — редкое. Вот я и воспользовалась возможностью. — Она помолчала. — И потом... просто не хотелось там оставаться.

— А что же дальше?

— Умчусь куда-нибудь, где поглуше, — искать новое заболевание.

— Зачем же так далеко? Вот я: затронуто сердце...

— Фу, — сказала она, — какая пошлость.

— Могу иначе: хочу, чтобы вы были со мной.

— Вы привыкли четко выражать мысли.

— Не понимаю, почему мне прямо не сказать того, что я думаю. В науке не принята фигура умолчания. У каждого явления есть свое имя, и, отказавшись от него, вы ничего не сумеете доказать.

— Вам не кажется, что вы рискуете?

— Мне нечего бояться: женщина обижается, только если ей не воздают должного. В конце концов поведение каждого человека — и ваше в том числе — сводится к уравнениям. А решать уравнения я привык.

— И что же из них следует? Мне, непосвященной, наверное, не разобраться?

— Кое-что могу пояснить популярно: я — гений. Понимаете? Тощий тип, сидящий рядом с вами и созерцающий

ваши колени, — гений. Ну, признайтесь, часто ли гении пытались добиться вашей взаимности? Но я добьюсь ее.

— Ну, спасибо, — сказала Зоя. — Вы меня развлекли.

Она встала и медленно пошла по салону. Упершись ладонями в острые колени, Карачаров глядел ей вслед. В дверях стоял капитан. Зоя положила руки ему на плечи; Устюг помедлил, ловя такт. Потом они двинулись.

Физик поднялся и, широко шагая, вышел. Он миновал коридор и поднялся в сад.

Здесь пахло тропинками, широкие листья нависали над головой. Тихо журчала вода. Кто-то стоял возле пальмы, у которой один из листьев надломился, не выдержав последней перегрузки. Это была Вера, четвертый член экипажа. Карачаров приободрился.

— Скажите, красавица, ухаживать за членами экипажа разрешается?

— За кем именно — за капитаном, штурманом? Если за инженером Рудиком, то он отделяется от корабля только при полной разборке машин.

Что такое сегодня с женщинами? Все прямо-таки готовы кусаться. Земля — понял физик в следующий миг. Близость планеты, конец рейса. Кончается размеренная корабельная жизнь, и женщины раньше нас перестраиваются на другую частоту. Но еще целый вечер впереди.

— Значит, остаетесь вы.

Вера пренебрежительно повела плечом.

— Не отвечаете? — Он усмехнулся. — Разве можно не отвечать пассажиру?

Вера лукаво покосилась на него. И вдруг быстро и монотонно посыпались слова:

— Прошу внимания! Корабль Трансгалакта «Кит» следует очередным рейсом Антора — Земля. Основная часть пути пролегает в сопространстве. Пассажирам это не причиняет неудобств. Путь до Земли займет около полутора месяцев, дополнительную информацию получите в полете. Здесь вы окружены тем же комфортом, что в вашей квартире или в отеле. К вашим услугам — салон, бар, бассейн, спортивный зал, сад, прогулочная палуба, с которой вы сможете наслаждаться видом звездного пространства — до перехода в сопространство и после выхода из него. Обстановки кают закажи-

те по вашему вкусу — через полчаса она будет на месте. Обед в салоне в семнадцать часов по условно-галактическому времени корабля. При желании обед доставляется в каюты, выход синтезатора — справа от двери. Выбор блюд не ограничен. Дамы, безусловно, будут заинтересованы тем, что новые туалеты изготавливаются на борту в течение двух часов. Прошу обратить внимание на табло — вы можете поставить по нему ваши часы. Настроить их на земной двадцатичетырехчасовой цикл можно у меня. Теперь я рада ответить на ваши вопросы.

Вера умолкла, смех распырал щеки. Высокая, бронзовокожая, красивая, она позволила физику полюбоваться собой, хотя, в общем-то, корабельная традиция не позволяла кокетничать с пассажирами.

— Ах, вот как! — сказал физик, принимая ее игру. — А скажите, корабль и в самом деле так надежен?

Вера очаровательно улыбнулась.

— Последнее слово техники. Беспредельные запасы энергии — мы черпаем ее из пространства. Неограниченная автономия. И так далее.

— Вы меня успокаиваете, — сказал Карачаров с иронической улыбкой. — Весьма признателен.

— Еще вопросы у пассажира?

Физик мгновение смотрел на нее.

— Да. Вот вы... Вы очень красивая девушка. Почему вы тут? Это ведь все равно, что оседлать маятник. Неужели вы не способны на большее? Или верите, что в пространстве дольше сохраняется молодость?

На этот раз он был серьезен; может быть, это и впрямь его заинтересовало — он и сам не знал. А может быть, просто хотел отомстить за ее шутку? Вера смотрела на него, чуть прикусив губу.

— Хотите, я отвечу сам, — предложил Карачаров. — Все очень просто. Вы — анторианка, это видно сразу. И знаете, что красивы. И хотите жить на Земле. В центре Федерации, а не на ее окраине. Только на Земле, думаете вы, вас оценят по достоинству. Оценит не кто-нибудь, а человек значительный. Если и не член Совета, то хоть его консультант. Но население Земли давно уравновешено, и, чтобы получить земное гражданство, надо что-то такое совершить. Служба в

Галактическом флоте, наверное, дает такие права. Вот и все. Сколько вам еще осталось летать? Не помню, какой нужен стаж...

Вера вскинула голову.

— Извините, — сказала она официальным, лишенным окраски голосом. — Я отвечаю только на вопросы, относящиеся к рейсу. А сейчас мне пора в салон.

— Позвольте предложить вам руку, — галантно произнес Карачаров.

— Я не падаю с трапа.

Он все же проводил ее до салона; физику тоже почему-то сделалось невесело, а ей он, кажется, основательно испортил настроение. Уже войдя, Карачаров сделал попытку загладить неловкость:

— Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос, последний: как называется этот танец и как его танцуют?

Вера, прищурившись, глянула на него и неожиданно усмехнулась.

— О, показать я могу!

Долговязый физик готовно склонился. Но Вера, озорно стрельнув глазами, повернулась и, слегка покачивая бедрами, пошла к сидящим пассажирам. Она остановилась перед администратором, и Карский встал, смущенно улыбаясь.

«Пустой номер», — мысленно сказал Карачаров, провожая Веру взглядом. Сейчас он вдруг — незримо для других, разумеется, — стал совсем другим человеком: этаким старым циником, галактическим волком, не признающим женщин. И взгляд его сделался устало-пренебрежительным.

— Пойдем и мы? — так поняла Мила легкое движение мужа. Он не решился бы произнести это вслух: ожидал бы, пока она не выскажет желания. Но всякая его мысль — Мила стала уже привыкать к этому — немедленно находила выражение в жесте, телом он говорил, передавая мысли точнее, чем словами. Недаром же он был чемпионом Федерации!

Мила с удовольствием отдалась танцу. Валентин вел легко и строго, даже с женой не позволяя себе ни малейшей вольности, танцевал каждый раз словно на приз. С ним было хорошо на людях и хорошо вдвоем, он был добр и силен, и всякий раз она заново переживала случившееся. Мир полон

чудес; оба — жители Земли, они так никогда бы и не встретились на своей планете, затерялись бы среди миллиардов людей. Но ей понадобилось лететь на Антору — познакомиться с тамошними интерьерами, о которых многое слышала и которые и в самом деле оказались необычайно интересными; команда чемпионов мира оказалась там в то же самое время — они совершали турне по Федерации. Нечаянно встретиться за столько парсеков от Земли — это ли не чудо? Увидев друг друга, они сразу поняли, что домой возвратятся вдвоем и всегда будут вдвоем, всегда-всегда. Он ходил за нею всюду, кроме времени тренировок и игр, когда она сидела на трибуне стадиона. Потом команда улетела, а он задержался: наверное, не мог расстаться на тот месяц, который ей еще предстояло провести на Анторе. Он, конечно, переживал, что команда уехала без него; но в конце концов его товарищи решили, что несколько игр проведут сами. Пожелали ему счастья...

Она подняла глаза. Валентин улыбался.

— Что ты?

— Вот это па — чистый финт, понимаешь? Ну, сделаем еще раз, и ты увидишь.

На этот раз усмехнулась Мила — правда, про себя: ничего, она научит мужа разговаривать и на другие темы, нужно только время и терпение. Терпения ей не занимать, а времени у них впереди — бездна... Еще одна мысль проскользнула, тоже связанная с будущим, но она была неприятна, и Мила постаралась сразу же прогнать ее подальше.

— Отдохнем, — сказала она.

— Хочешь посидеть?

— Совершим набег на какую-нибудь компанию.

Они направились в бар. Там уже сидели Инна Перлинская и писатель. Истомин вскочил и поспешно придвинул ей кресло.

— Хотите выпить? Инна, Мила?

— Минеральную, — сказала Инна шелестящим, напряженным полушепотом, словно поверяла тайну. Затем повернулась к Миле. — Этот костюмчик с Анторы? Очень милый. У них, на этой планете, есть вкус. Ваш муж очень сердит? Я немного побаиваюсь его.

— О, разве можно его бояться?

— Мы ведь конкуренты. После того, как театр признал непредсказуемость развязки, когда древний принцип импровизации возвратился на сцену, мы стали серьезно конкурировать со спортом, с играми.

— Это не конкуренция, — сказал Еремеев. — Это соревнование. А спорт и есть соревнование.

— Вы обязательно должны увидеть меня — хотя бы в спектакле «Я утром должен быть уверен!». Классика, но как современно звучит! Вещь прошла у нас уже пятьдесят раз, и ни в одном представлении действие не повторялось дальше второй картины. Пятьдесят разных развитий, разных финалов. В каждом я находила новый поворот! Открытие сезона — через неделю, я смогу помочь вам... Спасибо, милый, — поблагодарила она Истомина. Жест был исполнен величия. — Да, представьте, я сделала прелестный комплект здесь, на корабле, — специально для открытия...

— ...Я всегда заранее знаю, забью или нет. Бывает, выйдешь на хорошую позицию, все ждут — миллионы людей! — а я чувствую: не пойдет. И отдаю пас. Раньше я все равно бил по голу, но стоит неудачно пробить — начинаешь сомневаться в себе, и потом так и уходишь с поля, не забив. — Он на миг помрачнел, голубые глаза потемнели.

— На Анторе я сыграл плохо. Не видели? Никудышно. Встретился с Милой, — какая тут игра... Стыдно. Вспоминаю, как грустно играл — и места себе не нахожу... — он говорил быстро, ему, видно, давно хотелось выговориться и выслушать слова утешения, не формально-вежливого, а подлинного: собеседник в таких случаях искал не слова, а мысли, которые помогли бы другому собраться с силами.

— Да, это случается, — кивнул Истомин. — Такая ситуация есть у... Вы читали Карленко?

— Карленко? Не помню. Наверное, нет.

— Что же вы читаете?

— Вообще-то много. Не помню сейчас, что было последнее. Как-то не заинтересовало. А вообще когда-нибудь люди, наверное, будут уметь все. И хорошо сыграть, и написать...

— Это самообман, — не сразу ответил Истомин. — Сто или двести лет назад люди так же думали о наших временах: эпоха гармоничных людей... Но не гармоничные осу-

ществляют прогресс, а те, кто направлены в одну точку. В сутках по-прежнему двадцать четыре часа, требования же стали куда выше. Литератор с техникой прошлого столетия сейчас не издал бы и первой книжки. Вот, например, Ругоев — читали?..

— Это совершенно точно. Я видел записи старых игр. Мы бы сделали их за десять минут. И тренируемся мы — они не выдержали бы таких нагрузок.

— Когда же тут заботиться о гармоничности? Допустим, после путешествия хорошо было бы пожить где-нибудь в лесу или на озере — мячик, удочка... Но завтра на Земле я войду в свой кабинет, а у меня выработался рефлекс: там я должен писать...

— Вы себя настраиваете так? Или это от рождения?

— Да, наверное, так же, как и у вас.

— Я — другое. Меня евгенизировали. Заранее... ну, когда меня еще не было, исправили генетическую картину, чтобы я был по-настоящему пригоден для спорта. Отец мой был хороший центр и хотел, чтобы я был еще лучше. Правда, вышел из меня хав. Средняя линия, как говорят у вас.

— Это хорошо, у вас не должно возникать сомнений.

— Ну, цену себе я знаю. Умею играть в пас, обвести, отобрать, владею финтами, силовыми приемами, вижу поле, могу выбрать позицию. Дрибль, скорость, игра головой, устойчивость в стычке и удар, конечно. Чувствую мяч, как часть своего тела. И все это знаю. Завтра увидите, как меня будут встречать. Хотя сыграл я из рук вон плохо — и все же... А вас как встретят?

— Ну, таких, как я, не очень знают. Известны те, кто пишет книжки-колоды. Вам, наверное, попадались: на плотном пластике, на каждом листке с обеих сторон — законченный эпизод.

— Как же, конечно. Тасуй, как хочешь — каждый раз получается совсем новая книжка. И складно.

— А я так не умею, визия тоже не тянет. Пишу потихоньку. А вы, значит, в ожидании триумфа?

— Понимаете, это не главное. Тут все вместе. Небо. Облака. Ветерок. Стадион. Много воздуха, пахнет цветами... Команда. Мяч. А ребята будут ругать. Всерьез. Иначе нельзя: игралто плохо. Подумаю об этом — и сразу хочется: пусть не зав-

тра, пусть на недельку позже... Мила что подумает? Но ничего не поделаешь.

— Ничего.

Луговой лихорадочно вертел лимбы.

— Прелести жизни! — проворчал он. Так бурчал порой капитан Устюг. — Эй, шеф!

Он спохватился, что связь с инженером выключена, и коснулся кнопки. Центральный пост сразу словно бы увеличился вдвое: там, где только что была гладкая переборка, возникло просторное помещение, а в нем — пульт, ходовые приборы, индикаторы силовых и энергетических систем... Инженер Рудик поднял лысоватую голову. Казалось, он был совсем рядом, хотя на деле это было лишь триди-эффектом, трехмерным изображением инженерного поста, что находился в другом, не жилом, а энергодвигательном корпусе корабля, на другом конце стометровой трубы — осевой шахты, соединявшей обе части корабля, как осиная талия. Рудик шевельнул светлыми бровями.

— Что у тебя, штурман?

— Да Земля неизвестно куда девалась, — почти совсем спокойно объяснил Луговой. — Нет ее в нужном направлении.

— Ага, — равнодушно сказал инженер, помаргивая белесыми глазками. Он кивнул и снова перевел взгляд на пульт, вытянул руку, что-то повернул, удовлетворенно выпятил губу.

— Я серьезно.

— Если говорить серьезно, — хладнокровно ответил Рудик, — то такого не бывает.

— Да погоди. Мы вышли, так? Система перед нами. Юпитер находится по отношению к нам за Солнцем, на той стороне орбиты. Это понятно? А Земля — на этой, куда ближе. И вот с Юпитером я уже имею видеосвязь — через всю Систему, а с Землей нет.

— Тогда, может, это Юпитер — по нашу сторону, а Земля — наоборот?

— Что я, по-твоему, не умею ориентироваться по звездам?

— Да уж не знаю. Посоветуйся с Сигмой.

Луговой пробормотал что-то неразборчивое. Ему не хотелось обращаться к компьютеру, словно бы он был еще старером, а не штурманом. Но пришлось.

Он задал программу определения точки по четырем ориентирам.

— Вот и хорошо, — прокомментировал Рудик.

Его перебил резкий звонок. Сигма отвергла задание.

Луговой пожал плечами. Задача была элементарной и составлена без ошибок. Он повторил ее, и компьютер снова отказался от решения.

После третьего требования звонок не умолкал целую минуту. В переводе на язык людей это означало истерику. Пришлось отключиться от спятившего устройства.

— Ну, что скажешь? — устало поинтересовался Луговой.

— Знаешь, — сказал Рудик голосом, в котором было сомнение, — покличь-ка лучше мастера. А то как бы ты и Солнце не потерял.

Луговой обиженно засопел. Капитана известить, конечно, следовало. Но тут его осенило.

— Задам-ка я ему по трем ориентирам, — сказал он и взглянул на триди-экран, где был Рудик. — А что? Все так делают.

На этот раз автомат не стал противиться.

Они долго танцевали молча, словно бы музыка говорила за каждого из них; так бывает, когда оба хотят сказать одно и то же, но самолюбие или стеснение не позволяют начать разговор. Когда музыка смолкла, они остановились, растерянно глядя друг на друга. Молчание стало вдруг душным и вязким, секунды застревали в нем. Капитан сказал неожиданно хрипло:

— А бал ничего, удался... верно? Никто не скучает.

Зоя, словно не слыша, смотрела на него и ждала, пока он заговорит по-настоящему. Она давно уже решила, что ничего не нужно, потому что ничего не будет — просто ни к чему; но услышать слова ей хотелось, было просто необходимо.

— Зоя...

Она безмятежно улыбнулась; это стоило ей немалого усилия. Потом спохватилась, что они стоят, и люди смотрят на них.

— Пойдем...

Он понял ее и повел, взяв за локоть. Они подошли к стене там, где блестящая поверхность ее переходила в мато-

вую. Капитан, не глядя, нажал пластинку, и матовая поверхность растаяла. Они вышли на прогулочную палубу, опоясывавшую жилой корпус корабля, и медленно пошли по ней. Палуба была прозрачна, и они ступали по звездам, звезды сияли впереди, и справа, и сверху, лишь слева была стена. Они молчали, пока светлый прямоугольник входа не скрылся за изгибом борта.

— Зоя, послушай...

Она хотела сказать что-то безразличное, даже, быть может, ироническое, но побоялась, что голос изменит ей. Устюг говорил волнуясь, захлебываясь — так говорят, наверное, раз в жизни. Зоя слушала и мысленно просила: «Еще! Еще!»

— ...Потом понял, что и ты сама...

Говорить «нет» она не станет: ложь была бы слишком явной. Но что все это значит? Она же хотела совершенно иного, она давно уже пришла к выводу, что лучше всего держать обожателей на расстоянии: слишком больно бывает потом.

— ...Все стеснялся, боялся что ли. Мы могли быть вместе все эти дни, а теперь — последний вечер...

Да, если бы ты в самый первый вечер был настойчивее и находчивее... Такие вещи или происходят сразу, пока нет времени на размышления, или же затягиваются надолго. Впрочем, нет — я сразу же отодвинула бы тебя подальше. Не люблю банальностей.

— Не люблю банальностей, — повторила она вслух.

— Не понял, — растерянно сказал он.

— На борту корабля пассажирка падает в объятия отважного капитана — от любви к острым ощущениям и скуки. Но острых ощущений у меня с избытком хватало в лаборатории и госпиталях, — она на миг вновь почувствовала себя прежней, даром коллеги говорили, что она эмоционально стерильна; много они знали, коллеги!.. Но миг этот был короткий, и Зоя, неожиданно для себя, тихо сказала: — Я рада, что началось не так.

— Кончается, не начавшись, — мрачно поправил он.

— Зато теперь я знаю, что это для тебя не прихоть... и для меня тоже.

Такая логика всегда была ему непонятна.

— Почему же ты...

А в самом деле — почему?

— Потому, что в этом возрасте уже поздно действовать методом проб и ошибок — так это называется в кибернетике, кажется?

Он вздохнул, понимая, что упустил что-то: непосредственность, бездумное влечение первого вечера, готовность подчиниться неожиданному...

— Зоя, день еще не кончен...

Она снова безмятежно улыбнулась, успев прийти в себя. Хорошо, ее никто не принуждал, она сама решила и сделает все, как хочет. Никто и никогда не будет решать за нее. Она не уступает; наоборот — выбирает.

— Нет, завтра. На Земле.

Она сказала это с такой определенностью, что он, наконец, поверил и остановился, прижимая к себе ее локоть и глядя на звезды. Рисунок их был необычен, но капитана сейчас не интересовали те, далекие, звезды.

Он обнял ее за плечи и закрыл глаза. И, конечно, сзади кто-то затопал. Луговой. «Собака, — подумал капитан. — Ангел-хранитель!»

— Земля на связи, капитан.

Устюг взгляделся. Штурман был спокоен, как памятник Космонавту, но Устюг достаточно хорошо знал его.

— Ну, и как настроение?

В присутствии пассажира — даже Зои — нельзя было спросить прямо: что стряслось? Штурман все равно не стал бы отвечать.

Луговой понял, что оказался тут не вовремя, хотя и поступил, как положено. Но, может, особой беды и не было в том что они, как оказалось, подошли к Системе не с той стороны, с какой ожидали; в конце концов, при выходе из сопространства неопределенность всегда достаточно высока, и они не превысили допустимой ошибки. Так или иначе Земля на связи, а это — главное.

— Настроение высшего класса, капитан.

— Сейчас буду.

Он взглянул на Зою, извиняясь, и она в знак прощения опустила ресницы. Устюг довел ее до входа в салон, взглянул в глаза и улыбнулся.

— Вот Земля и в виду.

— Да. — Она тоже улыбнулась. — Слово сказано.

— Мы еще встретимся до высадки, — пообещал Устюг. — И ты скажешь, где тебя найти — там, внизу.

— Искать тебе не придется.

Они были на середине салона, когда Карачаров, покосившись на них, пробормотал:

— По-моему, крайне неуместная демонстрация.

Он стоял подле кресла, в котором сидел старик Петров, сидел с таким видом, словно уже давно пустил в кресло кор-ни. Он и в самом деле весь рейс просидел тут — так, во всяком случае, казалось остальным, — он любил слушать, а если находился собеседник, то и поговорить.

— Демонстрация? — переспросил Петров. — Просто та-кова жизнь.

— Что вы знаете о жизни? — сёрдито спросил физик. Зоя осталась одна, и он мог бы подойти к ней, но взглянул ей в лицо и понял, что не стоит. — Судя по вашей склонности к прописным истинам, вы — отставной учитель. Что знают о жизни отставные учителя?

Громко ступая, он вышел на прогулочную палубу, при-жался лбом к прозрачному борту и с минуту глядел на звез-ды, не узнавая рисунка созвездий.

Он вернулся в салон в тот самый миг, когда из скрытых в переборках фанаторов раздался голос штурмана:

— Капитан и экипаж благодарят пассажиров за чудесный вечер. Просим в течение следующего часа занять места в ко-конах, чтобы не задерживать выполнение предпосадочного маневра. Желаем вам приятного финиша!

Вера, хозяйка салона, уже обходила пассажиров, сверкая улыбкой. Петров смотрел на нее, прищулив глаза. Прозвучал первый сигнал, и только теперь пассажиры по-настоящему поняли, что рейс завершается; актриса снова взглянула на Истомина, и ее опять стали одолевать сомнения. На месте выхода на прогулочную палубу возникла матовая стенка. Мед-ленная музыка умолкла, и через секунду зазвучал бодрый марш.

— Одну минуту! — громко сказал Карачаров. — Один миг!

Вера остановилась, глядя на него, и он улыбнулся ей. Кара-чарову теперь казалось, что он так и провел весь вечер — львом

и душой общества; что за беда, если никто этого не заметил? И закончить надо было в том же духе.

— Очаровательная хозяйка, налейте нам по бокалу. Последний тост! — он успокоительно кивнул ей. — Мы сдружились в этом путешествии, и жаль будет, если никогда больше не встретимся. Я предлагаю через год собраться в городе, куда нас доставит завтра катер. За нашу встречу!

Карский прикинул: да, через год он сможет. Он поднял бокал, и остальные подчинились его безмолвному призыву. Нарев скептически усмехался, Петров пробормотал: «Еще не сели», и актриса суеверно постучала по столу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Капитан «Кита» Устюг гримасничал, как резиновая кукла на пальцах артиста. Лицо зверски перекашивалось, щеки то втягивались, то оптимистически раздувались. Диспетчер восьмого поста Космофиниш тронул кнопку подстройки, и лицо капитана, чье изображение сидело напротив диспетчера в глубокой выемке триди-экрана, сразу сделалось таким обычным, что стало скучно.

В зале, как всегда, стоял приглушенный гул. На четырнадцати табло роились зеленоватые огоньки — условные изображения кораблей, находившихся в сфере действия дисэлектро — электронного диспетчерского устройства. Диспетчер без труда нашел огонек, означавший «Кита», потом перевел взгляд на капитана.

— «Кит»! — сказал он. — Вызывает восьмой.

Он дождался положенного ответа.

— «Кит», внимание. У вас на борту находится администратор Карский? Финиш-Главный дает вам преимущество. Приготовьтесь сойти с орбиты выжидания. Ждите команды.

Он коснулся переключателя. Устюг исчез, словно его и не было, — теперь перед диспетчером оказался центральный пост «Лебедя» с капитаном за пультом.

— «Лебедь», к вам восьмой. Отключитесь от дисэлектро, слушайте меня. Ваш маневр отменяется. Оставайтесь на орбите, будьте готовы пропустить «Кита», он идет с преимуществом. Подтвердите! — он выслушал недовольное ворчание и

вновь вернулся к «Киту». — Восьмой — «Киту». Сходите с орбиты через семь — один — пять. В допустимой близости идет «Лебедь», будьте внимательны, он уступает. — Диспетчер снова бросил взгляд на табло. — Алло, дисэлектро показывает препятствие. Что видите по курсу?

Капитан «Кита» хмыкнул.

— Это же «Лебедь»! — сказал он. — Выкинули маячок, чтобы потом точно войти на место. Может, захватить по дороге? Наказать разгильдяев...

Диспетчер секунду размышлял. Маячок — дешевый прием для тех, кто хочет блеснуть точностью финиша, не обладая еще тонкой навигаторской интуицией. Запрещенный приемчик: в Приземелье и так тесно. Неплохо было бы лишить «Лебедь» табельного имущества, пусть капитан Стелькин потом отдувается: маячок — вещь дорогая.

— Отставить, — сказал он сердито. — Используй преимущество, раз тебе его дали.

— Ладно, проскользну, — согласился Устюг с «Кита».

Теперь, собственно, можно было снова передать управление на дисэлектро, но как раз выпала свободная минутка, и диспетчер позволил себе еще полюбоваться на капитана, хотя лицо Устюга было знакомо вдоль и поперек, от пятышка на подбородке до шрама на правой скуле — сувенира на вечную и добрую память об одной экспедиции в молодости. Что-то он весел, Устюжок. И вообще, какой-то странный сегодня.

— Сколько пассажиров везешь? Что подать для выгрузки?

— Девять. Хватит малого катера.

— Этак флот прогорит, — сказал диспетчер. — Не думают некоторые капитаны об экономике. А груз?

— Роботы и устройства высшего класса на реставрацию.

Устюг больше не смотрел на диспетчера: приборы требовали внимания. Повинуясь командам вычислителя, «Кит» плавно сходил с орбиты, едва уловимо замедляя ход. Умеет финишировать капитан Устюг. Что все-таки у него с физиономией? Диспетчер улучил мгновение, когда капитан смог отвести взгляд от индикаторов.

— Ты что — переусердствовал вчера на балу? Признайся, положи руку на сердце.

Капитан Устюг торжественно положил руку на сердце.

— Все ясно, — сказал диспетчер. — Сердце, между прочим, слева. Даже у капитанов.

— Вы там, на финише, тупеете от безделья, — проговорил Устюг сердито. — А я, по-твоему, куда показываю?

— Да направо, конечно, — сказал диспетчер, веселясь.

— Плохо спал?

— Нет, это ты... Ох!

Вот значит, что у него с лицом...

— Устюг, — негромко, напряженно сказал диспетчер. — Помню: у тебя отметина была справа. Ну, с того раза, когда у нас — там — сорвало перекрытие...

Капитан дотронулся до шрама.

— Вроде бы на месте.

— Устюг, ты сейчас какую руку поднял?

— Да правую же, понятно, — сердито сказал капитан. — Ладно, мне пора переходить на ручное.

— Ни-ни. Смотри на меня внимательно. Я какую руку вытянул? Видишь?

Кто-то из проходивших мимо диспетчеров едва удержался от смеха и, отойдя, шепотом сообщил соседям, которые были посвободнее в этот миг, что коллега учиняет капитану Устюгу розыгрыш по первой категории.

— Ну, левую. Ясно вижу.

— А ты забыл, что левая у меня — протез?

— Регенерат, — поправил Устюг. — Кто их отличит?

— Разве тогда регенерировали? Где твоя память?

— В тужурке оставил, — нетерпеливо сказал Устюг. — Ну, все, что ли? Это теперь такие тесты ввели для прибывающих из рейса?

Все, что ли? — подумал диспетчер. Все, все. Пусть садится. Тут разберемся, что у них получилось. Наверное, связь чудит и переворачивает все наизнанку. Пусть садится. Не шутка — задержать на орбите корабль, которому дано преимущество. Задержать по смехотворной причине, из-за чистой перестраховки.

— Все, мой хороший, — сказал он. — Триди-связь у вас барахлит. Несolidно, капитан. У кого другого, но у тебя... Ладно, швартуйся. Пришлем тебе мастеров.

Устюг пожал плечами.

— Вас понял. Иду на сближение с Космофинишем.

Они еще мгновение смотрели друг на друга, каждый видел собеседника в виде трехмерной эфемериды... Устюгу надо было только сделать движение — включить автомат схода с орбиты, — и через четверть часа, меньше — через двенадцать минут он подошел бы к Финишу, выбросил переходник, принял на борт финишкомиссию — медиков, таможенников... Устюг не сделал движения — медлил.

— Да нет, связь чудит, — успокоительно сказал диспетчер. — Что другое?

— Знаешь, — медленно проговорил Устюг, — может, и связь. Но за аппаратуру отвечает Рудик. И я не поверю, чтобы у Рудика связь делала, что хочет, а он даже не предупредил бы меня. Подумай: может, еще чем-то можно объяснить эту ерунду?

А ведь можно было еще чем-то. Диспетчер помнил только, что объяснение было страшненьким. Спине вдруг стало жарко под летней рубашкой. Что-то очень страшное было. Но что?

— Понял тебя, — сказал он и продолжал официально: — Капитан Устюг, разрешение на маневр отменяю. Займите резервную орбиту.

— Есть, — невесело ответил капитан Устюг.

У командующего Трансгалактическим флотом была бессонница. Уже третью ночь она не отпускала его — с тех пор, как вдруг, ни с того ни с сего, без всякого вроде бы повода, при швартовке посыльного катера взорвался Одиннадцатый спутник Звездолетного пояса; на нем было три человека — дежурные операторы. Третьи сутки командор тщетно пытался понять причину взрыва (опыта у него было, наверняка, побольше, чем даже у трех комиссий) — и не мог. И вот он, уже устав думать, сидел на веранде своей квартиры, которую от расстройства чувств даже увел с того места, где она простояла два года, и установил на двести метров выше, в третьем воздушном ярусе, — сидел на веранде и смотрел на звезды, где были его корабли и куда ему самому разрешали выходить не чаще раза в год. Вызов командор услышал не сразу. В комнате он не зажег света и разговаривал, глядя сквозь нижнее окно на огни наземных сооружений. Потом он машинально перевел глаза вверх,

хотя Большой Космофиниш находился сейчас над другим полушарием Земли, под ногами.

— Не понимаю, — сказал командор. — Он прибыл или нет? Тогда в чем же дело?

Его перебили, и он понял, что дело и на этот раз серьезное, раз его перебивают. Он попытался застегнуть халат, забыв, что это не тужурка. Потом зажег свет, протянул руку к справочнику и нажал букву К — «консультанты».

Профессор доктор Функ ворчливо сказал:

— Уснуть в мои годы — это искусство, а вы меня будите. Почему теперь происшествия случаются исключительно по ночам? Ну хорошо, хорошо...

Он был стар, и каждый раз, когда его, непременно члена Консультативного совета Трансгалакта, внезапно вызывали, не спрашивал о причине. Глубоко в нем обитало упование дожить до первого Контакта, и он всегда надеялся, что на сей раз его вызывают именно по этому поводу, и не спрашивал, чтобы не разочароваться раньше времени.

— Ах, зеркальное изображение, — сказал физик доктор Функ, позевывая. — Да, конечно, может быть, виновата связь. Связь, связь. — Он помолчал. — А может быть, и не связь. Говорить с ним можно? Тогда спросите-ка его... Координаты ведь устанавливаются при помощи оптики, а не электроники? Вот и спросите, как устанавливались координаты и не происходило ли при этом чего-нибудь такого. Если оптика дает им нормальное изображение, значит, виновата аппаратура связи. Итак, вы поняли? Не было ли при ориентировке чего-то такого... неразумного. — Слово ему понравилось. — Вот именно — неразумного.

— Капитан Устюг, как устанавливались координаты после выхода из сопространства?

— Ориентировались нормально: курсовая — с Полярной на Солнце, третья точка — Капелла.

— А четвертая? — спросил командор.

— Хорошая космическая практика, командор, рекомендует брать четвертую в случае сомнений. А у нас сомнений не было.

«Нахал», — подумал командор.

— Зато у нас есть. Уточните положение по четвертой.

— Есть, — ответил дисциплинированный капитан.

Четвертая нужная звезда оказалась вдруг совсем не в той стороне. Человек вошел в комнату через дверь, пошел прямо — к окну. Внизу, естественно, пол, наверху — потолок, а справа должен быть стенной шкаф. И вдруг оказывается, что стенной шкаф — эта самая четвертая звезда — оказался слева, а чтобы он снова был справа, потолку надо опуститься и лечь под ноги, а полу — вознестись над головой. Капитан с Луговым вертели и так и этак — не помогало.

— Словно мир перевернулся, — сказал капитан. — Что за... магия?

— Ну вот, — сказал доктор Функ. — При чем же тут связь? Решительно ни при чем.

— В чем же дело, доктор?

— В чем? — вдруг рассердился Функ. — Как — в чем? Почему вы это спрашиваете? — Он кричал фальцетом. — Они претерпели зеркальную инверсию! Весь корабль!

Он умолк. Командор ждал. Функ пожевал губами.

— Объяснение, насколько я могу судить, имеется одно: где-то там, в неизвестное нам время и в неизвестных условиях, вещество корабля и всего, что на нем находится, изменило знак.

— Так что теперь?.. — спросил командор после новой паузы. Он спросил тихо и, казалось, даже робко.

— Теперь они, вероятнее всего, состоят из антивещества, — буркнул Функ и отвернулся.

Молчание длилось минуты две. Потом командор спросил:

— Вам все ясно, диспетчер? Чего же вы ждете?

— Да, — сказал диспетчер неслышно, откашлялся и уже громко повторил: — Да. Все ясно.

— Действуйте.

— Устюг, — проговорил диспетчер. — Только спокойно. Ни шагу с орбиты, ни на миллиметр. Пассажиры спят?

— Как и положено.

— Не будить.

— Что с нами?

Диспетчер не ответил. Он включил общий канал.

— Всем: восьмой объявляет тревогу. Блокировать старты. Освободить пространство до четвертого маяка...

Происшествие случилось у него, и теперь он был главным в космосе. Он вдруг, задним числом, похолодел: стал бы «Кит» швартоваться, вот наломали бы дров... Тринадцать пар глаз в зале уперлись в него, свой голос он слышал со стороны: слова разносились по трансляции. «Не пересекать орбиты «Кита», не приближаться к нему ни при каких условиях. Ничего и никого с «Кита» не подбирать. Постамам развести корабли...»

Совещание закончилось. Остатки дыма клубились где-то под прозрачным потолком, розовевшим потому, что здесь, в Космоцентре, только занималась заря. Командор подошел к секретарю, переключил кристалл на исходную позицию и приготовился прослушать все сначала. Он любил еще раз выслушать все в одиночестве: при этом иногда возникали дельные мысли.

Первый голос в записи был его собственным:

— Капитан! Расскажите, пожалуйста, как проходил рейс.

Капитан (откашлявшись, хрипловато — связь чуть изменяет его голос): Значит, так... Взяли груз и пассажиров на Анторе. Загрузка тридцать процентов: не сезон. Разгон прошел без нарушений, никаких странностей не наблюдалось. Нашли точку, своевременно вошли в прыжок...

Физиолог: Как чувствовали себя люди после прыжка?

Капитан: Вышли из коконов. Был проведен положенный осмотр на медкомбайне. Жалоб не было, объективные показатели в пределах нормы — чуть лучше, чуть хуже, как обычно.

Функ: Дальше, дальше, пожалуйста. Как проходил полет в сопространстве?

Капитан: Ну, я бы сказал — нормально. Все время, с прыжка до выхода, не было ни вибраций, ни отказов, ни каких-либо иных нарушений.

Функ: Это субъективно. А приборы?

Капитан: Я просмотрел записи. Никаких отклонений.

Функ: Хорошо, капитан. Теперь расскажите, а что наблюдалось... снаружи?

Капитан: В сопространстве?

Функ: Вот именно.

Капитан (не сразу): Вообще, как вы знаете, нам не разрешается...

Функ (нетерпеливо): Да, да! Но все смотрят. Говорите, это крайне важно.

Командор: Рассказывайте, капитан.

Капитан: Да ведь вы знаете, как это выглядит: полный ноль. Даже не скажешь, пустота это или нет, тьма — или еще что-нибудь. Так что видеть там нечего, и если мы все же что-то угадываем, то потом оказывается, что впечатление у всех разное, и, значит, мы видим что-то в себе, а не снаружи. Мне, например, обычно кажется, что мы висим неподвижно, а от нас во все стороны расходятся такие — ну, коридоры, что ли. То есть у них, понятно, нет ни стен, ни потолков, ничего, но только я знаю, что это — разные коридоры, и они вертятся, как спицы колеса, в котором я — ось. От этого вращения начинает кружиться голова, и выключаешь экран. Стараешься только не изменить ненароком режим — там, если чуть сдвинешься, вынырнешь потом, наверное, неизвестно, где.

Функ: Капитан, вот в этом «ничего» вы не заметили чего-нибудь, что было бы не таким, как всегда? Хотя бы мелочи...

Капитан: Совершенно ничего.

Услышав тихое жужжание вызова, командор остановил запись и нагнулся к интеркому.

— Командор, вы приказали доложить вам о встречающих «Кит». Они тут, и ожидают, как обычно, отправки на Космофиниш. Мы, по вашему указанию, разместили их в отдельном зале.

Командующий откликнулся не сразу.

— Они волнуются?

— Пока нет, командор. Не более, чем обычно. Им объяснили, что финиш корабля несколько задерживается.

— Пусть подождут. Я буду, как только что-нибудь выяснится.

Командор повернулся к секретарю.

Функ: Ах, какая жалость, что меня там не было. Я уже давно говорю о необходимости специальной экспедиции... пока я жив.

Командор: Вынужден просить участников не отвлекаться. Доктор Функ, и лично вас.

Функ: Хорошо, но мы еще поговорим об этом в Совете.

Командор снова наклонился к аппарату.

— Слушаю!

— Докладываю: по вашему приказанию чистильщик уравновесился на орбите «Кита», на безопасном расстоянии от него.

Командор почувствовал вдруг, как влажнеет ладонь — словно в ней был зажат флазер, который он направил в спину друга.

— Пусть остается там впредь до распоряжений.

Он снова стал слушать кристаллического секретаря.

Командор: Как это могло произойти? И чем мы можем помочь кораблю?

Функ (после краткой паузы): М-м... Трудно сказать. Полагаю, что современный уровень знаний не дает нам возможности исчерпывающе объяснить происшедшее. Дело в том, что у нас нет единых воззрений на сущность сопостранства, хотя практически мы его используем. В этом нет ничего необычного: пользовались же люди электричеством, не понимая его сущности. Если исходить из представлений Бромли...

Командор: Можете ли вы дать нам какие-то практические рекомендации? Способна наука помочь нам спасти людей?

Сейчас будет пауза, подумал командор. Сейчас они посмотрят на капитана и переглянутся, как светила медицины у постели человека, о котором уже знают: иноперабилис. Потом глаза их опустеют, и консультанты будут смотреть уже не на капитана, а сквозь него, будто члены трибунала, подписавшие приговор, который обжалованию не подлежит. Они посмотрят, и мне станет больно и страшно за этого парня, и за его экипаж, и за всех людей (просто счастье, что на сей раз их немного), но больше всего именно за капитана, потому что ему будет хуже и труднее, чем остальным — в тринадцать раз хуже и труднее. А мы ничем не сможем помочь ему, ничего не сумеем принять с борта, ничего — передать, и даже

долго прощаться с ним — не в нашей власти. Ага, сейчас старик заговорит опять...

Функ: Собственно, практическая сторона вопроса представляется нам ясной. По уже упоминавшимся причинам всякий контакт с кораблем грозит катастрофическими последствиями. И единственным выходом может быть... может быть...

Пауза.

Физиолог: Позвольте, позвольте. Да отойдите же, дайте ему дышать! Расстегните... Одну минуту... (пауза). Сейчас он придет в себя. Нужен санитарный аэраплан.

Функ (едва слышно): Ничего не нужно, глупости. Я сейчас.

Командор (выждав, пока Функ окончательно приходит в норму): У нас принято перед тем, как решать, окончательно убедиться в справедливости предпосылок. Пока, насколько я понял, все выводы делаются лишь на основании зеркальной инверсии. Капитан, у вас на борту остались ракеты-зонды? Тогда сделайте вот что: отойдите подальше от Космофиниша — вам укажут место — и выпустите одну ракету в... ну, во что-нибудь...

Диспетчер: Разрешите... На орбите находится маяк, выброшенный «Лебедем». Если вы позволите...

Командор: Выпустите ракету в маяк. Если предположения ошибочны, взрыва не произойдет. Тогда вы немедленно получите разрешение на финиш. Если же сильный взрыв все-таки будет, тогда... И постарайтесь сделать это в одиночку. Чем занят экипаж?

Капитан: Все спят. После того, как финиш отложили, я приказал экипажу отдыхать.

Командор: Хорошо. Пусть спят.

Пауза.

Командор: Теперь, когда капитан нас не слышит, хочу спросить: неужели же вся современная наука и техника, требующие и получающие колоссальные средства, не в силах спасти несколько человек?

Физиолог (мрачно): И сегодня люди умирают порой во цвете лет рядом, на Земле или в самом близком космосе, а мы не в силах им помочь.

Командор: И все же подумаем в последний раз: что мы можем сделать и что посоветовать им?

Многие так и не подняли глаз, вспомнил командор, но кое-кто переглянулся в нелепой и наивной надежде, что один из них — сейчас, вдруг, по наитию — найдет верный способ поставить все на свои места, заменить антипротоны и антинейтроны в ядрах атомов, из которых состоял теперь «Кит» и все на нем, на безопасные протоны и нейтроны, обратить позитроны на орбитах в электроны — и корабль плавно сойдет с черты выжидания, а Земля начнет вырастать на его экранах... Но никого не осенила благодать, никто не нашел способа и не попросил слова.

Функ (его бормотание с трудом можно расчленить на отдельные слова): Мы знаем, что такое антивещество, и знаем, в результате каких реакций возникают античастицы. Но мы не умеем превращать даже атомы элементов — не говоря уже о живой материи. Мы еще не пришли к этому. Не имеем представления, как это делается. Нельзя двигаться с максимальной скоростью сразу во всех направлениях физики... (Кричит внезапно и отчаянно): И все-таки это черт знает что! Это никуда не годится! Свинство, величайшее свинство! Мы слишком много думаем о своей безопасности! Мы должны, обязаны... окружить их энергетическим экраном... опустить на Землю или хотя бы изолировать в пространстве... и работать, работать над этой проблемой, пока не решим ее!

Кто-то из консультантов: Или пока ничтожный перебой в энергоснабжении не нарушит на долю секунды стабильность экранов. Совершенно ли исключена такая возможность? Сколько времени займет строительство подобной энергосистемы? А они? Пассивно ожидать спасения можно дни — но не годы. А любая активность с их стороны в этих условиях будет губельна.

Командор: Что же... что они должны сделать?

Функ: Уходить. И поскорее. В пределах Солнечной системы они будут таять, как сахар в чае — медленно, но верно. Я уже не говорю об угрозе, какую они представляют для всего остального. Раз мы не уверены в возможности изолировать их — значит уходить.

Командор: Куда?

Функ: В никуда. В ничто. Туда, где меньше вещества.

* * *

Хороший администратор должен знать бездну всяких вещей, в том числе и то, каков порядок финиша и высадки пассажиров трансгалактического корабля. Администратор Карский это знал, и еще перед тем, как лечь в кокон, принял меры, чтобы проснуться пораньше и выиграть время для приведения в окончательный порядок мыслей и эмоций. Как-никак, наступающий день должен был стать величайшим в его жизни; тут и самая устойчивая нервная система может дать сбой. Карский не хотел ни единым словом или жестом испортить впечатление, какое должен будет произвести на тех, с кем ему предстоит работать целый год. Администратор заранее поставил таймер электросна на нужную отметку, без труда нашел выключатель автоматики кокона, перевел его на автономную регуляцию и лишь после этого позволил себе лечь и уснуть.

Электросон отключился своевременно. Карский медленно открыл глаза. Голова была ясной, чувствовал он себя великолепно. Всем телом он прислушался, но не ощутил той мелкой, проникающей даже в глубь кокона вибрации, которая сопутствует большим перегрузкам. Можно было выходить. Он нажал кнопку, и крышка кокона неспешно поднялась.

Было тихо, и воздух прохладен и чист, как утром в горах. Карский любил тишину и знал, что в предстоящем году ему редко придется пользоваться ее благами. Тем приятнее было насладиться покоем сейчас, когда все пассажиры спали, а экипаж был занят посадкой. Администратор медленно, с наслаждением растягивая секунды, занялся утренней процедурой. Дыхание, гимнастика для мускулов, для внутренних органов, для нервов, массаж... К храму духа люди давно уже стали относиться серьезно; минули времена, когда резервы и возможности тела тратились так же бездумно, как и ресурсы всей планеты, когда гордились, если работой и пренебрежением к здоровью доводили себя до болезни — хотя если бы они довели до такого состояния свое предприятие, то предстали бы перед судом... Покончив с гимнастикой, Карский принял ванну, еще раз проверил, все ли уложено. Заказал кофе, и уже через минуту из ниши в стене, где находился

выход синтезатора, вынул сосуд, источавший вкусный запах. Отпил глоток и стал еще раз продумывать предстоящее.

Думалось хорошо, все представлялось четким и рельефным. Он вспомнил о жене. Вдруг захотелось сказать ей хоть несколько слов, однако показываться экипажу сейчас, когда пассажиров еще не будили, было бы с его стороны бестактно. До пробуждения остальных, по его расчетам, должно было пройти еще около часа; столько администратор мог и потерпеть, а жене и в голову не пришло бы ожидать его звонка... Администратору нравилось сознавать, что он остается скромным человеком, не старается выделиться, не подчеркивает своей исключительности, которая — он верил, да и все остальные верили — была абсолютно реальной. Вместо прохладного разговора с женой оставшийся час можно было использовать, чтобы еще раз, на свежую голову, просмотреть составленный еще на Анторе текст своего выступления.

Главное, кажется, в нем было сказано.

Карский задумался, проверяя, так ли?

Ему нравилось время, в какое выпало жить и работать. Время было интересное и ответственное.

Федерация ширилась. Еще трудно было сказать, на какие рубежи она выйдет лет через десять — пятнадцать. Но уже и сейчас она насчитывала десятки обитаемых планет в различных звездных системах. По сути, близился к концу первый этап ее развития: освоение планет, от природы пригодных для обитания человека, планет земного типа. Их было не так-то уж много, и почти все ныне заселены и входили в состав Федерации. Она являлась тем единством, которое давало ячейкам человечества возможность существовать, развиваться и крепнуть, предоставленная самой себе, любая из них вряд ли отметила бы и десятилетие со дня основания. Федерация делала возможным старт каждого нового поселения на планетах с определенного — высокого — рубежа.

Каждая, уже освоенная, планета становилась форпостом для дальнейшего продвижения в глубь Галактики. Но центром Федерации по-прежнему оставалась Земля — старейший из обитаемых миров, родина цивилизации, организационных форм и общественных идеалов, резиденция Совета Фе..

дерации, объединявшего представителей всех населенных планет.

Задачи Совета были сложны. Главным теперь являлось не производство материальных ценностей, которое осуществлялось ныне как бы само по себе — машинами под руководством машин. Главным было общество — его жизнь, его развитие, неравномерное на разных планетах, его потребности, их рост и управление ими.

Всякая потребность, знал Карский, есть производное двух величин: необходимости и фантазии. Чем дальше, тем больше увеличивалась роль фантазии в определении потребностей, и уменьшалась необходимость. Фантазия безгранична, и если дать ей возможность безудержно расти, она намного обгонит любые производственные возможности. А именно в разрыве между тем, что есть, и тем, что можно себе представить, не ограничивая воображения, и возникает неудовлетворенность.

Воображение следовало ограничивать, чтобы оно опережало реальные возможности лишь настолько, насколько нужно. Ограничение должно было быть сознательным. Оно так же требовалось для общественного здоровья, как умеренность в еде — для здоровья отдельного человека. Отсутствие ограничений могло привести общество к ожирению.

Это — первое, отметил про себя Карский. Второе, также касающееся дел материальных, — сырье.

Кибернетизировалось производство изделий, но не добыча сырья. Запасы его на Земле скудели. Слишком много израсходовали люди в прежние, нерациональные эпохи. Сырье ныне приходилось восстанавливать, а часть — импортировать с других планет Федерации; способ дорогой, но неизбежный. Почти треть сырья синтезировалась на тех планетах Солнечной системы, которые пока еще не предназначались для заселения. Здесь без участия людей ничего не получалось, но это способствовало неравномерности развития планет, какая-то часть которых являлась пока лишь поставщиками сырья.

Сложную задачу представляло освоение новых планет. В нем принимали участие граждане и Земли, и других миров Федерации. Очень непросто оказалось находить оптимальные варианты: на других планетах каждый человек порой

был на счету, но эти люди, потомки недавних первопроходцев, лучше подходили для такой деятельности, чем жители давно и традиционно благополучной Земли.

Как всегда, нелегко приходилось с регулированием населения. Здесь постоянно требовалось находить равнодействующую между потребностями общества и желаниями каждого отдельного человека, которые далеко не всегда усреднялись по закону больших чисел.

Но при всем этом основным оставалось регулирование не материального, а творческого производства.

Каждый человек искал возможность максимального самовыражения. Но и здесь бывали свои приливы и отливы, что-то всегда преобладало, а что-то отставало, накапливая резервы для будущего. Приходилось, ничего не ограничивая, предусматривать завтрашнее, а частью и послезавтрашнее, развитие основных направлений и научного, и технического, и художественного творчества. Предвидеть это было важно, потому что для дальнейшего развития творчества неизбежно требовалась материальная база, а она не возникала на пустом месте и не являлась неисчерпаемой.

Очень непросто: суммировать то, что подсказывала история, что говорил ритм развития каждой области творчества, замедлявшийся или ускорявшийся в зависимости от великого множества условий; приплюсовать к этому еще и частоту повторяемости явлений в различные эпохи и возможные, даже неизбежные колебания людских склонностей и вкусов, возникающие как под влиянием известных, но трудноучитываемых, так и под воздействием доселе еще неизвестных и непредсказуемых факторов. Суммировать и, руководствуясь знанием закономерностей развития вкупе с интуицией, сделать правильные выводы. В противном случае общество могло оказаться перед серьезными трудностями, его творческий потенциал не нашел бы своевременного выхода, а это грозило нарушениями общественного здоровья.

В масштабах Федерации подобного еще не случалось, но на отдельных планетах бывало. Например, на той же Ливии, родине Нарева, где, кажется (точно Карский не знал), руководство слишком доверилось своим вкусам и мнениям и не приняло во внимание реальные условия, направления и закономерности развития.

Сейчас, когда на пороге стояла очередная научно-техническая революция, на этот раз в области сырья, множеству людей предстояло найти новое приложение своим силам, чтобы продолжать жить активной жизнью, к которой они привыкли.

Об этом и собирался говорить Карский. Сегодня. На Земле.

Где она там?..

Администратор включил экран.

Широкий белесый серп висел, казалось, рядом. В северном полушарии день, видно, был облачным. Может быть, дождливым. Карский улыбнулся. Вдруг захотелось пройтись под дождем. Невдалеке от размытого внешнего края серпа сияла звезда. Администратор прищурился, ожидая. Серп медленно наползал на звезду, очень медленно. Значит, корабль лежал на орбите. Ждал очереди? Карский поднял брови. Он не впервые наблюдал Землю из космоса, но никогда еще пространство вокруг нее не выглядело таким пустым. Огоньки Большого Космофиниша поблескивали в самом углу экрана; вокруг спутника тоже было пусто. Карский нахмурился. Что случилось в пространстве?

Что-то показалось на экране: светлая точка быстро пересекала его по диагонали. Нельзя было понять, велико ли расстояние до нее — это мог быть и близкий метеоспутник, и идущий вдалеке корабль. Администратор машинально следил за точкой, как наблюдают за единственным движущимся в поле зрения предметом. Изображение укрупнилось: видимо, в рубке связи тоже наблюдали за небесным телом и регулировали кадр. Карский вытянул шею: там, куда направлялся огонек, находилось какое-то другое тело. Столкнутся? Вряд ли: тела могли находиться и очень далеко друг от друга, в пространстве глубина оценивается с трудом. По-видимому, огонек — финиширующий корабль; за ним тронется и «Кит». Администратор улыбнулся. Точки на экране совместились.

Вспыхнуло пламя небывалой мощности. Казалось, пространство взорвалось и извергало огонь, подобно вулкану. Глаза невольно закрылись. Когда администратор открыл их, вокруг стояла чернота, не было ни звезд, ни Земли — слишком ярким оказалось сияние миг назад. Карский чувствовал, как по щекам спускаются слезы. Потом сквозь мглу просту-

пил расплывчатый белый серп, за ним и звезды. В месте взрыва было черно, только искорки вспыхивали и гасли вокруг.

Несколько секунд командор стоял, не произнося ни слова. Собравшиеся смотрели на него равнодушно или с едва ощутимым недоверием, и только два-три корреспондента, всегда крутящиеся в Космоцентре и носом чующие новости, нацелили камеры. Командор долго глядел на репортеров, заставляя себя разозлиться на них, потому что сказать людям то, что он собирался, куда легче, когда ты зол на них, чем когда испытываешь жалость и сочувствие, и ощущение вины в придачу. А тут ходят эти бездельники с камерами, мешают работать, не могут заняться чем-нибудь путным. Кто пустил их? Гнать их надо, гнать!

Он выговорил все залпом, как пьют горькое питье:

— Я вынужден сообщить, что «Кит», встречать который вы прибыли, пропал без вести на границе Солнечной системы. Приняты все меры, чтобы установить, что с ним произошло.

Он говорил — и слышал себя со стороны, как если бы тоже был родственником или другом пропавших, — да разве оно не было так? Было тихо, очень тихо, и стало ясно, что вот сейчас, через долю секунды, тишину эту прорежет первый крик.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Искры в пустоте погасли. Капитан Устюг вынул ключ запуска зонд-ракет, закрыл кожух механизма и встал.

Все спали, а ему было очень скверно, и никто не мог помочь, потому что пока он не имел права ни с кем поделиться своим невеселым знанием. Где-то множество людей, наверное, еще напрягало ум и фантазию, чтобы найти способ спасения его и всех остальных, однако капитан достаточно знал физику, чтобы понять, что между людьми «Кита» и всеми остальными отныне пролегла бездна, и сейчас он в одиночестве стоял на ее краю.

Клубилась тишина, и оставалось достаточно времени, чтобы заглянуть в себя и попытаться сообразить — глубоко ли

его раскаяние в том, что он избрал именно эту из всех возможных дорог. Детская внезапная мысль, как это бывает, определила интересы подростка и юноши, а профессия нередко воспитывает человека еще до того, как он овладевает ею. Желание увидеть недоступное сочеталось в нем со стремлением раскрыть до предела все, что было в него заложено, а потом, в училище и академии, раздумывать было уже некогда и незачем: даже человек, попавший в эту систему помимо желания (если бы такое когда-нибудь случилось), вышел бы из нее убежденным патриотом своего дела, наделенным любовью к профессии и каплей презрения ко всем остальным, презрения не обидного, но необходимого, потому что человек, не считающий в глубине души свое занятие выше всех прочих, — плохой специалист. Начал он Девятым экипажа на многолюдных кораблях, ныне пригодных разве что для музейной экспозиции, и прошел нелегкий путь до Первого в окружении хороших людей, которых любил и у которых учился. Он не сделался одним из тех, кого именуют героями, потому что не попадал в такие ситуации; героизм часто возникает там, где не хватило либо трезвого расчета, либо материальных средств, а экспедиции того времени уже обладали и тем, и другим, и справлялись с делами на совесть. Когда Устюг стал капитаном, ему открылись две вещи: первая — что одни капитаны выходят в адмиралы, а другие — на пенсию и что он из этих вторых: для дальнейшего продвижения требовалось такое честолюбие, каким он не обладал, и такое ощущение неудовлетворенности своей сегодняшней работой, ее буднями, какого у него тоже не было. Второе знание заключалось в том, что капитаном надо быть хорошим. Стремясь стать очень хорошим капитаном, он в глубине души порой жалел, что судьба с определенного времени больше не ставила его в безвыходные положения, не давала возможности проверить, чего же стоит он — зрелый — по самому большому счету. А он хотел этого, потому что иначе никак не заживала ранка в душе, о которой мало кто знал, но он-то помнил.

Это случилось лет двадцать с лишним назад с еще совсем зеленым Устюгом; приключилось вдалеке от трасс, по которым продвигалась цивилизация. Корабль терпел бедствие. Среди участников экспедиции находилась пара, чья любовь

была всеми признана. Но, как это бывает, нашелся еще и третий. Угроза гибели донельзя обострила чувства. Люди не выдержали. Началось с кулаков, кончиться могло совсем плохо. Женщинам стало опасно выходить из кают; никто больше не занимался делом, и надежды выжить оставалось все меньше. Требовалась жестокость и выдержка, чтобы все вспомнили, что они — люди. Устюг понимал это, но не осмелился. Качества проявил другой; его убили, но затем опомнились. Спаслись удалось; в дальнейшем люди старались не встречаться друг с другом. Устюг тогда испугался. Страха он не мог простить себе и по сей день.

Разведка быстро изнашивает людей. После нее Устюг попал на пассажирские. Экипажи тут были малочисленны, а пассажиры явно не походили на участников поисковых бросков за край света. Но Устюг служил исправно потому, что полюбил теперь не только то, что служба давала, но и самое службу, ее процесс, как это рано или поздно случается со всеми, долго занимающимися делом и не имеющими определенного таланта к чему-либо другому.

И вот теперь, когда судьба поставила-таки его в безвыходное положение, он стал понимать, что был не совсем точен ранее, как и все остальные, кто тоскует о том же: не о безвыходных ситуациях мечтают они, но о таких, откуда выход есть — только он не каждому виден, и не каждый способен, даже заметив, им воспользоваться. Квазибезвыходные положения — так, пожалуй, следовало бы их определить; положение же, по-настоящему безвыходное, возникло сейчас, и деваться оказалось некуда. Настало самое время спросить: жалеешь? — и, поразмыслив, ответить: нет. Потому что сожаление об избранном образе жизни сейчас оказалось бы предательством по отношению к тем, кто выбрал то же — и погиб раньше, не успев и не желая разочароваться.

Он сам видел, как гибли некоторые из прекрасных и спокойных товарищей. Такова была специфика. Возможность печального исхода предполагалась в разведке заранее; значит, его никто не подвел и не обманул, не стоило обижаться ни на других, ни на себя. Просто его гибель растягивалась, агония могла оказаться долгой. Но кто знает, каково приходилось тем, у кого она была краткой?

Придя к такому выводу, капитан кивнул. Играла музыка. Он вслушался: Лунная. Капитан усмехнулся. Аппарат — подарок друга детства — работал исправно: улавливая поле капитана, он сам выбирал кристалл с записью, соответствующей настроению человека. Это был прекрасный анализатор психики, жаль только, что перенастроить его на других не удавалось; изобретатель так и не взял патент и не обнародовал изобретения — в принципе он был против контроля над людской психикой и лишь своим друзьям дарил небольшие ящички с ежиком коротких антенн; частота каждого прибора была строго фиксированной. Итак, автомат понял настроение капитана раньше, чем сам Устюг; дальнейшая программа действий предписывалась музыкой. Капитан стоял, пока запись не кончилась. Потом вышел из центрального поста и пошел по кораблю — по своему дому, своему миру, своей жизни.

Устюг бродил по «Киту», но прощался с Землей. Привея чувства в порядок, он старался понять, постичь, привыкнуть к тому, что с ними произошло, но это никак не получалось. Прощание выходило формальным: капитан еще не осознал до конца, что вот этой Земли, на которую он глядел сейчас из прозрачного купола обсерватории, ни в его жизни, ни в жизни остальных, находящихся на борту, больше никогда не будет.

Потом, в другом корпусе, прислонившись лбом к холодному кожуху одной из батарей, он вдруг понял, что постичь это нельзя так же, как нельзя понять смерть: невозможно уразуметь то, о чем ничего не знаешь. Земля была в их жизни всегда, даже у тех, кто ни разу не посетил этой планеты, родился и вырос в какой-то из далеких звездных систем. Земля была, и что теперь придется обходиться без нее, не достигало сознания.

В пассажирскую палубу Устюг пришел, сам не желая этого: привели ноги. Он остановился около одной из кают, он знал, кто живет в ней, и ему чудилось, что он слышит легкое дыхание Зои, хотя даже мощный храп Еремеева не мог бы донестись из кокона.

Он стоял у двери и даже не думал о Зое, но всем существом чувствовал ее реальность и ощущал, как — вопреки всему — растет в нем радость. После того давнего случая он

испытывал перед женщинами ощущение вины, потому что не он уберег их; поэтому он их сторонился. Сейчас чувство вины вдруг обратилось в другое, огромное, казалось ему, настолько, что даже после потери Земли у него оставался целый мир и целая жизнь.

Не хотелось уходить отсюда... Потом капитану показалось, что у стены, в кресле, кто-то шевелится. Устюг подошел; в полумраке он узнал пожилого пассажира Петрова, который весь рейс (кроме тех часов, что пассажиры провели в коконах при входе в сопостранство и выходе оттуда) просидел в одном и том же кресле. А ведь на самом деле, подумал капитан, вглядываясь, Петров вовсе и не был так стар. И вряд ли только старческой бессонницей объяснялось то, что он сидел тут, когда всем пассажирам полагалось спать в коконах, чтобы уберечься от перегрузок при посадочных эволюциях.

— Почему вы здесь? — строго спросил Устюг.

— Не знаю, — помедлив, негромко ответил Петров. — Мне электросон противопоказан, да и сколько спят в мои годы?

Помолчали. Капитану не хотелось оставаться одному.

— У вас есть кто-нибудь там?

— На Земле?

— На Земле, на планетах — все равно. В мире.

— Жена, — ответил Петров. И после паузы добавил: — Моложе меня.

Капитан вздохнул.

— Надо спать, — сказал он.

— Думал дождаться. И время пришло, а корабль словно вымер. Что-то стряслось, капитан? У нас неисправности?

Словно во сне: полумрак, приглушенные голоса... Капитану показалось на миг, что ничего не произошло: слишком невероятным все было. И вместо того, чтобы выговорить пассажиру за самовольный выход из кокона, он ответил:

— Корабль в порядке.

— Значит, сообщение с Землей установлено?

— Нет. Никто не может сойти с корабля. Даже я.

— Даже вы. И даже администратор Карский?

— И он.

— Что же испортилось? Неисправности на Финише? На Земле? Что разладилось?

Капитан подумал.

— Мир.

— Ага, — сказал Петров не удивившись. — Но это бывало и раньше. Что же, может, я еще вздремну. — Он поднялся, и капитан увидел рядом его глаза и по глазам понял, что на самом деле Петров очень хочет спать.

— Укройтесь в кокон, — сказал Устюг вдогонку.

Петров кивнул и скрылся в своей каюте.

Что-то было не в порядке. Администратор чувствовал: что-то не так. Странно, необычно. Тревожно.

Пустое Приземелье. Взрыв. Непонятная неподвижность корабля. (Карский так и подумал «неподвижность», хотя «Кит» двигался, конечно, по занятой им орбите.) Безмолвие внутри. Что произошло? Опыт не подсказал ничего, с чем можно было бы сравнить нынешнюю ситуацию. Между тем время шло. Пространство на экране по-прежнему оставалось безжизненным. Легко представлялось, что Земля перестала быть обитаемой.

Администратор решительно шагнул к выходу.

В салоне было почти совсем темно. Карскому показалось, что где-то с легким шелестом открылся и закрылся вход в каюту. Он оглянулся, но никого не увидел.

Покинув салон, администратор подошел к шахте лифта, соединявшего пассажирские палубы с ярусами, где находились центральный пост и каюты экипажа.

Как и все люди, не служившие на кораблях, но лишь пользовавшиеся ими как средством транспорта, Карский невольно воспринимал салон, залы и комфортабельные каюты «Кита» как центр и основу этого сложного инженерного здания. Палуба управления, с ее скупой и рациональной отделкой, с другой, инженерной элегантностью, сверканием приборов, ярким белым светом и едва уловимым запахом теплых механизмов, показалась администратору неожиданной и даже чуждой кораблю. Но у него не оставалось времени на оценку впечатлений, и он уверенно двинулся вперед по коридору.

— Стой! — услышал он.

Вздвогнув, Карский остановился. Оглянулся. Никого не было. Но голос звучал, монотонный и негромкий.

— Ты перекрыл среднюю? Ты перекрыл среднюю?

Администратор принужденно усмехнулся: он понял, в чем дело, и зашагал дальше.

— Внешние включены, — сообщил другой голос. — Включены.

— Внимание, внимание. Семнадцатый просит внимания. Индекс пять — выше.

— Будь осторожен: второй в режиме...

— Три, семнадцать, восемьдесят восемь, два, два...

Это говорил корабль, докладывая вошедшему о том, что беспокоило или, напротив, должно было успокоить людей. Корабль следил за собой сам; иначе три человека не смогли бы даже стронуть его с места, не говоря уже об управлении тысячами механизмов во время многонедельного полета.

Корабль говорил, но людей не было. Не ощущалось никакого движения, словно бы экипаж вовсе не готовился завершить рейс.

Администратор опять взглянул на свой хронометр. Каждый раз он делал это все более нервно.

Он ускорил шаги и, подойдя ко входу в центральный пост, всей ладонью нажал пластинку.

Вход не открылся. Такой же монотонный голос проговорил:

— Вход только для членов экипажа. Извините.

Администратор поднял руку к нагрудному карману. Вынул тонкую пластинку: удостоверение Совета Федерации открывало доступ в любое помещение, где бы оно ни находилось и сколь бы ни был ограничен круг людей, имевших право на вход. Карский поискал глазами и нашел узкую щель. Вложил туда пластинку, придерживая за край пальцами.

Ничего не изменилось. Лишь фраза, произнесенная автоматом, прозвучала иначе:

— В центральном посту никого нет. Доступ запрещен. Извините.

Карский озадаченно сжал губы. То, что автомат не впустил его, было естественно: центральный пост корабля принадлежал к помещениям, которые можно было посещать лишь в присутствии специалистов, так что не это беспокоило

администратора. Но, значит, в посту нет ни одного члена экипажа, хотя корабль находится рядом с Землей?

Это уже говорило о неблагополучии.

Что могло произойти? Вымерли все, что ли? Или экипаж съехал на Финиш, не разбудив пассажиров? А может быть, все успели высадиться, а он проспал и о нем забыли? Бред какой-то.

Но не случилось ли... не случилось ли чего-то на Земле?

Что же именно? Катаклизм? Эпидемия? Война? Вторжение пришельцев?

Мысли, как на подбор, приходили одна глупее другой.

И все же что-то произошло. Судя по тому, что на корабле все, кажется, исправно, беда стряслась именно на планете.

На Земле беда, а он, член Совета Федерации, заперт на корабле. А ведь в беде каждый руководитель на счету, для каждого найдется задача, которая, может быть, только ему и под силу. Нельзя оставаться здесь. Долг требует его присутствия там, где трудно. В центральный пост не попасть, значит, связаться с Советом нельзя. Надо действовать иначе — и решительнее.

Карский принял решение, шагая по коридору назад, больше не обращая внимания на корабельные голоса.

В каюте он взял самые необходимые документы, уложил их в чемоданчик и вышел в салон.

Стояло безмолвие. Чуть задрожал пол — это внизу включился и через несколько минут выключился какой-то из дежурных механизмов. Администратор направился к выходу. Он шагал уверенно, как человек, знающий, что он осуществляет свое право.

Когда он скрылся за дверью, из своей каюты вышел Петров.

Между пассажирской и катерной палубами было прямое сообщение — путь эвакуации, но Карский не стал пользоваться им: возможно, это привело бы в действие сигналы тревоги. Администратор подошел к переборке, за которой пролегла главная шахта корабля, нащупал пластинку и открыл ход. Ногой он нащарил первую ступеньку винтовой лестницы, углублявшейся в шахту рядом с колодцем лифта, и начал спускаться.

Далеко вверх горел слабый свет. Ступеньки негромко гудели под ногами. Карский спускался долго. Потом у самых глаз его вспыхнула красная надпись. Она мигала.

ОПАСНО! ОПАСНО!

Администратор повернулся и стал подниматься. Он едва не столкнулся с Петровым.

Оба отступили на одну ступеньку каждый и несколько секунд стояли, пытаясь разглядеть друг друга.

— Кто тут? — спросил администратор вполголоса.

— Пассажир Петров. А это, значит, вы, администратор?

— Зачем вы идете за мной?

— Я не собираюсь мешать вам.

— Вы знаете что-нибудь — что произошло, почему нас не высаживают?

— Нет. Но может быть, не стоит рисковать?

— Почему вы думаете?..

Петров не ответил.

— Мне нужно быть на Земле, — сказал администратор.

— Что же, — почти равнодушно ответил Петров. — Мне тоже. Я с вами.

Карский чуть помедлил, оценивая решимость, с которой были произнесены эти слова. В жизни, как и в политике, он был реалистом.

— Идемте. Двадцать ступеней вверх. Я проскочил.

Они поднялись.

— Стойте. Я пройду вперед.

— Нет, — сказал Петров.

Они сделали несколько шагов по темному коридору.

— Теперь, пожалуйста.

— Тут.

— А вам дадут сесть на Финише?

Карский помолчал, нащаривая вход в эллинг. На этот раз его пластинка сработала. Послышался легкий звон.

— Ага. Вот мы и почти дома.

Устюг бродил по кораблю и думал, думал, пока не устал. Тогда он вернулся в центральный пост.

На панели горел зеленый огонек вызова. Капитан включил триди-связь, стараясь не торопиться, но голос его, помимо воли, прозвучал чуть заискивающе, потому что надеж-

да ожила в душе. Командор вышел из ничего и уселся в нише триди-экрана. Капитан взглянул на него, понял и сказал:

— Я вас внимательно слушаю.

— Что будешь делать?

— Откровенно говоря, командор, не знаю. Вот хотел вспомнить — может быть, такое уже случалось с кем-нибудь — хотя бы в книжке. Не вспомнил. Никакого опыта. Значит, обстановка покажет. Или... удалось что-нибудь придумать?

Командующий флотом ответил не сразу?

— Да, приоритет твой неоспорим... Нет, ничего радостного. Расскажу. Но сперва вот что: Совет хочет говорить с администратором Карским.

Устюг понимающе кивнул.

— Есть.

— Разбуди его. Объясни ситуацию. Я обожду тут.

— А вы осторожно ведете, — одобрительно сказал Петров. Рука администратора лежала на секторе тяги.

— Идем на допустимой здесь скорости. В Приземелье порой приходится измерять тягу граммами, а расстояния — сантиметрами. — Рука слегка отвела сектор, катер ощутимо дрогнул. — Тут не летают по прямым, да это и не нужно. — Администратор взгляделся. — Это что еще за чучело? Пропустим его.

Странная машина виднелась впереди — цилиндр со слегка расширенными торцами, подобие катушки для ниток. Кораблик ничем не напоминал трансгалактические лайнеры и медленно дрейфовал по своей орбите, затемняя звезды.

— Таких я не встречал, — признался Петров.

— Какая-то из вспомогательных машин. Не все ли равно?

— Командор, его нет!

— Администратора?

— И катер выброшен.

Командор хмуро кивнул.

— Следовало ожидать.

— Это опасно, командор.

— Можете не объяснять. Ждите, я вызову вас потом.

— Администратор! — Петров схватил Карского за руку. — Смотрите!

Карский мгновенно включил тормозные.

— Режет нос, словно на свете нет правил! Задайте жару портовым властям!

— Сначала надо попасть в порт. Этот, кажется, идет к Финишу. Может быть, он знает, в чем дело? Переключите связь на общий канал. Нулевой.

— В этом я разбираюсь.

Переключатель щелкнул, и тесную кабину катера наполнил крик:

— Катер «Кита»! Если не будет ответа...

Администратор откашлялся.

— Борт в кубе пять — тридцать — восемьдесят два! Что происходит? Почему Финиш не принимает корабли? Ответьте!

Петров напряженным голосом спросил:

— Что он, по-вашему, собирается делать?

Кургузый корабль уравнил скорости. Он шел теперь как-то боком, обратившись торцом к катеру. Администратор услышал:

— Катер, к вам чистильщик. Немедленно тормозите и возвращайтесь на ваш корабль!

— Диспетчер Космофиниша! — позвал администратор. — Я катер «Кита». Прошу приказать капитану в кубе пять — тридцать...

Голос диспетчера перебил его:

— Катер, выполняйте указание: немедленно тормозите!

Заговор, — мелькало в мозгу Карского. — Что-то с Советом, иначе трудно предположить... Нет, ни за что!

Петров видел, как сжались пальцы администратора на секторе тяги. Карский, упрямо наклонив голову, четко произнес:

— Диспетчер, я администратор Карский, член Совета Федерации. Тороплюсь. Прошу обеспечить свободу маневра!

— Я чистильщик! — вмешался голос с корабля. — Готов атаковать катер. Жду команды.

— Крепко сказано, — проговорил Петров.

Карский покосился на спутника.

— Я прорвусь.

— Вы рискуете, администратор.

— Бойтесь?

— Не за себя.

Карский двинул сектор. Катер набрал скорость.

— Оператор, видите цель?

— Вижу катер.

— Пять секунд. Внимание! Четыре!

— Командир...

— Три!

— Командир, что же это? Я не стану!

— Приказываю!

— Там люди!

— Ноль! Импульс!

Оператор молчал.

— Импульс!!!

Командир чистильщика вскочил, отшвырнул оператора от пульта, сел сам. Катер успел уйти далеко.

— Три градуса вправо! — крикнул он пилоту.

— Ради чего, капитан? — тихо спросил пилот.

— Это чума, — сказал командир. — Хуже чумы — смерть.

— Что такое чума? — спросил пилот. — А если смерть, то ведь убить хотим мы?

— Молчат, администратор! Молчат!

— Я ожидал этого: кто способен убить человека?

Карский снова нагнулся к микрофону.

— Терплю бедствие. Прошу помощи. Говорит администратор Карский...

— К вам Слай с чистильщика, командор. Может быть, обойдемся без уничтожения? Я могу ударить его защитным полем.

— Сделайте это немедленно. Моя ответственность.

— Есть!

— Держитесь! — успел сказать Карский.

Петров повернулся к нему, вытянув руки. Администратор так и не успел понять: хотел ли старик обнять его, или наоборот — стиснуть, задушить...

Незримая волна налетела, швырнула катер, закружила. Администратор ударился головой о пульт. Что-то визжало, скрежетало. Массивное кресло со всей защитной системой

сорвалось, налетело на администратора — чавкнуло, хлынула кровь. Петрова что-то задело по затылку, он тоже потерял сознание.

Густая красная капля упала на пульт. Кровь капала из прокушенной губы. Командующий поморщился.

— Капитан Устюг!

— Слушаю вас.

— Надо подобрать катер.

— Настигаю его. Командор, пора что-то делать. Рентгеновское излучение нарастает. И нельзя так долго держать пассажиров в коконах: они не прошли подготовки.

— Хорошо. Тут один из ученых мужей дал такой совет — неофициально: раз это произошло с тобой, вероятнее всего, при переходе, то попробуй несколько раз повторить его. Кто знает, может быть, обстоятельства совпадут, и все образуется.

— Понял, — оживившись, сказал капитан.

— Перед разгоном сбрось катер. Когда выйдешь — разыщи его и выпусти ракету. Он ведь так и останется антивеществом. Ясно?

— Все ясно. Молодец! А почему он неофициально?

— А потому, что ненаучно, — ответил командор.

— Ага, — сказал Устюг. — Против устава, значит. — Он помолчал. — Приближаюсь к катеру. На вызовы не отвечает.

— Думаю, ему там досталось. Но что было делать? Да. Значит, если все пройдет, как надо, сразу гони назад. Устроим вам такую встречу...

Устюг глядел в сторону — на боковой экран, на котором медленно вырастал катер.

— А если нет? — негромко спросил он. — Тогда — закрыть дверь с той стороны?

Командор откашлялся, словно готовясь к речи, но так ничего и не сказал.

— Понял вас, — промолвил Устюг после паузы.

— Да. Тогда, наверное, лучше всего — уходить. Туда, где вакуум поглубже. Обезопасить себя.

— Для чего?

Командор строго взглянул на капитана:

— Жизнь еще не кончена. Пусть сейчас ничем нельзя помочь вам. Но в этом направлении будут работать. Земля —

сила все-таки. Я думаю, надо сделать вот что. Если переходы не дадут ничего нового, останьтесь на таком расстоянии от Земли, чтобы можно было поддерживать связь. Хоть поговорить сможем... И, глядишь, не через год — через три, пять, десять найдут-таки способ. Дело скверное, но не безнадежное, понял? Так что, — он помедлил, — приказывать не могу, но прошу: крайних решений не принимай.

— Точно, — сказал капитан Устюг, — приказывать вы не можете. — Он помедлил. — Попрощаться дадите?

— Вряд ли. А ты бы дал?

— Бойтесь осложнений?

— Словно ты не боишься.

Капитан пожал плечами.

— Не знаю. Может, и боюсь. — Он подумал. — Конечно, сцены будут не для нервных. Но по-человечески...

— Мы тут прикидывали. То, что случилось — непонятно. Непонятное пугает. Общественность потребует прекратить рейсы машин класса «А» до выяснения причин. Поди, выясни! А ведь вся Федерация нуждается в связи с Землей, и класс «А» теперь — основное средство дальнего транспорта... Да что я тебе стану лекции читать! — вдруг разозлился командор.

Он прав, понял Устюг. Он остается на Земле, и ее интересы для него главнее. Не надо свое несчастье делать самым большим на всей планете. Что для человечества — полтора десятка человек? Ну, о Карском еще вспомнят, а мы все? Беда, конечно, но не катастрофа... Раньше было иначе, вдруг подумал он. Раньше место, где жила тысяча человек, считалось уже немалым городом, а ведь тысячу можно знать в лицо, и исчезновение каждого из них заметно. Странно — а жизнь ценили меньше, убивали легко. В наше время не убивают, но что такое — нас тринадцать для пятидесяти миллиардов Федерации, или сколько их уже на сегодня... Крутится машина Федерации и без нас будет крутиться так же. Люди и так не сидят на месте. Сколько мы их перевозили... Каждый абсолютно свободен, но это значит, что вроде бы и не нужен? — вдруг удивился он. — Деталь в механизме несвободна, но только там она и приносит пользу. А если валяется вне машины — она лом, утиль... Но к чему эти размышления? — подумал наконец капитан, и ему захотелось поскорее

закончить разговор и хоть немного расслабиться, прежде чем начать действовать.

— Презираешь нас? — сказал командор. — Но сделай два дела, добро? Заложи все свободные кристаллы в автомат для записи. Я приказал дать тебе столько информации, сколько сможешь принять. Больше ничем снабдить тебя не можем. Запись поведут ускоренно, кодом. Это тебя не задержит.

— Будет исполнено.

— И второе: может, разбудишь экипаж? Я бы им что-нибудь сказал... Экипаж-то хороший? Я ведь только вас, капитанов, и знаю.

Капитан Устюг покачал головой:

— Говорить не надо.

И в самом деле, не надо. Что мог сказать командор? Ведите себя хорошо, слушайтесь капитана? Капитана и так положено слушаться, но в критических ситуациях его слушают только, если он действительно того стоит, а это он должен доказывать сам, не через начальство. Так что уговаривать никого не надо, от этого лучше не станет. Командор это хорошо знал, но считал себя обязанным предложить капитану хоть такую помощь.

— Что ж, правильно. Тебе с ними жить, и жить своим авторитетом. Так... Что еще я могу сделать для тебя лично? На Земле ты — один?

— Давно.

— Значит — ничего?

Капитан серьезно поглядел на командующего.

— Не поминайте лихом.

— И ты не обессудь. Ну, дай руку. Верю. До встречи.

Устюг протянул руку к объемному изображению. Пальцы прошли сквозь пальцы. Потом командор исчез, остался лишь молочно светящийся экран. Вот так, подумал капитан, выглядит дверь этого мира, когда затворяешь ее с другой стороны.

Катер был принят в эллинг. Капитан сам разблокировал и отворил люк. Брови его поднялись: в люке показался Петров. Ссадины делали его похожим на первобытного вождя в боевой раскраске.

— Ну-ка быстрее, — сказал Петров. — С ним беда.

Капитан лишь сжал губы. От старика он таких сюрпризов не ожидал. Ладно, будет время — еще поговорим на эту тему.

Карский был, вероятнее всего, уже мертв. Кабина катера показалась капитану незнакомой: зеленоватые стены ее были усеяны красными пятнами. Устюг вдвоем с Петровым освободили администратора от лежавшего на нем кресла; капитан хотел взять Карского за ноги, но вовремя удержался: одна нога была вытянута под странным, невозможным углом к телу; Устюг посмотрел — и отвел глаза. Левую руку тоже, по видимому, восстановить не удастся. Он дотронулся до руки, Карский вздрогнул. Значит, жив, и на том спасибо.

Вдвоем с Петровым они переправили администратора в госпитальный отсек. Потом капитан срочно вызвал на связь командора. Главный хирург флота был оповещен сразу же. Уход задерживался, и пока врачи, собравшись в Космоцентре, разглядывали на экране не приходившего в себя Карского, капитан, ассистируя им и поворачивая систему рычагов и растяжек, в которой был укреплен Карский, то в одну, то в другую сторону, все чаще поглядывал на индикатор рентгеновского излучения.

Когда медики достаточно нагляделись и начали совещаться, капитан получил, наконец, свободу. Надо было срочно готовить корабль к выходу, но он медлил.

Если бы спасение «Кита» и пассажиров зависело от экипажа, Устюг, не колеблясь, приказал бы любому пожертвовать жизнью, и каждый член команды — а сам он в первую очередь — пошел бы на смертельный риск, будь в этом хоть какой-то смысл.

Метеоритные атаки, зияющие пробоины в бортах, вышедшие из-под контроля реакторы, скрытые, самые подлые нарушения герметичности, выход из строя навигационной аппаратуры, шизофреник, грозящий взорвать корабль, — все эти и многие другие мыслимые несчастья сейчас представлялись ему едва ли не желанными: любое из них призывало к активным действиям, заставляло людей выложиться до конца и не оставляло времени для страха и размышлений о печальном будущем.

А сейчас от них не требовалось ничего, кроме спокойно-го ожидания. И это оказалось вдруг самым страшным.

Люди оставались людьми. Инстинкт самосохранения и боязнь неизвестности, хотя и загнанные дисциплиной и гордостью глубоко внутрь, продолжали жить в каждом. И капитан знал, что в первую минуту — покажут это люди или нет — их неминуемо охватит отчаяние.

Ничто не может быть страшнее отчаяния в замкнутом помещении. Последствия могли быть многообразными, но одинаково печальными.

Поэтому Устюг, напрягаясь, пытался вспомнить до мельчайших деталей, как вели себя инженер и штурман в различных случаях? Память не помогла. Капитан все более убеждался в том, что их совместные полеты на корабле «Кит» были невыразимо благополучны. Острых ситуаций, не говоря уже о критических, в рейсах не возникало — и это было естественно: только так и могли служить на пассажирской машине уважающие себя люди. Конечно, Устюг был знаком с прошлым своих товарищей, хотя оно давно уже не фиксировалось в обязательных документах, традицией являлось — придя на корабль, рассказать о себе. Однако люди, рассказывая о себе, не любят похвальбы — настоящие люди, понятно. И то, что сейчас пригодилось бы капитану, оказалось за пределами этих лаконичных рассказов.

Возможно, он еще не один десяток минут потратил бы на такого рода размышления, но их прервал вызов. Врачи пришли к единому мнению, и капитану было приказано готовить Карского к операции.

Он переключил связь на госпитальный отсек и уложил администратора так, как ему сказали. На экране было видно, как несколько хирургов встали у манипуляторов. Сложная геометрическая система рычагов, вооруженных хирургическими инструментами, опустилась с потолка операционной каюты «Кита» и застыла над больным. Хирург на экране сделал быстрое движение рукой; на своем экране, на Земле, он увидел, как тонкий, блестящий рычаг опустился и повторил его движение, делая разрез. Спасти ногу и руку в этих условиях представлялось невозможным, речь шла о сохранении жизни. К счастью, запас крови на корабле оставался нетронутым. Связь работала великолепно, каждое движение врачей повторялось с запозданием, потребным для того, чтобы волны из Космоцентра дошли до антенн «Кита» — всего лишь.

Капитан заставлял себя смотреть, не отводя глаз: испытание уже началось, и каким будет продолжение, он не знал и должен был приготовиться ко всему. Через сорок минут операция кончилась. Руку и ногу предстояло регенерировать; в корабельных условиях, при его относительно слабой установке, процесс этот должен был растянуться на месяцы. Капитан, выслушивая указания, привел в действие регенератор и укрепил все, чтобы ничто не нарушилось при перегрузках. Лишь теперь он сказал, что на борту есть врач, и в дальнейшем именно она будет вести наблюдение за больным. Главный хирург нахмурился, но не высказал ни слова в упрек, он был не просто врач, а врач Трансгалакта, и понимал, что отступления от правил порой бывают необходимы.

Когда капитан возвратился в центральный пост, там звучала музыка. Устюг усмехнулся: это была Третья Героическая, часть третья — скерцо, аллегро виваче. Он подождал, пока прозвучит негромкий призыв к атаке — так он понимал это место.

— Да, — сказал он себе. Что ж, надо полагать, автомат понял обстановку правильно.

Капитан подошел к пульта и включил сигнал.

В каютах экипажа залились звонки тревоги.

— Наша очередь, мастер? — спросил Луговой. Он был свеж и безмятежен, влажные волосы лежали красиво и свободно. Хорошие волосы, густые, ни сединок в них. Пока что.

— Да, — сказал капитан сухо. — Пришел наш черед.

Инженер Рудик тонко разбирался в капитанских интонациях. Он быстро обвел взглядом центральный пост, но не обнаружил никаких поводов для тревоги.

— Что случилось? — спросил он все же.

— Сядьте. Обрисую обстановку.

Он объяснял недолго. Потом наступила такая тишина, что когда с обычно неслышным щелчком включился климатизатор, им показалось, что ударил выстрел — все трое вздрогнули и подняли глаза; потом головы снова опустились.

Луговой смотрел на свою руку — смотрел так, словно видел ее впервые в жизни. Гладкая белая кожа, тонкие светлые волоски, ровно обрезанные ногти. Сейчас он в первый раз

заметил, что пальцы — средний и безымянный — у него чуть изогнуты навстречу друг другу; на указательном, около самого ногтя, сохранился, оказывается, маленький рубчик — здесь был нарыв много лет назад — а вообще, если подумать, не так уж давно это было... Своя рука, часть его самого, сейчас выглядела чужой и даже страшной; дико было сознавать, что состоит эта рука не из нормального, обычного вещества, а из страшного своей непривычностью — противоположного. По виду ничего не скажешь... Штурман перевернул руку ладонью вверх и с тем же упорством стал разглядывать ладонь, словно в линиях, которыми она была разрисована, можно было отыскать ответ на любой вопрос и даже на главный: что же теперь будет?

Он взглянул на капитана — украдкой, потом прямо. Капитан был человеком, которому Луговой верил во всем, который все знал и умел, с кем ничего не могло случиться. От капитана исходили разумные и своевременные приказы, и если сейчас он порядком напугал друзей, то лишь для того, чтобы через минуту пояснить, что выход им уже найден и надо лишь сделать то-то и то-то. Луговой ждал, но капитан медлил, не отдавая распоряжений. Тогда штурман спросил:

— Что надо делать, мастер? Я готов.

— А ты инженер? — спросил капитан.

Рудик себя не разглядывал: человек — устройство приблизительное, не поддающееся строгому расчету. Он медленно поворачивал голову от одного прибора к другому в поисках того отступления от нормы, которое он, инженер, проглядел при первом, беглом осмотре. Но все выглядело нормально, и это вызывало в инженере раздражение. До сих пор он сталкивался лишь с такими нарушениями естественного хода событий, которые можно было устранить с помощью инструментов и ремонтных автоматов. Теперь же приборы показывали норму, но непорядок все же был — раз Устюг утверждал это. Рудик склонил голову к плечу.

— По нормальным законам, — неспешно проговорил он, — нам сейчас положена профилактика на Космофинише и замена узлов, выработавших ресурс. Остальное, тебе виднее.

— О профилактике забудь, — сказал капитан.

— Тогда командуй, — сказал Рудик. — Что станем делать?

— Прыгать, — объяснил капитан на их привычном жаргоне. — Прыгать в соппространство и обратно — пока не вернемся к норме или не разлетимся вдребезги.

— Всего и делов, — сказал инженер.

— Не так просто. Надо как можно точнее воспроизвести условия. Начать переход в той точке, куда мы вышли, возвращаясь с Анторы, — твоя задача, штурман. Соблюдать все режимы до мелочей — это тебе, инженер.

— Ясно. Мне надо как следует полазить по всем закоулкам, раз уж обслуживания мы не получим.

— Сколько понадобится времени?

— Постараюсь побыстрее. Но сам знаешь: выигрыш во времени — проигрыш в безопасности. Считай, несколько дней. На Космофинише копались бы две недели.

— Тогда отойдем подальше от Системы, и придется будить пассажиров.

— А они не устроят нам детский крик на лужайке? — поинтересовался инженер.

— Поживем — увидим, — неопределенно ответил капитан.

«Если поживем» следовало сказать — «если» он опустил.

Путь для них был расчищен, как никогда. Вокруг было пусто; сияла Земля в третьей четверти, да чистильщик маячил неподалеку. Капитан вызвал его.

— Эй, помело, — сказал он, пытаясь говорить бодро. — Кто на связи? Я «Кит», капитан Устюг.

— Капитан Слай слушает.

— Настоятельно советую отойти подальше. Сейчас начну разгон.

Капитан Слай колебался.

— Видишь ли, мне приказано проследить...

— Ты-то меня знаешь?

— Да, — сказал капитан Слай. — Ладно, отхожу. — Он передохнул. — Значит, доброго пути.

— Счастливо оставаться, — ответил Устюг, с тоской понимая, что это, может быть, последние слова, какие он говорит человеку с Земли. Последние в жизни.

Командор огляделся. Его салон в Космоцентре был полон; тут была, кажется, вся смена, да еще и подвахтенные —

все, кроме дежурных диспетчеров. Информация утекала прямо-таки катастрофически. Надо было взгреть кого-то. Потом, не сейчас. Сволочи, трепачи, подумал командор. Толкуются тут, целые и невредимые. А такого, как Устюг, не уберегли. Лучшего капитана!..

Устюг не был лучшим капитаном, и худшим не был, а просто средним, одним из десятков, и командор это знал рассудком. Но сердцем ощущал, что теряет все-таки самого лучшего, и каждый, кого ни приходилось ему терять в жизни, был лучшим, потому что другие оставались, а этого уже не было.

Корабль «Кит», гибрид груши с тыквой и телефонной трубкой (как именовался этот класс машин в профессиональном просторечии), плавно ускорил движение, разгибая орбиту. Звезды, на фоне которых он был виден, мелко задрожали; потом фиолетовая дымка затянула их.

Странное дело: «Кит» уходил в одиночку, а здесь оставалось все — флот, Земля, человечество. Но почему-то командору на миг показалось, что это он отстал, остался, а люди уходят, друзья уходят вперед. Скверное чувство, когда друзья идут вперед, а ты стоишь на месте...

В Космоцентре кто-то включил траурный марш.

— Уберите дурака! — сквозь зубы приказал командор.

Фиолетовая точка таяла вдали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— А девочка-то плакала, — сказал Карачаров, взглянув на только что появившуюся в салоне Веру. — Глазки красные, как у кролика. Или надо сказать «как рубины»?

Физик чувствовал себя великолепно. Он выпался, а пробудившись, прежде всего вспомнил, что уже сегодня окажется на Земле. Ну, тогда — держись! Признание, возможность работать широко, с размахом, ожидали его на планете, а думать об еще не начатом, что можно обозреть в общем виде, не отвлекаясь мелочами, — самое лучшее, что доступно че-

ловеку. И физик был счастлив, гудел под нос песенку и ему казалось противоестественным, что кто-то плачет, когда жизнь так прекрасна. Он покровительственно улыбнулся девушке.

— Утеньки малые! Кто нас обидел?

Вера покачала головой и торопливо отошла. Карачаров критически поглядел ей вслед — мудрый старец, знающий, сколь мало стоят тревоги молодости — и подошел к Петрову, уже успевшему занять облюбованное им кресло.

— Привет вам, метр. И всюду страсти роковые, — назидательно произнес физик.

— С добрым утром, — откликнулся Петров, — почему «метр»?

— Как! Я ведь уже говорил вам, кто вы такой — школьный учитель на пенсии, путешествующий, чтобы увидеть мир, о котором он всю жизнь рассказывал детям. Разве я не прав? У меня поразительный нюх на людей, я определяю их с первого взгляда. Итак, вы, метр уже собрали чемоданы?

— Никто не говорил, что пора.

— Ах да, не было звонка с урока. Господи, какие вы все сегодня скучные! В такой солнечный день...

Освещение в салоне было обычным, но физик был уверен, что день нынче солнечный. Услышав звук шагов, он резко повернулся.

— Здравствуйте, ваше величество! Ничтожнейший из рабов приветствует вас.

Сегодня, думала Зоя. Сегодня на Земле. Она улыбнулась физику, как если бы пред нею стоял Устюг, и Карачаров даже задохнулся. Он пробормотал:

— Не надо так — я могу ослепнуть...

Писатель вошел с чемоданом и поставил его у стены.

— Я человек предусмотрительный, — объявил он для всеобщего сведения. — Который час? У моих сел элемент.

Физик взглянул на свой хронометр с календарем.

— Без десяти девять по общему, — любезно ответил он, но тут же нахмурился и еще раз посмотрел на часы, на этот раз внимательно. — Погодите, какое сегодня число?

— Тридцать первое, естественно, — сказал Нарев.

— А у меня первое, — с неудовольствием сказал физик. — Не понимаю. У кого еще есть календарь?

— И у меня первое, — проговорила Мила.

— Позвольте, — сказал писатель. — Как может быть сегодня первое, если мы должны быть на Земле тридцать первого? Разве бывают такие опоздания?

— Ручаюсь, что мы еще не на Земле, — молвил физик, чье настроение стало стремительно портиться. — Но вот где мы?

Он подошел к выходу на прогулочную палубу, нажал пластинку, но проход не открылся. Зато в противоположных дверях показалась свежая после долгого сна актриса. Увидев общество в сборе, она испуганно ахнула, тут же улыбнулась, низко присела и послала всем воздушный поцелуй, словно со сцены.

— Я не опоздала? Я вас задерживаю?

— Вряд ли это вы, — буркнул Карачаров. — Нужно вызвать капитана.

Он взглянул на Зою и повторил громче:

— Вызвать капитана! Может быть, у него есть причины медлить с посадкой — у меня их нет!

Зоя прищурилась; даже бестактность физика не испортила ей настроения.

— Это делается не так, — сказала она. — Постройтесь на шканцах и выберите предводителя. После этого можно пригласить капитана и устроить бунт.

— Голодный бунт, — уточнил Нарев. — Не пора ли завтракать?

— Да, — сказал Истомин. — Бунт в лучших литературных традициях.

— Мне не смешно, — хмуро заявил физик и шагнул к выходу.

В этот миг на пороге показался капитан. Он нашел взглядом Зою; она, не таясь, улыбнулась ему, и он ответил, но его улыбка была странной.

— Капитан! — сердито сказал физик. — Не можете ли вы сказать, когда мы наконец окажемся на Земле?

Капитан обвел пассажиров медленным взглядом.

— По всей вероятности, никогда.

Быть может, Устюг ожидал взрыва. Взрыва не последовало. После его слов раздался дружный смех; пассажиры восприняли ответ, как шутку — не самую, может быть, остроумную, но сейчас они были готовы смеяться даже не шутке — просто в ответ на одно лишь желание сказать смешное.

В этом не было ничего удивительного: в представлении любого пассажира невозможность попасть на Землю непременно сочеталась бы с аварией корабля. Однако пока ничто не указывало на неблагополучие: салон был освещен, воздух чист и парящие автоматы уже принялись накрывать на стол. Капитан же вовсе не походил на человека, только что устранявшего какую-то неисправность: по мнению пассажиров, Устюг в таком случае должен был предстать перед ними в рабочем комбинезоне, с тестерами и инструментами в руках.

Капитан не ожидал такой реакции; странно — от их смеха ему стало легче. Если бы ответом на слово «никогда» была тишина, и вслед за нею налетел бы шквал негодования, ему пришлось бы оправдываться, теперь, напротив, предстояло доказать свою правоту не поверившим ему людям. А в такой позиции человек всегда чувствует себя увереннее.

Капитан оперся ладонями о стол и подождал, пока смех утихнет. Он лишь крепче сжал зубы.

— Быть может, никогда, — повторил он.

На этот раз нерешительно усмехнулась лишь Мила — и то скорее из вежливости.

— Как понимать вас, капитан? — спросила актриса. — Иносказательно? Или что-нибудь действительно случилось?

С ними случилась беда. Но в ней было много странного и даже, казалось, противоестественного. И прежде всего — то, что жизни людей, несмотря на катастрофический характер события, ничто не угрожало.

Корабль был новым, хорошо сконструированным и надежно построенным. Он не нуждался в снабжении чем-либо: энергию для движения и внутренних нужд «Кит» черпал из пространства, всегда пронизанного излучениями. Раньше люди гибли в пространстве от нехватки энергии, как жертвы кораблекрушения — от недостачи воды; будь на каждой шлюпке опреснители, смерть от жажды стала бы чрезвычайным происшествием: воды-то вокруг был океан! Так и с энергией; и теперь диагравитаторы давали кораблю возможность разгоняться в пространстве, расщепляя гравитационное поле и используя одну из его компонент, батареи конденсаторов Дормидонтова позволяли, мгновенно освобождая громадные

энергии, совершать переход в сопространство и удерживаться там, а индукторы Симона давали энергию за счет внешнего электромагнитного поля. Управляемые компьютером синтезаторы в совокупности с устройствами механического отсека, производили и пищу на любой вкус, и новые детали механизмов взамен износившихся, синтезируя атомы любого элемента из любого другого или из элементарных частиц. «Кит» был как бы миром в себе и мог существовать и лететь до тех пор, пока существует мир — или, по крайней мере, пока в нем оставался хоть один человек, способный задавать программу синтезаторам и командовать ремонтной автоматикой.

Да, великолепный корабль, и людям в нем нечего опасаться: ни голода, ни жажды, ни даже отсутствия новых нарядов. Болезнетворным началам здесь неоткуда взяться, а климатизаторы поддерживают нужную температуру и влажность воздуха. Иными словами, человек мог бы, не пошевелив и пальцем, безмятежно дожить тут до своего биологического предела. А это означало, что еще не год и не десятилетия людям предстоит существовать в этой скорлупе, ни в чем не зная недостатка.

— Можно жить, — сказал Устюг и сделал паузу.

«Если только люди захотят!» — этого он не произнес вслух.

Почему бы им вдруг пожелать смерти? У капитана на этот счет были свои опасения. Он, как ни старался, не мог избавиться от чувства вины перед пассажирами. Люди доверились ему, чтобы он перевез их через немыслимые бездны пространства и доставил на Землю, а он не смог сделать этого. С мгновения, когда пассажиры взошли на борт «Кита», они отдались под власть капитана — но и на его ответственность. И хотя в том, что произошло, не было вины Устюга, совесть тревожила его и — он знал — будет тревожить до самого конца.

Устюг твердо усвоил, что человек — создание алогичное, и куда чаще, чем принято думать, руководствуется логикой «от противного». Он знал, что людям всегда чего-то не хватает, и опасался, что они и тут захотят чего-то, чего он не сможет им дать. Чего? Земли. Или твердого грунта любой другой планеты. Восхода солнца и белых ночей. Трав и рек. И тех, кто остался там, в большом мире. И...

Сознание невозвратимости всего этого способно заставить людей, чья жизнь может длиться еще десятилетия, умереть очень быстро. Зацахнуть. Завянуть. Или перерезать друг другу глотки в припадке внезапной и необъяснимой ненависти друг к другу...

Пауза затянулась, потом тишину рассек странный звук — это смеялся Нарев — как пилой по железу.

Только теперь капитан открыто взглянул на Зою. Самое тяжелое было выполнено, и капитану хотелось своим взглядом поддержать ее, оградить от потрясения, передать ей свою уверенность в том, что все, чего лишились, они найдут один в другом.

Зоя отвела глаза, и капитан с горечью почувствовал, что сейчас был для нее не человеком, который ее любит, но представителем непонятной силы, независимо от желания Зои и всех остальных резко бесповоротно изменившей их жизнь.

Капитан ощутил, как взволнованную приподнятость, какую он только что испытывал, вытесняет холодная злость на разношерстную кучку людей, к которым принадлежала женщина, отказавшаяся понять его именно сейчас, когда это было очень нужно.

Как часто бывает, он не понял ее и не знал, что она отвела глаза лишь для того, чтобы он не увидел в них выражение торжества, какое испытывает женщина, поняв, что любимый человек по-настоящему нуждается в ней, и только в ней. Она просто испугалась откровенности своего взгляда, неуместного сейчас, когда все были подавлены свалившейся на них бедой, впервые ощутили ее тяжесть.

Капитан медленно обвел взглядом остальных. Он сказал все, что мог; ему противно было еще и еще раз повторять те же слова, как делают это иные в ожидании, что если не на третий, то хоть на пятый раз слова дойдут наконец до сознания слушающих и окажут воздействие. Капитан молчал. Остальное зависело от того, кто из пассажиров заговорит первым и что именно скажет. Сейчас люди могли повернуть к отчаянию — или к спокойствию, которое можно сохранить и в самые тяжкие времена.

Если бы в салоне присутствовал администратор, он, наверное, нашел бы, что и как сказать. Но Карский лежал в

госпитальном отсеке, под прозрачным куполом, облепленный датчиками и стимуляторами, окруженный специальной атмосферой, лежал без сознания, не зная ни того, что он лишился руки и ноги, ни того, что хрупкие, розовые зачатки новой руки и новой ноги, их костей, мускулов, сухожилий и нервов уже ясно различимы... Взгляд Устюга задержался на Нареве. Пожалуй, именно опытный путешественник мог бы помочь сейчас, отыскав в памяти какую-нибудь похожую историю, в которой люди вели себя достойно и терпеливо дожидались заслуженного ими счастливого конца. Устюг чувствовал себя не вправе утешать и подавать надежды, которые могли не оправдаться, но он не стал бы возражать, займись этим кто-нибудь другой, и, может быть, подобная история утешила бы даже самого капитана, хотя кто-кто, а он знал, что счастливые концы достигаются вовсе не умением сидеть и выжидать.

Но Нарев молчал. Ему очень хотелось вскочить, что-то крикнуть, заставить всех повернуться в его сторону, добиться, чтобы вспыхнули их глаза... Но Нарев боялся, что стоит ему заговорить — и верх одержит его всегдашнее стремление отрицать, а не утверждать, разрушать, но не строить, поднимать людей скорее на драку, чем на работу. И путешественник промолчал, боясь в эти мгновения самого себя: он знал, что дело серьезное, и что ни в панику, ни в истерику сейчас впадать нельзя.

Заговорила Инна Перлинская. Актриса из тех, кого запминают зрители, и кто, начав с юности, всю жизнь проводят на сцене, естественно переходя к ролям все более зрелых героинь, Инна сразу почувствовала зал, настроение своих многочисленных на сей раз зрителей, и поняла, что сейчас важно, какие слова человек скажет, а вовсе не то, глубоко ли он убежден в справедливости этих слов, и ему ли принадлежит высказанная мысль, или давно уже стала общим достоянием.

Инна не умела заглядывать далеко в будущее и жила ощущением каждого мига. И сейчас в первую очередь почувствовала, что ее расставание с Истоминим, неизбежное на Земле, куда-то отодвигается. Это позволяло надеяться, что ее маленькое, нечаянное, и, быть может, последнее счастье окажется таким, какого она никогда не знала и о каком меч-

тала всю жизнь — спокойным и продолжительным. Актриса, как и остальные, не успела подумать, что она никогда не увидит Земли. «Никогда» для человека равносильно вечности с обратным знаком и, как и «вечность», принадлежит к тем фундаментальным понятиям, с которыми человек до сих пор не в ладу. Человек часто воспринимает «никогда» всего лишь как очень долгий срок, тем самым лишая это понятие присущей ему безысходности и категоричности. Впрочем, может быть, он и прав, потому что личное «никогда» каждого длится не более, чем его жизнь — не так уж и много. Поэтому Инна ощутила вдруг покой и даже радость и, привыкнув испытывать чувства для того, чтобы делиться ими с людьми, не стала удерживать их в себе.

— О, конечно, — сказала она, привычно и незаметно для самой себя улыбаясь. — Но ведь... наверное, все это не так трагично? Я уверена, я чувствую, что мы спасемся. Земля никогда никого не оставляла в беде, правда? Помню, у нас была похожая пьеса... У меня сейчас такое ощущение, словно нам просто подарили еще несколько дней отдыха. Ну скажите, капитан, разве вы не уверены в том, что эти новые переходы, о которых вы говорили, спасут нас? Разве сомневаетесь в том, что они приведут нас обратно на Землю? Мне это кажется настолько логичным, что и тени сомнения не возникает.

Она глядела на Устюга, широко раскрыв глаза, которые все еще были наивными, девичьими, и привычно прятала руки, выдававшие возраст. Устюг помедлил; он полагал, что их шансы невелики, — так подсказывала интуиция, — но разве, в конце концов, он мог знать и предвидеть все?

— Ну, — сказал он, — безусловно, есть надежда...

Инна не дала ему договорить.

— Вот видите? — своим глубоким, профессионально поставленным голосом сказала она и тряхнула черными колечками волос. — Что ж тосковать? Доктор Карачаров; Зоя, Мила, все мы ведь жаловались, что у нас вечно не хватает нескольких дней, чтобы спокойно посидеть и понять что-то важное, или закончить работу, или побыть не одной. Нарев, вы же профессиональный путешественник, разве вам не интересно все это?

— Инночка, — сказал Нарев. — Я ведь не ропшу, мудрица! — он сам рассмеялся над этим словом и рассмешил

всех. — И в самом деле, нужно ли разочаровываться в Земле и в нас самих? О, мы просто еще плохо знаем себя! Дайте время — и мы покажем!

— Времени, кажется, будет в избытке, — пробормотал Карачаров, но даже его воркотня не показалась мрачной.

— А вы доктор, настроены пессимистически?

— Да нет, — сказал физик. — Просто мне надо все это обдумать как следует.

— Конечно же! Думайте, дерзайте... Воспользуемся неожиданными каникулами, и — да здравствуют переходы!

На Земле и в полетах Мила вела дневник, как это бывает с людьми, не уверенными в том, что они могут все, без остатка, рассказать находящемуся рядом человеку — и будут поняты. Это зависит не столько от собеседника, сколько от самого человека, от его умения быть (или не быть) откровенным по-настоящему. Люди откровенные редко ведут дневники, а счастливые, кажется, не занимаются этим вовсе. Наверное, Мила не была счастлива с самого начала, хотя, быть может, и не сразу поняла это.

Привычке вести дневник она не изменила и тогда, когда Земля осталась далеко.

«Странные мы люди: то ли умеем так хорошо скрывать наши мысли, то ли все очень легкомысленны или легковыжны. Но, может быть, это к лучшему? Мы теперь дружны, как никогда, начинаем и заканчиваем день сообща, и не знаю, как все, но я чувствую себя прекрасно, сплю крепко, настроение все время хорошее. Мы все очень хотим нравиться друг другу, быть красивыми — не только внешне, разумеется.

Конечно, очень хочется работать, заниматься своим делом. По-настоящему это возможно только на Земле. И Юра... Представляю, как увижу его, обниму — и сердце начинает торопливо бежать куда-то. В такие минуты мне жаль Валю — он не может представить, что это за чувство. Впрочем, спорт отнимает у него все. Странно: то, что обогащает нас, в то же время и обедняет, не оставляя места для другого.

Сегодня, как обычно, день начался с зарядки. Мы вскочили по сигналу и, едва успев протереть глаза, собрались в зале. Было забавно: по утрам мы все выглядим растрепанными и немного очумелыми. И все равно это чудесно: на Земле

и планетах люди лучше всего чувствуют себя в обществе, а не поодиночке, и мы тут должны придерживаться того же.

Зарядку сделали с удовольствием. Руководил ею, как всегда, Валя, форма — купальная. Это удобно, потому что сразу после зарядки ныряем в бассейн. Там не тесно — нас все-таки очень мало, даже для этого корабля, и, когда видишь, как нас на самом деле немного, становится страшновато.

Брызгались, визжали, тянули друг друга под воду. Только капитан плавал очень серьезно. Плавает он хорошо. А у Нарева стиль точный, как у профессионального пловца.

Доктор Карачаров взобрался на вышку и прыгнул. Вынырнул рядом со мною, улыбнулся и сказал: «Господи, как хорошо: не жизнь, а блаженство. Как мне раньше не пришло в голову?..»

Это я слышала и от других. Петров доволен, что ему никуда больше не надо торопиться. Он сказал как-то, что всю жизнь ему приходилось спешить, и он очень рад, что может наконец жить мирно, сидеть в кресле, курить, а жизнь течет себе перед его глазами. Разве учителя всю жизнь так торопятся? Ведь учитель — почти что гид: сегодня он с ребятами где-то на энергоцентрали, завтра — на биохимическом комбинате, через неделю — на Луне... Но, конечно, Петров лучше знает, наверное, такая жизнь и в самом деле заставляет спешить. Мне вот тоже приходится ездить с места на место, но я задерживаюсь подолгу: с первых эскизов и до окончания работ, когда интерьеры не только спланированы, но и выполнены до последней мелочи.

Наш писатель, по-моему, не в себе, я уверена, что он никого из нас даже не замечает по-настоящему. Не думала, что писатели такие: они, по-моему, должны быть зоркими, наблюдательными. Правда, я не видала ни одной его передачи и ничего не читала. Нарев сказал, что как только Истомин закончит свою книгу, он сразу станет таким же, как мы. К сожалению, книга его — о давно минувших временах. А интересно было бы прочитать про нас, например, чем все для нас кончится.

Зоя и капитан — когда они думают, что их никто не видит — смотрят друг на друга. Капитан глядит на Зою — ну, не знаю, как это назвать, наверное, как собака, которой положили на нос кусочек сахара и сказали «нельзя».

Он смотрит грустно. А она... Порой, кажется, скрывает улыбку, иногда смотрит серьезно, но всегда — чуть снизходительно. Завидую ей — энергичная, самостоятельная женщина. Думаю иногда: как бы поступила она на моем месте? Так же или... Эти мысли стараюсь гнать: что сделано — сделано. Валя — добрый человек... Что, если бы Валя полюбил Зою? Глупая мысль. Но из них главной была бы Зоя. А у нас? Не знаю, почему Зоя и капитан скрывают свои чувства, такие прекрасные, друг от друга. Очень усложняют.

Зато у Инны все наружу. Она счастлива и осторожна. Даже на зарядку выходит, успев наложить тон. Для этого ей, наверное, приходится вставать на полчаса раньше. Она тоже говорит, что рада не бегать на репетиции и что впервые в жизни у нее такие вот свободные дни, когда можно заниматься чем хочешь. Она говорит, что от этого будет играть лучше — там, на Земле, конечно.

После зарядки и купания, как всегда — завтрак. Меня забавляют парящие автоматы, которые нас обслуживают. От них идет приятный теплый ветерок.

Потом мы разошлись по каютам — заниматься своими делами, а экипаж пошел готовить корабль к переходам, после которых мы должны снова стать такими, как все люди. Я от скуки стала прикидывать, как бы я оборудовала нашу каюту, если бы пришлось остаться тут надолго. Зашел Нарев и очень хвалил эскизы — сказал, что я должна буду всем помочь в этом, если...

После обеда устроили концерт. Инна пела. Поет она хорошо. Голос еще молодой. Мы хлопали, ей это было очень приятно. Потом смотрели фильм. Я его видела когда-то на Земле, но здесь все смотрится совсем иначе. Тогда я решила, что картина страшно глупая, сентиментальная, там какая-то искусственная любовь и слащавые пейзажи. Теперь мне так не показалось, и остальным, наверное, тоже: когда картина кончилась, все долго молчали, ни о чем не хотелось говорить. Капитан был сердит. Он сказал, что надо использовать кристаллы с научно-популярными записями, это будет полезнее. Не знаю, так ли это.

Хотели навестить больного администратора, но к нему нельзя. Нам даже не говорят, что с ним, когда он успел забо-

леть. Тяжело болен — и все. Странно. Только Зоя имеет к нему доступ, но она молчит: врачебная тайна!

А послезавтра, кажется, опять заляжем в коконы. Проснемся, наверное, уже вблизи Земли, и страхи останутся позади — где-то тут, где мы сейчас».

Администратор глубоко дышал во сне. Каюта раненого — не место для того, чтобы искать руку женщины и держать ее в своей, и, забыв обо всем на свете, испытывать наслаждение от того лишь, что женщина тут, рядом, сейчас и навсегда, но капитан именно это и делал, и совесть не мучила его.

Зоя не отняла руки. Она только взглянула искоса и слегка покачала головой. Устюг кивнул в знак того, что все понимает, и они опять застыли у прозрачного колпака.

— Вот как получилось, — сказал капитан тихо.

— Он поправится.

— Я не о нем.

Зоя снова взглянула на него и отвела глаза.

— Земли не будет, и я по-прежнему капитан. Растерявшийся капитан, по правде говоря.

Сейчас в его голосе не было командирской непреложности, и Зоя обрадовалась тому, что он раскрылся перед нею: это помогало и ей самой преодолеть скованность, возникшую, едва они остались вдвоем; они знали, что должно произойти в самом скором времени, и не решались сделать первый шаг. Вслух Зоя не сказала ничего.

— Мы здесь, — сказал Устюг. — И деваться нам некуда.

На этот раз Зоя посмотрела ему в глаза взглядом, просившим не лгать ей.

— Если я соглашусь, — сказала она негромко, хотя оба знали, что она уже согласилась, — если соглашусь, то ведь надолго, и тебе придется терпеть меня навеки и до смерти. Так что подумай — стоит ли: потом тебе некуда будет деться от меня.

— Я подумал.

— На Земле было бы легче, там можно уйти. А тут...

— Это хорошо, — сказал он. — Тут ты не бросишь меня.

Она не удивилась этим словам, знала, что обладает чем-то, заставлявшим обращаться к ней так, словно ей одной принадлежало право решать: оставаться или уходить. Но сейчас она знала, что не уйдет.

— Не брошу, — произнесла она почти беззвучно.

Они стояли сейчас близко, очень близко друг к другу, и что-то толкнуло их сократить, совсем уничтожить это расстояние. Дверь пустующей каюты корабельного врача была перед ними, и трудно сказать, кто сделал первый шаг к ней.

Жажда оказалась сильна, и они пили, пили, пили, не боясь пресытиться, и кончики пальцев, касаясь кожи, говорили куда выразительнее, чем слова. Докторское ложе было узко, но сейчас они уместились бы вдвоем и на острие ножа. Прошло сколько-то вечностей, потом тихо запел блокер входа: кто-то стоял за дверью. Вспыхнул свет. Зоя безмятежно улыбалась, Устюг торопливо превращался в капитана, потом отворил. Там стояла Вера.

— Ну, что случилось? — спросил Устюг недружелюбно, загораживая вход.

— Наверное, весна, капитан, — невозмутимо сказала Вера. — Вас ищет инженер.

Он понял: все готово. Пришла пора.

— Ах, будь они... — пробормотал он, невольно радуясь и огорчаясь вместе.

— Да, капитан, — бесстрастно согласилась Вера, глядя мимо него — на Зою.

— Вот как... — сказала Зоя протяжно, веки ее чуть дрогнули. — Иди. Но не задерживайся...

Устюг улыбнулся: мужчинам часто нравится, когда ими командуют, потому что им свойственно в глубине души все-таки верить, что командуют они — древняя и прекрасная иллюзия... Устюг кивнул и ушел, а Зоя встала не стесняясь: нравится ей смотреть — пусть смотрит. Неторопливо привела себя в порядок, провела пальцами по столику, взглянула в зеркало.

— У вас нет карандаша?

У Веры, конечно, был; помедлив, она протянула блестящий стерженок. Цвет был чуть бледнее, но неважно — карандаш для губ был сейчас символом, верительной грамотой... Зоя улыбнулась:

— Спасибо... Не думайте: это — всерьез.

Вера нерешительно улыбнулась. Они стояли по разные стороны порога, потом Зоя переступила его и вышла в ле-

чебную каюту, подошла к колпаку, где по-прежнему спал администратор, проверила нагрузку на стимуляторы, чуть увеличила мощность.

— Кальция не мало? — спросила Вера.

— У вас есть медицинский опыт?

Вера прислушалась: нет, голос Зои был ровен, насмешки в нем не ощущалось.

— Иначе меня не допустили бы к полетам. Водить врача оказалось ни к чему, но кто-то должен хотя бы знать аппаратуру.

— Как хорошо! — обрадованно проговорила Зоя. — На время перехода меня опять уложат в кокон, и я рада, что за больным будет врачебный надзор.

Люди всегда остаются чувствительными к уважению, какое им оказывается, и даже к лести — если она не чрезмерна. Вера деловито кивнула:

— Я приготовлю его к переходу.

Зоя улыбнулась девушке, и та ответила тем же.

— Устюг — хороший человек. Он редкий...

— Я знаю.

— Ой, — сказала Вера, — как здорово...

Шелестело. Едва слышно шелестело. Луговой повернул ручку усиления до предела. Вроде бы промелькнуло какое-то слово. Кажется, «море», а может быть, и не было слова, просто шумы сложились нечаянно во что-то похожее.

Да, наверное, это был просто шум, и никакие антенны, никакое усиление больше не могло помочь услышать голоса Земли, не направленную передачу — планета могла бы еще, в случае везения, нашарить корабль, хотя вероятность этого была очень мала, — но простую, тот голос, каким Земля разговаривает со Спутниками, с планетами Солнечной системы, каким переговариваются корабли в Приземелье. Луговому и раньше в каждом рейсе приходилось слышать, как замирает, теряется в пространстве этот голос, но тогда он знал, что уходит не навсегда, что пройдет месяц-другой, — и слова опять возникнут в усилителе, и будут становиться все громче, яснее, и это будет первым признаком того, что Земля приближается. На этот раз нельзя было сказать, начнет ли когда-нибудь сокращаться расстояние, которое увеличива-

лось, увеличивалось с каждой секундой, и этому увеличению не было предела.

Слишком далеко ушли. Не слышна больше Земля. Все. Луговой выключил аппаратуру.

Все было готово.

Пассажиры спали. Вера включила противоперегрузочные и антиинерционные устройства медицинского отсека, убедилась, что все стабильно, надежно, и беспомощный человек под колпаком, наполовину рождающийся заново, не пострадает, что бы ни происходило за стенами каюты. Тогда Вера ушла к себе. Она привычно нажала педаль рядом со своей постелью, и постель поднялась, открывая подобие ванны, выложенной мягким. Вера разделась, легла, проверила, нормально ли поступает воздух, и с удовольствием ощутила, как ванна колеблется, точно лодка на прозрачной и спокойной воде в окружении матовых лилий. Крышка медленно опустилась, и Вера глубоко вздохнула перед тем, как погрузиться в сон. Вздохнула, наверное, просто потому, что воздух в коконе едва уловимо пахнул цветами.

Остальные трое членов экипажа собрались в центральном посту. Посидели, помолчали. Потом капитан сказал?

— Ну, пора.

Рудик кивнул и вышел. Через несколько минут он показался снова — на этот раз на экране. Все трое одновременно заняли места. Щелкнули механизмы. Центральный пост едва уловимо качнулся: теперь он свободно висел в системе конструкций корабля, удерживаемый лишь комбинациями электромагнитных полей. То же самое произошло и с инженерным постом.

Капитан прочитал показания приборов. Степень вакуума, кривизна пространства, напряженность полей — все соответствовало условиям.

Устюг выбросил катер, компьютер определил время, скорость и направление. Теперь катер не потеряется, когда они будут возвращаться назад. Потом Устюг включил автоматы и откинулся в кресле, спокойно глядя на экран.

Увеличивая скорость, «Кит» мчался в пустоту. В нужный миг Устюг нажал стартер батарей. Начиналось главное.

Вой перешел в область ультразвука. Мелкая рябь шла по переборкам, как по воде. Приборы лихорадило. Потом все разом прекратилось.

За бортом снова была мгла, непроглядная мгла, и невидимый черный осьминог жил в ней и перебрасывал неподвижный корабль из стороны в сторону. Ощущения полета не было, но, словно при махе качелей, замирало под ложечкой и кружилась голова, падение это казалось непрерывным, только непонятно было, куда они падают: то казалось — вниз, то — вверх, и хотелось поднять руки и упереться в потолок, чтобы не удариться головой, а то еще они падали спиной вперед — но все стояло на местах, ни один предмет в центральном посту не шевелился.

Никогда еще они не готовились к переходу с такой тщательностью. Вот какой экипаж, думал Устюг с некоторым даже изумлением; первоклассный экипаж, с таким не стыдно летать. И штурман — пришел совсем зеленым, словно свежий лопух, а как нынче вывел в исходную точку — не придерешься! Если бы в прошлый рейс кто-то упустил за борт иголку, сейчас мы непременно наткнулись бы на нее; вот это точность...

Он взглянул на шкалы: стрелки стояли как нарисованные — ни малейшего отклонения, такой ровности и на Земле не каждый раз добьешься. Инженер любит поворочать, но и дело любит. В общем, совесть чиста: что могли — сделали. Расставили фигурки по всем правилам, и первый ход за нами. Посмотрим, какую судьба разыграет защиту. Посмотрим...

— Устюг, батареям нужна передышка, — доложил Рудик из своего поста. — Хочу проверить ресурс.

— Ладно, — сказал капитан. — Выходим.

Подождав, пока восстановился запас энергии и зарядились батареи, «Кит» снова вломился в сопространство, и вновь спрут ворочал их, как хотел, а потом они вынырнули невдалеке от места старта, быстро разыскали катер, и капитан выпустил в него зонд-ракету.

Взрыва не произошло — корабль, как и катер, по-прежнему состоял из антивещества.

Рудик успокоил капитана: батареи в порядке, можно попробовать и еще раз. Может быть, теперь им больше повезет.

Всегда ведь бывает так: не везет, не везет, а потом вдруг и получится.

Во второй раз они пробыли в прыжке почти сутки. Капитан приказал увеличить мощность на выходах аппаратов электросна, чтобы пассажиры в коконах не вздумали проснуться не вовремя.

Снова они нашли катер, и Устюг выпустил в него ракету. Рудик сердито пожимал плечами: мало того, что катер пострадал в Приземелье, его и здесь добивают. Инженер не любил, когда портили машины, а в результат, которого добивался Устюг, Рудик не очень верил: результат предполагал случайность, а инженерное мышление не уважает этой категории.

— Слушай, — сказал он затем. — Все нормативы превышены вдвое. Ты обязательно хочешь разболтать корабль до последнего?

Капитан провел рукой по лбу.

— Чепуха, — сказал он. — У меня все время такое впечатление, что мы где-то рядом, совсем рядом с тем, что нам нужно — и какой-то мелочи не хватает. Может быть, все дело в том, что мы стараемся, как и всегда, лишь удержаться в сопостранстве, а нужно пытаться воздействовать на него?

— Разве мы воздействовали при переходе с Анторы?

— Тогда сработало что-то, находящееся вне нас. Но сейчас оно не действует, и надо попытаться чем-то заменить его. Ну, как если бы мы находились в неустойчивом равновесии: толкни пальцем — и мы упадем в нужную сторону. Дело за толчком.

— И как же ты станешь толкать?

— Есть одна мысль. Как хочешь, а на твоей совести еще один прыжок.

Инженер вздохнул.

— Ладно. Один — это еще куда ни шло.

— Но уж чтобы это был всем прыжкам прыжок!

— Ты хорошо объяснил, — сказал инженер.

Рудик долго ползал по своим палубам, увешанный тестерами, индикаторами, щупами, дозиметрами, самодельными приспособлениями, которыми он один умел пользоваться.

Инженер доверял автоматам, но чутье подсказывало ему, когда следует увидеть что-то и своими глазами, потому что всякий автомат может лишь то, что может, а человек порой способен увидеть, угадать, почувствовать, унюхать и нечто большее. Временами, когда Рудик выходил в осевую шахту, чтобы, пренебрегая лифтом («Это для пассажиров, а нам не к лицу зря нагружать механизмы!»), попасть в соседнюю палубу, его ворчание, усиленное гулкой трубой — спинным хребтом корабля, — доносилось до центрального поста, где капитан все озабоченнее поглядывал на часы: приближалось время, когда придется будить пассажиров, потому что принудительным сном нельзя спать бесконечно, а анабиотических устройств на кораблях класса «А», за ненадобностью, установлено не было. Капитан ощутил облегчение, когда Рудик появился наконец в центральном посту.

— Ну, — сказал инженер, поигрывая чем-то вроде хромированного паука на длинном проводе, — мы готовы.

«Мы» означало — машины и он сам.

— Надо дать в прыжке полную мощность, — предупредил капитан. — Включая резерв.

— Ясно.

— Сможем?

Рудик накрутил провод на палец и задумчиво поглядел на паука, словно советуясь.

— В последний раз, — твердо проговорил он.

Они вошли в прыжок, разгоняясь с большим, чем обычно, ускорением. Так бросаются всем телом на запертую дверь.

Вибрировало все. Плохо закрепленная банкетка сорвалась и рыскала по центральному посту, как сеттер на охоте. Капитан и Луговой сидели, разинув рты, чтобы челюсти не колотились друг о друга. Что-то тоненько подвывало в осевой шахте, что-то шипело, как жир на сковороде.

— Надбавь! — прохрипел капитан, вцепившись в рычаги страхующей системы. — Отдай все!

Потом покой охватил их, и горячее прошло по телам, как будто они выпили по стакану крепчайшего зелья, и оно заставило сердца стучать быстрее, а головы — кружиться хмельно и приятно. В который уже раз мгла, где угадывалась бесконечность путей, кружила их и метала из стороны в сторо-

ну, и они падали во все концы сразу, оставаясь на месте, — так белка неподвижна в системе координат зрителя, хоть и мчится в то же время внутри своего колеса.

— Ну, — выдавил капитан, — была не была!

Он сделал то, на что нормально никогда не пошел бы: включил резерв батарей, выходя за пределы дозволенного риска. Вдруг да это повлияет на окружающее их сопостранство, вдруг именно такого толчка им не хватает...

На миг они перестали падать. Странное ощущение возникло: все стало расширяться, предметы стремительно понеслись в стороны, кресла, влитые в пол, стоявшие рядом, стали, казалось, совершать одно вокруг другого сложные движения, как двойные звезды... Капитан схватил Лугового за руку, чтобы чувствовать его неподвижность; штурман вырвал пальцы: чудила психика... Голова вдруг открылась, стала трубой, туннелем, что-то непрерывно несло через нее, вихрилось, выло, визжало, поток влек сталкивающиеся, взрывающиеся миры, а за ними надвигалось нечто безымянное и непостижимое, оно было уже близко, и вот сейчас...

— А-а-а!

Это был штурман.

— А-а-а!

«Это я сам», — успел подумать Устюг.

Теряя сознание, он рванул выключатели батарей, и настала темнота.

— Ну и вид у тебя, — сказал капитан Рудику, когда инженер припелся в центральный пост. — Ты взгляни в зеркало.

— Я тебя вижу, зачем мне зеркало. Значит, так. Батареи — вдребезги, только дым идет.

— Восстановить можно?

Инженер пожал плечами.

— Интересно, — проговорил он, — куда это нас выкинуло?

Капитан включил обзор, и они долго глядели на незнакомые звезды.

— Да, — сказал Луговой, пытаясь улыбнуться. — Отсюда, как говорили в одной передаче, хоть три года лети — ни до чего не долетишь.

Голос Лугового не понравился капитану. Он был как бы не от мира сего. Сейчас нельзя было остаться одному, отдаться на волю мыслей. Каждому требовалась опора, каждому предстояло поддерживать двух остальных, а тем — его, они, словно три карабина, составленные вместе, стояли надежно, хотя каждый в отдельности сразу упал бы. Капитан решительно встал.

— Может показаться, что нашей службой такое не предусматривалось, — сказал он. — Я говорю — предусматривалось. И когда мы шли служить в Трансгалакт, то знали, на что идем. Так что давайте подумаем и решим сейчас: потом не будет возможности.

Рудик подождал, потом кашлянул и сказал:

— Что решать-то?

— Справимся ли мы.

Справимся ли? Мысли инженера с самого начала были двойственными. Его мир заключался в корабле. У него не осталось близких на Земле и планетах. Через год ему предстояло уйти в отставку по возрасту, и это пугало Рудика: в противовес простому и ясному миру корабля, жизнь на любой, пусть даже самой малолюдной планете казалась ему чрезвычайно сложной, богатой всякими законами и правилами, которых он не знал или давно забыл. Ему не хотелось возвращаться к оседлой жизни, но чем дальше, тем более ощущал он на себе пристальное внимание Медицинской службы и тех людей, что ведали летным составом. Так что сейчас он, с одной стороны, был недоволен тем, что случившееся не принадлежало к числу явлений, естественных для кораблей, и, следовательно, выходило за пределы его мира; однако, с другой стороны, Медицинская служба и прочие недоброжелатели остались позади, Рудик ускользнул от них и испытывал облегчение, как и всякий, освободившийся из-под надзора.

— Справимся, — сказал он.

Луговой усмехнулся.

— А если мы скажем, что не справимся — что изменится? Разве есть выход?

Луговой чувствовал себя нехорошо, хотя он не мог положить руку на лоб или грудь и сказать, что болит именно здесь.

Людам бывает просто нехорошо, и они ложатся и умирают. Кроме того, штурман чувствовал себя ограбленным и обиженным, хотя никто не обижал его и ничего не пытался отнять.

Он и в самом деле лишился многого. Основа на которой до сих пор строилась его жизнь, рухнула. Основой этой был капитан. Луговой надеялся на капитана куда больше, чем на себя самого. И вдруг оказалось, что они равны, и Устюг так же не может найти выход из ловушки, как не под силу это самому Луговому. Рушился кумир; резекция кумира — это операция на сердце, после нее выживают не все. И пока капитан говорил, штурман тяжело раздумывал над тем, что авторитеты — ложь, что верить нельзя никому. Только себе, своим глазам и своему разуму.

У него — он считал — отняли веру. Но это было не единственное, чего он лишился. И обида на капитана заключалась в том, что вещи, которые прощались капитану, пока Устюг был без малого богом Юпитером, нельзя было простить обычному, немолодому уже мужчине. Теперь казалось смешным — ожидать чего-то от человека, который в полете влюбился в пассажирку. Ясно было, что ни капитан, ни тем более инженер ничем не смогут помочь Луговому, не смогут вернуть его на Землю. С чем же следовало справляться, и чему это могло помочь?

Капитан холодно глянул на штурмана.

— Измениться может многое. Пока — может. Ты говоришь — выход? Смотря что считать выходом.

Выход был. Выход в никуда. Если они заранее признают, что не справятся с нелегкой задачей сохранения на корабле нормальной жизни, спокойствия, обычных человеческих норм и установлений, записанных в Уставе Трансгалакта, то лучше кончить все, не дожидаясь агонии, долгой и мучительной. Потому что если не справятся они, для кого полет был нормальным состоянием, а корабль — обычным жильем, то чего можно будет требовать от остальных, кто с самого начала смотрел на «Кита» лишь как на кратковременное пристанище?

Кончить было просто. Запасы энергии в накопителях корабля были настолько велики, что стоило открыть, разом освободить их, и корабль вспыхнул бы радужным пламенем, перешел в свет, разлетелся бы по мирозданию со скоростью, недоступной воображению. Никто не успел бы проснуться, а на Земле ни один не стал бы оплакивать их: там это сделали заранее.

— Вот выход, — сказал капитан, — если мы не хотим бороться. Не соответствует морали? Но если мы люди — у нас одна мораль, если же мы отказываемся от всего тяжелого, что может ждать нас в будущем, то и мораль будет иной, потому что с этого мига мы перестанем быть людьми.

Прошло несколько минут, пока Рудик сказал:

— Не верю, что ты такого мнения о нас.

— Надо подумать, — ответил Устюг, — чтобы больше не возвращаться. Лучше поразмыслить еще: ведь впереди много лет. Как бы мы сейчас ни решили — решаем навсегда.

— Да что, — сказал Рудик. — Жить надо. И кто мы такие, чтобы решать за всех? Это ты призагнул, капитан.

— Я согласен с Рудиком, — проговорил Луговой.

«Впереди много лет, — думал он, — много лет. И не может быть, чтобы не было выхода, чтобы не найти его за целую жизнь. Капитан пугает нас, проверяет на излом. Но я теперь знаю, что он не сильнее меня, а значит — я не слабее его, и что может он, могу и я. Выход где-нибудь есть, и я его найду».

— В общем, — заключил Рудик, — давай делать дело.

— Добро, — проговорил капитан. — Тогда — по местам. И будим пассажиров. Не думаю, что им снятся приятные сны.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Огоньки суетились на панели синтезатора, как муравьи около своего жилища. В окошках счетчиков сквозили цифры. Потом раздался звонок. Обождяв секунду, инженер Рудик распахнул створки. Из темного отверстия потянуло теплым, едким запахом, который через минуту рассеялся.

— Готово, — сказал инженер, извлекая из выходной камеры белое, округлых очертаний кресло, отлитое из одного куска пластика. Рудик поставил его на пол, критически оглядел, уселся, встал.

— В порядке. Еще одно?

— Два, — сказала Инна. — Всего их должно быть четыре. — Она улыбнулась. — Мы любим гостей. Только сделайте, пожалуйста, разных цветов. Красное, желтое — в пастельных тонах...

— Хоть десять, — сказал инженер. — Такую ерунду делать просто. Элементарный синтез. Вот, смотрите сюда. Здесь устанавливаете формулу, на этом пульте — структурном — находите нужный шифр...

Рудик смело вел себя с женщинами, которые, по его убеждению, никак не могли обратить на него внимание. Зато одиноких он опасался. По его словам, они были чресчур валентны.

— Спасибо, — не слушая его, произнесла Инна своим таинственным шепотом. — Пойду звать на помощь: кресла ведь нужно еще и отнести. Это сделают мужчины.

Рудик пожал одним плечом, закрыл створки, нажал кнопку нужного красителя и включил синтезатор на повторение операций. Он любил когда в результате работы возникали какие-то предметы, они были реальным свидетельством инженерского могущества. Теперь такой работы хватало.

Синтезатор покончил с креслами, и инженер перестраивал его на металл, когда в отсеке появился капитан. Он подошел к пульту и стал поворачивать верньеры, помогая. Инженер нажал стартер. Свет мигнул, низкое, негромкое жужжание снова наполнило отсек.

— Все спокойно? — спросил капитан.

Рудик машинально вытер руки платком, сунул его в карман.

— Они все же молодцы, — ответил он.

— Ты считаешь, — произнес Устюг, — Будем надеяться. ...Пассажиры, наверное, и в самом деле были молодцами.

Узнав о том, что попытки осуществить обратное превращение антивещества в вещество при помощи нескольких переходов в соппространство, и обратно потерпели неудачу, пассажиры, вопреки опасениям капитана, не впали в отчаяние.

Никто не забился в истерику, не поднял скандала и не потребовал крови. Наверное, где-то в подсознании пассажиры не только предвидели такую возможность, но и успели примириться с нею. И когда возможность стала печальной реальностью, они приняли это, как подобало летящим в космосе — хотя бы и в качестве простых пассажиров.

— Что же, — сказал тогда Петров. — Бывает хуже. Мы живы — а это не так уж мало.

— Я бы сказал, что много, — подхватил Нарев, подавляя первый внутренний импульс, побуждавший его протестовать. — Стоит лишь подумать, что произошло бы, не разгадай Земля вовремя, чем грозит наша посадка. Бр-р!

Все невольно поежились, представляя. Инна положила руку на плечо Истомина и улыбнулась писателю:

— Теперь ты сможешь, наконец, спокойно закончить книгу.

— Да-да, — подтвердил он не совсем решительно. Инна сразу поняла его — недаром она была не только женщиной, но и актрисой, человеком творческим.

— Ведь главное — написать, правда? — сказала она. — Создать. Остальное менее важно.

Истомин улыбнулся, снял ее пальцы с плеча и поднес к губам.

Физик Карачаров отвернулся и скорчил гримасу: сегодня он был склонен отрицать женщин. Что они, в конце концов? Носительницы устойчивых признаков вида, не более того. Что сделали они в физике? Математике? Литературе? Живописи? Музыке? Технике? Если кое-где и можно найти по одному имени, то исключения лишь подтверждают правило. Женщины неспособны к абстрактному мышлению, и даже в оценке людей они постоянно делают ошибки.

Он сердито посмотрел на Зою. Проследил за ее взглядом. Зоя не отрывала глаз от Милы. Молодая женщина была бледна.

— Вам плохо? — тревожно спросила Серова.

— Нет. Нет-нет. Все хорошо. — Мила перевела дыхание и даже улыбнулась. — Но мне хотелось бы чем-то заняться. Нам всем нужно что-то делать, правда? Пока мы еще не привыкли...

— Ну конечно же! — после секундной паузы воскликнул Нарев. — У нас бездна всяких дел! Прежде всего, раз уж мы

будем тут жить, надо устроиться, как следует! И в этом мы, Мила, никак не обойдемся без женского вкуса и вашего совета специалиста. Капитан, у нас тут, если не ошибаюсь, двадцать четыре каюты?

— В первом классе, — уточнил капитан. — И тридцать две — в туристском.

— Оставим туристский, — отмахнулся Нарев. — И без того на каждого из нас приходится по три каюты — даже слишком много. Пусть каждый устраивается по своему вкусу — в двух, трех помещениях. Вы не против, капитан?

— Не возражаю.

— Может быть, и вы с вашими товарищами переселитесь сюда?

— Нет. Не поймите превратно: просто корабль требует наблюдения и ухода.

— Не стану спорить. Теперь нам предстоит распределить помещения в соответствии с желаниями каждого, сделать эскизы планировки, обстановки... О, друзья мои, у нас тут столько работы, что трудно даже представить, когда мы с нею справимся!

Все это было разумно, но Карачаров не мог согласиться просто так: должно же было в чем-то проявиться своеобразие его личности, а в физике здесь никто не разбирался. И он ворчливо проговорил:

— Надо работать! Я, например, не могу позволить себе отвлекаться от главного.

— Каждый волен расходовать время по своему усмотрению, — согласился Нарев. — Но вы-то, Мила, не откажетесь?

Мила кивнула, но Нареву показалось, что она переживает случившееся глубже, чем остальные.

— А вы? — повернулся путешественник к Истомину. — Наверное, тоже захотите прежде всего заняться книгой?

Литератор, не ответил. Он стоял, машинально сжимая пальцы Инны. Наверное, он стиснул их слишком сильно: актриса осторожно высвободила ладонь. Тогда Истомин очнулся и обвел присутствующих рассеянным взглядом.

— Задумались? — улыбнулась Зоя. Она симпатизировала писателю, как и каждому, кто не пытался сделать ее жизнь сложнее.

— Нет... Собственно, да. Задумался о будущем.

— Это интересно, — весело сказал Нарев. — Как представляется грядущее человеку, наделенному богатой фантазией?

Истомин все так же отсутствующе взглянул на него.

Истомин был из породы запойных писателей, пробуждающихся после долгой спячки и работающих днями и ночами, с головой утонув в возникающей книге, чтобы потом, закончив ее, со вздохом облегчения снова задремать, отдавшись на волю событий. Сейчас Истомин вдруг почувствовал, как пустота, возникшая в нем, как только ему стало ясно, что возвращение на Землю откладывается до бесконечности, стала наполняться, как будто кто-то открыл шлюз. Все, что говорили вокруг, доходило до него как сквозь вату, застревало где-то в среднем ухе и не затрагивало мозга, который вдруг стал лихорадочно продуцировать картины будущего.

— Да надо ли? — проговорил он голосом, в котором нерешительность боролась с удовлетворением: слушатель, в конце концов, это уже почти читатель. — Все пока еще очень сыро... и следует ли задумываться о таких вещах? У меня это получилось нечаянно...

— Это необходимо! — прервал его Нарев. — Обмен мыслями и знаниями для нас необходим: ведь каждый из нас обладает чем-то, чего нет у других. Это всегда так, и каждый уходящий человек уносит нечто, чем обладал он один в целом свете. Мы все будем вечерами по очереди рассказывать — о своих мыслях, о пережитом, и о предстоящем, конечно, тоже.

— Хорошо, — сказал Истомин и вытянул руку, чтобы жестом отмечать каждую паузу и каждое ударение в своем рассказе — или, может быть, пророчестве.

...Истомин вышел из своей каюты и огляделся. Салон был пуст. Дверь на прогулочную палубу уже несколько лет стояла открытой: что-то разладилось, и никто не стал чинить механизм. Пластиковая обшивка салона от возраста потеряла цвет, стала шершавой, неприятной для прикосновения. Кое-где она отстала от стен, в некоторых местах порвалась, и в прорехах виднелся темный, холодный даже с виду металл.

Истомин помедлил, прислушиваясь. Двери остальных кают были затворены, из-за них не доносилось ни звука. Писатель знал, что большинство кают пустовало, населявшие их прежде пассажиры успели умереть. Их тела, как и все прочие отходы на «Ките», попали в утилизаторы, потом в синтезатор и теперь совершали круговорот в системе корабля. Оставшиеся в живых могли считать себя людоедами, но это не смущало их, а еще точнее — они об этом даже не думали. Одиночество, длившееся десятилетия, привело их к полному отупению, к утрате всяческих интересов. Невыносимо — изо дня в день, из года в год видеть все те же лица, слышать те же голоса и те же слова, всегда одни и те же. Раньше, когда пассажиры были моложе и энергичнее, это не однажды приводило к схваткам, в которых лилась кровь. Сейчас столкновений уже не происходило, но лишь потому, что люди больше не хотели видеть друг друга. Все свое время они проводили взаперти, и прежде чем выйти из кают, убеждали себя в том, что в салоне никого нет и можно пробежать туда, где была пища — единственное, что еще интересовало их в жизни, синтезатор, изготавливавший съестное, разладил-ся от старости, и после смерти членов экипажа, которые одни что-то понимали в устройстве хитроумной машины, синтезатор все чаще производил такую еду, для которой в человеческом языке не было даже названия. В один прекрасный день в тарелках мог оказаться яд, который, в общем, состоит из тех же веществ, что и съедобные продукты. Сознание риска придавало жизни некоторую остроту. Когда же машина преподносила на завтрак, обед или ужин что-то совсем уж немыслимое, люди веселились так, что даже заговаривали друг с другом, как некогда на Земле — после премьеры или хорошей книги.

Впрочем, окажись и на самом деле в тарелках яд, никто не посетовал бы. Происходившее с ними нельзя было называть жизнью, и вряд ли стоило бы горевать об ее утрате. Это было растительное существование, угасание, идиотизм. Когда-то люди что-то знали, любили и к чему-то стремились; но без употребления тупеет память, исчезает знание, угасают эмоции, а стремиться давно уже было не к чему: целей не было, и жизнь замкнулась в рамках биологического процесса. Если бы люди поддерживали отношения между собой,

они давно признались бы, что ждут смерти, теперь же каждый признавался в этом лишь себе самому. Наверное, им следовало приблизить конец, но нужно немало сил, чтобы решиться на самоубийство и выполнить решение. Сил не хватало.

Поэтому они жили. С годами, как это обычно бывает, память о давних событиях детства и юности все чаще вытесняла более поздние воспоминания, прорывалась на поверхность и разливалась, как лава, извергнутая из горячих глубин. Иногда люди принимали свои воспоминания за действительность, чаще всего это случалось, когда вдруг по какой-то нечаянной прихоти корабля, оживали экраны и начинал демонстрироваться фильм, всегда один и тот же, забытый в аппарате много лет назад — фильм, в котором была Земля. И люди оживали и с радостными возгласами выбегали из кают, но в унылом салоне холодная и почему-то сырая действительность (разладились климатизаторы) обрушивалась на них, и они, опустив головы, чтобы не видеть окружающих, возвращались в свои помещения, где аппараты внезапно выключались по той же прихоти компьютера, какая заставила экраны осветиться после долгого перерыва.

Никто не знал, сколь долгими были эти перерывы. Счет времени был давно утерян. Возможно, где-нибудь в недрах корабля приборы и вели хронику полета, но не все ли равно, в конце концов, сколько длится полет и сколько продлится еще? Ведь всякий раз, когда хотелось спать (а времена суток давно исчезли, и каждый ел и спал, когда ему хотелось), можно было про себя надеяться, что сон этот на сей раз не прервется и плавно и незаметно перейдет в смерть. Избавленные кораблем от всяких посторонних воздействий, от голода и жажды, болезней и травм, избавленные от необходимости проявлять активность, действовать — люди теперь просили от жизни лишь одного: безболезненной, незаметной, мягкой смерти. Угасания, а не прерывания жизни.

Но корабль, каким бы он ни был старым и разлаженным, пока выполнял свою основную задачу охраны еще ютившихся в нем людей, так что — за исключением одного или двух, совсем опустившихся и ожиревших до последней степени, — его жители не могли рассчитывать даже на такое избавление от самих себя.

Тихая агония должна была тянуться еще долго...

Истомин, вышедший из своей каюты, не думал об этом: он давно уже разучился мыслить, забыл, что он литератор, не помнил, как пишутся книги, и даже назови его сейчас кто-нибудь по имени, он вряд ли откликнулся бы.

Он прокрался через салон, ступая по вытертому до основы ковру, потом по горбящемуся пластику. Ведущую из салона дверь он отворял осторожно, чтобы скрип ее створок не привлёк внимания других обитателей корабля.

Наконец, он вышел в коридор. В руке он сжимал старую тарелку с выщербленным краем, давно не мытую и заросшую накрепко присохшими остатками еды. Он давно отказался от мытья посуды: это никому не было нужно. По-прежнему осторожно ступая ногами, обмотанными какими-то тряпками, по пояс голый, он прокрался вниз по лестнице и вошел в отсек синтезаторов.

Здесь было грязно, пол устилали осколки разбитой когда-то посуды и пятна от выплеснутой в разные эпохи пищи. Истомин приблизился к синтезатору, опасливо огляделся, поставил тарелку и нажал кнопку. Конец его длинной ключковатой бороды лежал на тарелке, и потекшая из патрубка кашица залила бороду, но он даже не заметил этого.

Когда тарелка наполнилась, он поднес ее ко рту и жадно, через край, выпил кашицу. Утолив первый голод, он налил еще одну порцию, чтобы съесть кашицу на ужин, не выходя лишней раз из каюты.

Затем он повернулся, чтобы так же бесшумно возвратиться в салон, а оттуда — в свою берлогу и запереться там еще на сутки.

Повернувшись, он вздрогнул — в дверях стоял человек.

Это был, безусловно, один из оставшихся в живых пассажиров. Когда-то Истомин знал, как его зовут и кто он. Это давно забылось, и теперь литератор помнил лишь, что человек этот сильнее его.

У них не было никакого повода для столкновения, никакой надобности желать друг другу зла. Однако не только насилие рождает боязнь, но и страх дает начало насилию — а боязнь стала спутницей каждого из них, единственная из человеческих эмоций, еще не умершая в бывших людях. И оба знали, что раз они встретились тут, около пищи, столкнове-

ние неизбежно. В них говорил уже не рассудок, а инстинкт, который ничего не хотел знать о том, что недостатка в пище нет, что ее много, сколько бы они ее ни ели, и что еда останется и тогда, когда умрет последний из них. Инстинкту были недоступны логические умозаключения.

Не спуская глаз с вошедшего, Истомин стал отодвигаться вдоль стены, спиной к ней: он заметил в противоположном конце отсека вторую дверь, и понял, что может успеть к ней прежде, чем противник разгадает его намерения.

Тот и впрямь догадался слишком поздно. Он стоял, загромождавая собою выход в коридор, чуть пригнувшись и опустив напряженные руки. Глаза его исподлобья следили за каждым движением экс-литератора, ожидая подвоха.

Истомин поравнялся с дверью, сильно толкнул ее спиной и очутился в узком металлическом коридорчике, в противоположном конце которого начиналась такая же узкая лестница. Лишь в последнее мгновение противник с визгом кинулся за ним. Расплескивая кашицу, Истомин бросился вверх по лестничке. Но он понимал, что преследователь, чья тарелка была пустой, настигнет его, если только сейчас же он не наткнется на какую-нибудь дверь, которую можно будет запереть за собой.

Дыхание преследователя раздавалось уже совсем близко, шершавые пальцы скользнули по голой спине Истомина, но не смогли удержать его. Тогда убегающий обернулся и с силой метнул тарелку прямо в лицо преследователя.

Кажется, тарелка попала в переносицу. Нападающий зарычал и остановился, поднеся руку к глазам.

Истомин взлетел еще на несколько пролетов вверх и задержался, с трудом переводя дыхание. Противник скулил внизу, потом слышались его неуверенные шаги, все тише и тише: он спускался, отказавшись от преследования.

Писатель сел на холодную металлическую ступеньку и заплакал. Он остался без тарелки и знал, что новой ему нигде не достать. Теперь он сможет есть только около синтезатора, набирая кашицу в сложенные чашкой ладони. Ему придется выходить два раза вместо одного, и его рано или поздно подстережет и убьет этот самый человек, у которого были теперь серьезные основания для ненависти.

Истомин медленно поднялся и тыльной стороной ладони вытер слезы. Он почувствовал, как закипает в нем первобытная злость.

В конце концов, пусть преследователь был крепче, но сейчас Истомин сильнее. Он, кажется, повредил противнику глаза. Если бы найти оружие — какую-нибудь палку, дубину, — он еще успел бы застать противника около синтезатора, победить и отнять посуду. Или подстеречь любого другого и отобрать тарелку у него. Пусть гибнет слабый!

Истомин снова полез вверх. Лестница висела винтом и еще через два десятка ступеней привела его к закрытой двери.

Писатель отворил ее, вошел в просторное помещение и с любопытством огляделся.

Здесь возвышались какие-то предметы. Несколько лет назад литератор, возможно, опознал бы в них устройства, служащие для управления мощными машинами корабля. Сейчас он уже не помнил этого и не старался вспомнить.

Он осмотрелся в поисках дубинки. Инстинкт подсказывал ему, что здесь можно найти оружие. И в самом деле, Истомин увидел его.

Это была железная палка, выходившая из пола рядом с какой-то тумбой. Палка выглядела внушительно и была выкрашена красным. Цвет наводил на мысль о бое и внушал храбрость.

Писатель подошел и схватил палку. Она не поддавалась. Он нажал сильнее.

Он долго пытался выломать палку из щели в полу, из которой она выходила. Наконец, внизу что-то хрустнуло, палка слегка сдвинулась и заскользила по прорези.

Истомин не знал, что это была ручка аварийного включения двигателей на полную мощность; когда-то ручкой этой пользовались при необходимости быстро отдалиться от какого-то тела, столкновение с которым могло угрожать кораблю.

Во всех помещениях «Кита» раздался, вой сирен. По этому звуку пассажиры должны были, бросив все, занять места в коконах. На это отводилось тридцать секунд; напоминающие надписи красовались в каждой каюте. Если кто-то не успевал укрыться своевременно, он должен был нажать сиг-

нальную кнопку, помещавшуюся под надписью. Получив сигнал, двигатели немного промедлили бы: в резерве у них оставалось еще тридцать секунд.

Сирены взвыли; люди, еще жившие в каютах, услышали их, как и сам Истомин. Одновременно неживой голос начал отсчет секунд. Но люди давно уже не читали надписей и забыли их смысл. Вой сирен вызвал страх, а голос — любопытство, но никто даже не взглянул в сторону коконов, распахнувших крышки. Кто-то оскалил зубы, кто-то закрыл уши ладонями. Кнопку под надписью не нажал ни один. Сигнал не пришел в аварийный автомат, включенный красным рычагом. И ровно через тридцать секунд двигатели взревели и швырнули корабль вперед, словно пушка — снаряд.

Люди не ожидали этого. И погибли в первые же секунды, раздавленные о стены и изломанные о мебель.

Не ожидавший толчка Истомин был брошен на рычаг и умер на нем, как насекомое на булавке.

Так завершилось будущее...

Все молчали, ошеломленные. Тишину нарушил Нарев.

— Блестяще! — сказал он. — По-моему, сильно. Но, конечно, спорно. Мне, например, будущее представляется совершенно иным. Оно ведь зависит от нас — и мы благодарны вам за предупреждение. Мы не должны разобщаться, это совершенно справедливо. Доктор Карачаров, мы ожидаем, что в следующий раз что-то, столь же интересное, расскажете нам вы.

— Я не популяризатор, а исследователь, — буркнул физик.

— Ну, доктор! — сказала Зоя. — Неужели вы не снизойдете до нашего уровня?

— Гм, — сомневаясь, проговорил Карачаров.

— А чемпион Федерации, — сказала Инна, улыбнувшись Еремееву, — поделится мыслями о спорте...

— А вы — о театре... — подхватил Петров.

— С радостью. А вы сами?

— Ну, я, — сказал Петров. — Я, право, и не знаю. Кажется в жизни не случалось ничего интересного. Хотя... подумаю.

— И еще, — сказал Еремеев нерешительно, он всегда стеснялся говорить публично. — Мы ведь можем не только раз-

говаривать, но и играть. Хотя бы раз или два в неделю. У нас тут прекрасный зал, можно организовать соревнования — пусть и не на уровне мастеров, но ведь, как говорится, главное — не побеждать, а участвовать!

— Bravo! — сказал Нарев. Мила повернулась и поцеловала мужа в щеку.

— Ну, — сказал Истомину совсем успокоившийся капитан, — пожалуй, ваш взгляд в будущее был все же чересчур мрачен, а? И потом, не обижайтесь, пожалуйста, но такого рычага на корабле нет. Не знаю, где вы его видели.

— Не помню, — пробормотал Истомин: он терялся, столкнувшись с критикой, исходившей от читателей. — Мне просто так подумалось... — Он смущенно улыбнулся. — Писатели вообще не пророки. Скорее интерпретаторы.

Капитан кивнул. Ему становилось все радостнее: опасения канули, растворились в оптимизме, который, как вода перед плотиной, все прибывал, все поднимался...

— А администратор! — сказал Петров. — Сколько он сможет рассказать, какие идеи придут ему в голову — дайте только встать на ноги!

— Доктор, — спросил Нарев в наступившей тишине. — Он поправляется?

— Да.

Врачи обычно говорят «да». До поры до времени.

Снова наступила тишина, наверное, пора было расходиться и заниматься своими делами. Но никто не двинулся — и тогда Нарев спросил своим резким, неприятным голосом, на этот раз не приглушая его, как он делал обычно:

— Капитан, у нас что же — нет никакой, совершенно никакой надежды вернуться? Даже одного шанса — из ста, из тысячи, пусть из миллиона?

— Тут нужен специалист по теории вероятности, — ответил Устюг, подумав. — Но полагаю, что вероятность окончательно исчезнет лишь вместе с жизнью.

Вот и все. И понимай, как хочешь...

— Нет, молодцы, молодцы, — повторил инженер Рудик, выгружая из выходной камеры синтезатора несколько металлических деталей, заказанных физиком.

Вместо ответа капитан сказал:

— Но никто из них так и не заикнулся о Земле, о том, что на ней осталось. Словно бы ее и не существовало.

— По-твоему, это плохо?

— Не знаю. Нет Земли — значит нет прошлого. Они согласны думать о ней лишь в будущем времени. Как бы лишились памяти. Но если человек помнит и не хочет говорить — значит он с прошлым не справляется. Не он командует минувшим, а наоборот. Значит, прошлое сидит в нем, как заноза. И будет нарывать. Мне было бы куда спокойнее, если бы они говорили о Земле. С грустью, конечно, но спокойно. Вот как мы с тобой.

— А мы разве говорим?

Капитан невольно улыбнулся.

— Ну, нам не до того. Ты осмотрел батареи как следует?

— Еще нет, Нарев — стоящий мужик, правда?

— Наверное. Хотя... жаль, что администратор лежит.

— Ничего. Встанет.

— Надо надеяться, — сказал капитан. — Хотя — все может быть. Он не согнется, но может сломаться.

— Регенерация идет медленно. Все-таки помешали эти переходы: такие ужасные вибрации. Усилим стимуляцию, тогда пойдет быстрее. И будем дежурить. Вам не надоело?

— Что вы, доктор, мне это очень нужно. Иначе я все время чего-то боюсь... А вы?

Зоя кивнула.

— Мне страшно. Как и всем. Сейчас нельзя оставаться в одиночестве. Надо что-то делать, о ком-то заботиться. Мы всегда должны о ком-то заботиться...

Вера на миг прижалась щекой к ее ладони. Зоя погладила девушку по плечу.

— Ну, до завтра.

— До свидания, доктор.

Вера осталась одна. Кажется, она вздремнула. Разбудил ее голос.

— Сестра... — тихо звал администратор. — Сестра...

Вера вздрогнула, стряхивая дремоту.

— Что со мной? Я болен?

Голос доносился из-под прозрачного купола, был слаб и дрожал — или переговорное устройство так искажало его?

— Лежите спокойно.

— Где я?

— Это госпиталь.

— Значит, на Земле?

Вера не ответила.

— Сестра, вы меня слышите?

— Вам нельзя так много говорить.

— Мы на Земле?

— Выпейте, пожалуйста.

— Сначала ответьте. И что у меня с рукой? И с ногой? Я их не вижу. Щекотно...

— Ничего не скажу, пока не примете лекарство.

— Значит, не на Земле... — пробормотал администратор. — Мне показалось, что это луна. А это свет блестит.

— Вам мешает?

— Пусть горит... Я давно не видел луны, сестра. Мечтал, как в свободные минуты буду гулять в лунном свете... Фу, какая горечь.

— Ничего. Это полезно.

— Я вспомнил: вы не сестра. Вы Вера.

— Да.

— Мне еще долго лежать?

— Если будете спокойны, то встанете быстрее.

— А может быть... не на что будет встать?

— Встанете. А сейчас спите.

— Вера... Дайте руку.

— Зачем?

— Я так скорее усну. Мне почему-то страшно.

— Значит, идет на лад. Когда человеку плохо, ему не страшно. — Вера, поколебавшись, нажала кнопку — купол поднялся, теплый, насыщенный кислородом воздух заполнил каюту. Она положила горячую ладонь на его запястье, ей пришлось перегнуться — ближняя к ней рука была еще слишком хрупка. — Вот. Спите.

— Не отнимайте руки. Так лучше.

— Спите, администратор.

— Да... — пробормотал он. — Я администратор... Совсем забыл.

Он снова впал в забытие. Вера долго не отнимала руки, чувствуя, как набухает и опадает сосуд под кожей, как течет

кровь. Кровь пульсировала быстро, беспокойно. Беззащитный человек спал, отдавшись под ее покровительство. И ей показалось, что и ее сердце, словно резонируя, начинает биться сильнее.

Мяч был звонок, удар — уверен, самочувствие — на уровне. Еремеев честно проделал в спортивном зале то, что называлось у него разминкой. Когда успокоилась совесть, всегда донимавшая его, пока он не выполнял определенного им для себя количества рывков, ударов и финтов, он остыл и немного поплавал в бассейне и лишь тогда почувствовал себя человеком, который имеет право быть довольным собой. Он выбрался из бассейна, вытерся, оделся и направился обедать. Как всегда, он немного опаздывал, но к этому привыкли. Еремеев питался по специальной диете, сам ходил на синтезатор, выбирал и заказывал, и немного стыдился этого: не хотел, чтобы его считали привередливым.

— А где Мила? — спросил он сидевших за столом.

— Зайдите к ней, — сказала Инна. — Она грустит.

Еремеев никогда ничего не боялся, кроме одного: сыграть плохо. Фанатически преданный спорту и давно уже не занятый мыслями о ценности этого рода деятельности, о его непременности — или, напротив, условности в системе ценностей человечества, он не мог сказать и пяти слов без того, чтобы не перевести разговор на игру — вчерашнюю или послезавтрашнюю, а если игра предстояла сегодня, то он и вообще не разговаривал, занятый собой и матчем. Сейчас он чувствовал, что теряет форму, потому что занятия в одиночестве никак не могли заменить настоящей тренировки. Потеря формы означала, что, даже получив возможность играть, он не даст всего, чего от него обычно ожидали. От этой мысли ему делалось страшно. И, как ребенку, прекрасно развитому физически и обладающему тактическим мышлением, но все же ребенку, ему надо было прижаться головой к кому-то, почувствовать на затылке теплую и надежную руку человека, которому можно во всем довериться — и замереть, затихнуть, собираясь с силами. Здесь надежной опорой для него была Мила. И вот что-то происходило с ней...

Еремеев торопливо вошел в каюту. Мила, свернувшись, лежала на диване. Еремеев немного подумал.

— Инна тебя хвалит: говорит, ты хорошо обставила ее комнаты.

— Правда? — Мила слабо улыбнулась. — Мне и самой показалось, что получилось неплохо.

— И у Зои тоже.

— Я стараюсь для всех. Еще надо сделать Нареву, физику... Еремеев оглядел каюту.

— А мы ничего не станем переделывать?

Не услышав ответа, он оглянулся. Мила беззвучно плакала. Он подсел, обнял ее, шепотом сказал:

— Знаешь, может, нам и не надо. Я думаю, мы вернемся. Скоро, совсем скоро. У меня верное предчувствие.

Жена продолжала плакать.

— Ну, что ты? Ну, что?

Ты не поймешь, — хотела сказать она, но вместо этого пробормотала:

— Все равно... не выходит, как хочется. Нужны гравюры... картины...

— Ну, повесь.

— Синтезатор не делает... гравюр. Ничего такого...

Он обнял ее крепче.

— Нет, — пробормотала она. — Пусти. Сейчас пройдет.

— Надо держаться, — сказал он. — Надо. Ну, подумаешь — гравюры. Ничего, можно жить и без гравюр. Без многого можно жить. Мне вот тоже приходится как-то обходиться без игры.

Ох, как она его ненавидела в эту минуту! Сбросила его руку. И заплакала еще сильнее.

— Милок! Ну, не надо! Ну что ты!

Мила утирала слезы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Капитан Устюг всегда недолюбливал пассажиров: самый беспокойный груз. Сейчас он заставлял себя любить их, старался отыскать в каждом из них как можно больше хорошего. Причин тому было множество. Теперь он был виноват перед пассажирами еще больше, чем в начале побега от Зем-

ли: батареи вышли из строя по его вине, а когда виноват, далеко не всегда спрашивают, ошибся ли ты, стремясь ко благу или просто по небрежности, по лености ума. Пассажиры же то ли на самом деле не понимали, что он виноват, то ли не желали понять этого, и вели себя так, что лучшего нельзя было бы и желать.

Поэтому если в нормальных рейсах капитан показывался пассажирам два-три раза за месяц с лишним, то сейчас он целые дни проводил с ними, чтобы постоянно ощущать их настроение и вовремя предупредить любую нежелательную перемену в нем. Он не обнадеживал и не разочаровывал, просто старался всем своим видом показать, что все в порядке, все идет как надо. До поры до времени это ему удавалось.

Ради спокойствия пассажиров Устюг в какой-то степени отступил от своего долга. Что прежде всего должен был сделать капитан в такой ситуации, в какую попали они? Проверить состояние сопостранственных батарей, понять — можно ли восстановить их, или устройства вышли из строя безнадежно, и уже в зависимости от этого строить свое поведение. Но капитан не сделал этого. Он видел пострадавшие батареи всего один раз, вместе с Рудиком, сразу же после аварии. Тогда все там было раскалено, пришлось ограничиться осмотром издали. И теперь, хотя батареи давно уже успели остыть, он не спешил повторить визит. Слишком многое говорило за то, что батареи погибли безвозвратно, а знай капитан это наверняка, он не сумел бы удержать секрет при себе — капитан Устюг был никудышным актером, мысли его легко прочитывались на лице, пассажиры сразу почуяли бы, что дело плохо, и кто знает, как повели бы себя. Капитан не хотел рисковать и ради общего блага предпочитал оставаться в относительном неведении, и даже не торопил Рудика с обстоятельным докладом.

Рудик и сам, казалось, не хотел спешить. Работая на синтезаторе, он исправно обслуживал пассажиров, а те придумывали все новые и новые заказы и находили в этом даже какое-то удовольствие, как если бы им хотелось на практике испытать всемогущество корабля. Сейчас потребовались картины. Как ни хитрил Рудик, ему вместе с Луговым удалось выжать из «Сигмы» лишь какое-то подобие орнамента — аб-

страктные фигуры, построенные из кривых. Но пассажиры и этому были рады, а экипаж — тем более.

Да, скверным актером был капитан. И обида на Зою — за то, что не поддержала тогда, в самый первый момент, — была так явственно написана на его лице, что все видели. Зоя лишь улыбалась про себя: ничего, пусть это будет наша первая маленькая ссора. Все равно, он придет: ему нужна поддержка. После примирения они станут еще дороже друг для друга. Так всегда бывает. Подождем еще денек, еще неделку... Бывает, что человек оказывает положенные знаки внимания, учтив и нежен, а в глазах его — пустота; вот тогда действительно становится страшно. А сейчас чувству их ничто не угрожает всерьез. Нет, ничто.

Так — в перепланировании помещений, смене обстановки, разговорах, отдыхе, играх — проходили дни, не приносившие ничего страшного, никакого разочарования, никакой беды — и капитану казалось, что он выиграл эти дни у какого-то врага.

Та-та-та. Та-та-та. Ладонь — мяч — пол. Шаг.

Звуки эти смешивались с шумным дыханием и резкими выкриками. Нарев, ведя мяч, пересекал площадку по диагонали. Остановился. Луговой, подняв руку, ждал передачи, между ним и щитом не было никого. Нарев, прищурившись, бросил мяч. Но Еремеев неожиданно выскочил, перехватил и помчался к противоположному щиту; мяч подхлестнутый ладонью, звонко ударялся об пол, подскакивал и на мгновение словно бы прилипал к пальцам игрока. Зоя встала на пути, но мяч, будто понимая обстановку, отскочил вкось, Еремеев одновременно сделал шаг в сторону — и, словно повиснув на долю секунды вровень со щитом, легко положил мяч в корзину и мягко спустился на пол.

Вторая команда проигрывала. Нарев начал новую атаку, но Петров, судья, засвистел. Появившаяся в зале Вера, отыскав глазами капитана, вышла на площадку, ход игры нарушился.

Капитан слушал ее, и на лице его возникало выражение заинтересованности и удовлетворения.

— Администратор в состоянии разговаривать, — объявил он громко. — Он просит меня навестить его.

Шелест, возникший в зале, был радостным. Администратор возвращался в строй, это означало поворот к лучшему. Такие люди, как администратор, не могут не найти выхода из самых сложных положений. Есть на что надеяться!

— Только не очень утомляйте его, — сказала Зоя.

Нарев стоял в нерешительности, ударяя мячом о пол и снова ловя упругую камеру. Стоило ли продолжать игру? Команда все равно осталась в меньшинстве. Но вбежал инженер Рудик, раздеваясь на ходу. Подняв руку, он вышел на площадку, Петров засвистел, и матч возобновился, но игра пошла не так, как до сих пор, а энергичнее, радостнее, быстрее: администратор пришел в себя.

Капитан торопливо нырнул в бассейн, чтобы смыть пот. Вода ласково гладила его кожу — голубоватая глыба, предназначенная лишь для того, чтобы омыwać тела людей и всем как будто позабывшая, что она — родня стихиям.

Петух, обезглавленный ловким ударом топора и неосторожно выпущенный из рук, несется, растопырив крылья, заливая свой путь кровью, уже неспособный представить будущее, но еще не забывший ужаса происшедшего. Так и человек, внезапно лишившийся всего, что составляло содержание его жизни, в первый момент не успевает ужаснуться грядущему, но ощущает лишь потерю того, чего ждал и к чему готовился. Значительнейшие события своей жизни люди воспринимают прежде всего эмоционально, разум же в это время цепляется за мелочи, за детали, так как лишь через детали человек может осмыслить главное.

Так произошло и с администратором Карским.

Достаточно оказалось ему услышать, что непосредственной, сиюминутной опасности нет, что не придется мучительно гибнуть, вцепившись в обломки корабля и делясь последним глотком воздуха и крошкой съестного, как мысли о потерянном тотчас же вытеснили из его сознания главное — мысли о будущем: уж слишком несопоставимы были они в его представлении. Администратор в первую очередь понял, что не попадет в Совет ни сегодня, ни завтра, и вообще никогда, и работу, подготовке к которой столько было отдано и от которой столько ожидалось, ему так и не придется делать. Поняв это, Карский ощутил в теле странную пустоту — исчезла цель,

которую он преследовал. Администратор, все последние дни уже живший мыслями на Земле, встречавшийся в воображении с другими членами Совета и делившийся идеями, что возникли у него и за пять лет подготовки получили теоретическое обоснование, — администратор вдруг почувствовал себя так, словно его долго и настойчиво уговаривали прийти вечером в дом, и он долго не решался, и наконец пошел — и наткнулся на запертую дверь; никто не откликнулся на звонки и не отворил, — а в окнах был свет, и слышались голоса. Это было обидно и унижительно.

Все, что ощущал сейчас Карский, не оформилось еще в четкие мысли; это были не фразы, а настроения, не слова, а цвета, в которые вдруг окрасилось окружающее. Однако, даже не сумев сформулировать всей трагичности того, что произошло, администратор подсознательно уже постиг, что с ним обошлись плохо, поступили недостойно. Как и все, досконально постигшие мудрость причинно-следственного закона, он прежде всего подумал даже не о поисках выхода, но о поисках виноватого. И им мог быть только капитан.

— Как же вы, капитан, допустили такое?

— Могу повторить...

Капитан проговорил эти слова сухо, официально, а в голове стоял туман. Он шел сюда с радостью и надеждой, шел на совет, а попал, кажется, на допрос, и на допрос пристрастный. Капитан не снимал с себя вины, хотя и знал, что ни один законник не сформулировал бы ее: она относилась к этической, а не к правовой области. Чего хотел администратор: чтобы капитан сложил обязанности командира? Это было бы самое легкое, но Устюг понимал, что понесет свой груз и дальше, как бы ни относились к нему люди и как бы сам он ни хотел избавиться от этого груза. Чувство разочарования — вот это владело сейчас капитаном; зная за собой слабости, он подсознательно отказывал в них администратору, хотя и на самом высоком посту человек остается человеком. Администратор проявил слабость — значит помощи от него ожидать не приходилось и можно было лишь вести себя строго официально.

Все это Устюг даже не думал, но просто чувствовал, пока продолжал свои объяснения. Собственно, все было уже сказано, и Устюг поймал себя на том, что лишь затягивает вре-

мя. Ему стало стыдно, и он прервал свою речь сухим: «У меня все», — прервал так неожиданно, что Карский по инерции еще несколько секунд молчал...

— Значит, у нас практически нет шансов вернуться на Землю? И ни на какую другую планету? — проговорил он наконец, странно блестя глазами. — О, бессмертные боги, узнаю вашу иронию!

— Если появится хоть малейшая возможность, она будет использована полностью.

— Батарей?..

— Как только положение выяснится, вам будет доложено.

Но уже наступила реакция, и Карский, глядя мимо капитана, пробормотал:

— Можете не докладывать. Что от этого изменится?

— Дело в том, что вы нам нужны, вы — руководитель.

— Громко сказано. Двенадцати человекам?

Капитан мог бы сказать, что двенадцать — это много, особенно для замкнутого пространства. И что каждый из двенадцати хочет жить не менее, чем каждый из тысячи или десяти миллиардов. Карский же с горечью думал о том, что всю мощь его, как руководителя, хотят использовать для дюжины человек. Представляют полководцу командовать отделением, хотя тут нужен от силы сержант.

Он был неправ; но он был болен.

Не дождавшись продолжения, капитан встал.

— Поправляйтесь, администратор, — сказал он и вышел, и, как подумалось ему, карманы его были полны обломков надежды.

Зоя и Вера ожидали за дверью.

— Ну, что он?

— Вы не утомили его?

Капитан лишь покачал головой. Он смотрел на Зою. Вот на кого только он мог рассчитывать. На ее помощь, на ее поддержку.

— Зоя...

— Да, — сказала она. — Слушаю тебя.

Вот и дождалась, подумала она в этот миг. Он пришел. Конец недоразумениям. Все будет хорошо...

— Мы можем увидеться? Немного попозже?

— Да, если ты хочешь.

— Очень.

— Где?

Он сказал сразу:

— У меня, если не возражаешь.

Она улыбнулась.

— Нет, конечно. У тебя.

Капитан перевел взгляд на Веру. Девушка постаралась побыстрее согнать с лица улыбку.

— Сейчас я буду в энергодвигательном.

— Есть, — чинно ответила Вера.

Пришла пора осмотреть батареи всерьез, — решил капитан, уходя. — Чтобы что-то решить, наконец. Пришла пора принимать решения...

Она пойдет туда сразу же. Пусть капитан бродит по своему хозяйству, а она тем временем посидит у него, освоится с новыми для нее стенами. Попытается почувствовать там себя непринужденно, естественно. На этот раз уже не порыв привел их друг к другу, а сознание, что иначе нельзя. И сейчас Зоя была готова помогать Устюгу беззаветно, потому что чувствовала себя в чем-то сильнее.

Она вышла из медицинского отсека и, идя по широкому коридору палубы управления, улыбалась своим мыслям. Наверное, в каждой женщине оживает порой лихая девчонка... Хорошо творить добро и приятно дарить, особенно, если даришь самое себя и этого ждут с нетерпением.

Зоя свернула в другой коридор, покорооче. Здесь двери были пошире, плафоны на потолке — другой формы, в одном месте коридор, расширяясь, образовывал нечто вроде холла, и тут стояли два кресла и столик. В холл выходили три двери: каюта Веры находилась в другом месте. Зоя наугад отворила первую дверь, интуиция подсказала ей, что она ошиблась: здесь ничто не напоминало о капитане. Она отворила другую.

Каюта была просторной, из первой комнаты вели еще две двери, совсем как в квартире. Спальня и ванная смежные. Удобно. Одну переборку занимали стенные шкафы. Отныне это — ее дом, и, быть может, навсегда. Хороший дом, подумала она. Дом — это ведь не только стены...

Внимательно оглядев себя в зеркале, Зоя улыбнулась: давно она не выглядела так хорошо. Она села и посидела не-

множко, улыбаясь и представляя, как он появится на пороге. Потом стала думать о том, как встретит его. Пусть он сразу почувствует, что она пришла насовсем, что жизнь вошла в свои берега.

— Ну вот, я и пришла помочь вам.

— Вы не поверите, — сказал Нарев, — как я рад.

Мила оглядела каюту.

— Сколько помещений у вас будет?

— Двух достаточно, как вы полагаете? Хотя, пожалуй, три. Люблю простор. Думаю, что никому этим не помешаю: соседние каюты пустуют.

Мила уселась, развернула альбом, провела элогографом несколько уверенных линий.

— С таким расположением вы согласитесь? Тогда скажите, чего хотели бы вы.

Нарев медлил. Мила подняла глаза, наткнулась на его взгляд, нерешительно улыбнулась и снова опустила голову.

— Тогда, может быть, так?

Она принялась рисовать. Нарев вглядывался в возникающий эскиз.

— Здесь хорошо бы что-нибудь повесить на стену. Только не такую сетку, как делает штурман. У вас нет чего-нибудь такого?..

Он подумал, распахнул шкаф. Поискал.

— Это не пригодится?

Мила взяла большую фотографию мальчика лет семи — одно лишь лицо, такое же удлиненное, как у Нарева, с пристальными, близко, как у него, посаженными глазами.

Нарев странно улыбнулся:

— Это, видите ли...

Он не закончил; Мила взглянула на него и поразились. Легко прочитав в его глазах глубокую тоску, она, словно сломавшись, упала головой на стол и зарыдала жалко и некрасиво, даже не закрывая лица руками.

Нарев подошел, сел рядом, протянул руку и провел по ее волосам, успокаивая. Ощувив прикосновение, Мила доверчиво повернулась, уткнулась лицом в его грудь и заплакала еще сильнее, глухо всхлипывая. Плечи ее дрожали, словно в ознобе. Нарев набросил на плечи женщины плед и продол-

жал гладить ее волосы, едва прикасаясь к ним. Он глядел не на Милу, а на свою давнюю детскую фотографию, и в глазах его была все та же тоска, сожаление о времени, которое ушло и продолжает уходить, чем дальше — тем быстрее.

Он испытывал в этот миг странное чувство. Судьба — он не нашел, да и не искал иного слова — заставила его жизнь сделать еще один неожиданный поворот; а уж его ли жизнь не была богата поворотами и прыжками? Он думал сейчас о себе, как о постороннем человеке, а мальчик с фотографии глядел на него — хороший мальчик, еще не принимавший участия ни в одной аванюре. И обо всем, что Нарев делал и к чему стремился, он тоже думал сейчас, как о вещах, относящихся к кому-то постороннему. У него было великолепное качество: способность быстро примиряться с происшедшим и не стараться вернуть утерянное, но сразу ориентироваться в новой обстановке. Нарев был, как говорится, легкий человек, не таивший долго ни зла, ни сожалений, с памятью о женщинах он расставался так же легко, как и с воспоминаниями обо всем другом, как распростился недавно с мыслями о тех людях, что и сегодня, наверное, ждали его на Земле и продолжали на него надеяться. «Не дождутся», — подумал он, и это было все, чем он их удостоил.

Рука его все касалась волос, они были коротко подстрижены и не закрывали шеи, и Нарев поймал себя на желании притронуться к нежной коже. Он едва сдержался, и этому надо было удивляться: не желанию, а тому, что он его не выполнил. Нарев с тревогой, неожиданной для него самого, стал думать о том, что означает это чувство — не влечение, но нежность, какую испытывают к ребенку. Хотя ему было тридцать восемь, и разница между ними вряд ли превышала полтора десятка лет.

Нарев знал себя и свою способность на сто процентов использовать всякое обстоятельство в любой обстановке. Он уже решил, что предстоит ему сделать в этом странном мире, и был уверен, что выполнит задуманное. По сути, он уже и начал. Сейчас его занимало иное: не явится ли нежность чем-то, что повредит его способности легко принимать новые правила игры и, почти мгновенно усвоив их, играть и переигрывать других. В этом неожиданно возникшем мире тоже были свои правила, и Нарев уже по-

стиг их; одно заключалось в том, что надо было сразу обеспечить себя чем-то, чего могло не хватить на всех. И он, казалось, сделал шаг к этому, и хотел верить, что только холодный эгоизм заставлял его сейчас сидеть рядом с этой женщиной, а вовсе не чувство сострадания и не что-то иное. Нарев знал, что он эгоист и за много лет привык к этому; ему не хотелось менять кожу — старая сидела на нем привычно, обмялась по фигуре, он чувствовал себя в ней великолепно. И все же какая-то струна в его душе была настроена не в лад с остальными. Почему именно эта женщина заинтересовала его — единственная, которая не была тут одинокой? Только ли желание действовать наперекор людям и брать над ними верх заставило его выбрать ее или что-то другое? Другое пусть бы оставалось юношам...

Он прислушался. Мила дышала реже и ровнее; кажется, уснула. Нарев усмехнулся, иронизируя над самим собой, а рука его продолжала гладить короткие, шелковистые волосы.

— Милый, что мы будем делать?

Опять этот голос — почти беззвучный, мягко, безболезненно проникающий в сознание. Голос, в котором обычно звучит профессиональный наигрыш, который, наверное, останется навсегда. Но неужели даже здесь нельзя какое-то время не слышать ничьих голосов? Здесь, где один человек приходится, если прикинуть, наверное, на миллиарды миллиардов кубических километров пространства!

Истомин что-то буркнул, не оборачиваясь. Тут же узкие ладони невесомо легли ему на плечи, пальцы дотронулись до шеи.

— Уже много времени, нельзя же постоянно работать! Ты сжигаешь себя, милый, а я хочу, чтобы ты жил долго... И потом, тебе грозит опасность исчерпать себя! Не помню, кто это писал, что прерывать работу надо как раз тогда, когда становится ясно, как идти дальше. Ты помнишь, конечно, кто.

Он мысленно зарычал. Ему как раз было совершенно неясно, как идти дальше; все застопорилось, вместо четкой структуры была овсяная каша. Кашу Истомин терпеть не мог.

Вслух он, однако, рычать не стал. Подумал лишь: вопрос счастья и несчастья — вопрос количества. Что-то в меру —

счастье. Сверх меры — беда. Мы пишем порой, что кто-то был счастлив безмерно. Бред. Счастье — это мера. Счастье: ты работаешь и знаешь, что потом, закончив, выйдешь из своего гнезда и, пройдя много ли, мало ли, постучишь у двери, за которой ждет тебя женщина. А беда — вот она: та же самая женщина сидит тут и мешает тебе работать.

Сделав такое заключение, Истомин снял ее ладони с плеч, поцеловал их и сказал настолько мягко, что сам удивился:

— Чего же ты хочешь?

— Может быть, сходим, посидим у кого-нибудь? Поболтаем... Или пойдем в бар...

— Я хочу еще поработать.

— Ах, я помешала? Извини...

Независимые нотки проскользнули в голосе Инны, и Истомин внутренне усмехнулся: женщинам свойственно тонко оценивать ситуацию. Сейчас прекрасно-слабый пол в дефиците, и Инна явно намекает, что я более заинтересован сохранить ее, чем она — меня. Не страшно, не страшно...

— Я сказал, мне надо поработать.

Она с минуту смотрела на него — странно, изучающе:

— Скажи: у тебя там тоже есть женщины?

Он не понял.

— Ну, в этом романе.

— А разве бывает иначе?

— А кто они?

— Чего ты хочешь?

— Я спрашиваю: с кого ты их пишешь? Наверное, ведь не с меня. С Милы? Или это Зоя?

— Слушай, да что ты, в самом деле...

— Ты, наверное, мысленно с этими женщинами, а вовсе не со мной. Милый, скажи... Ты считаешь, что ошибся? Да? Я мешаю? Ты ведь думал, что все ненадолго. Земля была так близка — и вдруг приходится продолжать случайную интрижку... Но разве я тебе навязывалась?

Он тяжело вздохнул.

— Слушай, сходи в бар одна — там, наверняка, сидит кто-нибудь.

Он и не глядя знал, что Инна сейчас сжала губы, глаза блеснули из-под опущенных ресниц — трансплантированных, конечно, а впрочем — кто их разберет.

Жестко прозвучали, удаляясь, ее шаги. Истомин облегченно вздохнул, но тут же нахмурился и снова бессмысленно уставился на диктограф, словно гипнотизируя аппарат взглядом.

Лифт стремительно пролетел по шахте; звонко шелкнул шлюз энергодвигательного корпуса, и кабина замерла. Капитан вышел. Вспыхнуло табло, голос повторил написанные красным слова: «ОСТОРОЖНО! ПРОВЕРЬ ИНДИКАТОР!» Капитан привычно коснулся нагрудного кармана. В этом корпусе следовало быть внимательным.

Проходя мимо узких дверок, Устюг прислушался к негромким голосам:

«Я первый накопитель. Энергия — норма. Расхода нет».

«Я второй накопитель. Под нагрузкой. Расход — одна десятая».

Устюг машинально кивал в ответ на рапорт каждого автомата. Кивал просто по привычке: на деле он их даже не слышал. Он и так знал, что накопители в порядке. А вот батареи...

По узкому трапу он спустился к батареям.

«Я первый блок. Вышел из строя. Опасности нет».

Капитан глянул на свой индикатор. Опасности не было.

«Я второй блок. Вышел из строя. Опасности нет».

Капитан протянул руку к дверце. Нажал предохранитель. Отворил.

Пахло холодной гарью. Сгоревшая изоляция теперь осела и покрывала пол, словно кто-то в спешке и страхе жег здесь бумаги. На самом деле тут сгорело нечто большее, чем секреты: судьба тринадцати человек. Но пепел — не самое страшное... Капитан ладонью счистил остатки сгоревшего защитного слоя, нагнулся, вгляделся. Тончайшие пластины батарей — вот что было главным. Они были просты, изготовить их заново вроде бы не составляло труда — одну, десять, даже сто. Но точность сплава, отделка поверхности... И к тому же, сто — куда ни шло, но в шести блоках их было более полумиллиона. Это была бы задача на годы. Годы требуют великого терпения. Хватит ли его? Об этом размышлял капитан, вертя в пальцах обрывок изоляции. Потом сигнал прервал его мысли: зажужжал аппарат на стене. Он ответил.

— Капитан? — В голосе Веры была тревога. — Вы нужны здесь, капитан. Быстрее, пожалуйста...

По голосу он понял: что-то произошло.

Выйдя из каюты в салон после маленькой ссоры с Истоминым, Инна остановилась. Идти в бар одной было все-таки неприлично, хотя это происходило и не в городе, а на корабле, где все всех знали. Именно здесь, чтобы не опуститься, надо соблюдать все условности, принятые в мире. Лучше всего пригласить Нарева: рыцарь. И с ним интересно.

Она постучала, сразу же вошла — испуганно улыбнулась, потом улыбка стала лукавой. Она прошептала извинение и отступила в салон.

Настроение у нее сразу испортилось.

Так никого и не найдя — из тех, конечно, кого стоило искать, — она, подавляя внутреннее сопротивление, направилась в бар одна. Еремеев сидел там в одиночестве. Инна сделала большие глаза.

— Валентин, что с вами? Вы поссорились?

Она, конечно, видела, что они не поссорились — Еремеев был настроен благодушно. Это и укололо ее: сама она чувствовала себя далеко не так хорошо.

— Нет? А я подумала...

Сегодня вечером занимать общество предстояло Карачарову. Он согласился на это с неохотой, но, в общем, говорить о своем деле ему всегда нравилось, независимо от того, кто его слушал. И он решил не столько рассказывать, сколько просто вслух поговорить сам с собой о пространстве и о том, что бескрайне простиралось за округлыми стенками их мирка, и о соппространстве, которое было рядом, и все же не воспринималось никакими органами чувств.

Физик уселся в одном из кресел салона, кивнул Петрову, без которого теперь салон просто нельзя было представить, и тут же отвернулся, боясь, что старик сочтет это движение приглашением к разговору. Готовиться нужно было именно в салоне: иногда та форма изложения, что вызревает в тесной комнате, совершенно не звучит в обширном зале — даже если ты оперируешь только фактами. А тут ведь — сплошные гипотезы. С какой же, кстати, начать?

Физик задумался. Бромли полагает, что соппространство — это область высших линейных измерений. По представлениям Симоняна, соппространство связано с нашим обратной зависимостью, и пока наше пространство расширяется, то, другое, сжимается — поэтому-то расстояния в нем преодолевать так легко. Ассенди, идя от геометрических представлений, считает, что...

Он запнулся: что-то помешало думать дальше. Не новая мысль, еще нет, но ее предчувствие. Тут надо было обратить внимание на что-то, поставить нотабене в памяти. На что-то, что могло оказаться очень существенным — непонятно, правда, для чего. Карачаров уже знал это предчувствие и привык доверять ему. Ну-ка, пройдем все сначала. Бромли, значит, полагает, что...

Додумать не удалось. В салон ворвался Еремеев; он мчался, словно на поле в атаку. Инна поспевала за ним, вцепившись в рукав. Еремеев рванулся — Инна едва удержалась на ногах, — подскочил к двери каюты Нарева, шагнул внутрь. И тотчас что-то упало, и раздался женский крик.

Капитан переводил угрюмый взгляд с кровоподтека на лице Нарева на футболиста, морщившегося и потиравшего колено, а сам в это время думал: черт побери, почему придется второй раз в жизни проходить через этот круг ада?.. Перед глазами его, глядящими в будущее, проходили эти же люди, но уже иные: мужчины с обезумевшими глазами, сжатыми кулаками, пропитанные потом схватки, окровавленные, теряющие облик людей, с разумом, капитулировавшим перед инстинктами; женщины — испуганные, принужденные силой, давно утратившие свое полное достоинства положение, не знающие, кто восторжествует сегодня и не помнящие, с кем они были вчера... Память подсказывала ему, что это не бред, не черная фантазия; и страх, пережитый в молодости, вдруг ожил в нем, ожили животный ужас, ощущение бессилия перед деградацией — и все это заставляло не верить больше никому. Надо было задушить врага, прекратить нисхождение в самом начале, пока еще действовали тормоза. Прекратить даже ценой крови — потому что кровь эта будет малой по сравнению с тем, что может ожидать их в будущем. А ведь была еще и Зоя, и подумать о том, что будет с ней,

оправдайся его опасения, — подумать об этом было выше его сил.

Он думал об этом, но лицо его оставалось спокойным, а голос — таким же размеренным, хотя в глазах были гнев и презрение.

— Первый инцидент. Из-за ничего. Надо было разрядиться, сорвать злость. Понимаю. Все это бывало. Если считаете, что придумали это первыми, то ошибаетесь. Понятно?

Он помолчал, собираясь с духом, зная, что сейчас начнет резать по живому. Как и всякий нормальный человек, капитан чувствовал себя нехорошо, когда ему предстояло причинить кому-то боль. Но пассажиры оказались слабыми людьми, а профессия не научила капитана уважать слабых: из-за них гибли сильные. Однако не эти мысли заставили Устюга сделать паузу и опустить глаза. Просто он вдруг ощутил на губах ее губы, а ладонями — ее плечи, и понял, что этого никогда не будет в его жизни. И ничего нельзя изменить, потому что несчастье выдается целиком, а не режется на ломти, из которых можно ухватить самый маленький. Сейчас ее не было здесь; капитан не думал о том, где она, но радовался ее отсутствию, потому что ему предстояло быть жестоким и даже грубым, и хорошо, что это произойдет без Зои.

— Вы! — сказал он актрисе; ей — потому что была и ее вина в происшедшем. — Кто вы?

Она улыбнулась, растерянно и кокетливо.

— Не знаю, что вы имеете в виду... Кто я? Пассажирка? Актриса? Женщина?

— Вы не женщина, — сказал он грубо.

Инна медленно прикрыла глаза, руки чуть поднялись и упали. Пассажиры зашумели.

— Капитан! — громко сказал Истомин.

— Молчать! — оборвал капитан, даже не повернув к нему голову. — Вы — не женщина, — повторил он, глядя на Инну. — И все вы, — он повел рукой округ, — не мужчины и не женщины. Просто люди. Забудьте о делении на мужчин и женщин. Для нас в нем — гибель. Только люди — никаких иных отношений на этом корабле быть не должно!

— Простите, капитан, — дрожащим голосом сказала актриса, — но, мне кажется, мы свободные граждане... У вас нет права. Элементарная этика...

— Здесь этика — мой приказ, — холодно ответил капитан. — Запомните: здесь закон — Устав Трансгалакта, и один я имею право истолковывать этот Устав. Приговаривать. И в случае нужды, — он помолчал и сжал кулаки, — приводить приговор в исполнение. И я не остановлюсь перед тем, чтобы ценой одной или двух жертв обеспечить остальным мир, спокойствие и долгий век, а может быть... может быть — и возвращение.

— Надеюсь, — нервно спросил Истомин, — о приговорах — это преувеличение?

— Нет, — ответил капитан. — Все так и будет.

— Это насилие... — прошептала Инна.

— Подождите, капитан, — тихо проговорила Мила, и Устюг невольно умолк: настолько убедителен был ее тон.

— Никто ведь не виноват, кроме меня. А я... я просто вспомнила... Не могу больше. Думала, что смогу, но... Простите меня. Нет, все не так, как вы думаете. Просто у меня есть сын. На Земле. Я об этом не говорила — Вале этого не хотелось, я его понимаю, хоть мне и жаль... но это другое. Сын на Земле, и я больше не могу без него. Мы тут странно живем, капитан, не говорим о Земле, не упоминаем вслух о надеждах, но ведь, правду говоря, мы только ими и живем. Вы говорили, что есть один шанс — из скольких-то там. Так используйте его, потому что всем нам пора домой...

Она смотрела на капитана уверенно, как человек, знающий, что просьба ее — лишь дань вежливости, на деле же у нее есть право требовать: никто не может отказать матери в ее праве быть со своим сыном. Все молчали; Еремеев потянулся было к ней, но она холодно, как на чужого, глянула на него, и он остался сидеть, не зная, осуждает ли она его за драку или не может простить того, что он никак, ну никак не мог разделять ее любовь к мальчику, которого никогда в жизни не видал... Господи, подумал вдруг Истомин, какая банальность на грани пошлости! Право, в литературе такие вещи давно уже запрещены и остались только в жизни; нет ничего банальнее жизни!

Капитан знал, каким будет его ответ, но не хватило сил, чтобы сказать ей это так, сразу — слишком страшно и бесчеловечно было это! Но не только капитан внутренне замер, и остальные поняли, что именно сейчас, сейчас, а не раньше,

решается вопрос: встретятся ли они еще с тем, из чего ранее состояла их жизнь, или они лишены этого навсегда. Всего, начиная с Солнца и неба; и люди как по команде подняли глаза к невысокому потолку салона, отныне и навсегда ставшему их небом, и прошлись взглядом по гладким переборкам, ограничивавшим теперь мир, еще недавно столь бескрайний, — и наконец остановились на лицах соседей, ставших теперь маленьким человечеством, замкнутым в себе.

— Мальчик, — сказала Мила снова, и всем стало жутко. — Сын. Что же вы молчите, капитан? Мы ждем!

Она поймала взгляд капитана и все поняла, и не смогла удержать слез. Нарев встал, враждебно глядя на капитана. Но, опережая его, вскочил и физик.

Карачаров не выносил женского плача. Он готов был сделать все, что угодно, обещать что можно и чего нельзя, только бы рыдания наконец прекратились. И он крикнул яростно и убежденно:

— Перестаньте, Мила! Не унижайтесь! Они ничем не могут нам помочь, но я могу! Я сделаю все!

Он чувствовал себя в этот миг даже не трибуном — пророком, и ощутив, что взгляды скрестились на нем, продолжал еще громче и убежденнее:

— Я найду способ вернуться на Землю!

Он не мог бы сказать, откуда взялась в нем эта уверенность в своих силах и в разрешимости задачи, но сейчас верил в себя бесконечно.

Капитан внимательно взглянул на него.

— Хорошо, — сказал он. — Требуйте от нас всего, что в наших силах.

— Откройте, — сказал Карачаров, протянув руку в сторону прогулочной палубы.

Капитан подошел к стене, и матовая часть переборки исчезла. Взглядам собравшихся открылся прозрачный борт.

Ночь отблескивала, как вороненая сталь, и незнакомые звезды сияли на уровне их глаз и на уровне ног. Мир был неподвижен; с трудом верилось, что он — не твердое тело и что корабль не застыл в нем, как букашка в глыбе янтаря, но мчится со скоростью, непостижимой для рассудка. Пассажиры молчали, глядя в пустоту, которая всю жизнь была лишь фоном для звезд, и вдруг стала единственным, что осталось

во Вселенной. Где-то неизмеримо далеко в этой пустоте была Земля.

— Мы вернемся, — сказал физик, и слова его прозвучали, как вызов пустоте и неподвижности.

— Капитан, — спросила Инна в наступившей тишине. — Можно ли считать, что ваш запрет больше не имеет силы?

— Нет, — сказал Устюг, отчетливо разделяя слова. — Я этого не говорил, и так считать нельзя. Мы еще не вернулись, и никто не обещает, что это совершится завтра. Запрет остается в силе.

Он подождал; все подавленно молчали. Капитан встал и пошел к выходу. Он уже отворил дверь, когда актриса негромко, но отчетливо проговорила:

— Интересно, относится ли это ко всем?

Капитан не обернулся, но испытал такое ощущение, словно в спину ему вогнали узкий, острый нож.

Зоя, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Ей казалось, что она заранее знает все те выражения, какие возникнут на нем. Она даже догадывалась, что он поцелует ей руку, хотя никогда не видела, чтобы Устюг целовал руки. Сейчас он просто должен был сделать это.

А тут на его лице она увидела боль.

Устюг остановился на пороге, как бы наткнувшись на препятствие. В первый миг Зоя приписала это смущению и шагнула к нему.

Устюг перевел взгляд с нее, на накрытый столик с бутылкой вина, возвышавшейся, показалось ему, словноobelisk в память погибших надежд; торопливо отвел глаза в сторону, потом опять взглянул на Зою.

— Все не так... — невнятно проговорил он. — Зоя... все не так.

— Что с тобой? — спросила она шепотом. — Ты заболел? Тебе плохо?

— Плохо, — сказал он. — Хуже некуда. Я запретил... Они... Мы... Ах, черт!

Зоя не спросила его, что именно он запретил и почему. Она даже не разобрала его слов. Увидела лишь, что ему тяжело, и сделала то, что теперь казалось ей естественным:

подошла к нему, положила руки на плечи, прошептала: «Не думай ни о чем», — и прижалась губами к его губам.

В следующий миг он, изнемогая оттолкнул ее. Еще секунду она смотрела на него, и взгляд ее леденел.

— Ты не поняла... — пробормотал он.

Но она не стала и слушать, с нее было достаточно. Ее оттолкнули — сейчас. Большого оскорбления нельзя было нанести — страшного, незаслуженного...

— Ну, вот, — сказала она, медленно опуская руки. — Все и выяснилось. Чудесно.

Он бормотал еще что-то; она не слушала.

— Словно я вешалась на шею... Хотя что я говорю: так я и вела себя. Но больше никогда... Ах, да что...

Он стоял красный, глядя в пол. Потом поднял голову:

— Ты поймешь потом... Но надо будет сделать инъекции.

— Там Вера, — холодно сказала Зоя. — Она сделает, — она произнесла это механически: была раздавлена, уничтожена, гневалась на себя и чувствовала, что не понимает, ничего не понимает.

— Я не о Карском. У нас есть анэмо. Надо сделать инъекции всем, начиная с меня.

Тут только до нее дошел смысл слов.

— Подавить эмоции? Зачем? Как можно придумать такое?

Он принялся объяснять снова. Но если надеялся заслужить этим прощение, то напрасно. Зоя лишь возмутилась:

— Кого вы испугались, капитан? И кто, по-вашему, мы, женщины?

Милая, хотелось сказать ему, в нормальной обстановке ты жила королевой среди людей, тебе не грозило ничто, и ничего ты не понимаешь...

— Это необходимо, — сухо сказал он. — С утра начинайте.

Она сверкнула глазами:

— Я хочу, наконец, уйти!

Она шагнула, и Устюг отступил, как если бы она отстранила его рукой, а не голосом. Он почувствовал слабый, сложный запах, всегда окружавший ее, протянул руку и попытался удержать Зою уже в дверях.

— Пустите! — сказала она гневно, и он убрал руку.

Он долго стоял в дверях, прислушивался к удаляющимся шагам, хорошо слышным в тишине палубы управления. Шаги

были решительны и звонки, как удары сабли. Потом оглядел каюту, и она показалась ему враждебной.

Как о чем-то постороннем, Устюг подумал о том, что чувство Зои перейдет в свою противоположность таким же таинственным образом, какими люди и корабль превратились вдруг в антилюдей и антикорабль.

Впрочем, может быть, это было естественно, и антилюди должны были приходить к ненависти там, где нормальные люди ограничились бы любовью?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Осторожно! Краем, краем... Стоп! Так не пойдет.

— Погодите, я подниму тот конец.

— В одиночку?

— Ну!

— Ладно, покажите, какие преимущества дает спорт! Все по местам! Готовы? Раз, два...

Они впятером вытащили из туристского салона громоздкое устройство, заменявшее бар. Нарев, не дожидаясь ничьих распоряжений, стал освобождать туристскую палубу, чтобы, когда понадобится, помещение оказалось готовым для физика. Когда гулкий хромированный сундук оказался на площадке лифта, Нарев разогнулся и подул на пальцы.

— Молодец! — сказал он.

Он глядел на Еремеева так, словно между ними не было ничего худого: ни драки, ни неприязни. И футболист ответил ему таким же взглядом.

— Золотая медаль! — провозгласил Нарев торжественно. — Вручение состоится позже: работа не ждет. Ну-ка, быстро, бодро, свежо!..

Зоя стояла в аптечной каютке. В прозрачных шкафах лежали медикаменты и кристаллы с записями рецептов, посредине находился автономный пульт, откуда можно было передавать заказы прямо на синтезатор.

Зоя подошла к шкафу и нажала кнопку. Выдвинулся нужный ящичек. Там лежало несколько десятков небольших ампул. Зоя захватила в горсть, сколько смогла, подошла к при-

емнику утилизатора. Блестящие стекляшки, звякая, посыпались в трубу. Зоя взяла еще горсть. Когда последняя ампула исчезла, она задвинула ящичек и перешла к другому шкафику, где хранились кристаллы с рецептами. Отыскав нужный кристалл, она отправила и его вслед за ампулами. Снова вспыхнула лампочка, показывая, что утилизатор принял адресованный ему предмет.

Зоя невесело улыбнулась. Любовь нельзя убивать насильственно; пусть умирает своей смертью.

Наконец, она выполнила последнее: приготовила ампулы с дистиллированной водой, которая никак не могла влиять на эмоции.

Медицина изменилась давно и основательно. Лечить болезни приходилось редко; до них дело не доходило, не допускали. Основой был постоянный, автоматический контроль над здоровьем каждого человека и своевременное вмешательство, которого пациент обычно даже не замечал.

И, сколь бы это ни казалось странным, победа медицины привела к уменьшению общественного веса медиков в жизни. Когда не горит, о пожарных не думают; эта судьба постигла и врачей, и теперь эта профессия требовала куда больше самоотверженности и давала намного меньше простора для честолюбия, чем сто или двести лет тому назад.

Зоя не то, чтобы примирилась с этим — она просто не представляла, что может быть иначе. Она знала, что к ней не придут за советом, потому что здоровье людей не подвергалось никакой угрозе. Но точно так же, как капитан, который знал, что никто не снимет с него ответственности за людей и корабль, так и доктор Серова не допускала мысли, что она, собственно, может и не отвечать за полное здоровье людей, вместе с нею заброшенных судьбой куда дальше, чем на край света.

И когда капитан отдал ей распоряжение, она без колебаний решила, что не выполнит его.

Для капитана эмоции были поводом к беспокойству. Не один лишь секс — любые эмоции могли сделаться причиной неуправляемости людей, причиной нежелательных эксцессов.

Зоя же полагала, что искусство управления заключается не в подавлении и отсечении каких-то свойств, присущих

людям, но в их правильном использовании, что эмоции дают человеку возможность справляться с задачами в таких условиях, в каких, руководствуясь одним лишь рассудком, он предпочел бы сдаться.

Думала она, конечно, не так отвлеченно. Она думала о себе и о своих чувствах. Ей было больно и обидно, но, способная к объективному мышлению, Зоя понимала, что любая боль сейчас лучше безразличия.

...Послышались шаги; кто-то из пассажиров пришел за своей порцией дистиллированной воды. Почему они приходили? Просто потому, наверное, что за время жизни многих поколений выработалась привычка считать, что отвечающие за какое-то дело разбираются в нем лучше остальных и принимают правильные решения. Признак здорового общества? Конечно, но отсюда только шаг до бездумности, и небольшой шаг.

Капитан постучал. Ему ответили, и он вошел.

Карачаров лежал, закинув руки за голову, и глядел в потолок. Увидев капитана, он не встал, а только приподнял голову и кивнул в сторону кресла. Капитан сел. Некоторое время они молчали, потом капитан заговорил.

— Так. Скажите откровенно: вы и в самом деле рассчитываете?..

Физик сделал неопределенную гримасу, дернул локтями — наверное, это должно было означать, что он пожимает плечами — и наконец ответил:

— Откровенно говоря, в ту минуту я не взвешивал, насколько это реально. Не могу видеть, как женщина плачет — по-настоящему, а не для протокола.

Капитан кивнул.

— Это тогда. А сейчас?

— Ну, — сказал физик, — это... э... да. Одним словом, я не уверен в том, что это невозможно. Все-таки большинство процессов в мире являются обратимыми — если отвлечься от второго начала термодинамики. Да и оно...

— Нам повезло, что вы оказались специалистом в этой области.

Физик приподнялся на локте.

— Будь я специалистом, я, наверное, поостерегся бы делать такое заявление. Нет, моя область — с другого края физики. Интегральность Вселенной — вот ее название. И если бы вы знали, к каким выводам я там пришел... Вот попаду на Землю...

Капитан моргнул. Что такое интегральность Вселенной — он, в общем, знал: предполагается — далеко не всеми, конечно, — что все в мире взаимосвязано, и хотя мы не всегда способны проследить связи, любое событие непременно сказывается тем или иным образом на всех частях мира. Так понимал Устюг — не совсем правильно, может быть, но все равно к их теперешнему положению это никакого касательства не имело. Он протянул:

— Вот как...

Карачаров усмехнулся.

— Вижу, вы разочарованы. Напрасно. Именно поэтому я надеюсь на успех: не зная, где он лежит, я буду искать даже в тех направлениях, которые специалисту показались бы запретными. Нередко ответ скрывается именно в таких вот закоулках.

Капитан помолчал, как бы примиряясь, хотя в его профессии дело обстояло иначе.

— Что нужно вам для работы?

— Какой компьютер стоит на корабле?

— Блок из четырех стандартных «Сигм».

— Не так уж и плохо. Если понадобится энергия, на что я могу рассчитывать?

— Практически вряд ли вы будете нуждаться в таких энергиях, какими мы располагаем.

— Люблю быть расточительным. Каков объем вашей кристаллотеки?

— Что-то около трех миллионов записей. В том числе и последние; нам передали даже протоколы заседаний, где решалась наша судьба.

— Ага. Сможете ли вы выделить на корабле место, если оно понадобится для экспериментов?

— Сейчас пассажиры во главе с нашим путешественником готовят для вас туристскую палубу. Если вам понадобится вся ее площадь, мы уберем энергетические переборки простым нажатием выключателя.

— Ну, может быть, они рановато начали... Я пока читаю: надо же мне хоть сориентироваться в той области, основы которой я собираюсь колебать!

— Людям нужно действовать. Иначе они будут сидеть, оплакивать свою судьбу и сходить с ума. Нельзя злоупотреблять их терпением: это одна из немногих вещей, которые у нас не синтезируются.

— А... я понял. Постараюсь. Хотя открытия, как вы знаете, не планируются.

— Желаю вам успеха. И — спокойной ночи.

Говоря это, Устюг пытался понять: только ли дела привели его сюда? Или — или он и в самом деле думал, что физик вдруг заговорит о Зое? Покажет, серьезно это у него, или...

— Благодарю за пожелание, — откликнулся физик. — Только вряд ли. Я чувствую себя так, словно весь этот корабль лежит у меня на плечах. Тяжело!

— Значит, — сказал Устюг уже с порога, — вы одной ногой влезли в мою шкуру.

Настал день, когда, подумав о том, что осталось позади, Истомин ужаснулся. К счастью, человек способен быстро забывать неприятное; иначе женщины давно бросили бы рожать, а литераторы — писать книги. Если бы заранее представить себе всю эту мороку — блуждания по плохо вяжущимся отрезкам фабулы, лихорадочную, сбивчивую диктовку, ужас при виде того, как выглядит это на ленте, кромсание текста и передиктовку, и еще, и еще раз, потом медленное прослушивание с диктографа уже отработанных глав и новая правка их, и где-то перед самым концом — ужас от того, что все получилось не так, как было задумано, — если бы Истомин помнил обо всем этом, то у него, пожалуй, не достало бы сил браться за новую работу.

К счастью, все быстро забывалось и оставалось лишь удовлетворение от мысли, что, работа — пусть вчерне, в первом, весьма еще несовершенном варианте — закончена, и сколько-то дней и месяцев прожито не зря.

Сколько именно — Истомин не мог бы сказать, потому что представление о времени было им давно потеряно. Лишь взглянув в зеркало и увидев в нем свое вытянувшееся и потемневшее лицо с фиолетовыми полумесяцами под глазами;

он понял, что дней, верно, прошло немало. И кажется, он уже очень давно не видел Инны. Почему? Тут же он вспомнил, что, благодаря приказу капитана, ничто больше не связывало их, вспомнил — и впервые за все последние недели пожалел об этом. Вот сейчас ей следовало бы оказаться здесь: он пошел бы к ней, обнял и, устало улыбаясь, выслушал ее поздравления, и сказал бы, что она, сама того не зная, немало помогла ему в работе. Но ее не было...

Впрочем, стоит ли жалеть?

Он покосился на стол. Рукопись лежала там, отпечатанная диктографом на тонкой блестящей пленке — плотная, монолитная, убедительная. Кружилась голова, и хотелось есть. Писатель улыбнулся. Ему было весело, подмывало пройти на руках. Потом — он знал заранее — ему захочется спать, спать и спать, а на кофе он долго не сможет смотреть — столько его выпито за это время.

Но прежде всего надо было подойти к кому-нибудь и сказать, что он кончил большую половину работы и книга, кажется, получилась. Писатель чувствовал, что эта радость не может принадлежать ему одному.

Не сиделось на месте, и вдруг стало тягостным одиночество, за которое он все эти дни благословлял судьбу.

Желтый свет казался администратору круглым. Круглый свет, белый потолок и — если скосить до отказа глаза — часть двери; вот все, что осталось ему от многообразия мира. И время, неподвижное время, остановившееся раз навсегда. Это была не жизнь и не смерть; наверное, так чувствуют себя зимой деревья, покрытые белым снегом, оглушенные морозом. Администратору чудилось, что и он стиснут морозом, и соки в нем прекратили движение.

Нет, он был срубленным деревом, корни остались далеко. Дерево тянется вверх и, срубленное, впервые видит небо где-то сбоку, нелепое, навсегда утраченное, и истома увядания медленно расходится по ветвям. Небо администратора рухнуло и погребло мир. Все без малого пять десятков прожитых лет оказались отсеченными, как сучья. Можно было внутренне негодовать, сжигая последние силы; можно было примириться. Администратор примирился. Он понял, что не хочет больше жить, потому что жить было незачем. Он ниче-

го не делал, чтобы умереть, но не старался и выздороветь, и поэтому, хотя регенерация и закончилась успешно, медленно сползал все ниже — к порогу, за которым — ничто.

Жить для него раньше означало — работать. Люди, у которых работа отождествляется с жизнью, счастливы, но, как и всякий счастливый человек, уязвимы. Случай попал в уязвимую точку Карского, как жало осы в нервный узел гусеницы, и, как у гусеницы, наступил паралич, только не тканей тела, а эмоций — это страшнее.

Карский замечал, как все чаще Вера смотрит на него с озабоченностью, как подолгу просиживает рядом. Ему было жаль ее и не хотелось огорчать, и он понимал, что должен как-то убедить девушку в том, что ему не страшно умереть и никому не должно быть ни страшно, ни неприятно от его смерти. Ему хотелось успокоить Веру, потому что он чувствовал — каким-то обостренным чутьем, как многие, умирающие в сознании, — что девушка жалеет его искренне и хочет, чтобы он выздоровел.

Однажды он решился. Он боялся, что не найдет нужных слов, но на этот раз ему показалось, что они придут. Вера сидела, как обычно, совсем рядом с устройством, в котором лежал он, сдавленный повязками, рычагами и системой стимуляции и контроля. Руки Веры лежали на коленях, и Карский с усилием протянул свою, уже желтеющую руку и положил ладонь на пальцы девушки.

Вера чуть повернула голову и посмотрела на Карского. И произошло странное: все слова, которые он только что хотел сказать в свое оправдание и в утешение ей и остальным, вдруг показались ему мелкими, фальшивыми и недостойными того, чтобы произносить их. Вместо этого он улыбнулся — и забрал руку с ее пальцев. Он лежал долго, глядя ей в глаза, и Вера не отводила своего взгляда. Ему стало покойно и хорошо; возникло странное ощущение — словно бы один из корней, не корень даже, а корешок, не был рассечен — просто засорились капилляры, и вот теперь ток жизни пошел по нему, медленно и горячо поднимаясь к сердцу. Он закрыл глаза и продолжал улыбаться, наслаждаясь новым ощущением, а Вера по-прежнему глядела на него и не отнимала руки; потом она осторожно повернула кисть ладонью

вверх и легко обняла пальцами его сухие пальцы, и ток — он почувствовал — стал еще сильнее.

В углу салона по-прежнему сидел Петров, и дым его сигареты косо тянулся к сетке климатизатора. Истомин радостно улыбнулся ему.

— А я книгу кончил, — сказал он.

— Вот как, — сказал Петров, не отрываясь от пластинки, на которой была изображена какая-то схема.

— Да, — сказал Истомин, откидываясь и мечтательно глядя в потолок. — И летопись окончена моя.

Петров аккуратно стряхнул пепел в пепельницу. Он всегда аккуратно стряхивал пепел в пепельницу, и, несмотря на это, пепел был у него всюду: на кресле, на брюках, на груди.

— О чем же? — спросил он равнодушно.

— Моя область — история, — с готовностью пояснил писатель. — Эпоха, как ни странно, напоминающая наше нынешнее положение. Я говорю об античном человечестве.

На этот раз Петров повернулся к Истому и внимательно посмотрел на него.

— Дела давно минувших дней, — сказал он. — А вот вы написали бы... — Он сделал паузу. — Хотя бы о том, как у человека осталась жена — где-то очень далеко. Молодая, куда моложе его самого. Хрупкий стебелек... Она не может одна — ей надо обвиться вокруг кого-нибудь, прильнуть сердцем. А на планете думают, что он погиб. Она долго одна не останется: красивая женщина и нежная, таких любят умиротворенно. А человек жив и еще, может быть, вернется. Надеется вернуться и знает, что она, наверное, уже с другим. Прильнуть и подчиниться — таков ее характер. А он ее помнит, помнит... — Петров резко ткнул сигарету в пепельницу. — Вот об этом написали бы...

— Да, конечно, — сказал Истомин без особого воодушевления. — Тема представляет интерес. Только это беллетристика, а я занимаюсь серьезными проблемами. А вы, значит, увлеклись техникой?

— А у вас на Земле кто остался?

— Никого, кто стал бы особо сокрушаться.

Истомин сказал это сухо: он уже понял, что разговора не получилось, и ему стало обидно.

— Хотите, прочту местечко? — спросил он все же. — Оно пока еще нравится и мне самому.

Петров зажег новую сигарету и переменил положение в кресле.

— Вы бы все же попробовали про того человека с женой: что ему теперь делать? А если он вернется — тогда как? Придет она снова к нему? Или уже привыкнет к другому?

— А я откуда знаю? — сердито спросил писатель и встал.

Петров взглянул на него как-то беспомощно и торопливо отвел глаза. Станный человек, подумал Истомин. Зачем летит, куда его понесло? Никогда не говорил об этом. Выглядит так, словно он тут — самый счастливый, а на деле его, оказывается, одолевают не такие уж веселые мысли. Одни непоследовательности, а с виду — простая душа, все наружу...

Он, наверное, и еще думал бы об этом, но послышались шаги. Отворилась дверь, вошел Нарев с плоским ящиком, из которого торчали провода. Он кивнул писателю и подошел к Петрову.

— Доколе же, о Каталина? — хмуро спросил он. — Позвольте полюбопытствовать, зачем вы копаетесь в этом, когда вам ведать надлежит подводкой силового кабеля?

— А я что делаю? — спросил Петров.

— Вы изволите развлекаться схемой бытовой проводки в туристской палубе. А сие не ваша обязанность.

Петров неожиданно рассвирепел.

— А вам что за дело? — спросил он, исподлобья глядя на собеседника и стряхивая пепел на пол. — Думаю, доктору Карачарову виднее, кому что.

— Доктор все равно пошлет вас ко мне, — сказал Нарев. — Так что вы уж будьте настолько добры, не теряйте времени и занимайтесь тем, о чем я вас просил.

Он кивнул, словно ставя точку.

— Ох, уж эти ваши замашки, — сказал Петров.

— Что — мои замашки?

— Ничего.

— Вот и сделайте милость, работайте без нервов, — сказал Нарев и повернулся к писателю.

— Могу ли осведомиться, как ваши дела, маэстро? Что-то вас даже за обедом больше не видно.

Истомин стеснительно улыбнулся.

— Да вот, — сказал он. — Кончил книгу.

— Это чудесно, — сказал Нарев, — вы нас страшно обрадовали. Но, сами понимаете, нам сейчас не до этого. Да и, откровенно говоря, вам тоже не следует больше отрываться от общества: дело-то совместное, а на Землю, полагаю, вам хочется не меньше, чем всем остальным.

Он кивнул и отошел к двери. Истомин озадаченно поглядел на Петрова.

— Да что вы все так разнервничались? — спросил он.

Петров не ответил — он прислушивался. Потом сказал:

— Ага, идет.

— Кто? — спросил писатель в недоумении.

— Кто? — переспросил Петров. — Он, понятно.

Шаги и говор приближались к дверям.

На корабле теперь главное было — любовь. Любовь к физике.

Сейчас он вошел в салон быстрыми шагами, глядя прямо перед собой диковатым взглядом. Писатель заметил, что Карачаров осунулся; редкие волосы нимбом стояли вокруг головы.

Его сопровождало несколько человек: Зоя, Мила, Еремеев и инженер Рудик. Зоя держала физика за руку, а он старался высвободить пальцы. Но Зоя держала крепко и продолжала начатую еще в коридоре фразу:

— ...не выйдет. Вы будете спать после обеда, и я за этим прослежу.

Физик коротко засмеялся, словно каркнул, и опять дернул руку. Зоя сказала:

— Потом вы позанимаетесь с Валентином. Валя, погоняйте нашего доктора, как следует, заставьте его поиграть в мяч. Иначе он не выдержит, свалится от перенапряжения. — Она повернулась к физика и продолжала раздельно, чуть ли не по слогам: — Свалитесь, вы поняли? А куда мы без вас?

— Ну, доктор! — сказала Мила. — Честное слово, вы о нас совсем не думаете... Мы согласны ждать лишнюю неделю, только чтобы с вами ничего не случилось...

Физик, наконец, выдернул руку и пошевелил пальцами.

— Ну что вы, право, — сказал он. — Что я — особенный какой-то? Не беспокойтесь, все будет в порядке, а вы вместо того, чтобы ходить за мной, помогите бы тем, кто работает внизу; вот штурман один у синтезатора...

— Мы все сделаем, — сказала Мила. — Только вы...

— Я сказал Луговому, — перебил ее Нарев, — чтобы он там не очень мудрил с катушками. Пусть только подготовит материал, дальше мы посмотрим сами. Не то потом придется переделывать...

— Да, — сказал физик. — Это правильно.

— Довольно дел, доктор, — повысила голос Зоя.

— Ну, ладно, — сказал Карачаров ворчливо. — Дайте мне хоть душ принять перед обедом, или вы меня и мыть будете?

Все хором засмеялись, словно это была острота.

Истомин глядел, недоумевая. Он понял лишь, что физик стал теперь центром общества, его надеждой и, значит, его владой: людям свойственно искать и находить объект для восхищения, а восхитившись, забывать чувство меры. И, если только писатель не ошибался, физику это нравилось, и в его голосе уже проскальзывали капризные нотки, свойственные человеку, который не только позволяет другим восхищаться и любоваться собою, но и сам любит себя и восхищается, и не очень старается это скрыть.

Однако возвращение на Землю, к жизни, конечно, стоило того. И если Карачарову действительно удастся выполнить обещанное, он заслужит славу и будет ее достоин.

Он встретил взгляд физика и, неожиданно для себя, улыбнулся ему — не так, как раньше, как равный равному, но поновому, чуть заискивающе. Улыбнулся — и сам рассердился на себя за это.

— А, маэстро, — сказал Карачаров дружелюбно, но все же, как отметил писатель, чуть небрежно. — Значит, обогатили литературу? Вовремя. — Он повернулся к Зое, которая нетерпеливо дергала его за рукав: — Не волнуйтесь, я все выполню. И чтобы сделать вам приятное и, откровенно говоря, еще и потому, что в ближайшее время мне понадобятся все силы...

Он коротко кивнул и скрылся в своей каюте. Тотчас же вслед за ним шагнул Нарев. Оставшиеся переглянулись, радостно улыбаясь.

— Видно, недолго осталось ждать, — сказал Еремеев. — Хорошо бы успеть к началу нового сезона. А то потом и не попадешь в основной состав.

— Ладно, друзья, — сказала Зоя. — Вера с больным, так что я от ее имени прошу вас не опаздывать на обед. Как вы себя чувствуете, маэстро? Мы как-то забыли о вас — столько работы...

— Спасибо, — сказал Истомин. — Хорошо. Вот книгу закончил.

— Когда-нибудь на Земле, — сказала Зоя, — вы напишете книгу обо всех нас, о наших страхах и надеждах. Правда?

— Я, собственно... — начал писатель, но тут же сам прервал себя: — Ну конечно, напишу!

— И о нашем докторе Карачарове, — сказала Мила. — Это такой человек... Если бы не он... я не знаю... — Она смешалась и умолкла. Зоя с улыбкой взглянула на нее.

Бедный физик, не без зависти подумал писатель. Его просто растерзают на части, и нет ему спасения. А Нарев-то как старается...

Странно чувствовал себя Нарев: легко и радостно. И дело было не в том (знал он), что возникла возможность попасть на Землю. В этом были свои хорошие и свои плохие стороны. Дело заключалось в Миле.

В глубине души путешественник над собою посмеивался: такого он за собой не знал, увлечения переживал легко. Теперь было иначе.

Он не думал и не отдавал себе отчета в том, что одной из причин, почему возникшая симпатия переросла в нечто, куда более сильное, был запрет капитана.

Нарев сразу же воспринял запрет на любовь, как направленный лично против него. И, наверное, не без оснований: не случись его стычки с Еремеевым, капитан, возможно, и не стал бы вмешиваться в отношения людей на борту «Кита». Так или иначе, Нарев отнес запрет в свой адрес, и этого оказалось достаточно, чтобы не вполне еще ясная склонность выросла в чувство.

Причина заключалась в том, что Нарев всегда стоял в оппозиции к власти, какой бы она ни была, и к распоряжениям этой власти, в чем бы они ни заключались, сколь бы

ни были разумными и своевременными. Корни этого крылись в его характере. Так был устроен Нарев и, сознавая это, был доволен собой.

Запрет же на любовь он счел глупостью, потому что — как Нарев вскорости понял — грозное распоряжение не возымело тех последствий, каких можно было ожидать.

Он отлично знал, что такое анэмо (Нарев вообще обладал немалыми знаниями), и ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что средство это по какой-то причине не срабатывает. Он вывел это из отношения людей к Карачарову, которое правильно определил как любовь. Анэмо должен был подавлять эмоции вообще, делать людей безразличными ко всему: недаром только в аптечках дальних кораблей можно было найти это средство, и то лишь у осторожных капитанов. Средство не подавило любви к физику — значит оно вообще не влияло на психику.

Нарева удивило, почему никто другой не заметил этого. Потом он понял, а уразумев — усмехнулся. Всему виной была привычка людей верить. На этот раз они знали, что эмоции должны быть подавлены, и верили, что они подавлены, хотя поведение каждого из них убедительно свидетельствовало о другом.

Поняв, что влюбился, Нарев немедленно решил, что запрет был ошибкой и глупостью. А раз так, значит, от капитана можно было ожидать и новых ошибок, и новых глупостей — что вполне совпадало с мыслями Нарева о власти вообще.

Ошибки капитана следовало предвидеть и готовиться их нейтрализовать. Нареву никто не поручал этого, но такую именно работу он и любил, которой никто ему не поручал и за которую ни перед кем не надо было отчитываться. Подобные характеры встречались во все времена. Кроме того, Нареву была свойственна и еще одна особенность, выработавшаяся с годами: он плохо чувствовал себя в помещениях и ситуациях с одним выходом, и поиски запасных выходов и резервных вариантов были если не страстью его, то, во всяком случае, настоятельной потребностью. И он решил — во имя Милы, да и остальных тоже — заняться такими поисками на случай, если ни физик, ни капитан со своим экипажем не смогут найти путь к возвращению в жизнь. Нарев полагал, что может справиться с некоторыми делами лучше,

чем весь экипаж; будь он на десяток лет старше, он, возможно, так не думал бы — и, кто знает, был бы, пожалуй, неправ.

Разумеется, Миле он не сказал ни слова и вообще старался не надоедать ей. Настоящей любви нужно немного, иногда достаточно уже того, что она существует.

Но на поиски толкает не только чувство, и Нарев не был одинок в поисках иных возможностей и выходов из нелегкого положения, в каком все они оказались.

У экипажа работы было больше, чем у остальных. Но все же Луговой сумел рассчитать нужные контуры и теперь понемногу собирал их. Прием нужен был сверхдальний, сверхсверхдальний, какого никогда еще не было. Но не зря же он столько лет занимался связью!

Теперь это было не просто увлечение. Как знать, может быть, судьба всех людей зависела от успеха штурмана. Хорошо, если физик сдержит обещание. А если нет? Тогда и пригодится сверхдальняя связь.

Штурман был убежден, что в пространстве постоянно скитаются картины, зашифрованные в электромагнитных волнах всевозможной частоты и амплитуды. Сигналы очень слабы, почти неуловимы, но иногда, в дальних рейсах, что-то возникало на экране, что могло оказаться и не просто шумом. Вооружившись удочкой похитрее, эти сигналы, наверняка, можно выуживать и разглядывать.

Сюда, в этот угол Галактики, сигналы с Земли и других населенных планет добраться не могли: это было одно из так называемых малопродуктивных направлений, населенных звездами, чье излучение было бы губительным для жизни земного типа. И если тут удастся нащупать что-то, то это наверняка будут знаки и изображения, взявшие старт в других цивилизациях. Существовали ли они? Пока что вопрос этот относился к категории не знания, но веры: можно было утверждать, можно было столь же логично опровергать, но ни прямых доказательств, ни таких же возражений не было. Кто-то не верил; Луговой предпочитал верить.

Среди таких цивилизаций, считал Луговой, могли оказаться и подобные «Киту». Созданные на базе антивещества. Высокоразвитые. У них и надо будет искать помощи.

Луговой отложил микропаяльник, крохотной присоской подцепил хрупкий кристаллик, тщательно, под лупой, установил на место. Когда усилитель будет готов, придется сесть за расчеты фильтров. А потом можно и начинать охоту.

Все верят физику, думал Луговой. А он уже научен не верить авторитетам. Надо искать самому. Не бояться думать. Прав тот, кто смелее, кто не скован предрассудками.

О себе Луговой знал, что — не скован.

Капитан Устюг по-прежнему совершал ежедневные обходы корабля. Он был капитаном, никто не нарушал его установлений и не посягал на права. Но, как это бывает, когда судьба людей зависит не от номинального главы, а от другого человека, власть капитана стала во многом формальной. Он еще царствовал, но уже не правил, и сам чувствовал это.

Устюг знал, что исчезни он сегодня — это заметили бы не сразу, а заметив — не очень обеспокоились бы. Разве что Зоя?..

Странно: оба они — взрослые люди, а вот не смогли понять друг друга. По сути, у него больше поводов для обиды: он действовал ради общего блага. И пока она не поймет этого, искать примирения бесполезно. Да и нужно ли? К чему оно приведет?

Да, зато исчезновение Карачарова привело бы всех в ужас. Что ж, правильно, конечно, с их точки зрения...

Капитан совершал обходы и каждый раз подолгу задерживался в энергодвигательном корпусе, в той его палубе, которую занимали батареи. И сейчас он остановился перед узким колодцем, куда уходили перильца. Нашупал ногой скобу и стал спускаться лицом к стене. Когда глаза его поравнялись с полом, он заметил какой-то белый кружок. Устюг протянул руку. Монета. Капитан сунул ее в карман, недоумевая, как она могла попасть сюда: в этом корпусе пассажирам делать нечего, да и почему монета? Торговли на корабле нет. Ее можно использовать — ну, хотя бы вместо отвертки. Но у Рудика есть инструменты, а кто, кроме инженера, интересуется сопричастившейся аппаратурой?

Пожав плечами, капитан спустился к батареям. Снова зазвучали голоса автоматов. Все рапорты капитан уже знал наизусть и даже различал блоки по голосам.

...Хватиться они физика хватились бы. Но Карачаров может дать лишь возможность спастись. А кто ее реализует?

Это под силу тем, кто ведет корабль.

Если они сейчас исчезнут, не поможет никакая физика. Люди кончат свои дни в этих же краях Вселенной, мучаясь от невозможности реализовать достигнутое.

Так некогда старатели, добыв золото, умирали от голода и жажды потому, что там, где они находились, за золото ничего нельзя было купить.

Устюг усмехнулся. Без Карачарова — никуда. А без экипажа — далеко ли?

Да, подумал он тут же. Но и при экипаже, с неисправными батареями тоже далеко не уедешь.

Батареи, батареи. Любой ценой нужны батареи.

Внешние пластины сгорели, это давно ясно. А дальше? Какой процент Мощности сохранился? Может быть, есть смысл рискнуть, и риск этот будет оправдан?

Капитан вошел в сектор третьего блока.

Изоляция тут была аккуратнo счищена. Кто-то уже интересовался.

Рудик — кому же еще?

Нет. Рудик непременно доложил бы. Инженер знает службу. А еще вчера здесь ничего не было тронут. Сегодня Рудик сюда не ходил: занимается профилактикой синтезатора.

Заходил кто-то другой. Держал в пальцах монету. Отвинтил... что отвинтил?

Капитан стал оглядывать сектор — внимательно, систематически, по часовой стрелке. И нашел.

Кто-то отвинчивал панель синхронизатора. Смотрел, не вышел ли аппарат из строя. Закрывая, не повернул болтик до конца. Рудик этого себе не позволил бы. Знает: за ним никто не станет проверять, так что делать надо на совесть.

Кто-то другой хотел убедиться, что восстановить батареи можно — или, наоборот, нельзя. Знающий оглядел пластины и полез в синхронизатор. Не слишком опытный: проверять синхронизатор таким образом нет смысла — по внешности модуля не понять, исправен он или нет.

Но умный: вовремя спохватился, что не только от физика зависит возвращение к людям.

А впрочем — большое дело! Ну, был кто-то, лазил из любопытства. Беспорядок, конечно. Но главное сейчас не это.

Главное — во всем разобраться. Расставить, разложить, развесить. Понять, что к чему, что нужно и чего не надо делать.

Зоя. Надо, чтобы она поняла: ведь не ради себя он поступил так. Ради нее, ради всех остальных. Как только станут оправдываться надежды, едва лишь корабль приблизится к Земле — Устюг придет к ней и будет просить, умолять станет. Надо только, чтоб и она в мыслях не отказывалась от него. Чтобы ждала, как ждут далеких; то, что он рядом, дела не меняет. Чтобы не думала ни о ком другом...

Он вдруг страшно заторопился. Выскочил в коридор. Протянул руку к коробочке интеркома на переборке. И остановился.

Что это ему взбрело в голову? Какая такая лирика? Только вчера получил он очередную дозу анэмо. Как и все прочие, как и сама Зоя. Так что подобные мысли вовсе не должны бы его терзать.

Организм, подумал он не без самодовольства. Крепкий организм. Устойчивая психика; ее, конечно, побороть нелегко. Наверное, доза маловата.

Теперь он решительно вызвал медицинский.

— Зоя... здравствуй.

— Я слушаю. Вам что-нибудь нужно?

Он даже задохнулся от звука ее голоса — сколько они уже не разговаривали друг с другом? Помедлил, чтобы голос не дрожал. Она нетерпеливо повторила!

— Что вам нужно? Алло!

Устюг собрался с силами.

— Я по поводу анэмо.

— Да? — не сразу ответила она.

— Не можете ли вы увеличить дозу... для меня?

— О, конечно, — проговорила она после паузы, голос ее показался Устюгу странным. — А что, не помогает?

Он чуть было не ответил простодушно: да, не помогает. Но вовремя спохватился.

— Нет, отчего же... Значит, я зайду.

— Да, пожалуйста.

Он кивнул, хотя она этого и не видела. Вылез из отсека батарей. Но прежде, чем идти в медицинский, решил нанести еще один визит, который тоже был очень важен для уяснения ситуации.

Если было на корабле место, где почти в полной неприкосновенности сохранялась не только обстановка, но и атмосфера, обычная для рядового рейса, то местом таким являлся инженерный пост, хозяином и единственным обитателем которого был Рудик.

Здесь стояла тишина, нарушаемая изредка пощелкивавшими и тихо позвякивавшими приборами и аппаратами. Хотя двигатели корабля давно уже не включались и «Кит» совершал свой полет в инерционном режиме, большинство устройств продолжало работать, чтобы жизнь на корабле не прерывалась. Это были и гравигены, обеспечивавшие нормальное напряжение тяжести, и накопители энергии, без которых не могли бы работать ни гравигены, ни синтезаторы, а от них зависело существование людей: они были единственным источником пищи, воды и даже воздуха, потому что в системе корабля синтезировать воздух было, благодаря обилию энергии, выгоднее и проще, чем очищать его химическим или биологическим способом. Остановка синтезаторов и связанных с ними утилизаторов привела бы к тому, что люди в считанные дни погибли бы среди отбросов, задохнулись, отравленные углекислым газом... По-прежнему не выключались климатизаторы, действовали механические системы, облегчавшие передвижение по кораблю, работали обзорные и защитные устройства, готовые вовремя предотвратить столкновение этого обитаемого мира с каким-либо телом, приблизившимся извне. Ни на миг не выключалась и система контроля.

По-прежнему рядом с пультом кипел чайник, и запах свежего чая разносился далеко за пределы небольшого помещения поста. Привычно включенный в жизнь своих механизмов Рудик, в очередной раз убедившись, что все системы жизнеобеспечения работают согласованно и без нарушений, выплескивал остывший чай и заваривал новый. Следовало бы, конечно, экономить, но пить чай у себя в посту было давней и традиционной привилегией инженеров, и, начиная

по обычаю, каждый из них вскоре привыкал к этому напитку настолько, что необходимость отказать себе в свежем чае воспринял бы, как трагедию. Стакан чая на пульте инженера обычно означал, что все в порядке, жизнь идет так, как и должна идти. И в самом деле, обязанности инженера почти не изменились по сравнению с тем, что ему приходилось делать в любом рейсе и даже в перерывах между рейсами, когда корабль лежал на финишной орбите у планеты назначения, ожидая новой погрузки и рывка еще к одной далекой системе.

Рудик отпил и с наслаждением выдохнул горячий воздух. Как ни странно, неисправные батареи больше не вызывали у него досады. Жить можно и без них, что бы ни говорили там, наверху. Верхом для Рудика было все, помещавшееся выше энергодвигательного корпуса. Таким — довольным, со стаканом чая в руке — и увидел его Устюг.

— Это ты, — сказал инженер. — Садись. Чаю хочешь?

— Выпью, — согласился Устюг. — Ты кончил с пассажирами?

— Где там, — сказал Рудик и махнул рукой.

— Хорошего понемножку, — решительно молвил капитан. — Пассажиры пассажирами, но батареи, я полагаю, важнее. Не пора ли приняться за восстановление?

Инженер помолчал, потом сказал хмуро:

— Что значит — восстановить? Сделать так, чтобы они казались исправными, наверное, можно, хотя и требует времени.

— Чтобы только казались?

— А за остальное никто не поручится. Штука тонкая. Если хочешь, можешь взглянуть у меня таблицы. Блоки мы и так перегрузили вдвое против нормального. А заменить пластины давно уже полагалось — рейс с Анторы по их графику был последним. Конечно, запас прочности у них был. Срабатывали они отлично: еще три входа-выхода сверх положенного — это немало. Но теперь, ты и сам видел, часть пластин надо выкинуть. Значит, остальные должны принять нагрузку больше нормальной. Когда они сдадут? Ты не знаешь, я не знаю и даже «Сигма» не знает.

— А поставить новые?

— Легко сказать... Мне этого делать не приходилось. Это работа обслуживающего отряда. Да и они ставили готовые. Конечно, попробовать можно. Но будут ли они работать и как? Не знаю.

— Выходит — никаких шансов? Не верю.

— Что никаких, я не говорил. Но шансы бывают разные. Машины — они вроде нас... — это была любимая тема Рудика. — Ты сам знаешь: в крайних условиях, в состоянии мобилизации всех резервов человек может сделать такое, на что в нормальном положении не то, что не осмелится — он об этом и думать всерьез не станет. Так и машины. В крайней ситуации... Только где она?

— В какой же, по-твоему, мы находимся?

— Нет, ты не так понял. Я не говорю, что положение наше нормально. Но нам ничто не угрожает — ничто такое, что требовало бы мгновенной мобилизации. Ладно, это — отвлеченный разговор. А вот тебе конкретно: «Сигма» подсчитала, что шансов на нормальную работу батарей под нагрузкой — меньше половины. Можно решиться, но можно и воздержаться. У нас на борту пассажиры. Риск, по Уставу, недопустим. Согласен, Уставом в нашем положении можно и пренебречь. Но ради чего? Вот если Карачаров снова превратит нас в людей, тогда, пожалуй, будет смысл рискнуть. А пока — не вижу.

Он помолчал.

— Если велишь мне подготовить машину к переходу, я подготовлю. Сделаю, что смогу. Но гарантии не дам. В общем, как решишь.

— А если физику повезет, то шансы, выходит, появятся? Рудик покачал головой.

— Шансы останутся теми же. Но тогда просто нельзя будет не рискнуть. Тогда никто не позволит нам соблюдать Устав дотошно.

— Это кто же может нам не позволить? — ошетинился Устюг.

— Да хоть совесть. Или нетерпение. Что угодно. А в общем, ты капитан — командуй.

Устюг поразмыслил.

— И скомандую, — буркнул он в заключение. — Со временем.

Со временем. Не сейчас. А пока остается надеяться на Карачарова. Смутно и непривычно показалось капитану рассчитывать на кого-то, кроме себя и своих ребят. Ненадежно.

А тем временем пусть ему все-таки волюют этого зелья. Спокойнее будет на душе. Нерешенных проблем сразу станет вдвое меньше.

Так думал он, возвращаясь из энергодвигательного корпуса и привычно сохраняя подтянутый капитанский вид.

Разговор он услышал случайно, проходя по пассажирской палубе мимо бара. Мила и Нарев. Ее звонкий голос не спутать ни с контральто Веры, ни с хорошо поставленным меццо актрисы. Не говоря о Зое — ее голос капитан не спутал бы ни с чьим и никогда.

Устюг сразу же невольно остановился, хотя это и было нехорошо. Он почему-то испугался, что Мила и Нарев увидят его в открытую дверь, и ему стало отчего-то неудобно, что он застал их вместе.

— ...Вы остаетесь одна. Я не могу видеть этого. Почему вы не хотите довериться мне?

— Вы ошибаетесь, я верю вам. Но вы ничем не можете мне помочь.

— Вы неправы. Я могу помочь. Я ведь все понимаю. И пусть я никогда в жизни не видал его...

— О ком вы?

— О вашем сыне.

— Не надо. Я запрещаю.

— Но послушайте же меня... Вам нужно с кем-то говорить о нем. И никто не поймет вас так, как я.

— Почему вы так решили?

— Разве вы не понимаете — почему?

— Молчите! — сказала Мила поспешно. — Молчите!

— И вы знаете, что я сделаю для вас все, что могу... и даже больше: то, чего сделать нельзя, за что не возьмется никто, кроме меня.

— Не знаю, что вы имеете в виду. Но если думаете, что помогаете мне, то ошибаетесь: я стараюсь не вспоминать...

— О возвращении?

— Ни о чем. Хочу жить сегодняшним днем...

— Но в сегодняшнем дне есть я!

— Для меня, — сказала она равнодушно, — нет никого.

— Поверьте... поверьте, и я был бы рад не думать о вас. От этих мыслей мне не становится легче. Но не могу, не могу...

Не помогает зелье, подумал капитан. И ему тоже. И всем?

— Я хочу на Землю, — говорила Мила. — К сыну...

— Вы думаете, это реально?

— Да! Я верю доктору Карачарову...

— Но зависит ли это только от него?

— Не понимаю.

— Это, пожалуй, даже хорошо. Но запомните: если никто, даже Карачаров не сможет вам помочь — это сделаю я. Но тогда...

Наконец-то они затворили дверь.

Какой-то миг казалось, что Зоя и капитан бросятся друг к другу, обнимутся, понесут околесицу, смысл которой не в словах, а во всем сразу: в голосе, дыхании, взгляде. Мгновение прошло; оба устояли. Устюг проглотил комок. «Я тебя люблю, — хотел сказать он, — сильнее, чем всегда»... И спросил сухо:

— Почему не действует анэмо? Что ты с ним сделала?

— Да просто уничтожила, — сказала она небрежно, сразу же попав в тон. — Весь запас.

— Ах, вот в чем дело. Ничего. Синтезируем.

— Не получится: рецепт тоже уничтожен.

Будь она мужчиной, капитан вряд ли сдержался бы. Но сейчас лишь стиснул зубы.

— Ты сердишься, потому что я не выполнила твоего указания? Но врач, как судья, не подчиняется никому.

— Ты ничего не понимаешь. В любой момент все может вспыхнуть, и пойдет такое...

— Ничто и не затухало. И, как видишь, все живы. А ты боишься?

— Не стыжусь признаться. Мой долг — сохранить людей. И твой тоже.

— Я и выполняю его. Берегу людей. А не просто мыслящую органику.

— Ты... ты решила, что лучше меня знаешь, что нужно и чего не нужно на корабле?

— Нет: ты не успел передать мне все свои премудрости — слишком мало мы были вместе...

— И поэтому ты выступаешь против меня?

— Не против тебя! За себя. Я борюсь за себя, и раз мое отношение к тебе — часть меня, то я борюсь и за то, чтобы сохранить его, а не задушить.

Ее отношение ко мне, подумал Устюг невесело. Интересно было бы узнать, каково оно: любовь или ненависть?

Наверное, мысль эта была написана у него на лице, потому что она сказала:

— Тебе все равно, что я теперь думаю и чувствую. Но так, как было, больше не будет. И давай закончим на этом.

Он хотел еще что-то сказать. Не сказал. Повернулся. Перед ним была дверь. Дверь, подумал он. Слишком часто в последнее время приходится закрывать двери с той стороны. А в какой стороне находится дверь, которую нужно открыть?

Он уходил по коридору, стараясь, чтобы шаги звучали уверенно, ритмично, словно ему сделали инъекцию и все неурядицы показались смехотворными, не стоящими того, чтобы тратить на них силы, отнимая их у более серьезных дел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первую неделю Карачаров не анализировал проблему. Он думал о себе. Приводил в порядок нервы и мозг. Настраивал себя медленно и упорно, как самый сложный инструмент. Это была трудная работа с успехами и отступлениями. Волнами набегали сомнения и страхи. Тогда физик концентрировался на мелочах, на легко разрешимых частностях. Маленькие победы ободряли, помогали сохранить веру в себя.

Когда сомнения стали возвращаться все реже, Карачаров решил, что готов к работе.

Потом он несколько дней штудировал записи совещаний, на которых Земля решала их судьбу. Он не надеялся найти в них что-то, что помогло бы в работе, но добросовестно проанализировал все, что там говорилось, чтобы потом можно было от всего этого отмахнуться.

Затем наступила очередь теории. Когда записанные на кристаллах в корабельном, почти неисчерпаемом информа-

тории, гипотезы и уравнения стали его собственностью, он почувствовал, что может сделать шаг не по чужим следам, а в новом направлении.

Карачаров не знал, в чем будет заключаться решение, но интуиция, заработав, подсказывала, что решение близко и оно будет правильным. Интуиции физик привык доверять не менее, чем математике, хотя и по-иному. Интуиция придавала уверенность, и он охотно делился этой уверенностью со всеми. Надежда, вызванная им в людях, в свою очередь, возвращалась от них к нему самому и была, возможно, одним из оснований, на которых зиждилась его подсознательная убежденность в успехе.

И все же чего-то для успеха не хватало.

Карачаров жил сейчас новой, незнакомой ему жизнью. Ему нравилось быть в центре внимания и знать, что каждое его слово порождает в людях оптимизм. Раньше коллеги, слушая его, верили, собственно, не ему, а доказательствам, выраженным в символах, числах и немногих словах. Сейчас верили не формулам: их здесь никто не понимал. Сейчас верили именно ему, человеку.

И он боялся разочаровать людей. Порой эта боязнь, незаметно для самого Карачарова, заставляла его высказывать больше уверенности, чем было в нем самом и больше, чем он высказал бы перед специалистами.

Но, в конце концов, если он и говорил чуть более оптимистическим тоном, чем позволяло чувство меры и ответственности, он, как ему казалось, имел право на это.

Чего же не хватало?

Сейчас, запершись в каюте и улегшись на диване в любимой позе — закинув руки за голову — Карачаров готовился снова погрузиться в поиски той комбинации мыслей и догадок, которая должна была привести его к правильному решению. Он даже улыбнулся, предвкушая удовольствие, какое доставит ему размышление над абстрактными проблемами.

Он не хотел признаться себе, что улыбка была лишь одним из способов убедить себя в удаче. Он уже не впервые предвкушал успех, но пока не продвинулся ни на шаг.

К работе он был готов. Не старался ли он продлить свое пребывание в центре внимания общества? Но само по себе

постижение нового обладало такой ценностью, с которой не могло сравниться ничто иное на свете. Условия? Они были великолепными. Сознание ответственности? Теперь оно уже не пугало, но подстегивало его.

И все же что-то мешало ему, и он не мог понять, что.

Карачаров с досадой ударил кулаком по дивану. И еще раз.

Стук в дверь явился словно откликом на его удары.

На первый физик не ответил, надеясь, что стук был случайным и не повторится. Но стук прозвучал снова.

— Ну? — рявкнул физик.

Это был Еремеев. В руке он держал сетку с мячами.

— Пора, пора, — сказал он, улыбаясь.

Физик почувствовал прилив неудержимой ярости.

— Да подите вы к черту с вашими играми! — заорал он.

Валентин удержался от ответной резкости: спорт научил его дисциплине чувств, в то время как наука учит лишь главным образом дисциплине мыслей. Дискуссия является формой общения, естественной на научной конференции, но неприемлемой в отношениях, допустим, игрока и судьи. Глубоко обиженный Еремеев просто перестал улыбаться.

— Идемте, — сказал он упрямо.

Физик когда-то любил футбол, потом у него просто не осталось на это времени. Но даже в годы, когда матч был для него интересным событием, ему и в голову не приходило поставить спорт не то что рядом с физикой, но даже просто в пределах видимости. Футбол был игрой, физика — наукой. Мысль, что и в науке немало от игры, так как и она развивается по определенным правилам, которые не являются чем-то абсолютным, а созданы людьми для удобства, никогда не приходила Карачарову в голову.

— Никуда я не пойду! — крикнул он. — Неужели вы думаете, что человеку, когда он работает, нужно это идиотство?

— Ну, как знаете, — сказал Еремеев после краткой паузы. — Только зря. Футбол — вещь без обмана.

Он вышел, и физик снова откинулся на спину. Как и всегда после взрыва эмоций, он ощущал пустоту, легкое головокружение и стыд.

Он выругался, встал и начал одеваться.

Мила записывала:

«Сегодня мне снилось, что я играю с котенком, глажу его, глажу без конца — и очень счастлива. Проснулась и, конечно, котенка не нашла. Было до слез обидно, и долго не могла избавиться от грусти. У нас как будто есть все, что нужно, но на самом деле какие же мы бедные! Ни кошки, ни собаки, никого живого, кроме нас. Я всю жизнь ненавидела пауков, а сейчас, кажется, была бы рада, если бы хоть какой-нибудь сплел паутину в уголке каюты. Но их нет, и взяться им неоткуда. Хотя, если подумать всерьез, — зачем мне пауки? А вот не хватает.

Вспомнила, как шуршали осенью желтые листья под ногами.

А птицы? Стала уже забывать, как они поют. Хотя и на Земле слышала их не так уж часто, но там — другое. Там можно было поехать в лес и послушать.

О Юрке и не говорю: это болит, болит всегда.

Очень медленно идет время. Какие-то бесконечные дни. Может быть, у нас на самом деле иное течение времени? Спросила бы у доктора Карачарова, но он так занят, и нельзя отвлекать его.

Сколько же можно ждать?

Кажется, терпение уходит по капле, и все как-то тускнеет. И еще...

Уходит все дальше Валя. Или я от него? Каждый день я мысленно измеряю расстояние между нами и вижу, что понимать друг друга становится нам все труднее.

Очень боюсь, что для него слишком много значила близость — та, которой сейчас не может быть. Если это так, то плохо. Не потому, что мне не хотелось бы, а потому, что не может все основываться на этом. Это очень обидно...

Для меня очень много значит то, что мы с ним больше не можем чувствовать одинаково. Валя не знает, не может представить, что такое для меня Юра. Я его понимаю, но от этого не легче. И когда на меня находит тоска по малышу, Валя ничем не может помочь. Дело не в том, что он не умеет высказывать чувства: я ощутила бы, если бы даже он молчал. Но он не чувствует ничего подобного. Мне же от этого больно и обидно, пусть он и не виноват.

Я думаю, что для половины мужчин жена — как мать, для другой половины — как дочь. Для Вали — мать: он ждет поддержки. Для Нарева — наоборот: он сам готов поддерживать.

А у меня — Юра, и материнские чувства я могу испытывать только к нему.

Я одна, вот что плохо. И буду одна, пока мы не вернемся на Землю.

Что с нами со всеми будет? Хоть бы скорей...»

Никто не хотел играть в футбол. Это была беда.

Никакие, даже самые уничижительные отзывы о футболе и о спорте вообще не могли поколебать преданности Еремеева этой игре, даже более чем игре — мировоззрению. Но раньше ему не приходилось встречаться с таким отношением к его работе: в обеспеченном обществе, какое существовало на земле, спорт был одним из важных видов деятельности, и никто уже не думал о том, приносит он какую-то конкретную пользу или является всего лишь зрелищем, приобретшим несообразное значение. Спорт не то чтобы получил статус искусства; его статус издавна был выше. Просто раньше об этом избегали говорить вслух, а теперь постепенно перестали скрывать.

И поэтому Валентина удивило, что он вдруг оказался среди людей, которых волновали главным образом какие-то другие вещи.

Он понимал, что необходимо вернуться на Землю. Привыкший к жизни на открытом воздухе, к широким стадионам и зеленой тишине тренировочных лагерей, он больше, чем любой другой, ощущал и переживал отсутствие всего этого. Потолок корабельного зала, хотя и высокий, давил его, отсутствие солнечного света, теплого ветра, шума прибоя — угнетало. Он чувствовал, что не сможет примириться с этим стерильным миром, похожим на больничный и вызывавшим поэтому антипатию.

В конце концов только на Земле он снова мог оказаться в команде, среди настоящих друзей. Только там он мог забивать голы и чувствовать, что выполняет свое жизненное предназначение.

И все-таки самое горячее желание попасть на Землю не могло быть причиной, по которой спорт вдруг перестал интересовать людей. И не одного лишь физика. Те самые люди, которые, пока корабль направлялся к Земле, искали общества Еремеева, заговаривали о спорте и с интересом выслушивали его объяснения, теперь вели себя так, словно бы спорт перестал существовать.

Это казалось Еремееву особенно несправедливым сейчас, когда он больше всех остальных нуждался в понимании и сочувствии: у него отняли не только спорт, у него, казалось ему, отняли и жену.

Валентин не думал о том, что никто не виноват в ее охлаждении. Он чувствовал лишь, что остается в одиночестве, что и футбол, и жена его оставили, и подозревал, хотя и неправильно, что для Милы сыграло тут роль изменение его положения в обществе; в его жизни не было ничего другого, что могло бы заменить все, чего он лишался.

Спасение было на Земле. И он был готов на все, лишь бы приблизить день возвращения. Но от него ничего не требовали. И сознание своей ненужности входило в Еремеева все глубже.

Он начинал понимать, что все виды людских занятий можно разделить на такие, которые нужны людям всегда, и такие, что требуются лишь в определенных условиях. Его дело относилось ко вторым, и условий для него здесь не было.

Такие мысли преследовали его, пока он привычно бегал по дорожке вокруг зала, делая рывки, кувыркаясь через голову и снова продолжая бег. Разминка постепенно должна была привести его в хорошее, игровое настроение, необходимое и на тренировке.

В зал вошел Истомин и уселся на низкую скамейку у стены. Это был уже зритель, и Еремеев усилил темп. Потом, подбрасывая мяч, подошел и уселся рядом с писателем.

— Вам бы сейчас не вредно сыграть, — сказал он. — Подвигаться, разогреться. А?

Истомин вежливо улыбнулся.

— Да, — сказал он не совсем впопад. — В юности я мечтал. Но не оказалось данных. Тогда я переживал...

Еремеев радостно кивнул. Такие разговоры он слышал не раз, они были составной частью его жизни: люди хотели в

большой спорт и немного завидовали Валентину, а он отмахивался, говорил о трудностях этой профессии, но в душе гордился. Он сказал:

— Но ведь есть и другие дела в жизни. Все не могут играть.

Писатель пожал плечами, думая о своем.

— Я много лет пишу книги, — проговорил он негромко, словно самому себе. — И вот написал еще одну — о давно минувших временах. Но ведь книга — всегда о настоящем. Любая историческая книга написана не о прошлом, а о том, как мы сегодня понимаем это прошлое, что в нем выделяем, что — пропускаем мимо внимания. И я написал, по сути, о нас: мы сейчас находимся в том положении, что и мои античные герои. И у них мир был узок, но это ведь не тяготило их: мысль была свободна, и они чувствовали себя хозяевами положения и были счастливы. Может быть, в этом выход и для нас? Мы оказались за пределами нашей цивилизации, за пределами высокой культуры моторов и компьютеров — надо ли идти по ее следам? Культура должна органически вырастать из данных условий; не следует ли непредвзято осматриваться, чтобы постичь их? И понять, как надо в них жить? Вот о чем моя книга, но никто не хочет читать ее. — Истомин усмехнулся. — Даже Инна.

— Это понятно, — поразмыслив, сказал Еремеев. — Мы ждем возвращения на Землю. Зачем нам что-то другое?

Истомин усмехнулся.

— Если бы все обещанное исполнялось... — пробормотал он.

Еремееву сделалось вдруг очень жалко Истомина: он не столько понял, сколько почувствовал, что у этого человека тоже отняли что-то очень большое, главное. И женщина, наверное, тоже предала его. Он сказал, желая помочь тем единственным, что было в его власти:

— Хотите тренироваться вдвоем? Это увлекает. А я вам покажу кое-какие приемы — не пожалеете.

Истомин взглянул на него, отвлекаясь от своих мыслей.

— И на Земле я смогу играть с мастерами? — спросил он, улыбаясь.

— Там вы не станете, — сказал Еремеев. — Так сыграем?

Писатель коснулся его руки, словно утешая.

— Я вас не обведу и не выиграю, а если вы станете применяться ко мне, уступать — какой толк? Нет... Футбол — это для людей, обладающих моральным равновесием.

Еремеев сумрачно кивнул.

— Погодите, — сказал Истомин. — А почему именно мы?

— Что?

— А если не мы? Не люди? Помнится, я слышал, что у нас в трюмах — сложные механизмы. Может быть, среди них окажутся антропоиды?

— Роботы?

— Человекоподобные, биомеханические. Они могут делать, что угодно — наверное, и в футбол играть. Найдите их, обучите. Хоть не люди, а все же...

— Да, конечно, — вяло согласился Еремеев.

Они посидели молча, думая каждый о своем.

— Пойду, — сказал затем Истомин, вставая.

— Эх, черт, — проговорил Еремеев. — Если мы не попадем на Землю — не знаю, до чего я дойду. Иногда хочется все изломать в щепки. Жить-то как?

— Как жить, — сказал Истомин, — этого я не знаю.

Он медленно пошел к выходу. Валентин проводил его взглядом, потом нащупал свой пульс: он не забывал о контроле. Пульс вошел в норму. Однако работать Еремееву расхотелось, и ноги, казалось, отяжелели и не поднимались.

Он даже не стал собирать мячи. Вышел из зала и пошел бродить по кораблю, в котором где-то были роботы.

Чего-то не хватало.

В каюте рассказывать было тесновато — при его-то росте, — и Карачаров теперь мерил шагами салон. Там, конечно, сидел Петров, дымивший, как небольшой вулкан, а поодаль — Инна Перлинская, осунувшаяся, молчаливая. Какая-то штучка — амулет, что ли — висела на шее актрисы на длинной цепочке, и Перлинская то играла этой цацкой, то замирала, устремив на нее глаза, и даже чуть покачивалась, точно в трансе. Карачаров сердито расхаживал до тех пор, пока Петров не побормотал:

— И днем и ночью кот ученый...

Физик фыркнул, но не обиделся, а подошел к старику.

— А сигареты вы тоже синтезируете?

— Нет. Но пока еще у меня есть. Я человек запасливый.

— Дайте мне, — неожиданно попросил физик.

Он неумело закурил, закашлялся. Легче ему от этого не стало, только слегка закружилась голова. Нет, не этого ему не хватало. Он пересек салон и уселся рядом с актрисой. Она улыбнулась — профессионально и вместе с тем смущенно, и спрятала амулет в кулаке.

— Можно подумать, вы что-то потеряли, — сказал физик.

Актриса не ответила — она мгновение смотрела на Карачарова, и в глазах ее была тоска. Потом опустила неестественно длинные ресницы.

— Да, — сказал Карачаров растерянно. — Ну, ничего, ничего.

Что «ничего», он и сам не знал. Люди ждали. А что он мог сказать другое?

— Что это у вас? Талисман?

Актриса медленно разжала пальцы. На цепочке висела вовсе неожиданная вещь: ключ. Маленький, плоский.

— Ключ от сердца? — неловко пошутил физик.

Инна покачала головой.

— Нет... к моему сердцу ключ простой. А чаще всего оно было не заперто.

Она сказала это серьезно, и от такой откровенности Карачарову стало неприятно, хотя он и сам вроде бы всегда стремился говорить прямо.

— Угу, — сказал он. — Тогда от чего же?

— От дома.

— Там, на Земле?

— Да. Дома нет, а ключ остался... — Она слабо усмехнулась. — Я вдруг спохватилась, что у меня ничего не сохранилось оттуда... от той жизни. Раз поездка — значит новый гардероб, все новое: не таскать же с собой тряпки. И вот оказалось — все набрано на планетах: на Селии, Анторе... А с Земли — только вот этот ключ. Даже сумочку старую выбросила со всякой мелочью. Перед самым отлетом. Думала, возвращаюсь домой.

Она покрутила ключик и выпустила его, и он сверкнул, как золотая рыбка, пойманная на тонкую цепочку.

— Ну, почему же так грустно, — бодро сказал Карачаров. — Вы еще вернетесь к себе...

— Я верю, — живо откликнулась она. — Иначе... — Инна помолчала, потом сказала по-прежнему грустно: — Только вернуться я не к себе.

— Понимаю...

— Нет, вряд ли. Жизненный опыт ценят почему-то в мужчинах, в женщинах — не очень... Я не это имела в виду. Кто-то живет в моем доме, и все, что оставалось там, уже перекочевало, наверное, в утилизаторы. Все, что имело значение только для меня: мелочи, вещи, дорогие по воспоминаниям... Впрочем, зачем я это? Ни к чему.

Она резко встала, ухватила цепочку, лихо завертела ключик, задрала подбородок — вошла в образ бодрой женщины, которой не страшны никакие опасности: ни возраст, ни одиночество, ни дожитие своего века где-то, вдали от всего... Инна шагнула было в сторону, но вернулась и наклонилась к физику, который, конечно, опять забыл подняться, когда встала женщина:

— Я вам верю, все мы верим. Без этого нам не выдержать. Только нельзя ждать слишком долго. — Она доверительно улыбнулась. — Постарайтесь побыстрее.

Карачаров не хотел откровенничать, но как-то само по себе получилось, что он развел руками и сказал!

— Да вот что-то не очень вяжется...

Она наклонилась еще ближе; он даже ощутил запах духов.

— Вам не хватает знаете, чего? Женщины. Чтобы поплакать, чтобы потом устать и уснуть, ни о чем не думая. Нет, я вовсе не свихнулась на этом — я знаю, что говорю.

Она выпрямилась и пошла к выходу, ступая упруго, как девушка. Тоже сыграла или в этот момент, может быть, ощущала себя такой?

— Вот черт, — сказал физик, чувствуя, что краснеет.

Петров выпустил струйку дыма и поглядел вслед Инне. Когда она вышла, старик проговорил:

— Она — женщина, будьте уверены.

— Не сомневаюсь, — буркнул физик.

— Пожалуй, единственная у нас. И спятит, вот увидите. Женщина — та, кто не может без любви. К человеку, к идее, ко времени — к чему угодно. Вот насчет остальных у меня сомнение.

— Вы это преподавали школьникам? — сердито спросил Карачаров.

Петров искоса взглянул на него.

— Косность мышления, — сказал он. — Если вам, предположим, представляют человека в качестве садовника, то вы по инерции думаете, что он всю жизнь был садовником, этого хотел, этому учился. А может быть, год или два назад он исследовал вулканы где-нибудь на Ливии или в системе Антенны.

— Ага, — сказал сбитый с толку физик. — Значит, вы работали на Ливии?

— Нет. Просто я мыслю образами.

— Тогда вам надо беседовать с Истоминным.

— А вам — с доктором Серовой, — заявил Петров. — Именно этого вам хочется.

— Неужели? — спросил физик не без иронии.

— Именно.

Физик хотел вспылить, но раздумал.

— Кажется, так оно и есть, — сказал он мрачно. — Ну, и что?

Петров не ответил — он вытащил из пачки надорванную сигарету и теперь сосредоточенно заклеивал ее клочком бумаги.

Набег, думал Нарев. Просто какой-то пиратский набег. Интересно...

Он шел в инженерный пост к Рудiku и посмеивался. Шел, хотя пассажирам заходить в энергодвигательный корпус не рекомендовалось — это была вежливая формула запрета.

Увидев путешественника, Рудик, кажется, удивился и несколько мгновений колебался, не указать ли гостю на дверь. Но чувство гостеприимства одержало верх, и инженер, стойчески справившись с удивлением, указал Нареву на стул и достал чистый стакан.

— Сейчас, — сказал Рудик, — я вам заварю свеженького.

Они пили чай долго и серьезно, словно занимались тонкой работой. Разговаривать за чаем было удобно: в нужный момент можно было помедлить с ответом, отпив глоток и долго смакуя чай; это Нарев знал давно.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем он сказал:

— Что-то вы редко показываетесь наверху.

Рудик отпил, выдохнул воздух и пояснил:

— Хозяйство большое. — Он обвел рукой пост, подразумеваемая все, что находилось в сферическом объеме энергодвигательного корпуса. — Дел хватает. Одно, другое... Наливайте, будьте любезны.

Нарев налил. Чай был ароматный и почти черный, пить его полагалось без сахара, чтобы не портить вкус.

— Ну, у вас, думается мне, все в полном порядке.

— М-м, — промычал Рудик, поднося стакан к губам.

— Только вот батареи, — продолжал Нарев.

Рудик помедлил, потом отпил и поставил стакан.

— Да, батареи, — сказал он и умолк.

Нарев подождал, потом отхлебнул чай и тоже поставил стакан.

— Вот именно, батареи. Что вы о них скажете?

Рудик подумал, медленно, обеими руками поворачивая стакан на столе.

— Все, что мог, я доложил капитану, — наконец ответил он. — Степень риска неоправданно высока. Мы пойдем на него, если Карачаров добьется успеха. Только в этом случае.

— Ага, — проговорил Нарев. — Резонно. Только можно подумать, что вы не очень-то спешите на Землю.

Рудик взвесил стакан на ладони, но пить не стал.

— Что — Земля, — сказал он неспешно. — Земля — слово. А слово есть символ. Я сам и не с Земли. Только учился там. В наши края меня давно уже не заносило: летишь не куда хочешь, а куда пошлют. Я давно летаю. Это третий корабль. Не люблю прыгать с места на место. Я долетывал корабли, пока они не протирали борта о пространство. Я домосед вообще-то.

Нарев невольно усмехнулся: слово «домосед» в применении к человеку, половину своей жизни проведшему в пространстве преодолевавшему расстояния в сотни и тысячи парсек, было не очень уместно. Рудик кивнул.

— Да нет, — сказал он, — так оно и есть. На Земле ведь бывают домоседы? А орбитальная скорость Земли — тридцать в секунду, скорость Солнца по отношению к центру Галактики — двести семьдесят. Но дом летит, а человек сидит дома — значит он домосед. Так?

— Так, — согласился Нарев.

— Каждый воспринимает жизнь по-своему. Давайте-ка, я вам еще заварю. Давно заметил: от чая проясняется мышление.

— Инженер, — сказал Нарев. — Позвольте вопрос.

— А вы не в строю, и я не командор. Давайте. Только скажу сразу и честно: если вы опять о батареях, то ничего нового от меня не услышите.

— Я о другом. Вы летаете лет этак двадцать пять, не ошибаюсь?

— Двадцать шестой пошел в прошлом месяце.

— Значит... на Земле вас ожидала комиссия?

Инженер долго не отнимал стакана от губ. Нарев воспользовался этим.

— Медицинская, а потом и кадровая, не так ли? Двадцать пять, насколько я понимаю — крайний предел...

Рудик залпом допил и поставил стакан на стол, стукнув донщиком; устремленный на гостя взгляд его был хмур.

— Значит, — сказал он, — вы считаете, я не стараюсь наладить батареи потому, что не хочу вернуться на Землю? Не будь вы пассажиром, поговорил бы я с вами на кулаках... Как вам могло прийти в голову, что хоть кто-то из экипажа станет думать о себе, когда речь идет о спасении людей!

— С радостью прошу извинения. Но ведь спасение не обязательно должно зависеть от Карачарова!

— Откуда бы оно ни пришло, — сердито сказал Рудик, — вы можете быть уверены: если будет хоть какая-то возможность, вас доставят по назначению.

— Приятно слышать, — сказал Нарев.

— На том стоим.

— Хорошо. Весьма благодарен за интересный разговор.

— Заходите, — вежливо пригласил Рудик.

— Не премину.

— И все-таки лучше помогайте физику. Других возможностей никто из нас пока не видит.

Нарев тоже не видел; но был уверен в том, что, если понадобится, он сумеет — если не найти такую возможность, то, на худой конец, ее выдумать.

— Здравствуйте, Зоя, — сказал физик неожиданно робко.

Он подстерг ее около госпитальной каюты, где по-прежнему лежал Карский. Заходить к ней домой он не хотел: заметили бы другие, и вовсе некстати.

— Здравствуйте, доктор. Плохо себя чувствуете? — Зоя была явно встревожена.

— По-моему, да.

— Идемте.

В каюте врача она усадила Карачарова на стул.

— Рассказывайте. Ощущаете усталость? Головные боли?

Приборы показывают норму, но бывает...

— Физически я, по-моему, здоров...

— Надеюсь. Но обследование не помешает. Минутку...

Физик покачал головой.

— Погодите, Зоя. Не хочу, чтобы меня пичкали лекарствами и разглядывали на просвет. Это мне не нужно. Мне нужны вы.

— Не понимаю, — сказала она, нахмурившись.

— Бросьте. Или вам нужно, чтобы я выполнил весь ритуал? Погодите, выслушайте. Я еще час назад не понимал, в чем дело. Потом сообразил: без вас у меня ничего не получится.

— Это нечестно!

— Почему? Говорить правду всегда честно.

— Вы всерьез думаете, что судьба корабля зависит от того, как я поведу себя с вами?

— Но если это так!

— Это не так, вы отлично понимаете.

— Я говорю серьезно.

Зоя уже набрала полную грудь воздуха, чтобы единым духом высказать Карачарову все, чего он заслуживал: что она его не любит, что любовь ее — не премия и не медаль за заслуги... Но взглянула в его несчастное лицо, и ей стало смешно: нет, не донжуан, не сердцеед, просто мальчишка, нахальный от радости и очень смешной. Она чуть не улыбнулась; но ему сейчас и в самом деле было плохо, все смотрели на него, все ждали — а он зашел, наверное, в тупик, и ему требовалась помощь, поддержка. Здесь не с кем даже посоветоваться, нет ни одного физика; она, разумеется, заменить специалиста не сможет, но ободрить, выказать участие — в ее силах.

Разве, в конце концов, не этого она хотела? Помогать, вдохновлять, провожать в поход, как делали это женщины древности. Ее честолюбие в этом. И он не трус, этот смеш-

ной и трогательный Карачаров: не побоялся прийти к ней заговорить о том, отчего хозяин корабля, капитан Устюг, отбивался руками и ногами. Если он и в самом деле вернет людей на Землю, она, Зоя, сможет с чистой совестью сказать себе: в этом есть и ее заслуга. В любой победе мужчины всегда есть доля женщины — и доля эта больше, чем думают. Куда больше...

Она перевела дыхание и сказала:

— Думать обо мне я не могу вам запретить. Если это вам поможет...

Он восторженно вскрикнул.

— Вы... вы окрыляете меня. Для вас я готов сделать все.

— Мне хочется на Землю, — сказала она мечтательно. — Ах, как мне хочется на Землю, если бы вы знали... Мне кажется теперь, что вся любовь осталась на Земле, а здесь только железные стены — и пустота... — Она положила руку ему на голову. — Милый доктор, верните нас туда!

— Чтобы тут же потерять вас? — буркнул он.

— Не знаю, — сказала она. — Может быть, и нет. Думайте обо мне. Люди ведь чувствуют, когда и как о них думают. И не остаются к этому безучастными.

Она опустила руку, и физик поднялся.

— Я буду думать, — пообещал он. — Но и вы обо мне, да? И — можно, я вас поцелую?

— Нельзя, конечно, — сказала она, улыбаясь. — Разве об этом спрашивают?

Он невольно улыбнулся в ответ на ее улыбку, вышел и зашагал по коридору. Черт его знает, может, надо было все же поцеловать ее? С женщинами всегда сложно.

Луговой заперся в рубке связи. Усилитель и фильтры были включены, экран светился. Работал привод остронаправленной антенны и, глядя на индикатор, можно было представить, как ее параболоид медленно вращался в двух плоскостях, описывая бесконечную волнистую линию. Экран был пуст, тонкая рябь, если вглядеться, бежала по его поверхности, но это был нормальный галактический фон — та малость его, какую пропускали фильтры.

Не первый день пуст экран, и не последний. Но рано или поздно изображение возникнет.

Штурман пытался представить, каким будет это изображение. Наивно думать, что во всей Вселенной пользуются таким же принципом развертки и вообще передачи изображений. Однако сигнал, посланный любым способом, основанным на применении полей, неизбежно будет выделяться среди хаоса. Дальше вступит в действие «Сигма» и начнет комбинировать. Главное — засечь направление.

Думать об этом было интересно, кристаллики минут и часов растворялись в напряженном ожидании незаметно и неотвратно. Штурман ждал. Он был молод, у него впереди было много времени, и, хотя его обуревало нетерпение, он ждал.

Карачаров сидел за столом, упершись взглядом в лист, исчерченный кривыми. Восходящая ветвь синусоиды начала, в представлении физика, переход в сопространство, нисходящая — выход из него. Синусоида делила лист на две части, поверх нее находилось нормальное пространство, ниже — чужое. Корабль должен был идти по горизонтальной прямой, пронзая ветви. Пересекая восходящую, он неизбежно попадал в сопространство. И вот тут начинались допущения физика: а что, если всякий раз при подобном переходе вещество меняет свой знак? Напротив, проделывая обратный путь — пересекая нисходящую ветвь, — корабль вновь обретал нормальное качество и таким прибывал на место назначения. Если эта мысль верна, что нужно, чтобы появиться в нормальном пространстве с обратным знаком? Сделать нечетное число пересечений. Три. И при этом каким-то образом не остаться в сопространстве.

Физик который уже раз просмотрел записи с Земли. Он любил мыслить геометрически и доверял своим построениям, за каждой линией которых должна была стоять определенная физическая сущность — как стоит она за символом формул. Линии значили для Карачарова не менее, чем «плюс — минус» для Дирака — знак, побудивший его предсказать существование позитрона. Дирак верил в алгебру, Карачаров — в геометрию.

Он перевернул лист и стал рисовать снова. Элограф пополз вверх, оставляя за собой плавную кривую. Она достигла вершины и стала опускаться. Опустилась. Сейчас ей следо-

вало снова повернуть вверх. Но тут элограф остановился. Физик хмуро смотрел на его прижатый к бумаге электрод. Затем решительно повел линию в обратном направлении: вместо волны, как ее рисуют дети, на листе возникла петля — волна завернула внутрь себя, и так получилась та самая третья линия, которой не хватало физику. Так это могло выглядеть...

Но Карачаров еще не чувствовал того внутреннего удовлетворения, какое обычно подсказывало ему, что задача решена правильно.

Изображенная им линия не могла прерваться или уткнуться в тупик: граница между пространством и сопостранством на деле нигде не прерывалась. Куда же пошла линия дальше?

Он нерешительно повел элограф. Петля продолжилась, линия, двигаясь вверх, пересекла сама себя. И — хочешь не хочешь — стала опускаться. Получилось что-то, похожее на прописное «м», в котором средние штрихи делали петлю. И, чтобы выйти в свое пространство, корабль должен был пересечь и эту, новую линию — и количество пересечений снова стало бы четным, а знак изменился бы на нормальный.

Нет, дело было не в этом...

Опять-таки, такое заключение противоречило интуиции физика, которая подсказывала что — в этом дело, именно в этом. Просто что-то еще не было найдено...

Что же? — подумал он, чувствуя, что вот-вот поймет — и вдруг действительно понял и даже зарычал от удовольствия.

Его охватило то чувство крылатости, какое приходило, когда работа шла и мысли были ясны. В такие мгновения он жалел, что проблема уже решена: хотелось думать еще и еще.

Физик стукнул кулаком по листку. Да, они могли совершить нечетное число пересечений, если переходили границу именно там, где обе ветви петли, пересекаясь, совмещались в одной точке. Таким образом, на какое-то мгновение корабль оказывался в сопостранстве, уже обладая нормальным знаком, а затем пересекал четвертую линию — но это было третье пересечение! — и выходил в нормальное пространство — увы! — с обратным знаком.

Пространство и сопостранство, наверное, изогнулись в результате случайного совпадения каких-то сил. Значит, надо еще раз соответствующим образом изогнуть пространство —

мощность и конфигурацию полей при этом можно рассчитывать — и еще раз пройти через область совмещения. И все.

Дело сделано, обещания выполнены, надежды оправданы!

Карачаров почувствовал, что не может больше оставаться в одиночестве. Он распахнул дверь и выскочил из каюты. В салоне было несколько человек; Карачаров смотрел на них и не мог выговорить ни слова. Они тоже глядели на него, и выражение его лица, украшенного неудержимой, неконтролируемой улыбкой, сказало им больше, чем самое подробное объяснение, которого они все равно не поняли бы.

Трудно сказать, кто первый крикнул «Ура!», но в следующий миг этот клич подхватили все.

Мила бросилась физику на шею. Это было неожиданно, Карачаров даже сделал шаг назад, чтобы устоять. Глядя на него счастливыми глазами, она повторяла лишь одно слово, один вопрос:

— Да? Да? Да?

Он крикнул:

— Где капитан? Мне нужен капитан!

И бросился из салона. Забыв о лифте, он выскочил на винтовую лестницу осевой шахты и понесся вверх, едва касаясь перил, перескакивая через ступеньки. Казалось, что он летел по наклонной вверх, и лестница с перилами служила ему лишь направляющей, не позволяла устремиться по вертикали. Остальные, бросив свои дела — да и какие тут могли быть дела? — мчались вслед, гремя каблуками по металлическим ступенькам и оглашая шахту криками, какие вряд ли раздавались в корабле даже в день первого испытательного старта.

В салоне остался только Петров. Общая радость захватила и его, и в первый момент он, как и остальные, вскочил с кресла и кричал вместе со всеми. Но когда пассажиры кинулись к выходу, Петров лишь нерешительно шагнул, остановился и снова занял свое привычное место.

Он закурил сигарету, выпустил струйку дыма и следил, как она, вихрясь и расплываясь, поднималась к климатизатору. Взгляд Петрова, как ни странно, не выражал больше радости, а был печальным. Всякая радость приносит кому-то грусть, потому что в целом мир, по-видимому, находится в равновесии и количество энергии в нем постоянно — если

только она не проникает к нам из высших измерений пространства, как полагают некоторые. А радость и печаль, как энергия и вещество — лишь два проявления одной и той же сущности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Люди забывали обедать, им приходилось напоминать об этом. К вечеру они едва не падали с ног, за ужином руки с трудом справлялись с вилкой и ножом, по утрам тело ныло, и тяжесть налиwała голову, а глаза слипались. Люди гордились своею усталостью, и каждый старался сделать больше других для того, чтобы малопонятные линии и формулы физика — главного и лучшего человека на корабле — стали реальностью. И хотя не все они были счастливы на Земле и планетах, но сейчас каждому из них казалось, что те несчастья были маленькими, частными, мелкими, а по-настоящему, по большому счету каждый из них был, должен был быть счастлив уже тем, что жил среди людей, и Земля и все другие населенные планеты были доступны ему.

Они работали с иступлением. И все же физик был самым иступленным из них. Купаясь в ощущении всеобщей любви, он жалел лишь, что задача не оказалась еще в два раза труднее — сейчас, когда она была решена, вся ее сложность представлялась Карачарову надуманной, навеянной испугом (хотя в глубине души он знал, что это не так, и от этого чувствовал себя еще лучше). То, что весь ученый синклит на Земле не смог прийти к выводам, к которым он пришел здесь в одиночку, совершенно самостоятельно, преисполняло его гордостью.

Режим дня был изменен; все было в их власти в этом мире, где солнце не восходило и не заходило, и сутки, по желанию, могли длиться и тридцать шесть часов. Зоя изобретала все новые и новые тонизирующие смеси. Она знала, что люди недолго смогут работать так, но сейчас они просто не умели действовать в ином ритме, с другой скоростью, с меньшей отдачей.

Часто к работающим присоединялся капитан. Каждый раз при его появлении Зоя испытывала легкий толчок — даже

если не видела его в момент, когда он входил. Но горечь, возникавшая при этом в ее душе, с каждым разом ощущалась все меньше, и Зоя радовалась этому.

Реже других на общих работах по подготовке карачаровского эксперимента появлялся штурман Луговой, и никогда — инженер Рудик. Но у инженера и без того было полно забот, а у штурмана, наверное, тоже имелись какие-то свои, штурманские дела: ведь корабль находился в пространстве, за которым надо было внимательно следить.

Так шли дни.

В дверь стучали — настойчиво, громко. Луговой нехотя оторвался от экрана и взглянул на часы. Быстро летело время в полутемной рубке связи, озаренной лишь прохладным светом большого экрана, пребывание перед которым понемногу становилось главным делом в жизни штурмана. Был свой интерес, хмельной и обволакивающий, в том, чтобы сидеть вот так, в полумраке, отрешившись от всего, и пытаться заглянуть в жизнь иных, наверное же, существующих цивилизаций. Пусть результата пока еще не было; Луговой знал, что открытия совершаются не сразу... Стук продолжался; штурман раздраженно крикнул:

— Да входите, кто там...

Это оказался Нарев. Он постоял, привыкая к темноте. Луговой удивленно пожал плечами, потом снова повернулся к экрану. Экран был важнее. Нарев молча стоял, и Луговой не выдержал и сердито сказал:

— Здесь нельзя находиться посторонним.

— Все работают, — сказал Нарев. — Не хватает рук, глаз, голов... Вот мне и захотелось увидеть, что в человеке может оказаться сильнее желания вернуться на Землю.

— Именно потому я тут сижу, что хочу вернуться.

— М-м... — прогудел Нарев недоверчиво. — Земля еще слишком далека для связи, насколько я понимаю.

— Земля? Пожалуй... — Может быть, этого и не следовало говорить, но штурману захотелось поставить на место пассажира, которого Луговой всегда недолюбливал за самоуверенность.

— Погодите-ка... Это становится интересным. Не откажите в любезности рассказать.

Ага, теперь он заговорил другим тоном... Луговой выпятил нижнюю губу, поморщился. Нарев уселся, хоть его и не приглашали. Поглядывая то на экран, то на слушателя, Луговой заговорил.

Нарев внимательно выслушал. Потом спросил:

— Что же, такие цивилизации действительно могут существовать?

— Почему бы и нет? Возьмите хотя бы запись семьдесят — сорок шесть...

— Что-нибудь из области фантастики?

— Это отчет одной из старых экспедиций. Просмотрите и поймете, что я сижу здесь не зря.

— Ну что ж, в свободную минуту... Какой номер вы называли?

Он аккуратно записал.

— Благодарю. Но работать все-таки нужно.

— Я и не отказываюсь. Боюсь только, что... Такие дела не делаются просто.

— Вот если дело не сделается, — сказал задумчиво Нарев, — то вы сможете просиживать за экраном хоть круглые сутки, и все будут с надеждой смотреть на вас.

Луговой промолчал. Но в рубке связи было слишком мало места, чтобы слова Нарева могли затеряться и не достигнуть ушей штурмана.

Посреди бывшей туристской палубы было установлено несколько больших катушек на тяжелых постаменты, а между ними, в самом центре, находился пьедестал помассивнее, над которым уже поднялся прозрачный купол. Корабль мог предоставить в распоряжение физика исходную энергию в виде электромагнитного или гравитационного поля; Карачаров выбрал электромагнитное, потому что с ним работать было привычнее.

Физик и капитан медленно обходили расставленные шестигульником катушки, и Карачаров продолжал начатый разговор:

— ...Нет, ровно никакой опасности.

— Вы предполагаете, доктор, или уверены?

— Ну... видите ли, в принципе опасность существует всегда. Вы пользуетесь электричеством, а ведь оно смертоносно

даже при бытовых напряжениях. На электростанциях используют распадающиеся материалы; да и ваш корабль — разве он не является источником опасности, если им плохо управляют?

— Против этого я не могу возражать. Но как-никак, еще ни одна машина Трансгалакта не использовалась таким образом.

— Попытаюсь вас успокоить. Конечно, работать придется с высокими напряжениями, да и другие параметры не уступят. Если бы приложить такую энергию — соблюдая масштаб — ко всему кораблю, то я не стал бы ручаться за его сохранность. Но... как бы вам сказать? Это как с обычной иглой: на ее острие развивается такое давление, какое на большой площади создать очень и очень не просто. Вот и у нас изгиб пространства произойдет в объеме, не превышающем несколько кубических миллиметров. Мне нужно пока проверить возможность создания сопространственной петли и получить при этом кое-какие числовые данные, которые мне легче установить экспериментально, чем рассчитывать теоретически. Когда мы перейдем к самому кораблю, все будет иначе: изгибать пространство мы станем при помощи гравитационного, а не электромагнитного поля, а кроме того...

— Простите, я прерву вас. У этого сравнения есть и другая сторона: даже простая игла может нанести смертельную рану.

— Ну разве у нас на борту — клуб самоубийц?

Капитан помолчал, потом негромко проговорил:

— Мне хочется, чтоб ваш эксперимент увенчался успехом.

— Да уж и мне — не меньше вашего. Но я уверен, что не ошибаюсь. Теперь вот что: силовая сеть этой палубы может не выдержать. На всякий случай нужно иметь резерв.

— Хорошо, сегодня же начнем тянуть второй кабель.

— Вот и чудесно. А я займусь установкой измерительной аппаратуры.

Прекрасно, когда между людьми не стоит женщина, — подумал капитан, уходя. Просто прекрасно. Мир был бы куда лучше, если бы...

Странные это были дежурства, и странные отношения возникали между больным и Верой, такими разными по воз-

расту, привычкам, опыту. Что делать, когда больной поправляется? Разговаривать — в разговорах время проходит быстрее, и можно не думать о том, куда течет это время, что ожидает каждого из них в будущем. Разговоры эти безопасны, и поэтому могут иногда зайти дальше, чем обычно принято; но ни к каким последствиям они не приведут, и поэтому нет оснований судорожно прерывать их и искать новую тему.

— ...А у вас была семья?

— Семья? Конечно.

— Вы говорите так, словно это обязательно.

— Такого закона, конечно, нет. Но разве мы живем только по законам?

— Как же еще?

— Что такое закон? Что — право? Существовало так называемое обычное право: обычай имел силу закона, им руководствовались. Обычай может быть нигде не записанным, но он существует.

— И у вас была семья по обычаю?

— Так принято в нашем кругу. Семья — это уважительность, ровность поведения, авторитет. Самое страшное — лишиться авторитета. Мы ведь направляем действия других людей... Но лучше поговорим о вас, Вера. Я иногда думаю: вот вы веселы, заботливы... молоды. Не может быть, чтобы вы ничего не оставили там — на Анторе, Земле, или еще где-нибудь...

Она чуть порозовела, довольная его вниманием.

— Что оставила? Только мечты, пожалуй. Но это неинтересно.

— Напротив! Расскажите, если вы не торопитесь.

— Еще есть время. — Вера уселась чинно, скромно, как ученица перед экзаменатором. — Только что же рассказать? Хотела увидеть мир... и выбрать в нем для себя место по вкусу.

— Дома вам не нравилось?

— Не знаю. Нет, там было неплохо. Но хотелось чего-то, чего у нас нет. Хотелось жить в огромных городах... таких, в которых можно прожить всю жизнь и так и не узнать их до конца...

— Да-да, вы правы: у нас теперь население городов целиком обновляется за два поколения...

— А на Анторе все просто, ее населяет лишь третье поколение — хотя что я вам-то говорю!

— И что же — вы так и не успели найти ничего по вкусу?

— Наверное, нет. Хотелось искать еще и еще. Значит, не нашла. Наверное.

— Ну, а, допустим, нашли бы. Перестали бы летать?

— Я так думала.

— И чем занялись бы?

— Да уж что-нибудь нашлось бы. Разве мало дел? А скорее всего просто растила бы детей.

— Любите детей?

— Очень. Мне и здесь их не хватает.

— А они у вас были?

— Осела бы на месте — появились бы, — она сощурилась, засмеялась. — Или, вы думаете, меня нельзя полюбить?

— Можно, — сказал Карский медленно. Все это оказалось неожиданным: и то, что Вера — одна из миллиардов людей со скромными (с точки зрения администратора) потребностями, из тех миллиардов, что привлекают внимание именно своим количеством. И то, что разговор вдруг зашел о любви — а он уж и не помнил, когда приходилось в последний раз говорить об этой трудно уловимой материи, которую все же приходится учитывать в государственных планах и проектах, — разговор зашел о любви, и он вдруг почувствовал, что краснеет, как не подобало бы члену Совета Федерации — пусть и несостоявшемуся. — Можно, — повторил он так же задумчиво. — Но... Сколько вам лет?

— Достаточно: двадцать один.

— Серьезный возраст. Вера... Вера у нас есть — это вы. Есть надежда: судя по вашим рассказам, это — доктор Карачаров. Кого или чего нам не хватает?

— Наверное, все-таки Земли.

— Я понимаю, почему вам так хочется вернуться.

— По-моему, больше всех хочется вам, правда?

Администратор помедлил.

— Видите ли, скажу вам откровенно...

— Стоит ли говорить иначе?

— Дело в том, что я выпал. Выпал... Сколько мы уже путешествуем после ухода от Земли?

— Скоро три месяца.

— Предположим, через месяц мы вернемся.

— Ой, вы серьезно верите в это?

— Не знаю. Но пусть. Четыре месяца; неужели вы думаете, что такой пост, как мой, может четыре месяца оставаться незанятым?

— Ну, и что же? Вы вернетесь, и вам освободят...

— Вот теперь я вижу, что вы еще маленькая девочка. Подумайте, что вы говорите! Ведь мое место занимает другой человек!

— Ну, пусть он...

— Захочет ли он освободить место? И будет ли это целесообразно? Он ведь продвинулся вверх, вошел в курс дел; нет никаких оснований понижать его. Это как-никак, немалая обида.

— А как же вы?

— Я уже сказал: я выпал.

— Но разве на Земле мало дел?

— Начинать сначала хорошо в двадцать один год, а мне, куда больше.

— Не так много.

— Спасибо... Я ведь жил ради работы. Конкретной, той. Знал, что способен и могу продвинуться высоко. Так и вышло.

— Вот этого мне не понять: к чему? Я вот никуда не хотела продвинуться и не хочу.

— К чему? Собственно... я не задумывался над этим. Просто раз уж кто-то должен заниматься этим, то почему кто-то другой, а не я? Но если поразмыслить... Не знаю. Может быть, это инстинкт. Как инстинкт самосохранения, продолжения рода, обеспечения своему потомству наиболее благоприятных условий...

— Может быть, до меня что-то не доходит, но если так и могло быть раньше, то теперь... Разве на Земле мне недоступно хоть что-то из того, что доступно другим?

— Разумеется, вам доступно то же самое. Но затрата сил при этом будет неодинаковой. Видите ли, даже при самых благоприятных условиях планета не станет яблоком, которое можно без помех разрезать на сколько-то абсолютно равных частей, чтобы каждому досталось по ломтику.

— По-моему, это очень устарелый инстинкт.

— Согласен. Но мало ли в нас устарелого? Если смотреть с этой точки зрения, то человек давно уже не нуждается, скажем, в волосах. Хотя они и очень красивы. Ваши...

Вера чуть отстранилась, и его ладонь повисла в воздухе.

— Не надо.

— Знаете — ночью, когда я просыпаюсь, мне иногда снова кажется, что это не лампа, а луна. Смешно, правда?

— Вот не думала, что вы заговорите о луне.

— Неужели я вовсе не похож на человека?

— Люди бывают разные. Даже у нас на корабле. Нас мало, кажется, но к каждому относишься по-другому. Нарева, например, я побаиваюсь. А этот Петров, такой добродушный, все время сидит в своем уголке. Но взгляд у него иногда бывает очень молодым.

— Петров... Да, конечно, как его здоровье?

— Здоровье? По-моему, он не жалуется.

— Хорошо... А что вы думаете обо мне?

— Ну... зачем это вам?

— Если не хотите, не отвечайте.

— С вами интересно разговаривать.

— И все?

— Мне, кажется, пора.

— Погодите. У вас еще есть время.

Вере и самой не очень хотелось уходить.

— Ну, еще пять минут я посижу. Ладно?

Нарев лежал на диване и глядел на экран с таким интересом, словно показывали приключенческий фильм. Однако по экрану тянулись лишь длинные абзацы текста, медленно выплывая снизу и уходя вверх.

Нарев протянул руку и чуть уменьшил скорость, чтобы можно было, читая, успевать думать над прочитанным.

Это был отчет одной из давних звездных экспедиций. Такие отчеты содержались в информатории каждого корабля, хотя вряд ли они интересовали пассажиров — основных читателей на корабле, — а экипаж и того меньше. Но Нарев перечитывал его уже во второй раз.

«Наблюдения, проведенные при помощи инструментов корабельной обсерватории, дали возможность уточнить представление о той части Галактики, наблюдение которой из

пределов Солнечной системы сильно затруднено вследствие поглощения излучения звезд, лежащих в плоскости Галактики, темной пылевой материей.

Наблюдения подтвердили сделанные ранее выводы о том, что эта часть Галактики принципиально не отличается по классам звездного населения от ранее исследованных областей.

Некоторый интерес представляет, может быть, лишь звезда класса «О», которая числится теперь в Новейшем Каталоге под номером 7878. Согласно выполненным с достаточной точностью определениям скорости и направления движения НК-7878 относительно центра Галактики, звезда эта не участвует во вращении нашей звездной системы, но движется, пересекая плоскость Галактики, с неожиданно большой скоростью — порядка 600 километров в секунду, что, как известно, на целый порядок превышает пекулярную скорость известных нам звезд и значительно выше даже скорости вращения спиральных рукавов ближайшей из гигантских галактик. Направление движения звезды позволяет предположить, что она не является членом Галактики, но пришла извне, возможно — из Большого Магелланова облака.

Поскольку скорость Большого Магелланова облака является положительной, звезды же, напротив, — отрицательной, из указанного предположения можно сделать небезынтересный вывод, а именно: НК-7878, если она действительно возникла в ближайшей к нам галактике Местной системы, или же то вещество, из которого она могла образоваться впоследствии было выброшено из этой Галактики в результате процесса высвобождения таких энергий, источником которых могла быть лишь...»

Нарев закрыл глаза, опустил голову на руки. Трудно было сразу охватить умом все последствия, какие могли произойти из того, что в поле его зрения — мысленного, конечно, — появилась эта звездочка. Следовало поразмыслить, заняться астрономией... Чем только мне не приходилось заниматься! — в который уже раз весело подумал путешественник Нарев. Настала очередь астрономии. Что же, и это надо выдержать...

Он снова поднял глаза. Несколько строчек проползло, теперь на экране был новый текст:

* * *

«Вряд ли есть нужда специально оговаривать то обстоятельство, что высказанные положения пока не подтверждаются другими наблюдениями. Однако существует факт, который может быть истолкован как аргумент в пользу приведенной гипотезы. Он заключается в том, что расход звездой НК-7878 энергии в единицу времени несколько превышает параметры, характерные для класса «О», а определенные спектральные особенности, более подробно изложенные в следующем разделе настоящего Отчета, могут быть интерпретированы как свидетельство реакции вещества короны звезды с разреженным пылевым веществом Галактики. Реакция эта, впрочем, не может развиваться в сколько-нибудь значительных масштабах, так как пылевое вещество рассеивается силой лучевого давления звезды, и в непосредственное взаимодействие с короной может быть вовлечена лишь небольшая часть его. Вопрос о наличии у НК-7878 планетной системы остается открытым, так как относительно краткий срок, в продолжение которого велись наблюдения, не дает возможности сколько-нибудь определенно утверждать, что неправомерности в движении звезды, которые можно было бы объяснить возмущающим влиянием крупных планет, лежат вне пределов возможной ошибки. Подробнее об этом см. в разделе третьем Отчета...»

Нарев протянул руку и выключил экран. Раздела третьего в информатории «Кита» не оказалось, но главное он узнал. Путешественник покачал головой и произнес вслух — как делал всегда, когда формулировка казалась ему заслуживающей внимания.

— Если бы этой звезды не существовало, ее следовало бы выдумать.

Фраза была плагиатом, но такие мелочи никогда не смущали Нарева.

Первой мыслью капитана было — что женщины не должны носить рабочие комбинезоны: слишком вызывающе это выглядело. Устюг отвел глаза от Зои, стоявшей на верхней ступеньке ремонтной площадки и закреплявшей какие-то провода, которые внизу поддерживал Петров.

— Доктор! — позвал капитан. — Доктор Карачаров!

Физик на четвереньках выполз из узкого закоулка между постаментами катушек и пьедесталом экспериментального купола.

В лабораторной палубе, как Устюг теперь называл бывший туристский класс, многое изменилось. В перекрытии было просверлено несколько отверстий, и толстая труба уходила вниз, пронизывала трюмную палубу и проходила к одному из насосов, который совместными усилиями физика, инженера и Нарева был приспособлен для создания под прозрачным колпаком достаточного разрежения. За бортом вакуума было хоть завались, но здесь, в лаборатории, приходилось создавать его искусственно: физик сказал, что так проще.

— А, капитан, здравствуйте! — Он закашлялся. — Пыль...

Мила и Инна, работавшие по ту сторону установки, разогнулись и выглянули, услышав его голос. Они улыбнулись одновременно — не капитану, понятно, а физику.

— Я принесу воды, доктор, — сказала Мила и выбежала.

— Прямо не дают пальцем пошевелить, — пробормотал физик, и в его голосе было и удовольствие, и изумление. — И спрашивают, спрашивают, их так интересует сущность эксперимента...

— И меня тоже, доктор.

— Идите сюда. Вот. В этой точке возникнет та самая петля, о которой я вам уже говорил. Здесь — видите отметку? — будет находиться маленький кусочек железа, микроскопическая пылинка. Вот направляющая, по ней скользит электромагнит. Управление им пойдет через «Сигму». Магнит сыграт для пылинки роль двигателя: он протащит ее сквозь измененное пространство. Напряжение на него будет подаваться переменное, магнит ни в коем случае не должен притянуть железо к себе. Вот и вся схема. Если мои предположения оправдаются, пылинка — условная модель нашего «Кита» — снова появится перед нами, уже переименовав свой знак: это будет не антижелезо, как сейчас, а нормальный металл, у которого ядро каждого атома будет содержать протоны, спин каждого нейтрона будет обратным теперешнему, а вместо позитронов...

— Это я понимаю. Но ведь тогда произойдет взрыв? Иначе как мы узнаем, совершилось это превращение, или нет?

— Взрыв? Видите ли, узнать можно было бы и другим путем, но самое простое действительно — позволить веществу прореагировать с антивеществом.

— А мы тут уцелеем после этой... реакции?

— Но я ведь не собираюсь, скажем, опустить пылинку на постамент! Видите ли, под колпаком, несмотря на все наши усилия, останется не так уж мало молекул воздуха. Первое же соударение с пылинкой — его не придется ждать долго — докажет нашу правоту или, наоборот, засвидетельствует, что я ошибался. Но если реакция начнется, то энергии при этом выделится немного, и это послужит для компьютера сигналом снова упрятать при помощи магнита остатки железа в сопространство и вывести его к нам после новой перемены знака. Тогда оно больше не будет опасным.

— Не слишком ли сложно? Не сработает компьютер или что-то другое...

— Даже в собственной постели человек не может чувствовать себя в полной безопасности, — сказал Карачаров, не замечая некоторой двусмысленности своего тезиса.

— Простите, — сказал капитан. — Я ведь не специалист.

— Вы же не думаете, что я хочу умереть? А вблизи установки буду находиться я один.

— Ну, значит... И когда настанет день?

— Недели через две, — сказал Карачаров и помолчал, подсчитывая. — Да, полагаю, этого срока будет вполне достаточно.

Ожидание было мучительно. Физик сделал то, что обещал, и теперь мог в любой момент подойти и сказать: «Милая Зоя, пора нам поговорить серьезно...»

А что ответит она? Что это была шутка? Или — что ошиблась в себе самой? Был такой момент, когда ей показалось, что не станет она больше думать об упрямом и глупом капитане Устюге, а на самом деле все еще думает о нем, и конца этому не видно. Но что бы она ни ответила, все будет не то — плохо, неправильно, хотя и ложью не будет.

Ах, как она сейчас ненавидела себя — и за тот разговор, и за теперешнюю трусость. И в конце концов не выдержала: Карачаров не подходил, и она сама решила пойти навстречу неизбежному разговору.

На этот раз она пригласила Карачарова на контрольный осмотр — словно бы автоматика не давала достаточно точной картины.

А он — отказался.

— Что вы, доктор, — сказал он, глядя на нее (и лишь в глубине его глаз угадывалось смятение). — Я чувствую себя великолепно. Да и дел невпроворот. Вот закончим — тогда, может быть...

Можно было вздохнуть облегченно. Зоя же, как ни странно, обиделась. Что он — испугался? Или судьба ее такова, чтобы ею пренебрегали?

А он и в самом деле испугался. Ему нужно было любить издали, мечтать и терзаться. А взять на себя ответственность он боялся. Ему и в голову не приходило, что можно, наоборот, не только не брать ответственности на себя, но просто переложить ее на чужие плечи, женские, переложить ответственность даже и за себя самого. Он испугался: столько важнейшей работы было сейчас, и все остальное — нехстати. Доктор Карачаров был из тех, кому нужна поддержка в беде, а в счастье он забывает о других и не стремится заручиться поддержкой на дальнейшее. Обычная ошибка людей, которым слишком часто везет.

Так они и разошлись на этот раз — ничего не решив, не выяснив, не успокоив ни себя, ни другого. И все же она чувствовала, что чем-то осталась ему обязанной, что это еще не конец. Глупо, конечно, но мало ли глупостей делают люди в своей жизни? И никто их не считает.

— Доктор, — сказал Еремеев, и физик удивленно обернулся: Валентин давно уже ни с кем не разговаривал и неохотно отвечал даже на вопросы.

— Я вас слушаю.

— У меня к вам просьба.

Это было за обедом; все сидели за столом и сейчас глядели на Еремеева.

— Просьба? Ну, пожалуйста... — Карачаров недоуменно посмотрел на окружающих.

— Вряд ли, — сухо сказал капитан, — следует отвлекать доктора именно сейчас.

— Да, да, — подтвердил физик. — Куда лучше было бы потом.

Теперь все глядели на Еремеева с осуждением.

— Доктор, — сказал Валентин упрямо. — Позвольте мне быть там вместо вас.

Все поняли, где это — там.

— Это ведь опасно, — сказал Еремеев. — Так, доктор?

— Да нет, что вы, — пробормотал физик. — С чего вы взяли?

— Я знаю, — сказал Еремеев. — Там в этот миг будет опасно. Значит, наибольшей опасности станете подвергаться именно вы, так? — Он перевел взгляд на женщин, и они согласно кивнули ему.

— Это было бы логично, — сказал физик, — если бы кому-то что-то угрожало. Но никакой угрозы нет.

— И все же, позвольте мне.

— Правда, доктор, — сказала актриса. — Валя прав: зачем рисковать вам? Ведь, если с вами хоть что-то случится...

Негромкий гул прервал ее: все вдруг представили, каково им будет, если с физиком что-то случится.

— Капитан! — молвил Петров. — А ваше мнение?

— Я не стал бы возражать, — ответил Устюг.

— Нет! — категорически заявил Карачаров. — Ведь я один знаю, что надо делать.

— Надо нажимать кнопки, — возразил Еремеев. — Я не вызывался конструировать или что-нибудь в этом роде. А нажать кнопки смогу и я.

— И все же нет, — нахмурясь, повторил физик. — Я очень, очень благодарен вам. И ваши побуждения, они... они... Ну, одним словом, понимаете, я этого не забуду. Но я должен все сделать сам. И не бойтесь: ничего со мной не случится.

Он встал, резко отодвинул стул.

— Ничего, — повторил он. — Но вы сделали еще что-то для того, чтобы день этот оказался счастливейшим в моей жизни. Эксперимент удастся, в этом у меня нет сомнений, и пройдет без неожиданностей.

— Вы ручаетесь? — спросил Петров.

— Не я, наука.

— А если вы пострадаете, кто за это ответит?

— Я не пострадаю, — пообещал Карачаров. — Ну, пора.

- Мы проводим вас, — сказала Зоя, и все стали вставать.
- Минутку, — остановил их капитан. — Вера, я просил...
- Я выполнила, капитан.

Вера нагнулась и взяла с пола бутылку вина. Капитан разлил вино в предназначенные для кофе чашки.

- За ваш успех! — сказал он физику.

Чашки негромко звякнули.

Физик поставил свою на стол, не прикоснувшись к вину.

- Я выпью потом, — сказал он.

Секунду длилось молчание. Карачаров коротко кивнул, улыбнулся и, как всегда стремительно, направился к выходу.

— Всем занять места в коконах! — приказал капитан. Ответом был недовольный гул.

— Всем занять места! — повторил он. — Как бы ни был уверен доктор, мы должны принять все меры предосторожности. Возможна частичная разгерметизация, если взрыв окажется сильнее, чем мы предполагаем. Доктор будет работать в скафандре. У вас в коконах — автономная система дыхания.

Он проследил, чтобы все разошлись по каютам. Вера прошла, заглядывая в двери, и успокоенно кивнула капитану.

- Как твой больной?

— Чувствует себя хорошо. Меры безопасности приняты.

- Теперь твоя очередь.

Затем он поднялся в центральный пост, откуда можно было контролировать весь корабль.

- Доктор, вы на месте? — спросил он по унифону.

— У меня все в порядке.

- Ждите сигнала.

Устюг переключился на инженерный пост.

- Рудик, у тебя?..

— Накопители полны. Все в норме.

- Сейчас начало, следи.

— Есть.

- В случае чего — действия по тревоге.

Он снова переключился на физика.

- Внимание, доктор. Мы готовы. Можете начинать.

— Ага, — нетерпеливо пробормотал физик. — Давно пора.

Капитан смотрел на приборы. Прошла секунда. Вторая. Стрелка питателя дрогнула. Капитан напрягся, уперся нога-

ми, схватился за подлокотники. Это он проделал машинально, не думая. Стрелка еще помедлила. И вдруг рванулась в сторону.

Корабль едва ощутимо дрогнул.

Гулкий, сдвоенный удар, усиленный резонатором осевой шахты донесся снизу. Потом наступила тишина.

Стрелки медленно возвращались на место. Зажглись индикаторы накопителей: устройства вступили в работу, чтобы пополнить расход энергии.

Табло тревоги не загорелось. Значит, герметизация корабля не нарушилась.

— Инженер! — окликнул Устюг. — Что у тебя?

— Все в порядке.

— Следи, — сказал капитан и торопливо направился к выходу.

Он распахнул дверь, и осевая шахта донесла до него многократно усиленное «Ура!»

Капитан облегченно вздохнул. Затем кинулся вниз, прыгая через ступеньки.

Навстречу ему поднималась процессия. Коконь опустели сразу же после удара.

Физика, живого и здорового, несли на руках. Это был триумф.

Прижавшись к переборке, капитан пропустил их и пошел вслед за процессией в салон.

— Вина! — крикнул Истомин. — Вина!

— Вина! — подхватил Валентин, никогда в жизни не выпивший и глотка.

Вера выбежала, даже не взглянув на капитана.

Физику позволили ступить на пол только рядом с его стулом во главе стола, на месте, которое он — как-то так получилось — занимал все последние недели.

— Итак, доктор? — спросил Устюг.

— Полный успех, капитан! — блестя глазами, почти крикнул физик. Он стоял во главе стола, все еще опираясь ладонями о плечи Еремеева и писателя; он словно обнимал их.

Успех и в самом деле был блестящий. Все подтвердилось. Было, правда, одно неучтенное явление — слабый взрыв в самом углу обширного помещения, в стороне от установки, — но

этим он займется потом. На решение основной задачи взрыв не повлиял, а причина его отыщется.

— Да, все блестяще подтвердилось! — повторил он. — Пространство можно искривить нужным образом, и вещество, проходя через него, меняет свой знак! Создана модель события, происшедшего с нами. — Он громко, счастливо засмеялся. — Земля копалась бы сто лет, а нам удалось. И в какой обстановке! Мало того, что пришлось чуть ли не создать теорию...

— Доктор, — вмешался Нарев, тоже улыбаясь. — Вы вовремя упомянули о Земле. Всем хотелось бы знать: значит, мы скоро сможем пуститься обратно?

Физик пожал плечами.

— Да, конечно же! — сказал он. — Но вы не понимаете главного. Происшествие с нами — это всего лишь частный случай, послуживший поводом... Мои решения охватывают куда более широкий круг явлений, и наука будущего...

— Значит, все в порядке? — снова перебил его Нарев. Смотрел он в этот миг на Милу. — Что же нам предстоит сделать, чтобы тронуться в путь?

— Ах, господи! — сказал физик. — Ну, хорошо. Для того чтобы от модели перейти к кораблю, нам придется оперировать мощностью порядка... сейчас...

Он помолчал и назвал число.

— Это ведь несложно, капитан?

Капитан ответил не сразу. Он открыл рот и закрыл снова. И лишь после этого отрицательно покачал головой.

— Мы не обладаем и десятой долей этой мощности, — глухо проговорил он. — Это невозможно.

— Простите, что? — сказал физик. — Как это — невозможно?

— У нас неограниченный запас энергии. Но ведь вам не надо объяснять разницу между энергией и мощностью?

В мертвой тишине раздался негромкий свист Нарева.

— Значит, все зря, — резюмировал он.

Физик медленно, произвольно поднял ладони и закрыл ими лицо. Тишина зрела, как лавина, готовая обрушиться. В следующий миг Карачаров отнял руки.

— Что вы говорите, Нарев! — крикнул он. — Что — зря? Сделано открытие, а вы...

Он умолк, глядя на людей. Он не встретил ни одного взгляда: все разом опустили глаза.

— Это ведь наука, — пробормотал физик, глядя на чашку с так и не выпитым вином.

Вера вбежала с новой бутылкой и остановилась, пораженная тяжелым безмолвием.

— Не нужно. Уберите, — сухо сказал ей капитан.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ни капитан, ни инженер Рудик, на котором разочарования, кажется, нисколько не отразились, ни на ватт не ослабили освещение пассажирских палуб. И все же на борту стало как будто темнее. Может быть, потому, что люди перестали улыбаться.

Они сидели в каютах или шатались по саду, медленные и сумрачные. Внизу, в бывшей туристской палубе, приборы Карачарова понемногу покрывались тончайшим слоем пыли. Все кончилось, все было потеряно. Переход от надежды к безнадежности тяжелей перехода по бесплодной пустыне, хотя и совершается порой намного быстрее.

В этот поздний час Нарев мог ожидать всего, что угодно — только не того, что Мила окажется в его каюте. Она была одета кое-как — видно, уже ложилась, но какая-то мысль заставила ее вдруг прийти сюда. Может быть, она даже не понимала как следует, что делает — взгляд ее был отсутствующим, выражение лица — растерянным. Во всяком случае, так показалось путешественнику, который и сам растерялся.

— Садитесь, друг мой, садитесь...

— Я? Зачем? Ах, да... Нарев!

— Говорите, я вас слушаю.

— Что происходит? Что с нами станет?

— Не унывать, друг мой, только не унывать! Будем искать... мы найдем возможности.

Вряд ли смысл слов дошел до нее: она была слишком занята своими мыслями и даже не рассчитывала на ответ.

— Скажите — почему? — Выражение ее лица стало брезгливым. — Подумайте, это же страшно... Ах, что я... Разве

такой костлявый урод, из одних углов, вечно растрепанный, небритый или недобрившийся, постоянно глядящий куда-то выше тебя — разве он в состоянии спасти нас?

Такая ненависть была в ее голосе, что Нарев опешил.

— Вы несправедливы, Мила. Он...

— Молчите! И он еще ходит с таким видом, словно не он нам, а мы ему нанесли смертельную обиду!

Нарев глядел в потолок. Потом, почувствовав требовательный взгляд женщины, перевел глаза на нее.

— Нарев... вы меня любите?

— Да, — ответил он без колебаний.

— Вы обещали: если никто другой не спасет, это сделаете вы. Сделаете это! Я... Вы будете для меня всем! — Она говорила горячо и, кажется, искренне, плакала и одновременно попыталась улыбнуться. — Я сумасшедшая баба, верно? Но я не могу без сына... Придумайте что-нибудь, Нарев, верните нас на Землю!

Нарев усадил ее. Не было времени раздумывать, прикидывать. Ему самому вовсе не хотелось спешить на Землю: были другие варианты, более интересные, а жизнь на корабле, как он убедился, во многих отношениях была лучше, чем земная. Далась им эта Земля, — подумал он не без досады. Но для Милы он мог решиться и на что-нибудь посерьезнее, чем простой нажим на капитана. Она хочет — что ж, он делает все. Ей плохо без Земли — значит капитану придется лететь к Земле, хочет он того или не хочет.

— Я понял вас, — сказал он. — Верьте: не пройдет и нескольких дней, как мы уже будем на пути домой. А сейчас идите спать. Отдохнете, успокоитесь... И будьте уверены: я вас не подведу.

Мила, словно очнувшись, внимательно посмотрела на него, потом на себя, чуть покраснела, попыталась оправить туалет, улыбнулась — уже осмысленно, чуть иронически.

— Спасибо, — сказала она. — Я буду ждать.

Нарев кивнул, провожая ее к двери.

Он медлил, не начиная разговора: ожидал, пока Вера оставит их вдвоем. Но девушка, кажется, не собиралась. Нарев вопросительно посмотрел на администратора; сидевший в глубоком кресле администратор едва заметно покачал головой:

— Она может остаться. Как врач, — сказал он.

Нарев протяжно свистнул — мысленно, конечно.

— Хорошо. Администратор, я обращаюсь к вам, как к полноправному и полномочному представителю верховного органа Федерации...

Не так он начал, не так. Он обращался к администратору, а того здесь не было. Не было полномочного и полноправного представителя Совета Федерации: человек этот погиб много недель назад, пытаясь достичь Земли на катере. А здесь, в госпитальной каюте, находился человек среднего возраста — того возраста, когда об ушедших годах уже начинают сожалеть, когда организм все чаще напоминает, что он не вечен, и когда то, что происходит нынче с тобой или рядом с тобой ценится уже выше, чем все, что может произойти в будущем. Совсем с другим человеком разговаривал сейчас путешественник Нарев...

Карский не сказал этого вслух, лишь прикрыл на миг глаза. Потом перевел взгляд на Веру, ставшую так, чтобы он мог ее видеть, и едва заметно улыбнулся ей.

— ...Вы представитель Совета и вам принадлежит право отдавать здесь, на борту корабля, приказы и распоряжения, обязательные для всех, включая капитана. Прав я, администратор, или в моих рассуждениях ошибка?

Карский с удовольствием не стал бы отвечать на этот вопрос. Но ответ возник рефлексивно, как если бы он был не человеком, а справочником, и кто-то запросил нужную информацию:

— Власть на корабле осуществляет капитан. В исключительных случаях член Совета может отдавать приказания, и, таким образом, принять на себя власть и ответственность. — Он помолчал. — Конечно, лишь в исключительных случаях.

— Сейчас, я полагаю, именно такой случай. Вы должны приказать капитану совершить переход к Солнечной системе.

Администратор поднял брови.

— Разве его нужно убеждать в этом?

— Его надо убедить в том, что пятьдесят процентов риска — не так уж и много. Что рано или поздно все равно...

Карский слушал, закрыв глаза. Путешественник говорит горячо, напористо — видимо, ему очень хочется на Землю. Это можно понять. Карскому больше никуда не хочется. Поэтому что тут есть Вера. А будет ли она на Земле? Точнее: будут ли они?

— Все дело в Вере, — невнятно пробормотал он.

— Администратор, капитан не признает категории веры. Он — рационалист. Ему нужно одно из двух: уверенность — или приказ. Стопроцентной уверенности в наших условиях не может быть ни у кого. Значит, остается приказ. Ваш приказ.

Карский смотрел мимо Нарева — на Веру и молчал. Она тоже, без сомнения, хочет на Землю. Это нетрудно понять. А он, Карский, всю жизнь полагал, что он — для людей, а не наоборот.

— Да, — сказал он ровно. — Я прикажу. Я имею на это право.

— Да, администратор. Слушаюсь, администратор.

— Минуту, капитан. Я знаю, что вы человек дисциплинированный. Но сейчас нужно другое: нужно, чтобы вы выполняли мое пожелание... мой приказ, как свое собственное решение.

— Я выполню приказ.

— Вы сами говорили мне, капитан, что собирались вернуться в окрестности Солнечной системы, чтобы там ожидать...

— Да. Но ведь — будем говорить откровенно. Вернуться и ждать. Чего ждать? Я, конечно, вернулся бы, если бы сам переход не грозил никакими неприятностями. Сейчас не так. Для чего же возвращаться? Земля может найти способ через год. А может — через двадцать. Что останется от нас через двадцать лет? Тут мы хоть не видим ни Земли, ни даже Солнца. А там...

— Вы сказали, вернуться и ждать? А почему не выразиться короче: просто — вернуться?

— Не понял вас.

— Это меня удивляет. Насколько я знаю, Карачаров нашел способ...

— В теории, администратор. Использовать его на практике мы не можем.

— Почему?

— У нас не хватит мощности.

— Полагаете ли вы, что и Земля не обладает нужными мощностями? И что она не сможет создать в пространстве необходимые условия — если вы окажетесь на достаточно близком от нее расстоянии, чтобы вступить в переговоры и передать, что вам нужно для осуществления эффекта Карачарова, скажем так. Вы признаете наличие такой возможности?

Капитан встал.

— Разрешите сказать?

— Слушаю.

— Земля многое потеряла, когда вы не смогли занять свое место в Совете.

— Благодарю.

— Разрешите идти?

— Да. Я очень рад.

— Благодарю, инженер, — сказал Нарев. — Чай — в другой раз, у меня мало времени. Итак, что вы мне ответите?

— Что касается батарей, — сказал инженер неторопливо, — то ничего нового я не скажу. Что можно — сделаем. Негодные пластины выкинем. Постараемся сделать некоторое количество новых. Конечно, они будут не совсем такие: кустарщина все-таки. Учтите при этом, что и у тех, оставшихся целыми, структура тоже нарушена. Но, может быть, один раз и удастся войти и выйти благополучно. Если же понадобится еще один нырок, то я постараюсь перед ним привести все свои дела в порядок. А в общем, моя задача — выполнять.

— Инженер, а если бы вы оказались на корабле один в аналогичном положении и вам пришлось бы решать этот вопрос для себя — вы полетели бы?

— Один — да, — не колеблясь, ответил Рудик.

Нарев улыбнулся.

— Не кажется ли вам, — сказал он, — что было бы проявлением крайнего эгоизма — не сделать для других того, что вы сделали бы для себя?

Людей для участия в ремонте Нарев подобрал без труда. Их нужно было немного, и особой квалификации не требо-

валось. Это были Еремеев, Истомин и Петров. К Петрову Нарев испытывал странную тягу, хотя почти не разговаривал с ним.

Обычно такой ремонт не делают на кораблях, потому что ни один мало-мальски понимающий инженер не позволит так загнать машину. Приведение пластин в порядок заняло более месяца. И заметно было, как на протяжении этого времени в салоне и каютах корабля воцарялось все более бодрое настроение.

Снова можно стало жить не для себя. Жить ради себя эти люди не умели и не понимали, что это значит и как делается. Сейчас жизнь вновь обрела полноту.

Из своей каюты физик выходил ночами, когда все спали, устав за день. По ночам он испытывал чувство голода. Он спускался на кухню, где дремали парящие автоматы, и ел то, что подворачивалось под руку. Затем долго бродил по пустынным палубам, и ему казалось, что жизнь уже прервалась и он ходит по вымершему кораблю.

Он поднимался в обсерваторию или выходил на прогулочную палубу, но в конце концов путь его неизменно завершался внизу, в бывшем туристском классе, бывшей лаборатории. Теперь физику казалось, что часы, проведенные здесь, были лучшими в его жизни. Возможно, он не ошибался.

В лаборатории все осталось таким же, как в день опыта: люди избегали заходить туда, где их надежда получила решающий удар. Только боксер снова и снова выходит на ринг, где ему уже приходилось испытывать на себе тупую силу крюков и прямых, падать и снова подниматься.

Физик стоял, уткнувшись лбом в прозрачный купол своей установки, или медленно бродил вдоль стен, касаясь руками кабелей и трубопроводов. Он думал о том, что установка могла бы еще послужить для опытов, но у него не доставало сил делать что-то, в чем, он знал, больше не было никакой необходимости. Физику всю жизнь мнилось, что знания, к которым он неизменно стремился, нужны в первую очередь ему самому, как воздух, хлеб и вода. То, что знания эти переходили от него к другим людям, казалось ему вторичным и не столь важным: это было неизбежно — и только. Теперь он с ужасом убедился, что все обстояло не так.

Когда он вернулся в лабораторию впервые, то хотел повторить тот самый, уже удавшийся опыт: на одном примере трудно построить теорию. Ему казалось: то, что люди не захотели (как он полагал) по достоинству оценить сделанное открытие, не должно было выбить почву у него из-под ног. Он искал и находил в истории науки множество примеров, когда ученые, сделавшие крупные открытия, в лучшем случае оставались непризнанными и незамеченными. Бывало, их осмеивали. А порой убивали. Так что с этой точки зрения он, по меньшей мере, не был одинок.

Так он убеждал себя, повторяя, что ученые эти до последней возможности продолжали заниматься своим делом, хотя им нередко мешали. Ему же никто не мешал, никто не отнял у него права и возможности теоретизировать и даже экспериментировать дальше.

С такими мыслями спустился он в лабораторию — и вдруг с ужасом понял, что ему неинтересно. Работа больше не привлекала его, результаты не вызывали любопытства.

Физик, наоборот, ощущал, что каждая новая крупница знаний станет для него источником новых мучений: знание есть то, чем обладают люди, а не кто-то один. Писатель, узнав о мучениях физика, сказал бы, что именно такая боль терзала, наверное, в свое время Пандору, получившую в собственность таинственную шкатулку.

В первый вечер физик подумал, что дело лишь в усталости. В следующий раз он чувствовал себя значительно лучше: ожидание предстоящей работы помогло ему в какой-то степени прийти в себя. Но, войдя в лабораторию, он ощутил, что испытывает к своим схемам лишь отвращение, как ко всякой вещи, упрямо напоминающей о нашем позоре.

Тогда он пропустил несколько ночей. А сегодня не смог даже сосредоточиться на мысли о работе и лишь пытался удержать эту мысль, упорно ускользавшую от него, словно рыба, когда ловишь ее руками.

Он понял, что теряет контроль над собой и что это приведет его к безумию.

Это было страшно. И он решил перебороть себя и сделать хоть что-нибудь. Проверить готовность аппаратуры, например. Карачаров знал, что порой бездумная, чисто меха-

ническая работа способна пробудить в человеке интерес к более сложным действиям.

Он включил ток и услышал тихое гудение соленоидов. Физик несколько раз прибавил и убавил мощность, потом медленно довел ее до предельной и, глядя на приборы, убедился, что соленоиды создают надежное поле.

Странный покой снизошел на него. Полубессознательно он переходил от одной группы приборов к другой, руки производили нужные включения и переключения, и, наконец, он оказался перед пультом, у которого стоял в момент своего единственного и победоносного эксперимента.

Руки осторожно приподняли прозрачный колпак и поместили пылинку — несколько сотых долей кубического миллиметра — в нужную точку на устойчивом постаменте. Потом прозрачный колпак снова опустился, пальцы тщательно затянули все винты. Правая рука легла на выключатель насоса. Где-то глубоко внизу насос заработал, и откачиваемый воздух зашуршал в трубопроводе.

Стрелка манометра скользнула влево. Теперь она находилась недалеко от нуля. Глаза заметили это, информация ушла к нейронам мозга. Руки, получив приказание, действовали дальше. Левая скользнула вперед и нашла самый дальний переключатель. Если повернуть его — сработают реле, и поток энергии из питателей хлынет в установку, изгибая пространство и сопостранство в то, что физик называл петлей. Правая рука снова легла на регулятор поля, которому и в этот раз следовало втолкнуть пылинку в деформированное пространство, протащить сквозь петлю и извлечь — но уже с обратным знаком.

Левая рука включила энергию. Зеленоватое сияние — крохотная искорка — возникло под прозрачным куполом. Карачаров механически отметил, что деформация пространства совершалась. Он включил магниты и стал постепенно увеличивать мощность тока. Эти магниты могли бы поднять вагон, но их едва хватало, чтобы протащить сквозь сопостранственную петлю крохотную пылинку: такие требовались при этом энергии.

Железная пылинка покоилась на постаменте. Управляя приборами, Карачаров медленно сближал с нею зеленую искорку. Миг — и они совместились, и тут же автоматически

включились на полную мощность магниты. Пылинка скрылась, перестала существовать в этом пространстве. Карачаров медленно вращал ручку. Пылинка вынырнула. И в то же мгновение раздался удар.

- Слышишь?
- Что?
- Кажется, взрыв...
- Разве?
- Я слышала. Погоди...

Вера приподнялась, но рука Карского, обнимавшая ее за плечи, не позволила встать.

- Не уходи, — шепнул он.
- Я хотела только посмотреть... Я боюсь.
- Все тихо. Наверное, показалось.

Пальцы правой руки медленно поворачивали регулятор, левая выключила поле. Карачаров перевел дыхание, вытер пот. Огляделся.

Как и в первый раз, эксперимент прошел нормально — и как тогда что-то взорвалось в стороне, где ничто, казалось бы, не влияло на знак вещества. Взрыв слегка повредил переборку, но дело было не в его силе, а в том, что он был каким-то образом связан с изменением знака пылинки. Какова его сущность? Над этим следовало подумать.

Выключив установку, физик поднялся в свою каюту и там, улегшись на диван и закинув руки за голову, стал неторопливо, методически продумывать случившееся. Мысль о ненужности и его опыта, и этих размышлений как-то сразу отошла на задний план.

И в первый, и во второй раз взрыв произошел на определенном — приблизительно одном и том же — расстоянии от области пространства, где пылинка из антижелеза меняла знак и вновь появлялась в обычном пространстве. Взрывы совершались именно в тот миг, когда пылинка появлялась. В чем причина взрыва? От чего зависели его расстояние и мощность? От массы вещества? От затрачиваемой энергии? Каков механизм явления?

Карачаров сел, взял эолограф и занялся подсчетами. Он считал недолго и, выведя зависимость, задумался над воз-

возможностью ее проверки. Ставить подобные эксперименты на корабле было опасно, но где еще найти подтверждение — или опровержение — своих выводов?

Помимо двух проведенных экспериментов, Карачарову был известен лишь еще один случай изменения знака вещества: превращение самого корабля. Хотя никто не знал, в какой именно миг произошло это превращение, Карачаров полагал, что случилось это (как вытекало из его гипотезы) в момент выхода из сопространства вблизи Солнечной системы или незадолго до этого, в сопространстве. Если его предположения были правильными, и переход массы в антивещество каким-то образом влиял на такую же массу, расположенную на определенном, зависящем от количества этой массы, расстоянии, то можно было предположить, что взрывы эти являются неслучайными, но находятся в прямой зависимости от превращения вещества. То есть каждому такому превращению сопутствовало еще одно.

Он пошарил в столе и достал свою работу — ту, с которой спешил на Землю. Работу, в которой он пытался обосновать некоторые положения теории интегральности Вселенной — ее единства, при котором ни одно событие, происходящее в любой ее точке, не могло не влиять на другие события в других точках мироздания.

Он перечитывал написанные им страницы и все больше удивлялся тому, как хорошо ложится то, о чем он думал сейчас, на его прежние выводы.

Но если он сейчас был прав, то при выходе «Кита» из сопространства в районе Солнечной системы тоже должно было произойти нечто подобное. Какой-то второй переход «вещество — антивещество». И если это произошло в каком-то из населенных районов Солнечной системы, переход мог завершиться взрывом.

Карачаров не помнил точно, но, кажется, в прочитанных им записях что-то такое было. Какая-то царапинка осталась в памяти.

Он сосредоточился и вспомнил: за три дня до их прибытия близ Земли произошел взрыв. По неизвестной, так и не установленной причине, расплылся один из спутников Звездолетного пояса. Спутники этого пояса обращались вокруг

Земли давно, и орбиты их были известны. Наверное, параметры этих орбит можно было найти в информатории.

Не вытерпев, Карачаров направился туда.

Корабль спал. Но физик забыл о том, что это корабль, заброшенный далеко в пустоту, что и свою новую гипотезу он, Карачаров, так и не сможет передать никому. Он помнил лишь о том, что есть факт, который может подтвердить его давние предположения о возможных эффектах, в которых проявляется интегральность.

Физик перевернул половину информатория, пока нашел искомое. Тут же вставил кристалл в дешифратор, и через несколько минут уже записывал нужные данные. Он знал массу корабля, расстояние его от Земли в момент выхода из пространства и расстояние до погибшего спутника. Теперь можно было сопоставить эти данные с выведенной им зависимостью.

Карачаров подсчитал. В пределах допустимой ошибки цифры сходились.

Он торжествующе распрямился. Еще открытие! И кто-то немедленно должен узнать об этом!

Он покинул информаторий и, не раздумывая, направился к каюте Зои.

Зоя спала и не проснулась, когда вошел физик. Он остановился у двери и смотрел на нее, освещенную слабым светом, проникшим из салона. Потом, стараясь ступать потише, приблизился, чтобы разбудить ее. Протянул руку. И заснул в такой позе.

Только сейчас ему пришло в голову, что новое открытие могло перечеркнуть все их планы.

Найденный им способ преобразования антивещества в вещество было бы невозможно использовать, даже если бы устройства корабля обладали достаточной мощностью, потому что при этом какое-нибудь тело должно было также претерпеть изменения и, при соприкосновении с веществом иного знака, взорваться. Сделанные физиком подсчеты говорили, что при массе тела, равной массе корабля, расстояние, на котором должен был проявиться эффект, становилось настолько большим, что выбрать этот второй объект по своему усмотрению было бы просто невозможно — хотя бы потому, что инверсия объекта произошла бы в момент выхо-

да «Кита» из сопостранства, а точное место этого выхода не могло быть определено заранее, так как подчинялось вероятностным законам.

Их спасение могло стать причиной чьей-то гибели.

Силы вдруг оставили Карачарова. Все оставило.

Он вернулся к себе, сел, закрыл глаза и долго сидел так, не шевелясь и стараясь ни о чем не думать.

Устюг успел уже забыть ощущение, когда кресло, привычное кресло воспринимается не как предмет обстановки. на котором сидишь иногда целыми часами, но как деталь механизма управления, предназначенная обеспечивать наиболее удобное положение пилота перед пультом. Капитан медленно провел ладонью по коже сиденья, словно смахивая пыль; жест был символическим. Потом сел, расслабился, нащарил ногой педаль противоперегрузочных устройств. Нажал. Убедившись, что механизм в порядке, вернул кресло в исходное положение. Луговой в соседнем кресле синхронно проделал то же самое. Они переглянулись, и капитан включил унифон. Рудик откликнулся тотчас.

— Сообщите состояние сопостранственных батарей! — официально сказал Устюг.

— Докладываю: батареи могут принять нагрузку.

— Сообщите состояние накопителей и питателей.

— Запас энергии — сто процентов, питатели готовы к работе.

— К опробованию в холостом режиме!

— Есть, к опробованию в холостом!

Капитан протянул руку к стартерам питателей.

— Даю нагрузку. Прошу дублировать наблюдение.

— Готов.

— Начали!

Капитан включил батареи, чувствуя, как влажнеет воротничок. Столбики индикаторов дрогнули.

— Приняли нагрузку! — донеслось из унифона.

Капитан кивнул.

— Берут нормально!

Устюг предупредил:

— Увеличиваю подачу энергии.

Столбики поползли быстрее, закружились цифры в окошках.

Капитан представил, как батареи пьют сейчас эту энергию, словно жаждущий воду — припав и не отрываясь. Потом они смогут вышвырнуть ее в мгновение ока в одну точку, деформировать пространство и позволить кораблю миновать грань, отделяющую его от сопостранства — границу, проходящую через каждую точку мироздания, но неощутимую и непреодолимую в обычных условиях. Но это — в другой раз. Сейчас идет испытание.

— Прибавляю в рабочем темпе!

Теперь цифры чередовались с такой скоростью, с какой им полагалось. Держат, черт возьми, держат!

— Ноль, восемь заряда, — услышал он голос Рудика.

— Как автоматика?

— Все в порядке. Но ухо держи востро.

— Ага.

— Ноль, девять заряда...

— А ведь берут не хуже, чем раньше.

— Отдавать будут хуже. Ноль, девяносто пять...

Устюг уже держал палец на клавише — на случай, если автоматика откажет.

Три звука слились воедино: голос Рудика, крикнувшего «Заряд!», резкий щелчок — сработали автоматы отключения — и облегченный вздох капитана.

Вспыхнул красный огонек: сопостранственные батареи приняли полный заряд.

Капитан вошел в салон, когда пассажиры ужинали. Он обождал, пока все головы не повернулись к нему. Только что он побывал у администратора и доложил ему, что корабль в состоянии совершить переход. И, по просьбе администратора, пришел, чтобы сказать это же пассажирам.

— Могу сообщить вам, — сказал он неторопливо, — что корабль к переходу готов, распоряжение Совета выполнено.

Он все-таки не утерпел: подчеркнул, что они, пассажиры, тут ни при чем. Совет приказал — капитан выполнил, и все. В ответ на радостный шум, что поднялся после его слов, он не улыбнулся, лишь коротко кивнул и вышел.

Еще несколько минут за столом царило оживление. Потом поднялся Карачаров.

Это никого не удивило: физик как бы восстановил себя в мнении общества, поскольку найденный им способ все-таки должен был стать основой плана, целью которого было возвращение на Землю. И сейчас он, наверное, хотел высказать свою радость и сделать несколько замечаний — о роли науки, об отношении к теории, и прочее. Пассажиры ощущали некоторую неловкость: все-таки зря они тогда сразу отвернулись от Карачарова, и теперь были готовы выслушать упреки и даже согласиться с ними.

Они слушали, не замечая, как меняется выражение их лиц.

Карачаров говорил медленно, промежутки между словами длительностью намного превышали сами слова. Казалось, он вдруг забыл язык и, сказав слово, начинал мучительно вспоминать, как звучит следующее, нужное ему, и эти мучительные поиски отражались, как в зеркале, на лицах людей, словно каждому из них тоже нужно было, услышав слово, долго рыться в словаре, чтобы понять, что оно значит. Минуты текли, но никто не замечал их — физик говорил как бы вне времени, все на свете остановилось, ничего не было, кроме его слов, которые сами по себе стали мерилom времени и пространства.

Он старался объяснить подробно, и вместе с тем понятно, не прибегая к тому языку, который для него был самым доступным, но ничего не говорил остальным. Он объяснял: да, его прежние выводы правильны, и если они приблизятся на такое расстояние к Земле, что станет возможной связь, им, конечно, помогут, и они сумеют вернуться к нормальной жизни, возвратиться ко всему, чего им так не хватает здесь. Но... при этом возникнет угроза для чего-то другого. Что-то погибнет. Какое-то тело. Неизвестно, какое. Это непредсказуемо, потому что законы, определяющие связь их корабля с этим неизвестным телом, никому еще не известны и здесь, на корабле, не могут быть открыты — для этого потребуются фундаментальные исследования, множество экспериментов. Ему удалось нащупать лишь общую закономерность. Он полагает, что она верна. Какая-то масса вещества превратится в антивещество одновременно с обратным превращением «Кита». Может быть, это будет какой-то мерт-

вый, никому не нужный астероид. Но и он со временем сможет оказаться причиной чьей-то гибели: ведь понять, что он состоит из антивещества, можно будет только в момент соприкосновения с ним... А может быть, таким телом окажется населенный спутник: ведь большинство из них обладают массой такого же порядка, что и корабль. Пока еще нельзя сказать, имеет ли значение материал, из которого состоит обреченное тело, его структура. Можно предположить, что имеет: недаром же их переход в теперешнее состояние привел к гибели спутника, на котором находились люди. Можно, конечно, вовсе не приближаться к Солнечной системе, а просить Землю создать устройства, необходимые для их перехода в нормальное состояние, где-нибудь далеко в пустоте, где вообще ничего не будет поблизости. И все же...

— Это... — Карачаров долго искал сравнение, никто не помог ему, никто не перебил. — Это... как котел, в котором высокое давление. Где-то в нем есть слабое место — там стенки котла сдадут, разрушатся в первую очередь. Теперь представьте себе, что мы должны ввести в котел еще какое-то количество газа под давлением. Давление поднимется во всем котле, все равно, в какой точке мы ни ввели бы эту порцию. Давление усилится во всем котле, а стенки его разрушатся именно в том месте, где они слабее всего. Где эта слабая точка? Мы не знаем, потому что не знаем, в чем заключается слабость. Но, наверное, мы, наша цивилизация как-то влияем на весь комплекс пространств, в котором существует и знакомый нам мир. — Он вздохнул, прежде чем перейти к выводам. — Следовательно, за наше спасение, возможно, заплатят жизнью другие люди. Не знаю — в какой системе, на какой планете: найденная мною закономерность может оказаться не универсальной. Возможно, наша цивилизация не одна во Вселенной и существуют другие, тоже манипулирующие энергиями того же порядка, что и мы, или даже вышшими. Возможно, несчастье произойдет у них. Ни один человек не пострадает — погибнут какие-то другие существа. В таком случае мы об этом никогда не узнаем, да и они не узнают. И все же до конца дней нас не оставит мысль, что за наше спасение кто-то очень дорого заплатил. Теперь я сказал все, что знаю. А вы решайте.

Он закончил и стоял, не опуская головы; капля пота упала с его лба и разбилась об стол. Все молчали. Потом Нарев спросил своим резким, высоким, шероховатым голосом:

— Вы уверены, что все обстоит действительно так?

Физик медленно покачал головой.

— Нет. Утверждать не могу. Слишком мало данных. И если бы я пришел к таким выводам в лаборатории на планете, то не стал бы торопиться с публикацией. Я не уверен. Но это вероятно. Я не могу не считаться с такой вероятностью. Может быть, вам это под силу.

«Вы же не знаете формул, — подумал он, — не понимаете их и можете верить мне, а можете и не верить. Вам труднее, чем мне, и поэтому решение — за вами...»

— Спасибо за доброе мнение о нас, — сказал Истомин в смертной тишине. Тишина эта лежала долго. Она, казалось, затвердела, люди были впаяны в нее, как в глыбу льда. Нарев нарушил ее, с шумом отодвинув кресло.

— Хорошо, — сказал он. — Будем решать. Но не все. Мы не в одинаковом положении — кому-то Земля нужна больше, другим — меньше. Пусть решит тот, кто больше остальных нуждается в возвращении.

Головы медленно повернулись. Под этими взглядами Мила еще несколько секунд сидела молча. Потом проговорила — тихо, едва уловимо, но сейчас все слышали каждое слово, как если бы она кричала изо всей силы:

— Нет... Так — нет... Ведь дети могут умереть...

Она закрыла глаза и, казалось, окаменела. Нарев откашлялся.

— Пойду скажу капитану, — проговорил он, — чтобы не спешил. Некуда торопиться. Пусть не боится за свои батареи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Физик Карачаров мог находить какие угодно закономерности. Но обещание-то не выполнил Нарев, а не физик. Обещание, данное любимой женщине. С этим путешественник смириться не мог и искал выход.

Не жизнь, думал он, а избранные парадоксы. Надо было попасть в такое вот немыслимое положение, чтобы исполни-

лась давняя мечта: тут он не только стал необходим людям — он остался единственным, на кого они могли надеяться, кто мог им помочь. И именно тогда, когда от него всерьез ожидали помощи, оказалось, что он бессилён. Это не зависело от него, и все же Нарев чувствовал себя прескверно.

Впрочем, в чем заключалось его бессилие? Он понимал, что вряд ли сможет привести людей к какой-то цели. Когда стало ясным, что путь на Землю для них отрезан, ни он, ни кто-либо другой не мог более найти такую цель, которой они могли бы достигнуть. Но, — размышлял Нарев, — разве этим все исчерпывается?

Да, несомненно, привести он никуда не мог. Но мог — вести. Чтобы куда-нибудь прийти, надо прежде пуститься в дорогу. Начиная путь, каждый надеется завершить его в избранном месте. Но вовсе не уверен, удастся ли ему это. Он идет и надеется на благополучное завершение начатого.

Вот и они должны идти. Людям надо снова обрести надежду, найти занятие. И уж если им суждено разочароваться, пусть это произойдет не сразу, а постепенно. Пусть люди сперва привыкнут к самой мысли о возможности разочарования. Постепенность разумна.

Нарев знал, что для того, чтобы куда-то повести людей, ему придется прибегнуть к некоторым приемам из числа тех, с которыми он уже хотел было распрощаться. Теперь приемы эти ему претили. Но иного выхода он не видел. И решил, что, как бы это ни было неприятно ему самому, он прибегнет к ним, в надежде на то, что впоследствии люди не будут к нему слишком строги.

Приходилось снова — в какой уже раз? — перейти Рубикон.

Нарев мысленно представил себе Рубикон. Река текла по полу, пересекая каюту по диагонали. Он сделал широкий шаг, на миг отразившись в воображаемой воде. Затворил за собою дверь и направился к Миле.

Она была у себя — такая же неподвижная, безразличная ко всему, оцепенелая, как все последние дни. Нарев встретил ее лишенный выражения взгляд и сказал:

— Я обещал вам найти выход. И я нашел его. Не унывайте и не бойтесь. Все впереди.

Наклонившись к ней, он добавил полупшепотом:

— Только пока не надо говорить об этом никому. Обещайте? Ну, вот и чудесно. Извините. Мне пора.

Он вышел, не оставляя времени для расспросов.

Мила запоздало кивнула. Нет, она никому ничего не скажет. Разве что Инне. Актриса выглядела несчастнее всех, была старше остальных женщин, и не поддержать ее хоть чем-нибудь было бы просто бесчеловечно.

— Зоя, милая! — проговорила Инна взволнованно. — Вы знаете, оказывается... Ой, что это у вас?

Она отступила на шаг. Зоя держала в пальцах большую запаянную ампулу. Даже с виду ампула казалась страшной. Зоя улынулась.

— Не бойтесь. В таком виде это не опасно. Хотя вообще-то надо быть осторожной.

— Это яд, да? Зоя, вы что-то хотели сделать? Вам тяжело? Расскажите, поделитесь, вам сразу станет легче.

Нет, это был не яд — хотя и не мешало бы... Пусто было на душе, темно. Жизнь была растрчена, оставалась какая-то мелочь. Ни во что нельзя было верить. Оставалось лишь приводить в порядок материалы со Стрелы-второй — материалы, которые никогда и никому не понадобятся...

— Нет, — сказала Зоя с едва уловимой досадой. — Это культура того заболевания, которым я занималась.

Она бережно уложила ампулу в коробку — там, в гнездах, лежало еще несколько, — поставила в шкафчик, заперла.

— А если это разобьется? При толчках, и вообще...

— Я беру их с собой в кокон.

— Это такой риск!

— Что делать? Можно было бы, конечно, уничтожить, но жаль. Несколько лет работы. На Земле я хотела доработать методику лечения. Да вот...

— Зоя, милая, я как раз хотела об этом. Понимаете, ко мне недавно подошла Мила... Вы ведь знаете, как к ней относится Нарев, он не делает из этого секрета. И вот она сказала...

Обедали в молчании, но взгляды говорили — взгляды, которые Нарев ежеминутно ощущал на себе. «Женщины, — грустно думал он, разрезая кусок синтетической свинины, —

женщины, если есть вещи, которым вы никогда не научитесь, то, кроме умения писать хорошую музыку, картины и книги, сюда, безусловно, относится умение хранить тайны. И если есть на свете женщина в полном смысле слова, то это, конечно, Мила — иначе я не любил бы ее. Сколько дней прошло? Два? И в салоне уже нет человека, который не знал бы, что мне известно что-то такое... Я уверен, что они не выдержат даже до десерта. Ну что ж — ты этого хотел, ты хотел войны, Нарев, и ты ее получишь...»

Впрочем, на лице его ход мыслей не отражался, и он спокойно доел второе и принялся за сладкое.

«Бедный человек, — продолжал он свой мысленный монолог, глядя на пустовавшее место Карачарова, который со дня окончательного крушения надежд не выходил к общему столу. — Нельзя же соваться в такое дело, не зная броду. Конечно, всякому нравится быть в центре внимания и знать, что каждое твое слово воспринимается даже не как приказ — как откровение. Это приятно, даже когда привычно, а тем более — когда ново. Но, милый доктор, каждое явление имеет две стороны, оно внутренне противоречиво — диалектика... И вторая сторона в данном случае неприятна и опасна. Как бы ни казался силен популярный деятель, на самом деле он ограничен в своих действиях — особенно, если принять во внимание наши обстоятельства. Он может двигаться лишь по одному из двух путей: либо идти наперекор всеобщим ожиданиям, стремясь к достижению какой-то своей, одному ему ведомой цели, или же делать, или хотя бы говорить то, чего от него ждут. Первый путь порождает организаторов типа Петра Великого, у которых действительно есть что-то за душой. Но чаще используется способ номер два. Это более приятный путь: люди любят деятеля за то, что он высказывает их мысли, а не свои. Услышав от другого, более авторитетного лица свои мысли, средний человек возвышается в собственных глазах, потому что он, оказывается, мыслит на одном уровне со значительными людьми и, значит, не глупее их. Деятели такого рода бывают любимы — и недолговечны, потому что для усиления или хотя бы сохранения своей популярности им приходится каждый раз, обращаясь к окружающим, заявлять о некотором продвижении по избранному пути — о продвижении, которое на самом деле может

быть, а может и не быть. Это нужно, дорогой доктор, потому что этого ожидают. Но горе, если в один прекрасный день появляется другой деятель, который доказывает, что на самом деле продвижение было мизерным, либо его не было вообще. Лучше, конечно, когда продвижение есть. Но в этом и опасность: всякое продвижение подразумевает действие, всякое действие чревато ошибками, ибо оно тоже имеет две стороны, а абсолютная истина нам никогда не бывает известна. Слабость всякого деятеля — в том, что он, хоть изредка, вынужден действовать. Это отлично понимала, скажем, католическая церковь в древности, когда боролась против новизны во взглядах и действиях — боролась для блага людского... А вы, дорогой доктор, не ограничились обещаниями, но еще и действовали, и достаточно быстро. Так поступают дилетанты. А дилетантизм — вещь опасная. Кроме того, вы сами вызвались на роль ведущего — профессионал подождал бы, пока его попросят. Надо изучать историю, в ней есть, скажем, Александр Невский. Что же касается меня...»

Этот блестящий монолог, выдержанный в столь излюбленной парадоксальной манере Нарева, прервал Еремеев — потому, наверное, что, как и все остальные, не слышал ни слова из него:

— Разрешите задать вам вопрос.

Нарев удивленно поднял глаза. Он знал, разумеется, каким будет вопрос, и знал, что его зададут, но нужно было выглядеть удивленным.

— Конечно же, если только я буду в состоянии ответить.

Миг стояла тишина, взгляды метались между Еремеевым и Наревым. Наконец, Валентин решился.

— Ходят слухи... — начал он. — Ходят слухи, что вы... Что у вас... Одним словом...

— Говорят, — подхватил писатель, — что вам известен какой-то выход. Мы просим вас; вы же сами понимаете, что, если не найдется никакого выхода, мы погибнем и очень скоро.

Нарев медленно, очень медленно, набрал в ложечку желе. Именно сейчас он по-настоящему вступал в игру. Еще полугодом раньше он ощутил бы удовлетворение, случись это тогда, теперь ему было противно. Но отступать не приходилось: никто другой, сказал он себе, не сделает даже и этого... На-

рев молчал ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы напряжение ожидающих поднялось до предела.

— Видите ли, — сказал он, улыбаясь, хотя голос не выражал уверенности, в нем было сомнение и сознание глубокой ответственности; Нарев умел пользоваться своим неблагозвучным голосом. — Я надеюсь, вы не подозреваете меня в распространении каких-то слухов...

— Да бросьте, Нарев, — сказал Истомина. — Вас в этом никто и не собирается винить. Неважно откуда, но мы об этом услышали и теперь просим вас ответить: что вы знаете? Можем мы надеяться на какую-то перемену к лучшему?

Нарев отложил ложечку и опять помолчал — немного: терпение нельзя испытывать слишком долго.

— Вы ведь понимаете, — сказал он, — если бы я видел, в какой стороне находится дверь, ведущая к спасению, то не стал бы медлить. Будь я совершенно, на сто процентов уверен...

— Ага! — воскликнула Инна. — Значит, вы что-то знаете и просто не до конца уверены?

— В том-то и дело, — сокрушенно подтвердил Нарев. — Я не привык давать легковесные обещания. Но могу поклясться, что едва лишь получу необходимые мне доказательства — если они, конечно, существуют, — сразу же поделюсь с вами...

Он не смог закончить фразу, да у нее и не было конца. Именно тут общий гул должен был прервать его — и действительно прервал.

— Это вы бросьте, — осуждающе сказал Еремеев. — Мы все тут играем в одну игру. Так что пусть бежит вся команда. Остальные поддержали его.

— Понимаю, — промолвил Нарев по-прежнему нерешительно. — Но пусть лучше ответственность будет на мне, зачем распределять ее на всех?

Он говорил и внутренне радовался тому, как точно он говорит и как чисто выстраивается продуманная им линия событий — и одновременно печалился тому, что не разучился еще так говорить и продумывать. «Ради них ведь это, — подумал он, оправдываясь перед собой, — а может быть, перед Милой, которая теперь глядела на него, и надежда была в ее взгляде. Ради всего человечества: пусть нас лишь три-

надцать человек, но мы сейчас — самостоятельное человечество, человечество «Кита»...

— Нет, — сказал Истомин. — Вы неправы. Мы не страшимся ответственности и хотим знать то же, что и вы.

— Право, не знаю... — пробормотал Нарев. — Это так неожиданно...

— Вы жестоки, — сказала актриса, готовая заплакать. — Почему вы думаете только о себе?

— Ну, что вы, — обескураженно проговорил Нарев. — Я не дал повода...

Он ждал. В игре было два выигрыша, и раз уж он сел за стол, он хотел получить оба. Он ждал, и наконец Мила вошла в разговор.

— Послушайте, — тихо сказала она, краснея и опустив глаза, — если бы хоть Валентина не было здесь, а то что же — словно раздеваться перед всеми... Я виновата перед вами, это я рассказала. Но думайте обо мне, что хотите — я сделала это ради всех. Мы все верим вам...

«Люди, — подумал Нарев, глядя мимо сразу же потускневшего Еремеева. — Люди, как нужна им надежда и как хочется быть обманутыми ради нее! Нет, я решил правильно. Теперь — к делу».

Он вздохнул.

— Ну, будь по-вашему... — сказал он, как бы преодолевая внутреннее сопротивление. — Я нашел это почти случайно. Я не ученый, как вы знаете, и всегда думал, что не могу открыть ничего нового. Но я в силах найти что-то, уже существующее, на что никто не обращает внимания. И мне удалось... Хочу, однако, предупредить вас: я не знаю, как вернуться на Землю. Точнее — не знаю, как сделать это немедленно, сейчас. — Он продолжал уже быстро, словно увлекшись: нельзя было позволить им разочароваться, утратить интерес. — До сих пор ни одна экспедиция не встречала, как вы знаете, звезд, которые состояли бы из антивещества. Но ведь это относится только к тем светилам, вблизи которых мы побывали. Вам известно, что по излучению, по свету нельзя определить, из чего состоит небесное тело: и вещество, и антивещество испускают энергию в виде одинаковых квантов. Во Вселенной множество светил, о которых у нас

нет сведений такого рода. И вот в записях одной старой экспедиции мне удалось обнаружить...

Он рассказывал, обращаясь поочередно то к одному, то к другому из сидящих за столом. Кофе стыл в чашечках — все забыли о нем, все слушали жадно, стараясь добыть надежду из каждого слова. Все, что ощущали эти люди, было написано на их лицах, Нарев читал их легко, как дирижер партитуру, и ясно видел, где следовало усилить звучание главной темы, где сделать фермату, где — паузу.

— ...Итак, все говорит за то, что это — антизвезда. Я не сам пришел к такому выводу, он содержится там, в записи. Вы спросите: что может дать нам звезда — энергии у нас и так достаточно... Однако дело в том, что это — звезда класса «О», одиночная, как раз такая, какие, по статистике, чаще всего обладают планетными системами. А если звезда такого класса обладает развитой планетной системой — на это в отчете есть определенные указания, — то как знать, нет ли там жизни, нет ли цивилизации?..

Он сделал паузу. «Популярное изложение — великая вещь, — думал он, переводя дыхание. — То, что в науке еще обозначается тремя вопросительными знаками и оговаривается многими «если», в изложении популяризатора звучит, как давно свершившийся факт, сомневаться в котором просто неприлично...» И в самом деле, Нарев выбрал подходящее время для изложения своей гипотезы: физик мог бы возразить ему — но Карачарова как раз и не было среди них, а и окажись он тут — вряд ли его стали бы слушать. Он, конечно, затеял бы спор — для него важнее была истинность результата, тогда как для Нарева главное заключалось в процессе действия, а от того, что он выдавал за истину, требовалась лишь пригодность для лозунга. Так или иначе, отсутствие физика пришлось очень кстати.

— Можно, конечно, сказать, — продолжал Нарев, — сырые, умозрительные заключения, спекуляция. Но есть одно обстоятельство, которое делает такие предположения обоснованными. Если эта звезда и в самом деле идет к нам из соседней галактики, то спрашивается: какая же сила могла сорвать ее с места и направить в миллионнолетнее путешествие через межгалактические просторы? Я думаю... даже больше: я

уверен, что это не просто стечение обстоятельств — это разум и только разум.

Все одновременно вздохнули: слова Нарева были логичны и ослепительны. А он не давал своим слушателям времени пережить все постепенно — он вел их дальше, дальше.

— Посмотрим теперь, что может помочь нам в тех условиях, в которых мы оказались. Земля не в силах решить основную задачу: вернуть нас в нормальное состояние так, чтобы при этом не нанести вреда никому другому. Очевидно, это под силу лишь более высокой цивилизации, которая, развиваясь, неизбежно преодолет и этот научно-технический барьер. Итак, нам нужна высокоразвитая цивилизация. С другой же стороны, если это будет цивилизация, построенная на базе обычного вещества, то мы не сможем наладить с ней никаких контактов: с Землей у нас хоть общий язык и образ мышления, а там мы далеко не сразу начнем понимать друг друга, не вдруг сможем объяснить, в чем заключается наша нужда. По моим представлениям, это возможно лишь при личном контакте; но как раз с цивилизацией земного типа — я говорю о веществе — мы такого контакта не установим. Следовательно, нам нужна цивилизация, во-первых, высокоразвитая и, во-вторых, состоящая из антивещества. Явление, думается мне, необычайно редкое — нам ведь вообще неизвестны иные цивилизации. И вот есть основания полагать, что судьба подарила нам как раз то, в чем мы нуждаемся. Об антивеществе я уже сказал. А что касается уровня этой предполагаемой цивилизации, то вспомните, что нам еще не под силу направить движение нашего светила по своему желанию, превратить его во флагмана эскадры планет, пересекающих бесконечный мир. Они же, по-видимому, смогли сделать это!.. Вот что мне удалось найти, и над этим мне хотелось еще подумать, прежде чем призвать вас, — он сделал паузу, — лететь туда!

Несколько мгновений стояла тишина.

— Лететь туда... — прошептала актриса.

— Вы молодец, честное слово! — крикнул Истомин. — Нет, какой молодец! И молчали!

— Если бы удался другой вариант, — проговорил Нарев, — мои находки оказались бы ни к чему, а слава мне не нужна.

— Ведите нас! — вскричала актриса. — Мы следуем за вами!

Нарев поднялся и стоял, ожидая, пока все умолкнут.

— Корабль поведет капитан, — сказал он. — Но чтобы говорить с ним, я должен знать, что все вы согласны со мною и что каждое слово, которое я скажу ему, будет высказано от имени любого из вас. Могу ли я рассчитывать на это?

Возгласы «Да!» были ему ответом.

— В таком случае, — сказал Нарев, — я иду к нему сейчас же.

Выслушав Нарева, капитан несколько минут молчал, глядя на выключенный экран обзора. Глядел так внимательно, словно на диске уже полыхала обетованная звезда, окруженная роем цветущих планет.

— Мое мнение вас интересует? — спросил он наконец.

Нарев едва заметно улыбнулся:

— Может быть, вы — или кто-нибудь другой — смогли бы разубедить людей. Даже наверное. Но что вы предложите им взамен?

Капитан ответил не сразу:

— Взглянуть правде в глаза. Принять реальность такой, какова она есть.

Нарев кивнул.

— Так и думал, что вы это скажете. Ничего иного вам и не оставалось. Но истина, капитан... Порой это Медуза Горгона. Помните — из античной мифологии. Взглянувший на нее обращается в камень. И это в лучшем случае: камень сам по себе хоть не проявляет активности. Правда — яд: в малых дозах она лечит, в больших — может убить или съести с ума.

— А что вы скажете людям, когда внушенные вами надежды рухнут?

— Следовало бы сказать — если рухнут.

На этот раз улыбнулся капитан.

— Я говорю — когда рухнут. Что будет?

— Решение придет со временем.

— И вы будете швырять людей из надежды в надежду?

— Иначе, как они будут жить?

— А вы как?

— Я — другое дело. То, что нужно мне, я могу найти и тут.

— Странно — почему же вы тогда так спешили на Землю? Но, кажется, я понимаю. И, откровенно говоря, это мне не нравится.

— Ваши чувства, капитан — это ваше дело. У вас есть два пути. Или поддержать меня — и вывести корабль в район той звезды, о которой я говорил. Или выступить против меня. Но предупреждаю: вы проиграете, потому что я предлагаю надежду, а вам нечего дать взамен.

Наступила пауза. Одна и та же мысль мелькнула у обоих: почему собеседник не предложил обратиться к администратору, не прибегнул к его поддержке? По-видимому, потому, что каждый чувствовал уязвимость своей позиции и предпочитал защищать ее против равных сил противника.

— У меня мало времени, — сказал Нарев. — Я должен вернуться с ответом. Еще лучше будет, если вы сами скажете людям о вашем решении.

— К чему форсировать события?

— Или — или. Пожалуйста, можете размышлять в течение пяти минут. А можете и не делать этого: мне заранее ясен ход ваших мыслей и, если угодно, я расскажу вам, каким он будет.

— Интересно... Попробуйте.

— Нет ничего легче. В конечном итоге вы согласитесь, хотя, в общем, мне и не верите. Рассуждать вы станете так: конечно, проще было бы отойти в сторону и предоставить этому авантюристу — вы ведь так обо мне думаете — самому подготовить свое падение. Но он — то есть я — человек решительный и до провала способен нанести немало вреда, потому что люди пока будут идти за ним. Таким образом, соглашаясь с ним, я смогу уберечь людей от многого. Правда, я стану почти соучастником его авантюры, но ведь главное — не то, что обо мне подумают, главное — реальная польза. Вот примерно так вы станете думать, капитан, или, вернее, уже думаете. Я прав?

— Почему вы решили, будто для меня имеет значение, что станет с этими людьми и чего не станет? Разве я не могу махнуть рукой и сказать: они сами хотели этого!

— Не можете. Потому что вы такой, какой вы есть. Будь вы другим человеком — как знать, может быть, и я повел бы дело по-другому.

— Вы так хорошо изучили меня?

— Разве вас нужно изучать? Вы — раскрытая книга. Достаточно было одного вашего поступка... Ваша любовь — или как бы ни называть это — не была секретом ни для кого. И вы отказались от нее, чтобы предотвратить осложнения. Из этого можно сделать только один вывод: вы всегда будете ощущать свою ответственность за корабль и за всех, находящихся на нем. Вы — человек долга, вы — капитан. Поэтому, я могу разговаривать с вами совершенно открыто. Если вы теперь скажете, что я прав в вашей оценке — я буду считать, что мы достигли договоренности.

— Раз вы так хорошо меня знаете, — сказал Устюг после паузы, — то должны понимать, что никакой договоренности мы с вами не достигнем.

После разговора с капитаном у Нарева возникло ощущение, что он натолкнулся на запертую дверь. Дверь надо было отворить. Приходилось подбирать ключи. Логика не помогла — капитан и сам был рационалистом. Следовало попробовать другой ключ — эмоциональный.

Писателя Нарев нашел за делом. Истомин мрачно проглядывал какие-то листки и рвал их, отправляя в открытый приемник утилизатора. Он кивнул Нареву на диван и продолжал заниматься своим делом.

— Что, метр, — сказал Нарев, доброжелательно улыбаясь, — судьба опять трясет нас? Только вы настроились поработать, как приходится складывать чемоданы. И на сей раз это моя вина.

Истомин махнул зажатым в пальцах листком.

— Кому нужна моя работа? — буркнул он.

— Слишком необычны условия. Но это не значит, что искусству тут нет места. Просто оно, быть может, должно принимать какие-то иные формы — в соответствии с условиями. Вы ведь не считаете формы абсолютными?

— Что вы, напротив! — оживился Истомин, которому давно уже не приходилось разговаривать на такие темы. А как жить без подобных разговоров?

— И, конечно, — продолжал Нарев, — людей в искусстве всегда будет прежде всего интересовать то, что непосредственно связано с их судьбой. Возьмем хотя бы наш сегодняшний

день. Корабль отремонтирован, можно пуститься в путь. Все мы знаем — куда. Все зависит от экипажа, от капитана. Но капитан... У него своеобразный образ мышления.

Нарев вскочил и стремительно зашагал по каюте.

— Ведь нетрудно, кажется, понять: звезда, о которой я говорил, может представить громадный интерес не только для нас, но и для Земли. Если все будет так, как мы надеемся...

— А если нет? — негромко вставил Истомин.

— Если нет — то, во всяком случае, хуже не будет. Хотя бы потому, что хуже некуда. Так что мы можем только выиграть. Подумайте. Мы побываем вблизи звезды. Если есть планеты — высадимся. Установим контакт. Наладим связь с Землей. Кем будем мы после этого? Уже не кучкой потерпевших бедствие людей, но экспедицией, сделавшей колоссальные открытия! Небывалые! И если удастся возвратиться на Землю, мы вернемся не группой неврастеников, но экипажем героев! — Нарев остановился, засунул руки в карманы и вызывающе посмотрел на Истомина. — Стоит ли дело усилий?

— Да! — сказал Истомин взволнованно.

— Ну а он этого не понимает, — Нарев протянул руки, взял Истомина за плечи. — Дорогой друг, так напишите об этом! Вернее — расскажите: в наших условиях писатель вновь становится рапсодом — это к вопросу о форме. Расскажите, как вы умеете, убедите капитана — и не только мы, вся Земля будет благодарна вам! Подумайте: если эта звезда и ее планеты — из антивещества, то Земле представится единственная возможность установить с ними контакт. Случившаяся с нами беда станет, таким образом, редкой удачей для нашей цивилизации!

— Сюжет хорош, — сказал писатель. — Но он, к сожалению, не мой.

— Дорогой метр, берите его! Я ведь не литератор. Только вы сможете использовать его наилучшим образом. Подумайте: не об этом ли мечтают люди искусства — оказать конкретное и огромное влияние на развитие всего человечества! Ну, решайтесь!

Он все еще держал Истомина за плечи и настойчиво глядел ему в глаза. Истомин помедлил, потом кивнул.

— Вы правы, — сказал он. — И если я еще на что-то гожусь, мы добьемся результата.

— В добрый час, — сказал Нарев.

Штурмана Нарев нашел в рубке связи.

— Ну, вот, — сказал он. — Идея ваша не нашла применения. А жаль. Я убежден: это был наш шанс.

— Моя идея?

— Конечно! Это же вы натолкнули меня на мысль просмотреть дневники экспедиции! Но капитан никак не хочет согласиться.

— Капитан — хозяин на корабле, — сказал Луговой.

— Капитаны осторожны и положительны, — молвил Нарев. — Капитан в годах. Это хорошо. — Он сделал паузу. Хотя есть и свои отрицательные стороны. Возраст — значит недомогания... Кстати, а кто принимает командование, если капитан занедужит?

— Второй в экипаже — инженер, — сказал штурман медленно.

— У инженера хватает своих дел.

— Вести корабль он поручил бы мне. Если бы, конечно, решил действовать, не дожидаясь выздоровления капитана.

— Да, — сказал Нарев задумчиво. — Капитаны бывают в годах. А жаль. Ах, молодость — пора дерзаний...

Пора дерзаний, думал Луговой, оставшись в одиночестве. Дерзость. Дерзкий мальчишка. Почти хулиган. Но героические поступки совершают не маменькины сынки...

Старики хороши в привычных условиях. А стоит условиям измениться, как патриархи теряют ориентировку: сами-то они уже неспособны меняться. Нет гибкости. Хрящи окостенели.

Дерзкие — не трусы. Они принимают смелые решения. Смелое решение — начало всякого подвига.

Да.

На этот раз за обедом присутствовал капитан. Его попросили, и он пришел. Что-то должно было произойти, и Устюг решил: пусть лучше сейчас, чем в другое время — еще менее, быть может, подходящее.

Когда заговорил писатель, капитан не ощутил ничего плохого. На этот раз интуиция подвела его.

Истомин говорил негромко, опустив глаза, словно перед ним на полированной поверхности стола скользили картины, а он только пытался передать их словами.

Они приближались к Земле. Все осталось позади: дерзновенный бросок к звезде, часы ожидания, предчувствие разочарований — и внезапный взрыв радости, которая охватила даже самых уравновешенных, когда на первой же планете, попавшей в поле зрения экспедиции, были обнаружены несомненные признаки цивилизации.

Остались позади незабываемые встречи с обитателями планет, которые, хотя и не совсем походили на людей, однако, принципиально были близки к ним — не анатомически, конечно, и не физиологически, но по образу мышления, по взглядам на жизнь и ее пониманию. Навсегда запечатлелись в памяти первые попытки обмена мыслями, первые неудачи, еще и еще неудачи — и, наконец, успех.

Позади дни знакомства с цивилизацией; дни переговоров и, наконец, прощания. Дни, озаренные дружелюбием, когда каждый из землян наслаждался чувством своей нужности, своей символичности для представителей культуры антизвезды: покинув свою галактику, в которой им так и не удалось найти другие звезды того же знака, окруженные планетами, обитатели минус-мира еще глубже ощутили свое одиночество во Вселенной, так как и в этой громадной галактике, которую сейчас пересекали, не смогли обнаружить собратьев по знаку. Поэтому появление «Кита», смело пошедшего на посадку, сначала повергло их в ужас. Но взрыва не произошло, и они приветствовали население корабля так, как людей еще никогда и нигде не приветствовали и вряд ли когда-либо будут.

Дело в том, что прибытие «Кита» означало для обитателей антипланет нечто значительно большее, чем просто встречу с представителями иной цивилизации.

Могучая культура, которой было под силу направлять полет звезды в нужном направлении, отличалась крайним, почти религиозным уважением к жизни каждого разумного существа. Возможно, это являлось следствием давней убежден-

ности в их космическом одиночестве, а также небольшим — в силу физиологических особенностей — приростом населения, медленным созреванием и долгой жизнью. Так или иначе, с давних времен любой эксперимент на человеке — будем условно называть их так — на планетах антизвезды был строжайше запрещен, причем даже попытка произвести опыт с самим собой считалась тягчайшим, аморальным проступком. И поэтому, хотя способ обращения антивещества в вещество (с предотвращением всех сопутствующих опасностей) был уже давно известен этой цивилизации, им и в голову не приходило изменить свой знак — знак целого человечества — и уподобиться тем, кого они уже не раз встречали во время своего многотысячелетнего путешествия. Способ этот использовался для энергетических целей; но, хотя опыты на мелких животных и давали положительные результаты, никто и никогда не осмелился даже предложить поставить эксперимент на человеке.

Так что теперь прибытие людей, с которыми такой эксперимент был совершен самой природой, послужило неопровержимым доказательством того, что выход из одиночества возможен и не грозит никакими опасностями.

Уже одно это — освобождение целого мира из тысячелетнего космического одиночества — с лихвой оправдывало жизнь каждого из людей «Кита», возмещало все пережитые несчастья, все разочарования, отчаяние и приходившее порой нежелание жить.

Но это было далеко не все. Встреча представителей двух цивилизаций могла и должна была привести к неисчислимым и благим последствиям. Земля, ее цивилизация, помогла бы гостям акклиматизироваться на любой из планет, которые можно было предоставить в их распоряжение, так как изменение знака целой планеты, безусловно, даже для цивилизации антизвезды явилось бы непосильной задачей. В свою очередь, гости, накопившие громадное количество научных и технических знаний и открытий, готовы были поделиться ими с Федерацией.

Нет, не несчастными скитальцами возвращались на Землю люди «Кита»; они везли на родину подарок, ценность которого оценят, вероятно, лишь в далеком будущем. На Землю возвращалась самая удачливая, самая результативная из

всех звездных экспедиций последних лет, а может быть — и всех времен.

Земля уже знала. Она готовила встречу. Формулы Карачарова, скорректированные учеными с антипланеты, были переданы по связи, и первые группы инженеров успели вылететь в намеченную точку космоса, где предстояло смонтировать устройства для преобразования «Кита» и всего, что находилось на его борту.

Люди с нетерпением ждали встречи. Однако скучать и томиться было некогда: записи, фотографии, образцы, полученные ими в гостях, обрабатывались, систематизировались, приводились в порядок. Работы было столько, что окажись тут вдвое больше людей — и то у них не оставалось бы свободного времени.

Люди не забыли о пережитом. Но они стали теперь иными. Пройденное закалило их, а открытое сделало мудрее. Они научились ваять свою судьбу.

Таков был финал истории «Кита» — достойный финал.

— Капитан! — сказал Истомин. — Считаете ли вы, что рассказанное мною невозможно?

— Не знаю, — честно ответил Устюг. — Принципиально, конечно, это не исключается. Но вероятность, по-моему, крайне мала.

— Пусть так! — почти выкрикнула Инна. — Но если мы не убедимся своими глазами — хотя бы в том, что ничего этого нет, нет планет, нет культуры — мы никогда не простим себе этого: ведь какая-то доля вероятности все же остается!

— А если и в самом деле это так? — спросила Зоя. — Если единственный выход для них заключается во встрече с нами, а мы уклонимся?

— Интересно будет посмотреть, во что они играют, — подумал вслух Еремеев. — Наверное, что-то похожее на футбол у них есть. Не может не быть, если только у них есть ноги.

— Капитан! — воскликнул Истомин. — Если возможность предоставлена нам, зачем отдавать ее? Разве мы — не такие люди, которые становятся героями?

В этом капитан сомневался. Однако промолчал.

Люди ждали ответа, а он молчал. Да, это было заманчиво, беспредельно заманчиво, и молодостью пахли предсказания Истомина: запах неизвестных трасс, лихих посадок, бесшумных шагов разведки шел от них. И все же...

Он вспомнил, что тогда, когда все это было в его жизни, он еще не был капитаном, и право решать принадлежало не ему, а тем, кто был старше и опытнее.

— Нет, — решительно сказал Устюг. — Я должен сохранить ваши жизни — и сохраню. Я не допущу излишнего риска.

— Сохраните — для чего? — крикнула Мила.

— Для чего живет человек? — вопросом ответил капитан.

— Ради детей! — ответила молодая женщина.

— Чтобы творить, — пробормотал Истомин.

— Для любви, — неловко усмехаясь, проговорил Нарев.

«Чтобы играть», — подумал Еремеев, но промолчал.

— Чтобы быть счастливым, — сказала Инна решительно.

— Так, — подвел итог капитан. — Благодарю за информацию. Ваши мнения мне ясны. Но я считаю, что человек живет для того, чтобы выполнять свой долг. Я знаю, в чем мой долг, и я его исполню.

— Что вам дает право ставить ваше понимание выше всякого другого? — требовательно спросил Нарев.

— Закон, — спокойно ответил Устюг.

— Да, — сказал молчавший до сих пор Петров, и неожиданная твердость прозвучала в его голосе. — Можно говорить что угодно, но все должны подчиняться закону. Потому что, как только мы перестанем делать это, мы погибнем — и как общество, и как люди.

— Громко сказано, — проговорил Нарев, и нотка высокомерия проскользнула в его голосе. — Но не разъясните ли вы нам, какому закону мы должны подчиняться? Существующему на Земле?

— Естественно.

— Но разве мы на Земле?

— Законодательство сохраняет силу в пределах всей нашей цивилизации.

— Нашей цивилизации, — повторил Нарев с горечью. — Наша цивилизация насчитывает лишь одну планету, имя которой — Кит. Население этой планеты составляет тринад-

цать человек, включая нас с вами. И к цивилизации Земли планета Кит давно уже не имеет отношения. Неужели вы до сих пор не поняли, что все, что было действенным на Земле, для нас — звук пустой? Мы живем ныне в своей вселенной. Мы все — не люди, мы — антисущества. Для нас, уважаемый согражданин, существует только этот мир с его четырьмя стенами, и у нас нет никаких законов, кроме тех, какие установим мы сами, потому что у нас здесь иная жизнь, иная логика, иные понятия о добре и зле...

— Это слова, — вмешался капитан. — Только слова.

— Слова? Капитан, на Земле любовь — благо. Кто первый пришел к выводу, что здесь она — зло? Нет, своя логика — не слово, она — факт. И если мы до сих пор этого еще не почувствовали, то лишь по инертности нашего мышления. У нас нет ничего: ни законов, ни истории, ни прошлого, — потому что весь наш опыт здесь не нужен, непригоден. И я не знаю, есть ли у нас будущее — особенно, если вам удастся настоять на своем. Но раз нет закона, то мы вольны поступать так, как найдем нужным — мы, население планеты Кит. А поэтому...

На этот раз голос капитана был резок.

— Ошибаетесь, пассажир Нарев, — сказал он. — Здесь был, есть и будет закон, и я уже не раз напоминал об этом. Закон этот — Устав Трансгалакта, где ясно сказано, что мы можем и что нам запрещено.

— Нет, капитан, — возразил Нарев. — Устав, о котором вы говорите, имеет силу на кораблях.

— Вот именно, — согласился капитан.

— Но разве это корабль?

— Что вы сказали?

— Я говорю, что корабль — средство передвижения. Средство транспорта, служащее для доставки пассажиров и грузов из одной точки мира в другую. Вы не можете доставить нас туда, куда нам нужно. А то, что просто летит в пространстве — не обязательно корабль: это может быть и планета. Я не хотел говорить об этом, капитан, но начали вы сами. Раз это не корабль, на нем нет и не может быть Устава. Мало того: здесь не может быть и капитана. Вы не имеете права командовать здесь — с того самого момента, как «Кит» перестал двигаться по воле людей.

— Имею — раз я командую.

— Командовали. Отныне с этим покончено.

Наверное, следовало что-то ответить. Возразить. Прикрикнуть хотя бы. Но Устюг упустил момент. Кажется, он ждал, что чей-нибудь голос — хотя бы один голос — прозвучит в его защиту. Но люди молчали. Лишь Петров пробормотал:

— Да, это логично. Капитан — для корабля, но не для планеты...

«Вот так, — думал капитан Устюг. — Такие вот дела. Такие».

Он сидел в своей каюте, и жить ему не хотелось.

Всех его сил хватило на то, чтобы достойно выйти из салона. По пути к себе он повстречал Лугового; штурман спешил туда, где капитан никогда больше не хотел бы показываться. Парень отвел глаза. Устюг усмехнулся и не стал его останавливать.

Теперь он сидел в каюте и тупо смотрел на репитеры приборов, которые занимали полстены и давали полную возможность следить за состоянием корабля. Сознание Устюга автоматически фиксировало показания, хотя капитану это было уже ни к чему.

Это пахло средневековьем: бунт на корабле и прочая чепуха в том же роде. Может быть, не следовало подчиняться. Наверное, надо было стрелять.

Он и стрелял бы — будь он уверен, что его программа действий обещает людям больше, чем та, которую избрали они. Но капитан не знал, что лучше.

Может быть, с ним случилось самое лучшее, что можно было себе представить: его лишили возможности действовать как раз тогда, когда он перестал понимать, что надо делать. С него сняли ответственность за судьбу двенадцати остальных, теперь он был вправе думать лишь о себе самом.

Но он заранее знал, что в глубине души не сможет примириться со своим новым положением, не почувствует себя свободнее. Ответственность была возложена на него не этими людьми. Капитан отвечал в первую очередь перед своей совестью, а от нее освободить не мог никто. Устюг понимал, что, пока жив, в своих глазах останется капитаном и

по-прежнему будет отвечать за все, что произойдет на борту корабля.

Но требовать от него чего-то больше не станет никто.

Это хорошо.

«Устал капитан Устюг, — подумал он о себе в третьем лице. — Устал. Вот ляжет в кокон — выспится. Полетит пассажиром. Что же, очень хорошо. Пусть отдыхает старик. Он тоже человек, и отдых ему положен. Пусть отдохнет до той поры, когда...»

Тут он споткнулся. «Когда что? Когда все-таки не справятся без капитана и прибегут? Этого ждет капитан Устюг?

Этого.

Но ведь не прибегут, пожалуй. Пожалуй, справятся. А капитан так и проболтается тут остаток жизни — ни пассажиром, ни членом экипажа. Черт его знает, кто он теперь — какое-то третье сословие».

Он даже улыбнулся этому определению. Потом услышал сигнал: первое предупреждение. Корабль готовился к старту, и готовили его другие.

«Ну, не делай из этого трагедии. Все равно, зрителей нет, никто не подойдет, не погладит по волосам, не скажет: ну расскажи, выговорись, станет легче, а я тебя утешу, недаром ведь мы с тобой навсегда связали свои жизни... Но Зоя и там не выступила в твою защиту. Отреклась. Зрителей нет».

Устюг решительно поднялся и стал раздеваться. Раскрыл кокон — никогда не пользовался им в каюте... Улегся. Подвигался. Удобно. Хорошо. Пусть кто хочет торчит сейчас за ходовым пультом. Он будет спать.

Устюг нажал рычаг, и крышка опустилась. Этим он как бы отрезал себя от остального корабля. Можно было лежать без забот.

От приборов, правда, и здесь было не уйти: кокон как-никак был капитанский. Устюг постарался лечь так, чтобы шкалы не маячили перед глазами, чтобы их слабый свет не проникал сквозь опущенные веки.

Он думал, что не уснет, но сон неожиданно пришел, мягкий, спокойный. Капитан умел расслабляться и сейчас заставил себя расслабиться.

Он уснул и не слышал, как женские шаги приблизились, как отворилась дверь. Через мгновение она затворилась, и шаги медленно прозвучали, удаляясь.

Капитан Устюг спал.

Молодости принадлежит будущее, повторял про себя Луговой. Он сидел на центральном — капитанском — месте за пультом, пальцы его лежали на клавиатуре, и корабль был готов рвануться, вломиться в сопространство, повинаясь его, Лугового, воле, и привести людей туда, куда они хотят.

Нажимом клавиши он включил первую группу диафрагм, и улыбка возникла на его лице, когда он ощутил перегрузку, означавшую, что машина начала разгон.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

По внутреннему времени была ночь, когда они вырвались из сопространства в намеченном районе близ звезды НК-7878.

Луговой рассчитывал выйти в полумиллиарде километров от светила, чтобы затем, уменьшая скорость, пересечь пространство, в котором, возможно, существовали планеты, и попытаться отыскать хотя бы одну из них. Однако неизбежная в таких случаях неопределенность на этот раз сыграла с ними невеселую шутку: корабль оказался значительно ближе к центру системы, чем ожидалось.

Штурман включил обзор и невольно зажмурился: такой поток света хлынул в глаза. Через мгновение включились фильтры, и на экран стало можно смотреть.

Звезда пылала перед ними, и огненные пряди ее короны развевались, как волосы иступленно проповедующего фанатика.

Луговой с тревогой взглянул на приборы. Курсовая линия почти точно упиралась в центр светила. Интегратор скорости показывал, что для того, чтобы изменить курс и не сгореть в пламени звезды, нужно было тормозить — тормозить быстро, на пределе допустимых перегрузок.

Луговой включил тормозные. Это были ядерные двигатели с ограниченным ресурсом. Выгоднее было бы замедлять

ход, повернув корабль к звезде главным, маршевым двигателем, но не оставалось времени, чтобы плавно развернуть громадную машину кормой вперед. Тормозные взревели. Венец фиолетового пламени окружил изображение на экране.

Луговой тем временем отдал команду новой группе автоматов. Поворот лучше было производить не вручную: требовалась предельная точность и плавность.

Перегрузка росла. Штурман чувствовал, как все резче начинает стучать в висках. Изображение звезды на экране раздвоилось, и оба светила стали медленно расходиться в стороны, в то же время едва заметно смещаясь в левую половину экрана.

Напрягшись, штурман перекатил голову вправо; от этого в затылке возникла резкая боль. Луговой лежал на раздвинувшемся кресле, рот его был искажен гримасой, но штурман, наверное, не сознавал этого. Грудь медленно, с усилием поднималась и сразу опадала: дышать становилось все труднее. Таких перегрузок экипажу пассажирского корабля не приходилось испытывать очень давно. Штурман скосил глаза на экран. Звезд теперь стало три, космы их корон сплетались между собою, и Луговой уже не мог сказать, какое изображение настоящее и насколько успешно корабль изменяет курс. Звезды вырастали, и штурман ощутил, как проступает на коже и мгновенно скатывается вниз пот, хотя температура в центральном посту не поднималась.

Звезды все-таки уплывали влево, и можно было надеяться, что «Кит» обогнет светило на безопасном расстоянии и начнет удаляться от него по гиперболической траектории подобно комете. Потом, когда расстояние увеличится, можно будет выключить двигатели и позволить светилу удержать корабль на орбите. Тогда настанет время оглядеться и отыскать в пространстве хоть одну планету.

Мысли двигались черепашьям шагом. Как будто нехотя Луговой подумал, что не верит в успех поисков. Сомнение ни на чем не основывалось; просто звезда выглядела как-то уж слишком дико — хотя на самом деле впечатление следовало отнести за счет несовершенной человеческой психики, и штурман отлично понимал это. Он стал было прикидывать, сколько часов продлится поворот. Закончить расчет не

удалось: неожиданно взревели сирены. Автоматы включили сигнал тревоги.

Луговой повернул голову, морщась от дикой боли.

В центральном посту ничего не изменилось. Взгляд проволочился по приборам двигательной группы. Они показывали то, что и должны были. Звезды по-прежнему клочкотали на экране, и, если бы не доносившееся сверху рычание двигателей, можно было бы, как почудилось штурману, даже услышать это клочкотание.

Ничто не изменилось ни на экране, ни внутри корабля. И все же сирена тревоги с каждым мигом звучала громче.

Луговой поднял глаза к следующей группе индикаторов. Герметичность? Сохраняется. Целость корпуса? Не нарушена. Приближение посторонних тел? Нет, приборы их не воспринимают. Защита пассажиров? Но зеленые огоньки, свидетельствующие о целости коконов и спокойном сне людей, ровно горели на отдельном табло.

А сирена редела.

Оставалось взглянуть на последнюю группу приборов безопасности. Луговой с усилием перевел взгляд налево.

Он замер, и боль мгновенно прошла, вытесненная более сильным ощущением.

Прерывисто мигал красный круг, на котором была изображена большая буква Р.

Буква означала присутствие рентгеновского излучения. Приборы в центральном посту не воспринимали его, но пост, как и все помещения, где могли находиться люди, обладал дополнительной экранировкой, препятствовавшей проникновению тяжелых квантов — до поры до времени, конечно. А в верхних палубах корабля излучение стало уже ощутимым, и об этом-то и сообщали сигналы тревоги.

Мысль стала работать быстро, словно отделившись от утомленного перегрузками тела.

Рентгеновское излучение могло возникнуть лишь при столкновении корабля с частицами вещества. Вонзаясь в тело «Кита», частицы резко затормаживались и отдавали энергию в виде жесткого излучения. Титановый сплав обшивки был слишком слабым экраном, чтобы погасить его мощность.

Это было ясно. Но приборы показали и другое: количество частиц за бортом, частиц, соударения с которыми неиз-

бежно учащались при сближении с крупным небесным телом, пока еще не было столь значительным, чтобы вызвать такой эффект. Это должно было произойти значительно позже, и Луговой надеялся, что сможет обогнуть звезду, не приближаясь к ней до такой степени.

Конечно, количество частиц, витающих вокруг звезд, могло достаточно резко варьировать. Но сейчас речь шла не о теории: приборы показывали действительное количество частиц в пространстве, и их было слишком мало, чтобы вызвать опасность.

Все это штурман понял, не размышляя, понял автоматически: ход мыслей был уже запрограммирован в его мозгу, закреплен теорией и тренировкой. Излучения не должно было быть — но оно было, и сирена, подтверждая это, выла неумолчно, и красное табло вспыхивало, мешая свой отблеск с оранжевым из-за фильтров светом звезды на экране.

Луговой напрягся. Явление было странным, и причину его следовало отыскать в считанные секунды.

Он нашел причину и не смог удержать стона.

Частиц было действительно не так много, чтобы они могли породить столь мощное рентгеновское излучение, затормаживаясь в обшивке корабля. Однако они и не затормаживались; они аннигилировали. При этом высвобождалась неизмеримо большая энергия. Мощные кванты излучения, возникавшие при аннигиляции, легко пронизывали борта.

Угроза была двойной: излучение медленно подбиралось к населенным помещениям, а борта медленно, но верно таяли, как опущенный в воду кристалл соли.

Частицы за бортом были, следовательно, обратными по знаку. Значит, звезда состояла не из антивещества, как надеялись люди. Луговой понял, что они ошиблись.

Но времени для сожалений не оставалось. Опасность была смертельной. И ее было трудно избежать.

Луговой снова кинул взгляд на интегратор и, окончательно решившись, стал действовать четко, как на тренировке.

Быстрыми движениями он выключил тормозные двигатели. Перегрузка исчезла, и штурман облегченно вздохнул. Его охватило состояние физического, животного счастья: кровь отлила от головы и стало легче дышать. Захотелось, чтобы так было всегда.

Но он знал, что передышка будет мгновенной.

Чтобы спастись, надо было уже не тормозить корабль, но разгонять его как можно сильнее. Опасность при этом увеличивалась. Но сокращалось время, в течение которого корабль должен был подвергаться воздействию частиц.

Луговой включил маршевый двигатель и начал, плавно ведя сектор, увеличивать скорость, включая все новые группы мембран. Левой рукой он медленно, по доле градуса, изменял направление полета.

Перегрузка быстро достигла прежней величины. Только теперь штурмана прижимало не грудью к захватам, а спиной к креслу. Так переносить тяжесть было легче, и Луговой еще немного продвинул вперед руку, сжимавшую головку сектора тяги.

Рука дрожала, будто держа на весу чрезмерную тяжесть. Но движение ее было равномерным.

Снова дятлы начали бить крепкими, клювами в мозг. Луговой зажмурился от боли. Ему не надо было смотреть на приборы, он стал теперь частью корабля и всем своим организмом воспринимал изменения режима и чувствовал их допустимые пределы. Глаза его не отрывались от экрана, где три звезды снова слились в одну.

Одновременно он стал думать о себе. Он думал о себе зло, презрительно, с ненавистью.

Он думал, что ему было дано все. Он был молод. Был строен и красив. На лице его еще не было морщин, и под глазами не набухали мешки. Он лучше переносил физические нагрузки. На него чаще смотрели женщины. А он не ценил и не понимал всего, что было ему дано. Не зная старой полетной практики, когда звездные рейсы продолжались годами, он ошибся при первом же серьезном испытании.

Он был дутой величиной, самонадеянным, спесивым мальчишкой. Глупцом. Ничтожеством.

Так думал штурман и мысленно называл себя всеми презрительными, уничижительными, бранными словами, какие только мог вспомнить. Луговой разжигал себя. Дикая злость была нужна ему, чтобы удержаться, не потерять сознание и вывести корабль из той беды, в какую они попали. Поэтому он не старался искать для себя оправданий, к которым непременно прибегнул бы в иное время.

Сейчас он должен был раскалиться добела, должен был заставить свой гнев охранить его от падения в черноту обморока.

В то же время Луговой не сводил глаз с экрана. Светило на нем быстро увеличивалось в размерах, а в сторону отплывало медленно, слишком медленно, но штурман знал, что более крутой поворот невозможен — он чувствовал это органически, как переевший ощущает, что не в силах проглотить более ни кусочка. И штурман подумал, что даже тот танец на грани допустимого риска, танец на тончайшей проволоке над бездной, какой он пытался исполнить, мог не спасти, мог не выручить корабль.

Как бы подтверждая его опасения, сирена завывала иначе — выше и пронзительнее, и ниже первого замигало второе табло. Сперва водянисто-розовое, оно с каждой минутой становилось все краснее. Это означало, что уже и вторая линия защиты — усиленная переборка между внешними, прилегающими к борту помещениями и следующим их поясом — прорвана, и второй пояс помещений, куда входил и салон, находится под угрозой.

Правда, палубы, в которых находились люди, оставались пока еще в относительной безопасности: в соприкосновение с частицами вошла лишь носовая часть корабля. Но отяжелевшее сознание определило, что если сейчас же, немедленно не предпринять чего-то, то вскоре и пассажирская палуба окажется под обстрелом невидимых, но разрушительных снарядов — квантов высокой энергии.

Штурман почувствовал, как злость и гнев отступают куда-то: они не были больше нужны, они сыграли свою роль. До сего мига он не потерял сознания и теперь был уверен, что выдержит до конца. Мысли скользили теперь быстро, как кадры киноленты. Управляя ими, как он управлял кораблем, Луговой посылал их в разные стороны в поисках выхода. Но везде мысли натывались на плотную преграду запрета.

Уменьшить радиус поворота нельзя: боковые перегрузки, наиболее опасные, превысят допустимый уровень.

Увеличить скорость тоже нельзя: тогда катастрофически возрастут фронтальные перегрузки.

Уменьшить ускорение либо вовсе выключить двигатели и лететь с постоянной скоростью означает — отдаться на волю

тяготения звезды, которое немедленно изогнет их траекторию, переведя корабль на эллиптическую орбиту. Хотя скорость корабля оставалась достаточно большой и на эллиптическую орбиту он так и не вышел бы, все же он неизбежно приблизился бы к светилу на такое расстояние, что все живое в нем погибло бы.

Затормаживаться, чтобы выйти на орбиту на приемлемом удалении от звезды, поздно: корабль находится слишком близко к источнику частиц.

Выхода нет.

Во всяком случае, так решил штурман. И почувствовал, что страх покидает его, уступая место странному равнодушию. Страх прошел, как проходит пожар, уничтожив все, что могло и что не могло гореть.

Ничего не поделаешь, — тупо подумал он. — Все равно...

Но если гибель была неизбежна, то встретить ее следовало достойно. Герои всегда гибли романтически — в фильмах, по крайней мере.

Луговой порадовался тому, что пассажиры спят в своих коконах и покинут жизнь, не зная, что с ними происходит. Последним осознанным ощущением в их жизни останется надежда, которую они испытывали прежде, чем уснуть...

Но на посту оставался еще инженер, надежно изолированный от всего, происходящего вовне. Он видел только свои приборы и механизмы. Вряд ли они оба должны были умирать в одиночку.

Луговой решительно выключил тягу. Двигатели стихли, и только сирены продолжали выть.

Испытывая облегчение от того, что все решено, Луговой включил связь.

— Как ты там?

Через секунду донесся ответ:

— Теперь легче.

— Обстановку понимаешь?

Инженер был достаточно опытным человеком, чтобы понять, что значил вой сирен, дублировавшийся и в его посту.

— Рентген.

— Близо вышли. Но дело не в этом. Тут нет антивещества. Аннигилируем.

— Это я понял. Слежу за состоянием обшивки.

— Надолго ее хватит?

— Часа через полтора даст течь.

— Мало времени.

— Ну нам это будет уже все равно.

Штурман кашлянул: Рудик умел держаться.

— Ты прав, наверное, не выкрутиться.

Рудик, подумав, сказал:

— Бывает и так.

— Потому что, видишь ли...

— Я в курсе: вижу по приборам...

— Почему же ничего не подсказал? Может...

— Нечего было говорить. Ты все делал правильно.

— Можем рискнуть, но тогда нас раздавит. Или нет?

— Можешь не сомневаться: я прикидывал. Если бы можно было еще нажать, я тебе сказал бы. Не знаю, как ты, а я дал бы сейчас на всю железку. Не люблю долго ждать.

— Ты?

— А что, непохоже? Просто хочется напоследок, послушать, как поют мои моторчики.

— Они выдержат?

— Да, вполне.

— Хочешь подняться ко мне?

Рудик помедлил.

— Вообще покидать пост не положено. Но для такого случая...

Он появился в центральном посту минуты через две. Долго смотрел на экран.

— Красиво. По приборам — не так. А какая она без фильтров? Летал-летал, а звезд почти не видел: вблизи — никогда. Жаль.

— Без фильтров желтая. Как мед.

— Красиво. Подонок этот Нарев. И мы с тобой.

— Да. Но теперь — что уж. Ты готов?

Рудик замкнул систему кресла.

— Давай.

Штурман включил двигатели.

Корабль несся к светилу.

— А вдруг можно что-то придумать?

— Не вижу, штурман, да ты не бойся. Что было возможно, то сделано. А от невезения нет лекарства.

Луговой знал, что инженер говорит искренне: он не умел утешать, не будучи уверен сам.

— Добавим еще?

— Давай. Но так, чтобы можно было глядеть и разговаривать.

— Я думал — наоборот, чтобы в голове помутилось и ничего уже не соображать...

— Брось. Не солидно.

— Будь по-твоему, — сказал Луговой.

Они помолчали. Потом Рудик сказал:

— С таким ускорением двигатель все равно полетит часа через полтора. Ничего не теряем.

— Не все ли равно?

— Я просто так. А красиво будет, наверное. Жаль, что никто не увидит со стороны.

— А, фиг с ними, — сказал штурман. — Не увидят — ничего не потеряют. Мне было бы жутко. Не люблю кремации.

— Хороший корабль, — сказал Рудик.

— Машина хоть куда.

— И батареи дотерпели до конца.

Сирены снова изменили тональность. Излучение прорвалось в третью палубу.

— Другой давно уже был бы насквозь.

— Давно-о. А этот еще разгоняется...

Оба одновременно взглянули на интегратор.

— Хорошая скорость.

— Выскочили бы мы подальше, — сказал штурман, — успели бы отвернуть. Но — что поделаешь. В этом мы не вольны.

— Теория вероятности, — сказал инженер. — Если все время везет, то рано или поздно должно крупно не повезти.

Светило заняло уже больше половины экрана. Инженер перегнулся со своего места, — раньше там сидел штурман, — и выключил сирены.

— Мешают говорить.

— Молодец. А я и не подумал.

— Теперь все равно.

— Хорошо тянут моторы.

— Да.

Они умолкли, прислушиваясь к новому звуку: словно где-то кипела под высоким давлением вода.

— Нос, — сказал инженер. — Микровзрывы.

— Через час будем в зоне короны. Заполыхаем со всех сторон.

— Я же говорю — выйдет красиво.

Они сидели, не глядя, друг на друга, но ощущая присутствие другого всем своим существом.

— У тебя нет никакой музыки под руками?

— Нет. Знаешь, Рудик?

— Что?

— Я тебя люблю.

— И я. Ну, ладно. Давай споем?

— Это хорошо. Давай.

Они запели — негромко, теперь сирены не мешали. Далеко внизу шумели двигатели. После второго куплета инженер сказал:

— Третьего не хватает. Разбудим?

— Как? Я уж думал. Он отключен. И кокона не открыть.

— Все равно. Настоящий капитан не может не проснуться, когда корабль гибнет.

— Он пришел бы.

— Как же он придет, когда идем с ускорением? Ну-ка выключи на время...

Капитан ворвался в пост, на ходу затягивая замки на куртке. Он взглянул на экран, на людей. Все понял.

— Дураки, — сказал он. — Дерьмо!

— Ладно, — буркнул штурман. — Теперь уже не стоит.

Капитан Устюг знал, что всегда стоит. Он на миг прикрыл глаза. Потом обвел взглядом приборы.

— Инженер, почему не на своем месте? Мигом! — И командовал: — Всю тягу, сколько есть!

Светило закрывало весь экран.

Капитан увеличил тягу до предела. Скорость стремительно росла.

Машина мчалась к пылающей звезде. Луговой сначала глядел, не понимая, потом закрыл глаза: ослаб, передав ответственность, да и звезда была ужасна. Капитан напряженно смотрел на интегратор.

— Обшивка начинает протекать, — предупредил Рудик уже из своего поста.

— Уже недолго.

— Ты что придумал?

— Неясно? Специалист! Как с энергией?

— Норма.

— Заряд батарей?

— Приняли до полного.

Вода klokотала уже совсем рядом — klokотала и шипела, точно обрушиваясь на раскаленные камни.

— Батареи! — крикнул капитан.

— Есть батареи!

— Даю!

Он почувствовал, как дрожь прошла по кораблю.

— Полную!

Светило было уже не рядом — оно было со всех сторон.

Капитан крикнул:

— Все шесть разом! Иначе не успеть...

Грохот. Лязг. Скрип металла. Пламя за бортами. Ключья пламени мешаются с ключьями тьмы. Стремительно растет температура. Сейчас не до нее: некогда. Сработают ли батареи? Ослабленные, поношенные...

Ключья вихрились на экранах. Потом наступила тишина. Погасли угрожающе мерцавшие табло.

За бортом, судя по экранам, была черная глубина. Капитан взгляделся в нее и почувствовал, как начинает кружиться голова.

— Рудик... — вяло позвал он.

— Тут. — Ответ пришел не сразу.

— Выскочили...

— Батарей плохо. Секунды, может быть, минуты им жить.

Головокружения как не бывало. Батареи сдадут — значит корабль снова вынырнет в нормальном пространстве. А там — звезда. Тут, в сопространстве, ее нет. Но стоит выскочить обратно...

Есть один выход. Может быть, есть. Этого никто никогда не пробовал. Но им поминутно приходится делать что-то, чего до них не делал никто.

Включить двигатели в сопространстве. Неизвестно, правда, как отнесется к этому сопространство. Но выбирать не из чего.

Альтернативой любому рискованному действию было — сейчас, сию минуту, вынырнуть если и не в центре светила, то в опасной близости от него, вспыхнуть, сгореть, разложиться на атомы, превратиться в раскаленный газ...

— Рудик, как машины?

— В полном!

— Луговой, общее направление? Каким было принципиальное направление, когда ты вынырнул около звезды? Штурман!

— В общем... стояли в направлении Солнечной...

— Даю тягу!

Капитан решительно вытянул руку.

Батареи сдали не через минуту, а почти полчаса спустя. Но сдали основательно. Ослабленный металл, нарушенная изоляция не выдержали — пластины, одна за другой, стали деформироваться и замыкаться. Вспыхнули мощные разряды. Количество их росло быстро, как при цепной реакции. Еще несколько секунд — и начало бы плавиться все вокруг, загорелся бы сам металл обшивки...

Батареи пришлось катапультировать. Это произошло уже в обычном пространстве: едва замкнулись первые пластины, как отдача батарей упала настолько, что сопостранство вытолкнуло корабль, как вода — надутый мяч. Шесть блоков батарей, шесть огненных тел прорезало тьму, рассыпалось на множество огней и осталось где-то в стороне.

— Фейерверк, — сказал Луговой.

— Вышли, — сказал капитан. — Нет звезды. Значит, живем пока.

Звезды и в самом деле не было. А что было?

Они ждали, что, как обычно, кто-то словно сдернет с экранов темную пелену, и разом вспыхнут точки светил. Но черное покрывало по-прежнему застилало экран.

Они долго вглядывались в пустоту. Потом капитан сказал:

— Нет, наше пространство это точно. Только где мы?

Он с инженером направился в обсерваторию. Луговой включил «Сигму». Теперь изображение пустоты поступало непосредственно в машину, память которой была обширней, а логика — совершенней человеческой.

Идентифицировать видимую картину компьютер отказался. Штурман сообщил об этом в обсерваторию. Капитан и инженер переглянулись и пожали плечами. Капитан снова приткнулся к большому искателю. Потом отодвинулся.

— Ну-ка, погляди. Видишь? Дай увеличение... Переведи на экран.

Инженер склонился над пультом. На одном из экранов появилась светлая точка. Она росла. Видны стали яркие изогнутые струи и темные прожилки между ними.

— Неужели М-31?

— Нет, — сказал капитан. — Туманность Андромеды — вот она, — он указал в противоположную сторону.

— А эта?

— Наверное, Галактика с большой буквы. Наша.

— Как нас сюда вынесло?

Капитан Устюг пожал плечами. Они посидели молча.

— Так, — промолвил затем капитан. — Что весело — я бы не сказал.

— Зато теперь видно, — откликнулся инженер, — что наша — тоже спиральная туманность. Раньше я как-то сомневался.

— Ну, поехали, что ли, — сказал капитан.

— Куда?

— Все равно. Хоть к нашей. Толку никакого, но веселее. Все-таки дом перед глазами.

До дома было полмиллиона световых лет. Батареи догорели в пространстве, и уйти отсюда было невозможно. Здесь найдут они свой конец. Были бы хоть звезды за бортом — но и их не стало.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Нарев холодно, презрительно бросил:

— Найдите мужество признаться!

Луговой молчал. Какое признание было им нужно? В том, что на этот раз теория вероятности подвела? Или что звезда оказалась никаким не антисветилом? А может быть, следовало просить извинения за то, что люди не сгорели, а — всему вопреки — остались в живых? Чего хотел Нарев? Тот

самый Нарев, который помог Луговому (если уж называть вещи их именами) выступить против капитана; да что помог — просто толкнул на это! Предательство — иначе не назовешь...

А Нареву сейчас было не до этики. Он встретил отчужденный, даже брезгливый взгляд Милы; так глядят на людей, в которых безнадежно разочаровались. Поймав этот взгляд, Нарев утратил способность рассуждать трезво. Он обвинил бы сейчас кого угодно и в чем угодно, лишь бы отвести упрек от себя. А его всегдашнее стремление оспаривать, реформировать, отказывать в доверии одним и надеяться на других, лишь помогало ему обвинять от души. Повод для этого был: корабль, против ожиданий, оказался в дремучей пустоте, батареи сгорели, и ступить на Землю отныне можно было разве что во сне. На такое завершение своих проектов Нарев не рассчитывал; тем больше было поводов возмущаться.

Луговой хранил молчание, но вперед выступил стоявший до сих пор в стороне капитан. Он кивнул — и штурман послушно отодвинулся.

— Вы хотите знать, как мы оказались здесь? — сухо спросил Устюг. — Этого мы объяснить не в силах. Вы уже слышали, что кораблю угрожала гибель. Чтобы спасти вас, было сделано все.

— Что значит «все»? — перебил Нарев.

— Использовались даже средства, никем не применявшиеся ранее.

— Какие? — не поднимая взгляда, спросил сидевший в углу Карачаров.

— Например, в сопространстве была включена тяга.

Теперь физик поднял голову.

— Вы двигались вперед?

— Это давало надежду выйти где-то ближе к Солнечной системе.

— А до сих пор в сопространстве этого не делали?

— Наоборот. Неизвестно было, что последует за включением двигателей. Но нам выбирать не приходилось.

Физик искоса поглядел на капитана.

— Тогда понятно... Мы установили, что корабли в сопространстве меняют знак; но и само оно, видимо, обладает об-

ратным знаком — минус-пространство, если можно так сказать.

— Что же из того? — настороженно спросил Нарев.

— Желая направиться вперед, мы на самом деле начали двигаться в противоположном направлении, — нехотя сказал физик. — Это неизбежно вытекает из...

— Ну? — торжествуя, прервал его Нарев. — Что скажете теперь? Дать ход в соппространстве — это ведь была ваша идея?

Устюг мог бы ответить, что перед походом его отстранили и теперь не вправе требовать ответа с него. Но это было бы ниже его достоинства.

— Я все объяснил.

— Нет! Вы, весь экипаж, оказались несостоятельными, потеряли контроль над кораблем и боитесь сознаться в этом! Вы лишили нас надежды, лишили жизни! Вы убили нас!

Последние слова были обращены ко всем: людям надо было как-то выразить обуревавшие их эмоции. И они вскочили, сжимая кулаки.

— Верните нас к Земле! — крикнул Нарев. — Или хотя бы в нашу Галактику!

— Штурман уже объяснил вам, — ответил Устюг, не повышая голоса. — Мы никуда больше не можем и не сможем вернуться.

— Потому что вы совершали действия не подумав, к чему они могут привести. И за это мы будем судить вас! — Нарев неожиданно нашел нужную формулировку. — Весь экипаж!

Он повернулся к остальным, ища поддержки. Петров стоял ближе всех к нему. Старик покачал головой:

— Судить можно лишь тогда, когда есть законы. У нас их нет.

— Да это же формальность! — с досадой проговорил Нарев. — Законы... Где их взять? Кто будет с ними возиться?

— Разработкой законов мог бы заняться я, — сказал Петров с достоинством. — Я всю жизнь уважал законы и думаю, что понимаю их дух.

— Считаю, — высокомерно сказал Устюг, — нам здесь больше нечего делать.

Он направился к выходу, высоко подняв голову и четко печатая шаг. Луговой последовал за ним.

После их ухода несколько секунд стояла тишина. Ее нарушил голос Милы, негромкий и дрожащий.

— Значит, теперь мы уже совсем никуда не вернемся, — медленно проговорила она. — Я больше не увижу сына, да? Значит, нам должны разрешить иметь детей здесь. Кто теперь тут разрешает, вы? — Она смотрела мимо Нарева, но обращалась к нему. — Значит, вы должны позволить.

— Ну, видите ли... — пробормотал Нареv, смешавшись.

Мила положила руки ему на плечи.

— Вы говорили, что любите меня. Тогда вы понимали, что я не могу без сына. — Она говорила все быстрее, но по-прежнему четко, ясно выговаривала слова. — А его нет. Может быть, у нас с вами будет ребенок? Вали я не хочу больше — он не любит детей.

Нареv стоял, охваченный растерянностью. Он не ожидал этого и не был готов ответить. Ему нужно было хоть несколько секунд, чтобы решиться, чтобы убежденно сказать: «Да, к чертям все запреты и пропади все пропадом, раз вы этого хотите...» И хотя слова эти уже складывались в его мозгу, он продолжал по-идиотски, растерянно и унизительно улыбаться, глядя мимо людей, как человек, уличенный в мелкой краже в гостях. Мила не стала ждать ответа. Она резко откинула голову, презрительно усмехнулась, пробормотала: «Трус, трус...» и повернулась к остальным, в замешательстве глядевшим на нее.

— Может быть, кто-нибудь другой смелее? Я хочу ребенка, он мне нужен, неужели вы не понимаете?

— Мила! — Крикнул несчастный Еремеев.

— Молчи, — равнодушно ответила она. — Из-за тебя я потеряла сына, я тебя ненавижу. Доктор! — крикнула она физику. — Может быть, вы разрешите нам?..

Зоя подошла сзади, мягко обняла ее, стала что-то шептать на ухо. Мила дико огляделась, сильно рванувшись, выбежала из рук Зои и бросилась к выходу. Врач последовала за ней. Актриса заломила руки.

— Что вы делаете с нами, боже мой! — сказала она. — Что делаете! Но это не пройдет вам даром. Вы люди, почему же вы стараетесь жить, как червяки? Или вам так никогда и не понять, что любовь — не только часть постельного белья? Господи, почему все умные люди остались на Земле?

— Дети — это сложно, — сказал Петров, когда мужчины остались одни. — Это принципиальный вопрос.

— Почему женщинам вообще разрешают летать? — сердито спросил физик.

— Раньше вы как будто не возражали, — съязвил Нарев.

— Не отвлекайтесь, — попросил Петров. — Мы не успели еще прийти в себя, а проблемы уже возникают одна за другой. Так будет долго. И я не знаю, как мы с ними справимся.

Ранее существовала надежда; теперь ее не было.

До сих пор каждый из населения «Кита» являлся человеком со своей биографией, специальностью, опытом, своими родными, близкими и друзьями, которые далеко ли, близко ли, но существовали. Теперь ничего этого не оставалось, и все те бесчисленные коммуникации, что связывают человека с жизнью и дают ему силы жить, с утратой последней надежды на возвращение оказались прерванными. Люди лишились не только прошлого, которое всегда является частью полноценного настоящего, — они утратили, как им казалось, и самую возможность жить, потому что обычно люди под словом «жить» подразумевают не одно лишь физическое бытие, но сумму определенных условий, в которых и ради которых они поддерживают свое существование. А в этот комплекс условий непременно входят и работа, и близкие, и чувства, и среда обитания и, наконец, представления о будущем.

Сейчас все это ушло, и надо было либо создавать все заново, искать новый смысл, который смог бы опять придать жизни какое-то значение и ценность, либо умереть.

Весь опыт прошлого не мог тут помочь: на Земле и планетах каждый человек преследовал свою личную цель, которая являлась одной из мельчайших составных частиц большой цели, называвшейся «благо человечества», укладывалась в нее, как выстрелы, каждый из которых в отдельности непредсказуем; неизбежно укладываются в границы эллипса рассеивания. Теперь же эта большая цель исчезла. Люди «Кита» отныне сами были человечеством. И в чем заключается или может заключаться их благо, было непонятно.

Повышение уровня жизни? Но уровень этот был определен заранее; они ни в чем не испытывали нужды и не долж-

ны были испытывать ее до самого последнего дня жизни. Они не могли позволить себе никаких особых излишеств, но лишь потому, что сами условия жизни и обитаемое пространство с его ограниченностью и невозможностью расширения не допускали ничего, что заслуживало бы называться излишеством.

Достижение социального прогресса? Но трудно было допустить возникновение на «Ките» какой-то социальной несправедливости, так как не было цели, которую подобная несправедливость могла бы преследовать.

Благо потомства? Потомства у них не было.

Что же делать бедному человечеству? Этого никто не знал!

Не знал и Нарев.

Он был здесь, наверное, самым энергичным, самым деловым. С ним считались, ему верили, и вот наконец он занял место руководителя, и никто не оспаривал его права на это. Всю жизнь он полагал, что способен руководить людьми. И наконец такая возможность представилась.

А дальше? Что теперь? — думал он, уединившись в своей каюте.

Дальше — руководить. Иными словами — организовать усилия, направлять к достижению определенной цели. Может ли он организовать усилия двенадцати человек? Тут не о чем и говорить: случалось решать задачи куда труднее. А сможет ли направить? Конечно!

Если бы только знать — куда направить. К чему. Для чего.

Защищаться от угроз? Никто и ничто не грозит. Расширять, совершенствовать что-то? Нечего: корабль проектировали и строили умные люди, а места в нем для дюжины человек более чем достаточно.

Но если ты не в состоянии указать людям цель, зачем тебе власть?

Может быть, ради Милы? Стоящему у власти легче удовлетворить свои потребности, желания, даже прихоти. Быть с Милой — это мечта и потребность, вместе взятые. Однако...

Сменить власть — вовсе не значит объявить недействительными все ее установления. Кодекс Наполеона остался и при Бурбонах — сопоставление в духе Истомина... Но и без него ясно: все не так просто.

Капитан-то был прав: нельзя позволять эмоциям разгораться. Любовь — вещь опасная. Любящий человек склонен стремиться к идеалам. А значит — в какой-то степени отрицать то, что есть сегодня, потому что «сегодня» никогда не бывает идеальным. Когда сам не отвечаешь ни за что, критиковать легко. Но стоит тебе взобраться на вершину, как сразу же начинаешь видеть все другими глазами. То, что казалось самодурством или перестраховкой, вдруг оказывается нужной, полезной, целесообразной мерой.

Что же делать? Неизвестно. А ничего не делать тоже нельзя: руководитель обязан действовать. Хотя бы пока к нему еще не привыкли.

Думай, думай, думай...

Нарев сморщился, обхватил голову ладонями. Пустое дело, пустая голова. Ждать какого-то озарения не приходится.

Надо решать систематически.

Зачем живут люди?

Жизнь возникла не ради чего-то. Философы говорят: нельзя так ставить вопрос — для чего существует жизнь. Существует — и все. Возникла в процессе эволюции.

Однако философия — философией, а каждому человеку очень нужно знать, для чего живет он — он лично, он, взятый в отдельности.

Для чего живет, допустим, он, Нарев? Для чего живет старик Петров?

Это очень интересно: для чего живет Петров?

Старик Петров по обыкновению сидел в своем кресле, курил и улыбался людям, появившимся в салоне. Улыбнулся и Нареву, как прочим — доброжелательно, однако тому уже не в первый раз почудилось, что за улыбкой этой кроется что-то; она вроде матового стекла, за которым ничего не разглядишь, но нет-нет и промелькнет тень. Этакая Джоконда мужеска пола, на шестом десятке... Странно — улыбка эта привлекала Нарева, и он, заговаривая со стариком, чувствовал какой-то щекочущий холодок в груди. Забавное ощущение...

— Не угодно ли зайти ко мне? — сказал Нарев. — Как продвигаются дела с нашей конституцией?

Петров с готовностью поднялся: видно, ему и самому не терпелось поговорить на эту тему. В каюте Нарева они усьелись, Петров тотчас же вытащил свои сигареты, а Нарев повернул регулятор климатизатора, стараясь, чтобы это не выглядело демонстративно.

— Закон, — сказал Петров, помолчав. — Это сложно — закон. Важно. Ведь, — он наставительно поднял палец, — в чем смысл жизни человека? (Нарев склонил голову набок, внимательно слушая.) В соблюдении законов. В этом — смысл, в этом — долг, в этом — жизнь.

«Цель жизни — в соблюдении закона? — подумал Нарев. Нет, это вряд ли так: ведь в этом случае сам закон должен преследовать какую-то цель, а он — лишь средство ее достижения. Но послушаем дальше...»

— Но что из этого следует? — спросил Петров. — То, что Закон должен быть всеобъемлющ — и разумен. Должен быть таким, чтобы соблюдение его делало жизнь каждого человека разумной, полезной и даже — приятной, не побоюсь этого слова.

Он сделал паузу, глядя на Нарева, ожидая согласия и готовый опровергнуть возражения. Их у Нарева не нашлось, и он кивнул.

— Значит, — продолжал Петров, — прежде всего Закон должен определить основную цель нашего общества, а затем дать нормы, которые поощряли бы все, что направлено к достижению этой цели — и пресекали бы все, устремленное к противоположному.

— Цель, — проговорил Нарев невесело. — Позволю себе заметить — в этом-то я и усматриваю трудность. Вы видите эту цель? — Ему показалось стыдным признаться в том, что сам он этой цели не видит, и он добавил: — У меня имеются некоторые соображения, однако нет полной уверенности...

— Что же, — молвил Петров, — давайте рассуждать вместе. Логика любит диалог, а закон, в свою очередь — дитя логики. Вот мы, тринадцать человек, обитатели крохотной искусственной планетки. Что может быть нашей общей целью? Разберем по порядку. Возвращение на Землю?

Нарев пожал плечами.

— К сожалению... — пробормотал он.

— Вы правы — это недостижимо, хотя цель была бы достойной. Увы... Далее: поиски какой-то иной цивилизации?

Нарев вздохнул.

— Нереально, — согласился Петров. — Теперь позвольте сделать отступление. Признаете ли вы, что Закон общества не должен противоречить законам природы?

— Ну, разумеется, — сказал Нарев уверенно.

— А какой из законов природы имеет сейчас для нас наибольшее значение?

Нарев попытался догадаться. Закон сохранения энергии, что ли? Но вопрос, видимо, был риторическим, потому что Петров тут же сам и ответил:

— Закон жизни, ее ценности, неприкосновенности и продолжительности. Каждый из нас должен прожить столько, сколько отпущено ему природой и ни секундой меньше. Никто не должен стать жертвой каких-либо катастроф, неполадок, недоразумений или несогласий. Будете ли вы возражать?

— Нет, — ответил Нарев. — Нет, нет!

И в самом деле, тут-то уж возражать было нечего. Их здесь тринадцать. Со смертью последнего кончится все: лишь безжизненный корабль будет бродить в пространстве, бродить не год, не два — миллионы лет. После них не будет никакой жизни. И цель людей — жить так, чтобы это случилось как можно позже.

— Я рад, — сказал Петров, — что в этом вопросе мы являемся единомышленниками.

— Я тоже, поверьте. Хотя...

— Разрешите мне продолжить. Эти взгляды на сущность и цель нашего общества уже сами по себе подсказывают нам основные законодательные идеи. Жизнь зависит от целостности и сохранности того мира, в котором мы обитаем. И всякая попытка нарушить исправность этого мира должна быть признана тягчайшим преступлением.

— Это так.

— Поскольку мы можем существовать лишь внутри этого мира, всякая попытка выйти за его пределы должна быть наказана.

— Вы полагаете, что кто-то...

— Я опасаюсь многого — хотя бы приступа клаустрофобии у любого из нас.

— Что же, предосторожность будет не лишней.

— И наконец, поскольку наше благополучие возможно лишь в устойчивом обществе, всякие посягательства на образ жизни должны быть признаны антизаконными и соответственно наказываться.

— Да, — сказал Нарев. — Это очевидно.

— Итак, из этого мы и будем исходить.

— Однако...

— Вы в чем-то сомневаетесь?

— Это не сомнения, но... Закон природы, вы сказали. Природа — это и любовь, и дети... А это в наших условиях сложная проблема. Или вы предполагаете, что это можно как-то... регламентировать? Я думаю, что такой выход был бы наилучшим.

Нареву очень хотелось сейчас, чтобы его собеседник, человек, видимо, многоопытный и умный, наделенный спокойствием, какое приходит с возрастом, — чтобы он улыбнулся сейчас и, стряхнув пепел, успокоительно молвил: «Ну, тут, мне думается, проблемы и нет — почему же вам не любить одному другого, если уж так получилось!» Но Петров этого не сказал.

— Тут регламентировать сложно, — задумчиво произнес он. — Вы ведь понимаете, — я сужу, как лицо незаинтересованное. Речь идет не только о форме взаимоотношений между людьми, но и о будущем всего нашего маленького человечества. Мне лично кажется, что совершенно исключать то, о чем вы говорили, нельзя: это могло бы привести к нежелательным психическим реакциям. Человек должен вести естественный образ жизни, не так ли?

— Согласен, — сказал Нарев, оживляясь. — Но беда, как вы знаете, в соотношении...

— Закон исходит из опыта, — проговорил Петров. — Он не изобретает новых отношений, но утверждает уже возникшие, подсказанные жизнью. Может быть, в наших условиях жизнь породит какие-то новые формы? Существовала же на Земле, скажем, групповая семья...

Нарев взвился. Петрову легко говорить об этом!

— Нет уж! — сказал он решительно. — С этим я никак не смогу согласиться. Да и никто... Мы воспитаны на планетах Федерации в определенных условиях и традициях — и да-

вайте не станем отходить от них. В том мире, который нас породил, существуют моногамные отношения...

— Безусловно. Хотя вообще-то Федерация объединяет планеты, как вам известно, с условиями и традициями, порой весьма непохожими. Скажем, Ливия, ваша родина — если не ошибаюсь, общественное устройство там следует традициям, давно уже признанным нежизненными, где инициативе каждого человека отводится роль, чрезмерная в нашем понимании... Однако оставим это. Значит, вы считаете, что наше законодательство должно быть преемником основных правовых норм Федерации? Иными словами, то, что считается преступлением, скажем, на Земле, будет являться им и у нас?

— О вашей специфике вы уже говорили. А в остальном... А вы думаете иначе?

— Нет, — сказал Петров, — отчего же. Но чтобы наша правовая и этическая общность с Федерацией ощущалась лучше, нам следовало бы карать и за преступления, совершенные на Земле и планетах.

— Выходит, закон получит обратную силу?

— Вы ведь говорили о суде над экипажем? Если закон не будет иметь обратной силы, вы не сможете предъявить им никакого обвинения. Но если мы признаем все законодательство Федерации, то порядок соблюдается: эти законы не прекращали действия, и оно распространяется и на нас.

— Ах, вы так полагаете... — пробормотал Нарев.

— Иначе получится, что окажись у нас на борту — простите за фантастическое предположение — человек, совершавший преступления где-то на планетах, он получит у нас, так сказать, право убежища. Нужно ли нам это?

— Нет, — медленно сказал Нарев. — Думаю, что нет.

Неожиданное молчание легло — словно бы каждый боялся произнести следующее слово. Потом Петров вздохнул.

— А может быть, — проговорил он негромко, — пусть оно будет, это право убежища? Надо ли карать человека за прежние грехи, если он не повторяет ошибок?

Нарев пожал плечами.

— Давайте подумаем над этим еще, — предложил Петров. — Без излишней торопливости, основательно, чтобы законы были пригодны не день и не год... Я ведь хотел лишь сказать, что принцип преемственности по отношению к Земле

кажется мне основополагающим и необходимым, поскольку сам принцип власти, если подумать как следует, унаследован от Земли.

Да, черт возьми, это было так. А власть, как никак, сейчас была у Нарева.

— Наверное, вы правы, — сказал он.

Петров кивнул, поднялся, вынул очередную сигарету, но вместо того, чтобы закурить ее, поглядел в глаза Нареву, медленно разминая в пальцах длинный цилиндр. Он глядел странно — и удовлетворение было в его взгляде, и, где-то на самом дне — жалость. Он уже вышел, и дверь затворилась за ним, а Нарев все еще стоял, как бы продолжая ощущать этот взгляд и пытаясь понять его смысл. Потом ему показалось, что он понял, и глубокая морщина перечеркнула его лоб, как перечеркивают целый абзац, и описанные в нем события, мысли и чувства сразу перестают существовать.

По привычке, Луговой просиживал долгие часы перед большим экраном в рубке связи. Это больше не было нужно: никакую связь не установить отсюда, из межгалактической пустоты. Но ему, кажется, уже и не требовалось что-то увидеть; штурману стало нравиться само сидение, когда не приходилось ни делать что-либо, ни — в особенности — думать. Думать не хотелось: стоило начать — и сразу же вспоминался тот проклятый миг, когда он решил заменить капитана и швырнуть корабль неизвестно куда; от этих воспоминаний даже воздух становился горьким. Выходить из рубки Луговой избегал, потому что при этом почти неизбежно встречался с пассажирами, а он чувствовал их неприязнь и знал, что она, в общем, заслужена.

Но разглядывать пустой экран было скучно. Все-таки нужна хоть видимость дела. От скуки Луговой, поставил кристалл с какой-то триди-записью. На Земле он вырубил бы такую ерунду на третьей минуте, а тут его вдруг задело за живое. Земля возникла на экране, настоящая Земля, город и множество людей — не здешних, донельзя надоевших, а новых, посторонних. Оказалось, что страшно нужно увидеть новые лица, вспомнить и поверить, в то, что жизнь во Вселенной — это не только двенадцать рож в корабле, тринадцатая — в зеркале... Подумать только, какое великолепие уте-

ряно, какое множество лиц — и женских в том числе, — какая масса улиц, домов... Луговой смотрел на экран, затаив дыхание. Как это он до сих пор не додумался?

Он досмотрел программу до конца и уже хотел было повторить ее, как сообразил, что в кристаллотеке корабля этих фильмов — видимо-невидимо. Смотри всю жизнь — и то не переглядишь.

Так он нашел свое призвание. Было прекрасно — уединиться и смотреть, жить не своей, скучной и монотонной, а чужой, интересной жизнью, в которой все неурядицы, как бы серьезны они ни были, рано или поздно — самое большее через три часа — приходили к благополучному завершению. Счастливым концам Луговой радовался, словно все это приключалось с ним самим, хотя на преодоление этих препятствий он не тратил ни ватта своей энергии; за него все делали другие, те, кто сходил с вогнутой поверхности экрана и раскованно двигался в воображаемом пространстве за переборкой. За десять — двенадцать часов можно было прожить множество чужих жизней, которые после этого становились как бы твоими — и это уже напоминало если не бессмертие, то, во всяком случае, чудо. Итак, он разобрался наконец в смысле жизни, и стал быстро примиряться с нею, кристаллов ему хватит, сколько он ни проживет, ничто его не отвлекает, а раз ты заперся в рубке, тебя не станут зря тревожить.

...На экране погоня настигала беглецов, трещали выстрелы, и пули щелкали о металлический панцирь робота, похитившего контейнер с эликсиром бессмертия. Роботу совсем было удалось запутать следы, но Сыскной компьютер, могучий электронный мозг, расшифровал (правда, не без труда; были мгновения, когда казалось, что у него сгорят цепи от перенапряжения) — расшифровал головоломный ребус, и вот теперь пули ложились все ближе к овальному лючку на спине робота, где помещался его мозг. Наконец раздался решающий выстрел — снятая лупой времени пуля летела медленно, и видно было, как индикаторы преступного робота вспыхнули фиолетовым пламенем ужаса, — а пуля летела, — он стал поворачиваться, чтобы резко метнуться в сторону, одновременно рука его начала подниматься, сжимая небольшую коробочку, чтобы швырнуть ее с обрыва, потому что

реле опережения событий уже подсказало роботу, что пуля летит прямо в цель, — и робот успел было размахнуться, но пуля наконец настигла его и ударила, и металл медленно вспух на месте удара и задрался острыми язычками, а робот, лишившийся команд, так и застыл с поднятой рукой, не успев отнять у человечества заслуженную награду. Луговой глубоко вздохнул, улыбнулся, и запись кончилась.

Надо было встать и сменить кристалл, но подниматься не хотелось, и штурман продолжал полулежать в глубоком кресле. Мыслей не было — одни ощущения. Хорошо бы такое состояние продолжалось подольше.

Луговой закрыл глаза, чтобы вызвать в памяти картины из только что закончившегося фильма. Экран светился, на нем не было ничего, и лишь через каждые несколько секунд привычно звякал звоночек — это аппарат напоминал, что программа его кончилась и надо выключить его или заложить новый кристалл. Штурман посидел несколько минут с закрытыми глазами, но в зрительной памяти сохранился лишь светлый прямоугольник, только что просмотренная запись как-то сразу забылась и трудно было выделить ее из множества других, пропущенных через аппарат ранее. Но так, пожалуй, было еще приятнее: все смешалось в памяти, стало иррациональным, неконкретным, как и теперешнее положение «Кита», когда можно было представить, что и члены экипажа, и пассажиры тоже давно не существуют, а являются лишь тенями и отголосками чего-то — так же, как герои фильма. Луговой все-таки встал, нашарил новый кристалл, сунул в щель. Предварительных надписей не было. Штурман пригнулся к экрану. Прямоугольник светился, но трудно было сказать, что на нем изображалось.

Это был острый полумесяц, бело-голубой, полупрозрачный. Он едва заметно пульсировал, острые концы его то сближались, то немного расходились, он был плоским, третье измерение не ощущалось. В подрагиваниях концов был определенный ритм, и через несколько секунд штурману стало казаться, что эти едва уловимые движения сопровождаются тончайшими звуками, монотонными, изменяющимися не по высоте, а лишь по громкости. Луговой смотрел, приоткрыв рот, часто моргая — все это было совершенно непонятно. Косые линии пересекли изображение, вибрируя, словно стру-

ны, потом возник цилиндр с закругленным передним, торцом, упершимся во внутренность полумесяца. Полумесяц напрягся, звук, почудилось штурману, стал выше, потом внизу экрана вспыхнула ломаная линия, как на осциллографе, отрезки ее метались, вырастая в пики и проваливаясь пропастями. Цилиндр — его объем воспринимался четко — немного повернулся, теперь закругленный перед его был обращен к Луговому, и штурман поежился: казалось, кто-то глядит на него в упор с экрана, хотя ничего похожего на глаза там не было. Цилиндр чуть изогнулся, косые линии перечеркнули все — потом вспыхнули звезды, множество звезд, они летели фонтаном, извергаясь из чего-то непонятного, потом нечто закачалось, словно маятник, сметая звезды, возникла белая лента, она уходила вдаль, как бесконечная дорога, и темные диски вращались по обе ее стороны. Изображение стало укрупняться, и вдруг что-то живое зашевелилось на переднем плане — наверняка живое: настолько неожиданными были его движения, — что-то, не имеющее определенной формы, не ограниченное от окружающего пространства, но сливающееся с ним и исчезающее в нем. Луговой потряс головой — изображение не погасло, но живое скрылось, вновь, возникла белая полоса, теперь она была во многих местах перехвачена тонкими поясками, и в этих местах полоса сужалась, как делящаяся клетка, потом разом распалась на множество маленьких шариков, и шарики эти двинулись один за другим, сохраняя дистанцию, образовали замкнутую цепь вроде восьмерки, в одном из колец восьмерки снова возник полумесяц, и в нем — цилиндр, и снова было напряжение, — но на этот раз цилиндр прошел через полумесяц, и сразу же после этого восьмерка вытянулась в прямую цепочку, и шарики один за другим стали уходить с экрана по диагонали вверх, влево. Их место заняли спирали, пульсировавшие и рассыпавшие множество маленьких искорок. Снова появилось живое, потом еще одно, они находились в разных концах экрана, и с появлением второго в мозгу штурмана стали возникать какие-то комбинации звуков. Посреди экрана возникла чернота — туман? Нет, тугая плотная чернота, искорки летели туда, как дым, втягиваемый мощным вентилятором. Белые шарики снова показались в стороне, теперь они приближались, первый становился все больше, и вот уже стало можно разглядеть,

что он подобен планете — поверхность его была смутна, точно покрыта облаками, но под ними проглядывал какой-то четкий, неменяющийся рисунок — а потом все вдруг кончилось, и экран засветился равнодушно. Снова звякнул звонок. Луговой откинулся в изнеможении. Потолок рубки был слабо освещен, ничто не изменилось, ничто не говорило о том, что штурман только что галлюцинировал. Он посидел несколько минут, не зная, что и предпринять; наконец включил повторение. Сначала он ничего не понял: на экране целовались, наискось шли титры. Это был, очевидно, новый, вставленный им кристалл, запись обычного фильма, но откуда же взялось все, что было только что? Луговой озадаченно потер затылок, потом вскочил и склонился над боковой панелью. Там едва заметно светилась зеленая лампочка, и это означало, что только что сделана запись. Записывались автоматически все передачи извне, на прием которых система связи переключалась без участия человека, едва лишь антенна улавливала сигнал и останавливала свое вращение. Луговой взглянул на индикатор антенны: да, направление было установлено. Но тонкая светящаяся линия указывала не туда, где можно было найти в пространстве слабое пятнышко Галактики, и не в ту сторону, где находилась М-31 — туманность Андромеды. Линия указывала в никуда, в ничто, в пустоту.

Луговой помедлил. Ему хотелось включить сделанную аппаратом запись — если он ее сделал, — но страшно было вновь увидеть спирали и услышать звуки, и еще страшнее — не увидеть ничего. Потому что шизофрения была вероятнее, чем прием извне в межгалактическом пространстве.

Штурман подошел к двери и распахнул ее. В коридоре был полный свет, невозмутимая белизна и покой, как в больнице. Луговой возвратился к пульту, снова уселся, закрыл лицо ладонями — было страшно и безнадежно.

И все же он попытался анализировать. Если это не бред, и изображение действительно принято, то кто-то его отправил. Отправил из пустоты? Но что мы знаем о пустоте? Назвать — еще не значит постичь.

Ему не хотелось покидать рубку и нужно было спросить совета. По унифону он вызвал физика. Карачаров ответил не сразу: спал или предавался невеселым размышлениям.

— Скажите, доктор... Пространство проводит волны...

— А вы в этом сомневаетесь? — сердито спросил Карачаров. — Кто это?

— А может ли оно отражать их?

— Гм, — уже по-другому буркнул физик. — Какое пространство вы имеете в виду?

— Ну, хотя бы вот это — наше...

— В зависимости от того, что оно содержит. Каково состояние вещества — если оно есть, каков рельеф пространства, его локальные и общие искривления — они, как вы знаете, могут существовать. И в удалении от больших масс вещества и порождаются взаимодействиями с иными пространствами, или...

— Значит, могут?

— В принципе да. А зачем...

Луговой выключил аппарат. Значит, сигнал, вернее всего, исходил все-таки от одной из двух огромных галактик. В пространстве он изменил направление. Сигналы наверняка повторяются; это значит, что, слушая эти галактики, Луговой может рано или поздно наткнуться на прямую, а не отраженную передачу, и, установив истинное направление, попытаться наладить связь. На мощность своих передатчиков он не рассчитывал, но у тех, кто отправляет сигналы на такое расстояние, приемные устройства по параметрам вряд ли уступают передающим. Снова стало можно на что-то надеяться...

Лишь теперь его охватила радость, и он стал понимать, что же произошло и какое значение это может иметь для их будущего, для их судьбы... Он уже взялся было за унифон, чтобы доложить о случившемся капитану, как привык делать всегда, а потом рассказать и Нареву, чтобы тот порадовал пассажиров. Но через мгновение медленно опустил руку, так никого и не вызвав.

Дело было не в том, что Нарев предал его; этого Луговой не забывал, но сейчас ему на ум пришло другое. Столько уже было надежд, столько попыток улучшить свое положение — и все они кончались ничем, и после каждого провала все глубже становилось разочарование, все труднее было бороться с наступающей депрессией. Пассажиры нуждались в чем-то,

что можно было бы осуществить сейчас, сегодня. Если этого нет — лучше вовсе не будоражить их воображение.

А что может сказать им он, штурман? Что — обещать? Что, возможно, когда-нибудь — через день, год или много лет — ему повезет, и он установит направление, а затем — опять-таки «может быть»...

Пока об этом знает он один — не знает никто.

Нет, он не станет докладывать. Будет искать. Искать — и ждать.

Луговой просидел часа три, глядя на пустой экран. Потом подумал: поиск ведь ведется автоматически, стоит антеннам уловить сигнал — и устройства сразу же начнут показ, чем бы ни был занят в это время аппарат.

Помедлив, он снова включил кристалл. Люди поцеловались, поползли титры — началась обычная картина.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Еремеев был теперь занят одним: он искал, настойчиво и систематически. И сегодня, заказав свои диетические блюда и позавтракав, он прошел по коридору, отворил выпуклую дверь осевой шахты и ступил на винтовую лестницу уверенно, как человек, который делает это не впервые. В шахте, как всегда, было темновато, но Еремеев светил себе фонариком.

Он остановился на площадке, где над дверью слабо мерцала цифра «8». Это был восьмой ярус трюмных палуб.

Войдя в трюм и ощутив обычный, холодный запах безлюдья, Еремеев повесил фонарик на крючок, пошарил по переборке и включил свет.

Здесь стояли контейнеры с грузами, адресованными на Землю и так и не достигшими ее — с грузами бесполезными, никому более не нужными и оставшимися здесь потому, что они не мешали и девать их все равно было некуда. Расчаленные тросами и амортизаторами контейнеры стояли, готовые путешествовать бесконечно. Находившиеся в них сложнейшие машины — в основном вычислительную технику и другие хитроумные устройства, изготовленные из дорогостоящих материалов — нельзя было просто выб-

расывать, их транспортировка и ремонт обходились дешевле, чем изготовление новых, а тончайшая работа эта была возможна только на Земле.

Еремеев прошел узким проходом между рядами контейнеров. К каждому он прикасался рукой, как бы пересчитывая их. На шестом он остановился, нагнулся. Когда он выпрямился, в руке его был плазменный резак с длинным проводом. Еремеев вернулся к двери, чтобы включить инструмент в корабельную сеть. Затем возвратился к контейнеру, нажал замыкатель и направил возникший на конце резака острый язычок плазмы на створку контейнера в том месте, где помещался замок. Он медленно, миллиметр за миллиметром, вел инструмент. Работал Еремеев неумело, и прошло полчаса, прежде чем ему удалось вырезать часть дверцы вместе с замком.

Предмет, стоявший в контейнере, был плохо виден, и Еремеев осветил его фонариком. Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы он сделал разочарованную гримасу и недовольно присвистнул.

Это снова оказался один из тех стационарных вычислителей, какими пользовались на недавно освоенных планетах, еще только начинавших налаживать свою экономику. Компьютеры помогали точно определить виды, количество и очередность товаров, которые следовало завезти с Земли: транспортировка обходилась слишком дорого, чтобы ошибаться. Вычислитель был сложной и ценной машиной, но футболисту он совершенно не был нужен.

Еремеев захлопнул дверцу, нимало не заботясь о том, чтобы хоть как-то замаскировать место взлома. Он знал, что никто не придет в трюм в течение ближайших месяцев, а может быть, и вообще никогда. Впрочем, так далеко он не заглядывал.

Светя фонариком, он двинулся дальше по проходу. Миновав еще несколько контейнеров, ничем не отличавшихся от вскрытого, он остановился: дальше стояли ящики другой формы, поуже и повыше.

Через полчаса он открыл контейнер и заглянул в него. На сей раз там оказалось то, что он искал.

Еремеев распахнул взрезанную дверцу пошире и медленно повел фонариком — сверху донизу и снизу доверху. По-

том поширил по внутренней поверхности ящика, нашел карман с техническим паспортом и раскрыл его.

— Горная модель, — пробормотал он.

Он отступил на шаг. Двухметровый биомеханический робот смиренно стоял в контейнере, тускло поблескивая объективами видеоустройств.

— Ты у меня еще побегаешь, — пообещал футболист роботу. Потом двинулся дальше по проходу, считая контейнеры. Усмехнулся!

— Хватит на две команды да еще останется.

У выхода он постоял, прислушиваясь. Ступил на площадку и тщательно запер за собою дверь.

Физик приподнял голову: подушка была мокра. От слез? Только что он спорил с Хиндом, и аргументация была блестящей. Хинд в конце концов умолк, подошел и поздравил Карачарова, остальные улыбались и аплодировали, и Хинд тоже улыбался; еще секунду назад это происходило в конференц-зале Академии, и за спиной Карачарова светилось усеянное символами и цифрами табло. Он еще ощущал, как пальцы его сжимают тонкую полоску элографа, которым только что была поставлена точка в конце последнего ряда. Доказательство оказалось великолепным и несокрушимым, Хинд потерпел поражение, но по его лицу было видно, что он не успокоится, будет работать дальше и добиваться своего: Хинд был упрям необычайно и столь же талантлив. Но во сне Карачаров знал, что сам он за это время добьется еще большего, потому что он тоже был настойчив, и сильнее Хинда в теории. И сейчас Карачаров победил и плакал от счастья. Худшее, что он мог сделать в этот миг — это проснуться; и он действительно проснулся и сидел на постели, вытирая слезы. Здесь все оставалось по-прежнему: корабль, пустота и полная безнадежность, — но ведь время и мир продолжали существовать, и именно сейчас где-то, невообразимо далеко, Хинд продолжал работать и чего-то наверняка добивался, и его, а не Карачарова, будут приветствовать в Академии, и его направление восторжествует, а школа, к которой принадлежал Карачаров, так и не получит подкрепления. Надо было работать, спорить, доказывать; но работать и спорить можно было

только во сне, потому что наяву работать было незачем и не для кого.

Слезы высохли, но на душе не стало легче. Физик перевернул подушку, чтобы не лежать щекой на мокром, вытряхнул из трубочки две таблетки, потом решил, что этого мало, и принял еще и третью. Он закрыл глаза и несколько минут лежал, стараясь ни о чем не думать, храня силы для новой схватки, которая обязательно должна будет произойти во сне; там ему снова понадобится вся острота ума, вся энергия, все спокойствие. Потом сон пришел, и пустота с затерянным в ней «Китом» исчезла, словно ее и не существовало никогда, и снова физик с товарищами входил в главный подъезд Академии, и Хинд хмуро улыбался, предчувствуя поражение.

Давно минули времена, когда одиночки решали — на десятилетия и столетия вперед — судьбы государств или наук. Ныне роль играли массы; но массы по-прежнему состояли из отдельных личностей, так что говорить о них, как о едином целом, можно было лишь в самых общих проявлениях — как о Млечном пути, например, который выглядит однородным лишь при слабом увеличении. Масса — не аморфное, но кристаллическое образование, и от положения каждого человека в определенной точке кристаллической решетки зависят и качества всего общества — кристалла. Хинд, извечный оппонент и научный противник Карачарова, конечно, определял направление института, в котором работал; и когда он занялся проблемой вещества — антивещества, остальные физики института, формально независимые, повернулись (многие незаметно для себя) в сторону этого букета вопросов, как все магнитные стрелки поворачиваются в направлении возникшей поблизости массы железа. Физиков было много, и неудивительно, что, хотя проблема не была для них, как для Карачарова роковой, они решили ее — а вернее, решил Хинд с их помощью, — примерно в то же время, что и Карачаров там, в пространстве (о чем они, разумеется, знали столь же мало, как и он о них). Хинд шел не от геометрических представлений, потому что геометрии не любил. Сначала он вообще занимался не проблемами антивещества, а выяснением причин, по которым взорвался Одиннадцатый спутник; Хинд не был, строго говоря, прикладником, но любил такие

задачи. Феномен взрыва заставил его осмыслить проблему теоретически и прийти к выводу о неизбежности парного случая. Тут не пришлось искать долго: история «Кита» еще не зачерствела в памяти тех, кто знал о ней, а физики знали. Выяснение механизма плюс-минус перехода заняло у Хинда больше времени, чем у Карачарова, зато ему удалось не только решить проблему теоретически, но, экспериментируя сначала на Земле, а потом и в космосе (чего Карачаров, естественно, делать не мог, хотя космос был у него тут, за стенкой), добиться такого практического решения, при котором парная преобразуемая масса могла быть определена заранее, что снимало всякий риск.

И появившись сейчас «Кит» в пределах досягаемости. Земля оказала бы ему ту помощь, какая была нужна. Остановка была лишь за тем, что «Кит» в этих пределах не появлялся.

Он молчал, и все попытки установить с ним связь оказались безрезультатными. Большинство решило, что корабль погиб, ведь возможностей для этого у него хватало с избытком. Среди тех, кто не поверил в это, оказались, к счастью, и люди влиятельные. Кроме многих, чьи имена здесь ничего не скажут, в гибель тринадцати не верили: командующий флотом — потому что доверял своим капитанам; доктор Функ — поскольку был добрым человеком, а Хинд — оттого, что жаждал додраться с Карачаровым и ошарашить его своим решением проблемы «плюс — минус», без чего ему и радость была не в радость, и торжества никакого не получалось. Так что попытки нащупать «Кит» в пространстве продолжались. На одном из последних совещаний, посвященных этому вопросу, старый Функ на вопрос оппонента — долго ли еще будет продолжаться трата энергии? — ответил так:

— До тех пор, пока не найдем. Обычная связь не дает результатов — значит корабля нет вблизи. Сопространственная связь только лишь разрабатывается. Как только станет возможным вести поиск с ее помощью, мы примемся за дело на новом уровне. Безусловно, с годами связь усовершенствуется настолько, что мы найдем их — если даже их занесло на самую окраину Галактики.

— На это может не хватить жизни, — заметил оппонент мягко.

— Моей — наверное, — согласился Функ, который умел мыслить объективно, даже когда речь шла о нем. — Моей не хватит, если вы это имели в виду. («О нет, нет!..») Но если даже не достанет и вашей, искать станут дети и внуки.

— Но на это может не хватить жизни тех, кого мы ищем! — возразил упрямый оппонент.

— В таком случае, наши дети или внуки вступят в контакт с их детьми или внуками!

Функ, следовательно, верил, что дети и даже внуки на «Ките» будут. Он был, как уже сказано, добрым человеком, но всего лишь теоретиком, ни разу, кажется, так и не принявшим участия ни в одной мало-мальски продолжительной экспедиции. Так что мнение его может показаться чрезмерно оптимистическим; впрочем, извиняет его то обстоятельство, что речь в данном случае шла не о науке физике.

Ребенок плакал, плакал во тьме, плакал тонко и жалобно, и это было невыносимо. Мила знала, что ребенка нет, как не было и темноты — она теперь не гасила свет в своей каюте даже на ночь, — и все же ребенок плакал, и жить так было нельзя. Она встала, набросила халат и вышла из каюты, а ребенок все плакал, хотя она понимала, что никто, кроме нее, не слышит и никогда не услышит этого звука.

Мила плохо понимала, стоит ночь или день — она избегала смотреть на часы, а свои куда-то забросила. Салон был пуст, но и это ни о чем не говорило: люди теперь избегали собираться вместе, им не хотелось видеть друг друга, они ничем не могли помочь один другому и ничего не могли получить у товарищей по несчастью. Они остались наедине каждый с самим собой, со своей памятью и совестью, потому что память каждого принадлежала лишь ему одному и не совпадала с тем, что помнили другие. Они не знали друг друга до начала злосчастного рейса, и общим у них было лишь самое неопределенное — Земля, планеты, а именно этого и не хотелось касаться: рана кровоточила. И совесть у каждого говорила своим, особым голосом; совесть Милы казнила женщину за все — за то, что родила ребенка, что оставила его и поехала на Антору, и за то, что на целый рейс задержалась там с Валеи и не улетела тем кораблем, который, наверное, благополучно достиг Земли, причем задержалась не по-

тому, что Валя хотел этого, а хотела она сама и сослалась на какие-то профессиональные надобности; и, наконец, села на этот корабль, которому, видимо, суждено было стать местом ее гибели.

Люди были одиноки, потому что хотели быть такими. И когда Мила увидела сидящего в кресле старика Петрова, она подошла к нему не потому, что искала его общества; просто некая сила, управлявшая теперь ее действиями, заставила подойти, положить руки ему на плечи и сказать все то же самое — что ребенок ей нужен, и она готова на все. Она сказала это и ожидала того же, что видела у других: мгновенный блеск в глазах, быстрый взгляд направо и налево, и сразу же — выражение замкнутости и даже некоторого презрения. В последнее время ей даже не отвечали — в лучшем случае кивали головой и, сняв ее руки с плеч, торопились пройти мимо. Зоя давала ей какие-то лекарства, но они не помогали, и Мила продолжала говорить все о том же, заранее зная, каким будет результат, но не умея справиться со своей болезнью.

Однако Петров не поступил, как остальные. Он медленно и нежно взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. Потом взглянул ей в глаза и указал на кресло рядом.

— Посидите со мной, стариком. Поговорим.

Она удивилась и повторила свою просьбу — уже не так уверенно.

— Нет, — сказал он. — И не потому, что я боюсь, нет. И даже не потому, что у меня в том мире осталась жена, и я люблю ее. Мы, мужчины, как вы знаете, непоследовательны: даже любовь, порой, не удерживает нас от приключений. Но мне жаль его.

Мила покачала головой: она решила, что речь идет о Еремееве.

— Нет, — сказал Петров. — Я говорю о сыне, который мог бы у вас быть, и которого вы хотите.

— Жаль? — переспросила она недоуменно.

— Да, конечно. Нам с вами тяжело, правда?

— Очень, — сказала она, не задумываясь, — О, как тяжело!

Она запнулась, потому что в салоне появился Истомин; видимо, бессонница выгнала его из каюты. Он взглянул на них пробормотал: «Ничего, я вам не помешаю», присел на

кресло у противоположной стены, закрыл глаза — и словно бы сразу уснул или перестал жить, ушел куда-то, сбросив тело, как сбрасывают пальто в жару.

— Тяжело, — повторила женщина.

— Да, — согласился Петров. — Но еще тяжелее было бы ему.

— Ему... — повторила она почти шепотом, как бы уже видя его — мальчика, которого не было. — Ему...

— Представьте, что он есть.

— Есть... — пробормотала она и вдруг словно ощутила на руках едва заметную тяжесть маленького, спеленутого тельца. — Да, он есть. Говорите!

— Но ведь мы умрем, — тихо сказал он.

— Мы? Умрем? — Она вдруг встревожилась. — Почему? Вы что-то знаете?

— Это не секрет: мы смертны. Мы умрем: я — раньше, вы — позже, кто-то между нами. Мы здесь принадлежим, в общем, к двум поколениям и, значит, сначала нас станет меньше, а потом придет время остальных.

— Да, — согласилась она. — Когда-нибудь придет, это верно.

— А он? — спросил Петров.

— Он будет жить, — сказала Мила уверенно.

— Один, — напомнил Петров. — Мы все умрем, а он будет жить тут один. Один, понимаете?

Она кивнула, хотя еще не поняла по-настоящему.

— Один. Он разучится говорить, думать, сойдет с ума. Но это случится не сразу. Он будет сходиться с ума постепенно, лишаться рассудка от одиночества.

— Ну, почему же, — неуверенно сказала она. — В истории было столько робинзонов, им приходилось куда труднее...

— У них было то, чего нет у нас и не будет у него: надежда. Надежда у них всегда оставалась. А у нас ее нет и не может быть.

— Это страшно, — сказала Мила. — Но неужели...

— А ведь нам легче, чем ему, — продолжал Петров. — Мы хоть помним, что в мире бывает надежда. Что существует нечто, к чему можно было стремиться. Земля, планеты. Человечество. Профессия, любовь, интересы. А он не будет знать ничего этого. А без этого нельзя остаться нормальным.

Мила помолчала, но вдруг схватила Петрова за руку. Она улыбалась.

— Погодите, но почему мы говорим об одиночестве? Я ведь могу родить хоть десять малышей... Вы не представляете, какое у меня здоровье, и ведь я еще молода! И потом, есть же другие женщины, и все они могут рожать — даже Инна... О, мы вам подарим столько детей, что все тут будет звенеть!

— Согласен, — грустно кивнул Петров. — Но зачем? Подумайте об их судьбе!

— Но раз их будет много?..

— Ну и что же? Вдумайтесь, друг мой: четыре стены. Железная коробка корабля. И вокруг — пустота, настолько обширная, что даже наблюдая ее, нельзя представить, как далеко мы находимся от чего бы то ни было. И эта нищета, ужасающая нищета! — Он поднял голову и смотрел теперь не на Милу, а куда-то вверх, и говорил тоже не ей: может быть, просто пользовался возможностью высказать свои мысли вслух, чтобы услышать, как звучат они на языке людей. — Нищета духа... Я часто думал: как много потеряли мы, лишившись домов, где одно поколение сменялось другим, и старый хлам копился на чердаках и пахнул прадедами. Мы меняли жилье, и оно с каждым разом становилось удобнее и комфортабельнее, но в нем не было корней, лары и пенаты не обитали в его стенах. А людям нужны корни... Вы помните, кто такие — лары и пенаты?

Мила помешкала, прежде чем кивнуть; в общем, она не помнила, конечно, но важно ли это было? Петров усмехнулся.

— Мы с каждым переездом теряли часть своего прошлого, а теперь на Земле любую квартиру можно установить в каком угодно месте, если оно свободно, и жить там день, год, век... Но кто из нас может проследить свое происхождение дальше третьего колена? При этом, хотя каждый из нас не знал истории своего ствола, мы были еще достаточно богатыми, потому что общая-то история у нас оставалась, и мы знали, что где-то в ее пределах лежит и наша личная. У нас все же было прошлое. И было настоящее. А что останется у детей?

Он помолчал, словно ожидая возражений, но женщина безмолвствовала. Тогда Петров заговорил снова:

— Прошлого у них не будет: все, что происходило с нами до момента, когда мы вступили на борт корабля, для них не существует. Что толку рассказывать им о светильах и планетах, о горах и океанах, прозрачных ручьях и желтом песке, о пении птиц, топоте табунов и вкрадчивой поступи леопарда? Что толку, даже если мы покажем это на экранах? Наши рассказы и фильмы так и останутся для детей непонятными, абстрактными, потому что в их опыте не найдется ничего, с чем можно сравнить все это. А настоящее... Настоящее существует для нас постольку, поскольку есть будущее: сегодняшний день — всегда лишь разбег для прыжка в завтра. Но это «завтра» возможно лишь до тех пор, пока с ним связано что-то лучшее, чем то, что есть у нас сегодня. А что будет ожидать их? Земная мысль, земное искусство — в прошлом, а прошлого у них нет; значит, этого вообще не существует. Останутся инстинкты, останется медленное, но необратимое погрязание, останется обобезьянивание людей, потому что ни один стимул не будет звать их вперед: жизнедеятельность их биологически и физиологически обеспечена, но нет поводов для мышления, для поиска, для роста. Кем же тогда станет второе, третье, четвертое поколение этого крохотного человечества? Теперь скажите: вправе ли мы давать жизнь людям, заранее зная, что мы не можем обещать им ничего, кроме физического бытия?

Он снова взглянул на Милу. Она опустила глаза, потом возразила, все еще не желая сдаться:

— Но почему? У нас ведь есть разные люди. И мы могли бы научить детей многому...

— Мы могли бы сделать все, — тотчас же отозвался Петров. — Но у человека нет способности творить бесцельно. Цели, большой цели нет у нас — вот трагедия... А что касается знаний, передачи опыта... Во-первых, мы и сейчас гибнем оттого, что каждый из нас чересчур специализирован и с трудом, да и то далеко не всегда, понимает другого. Учить потомков всему понемногу — значит вырастить поколение дилетантов, которые смогут лишь повторять узнанное, и никогда не сумеют найти что-то новое. А если бы они и сумели... — он перевел дыхание. — Если бы они и сумели, то, откровенно говоря, я испугался бы этого еще больше.

— Почему?

— Человек не рождается с готовыми идеями. Они формируются в нем, и немалую роль в этом играет среда. И если наши идеи возникали в условиях торжествующего, ширящегося, растущего человечества, возникали во взаимодействии с водами и лесами, голубым небом и утренним ветром, симфониями и полотнами, на твердой основе нашей истории — то что будет способствовать рождению идей у нашего потомства? Железные стены и масса мертвых механизмов? Не представят ли люди себя тоже чем-то вроде механизмов, не вытравят ли в себе все подлинно человеческое, считая его архаичным, унижительным, просто излишним? Вы, друг мой, хотели бы жить среди таких людей? А если нет — должны ли вы заставлять своих детей делать это, обрекать их на нечеловеческое существование?

— Не понимаю, — сказала Мила упрямо. — При чем идеи, при чем все? Мы ведь остались прежними даже без неба и ветра?

— Вы не хотите понять, — вздохнул Петров. — Ну, как же вам объяснить?

— Может быть, позвольте мне? — неожиданно спросил Истомин, о котором они совсем забыли. Он свернулся в кресле, глаза его по-прежнему были закрыты, но голос звучал четко, сонной ленцы не было в нем. — Я, кажется, представляю, как это может выглядеть...

Мир потомков всегда отличается от мира предков, если даже они живут в одно и то же время: для людей важно как они воспринимают мир, а не то, каков он в действительности; эталонного восприятия не существует. И на этот раз, хотя обстановка не изменилась, и материалы, из которых состоял корабль, и его планировка, и механизмы, обеспечивающие жизнь, остались теми же, что и много лет назад, люди, жившие ныне в стенах корабля, воспринимали все это совсем по-другому.

Они росли среди машин, и рациональная скупость машинных поступков вошла в их сознание с самого начала. Мир машин был лишен случайностей: причинно-следственный закон действовал здесь в своем чистом виде, без усложнений и поправочных коэффициентов. Логика машин была прямолинейной и элементарной, психикой они не обладали,

и отказ работать или неточная работа объяснялась не какими-то субъективными категориями, а всего лишь изношенностью деталей, которые легко можно было заменить. И новые поколения людей, сами того не сознавая, с первых дней жизни старались походить на машины прямолинейностью действий, суждений и мотивов. Они были, как и их предки, наделены и эмоциями, и зачатками сложной, нелогичной человеческой психики, однако именно потому они и имели возможность подавить в себе все, что казалось излишним, не соответствующим укладу их жизни. Ведь сколько существует человек, он всегда подавляет в себе что-то, и разница лишь в том — что именно он подавлял и подавляет в разные эпохи своего существования. И вот здесь теперь подавлялись эмоции и превозносился рассудок — острый, холодный рассудок, ничем не уступавший логике компьютеров. Когда перед этим рассудком вставали сложные задачи, он решал их разумно, целесообразно и безжалостно.

Вот и сейчас такая задача встала перед людьми «Кита». Эрг был наиболее влиятельным среди них, остальные подчинялись ему, и делали это не по принуждению, а потому что сознавали: его мыслительный аппарат от природы лучше развит и работает с наибольшим эффектом. Так было; но даже в этом мире время от времени случались заминки и аварии. В результате последней из них Эрг лишился ноги, и теперь переставал быть полноценным. Известно было, что всякий дефект организма влияет на объективность мышления; значит, Эрг более не был сильнейшим. Но это означало, что его место в иерархии «Кита» займет следующий, Вольт — а он был намного слабее, это все знали, и сам Вольт тоже. Интересы общества требовали сохранить Эрга. Чтобы он остался прежним, надо было привести в порядок его тело: ничто не должно было влиять на ясность мышления руководителя.

Разумеется, конечность могла регенерировать. Люди не утратили умения пользоваться регенерационными аппаратами. Но это продолжалось бы слишком долго — несколько месяцев; люди знали об этом из истории их мира, при самом возникновении которого создалась такая же ситуация. Однако то, что годилось предкам (о них было принято вспоминать снисходительно — они стояли так далеко от совершенства), более не устраивало потомков. Восстановить организм

Эрга надо было как можно скорее. Следовало искать и найти другой способ. И его нашли.

Процесс можно было значительно ускорить, стоило только взять уже готовую ногу и прирастить ее, используя для стимуляции ту же регенерационную аппаратуру. Это потребовало бы лишь считанных дней. По такому же принципу ремонтировались машины: если изготовление новой детали требовало времени, а машина нужна была немедленно, деталь снимали с другой машины, без которой сейчас можно было обойтись. Из двух машин возникала одна действующая. Так же следовало поступить и в данном случае.

На корабле было еще трое, обладавших тем же ростом и сложением, что и Эрг. Из них выбрали того, чей рассудок и умение были сейчас нужны обществу в наименьшей степени. Это был Ом. По сути, такой выбор был ошибкой: если бы стать донором предстояло кому-то, чей рассудок был устойчивее, он согласился бы; но логика Ома была ущербной, и временами он выступал против строгой целесообразности. Однако общество не изменило своего решения: та же строгая логика повелевала им пожертвовать наименее ценным членом. Но, поскольку его согласие не было получено, приходилось прибегнуть к иной методике: Ому было объявлено, что он умрет, и лишь затем его нога будет использована в интересах общества.

Ом постоял несколько секунд, закрыв глаза, покачиваясь, словно собирался кинуться прочь — бежать, бежать от смерти. Но убежать было некуда. А человек, отвергнутый обществом, не мог бы просуществовать на корабле дольше нескольких дней. Оставалось подчиниться.

Люди, однако, не забыли о справедливости. Ому предстояло умереть преждевременно. Однако он не был поставлен вне закона и продолжал пользоваться теми же правами, что и остальные. В том числе и правом оставить потомство. Следовало дать ему возможность использовать это право — в интересах общества, разумеется, чтобы генетические признаки, носителем которых он был, и среди которых могли оказаться и полезные, не выпали из круговорота.

Для реализации этого права была избрана Дина, тоже еще не имевшая потомства. Все знали, что из мужчин Кита она

отличала Стена, и он тоже охотнее всего разговаривал с нею. Но оба они знали, что противиться обществу нельзя. Тем более что никому из них не грозила смерть.

Когда Дине было приказано уединиться с Омом, Стен целый день не выходил из своей каюты. Но для проявления чувств не разрешалось занимать более одного дня, и назавтра он уже выполнял свои обязанности, участвуя в проверке одной из машин. Дина выглядела грустной, но ее не утешали: она исполнила свой долг. Ом умер во сне; его нога была отнята, и Эрг, главный на Ките, проследовал в госпитальный отсек, где все уже было приготовлено для сращения, и лег на тот самый стол, с которого за десять минут до того сняли Ома после того, как все, что можно было использовать, отделили и унесли для консервации.

Через неделю Эрг вышел из госпитального отсека. Он слегка прихрамывал, но его ясный ум снова работал с прежней силой. Общество вздохнуло облегченно. На всякий случай — чтобы все были уверены в своей правоте — спросили мнение «Сигмы», большого компьютера. Машина подтвердила, что принятое и исполненное решение было наиболее целесообразным, а значит — правильным.

Из случившегося сделали вывод о необходимости более осторожного поведения при ремонте тех машин, обращение с которыми могло быть опасным. Эпизод был исчерпан и вскоре о нем перестали вспоминать. Дина родила ребенка, после чего Стен тоже мог использовать свое право на потомство. Он воспользовался этим правом... Жизнь по-прежнему текла размеренно и рационально.

Истомин умолк.

Мила молчала, опустив голову. Теперь в салоне стояла тишина, и ничто не нарушало ее — даже ребенок не плакал в отдалении, как это было до начала разговора. Ребенок умер, поняла она, умер мальчик, которого не было, который даже родиться не успел. Умер, и оставалось только похоронить его и плакать над маленькой могилкой.

Она встала и, даже не кивнув ни Петрову, ни Истому, медленно пошла к себе. Петров глядел ей вслед, и во взгляде его были боль и странное спокойствие — спокойствие человека, знающего, что он безнадежно болен, уже примиривше-

гося с этим и с состраданием наблюдающего, как агонизирует сосед.

— Инженер! — сказал Устюг по унифону. — Ты не забыл про обход?

Ходовые механизмы бездействовали, корабль мчался в инерционном полете неизвестно куда, преодолевая несчитанные километры пространства, в котором не было ничего, кроме этих километров: даже чуткие гравитометры не ощущали тяготеющих масс двух гигантских галактик — настолько далеки они были. Но все же ритуал оставался ритуалом, служба была службой. Тем строже надо было выполнять все ее требования потому, что пассажиры как бы отказали и кораблю, и экипажу вправе быть теми, кем они в действительности являлись — кораблем и экипажем. И надо было показать всем и каждому, что мнение кучки пассажиров не играет тут ровно никакой роли.

— Есть, — сказал Рудик. — Я готов, сейчас буду. Значит, снизу доверху, по Уставу?

— Снизу доверху, — подтвердил капитан.

— Выхожу.

— Не забудь таблицы и тестеры.

— Ну, что ты, капитан!

Устюг оглядел себя в зеркале. Нет, он оставался капитаном, а корабль — кораблем, что бы там ни говорили ничего не понимающие в этом люди.

Когда он вышел из центрального поста, шаги его были широки и уверенны. Он шагал по палубам, как на параде, и с удовольствием слушал звук своих шагов.

Еремеев поднес свисток к губам. Раскатилась пронзительная трель. Торий отдал мяч направо и тяжело двинулся вперед. Игра началась. Радий принял пас и пошел краем, ведя мяч по самой кромке поля. Гелий, защитник «Легких», выкатился навстречу, но Радий прошел его, сделав элементарный финт. На него набегали двое, и он отдал мяч назад, в центр, откуда Кюрий с хода навесил на штрафную «Легких», и Торий, уже топтавшийся на грани офсайда, рванулся вперед, гулко принял мяч на грудь, сбросил под ногу и пробил. Был бы гол, — вратари в обеих командах были никудышные,

прыгать совсем не умели, но мяч с громким хлопком лопнул и, сморщившись, упал в нескольких шагах. Еремеев свистнул, и игроки сразу застыли, кто где стоял.

Еремеев подобрал мяч и огорченно покачал головой.

— Не выходит? — услышал он вдруг, вздрогнул и обернулся.

Нарев стоял неподалеку от дверей и с интересом глядел на застывших роботов.

— А придумано хорошо, — сказал он. — Настойчивость и остроумие — и вот у нас уже есть футбол. Как они вам повинуются?

— Да не жалуюсь, — растерянно проговорил Еремеев.

— Очень хорошо, — повторил Нарев. — Здорово.

— Мячи вот лопаются. Нечем играть.

— Покажите-ка... Да, пневматические тут не годятся. Подошел бы литой шар из легкого сплава. Только, конечно, нельзя подвертываться под удар.

— Как убережешься? Да и переборки могут не выдерживать. Вот если бы набить камеру каким-нибудь упругим пластиком...

— Неплохо, — согласился Нарев. — Пойдемте к синтезатору, попробуем поколдовать. Я вам помогу. Я всегда готов помочь тем, кто занят делом. На то я и существую.

Еремеев замялся.

— Я не мастер с ним обращаться.

— С синтезатором? Научу. А роботы пусть подождут. Им не свойственно нетерпение.

— Это я понимаю... — пробормотал Еремеев.

Он не добавил, что именно это ему и не нравилось. Футбол — игра веселая, заниматься им надо легко и приподнято. Роботы обучились мгновенно и сейчас владели уже неплохой техникой: смогли бы сыграть с клубной командой и, может быть, даже выиграть у нее с приличным счетом. Но играли они угрюмо, деловито, словно им было все равно — играть или ворочать камни. Что подделаешь — даже улыбаться они не умели, не было у них механизмов для этого. Приходилось мириться.

И все же они играли в футбол, их было целые две команды, полные команды, с запасными. Другого выхода у Еремеева не было: люди играть не хотели, хотя и пассажирам, и

даже экипажу делать, по мнению футболиста, было совершенно нечего.

— Что-то давненько никто не заходит, — сказал Карский. Он уже свободно расхаживал по каюте, хотя и прихрамывал, но покидать ее пределы Вера ему не позволяла, и он подчинялся ей с удовольствием, как подчиняются только любимой женщине. — Совсем обо мне забыли.

— Тебе их недостает?

Он улыбнулся.

— У меня есть ты...

Она была у него и, оказывается, в этом-то и заключалось счастье. Не погоня за молодостью (как думал он когда-то, далеко отсюда, с осуждением наблюдая подобные случаи со стороны), но просто забвение возраста, крушение всего, что могло разделять их. Природа, думал он, природа; кто различает возраст, кроме человека? Жив или мертв — вот что существенно; пока жив — жив! Счастье — это она. Глупы те, кто мечтает о чем-то ином. А вот ему повезло — не слишком рано, но он прозрел полностью.

— Есть ты, — повторил он. — И ничего больше мне не нужно. Но все же интересно, как идут дела в большом мире Кита. — Он снова улыбнулся. — Хотя — все тихо и, значит, благополучно. Почему ты так далеко?

Она подошла; глядя его по волосам, подумала, что все труднее становится оберегать его от тех проблем, что волновали остальных. Нелегко... Но ей не хотелось делить его ни с кем. Вера была жадна, как бывает жадна только молодость, ни с кем и ничем не желающая делиться, и готова была защищать то, что ей принадлежало.

— Потерпи, — сказала она. — Вот окрепнешь... И тогда станешь выходить...

— Но там все в порядке?

— Да, конечно...

— Понимаешь, слишком велика привычка думать. И я думаю... Но раз они не приходят — значит обходятся?

— Наверное.

— А как дела у Истомина с Инной? Видишь, теперь меня интересуют и такие вещи.

— Хорошо, хорошо.

— Значит, у них все-таки была любовь всерьез? Как у нас?

— Наверное. А теперь ложись. Я хочу, чтобы ты был здоров.

Автоматы громадными жуками кружили над столом, устанавливая все нужное для обеда. Люди входили, опустив глаза, шли к своим местам и утыкались в тарелки, так и не сказав ни слова. Обеды уже давно проходили в полной тишине, которая могла быть нарушена только по недоразумению.

Сегодня такое случилось. Карачаров, выпив стакан сока, вдруг поднял голову и, ни к кому не обращаясь, громко сказал:

— Эта матрица Хинду тоже не поможет!

Сказал, оглядел стол диковатыми глазами и уткнулся в тарелку.

Рядом Инна Перлинская проговорила:

— А Раганский читал это не так. Он...

Она спохватилась, умолкла и опустила глаза.

— Очень интересно, друзья мои, — проговорил Нарев. — Доктор, вы не могли бы рассказать подробнее — что там с этими матрицами?

Ему было не по себе.

Физик фыркнул и глянул на Зою, словно приглашая ее посмеяться вместе с ним.

— Рассказать о матрице Хинда? Ничего себе!

— Да, да, — торопливо проговорила она. — Расскажите.

— Ну, я, собственно... Начать с того, что Хинд разложил...

Его никто не слушал: все это было абсолютно непонятно. Физик умолк на полуслове, и ни один, кажется, не заметил этого. Карачаров презрительно оглядел всех.

— Карфаген должен быть разрушен, — ни с того, ни с сего мрачно произнес он. — Но только вместе с Римом. Да и с Элладой заодно.

Истомин даже не слышал, о чем говорил физик. Но слово «Эллада» достигло его слуха и направило мысли по привычному пути.

Истомин любил Элладу; не такую, наверное, какой она была в действительности, с ее суровой и небогатой жизнью, лишенной элементарной социальной справедливости для

очень многих, с ее детской жестокостью во взаимоотношениях между людьми. Истомин любил ее такой, какой она ему представлялась: землей философов, архитекторов, ваятелей и поэтов, — любил свою модель Эллады, верхний слой краски на картине, скрывающий грунт. Истомин любил Элладу и не любил Рим, с которого, как он полагал, цивилизация пошла по неверному пути, по тропинке, петлявшей по болотам средневековья то исчезающей, то снова выбиравшейся на поверхность, чтобы, начиная с Возрождения, превратиться в дорогу. И дорога эта в конце концов стала такой широкой и прямой, что по ней можно было двигаться со все возрастающей скоростью. Все дело было в том, куда идет дорога; литератору порой казалось, что она идет в никуда.

И в самом деле. Техника бесконечно совершенствовалась, чтобы удовлетворить бесконечно растущие желания граждан. Истомин избегал слова «потребности»: потребность — это то, что необходимо, а так ли уж много материального нужно человеку в действительности? Но человечество упорно достигало скорости в двести километров, стремясь с этой скоростью доставлять материалы, из которых строят машину, развивающую скорость триста, и она повезет сырье для новой машины, которая будет делать уже четыреста... Доколе? Зачем?

Энергию человечества, думал Истомин, следовало бы направить по другому руслу. Обеспечив себя предметами первой необходимости — едой, защитой от непогоды, средствами гигиены — люди должны были, казалось ему, устремить свои силы вовнутрь самих себя. Он не задавался вопросом, можно ли иными путями, без строительства превосходящих одна другую машин, достичь обеспечения всех хотя бы едой; Истомин считал главным для человека — научиться владеть собой, своим телом, своим мозгом. Понять свое назначение, космическую роль, степень своей важности в процессе движения материи. Руководствоваться формулой: инструмент — материал — действие — сначала познать свои возможности как инструмента, которым преобразуется Вселенная, затем составить представление об этом мире и лишь затем — делать. Человечество слишком спешит, полагал Истомин, и сейчас, не зная толком ни инструмента, ни рабочего места и материала (а все это определяет, каким будет конечный про-

дукт), человек мог либо сломать, безнадежно вывести из строя инструмент — самого себя — либо, не зная досконально обстановки, уподобиться тому, кто в погребке, полном бочек, зажигает спички, чтобы найти закатившуюся монетку, забыв поинтересоваться: а не порох ли содержат бочонки?

Пока же инструмент никак нельзя было считать готовым для длительной, тонкой и трудной работы. По степени заточки и умения владеть им — своим разумом и телом — современники мало чем отличались от людей эпохи того же Рима, и уж почти неразличимо были похожи на живших во времена, куда более близкие и знакомые — в XIX или XX веках с их эпохальными взлетами и ошибками, с неустроенностью экономики и борьбой идеалов, с первыми робкими попытками перевода планирования на электронику, с общественными и государственными противоречиями, с союзом и антагонизмом личностей и масс, с национальным ощущением, не желавшим разбираться, когда оно полезно и когда вредно, и упорно сопротивлявшемся центростремительным силам. Рим, чье влияние ощущалось тысячелетия спустя и вряд ли окончательно угасло и сегодня, устал жить и умер; не город Рим, а великий Рим, центр мира и сам — мир. Его погубила, возможно, пресыщенность и отсутствие цели, к которой стоило бы стремиться. Двадцатый век, попадая в ситуации куда более критические, не хотел умирать, становился все голоднее, хотел все большего — и всегда было это большее, чего хотелось желать. Но вот его люди, по сути дела, мало чем отличались от тех, кто населял Рим. И тем, и другим (и нам, подумал писатель) было свойственно и высокое благородство, и чистота, и возвышенность идеалов у одних — и низость целей, и грубость средств у других, нет-нет да проявляющаяся даже и сегодня. Литератора это не удивляло: он знал, что люди их тысячелетия, с точки зрения хотя бы того же XX века (не Рима: в Риме мало думали о будущем, а XX век уже заболел этим) — люди его века должны были быть ангелоподобными морально, сложенными, как молодые боги из античной драмы на современный лад. Писатель улыбнулся наивности предков, своих коллег в том числе: пожалуй, и тогда легко было понять, что с увеличением народонаселения — а оно неуклонно росло, потому что расширялись и границы обитаемого мира, — усреднение

облегчается лишь для статистики, на деле же возрастает (пусть и не процентно, но абсолютно) количество аномалий, чьи корни носят не общественный, но изначальный, генетический характер. Нельзя было проконтролировать генетическую карту каждого, кто собирался родиться — хотя бы потому, что люди рождались не только в центрах цивилизации, но и на ее окраинах, где некому и некогда было заниматься таким контролем. В любой тысяче людей — если только не отбирать их специально — находилось сколько-то храбрецов и сколько-то трусов, какое-то число готовых командовать, и какое-то — согласных подчиняться, сколько-то с повышенной чувствительностью и сколько-то с пониженной, некоторое количество более способных — и не менее их противоположностей. Человечество всегда опережало свои возможности; оно состояло из особей, очень часто не руководствующихся логикой, и трудно было представить, что целое, состоящее из деталей, не исповедующих логику, само может быть логичным. Оно таким и не было; человечество оставалось суммой флуктуаций, а не коробкой с оловянными солдатиками, одинаковыми и с виду, и по существу: средний человек был по-прежнему статистической абстракцией. А значит, и сегодня в мире, как и во все века, происходило хорошее и плохое, высокое и низкое, было счастье и бывали несчастья (вроде того, что приключилось с ними — никто не был в нем виноват, но оно произошло). Добра было больше, чем зла, потому что противодействовать добру теперь было куда сложнее, чем раньше — и все же еще можно было.

Да, двадцатый век выжил, хотя мог умереть, а Рим умер. Писатель подумал, что нарисованный им несколько месяцев назад конец их мирка был, пожалуй, именно во вкусе Рима. Но ведь была и Эллада, и даже тут, сейчас, сохранялась возможность познавать себя, готовясь к делам, сущность которых уяснится в процессе познания. Целые цивилизации были основаны не на технике, а на стремлении понять, изучить себя, овладеть всеми возможностями своего чудесного организма. Разве это занятие не достойно их? Разве жалко посвятить ему жизнь? Им не было нужды совершенствовать окружающий мир: но они сами — разве столь уж совершенны?

— Нет! — сказал он вдруг так же неожиданно, как заговаривали сегодня все другие. — Мне кажется, нас ждет совершенно ослепительное будущее! Вот послушайте...

Истомин вышел в сад. Наступил лучший час суток, и он заранее предвкушал то наслаждение, какое предстояло испытать и ему, и всем остальным жителям «Кита».

Перед тем, как выйти, он внимательно оглядел себя в зеркале, поправил галстук и причесался. Волосы совершенно поседели — прошло уже немало лет с тех пор, как он взошел на борт этого корабля. Но седина не огорчала его: все окружающие старели вместе с ним, и не было молодых, в сравнении с которыми старость проигрывала бы. В старости есть своя красота; к тому же здесь, вдали от бурь и потрясений, старость приходила медленно, и даже поседев, все оставались здоровыми и физически, и морально.

В саду уже находились несколько человек. Истомин раскланялся с ними, и они ответили ему тем же. Они так давно были вместе, что сделались ближе друг для друга, чем если бы были кровными родственниками. Они, казалось, уже давно должны были изучить друг друга до мелочей. Но каждый из них являлся личностью, а настоящая личность неисчерпаема; и к своему счастью они находили друг в друге — да и в самих себе — все новые и новые качества, узнавали друг друга все с новых сторон. Даже те, кто в начале этого бесконечного путешествия уступал другим в знаниях или в уровне развития (что было и всегда останется неизбежным), успели за эти долгие годы, пользуясь деликатной поддержкой окружающих, уйти так далеко вперед, что дистанция между ними и прочими перестала ощущаться.

Дни они проводили, как кому казалось предпочтительнее. Занятия спортом в зале и плавание в бассейне, просмотры и обсуждения фильмов, научная деятельность и художественное творчество, слушание музыки равно увлекали их. По вечерам же, после ужина, все собирались в саду и начинался пир утонченных умов, обмен мыслями, предположениями и гипотезами. Именно это и ждало их сейчас.

Наслаждение, испытываемое при этом каждым из них, было несравнимо ни с чем. Далекие от Земли, с ее огромными масштабами и множеством мелочей, отвлекавших от чи-

стого мышления, получившие возможность впервые, может быть, в истории человечества дать волю своему уму, избавив его от забот о хлебе насущном, оберегая от таких мелких чувств, как зависть, стремление к материальному превосходству или конкуренция с другими специалистами, как жажда власти или славы, — люди ушли целиком в область творчества, в область философии и истории своей прародины, о которой теперь могли рассуждать спокойно и объективно, так как не были связаны с узкими интересами Земли. Каждый вечер принадлежал одному из них, и у любого всегда хватало мыслей, чтобы заинтересовать других, заставить подумать над выводами и оценить их, еще на какой-то, пусть небольшой шагоч приблизиться к постижению себя. Крохотное общество в замкнутой скорлупе корабля жило по тем законам и таким образом, как будет жить — и даже не в столь отдаленном будущем — все человечество.

Именно об этом и собирался говорить сегодня Истомин. Он был, пожалуй, лучше остальных знаком с историей мысли Большого человечества и знал, насколько оно всегда было склонно к трем ошибкам, фактическим и методологическим: к идеализации прошлого, идеализации будущего и его примитивизации. Писатель хотел сегодня сказать о том, что на самом деле будущее никогда не становится проще настоящего, но усложняется вследствие постоянного роста не только населения, но и отраслей деятельности, и проистекающего отсюда усложнения социальной структуры общества и отношений между его отдельными элементами; и что подлинный путь будущего — не стремление унифицировать, но тяга к равновесию и сбалансированию различных индивидуальностей, а что индивидуальности всегда будут разными, проистекало, по мнению Истомина, даже из принципа индетерминизма (он ожидал, что Карачаров поможет ему связать эти понятия). Именно этого удалось добиться людям маленького мирка, явившегося как бы моделью многомиллиардного мира Федерации. Таким образом, они, человечество Кита, могли успокоиться за судьбу своей старой родины и уйти от частных проблем еще дальше к общим, чтобы отыскать наконец место человека в грандиозном Мироздании и тем самым...

* * *

Здесь, сегодня, Истомин говорил горячо и громко и снова ощущал, как люди поддаются гипнозу слов. Да, будущее ослепительно, оно — как глубокое и спокойное озеро, окруженное горными хребтами, озеро с прозрачной и вкусной водой. И они, заброшенные смерчем на берега этого озера, уже оправились от первого потрясения и вскоре начнут благодарить судьбу за то, что именно с ними она решила провести этот эксперимент...

Он кончил. После паузы Нарев сказал:

— Благодарю вас. Действительно, перспективы наши прекрасны, о чем я не устаю напоминать.

Истомин рассеянно улыбнулся и кивнул куда-то в пустоту.

— И ведь для этого нужно так немного! — сказал он. — Ничего иного, кроме доброй воли! Я думаю, мы могли бы начать такую жизнь не мешкая. Здесь, в салоне, мы привыкли вести деловые разговоры. Но встретимся вечером в саду, обстановка подействует на нас благоприятно... Наш нынешний мир узковат, но он так прекрасен, так обеспечен, так надежен, что было бы просто стыдно не использовать все его преимущества.

— Решено! — сказал Нарев. — Сегодня в саду.

— Да-а... — протянул капитан.

— Хорошо еще, что так, — проворчал Рудик.

Они были в самом тесном, носовом отсеке над обсерваторией. Инженер медленно собирал инструменты.

— Может, тестер врет? — спросил Устюг.

— Да что тестер, — сказал Рудик, пожимая плечами. — Попробуй на слух.

Он постучал в борт. Звук был низким, дребезжащим.

— Миллиметра два, — сказал капитан.

— До полутора. С таким носом только и можно летать подальше от галактик.

— Ну, — подумал вслух капитан, — даже при пробое это не смертельно.

— Опасно.

— Там, около звезды, было опаснее. Однако не зря я затеял обход.

Инженер кивнул. Он знал, что все, что делается в соответствии с Уставом, не может быть зря.

— Надо ремонтировать, — сказал он.

— Да, — согласился капитан, — конечно. Настрой ремонтных роботов. А вообще — не горит.

Рудик покосился на него. Они спустились, и инженер завинтил маховик люка.

— Заблокировать, что ли? — спросил он. — Неровен час, кто-нибудь залезет...

— Что им тут искать?

— Ну, ладно, — сказал инженер. — Куда теперь?

— Да по порядку. Что у нас — резервные линии?

— Они, — ответил инженер, пропуская капитана в лифт.

Вечером Карачаров пришел в сад первым. Истомин, откровенно говоря, этого не ожидал — на физика он вообще не очень рассчитывал. Карачаров был настроен мрачно. Когда собрались другие, он сказал:

— Ну, что же мы теперь станем делать? Ладно, давайте я займусь вашим опусом, где вы, как я понял, детально излагаете свои воззрения. Хотя, откровенно говоря, все былые эпохи для меня ничем не ценнее прошлогоднего снега: люди в те времена очень мало знали. Будь я еще историком науки... Но вы же, наверняка, не пишете ничего такого... А вы тем временем займитесь высшей математикой. Года через три-четыре, может быть, поймете меньшую половину вот этого! — Он вытащил из кармана пачку листов и швырнул их писателю так, что они разлетелись во все стороны. — Иначе несправедливо: вы злоупотребляете тем, что ваш язык примитивнее и доступнее моего — где же равноправие?

— Нельзя так относиться к искусству, — пробормотал писатель. — Оно не может служить предметом торговли.

— А подите вы к черту с вашим искусством! — сказал Карачаров. — А с наукой можно так обращаться? Но назовите мне тут хоть одного человека, которого интересует наука, кто ударит хоть пальцем о палец ради нее. Ну ладно, ну какую — я человек негармоничный, не развит всесторонне и не могу подменить свое дело чем-то другим. — Он резко вытянул руку к Истому. — Но ведь и вы такой же! Если вы любите женщину, то не женщину вообще, а именно эту, и,

если вы ее лишаетесь, то не можете заменить ее любой из полудюжины других, а если можете, то вы не знаете, что такое любовь, черт бы вас побрал! Вот вы написали роман, который, простите за откровенность, тут никому не нужен — потому что если кому-то захочется читать, то полно кристаллов, на которых записана громадная куча книг — и, кстати говоря, написанных куда лучше вашей...

— Да вы ее не читали! — сердито возразил писатель. — Откуда вам знать? А может быть...

— Нет, не может быть! Человек, живущий рядом со мной, не может быть великим писателем. Это только вы, литераторы, притворяетесь, будто так не думаете, а мы, все прочие, даже не притворяемся. И что такое — великий? Количественную, математически точную оценку ни одному произведению литературы дать нельзя, и значит, оценка эта всегда субъективна...

— Да ладно, отцепитесь от меня!

— А я и не прицепляюсь — на кой черт вы мне сдались с вашими тухлыми веками! Я просто говорю, что вы написали — ну ладно, значит, вы без этого не могли, так же, как я не мог не заняться своими проблемами. Но ведь это нам всем только кажется, это мы втираем себе очки, говоря о самовыражении, неодолимой потребности и прочем. На самом деле нам ко всему, надо еще, чтобы все это дошло до людей. До людей! И не только до читателей или рядовых инженеров, но до профессионалов, свое место среди которых мы знаем и дорожим им, и о нем всячески заботимся. А раз этого нет... Ну, какая мне радость от того, что я выполнил, может быть, гениальную работу, если этого никто не поймет из десятка индивидуумов, делящих с нами сие приятное уединение? И какая вам радость от того, что вы написали, может быть, и не самый глупый в мировой литературе роман, если он навсегда останется вещью в себе? Или вы думаете, что стоит нам прочесть его — и мы сразу станем другими и действительно поймем, что нам делать в этой чертовой обстановке?

— Что делать — об этом же я и говорю! — в отчаянии воскликнул Истомин, Но физик внезапно увял.

— Ну, говорите, — пробормотал он. — Что касается меня, то я в эту игру больше не играю. Для меня остается, пожалуй, лишь одно.

— Что же?

Карачаров усмехнулся.

— Я почти строго обосновал, что мы вообще не существуем, и поэтому с нами ничего не происходит и произойти не может. Субъективный идеализм, как сказал бы философ, да еще подкрепленный квазинаучными гипотезами. Хотя — какой уж идеализм, если мы скоро начнем грызть глотки экипажу, а они — нам... Да пускай, мне наплевать — мне так легче. Раз нас нет, то я могу еще раз переменить знак и считать все, что вижу во сне, реальностью, а это — он кивнул куда-то в сторону — кошмаром. Я научился видеть сны по заказу, этим и занимаюсь. — Он вытащил трубочку с таблетками, потряс ими. — К счастью, наши синтезаторы могут изготавливать эти снадобья с такой же легкостью, как сливочный пломбир.

— Слушайте... — сказал Истомин. — Нельзя же так...

— А как можно? Картин будущего вы, наверное, сочините еще не один десяток, но меня картинки не интересуют. Исповедую лишь то, что может быть изложено при помощи математического аппарата. — Он усмехнулся. — Хотя толк от ваших картинок, безусловно, есть. Я имею в виду первую. Если мне будут сниться плохие сны, я однажды взорву к чертовой бабушке эту диагравиионную обитель вместе с нами.

Он повернулся и вышел; остальные подавленно молчали, ни один листок не шевелился на чахлах корабельных деревьях, которые тоже, кажется, чувствовали себя тут неприкаянно. Нет, видно, это был не тот сад, в котором некогда Платон наставлял учеников. До того сада было далеко...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Прошло уже немало дней с тех пор, как «Кит» вынырнул в пространстве на полпути между галактиками. За это время могло исчезнуть, рассосаться, забыться то чувство взаимной неприязни, какое возникло тогда между членами экипажа (исключая Веру) и остальным населением корабля (кроме, конечно, администратора). И оно, пожалуй, исчезло бы, но мешали неосторожно брошенные тогда слова насчет суда, которому подвергнутся члены экипажа, едва будет создан за-

кон и общество «Кита» получит право выносить и исполнять приговоры. Нарев дорого дал бы, чтобы слова эти оказались невысказанными или, на худой конец, забытыми. Но по взглядам и тех, и других людей он видел, что сказанное прочно засело в памяти. И это ставило его в такое положение, откуда он при всей своей изворотливости не мог сразу найти выход. Бросать слова на ветер было плохо; еще хуже — осудить людей, которые (теперь это было ясно — ему, во всяком случае) ни в чем не были виноваты. Но обвинение было брошено, а обвинениями, не подтвержденными доказательствами, бросаются лишь несерьезные руководители. Признать, что судить некого и не за что, было равносильно признанию собственной несостоятельности. Этого Нарев тоже не хотел. А пока он размышлял, дела шли своим чередом, и логика конфликта вела людей все дальше — к открытому столкновению.

Вслух никто не говорил ни слова ни о суде, ни вообще о пережитом раньше. Прошлое исчезло из разговоров, словно амнезия постигла все население металлической планетки. Пассажиры и члены экипажа предпочитали не замечать друг друга в тех нечастых случаях, когда сталкивались в коридорах корабля; нечастых — потому, что теперь в пределах «Кита» существовали как бы две тропы, одна из которых соединяла каюты, салон, сад, другая пролежала по рабочим палубам и постам корабля. Тропы эти не пересекались, территория была как бы поделена на две части.

Лишь Еремеев переходил незримую границу, когда направлялся в трюмные палубы к своим роботам. Сегодня, сделав перерыв и поднимаясь вверх, он встретил капитана. Они разошлись, держась каждый противоположной стороны, не взглянув друг на друга и не обменявшись ни словом.

Все последние дни футболист не ощущал гнетущей тяжести на сердце — сознания своей никчемности, ненужности здесь. Ему, с детства и до сих пор любившему лишь спорт и занимавшемуся лишь спортом, казалось странным, что его дело вдруг оказалось лишним в этом мире. Нет, он не был слепым фанатиком, и если бы ему сказали, что надо бросить футбол и делать что-то другое, он подчинился бы — если бы это другое оказалось ему по силам. Но никто не говорил, чем надо заниматься, никто не ставил цели. И вдруг все измени-

лось. Оказалось, что он со своими нелепыми, неживыми футболистами может быть полезным — отвлечь людей от тяжелых мыслей, позволить им забыть. Во всяком случае, так сказал Нарев.

Нарев сказал, и Еремеев поверил. Он не то чтобы забыл о той стычке, когда Еремеев ударил, а Нарев ответил; однако теперь причина этого столкновения казалась далекой и несущественной: Мила была сама по себе, они оба — тоже каждый сам по себе. Еремеев уже не удивлялся этому: ему делали впрыскивания, как и всем, и он знал, что это делается для того, чтобы он не тосковал о Миле — и он в самом деле перестал тосковать, потому что верил в лекарства. А раз причина вражды исчезла, то у Еремеева не было никаких причин не доверять словам Нарева — тем более, что тот был здесь главным, это Валентин понимал хорошо. И сказанное Наревым наполнило футболиста такой бодростью, какой он давно уже не испытывал.

Сегодня он хорошо поработал в зале, потом, прежде чем броситься, по обыкновению в бассейн, прилег на мат, вытянулся, закрыл глаза и заложил руки за голову, чтобы как следует обсохнуть.

Стоило лечь на мат, как наверху автоматически включился кварц. Стояла тишина, и в этой тишине до Еремеева донеслась едва уловимая музыка: кто-то включил ее в салоне, и звуки, обычно не слышные здесь, на этот раз то ли благодаря тишине, то ли из-за неплотно притворенной двери были явственно слышны. Едва заметный ток воздуха овеивал тело — работала скрытая за переборкой вентиляция. И Еремеев вдруг ощутил прилив такого невероятного, дикого счастья, что сам испугался этого всплеска чувств.

Ему почудилось, что он лежит не в зале корабля, на мате, под кварцевой лампой, но знойным летом на Земле, на стадионе: окончив тренировку, отошел и лег неподалеку от поля, где-то в секторе, на низкую, густую и мягкую траву, и безоблачное небо опрокинулось высоко над ним, и солнце, ласковое и ослепительное, заставило закрыть глаза, и он лежит, наслаждаясь минутой покоя и ни о чем не думая, а в раздевалке кто-то из товарищей включил музыку, и она доносится сюда. Он еще немного полежит, встанет и глубоко вдохнет воздух, обнимет глазами весь

простор пустого сейчас стадиона и неторопливо пойдет в раздевалку, минует ее и выйдет из противоположных дверей на берег реки, прыгнет, не задумываясь, и уйдет на глубину, а потом раскроет глаза и увидит чистое песчаное дно и тень от промелькнувшей выше испуганной рыбы. Все это, понял Еремеев, и является жизнью, а то, что он делал, даже сам футбол, было лишь средством почувствовать, ощутить эту жизнь острее, ближе, насладиться ее вкусом, цветом и запахом. Он втянул воздух и как будто действительно уловил слабый запах травы, и что-то застрекотало наверху — пролетела, может быть, большая стрекоза? Еремеев лежал, не размыкая век, и чувствовал, что все великолепно. Потом он поднялся, так и не раскрывая глаз — кто знает, вдруг это сон и, подняв веки, проснешься, — и сделал несколько шагов, и нашарил пальцами ноги край бассейна — но он знал, что это набережная, — и прыгнул, и ощутил упругость воды, ушел на глубину, как и хотел, и только там раскрыл глаза, чтобы увидеть песок и на нем — тень от рыбы.

Он увидел квадратные, плотно пригнанные одна к другой светло-голубые плиты пластика. Не было тени, не было песка, не было ни рыб, ни счастья.

Футболист доплыл до края, и ему не захотелось вылезать. Но он принудил себя не опуститься на дно, а выйти, растереться, одеться и уложить мячи в сумку. Он медленно вышел, спустился на лифте на пассажирскую палубу, прошел в каюту и лег лицом в подушку. Он лежал так, с ужасом понимая, что даже ежедневные игры роботов в зале перед пассажирами уже не спасут его и не вернут ничего из утраченного.

Потом в дверь постучали, вошел Нарев. Футболист сел и принудил себя улыбнуться. Нарев внимательно посмотрел на него.

— Вы здоровы? Я ждал вас там — внизу. Вас не было, так что я сам попробовал кое-чем заняться с ними. Очень понятливые твари. Ну, идемте? Хочу сегодня за обедом объявить о предстоящем матче.

Еремеев взглянул на него и отвел глаза.

— Так-то оно так, — сказал футболист погоды, и голос его был невыразителен. — Только ведь это — футбол. Спорт.

— Вот именно.

— Футбол — не жизнь. Это игра. И если даже я это понял... то другие найдут в нем еще меньше. Так?

Нарев кашлянул и промолчал.

— А что изменится у нас? Не знаю, может, я ошибаюсь, но мне кажется, что скоро все мы, с футболом ли, без него ли, все равно не захотим жить. Если ничего не случится. А что может измениться? Вы знаете что-нибудь?

Нарев промолчал. Он смотрел мимо футболиста, потом положил ладонь на его пальцы и несколько секунд держал ее так. Еремеев вздохнул.

— Может, это от лекарства. Нет любви, ничего нет. Но, наверное, так надо. Если бы... Не знаю. Не обращайтесь на меня внимания. Со мной надо считаться, когда я на поле. А сейчас...

Он махнул рукой, встал и вышел из каюты. Нарев грустно смотрел ему вслед.

Поняв, куда завели его ноги, Еремеев удивился. Это был кухонный отсек палубы синтезаторов, где он заказывал свои завтраки и обеды, царство парящих автоматов и герметических котлов, в которых шипело и клокотал пар. Медленно, вразнобой покачивались стрелки на шкалах. Сами собой открывались и закрывались вентили, включались электрические плиты, распахивались люки рефрижераторов. Все это было интересно, но Еремеев не любил техники, и то, что он научился обращаться с синтезатором, изготавливая мячи для роботов, считал для себя едва ли не подвигом.

Есть ему не хотелось, мячи были не нужны; и все же, зачем-то он пришел сюда. Еремеев медленно шагал по проходу, ведущему из кухонного в бытовой отсек, и напряженно соображал. Ему нужна была одна формула, и не очень сложная, но, к сожалению, он в свое время не уделял достаточно внимания химии, и теперь атомы углерода и водорода никак не хотели выстроиться в его памяти в нужном количестве и порядке.

Вдруг он остановился. Не потому, что вспомнил; просто над одним из кранов, над табличкой «Моющие средства» он увидел название нужного ему продукта, написанное на обычном человеческом языке.

Квадратная шкала была рядом. Цифры на ней означали количество. Еремеев установил лимб на отметку «1 л». Оглядевшись, нашел подходящую посуду, подставил под кран и решительно нажал кнопку.

Загорелся огонек: синтезатор принял заказ. Что-то зарокотало за панелью, звякнуло, потом забулькало. Прошла еще минута — и тонкая струйка упала из крана и звонко ударилась о дно подставленного термоса.

Когда струя иссякла и лимб на панели вернулся к нулю, Еремеев нагнулся и опасливо понюхал прозрачную жидкость. Запах был отвратителен. Но у футболиста не было оснований не доверять ни механизму, ни Истомину, рассказавшему ему, как в давние времена употребляли эту жидкость.

Он поднес термос к губам и глотнул. Перехватило дыхание, обожгло, на глазах выступили слезы. Он закашлялся, потом долго и глубоко дышал и с отвращением отставил термос.

Но уже приятно жгло в желудке, закружилась голова. Она кружилась все сильнее, и это показалось Еремееву страшно смешным.

Он схватил термос и сделал еще глоток.

Прелестно, думал Нарев, презрительно морщась. Бесконечно изысканная ситуация. Остается только синтезировать шнурок попрочнее и найти достаточно крепкий крюк. Наилучший выход из положения...

Он и правда оказался в незавидном положении. И винить было некого. Можно, конечно, каяться перед самим собой — не следовало, мол, тогда говорить о суде; можно было оправдываться: сказал, не подумав, не учтя всех последствий... Но Нарев великолепно знал, что сказал он это тогда намеренно, потому что иначе капитан так и остался бы хозяином положения, вернулся бы к власти. Но Нарев тогда решил, что править отныне будет он сам: не к этому ли он стремился много лет? И добился, наконец; в других местах ему приходилось заваривать кашу и покруче, и сходило, а здесь вот не сошло.

Размышляя, он пришел к выводу, что накопленный им ранее опыт был все-таки односторонен. Входявшие в состав Федерации планеты не были однородны по формам обще-

ственного устройства: на новых, только начинавших осваиваться мирах бывали всяческие отклонения, потому что в таких условиях инициатива и энергия одного человека значили куда больше, чем на планете с устоявшимся образом жизни, налаженной экономикой и сплотившимся обществом. Жизнь Нарева и протекала в основном на таких планетах — он называл их молодыми, — где не составляло большого труда повернуть события по-своему. Правда, через какое-то время все приходило в норму, и Нарев уезжал потому что стабилизовавшемуся обществу он был не нужен, а наоборот — вреден, и уезжать нередко приходилось в большой спешке. И здесь, на борту «Кита», ему показалось, возникла та же ситуация, когда энергичный человек мог установить такой порядок, какой ему нравился. Он так и повел дело — и оказалось, что просчитался.

Теперь, раздумывая над причинами своей неудачи, он уже понимал, что потерпел неудачу, и лишь остальные еще не видели этого — Нарев ясно видел два обстоятельства, которые он не принял вовремя во внимание. Первое заключалось в том, что на планетах, где он бывал раньше, можно было вести свою политику, строя ее на нехватке чего-то. Здесь обстановка была совсем иной, и этого он своевременно не учел: тут не было материальной неустроенности, а была духовная — а как бороться с нею, Нарев не знал. Второе же обстоятельство заключалось в том, что раньше, на других планетах, Нарев, как правило, не знал людей, над которыми стремился возвыситься, и судьба их, в общем, его не интересовала. А тут людей было мало, и Нарев в один прекрасный миг понял, что не может относиться к ним, как раньше, что они не безразличны ему, и судьба их — это и его судьба, потому что (и это было еще одно, дополнительное обстоятельство) уехать отсюда и обо всем забыть оказалось невозможно, и тут ему предстояло жить до самого конца.

Поэтому-то вражда между пассажирами и экипажем, которую он, как он теперь признавал, вызвал сознательно, все больше беспокоила его. Выпустив духа из бутылки, он понял, что не может загнать его обратно хотя бы потому, что это стало единственной эмоциональной отдушиной, стало тем, вокруг чего люди могли хоть в какой-то мере сплотиться. Если не было любви, место ее всегда заменяла ненависть.

Последствия обещали быть страшными. И Нарев не хотел их, на этот раз от души не хотел — и впервые в жизни не знал, как предотвратить беду.

Он был уже согласен даже на тот вариант, который раньше с презрением отвергал: на признание своей несостоятельности, на уход от власти. Но чувствовал, что время было упущено, и даже это сейчас уже не помогло бы. Для того чтобы взаимная неприязнь (чтобы не сказать сильнее) пассажиров и экипажа перестала существовать, надо было найти другую точку ее приложения. Какую же?

Была только одна такая точка. И хотя Нареву крайне не хотелось поворачивать дело таким образом, он с унынием констатировал, что иного выхода нет.

Прелестно, подумал он опять. Когда я, строго говоря, приносил вред, меня любили. Сейчас я, пожалуй, действительно спасу эту планету. Но — увы...

Что ж, так и сделаем — и будь, что будет!

Нет, все это виделось не так. Она знала, конечно, что старость придет, и одна за другой утратятся те вещи, в которых заключался для нее смысл жизни. Она уже играла матерей, и на очереди были старухи. Но это должно было растянуться на годы и годы, а что касается остального, то старели ведь и друзья, и, значит, были такие, по отношению к кому она всегда останется молодой. Человек всегда должен что-то любить и что-то ненавидеть, и она любила театр и друзей и ненавидела старость. И хотя ее, конечно, ждало поражение, это не должно было произойти так внезапно, грубо и бесповоротно, как случилось в действительности. Кроме того, старость, как говорили, несла в себе и успокоение: силы и влечения умирали, а что взять с мертвых? Но сейчас все было еще живо в ней, все протестовало и болело, и чтобы никто не видел ее растерянности и унижения, Инна старалась поменьше показываться людям и кусала пальцы по ночам. Ей не хотелось видеть даже других женщин — их общество никогда не доставляло ей удовольствия, она лишь мирилась с ним. Надо было привыкнуть к мыслям об одиночестве, старости и смерти; но, кроме этого, надо было понять и еще кое-что.

Инна была неплохой актрисой: сперва помогали непосредственность и преданность, потом — опыт; она привыкла видеть себя со стороны — движения, выражения лица, позы; привыкла слышать свои слова. С годами к ней пришло понимание причин и следствий, и она могла определить, почему сегодня сыграла хуже или, наоборот, лучше, чем вчера, и почему некто посмотрел на нее иначе, чем обычно, и почему самочувствие было иным, чем прежде. Импровизируя на сцене, изображая смену неуловимых настроений и эмоций, она в действительности точно знала, что нужно, чтобы достичь того или иного эффекта и как готовить себя к этому. Знание причин и следствий было для нее той основой, незыблемой и неоспоримой, на которой возникало все мимолетное, неуловимое. Из причин и следствий состояла вся жизнь, ее можно было рассчитать заранее, если потрудиться и учесть все обстоятельства. Инна никогда не понимала физики и очень удивилась бы, услышав, что именно на таких воззрениях основывалась классическая механика; актриса пришла к этому сама и считала это самым ценным из всего, что принес ей опыт. Она редко ошибалась и сейчас могла, например, поручиться, что вскоре глухая вражда между пассажирами и экипажем выльется в открытую схватку. Инна боялась схватки, но знала, что она неотвратима.

Тем страшнее, тем непонятнее и нелепее казалось ей то, что произошло с нею. Тогда, сразу, она крикнула: «За что?» — и это на самом деле было для нее самым непонятным. Она не совершила ничего, что могло бы оправдать такую жестокость; жестокость чью — судьбы? Над этим она не задумывалась, потому что само собой разумелось: если совершена жестокость, то был и кто-то, кто ее совершил.

Был миг, когда она подумала, понадеялась, что все это было придумано для того, чтобы мимолетная связь ее с Истоминным, которая (она отлично знала это) должна была прерваться сразу же после завершения рейса, — чтобы эта связь продлилась и утвердилась, потому что в глубине души Инна всегда верила, что ее настоящий человек придет — и останется навсегда. Но Истомин внутренне уже ушел, он был далеко, где-то в своих фантазиях, он все больше отключался. Инна не могла понять этого. Тогда — тоже ненадолго — ей стало казаться, что все было сделано кем-то неопределен-

ным все-таки ради нее: ведь женщины были в меньшинстве, и им принадлежало здесь право выбора. Однако капитан ввел запрет, и никто не отменил нелепого распоряжения, а это означало, что все случившееся произошло напрасно.

Инна думала над этим в долгие часы одиночества. Понять происшедшее было сложно. Физик делал вид, что понимал, и другие тоже делали вид, что понимают — во всяком случае, они повторяли за физиком непонятные термины, тщательно их выговаривая, но все это было не то: можно смело утверждать, что человек умер от того, что в него попала пуля, но главное — кто и почему эту пулю пустил... Когда-то, еще во времена надежд, старик Петров сказал Инне так, между прочим, слова, которые она навсегда запомнила, потому что как-то сразу поняла их. Наша наука, сказал он, дает лишь одну из возможных моделей мира, так что нет оснований... Дальше она забыла, но остальное и не было нужно: раз наука давала лишь одну модель мира, значит, могли быть и другие — так же, как одну пьесу можно трактовать по-разному, и воздействие ее на зрителя окажется различным. А значит, представление физика о происшедшем было обязательно только для него, и Карачаров наверняка не имел представления, как и зачем все это делается в действительности. Он хотел постичь мир при помощи анализа, но Перлинская чувствовала, что так понять нельзя ничего, потому что физик исходил из неправильного принципа: не искал во всем этом смысла, а смысл обязательно должен был существовать.

Итак, произошло непонятное и необъяснимое, и в результате все они были так наказаны, как не карали еще никого во всей истории человечества. Наверное, было совершено что-то, достойное такой кары. Но чтобы понять, что именно было совершено, как можно искупить совершенное и заслужить прощение, надо было прежде сообразить — кто же именно покарал их, потому что всегда (и это Инна твердо знала) для того, чтобы найти подход к человеку, надо сперва изучить его так же тщательно, как изучаешь характер, психику, привычки и мотивы персонажа, перед тем, как сыграть роль. Но это легче — роль написана, пьеса дает материал. С живым человеком тоже не слишком сложно: следует лишь наблюдать. Теперь же дело было куда сложнее.

Итак, кто задумал и совершил это? Не человек из летевших на корабле: случившееся ударило по ним в равной мере. Люди на Земле? Сначала Инна стала думать, что все устроили, чтобы не допустить прибытия администратора. Потом, слушая и размышляя, она поняла, что неправа. Ни Карский, ни кто-либо другой из них не был даже косвенно повинен в случившемся: если бы хотели наказать их, то люди и применили бы средства, доступные людям. На самом же деле содеянное превышало людские возможности, это подтверждали и физик, и капитан — все. Но они потом переводили разговор на какие-то случайности, в то время как Инна твердо знала, что никаких случайностей с нею произойти не может, и везде надо искать и находить скрытую логику.

Итак, была чья-то скрытая вина, и было «наказание. И за всем этим стоял кто-то. Инна не сразу поняла, кто; поняв же, изумилась и даже испугалась простоты мысли и того, что мысль эта не пришла ей в голову сразу же.

Бог это был, вот кто! Высшее существо, для которого люди и их судьбы были всего лишь игрушками. Тонкий и ироничный замысел чувствовался в содеянном, исполнение же было элегантным. Бог... Инна произнесла это слово вслух и удивилась его емкости.

Да, бог был превыше всех: и капитанов, и администраторов — и делал с ними, что хотел, и мог не наказать, а мог и наказать, и наказал. Наказал именно их; потому ли, что их вина была больше, чем прочих, или для того, чтобы заставить и их, и всех остальных над чем-то задуматься?

И вот тут Инне пришло в голову, что бог избрал среди всех прочих именно их корабль вовсе не просто так. Бог не бросал жребий, он размышлял. Если бы он разгневался, скажем, на нее, актриску среднего, что ни говори, масштаба, то выбрал бы другой способ и не подверг наказанию заодно и других людей. Верховное существо, обладающее безграничной властью, должно было поступать по справедливости: раз оно все могло, то было существом совершенным, а совершенное существо не может пренебрегать справедливостью. Значит, виноватого все же надо было искать среди самых значительных; а кто мог быть более значительным, чем тот, кому предстояло в течение года управлять делами всего человечества? Конечно же, это был Карский и никто другой, и

уж если выбирать человека, происшедшее с которым было бы сразу замечено всеми, то нельзя было найти никого, более подходящего для этой цели.

Но опять-таки и здесь бог должен был сохранить чувство меры. Если бы речь шла лишь о том, что этот администратор не достоин решать вопросы народов, то — во имя той же справедливости — он и должен был пострадать один. Нет, не зря администратору в несчастье была дана такая свита.

Однако что же у них всех было общего? В чем были виноваты все они?

Не найдя ответа, Перлинская перескочила через препятствие и стала думать дальше. Вина — наказание. Вина может быть исправлена; мало того: и наказание было выбрано с таким расчетом, чтобы дать людям возможность раскаяться. Ведь значительно проще было, скажем, заставить корабль взорваться; кара выглядела бы даже внушительнее. Но все они были невредимы, и лишь попытки вернуться к прежней жизни до сих пор терпели поражение. Это можно объяснить так: значит, до сего времени они не исправили своего проступка, но возможность такая оставалась. А что будет, если исправят? По логике, за исправлением должно следовать прощение. Прощение!

Инна ходила по каюте, сцепив пальцы и хрустя ими. Прощение — вот к чему надо стремиться!

Теперь оставалось лишь узнать, в чем заключается вина, что и как надо исправить. Но мысль ускользала, мысль не давалась.

Тогда Инна сделала то единственное, что оставалось: она попросила помощи. Помощь можно было ожидать только от бога, и она стала просить бога.

Сначала ей было неловко: говоря, она привыкла глядеть на партнера, на собеседника. Здесь его не было. Тогда актриса повернулась к экрану: он бессознательно воспринимался ею, как окно, ведущее в пространство, хотя был укреплен вовсе не на внешней переборке. Она опустилась перед экраном на колени ловко, как на сцене и сказала тем негромким голосом, какой в театре доносится до самых дальних рядов зрительного зала:

— Помогите нам. В чем мы виноваты? Спасите нас, потому что больше никто нас не спасет!

Экран тускло светился, ничего не возникло на нем, и Инна подумала, что не нашла те слова, с которыми следовало обращаться к самому могучему. Но она не устанет, она будет пытаться, пока жива, и в конце концов он будет тронут и побежден ее настойчивой преданностью, заговорит с нею. Инна склонила голову на руки и стала в мыслях подбирать новые слова.

Сны, думал Истомин, сны... Неужели нам и вправду не осталось ничего другого, как видеть сны?

Он шел по какому-то коридору — не все ли равно, куда? Остановился, чуть не столкнувшись с Милой. Женщина растерянно взглянула на него, потом улыбнулась. Улыбка получилась жалкой.

— Здравствуйте, — рассеянно сказал Истомин. — Ну, как вы?.. Впрочем, что я...

Мила, взяла его за рукав.

— Мой дорогой! — сказала она тихо. — Я давно хожу здесь — тут много комнат, и в них нет никого. А между тем он где-то здесь. Вы случайно не встретили его в коридоре?

Писатель смотрел на нее, пытаясь понять.

— Ах, да вспомните же! — сказала она с досадой. — Разве у вас не было детей тогда?

— Когда — тогда? — машинально спросил Истомин.

— В той жизни. Вы ведь понимаете: мы все давно умерли. Но дети могут быть и здесь...

Истомин с трудом вырвал рукав.

— Извините, — пробормотал он, пятясь. — Я не... Извините.

Мила с упреком глядела на него, пока он не свернул в первый же коридор. Потом вздохнула и пошла дальше.

Она прошла мимо зала, где ее муж раньше занимался каждое утро и где уже много дней не показывался. Мила не старалась углубиться в трагедию этого человека, не пыталась даже думать о ней. Миновав зал, она вошла в бассейн.

Двадцатипятиметровая чаша была полна воды, слегка подсвеченной в глубине. Миле вдруг захотелось выкупаться, но купальный костюм был в каюте. Она повернула к выходу, и тут ее окликнула Инна, прогуливавшаяся по сухой дорожке вокруг бассейна.

— Вы скучаете, милая? Походим вместе, поговорим.

Миля поздоровалась с актрисой не очень дружелюбно: извечный антагонизм замужней женщины к другой, одинокой и не исповедующей аскетизма, был еще жив где-то в уголке ее памяти. Но Миля подчинилась: она могла молчать и слушать, и не быть одной, а больше ей сейчас ничего не требовалось.

— Нам кажется, — заговорила Инна, когда они прошли вместе несколько шагов, — что с нами произошло такое, чего никогда и ни с кем не случалось; от этого мы страдаем. На самом деле это не так.

— Разве кто-то уже исчезал так, как мы? — спросила Миля.

— Разве мы исчезли?

— Хуже, — сказала Миля, собираясь с мыслями. — Мы потеряли детей и самих себя. Хотя — у вас не было детей...

— Откуда вы знаете? Но все равно. Разве мы потеряли себя?

— У нас, — медленно, словно вспоминая, проговорила Миля, — было что-то, ради чего каждый жил. Я жила для сына. У меня его отняли.

— Но вы потеряли не себя, — негромко молвила Инна. — Вы лишились любви и сына — и скорбите. Но это значит, что душа сохранилась в вас, иначе ведь нечему было бы болеть и вы стали бы равнодушны ко всему — и к потерям тоже. Вы утратили многое, и вам кажется, что утратили главное — на деле же это не так.

Она сделала паузу.

— Вспомните хотя бы то небольшое, что вы знаете из истории, которую изучали в школе. Я специально прочитала сейчас несколько записей... Вы возмущены, что у вас что-то отняли. А ведь издавна существовали люди, которые добровольно расставались со всем, о чем вы сожалеете. То, что происходит с нами, бывало и намного раньше. Пусть не в космосе, а на Земле — но встречались люди, которые, поверьте мне, были бы счастливы обрести такую пустыню, в какой оказались мы с вами — и, я уверена, оказались не зря.

Миля наморщила лоб, вспоминая.

— Не пойму...

— Монастыри, скиты, пустыни — это называлось по-разному, но суть одна: жертва преходящим ради вечного. — Инна

вздохнула. — Жертва любовью преходящей — для любви вечной, в которой не бывает обманов, разочарований, потерь. Не скорбь о тех, с кем жизнь разлучает нас, но вера в то, что нам предстоит встреча и счастье с ними, пусть не в этом, но в ином, высшем мире...

— Если бы это была правда... — пробормотала Мила.

— Посмотрите, похожа ли я на человека, потерявшего себя? Хотя оставила позади намного больше друзей, чем вы — разве я жалуясь? Нет! Ибо, покинув наши края, мы все же не ушли из мира, в котором — бог! Мы никуда не можем уйти от него, если сами не хотим. А если мы не уходим, то и он не оставляет нас!

Инна говорила теперь громко, горячо, убежденно.

Она раскинула руки:

— Он не оставляет нас. А все, кто не найдет в себе достаточно разума и веры, чтобы обратиться к нему — о, мы будем свидетелями их печального конца, ибо человек не может жить без любви, а бог и есть любовь!

— Нарев, подите вы ко всем чертям! — сказал физик. — Не хочу я с вами разговаривать, мне и так тошно. И какое мне дело до того, что думает экипаж и чего он не думает? Если они меня заденут, я отвечу, а на остальное мне наплевать.

Он лежал на диване и медленно водил пальцем по узорам ткани.

— Я, в конце концов, забочусь о судьбе каждого, — терпеливо сказал Нарев. — И вашей в том числе. И говорю: они что-то замышляют!

— Интересно... — пробормотал Карачаров. — И в чем же вы усматриваете выход? Перерезать экипажу глотки? А налаживать синтезатор будете вы? Да нет, это все мышьяная возня. Зачем мы занимаемся этой ерундой вместо...

— Вместо чего? — быстро спросил Нарев, и в голосе его прозвучала надежда.

— Не знаю, — пробормотал физик после паузы.

— Ну хорошо, — сказал Нарев и вышел.

— Они обязательно нападут, — сказал он Еремееву. — Нападут, как только мы станем утверждать новый Закон.

— Почему?

— Разве вы не понимаете? Будут бороться за то, чтобы сохранить свой Устав. Я знаю — вы человек решительный.

Еремеев поднял на него тусклый взгляд.

— Ну ладно, пусть попробуют, — сказал он. От него пахло, Нарев только не понял, чем.

Истомину становилось не по себе, когда он вспоминал о разговоре с Милой, но укоренившаяся привычка требовала: как бы ты ни относился к этому — запиши, на досуге подумай, проанализируй: пригодится.

Он поискал взглядом диктограф и не нашел. Потом вспомнил, что недавно одолжил его Петрову, разрабатывавшему Конституцию Кита. Истомин вышел и постучал в каюту Петрова. Ему не ответили, но аппарат был нужен немедленно, и писатель отворил дверь и вошел.

Закрытый диктограф стоял на столе. Истомин ухватил его за ручку, отнес к себе, установил и снял крышку, готовый диктовать.

На валике он увидел кусок пленки, еще не снятый. Петров, по-видимому, не успел доделать очередную статью закона. Истомин аккуратно оторвал исписанный кусок, чтобы потом передать автору. Из любопытства писатель пробежал текст глазами.

Это не было проектом закона. На листке был записан диалог. Не иначе, Петров решил заняться литературой — стоящий на виду и бездействующий диктограф способен спровоцировать человека на самые неожиданные поступки. Диалог из романа? Интересно...

Диктовавший, верно, не был знаком с работой на диктографе, не обозначал знаков препинания и абзацев. На пленке был сплошной текст, но Истомин, повозившись, расчленил текст на фразы, расставил, порой колеблясь, запятые и острыми зигзагами обозначил абзацы.

Диалог, по-видимому, был записан не с самого начала.

— Мне не нравится то, что вы делаете в последнее время.

— Уверяю вас — и мне тоже.

— Тогда какой смысл играть с огнем?

— Это встречный огонь.

— Не понимаю.

— Да, у вас на Анторе мало лесов. На Ливии много. Иногда лес горит. Тогда надо поджечь его в том направлении, куда идет пожар; два пожара встречаются — и съедают друг друга.

— Красивая картина. Но ее смысл...

— Вам не кажется, что предстоит драка?

— В ней не будет виноват никто, кроме вас.

— Возможно. Но сказать это — еще не значит предотвратить ее.

— Я сказал еще не все. Слушайте. Я понял вас.

— На этот раз это могло бы показаться неясным мне. Но успокойтесь: я вас тоже понял.

— Вы — меня?

— Не знаю вашего имени, но полагаю, что в состоянии с уверенностью определить профессию и задачу.

— Вот как... Имя, кстати, настоящее. Как и ваше.

— Приятно разговаривать с хорошо информированным человеком.

— Да, я информирован. Увы!

— Почему — увы?

— Потому что я человек долга. И считаю, что долг следует исполнять в любых условиях.

— Но это и хорошо!

— Вы, видимо, не поняли меня до конца. Выполняя свой долг, я буду вынужден, как только примут наш закон, применить его к вам. Теперь поняли?

— Разумеется! Но об этом я и хотел просить вас.

— Это мне не совсем понятно.

— Вы исполните свой долг...

— Скажу откровенно: мне не хочется этого. Я считаю, что именно вы должны сейчас быть...

— Несмотря на груз прошлого — так, кажется говорят у вас?

— Да, груз вы несете немалый. Никак не могу понять, что побудило вас...

— Вы не поверите: склонность к парадоксам.

— Не понял юмора.

— Какой же это юмор? Совершенно серьезно. Вы никогда не задумывались над тем, что монархия — более прогрессивная форма правления, чем демократия? Не смейтесь, вам придется согласиться со мною. Вспомните историю. Когда государства делали очередной шаг вперед? В периоды, когда

к власти приходили молодые, энергичные, не отягощенные предрассудками монархи. Петр Великий, Генрих Четвертый французский, Елизавета Тюдор... Человек лет в двадцать, а то и раньше, получает абсолютную власть; вместе с ним к руководству приходят и его — пусть неофициальные — советники и соратники из числа сверстников. Они горят желанием что-то сделать — и делают. Я убедил вас?

— Ну... не знаю.

— При демократии к власти приходят люди, как правило, в зрелом — чтобы не сказать пожилom — возрасте. Жизнь научила их быть осторожными, и не столько желать нового, сколько хранить уже достигнутое. Первые активны, вторые инертны. А теперь попробуйте меня опровергнуть.

— Вы и в самом деле так думаете?

— Я же сказал: люблю парадоксы. Но в молодости я и вправду рассуждал именно так. А потом привык.

— И что же?

— Я считал, что из меня мог бы получиться неплохой монарх. А на молодых планетах это не так сложно. К сожалению, ненадолго.

— Теперь понимаю. Но ведь молодость, кажется, позади?

— Увы! Теперь моя очередь сказать — увы! Позади, и именно поэтому я приветствую ваше намерение. Потому что оно дает мне возможность уйти — и одновременно выполнить задачу.

— Какую?

— Загладить свою вину. Драки не будет. Ее никто не хочет, но взрывчатая смесь создана, и все ожидают, когда проскочит искра, и она загремит. И вдруг... оказывается, для вражды нет никаких оснований, напротив, все любят друг друга, все — очень милые люди, а виноват во всем лишь один человек, который и понесет наказание. Какое облегчение почувствуют люди! Какой привлекательной покажется им жизнь! Ведь сейчас, если бы не ожидание драки, мы давно впали бы в летаргию, а она перешла бы в смерть. Теперь они воскреснут: добро стимулирует жизненную активность.

— Надолго ли?

— Не знаю. Но альтернативы нет. Итак, вы согласны?

— Вы меня убедили. Признаюсь, когда я понял, кто вы, я составил себе значительно худшее мнение о вас.

— Когда поняли? Выходит, вы пустились в путь не из-за меня? Для чего же?

— Вы не обидитесь, если я сейчас не скажу этого?

— Это ваше право. Итак, сделайте вот что. Идемте, я покажу вам удобное место и объясню по дороге. Надо...

На этом диалог кончался. Станный диалог. Истомин ощутил беспокойство. Что происходит? Этого он не мог понять. Диалог, конечно, не сочинен. Просто люди разговаривали, а случайно включенный диктограф записал. Во всяком случае, жить не становилось проще, и население «Кита» ожидали, по-видимому, новые неожиданности и разочарования.

Капитан вошел в рубку связи. Было темно, рубку заполняли приглушенные голоса. В воображаемом пространстве за экраном двигались и разговаривали фигуры. Сперва Устюгу показалось, что голоса звучат в пустом помещении. Потом он разглядел Лугового. Втиснувшись в дальний от экрана угол, штурман бормотал и жестикулировал, и его бормотание сливалось с голосами героев фильма. Капитан сначала удивился, потом понял: штурман уже перевоплотился в одного из персонажей картины, говорил его словами и чувствовал его ощущениями. Капитан подошел к Луговому, взял его за плечо и сильно встряхнул. Штурман повел глазами в его сторону, но не прервал своей реплики.

— Штурман! — резко сказал капитан.

Луговой потряс головой и взмахнул рукой; жест относился не к Устюгу, а ко второму персонажу на экране.

— На корабле плохо, штурман! Пассажиры вот-вот бросятся на нас!

— И если ты не извинишься перед нею... — бормотал Луговой.

— Штурман! Встать!

— Нет! Я люблю ее и не позволю тебе...

Капитан нагнулся и нашарил выключатель. Изображение исчезло, последнее слово штурмана повисло в тишине.

В следующий миг Устюг почувствовал, что его приподнимают. Капитан брыкнул ногами, но Луговой был сильнее, и Устюг покорился. Дверь распахнулась Луговой поставил капитана на пол и захлопнул дверь перед самым его носом. В рубке снова заворковали голоса.

Капитан постоял перед дверью.

— Так, — негромко проговорил он. Провел ладонями по тужурке, проверяя, все ли в порядке. И медленно направился в центральный пост.

А Луговой, воровато оглянувшись, переключил аппарат. Уже много дней он бился над составлением программы, чтобы заставить «Сигму» проанализировать странную передачу. Если бы это удалось... А что касается пассажиров — что же, пусть нападают. Луговой сунул руку в карман и с удовольствием нащупал теплую рукоятку флазера. Вытащил его, проверил заряд. Хватит на всех пассажиров, и еще останется.

Мила встала на пути Устюга в самом конце коридора. Ей нечего было делать в палубах управления, и капитан не преминул сказать это.

— Он где-то здесь... — робко улыбаясь, ответила Мила.

— Кто? Нарев? Еремеев?

— Сын, — сказала она. — Знаете, потерялся Юрик. Он где-то тут, я знаю. Мне обязательно надо найти его. Он давно не ел и страшно голоден, ему боязно без меня, он ведь еще очень маленький. Не видели, капитан? Понимаете, днем шумно, но по ночам я слышу, как он ищет меня...

Она с надеждой поглядела на капитана, потом глаза ее потухли, она обошла Устюга и пошла дальше по коридору. Он на миг закрыл глаза и приложил ладонь ко лбу. Лоб был влажен и холоден, и капитан почувствовал, что рука его произвольно начинает дрожать.

Жаль: все кончено, жизнь прошла. Еще так мало прожило, а уже и любовь иссякла, и все остальное идет к концу.

Зоя откинула со лба прядь волос, села, устало положила руки на стол.

Что предпринять? Нарев говорит: живите! Работайте! Разве у вас не осталось ничего, что вам хотелось бы сделать?

Осталось, конечно. Но для кого? Работа не должна быть бессмысленной потерей времени, даже если времени много.

Зоя отперла шкафчик, достала ампулу, подержала ее на ладони.

А может быть, она неправа? Человек, изготавливающий вещь, чаще всего не знает, какая судьба ее постигнет. Наез-

дит ли машина полмиллиона километров, или врежется во что-нибудь уже на другой день? Будет ли съеден кусок хлеба, испеченного из выращенных человеком зерен, или они просыплются по дороге, или кусок этот попадет в объедки? Человек не знает этого; он делает вещи и надеется, что судьба их будет доброй.

Значит, делать свое дело и не думать?

Зоя сама не знала, как это получилось: тонкое горлышко ампулы хрустнуло в ее пальцах. Она торопливо схватила иньектор. Содержимое ампулы перешло в приборчик.

Делать свое дело. Что ж, может быть, проведем ту проверку, которую не удалось поставить на Земле, потому что не оказалось Земли? Попробуем на себе те методы лечения, которые не удалось применить на Стреле-второй, потому что их тогда еще не было.

Зоя приложила иньектор к плечу и нажала кнопку. Дождавшись, пока жидкость проникла под кожу, отложила пустой приборчик.

Посмотрим, чем это кончится. По крайней мере будет интересно жить.

В этот день после обеда Петров, против обыкновения, не уселся в свое кресло. Он вышел из салона, спустился на несколько палуб и зашагал по коридору.

На полдороге встретился штурман. Глядя исподлобья, он посторонился, уступая путь. Петров внимательно посмотрел на него. Штурман молчал, взгляд его был враждебным.

Петров едва заметно улыбнулся, кивнул и прошел дальше. Он чувствовал, что штурман смотрит ему вслед.

Капитан ожидал Петрова там, где они договорились встретиться: на нейтральной территории, возле катерного эллинга.

— Капитан, — сказал Петров без предисловий. — Зреет драка.

— Да.

— Что вы об этом думаете?

Капитан помолчал.

— Пусть начинается скорее, — сказал он затем. — Нет ничего хуже ожидания.

— Вы полагаете?

— Предотвратить ее никто не в состоянии.

— Ошибаетесь, — сказал Петров. — Я могу сделать это. Но понадобится ваша помощь. Могу ли я рассчитывать на нее?

Капитан поглядел на него, борясь с сомнениями.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Что от меня требуется?

— Приходите без оружия. Иначе... у кого-нибудь могут не выдержать нервы.

На этот раз капитан молчал долго. Петров улыбнулся. Он сунул руку в карман и вынул флазер.

— Вот, возьмите.

Капитан удивленно взглянул на него.

— Это мой, — пояснил Петров. — Пусть хранится у вас... до лучших времен. Теперь вы согласны?

— Да, — сказал капитан.

Петров попрощался с ним кивком головы.

Предстояло голосование, но все готовились к бою. И выходя в этот день в салон, люди могли лишь гадать, какими они покинут его и покинут ли вообще. Все понимали, что будут драться, хотя не очень хорошо представляли из-за чего: наверное, просто чтобы доказать самим себе, что они все еще являются хозяевами жизни и ее распорядителями — хозяевами столь рачительными, что могут даже и пожертвовать этой жизнью ни за что.

Люди экипажа заняли один из углов салона. Вера пришла, оставив своего больного, но не присоединилась ни к экипажу, ни к пассажирам — сидела в стороне, словно представляя какое-то третье государство.

Ждали боя, и поэтому то, ради чего все как будто и собрались — принятие закона, — шло гладко, без задержек. Люди вряд ли вслушивались в то, что читал Петров. Они просто поднимали руки; экипаж воздерживался, всем своим видом показывая, что у них был и остается свой закон, над которым никто здесь не властен.

Наконец, последняя статья была принята. Тогда поднялся Нарев и все поняли: сейчас начнется.

— Уважаемые сограждане! — сказал он. — Отныне у нас есть Закон, которым все мы должны руководствоваться в дальнейшей жизни. И, как ни прискорбно, мы уже с первой мину-

ты должны применить некоторые его положения к отдельным представителям нашего человечества...

Капитан бросил взгляд на Петрова. Старик сидел, как ни в чем не бывало. Наверное, не следовало верить ему и приходить без оружия, вернее всего, вообще не надо было приходить. В своих палубах экипаж оставался бы хозяином положения, теперь же их тут возьмут, чего доброго, голыми руками.

— Я обвиняю экипаж бывшего корабля «Кит», — торжественно произнес Нарев, — в пренебрежении своими обязанностями, в результате чего все наше человечество оказалось в безвыходном положении! И я требую...

В этот миг за спиной капитана встал Луговой. Взгляд его был хмур и решителен.

— Нет! — сказал он и вытянул руку. В ней был флазер. Палец штурмана лежал на спусковой кнопке.

Секунду все, оцепенев, глядели на матово отблескивавшее оружие. Нарев перевел взгляд на лицо штурмана и по выражению его глаз понял: сейчас выстрелит. Сейчас! Через секунду, через полсекунды...

Нарев никогда не думал, что храбр; в глубине души он считал себя весьма осторожным, чтобы не сказать больше. И, представляя, что он станет делать перед направленным на него оружием, допускал, что поведет себя не совсем достойно, и поэтому всю жизнь старался избегать таких ситуаций. Но сейчас, к собственному удивлению, он не упал на колени, не закричал и даже не закрыл глаза. Он улыбнулся и, не глядя больше на штурмана, посмотрел на Милу.

— Ну, дорогая... — проговорил он спокойно. — Желаю вам...

Штурман выстрелил. В последний миг капитан ударил штурмана по руке, перехватил оружие. Импульс ушел в потолок. Устюг, тяжело дыша, выворачивал руку штурмана. Луговой сопротивлялся. Флазер выпал. Инженер подобрал его и сунул в карман. Нарев улыбался. Мила глядела на него широко раскрытыми глазами, и щеки ее розовели.

Тогда поднялся Петров.

— Теперь у нас есть закон, — спокойно сказал он. — И именем закона я, инспектор Службы Спокойствия Петров, арестую вас, Нарев, по обвинению в преступлениях, совершенных на планетах Федерации и здесь, в пределах «Кита»!

Я обвиняю вас в неоднократных попытках захвата власти на молодых планетах Федерации и в том, что здесь, на «Ките», вы пытались посеять вражду между различными группами населения, чтобы таким путем захватить власть и скрыть ваши собственные ошибки. Это является преступлением против безопасности нашего мира.

Слова его упали в тишину. Все взгляды были сейчас устремлены на Нарева. Путешественник улыбнулся. Мила смотрела на него, не отрываясь, и в глазах ее были не гнев и презрение, а — неожиданно — жалость и сочувствие.

— Вы правы, инспектор, — сказал Нарев. — Я виноват. Безусловно, те, кто подают надежды, виновны в случае, если надежды не оправдываются. Но надежда все-таки нужна, если даже кому-то приходится жертвовать собой ради нее...

Нёт, конечно же, он говорил все это не Петрову — старик все знал и все понимал. Он говорил это ей одной — и, кажется, не зря.

— Решайте, — сказал Нарев. — Я подчинюсь любому приговору.

— Мы вынуждены жить в замкнутом объеме «Кита», — проговорил Петров. — Может показаться, что это уже само по себе является достаточной карой. Но важно не лишение простора, важно лишение общества себе подобных и всех преимуществ, какие дает жизнь в обществе... Я предлагаю приговорить вас к изгнанию в трюм на срок, достаточный для того, чтобы вы успели обдумать свое прошлое и будущее.

Вопреки процессуальным нормам, он говорил это, обращаясь к Нареву, а не к тем, кому предстояло утвердить приговор. И в голосе Петрова звучали нотки извинения. Никто, однако, не заметил этого — кроме, может быть, Истомина.

Приговор утвердили, но всем было отчего-то неудобно, словно бы они приговорили самих себя. А Истому казалось, что он только что присутствовал на спектакле, разыгранном двумя актерами на глазах у ничего не подозревающей публики.

Но сейчас это не казалось ему важным. Главным было облегчение, с которым вздохнули все, поняв, что никто не кинется в драку, что никто ни в чем не виноват, кроме разве что вереницы случайностей и ошибок, от которых не застра-

хован ни один человек. Больше не нужно было молчать, отводить взгляды и бояться будущего.

Капитан Устюг подошел к Петрову и протянул руку. Инспектор крепко пожал ее. Это стало как бы сигналом к рукопожатиям, улыбкам, словам извинения и приязни.

— Поверьте, я не знал об этом, — сказал Устюг, кивком указывая на Лугового. Петров усмехнулся.

— Как знать — может быть, Нарев благодарен ему за этот выстрел...

Легче стало жить. Надолго ли? Об этом сейчас лучше было не думать. Но, видимо, не случайно Петров, когда все разошлись (немногие по каютам, большинство — в бар), направился в госпитальный отсек. Он поторопился сделать это, видя, что Вера задержалась на миг, занятая разговором с Зоей, и некому загородить перед ним вход.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Просыпаешься иногда с трудом, нехотя переходишь от фантастически неограниченной ни в пространстве, ни во времени свободы сна к тесным пределам реальности. Нечто подобное ощутил Карский, вопреки своим желаниям, возвращаясь, а вернее, входя в неустроенную реальность «Кита» и покидая то трудно определимое пространство, где их было лишь двое, где проблемой становилась мгновенная морщина на ее лбу или недовольное движение бровей или губ, а улыбка означала счастье. Петров говорил, а Карский то слышал его, то не слышал, сосредоточиваясь на борьбе с протестом, поднимавшимся все выше и заливавшим его с головой. Наконец он не выдержал и перебил инспектора:

— Неужели десять человек не могут наладить свою жизнь без того, чтобы в это вмешивался еще кто-то?

— Как? — спросил Петров вместо ответа.

— Хотя бы просто — морально поддерживая друг друга.

— А зачем? Нас волнует — зачем нам жить.

— Потому что мы родились на свет. И мы — люди. И обязаны жить до последней возможности.

— Категория обязанности действует далеко не всегда, — со вздохом молвил Петров.

— Неужели все до такой степени утратили мужество...

— Мужество, — задумчиво повторил Петров. — Это слово лишилось здесь своего первоначального смысла. У нас нет ни мужчин, ни женщин. Так установлено с самого начала. Это, конечно, не главное, однако...

Карский удивленно взглянул на него.

— Не понимаю. О чем вы говорите? Кем установлено?

— Так приказал капитан, — пояснил Петров.

— Ах, вот как... — растерянно проговорил Карский. Он взглянул на Веру, но она не отвела глаз: она стояла, вздернув подбородок, и поза ее выражала твердую уверенность в том, что именно она была права, а не капитан и те, кто подчинился ему. Потом губы ее чуть дрогнули, и Карский угадал слова, беззвучно произнесенные ею. Он кивнул в ответ.

— Я вижу, вы и в самом деле зашли далеко, — сказал он Петрову, — и вовсе не в нужном направлении. Надо вернуть людям самоуважение, веру в себя...

— Это лишь одна из проблем. И вот мы просим вас...

Карский опустил глаза. Приятно читать или слышать о борьбе долга с личными интересами, о борьбе, в которой долгу полагается неукоснительно побеждать. Но когда не у кого-то, а у тебя в душе происходит эта борьба, тебе плохо: кто победит — другой вопрос, но когда война проходит по стране, страна, независимо от результата, лежит в руинах. И сейчас Карский ощущал как гремят в нем беззвучные взрывы, и лихие пожары разлетаются по городам и весям. Но исход этой войны был предрешен, и самым гуманным было — капитулировать сразу, сохраняя жизни своих солдат, которые еще понадобятся в будущем как строители.

Карский встал, с силой потянулся, внушая себе, что все недуги позади, что он здоров, полон сил и энергии. Он заставил себя улыбнуться — не Вере, но Петрову — так, как умел некогда: весело, безмятежно, обаятельно.

— Ничего, — сказал он. — Слишком рано унывать. Погодите немного — и вы увидите, как славно мы тут заживем!

Уверенность покоряет. И Петрову, которому пора было, как и остальным, разувериться во всем на свете, но которому хотелось верить, почудилось вдруг, что и в самом деле начнется какая-то новая жизнь, ясная и нужная, и что все беды остались позади.

* * *

На самом деле Карский вовсе не был убежден в радужном будущем. И чем больше он думал, тем значительнее становились сомнения.

Он остался один. Вера вышла, поняв, что сейчас даже она будет мешать ему. Она теперь знала его лучше, чем, родная мать, и уж, конечно, чем он сам: когда двое днем и ночью рядом, лишь женщине дано видеть сокрытое, и ей вовсе не надо учиться этому.

...Самым легким было — заметить ошибки Нарева. Он продолжал оперировать земными категориями, пытался организовать жизнь человечества Кита так, как она была бы организована на любой из входящих в Федерацию планет. Но как ни крохотен был Кит по сравнению даже с самой незначительной из планет великой Федерации, это был все же иной мир с иным содержанием, и втискивать его в старые формы было невозможно и бессмысленно. Тут была непригодна земная тактика, требовалось разработать новую стратегию, а Нареву это даже не пришло в голову. Он быстро зашел в тупик и завел туда остальных, и сейчас следовало прежде выйти из тупика, а затем искать тот перекресток, где начинался иной путь.

Это пока не очень пугало Карского, потому что он, в отличие от Нарева, был обучен именно стратегическому мышлению. Кроме того, он хорошо знал практику руководства, и в частности, то, что ныне никто не принимал решений самостоятельно: это было бы не под силу и гению. Стратеги с Земли то и дело сталкивались с вопросами, ответить на которые не смог бы даже синклит мудрецов; но, к счастью, их делом давно уже стало — точно сформулировать вопрос, а ответ уж давали могучие электронные устройства Земли: только их невообразимая быстрота могла обеспечить своевременное принятие решений. Нарев, по-видимому, просто не подумал, что сейчас даже в масштабе Кита нельзя было разработать стратегию бытия, полагаясь только на серое вещество своего мозга. Но, по счастью, Кит обладал достаточно мощными устройствами, чьих ресурсов, конечно, не хватило бы для решения даже самого маленького вопроса Земли, но для масштабов корабля было вполне достаточно.

Оставалось лишь сформулировать вопросы и разработать программу.

Придя к этому выводу, администратор направился в центральный пост. Он передвигался, придерживаясь за стенки коридора, осторожно ставя ноги. Впрочем, уже на второй сотне шагов он почувствовал себя куда увереннее.

— Нужна программа, капитан. И ваш компьютер.

— Он почти не загружен. Только нужды синтеза — для него это немного, сами понимаете.

— Программа будет сложной.

— Штурман Луговой — неплохой программист.

— Предстоит оценить и зашифровать все детали нашего положения. Когда машина даст свое суждение, мы сможем с большей уверенностью судить о том, как нам жить.

После паузы капитан проговорил:

— «Сигма» есть на любом корабле. Но командует все-таки не она, а капитан. Вы хотите сделать наоборот?

Карский улыбнулся.

— Но капитаны давно уже, если не ошибаюсь, не рассчитывают карандашом на бумаге, в каком режиме должны работать устройства.

— Вы правы.

— Тогда не будем терять времени.

Пусть занимаются, чем хотят. Они упорно не замечают главного; но оно есть и однажды откроется людям.

Инна постучалась в рубку связи. Помедлив, стукнула еще раз. Луговой сердито распахнул дверь. Увидев Перлинскую, он проворчал что-то, более вежливое, чем собирался. Даже отступил, позволяя ей войти, взял за руку и подвел к чему-то, на чем можно было сидеть: после яркого коридора актриса не видела в рубке ничего, кроме светящегося экрана.

Луговой усадил ее и почти забыл о ее присутствии: повернулся к экрану и словно утонул в нем. Инна вежливо подождала, потом кашлянула.

— Простите, я вам мешаю. Но мне непременно нужно знать...

— Да?

— Вы много времени проводите у экрана?

— Угу. Вы тоже хотите? Славное занятие. Лучшее в жизни.

— Скажите... Вам никогда не приходилось видеть на экране что-то другое? Не фильм, не запись... Что-то, что исходит не от нас...

Такого эффекта она не ожидала. Луговой резко повернулся. Несколько секунд вглядывался в нее. Она услышала тяжелое дыхание.

— Откуда вы знаете?

— Значит, что-то такое было? Правда? Расскажите! — Она крепко схватила его за руку. — Это очень, очень важно!..

Он отвернулся, чтобы Инна не заметила растерянности в его глазах. Взглянул на экран. Действие фильма шло своим чередом. Герои, наконец, остались вдвоем. Он подошел к ней, нежно взял за руку...

Луговой всмотрелся. Не в него. В женщину. Она была молода и прекрасна. Других в фильмах не бывает. Но что-то почудилось в ней Луговому... Пальцы Инны крепко сжали его запястье. Она слабо охнула. Луговой повернулся. Теперь уже ее лицо, освещенное экраном, выдавало растерянность.

— Слушайте, это же вы! — сказал он.

— Да... Я помню... Это моя картина...

— Это вы! — повторил он.

Луговой был потрясен. Когда видишь женщину — по твоим представлениям — в годах, то сразу определяешь свое к ней отношение, и больше об этом не думаешь. Но вот сейчас он увидел Инну такой, какой она была раньше; на экране она была, пожалуй, даже моложе, чем он. И вдруг невозможно стало думать о ней по-старому: теперь сквозь ее сегодняшние, знакомые черты все время будут проступать эти, прежние, и ведь не так уж велика разница...

На экране рука мужчины обняла ее за плечи, и Луговой ощутил ревность... Ее губы были горячи. Она отстранилась не сразу.

— О, вы... — сказала она тоже другим голосом, — а она уже считала, что забыла, разучилась говорить так. — Вы, дерзкий мальчик...

У него голова пошла кругом от этого голоса. Но дверь рубки отворилась. На пороге стоял капитан.

— Извините, — сухо сказал он.

Перлинская совсем по-девчоночьи ахнула, бросилась к двери — Устюг едва успел посторониться. Луговой хмуро взглянул на капитана.

— Надо поработать, штурман, — сказал Устюг после того, как они, обменявшись взглядами, молчаливо согласились не касаться только что происшедшего. — Рассчитать программу.

— Зачем?

Капитан подумал.

— Чтобы знать, как жить.

— Все это глупости, капитан. Машины не научат нас жить. Никто не научит, кроме нас самих.

— Может быть. Но это не причина для отказа.

— Люди жили и бывали счастливы и тогда, когда таких машин не было на свете. И раз что-то не клеится, значит, дело в самих людях, а не в технике.

— Может быть и так. Но может быть, людям нужно, чтобы машины заставили их жить по-своему? Начав изобретать машины, люди уже не могут жить без них.

— Ладно, — сказал штурман, с сожалением взглянув на экран. Ему очень хотелось досмотреть, чем кончится история с той женщиной, что несколько минут назад сидела рядом с ним.

Кто придумал, что жизнь плоха? Кому могла прийти в голову такая идиотская, нелепая, ни с чем не сообразная мысль?

Жизнь чудесна! И никогда, никогда не была иной! Все, что совершалось вокруг, служило поводом и основанием для счастья.

Каюта. Какая чудесная каюта, думала Зоя, счастливыми глазами обводя свое жилье. Как она разумно, удобно и красиво устроена! Жить в такой каюте — уже само по себе счастье.

Диван. Какой прелестный, мягкий, широкий, обаятельный, всякий! Лежать на нем — мечта! Сидеть — сказка! Взобраться на него и прыгать — наслаждение! Можно еще кувыркаться, перекатываться с боку на бок. Все можно. И все ведет к счастью.

Туфли. Какие удобные, какие красивые, какие прочные, какие, какие...

Люди. Великолепные, кристальные, лучезарные...

Нет, чудо, а не жизнь! Она так хороша, так неповторимо великолепна, что не хочется (и не нужно, и даже нельзя) делать что бы то ни было, чтобы не испортить обаяние этой жизни. Даже есть не хочется, хотя еда тоже неподражаемо прекрасна, вкусна, нежна, да, да, да!..

Зоя лежала на диване, закрыв глаза, счастливо улыбаясь. Временами ощущение счастья заставляло ее смеяться громко и задорно и даже повизгивать от радости.

Она смеялась, а где-то на задворках сознания врач Серова констатировала: да, болезнь, поразившая Стрелу-вторую, развивается в полном соответствии с наблюдавшейся там клинической картиной. Болезнь, приведшая к ликвидации колонии. Некоторая гипертрофия центра удовольствий в головном мозгу, постоянно раздражаемого вирусом. Люди счастливы. Счастливы каждый в одиночку, каждый счастлив самим собой. Они ничего не хотят делать и не делают — ведь они счастливы и без того! Они умирают. Умирают от истощения. Умирают счастливыми, и сама смерть, наверное, кажется им прелестной и немного смешной. Доктор Серова видела, как люди умирали, смеясь...

Через два дня после заражения Зоя ввела себе комбинацию препаратов, найденную ею, но еще почти не испытанную, и уж на людях — вовсе нет. Наверное, в чем-то она ошиблась: комбинация на нее не подействовала. И вот болезнь набирала силу.

И чудесно! — думала Зоя, заставляя врача умолкнуть, ступешаться, исчезнуть. Люди всю жизнь гонятся за счастьем. Но вот оно! И никакая погоня не нужна.

Но почему я одна? — подумала Зоя вдруг. — А другие? Неужели они не заслуживают счастья? Страдали все одинаково!

Наверное, врач уже умер в ней, умер раньше, чем человек: доктор Серова никогда не позволила бы себе сделать подобное. А сейчас Зоя, захватив ампулы, вышла в салон. Распылитель был с нею. Она огляделась: никого не было. Смеясь, включила аппарат. Облако тумана повисло, и через минуту рассеялось. Этого достаточно для того, чтобы все были счастливы — и никакая погоня не нужна. Четыре дня — инкубационный период, а потом начнется золотой век.

* * *

Теперь они меньше бывали вместе, но говорили, как ни странно, больше, чем до сих пор.

— Не могу понять: как ты полюбила меня?

Вера улыбнулась.

— Сперва было просто интересно: что это за человек, который должен править всеми планетами? А потом — ты знаешь.

— Да, — сказал Карский, хмурясь. — Одного не могу понять: неужели мы с тобой — исключение? Отклонение от нормы? Я ведь объявил всем: запрет снят, у нас есть место для любых человеческих чувств...

— Ты поступил прекрасно.

— Но разве что-нибудь изменилось?

Вера подумала.

— Кажется, нет...

— Мне кажется порой, что люди разучились любить. Отвыкли. Или это перегорело в них. Знаешь, когда какие-то чувства или мысли долгое время находятся под запретом, их потом нелегко восстановить, потому что запрет проникает в подсознание. — Он улыбнулся. — И ты мне кажешься чудом среди них... Но теперь... я начинаю думать, что мы не должны — раз они не хотят... Ты не любишь меня из-за этого?

— Все равно, — сказала Вера. — Спасибо тебе за то, что было. Я понимаю: ты иначе не можешь. А потом они очнутся.

— Я надеюсь.

— Когда придет время — позови...

— Я зову тебя непрерывно, только не могу произнести вслух. И ты не должна слышать...

— Я все равно слышу. Но не приду, пока ты не скажешь громко.

Держась за руки, они стояли в каюте администратора. Тут все осталось так, как в день прибытия на Землю, даже чашка из-под кофе стояла на столике, плотно прихваченная магнитным держателем. Карский кивнул и сказал:

— Если даже никогда больше... Все равно, пока я знаю, что ты есть...

Вера улыбнулась.

— Кто бы мог подумать, что член Совета Федерации способен на такое?

— Да. Наверное, там, на планетах, я слишком много думал об управлении и мало — о жизни. Любовь я прозевал.

— Нет, — Вера коснулась его волос. — Ты нашел ее вовремя.

— Наверное, ради этого стоило даже потерять Землю. Знаешь, я не жалею.

— И я, — кивнула она.

Они постояли молча. Потом он спохватился.

— Пойдем. Мне пора.

— Иди, — сказала Вера. — Я приберу тут, у тебя. Считаю, что я тебя поцеловала.

— Не улыбайся другим, — серьезно попросил он.

— Буду, — сказала она. — Не могу иначе. Но ты знай, что каждая улыбка все равно будет для тебя.

— Дайте сигарету, инспектор, — сказал Карский. — Если не жалко.

— Конечно, жалко, — ворчливо молвил Петров. — Мне их сюда не доставляют.

Он вытащил сигарету и протянул Карскому.

— Спасибо.

Инспектор секунду глядел на него.

— Когда приговор? — спросил он. — Сегодня?

— Сейчас, — сказал администратор, не удивившись слову.

Программа была составлена и введена. Все получило оценку в числах: мысли, чувства, потребности. Машина работала с утра, и примерно через полчаса результат должен был появиться на широкой ленте печатающего устройства.

— Да, — повторил администратор, энергично и неумело раскуривая сигарету. — Сейчас.

Он чувствовал, как дрожат руки, и старался унять дрожь.

— Не бойтесь, — посоветовал инспектор. — Чуть раньше, чуть позже — конец, один.

— Слишком мрачно, — пробормотал администратор, пытаясь улыбнуться. — Почему?

— Да вот, — пояснил инспектор, — сигареты кончаются.

— А-а, — протянул Карский и вышел.

Сигареты кончаются, подумал инспектор. И еще — нечего делать. Пока была работа, все шло хорошо. Администратор Карский, для охраны и сопровождения которого был послан инспектор Петров, вступил наконец в должность. Правда, не на Земле — но это от Петрова не зависело, все, что мог, он сделал. Заодно был изолирован Нарев. И хотя Петров испытывал к нему симпатию, он чувствовал удовлетворение от того, что Службе Спокойствия не пришлось бы краснеть за своего представителя в этом мире.

Работа кончилась. Законы тоже были созданы, Что оставалось? Думать о себе? О жене? О смерти, которой не избежать?

Петров чувствовал, как жизнь ускользает от него. Он принадлежал к тем, может, счастливым, а может — и несчастным людям, чьи потребности невелики, кто быстро добивается для себя того, чего хочет, и в дальнейшем думает уже не о своих интересах, но об интересах тех людей, с которыми или ради которых работает. В работе Петрова интересовали не те перспективы, которые она открывала для него, а само ее течение, процесс: так играют порой не ради выигрыша — ради игры. Теперь, закончив свои дела, он почувствовал вдруг, как исчезает опора в жизни — последняя опора, потому что предпоследней он лишился еще раньше; предпоследней была жена, которая сейчас наверняка была уже не его женой, а еще чьей-то, и думать об этом Петрову было тяжело.

Легче, чем другие, он встречал мысль о смерти. Он был здесь старшим по возрасту, и казалось естественным, что и умрет он раньше остальных. Но он знал, что никогда не сможет сам прервать свою жизнь: не такова была его мораль.

Но вот сигареты кончались. Это тоже было плохо. Все было плохо, куда ни повернись.

— Капитан, — сказал администратор устало. — Бывают ли чудеса?

— Для такого разговора, — осторожно ответил Устюг, — надо сначала установить, что такое чудо.

— Сейчас — это то, что поможет нам выжить. Остаться людьми. Обществом. Вот я отменил ваш запрет. Но безрезультатно. Чуда не произошло. Вот и с вами. А ведь вы...

Капитан сухо кашлянул. Для себя он запрета не отменял.

— Полагаю, обсуждать этот вопрос мы не станем.

— Извините. Но все равно. Цель бытия. Где она? Мы заброшены сюда. Значит ли это, что мы опередили Землю? Или отстали? Где, по отношению к земным целям, искать нашу: в прошлом или будущем? Она не может повторять что-то, достигавшееся на Земле: тут иная жизнь. Но нельзя и полностью отказываться от земного опыта. Что же мы должны найти?

Они сидели в центральном посту, где больше никого не было и можно было говорить откровенно.

— Не знаю, — сказал капитан. — Но я привык достигать цели, работая с сильными людьми. А тут...

— Не бывает слабых и сильных. Такими людей делает отсутствие цели — или ее наличие, масштаб, степень преданности ей... Как раз то, чего у нас нет. Что в наших силах? Вот и приходится думать о чуде.

— Чудо... — пробормотал капитан. — Это, например, когда вам грозит верная гибель, но вы все же спасаетесь.

— Физическая гибель? Здесь это, кажется, единственное, что нам не грозит.

— Ну, не знаю, — протянул капитан. — Корабль — мир равновесия. Стоит выйти из строя жизненно важному узлу или, допустим, корпус разгерметизируется...

— При столь мощных синтезаторах надо ли бояться повреждений?

— Синтезаторы временами приходится останавливать для профилактики. Одна половина стоит, другая занята изготовлением деталей для нее. Конечно, повреждения могут быть разной степени. Вот, например, у нас слаба обшивка в носовой части... Знаете, я иногда думаю: какое-нибудь происшествие встряхнуло бы всех нас, как следует.

В дверь заглянул инженер Рудик.

— Капитан, — сказал он. — Машина готова дать ответ.

— Гм, — промычал администратор. — Встряхнуть, говорите?

Они вышли в соседнее помещение, и администратор поспешно склонился над широкой лентой, ползущей из щели. Выводы, сделанные машиной, запечатлелись там, уже переведенные на язык людей.

Карский прочитал.

Ответ был отрицательным. Общество — крохотное, замкнутое человечество Кита — обречено.

Машина вынесла приговор: в этих условиях людям следует умереть.

Каким великолепным было государство! Подобного не найти в мировой истории. Недаром Нарев всю жизнь стремился к власти: чувствовал, знал, что может организовать все так, как никто другой. Территория, правда, была невелика, но если разобраться — так ли велика была Спарта и другие греческие города? Не благодаря обширности остались они в истории, но потому, что обладали четкой организацией. А большей четкости, чем сейчас у Нарева, не существовало нигде.

Ему не сразу пришло в голову, что можно заняться этим. Изгнанный, он сначала все ждал, что придет Мила. Тогда она почти пообещала это — взглядом. Но дни шли, Милы не было, и Нарев от скуки занялся государственными проектами, а потом увлекся.

Сейчас путешественник комплектовал Тайный совет. Он должен был состоять из двенадцати человек, и десять были уже в порядке. Армия уже готова; Нарев сделал ее в первую очередь, и в седьмом, соседнем трюме царил теперь настоящий воинский порядок. Для душевного отдыха Нарев часто уходил туда: легче дышалось в мире четких команд и заранее предписанных действий. Наверное, он слишком поздно родился, вот беда.

И сейчас он отложил тестер, которым исследовал цепи одиннадцатого члена совета, и с наслаждением разогнулся. Флигель-адъютант стоял на шаг в стороне, готовый к услугам. Нарев улыбнулся и даже подмигнул ему — на это адъютант никак не реагировал. Потом Нарев взглянул на робота. Конечно, по-настоящему их здесь не восстановить. Рефлексы никуда не годятся. Но, в конце концов, не Тайному совету властвовать в государстве! Продуманная Наревым система потому и была великолепной, что могла действовать безотказно независимо от качеств каждого отдельного робота. Даже больше — они должны были периодически заменять друг друга на своих постах.

Он долго ломал голову над тем, в чем будут заключаться задача и смысл создаваемого им государства. Роботы не должны были производить материальные ценности, хотя одной из первых мыслей, возникших у Нарева, и была идея бесконечного замкнутого производственного цикла, когда одна половина населения разбирала бы то, что монтировала другая, и снова пускала бы детали в оборот. Комбинация, не лишенная изящества, но Нареву она казалась очень уж примитивной.

Все же Нарев нашел выход: нет необходимости производить реальную продукцию, если есть возможность ограничиться ее символами — цифрами и графиками. Ведь, в конце концов, любой правящий аппарат всегда видит и оценивает продукцию лишь в такой форме. Для того чтобы в производстве цифр и графиков оказалось занятым все население, процесс пришлось расчленить на несколько ступеней. Большая часть населения выполняла простейшую работу, затем передавала свои данные выше, там производились первое обобщение и коррекция, на следующей ступени — округление, а еще выше документы приобретали наконец свой окончательный вид. Чтобы уподобить жизнь этого общества человеческой, Нарев решил ввести — ограниченный, разумеется — фактор непредсказуемости: кое-как восстановленная им небольшая вычислительная машина раз в сутки выдавала одно или два случайных числа, и из шестидесяти роботов выбывали из производства на указанный день те, кто носил эти номера, после чего оставшимся приходилось менять свое доведение, чтобы сводки и графики поступали бесперебойно и отражали воображаемую действительность. Таким образом и достигались те незначительные колебания стабильности, которые, по представлениям Нарева, были свойственны даже и идеальному государству.

Да, вот что получилось из футболистов Еремеева, но эта игра была, конечно, куда интереснее — вроде шахмат, которые, как ни странно, на «Ките» не привились, потому что, для этой игры нужен душевный покой, которого как раз тут и не хватало...

Нарев медленно вошел во второй трюм. Адъютант следовал за ним, как привязанный, и не успели они войти, как робот из-за плеча своего принципала подал команду.

Сначала Нарев вовсе не думал создавать армию. На территорию его государства никто не посягал, расширять ее не требовалось, так что вооруженные силы вроде бы и не были нужны. Но потом ему пришло в голову, что без армии он идеального государства не создаст.

Для того, чтобы государство стало идеальным, надо было заставить его совершенствоваться, а для этого — организовать конкуренцию. Значит, нужны были два государства, а не одно, а существование двух государств делало возможным вооруженные столкновения. Второе государство Нарев решил создать по другой схеме, это делало войну почти неизбежной. И хотя, воевать Нарев собирался тоже на бумаге, армии должны были быть реальными, иначе пропадал всякий смысл.

Вначале Нарев полагал утвердить себя правителем первой страны. Но тогда вторая выходила из-под его контроля, а на это он не был согласен. Выход из положения нашелся быстро: он не будет управлять ни тем, ни другим государством, но объявит себя богом и запрограммирует роботов на поклонение себе. Для этого предстояло написать что-то, похожее на старинные евангелие или коран — попроще, конечно, на уровне интеллекта роботов, — и предусмотреть в нем, что живой бог со временем уйдет, исчезнет, но не перестанет быть богом и оказывать влияние на жизнь народов и стран. Так изящно Нарев резервировал себе бессмертие. Бессмертие, безусловно, стоящая вещь, так что, придумав это, Нарев понял, что придумал хорошо.

Он повернулся и отдал команду адъютанту, тот в свою очередь прокричал ее, выстроившиеся роботы прогремели приветствие. Нарев улыбнулся и приказал начать церемониальный марш. Роботы пересекали трюм из конца в конец, ступали они в ногу, пол и переборки трюма ощутимо вибрировали, и это было здорово, действительно по-военному. Адъютант подставил руки, Нарев уселся в них, точно в кресло, и адъютант поднял его, так что бог роботов вознесся над ними — слегка стукнувшись, правда, при этом макушкой о невысокий потолок. Это его не смутило, он прокричал приветствие, и роботы ответили, по-прежнему топая. Теперь они выполняли строевые упражнения, рассчитывались, перестраивались в колонну по одному, по три,

поворачивались, строились в одну и две шеренги. Нарев обратился к ним с кратким словом: так было положено, и он всю жизнь мечтал о том, как будет обращаться к войскам. Содержание его речи вряд ли дошло до роботов, чья электроника была основательно поношена, да и вообще они с трудом усваивали отвлеченные понятия. Нарев мельком подумал, что и сам стал говорить, как роботы — отрывисто, по два-три слова в предложении, хрипло и монотонно. Современные земные механизмы были куда совершеннее, а эти были использованы на Анторе до последнего. Но выбрать было не из чего.

Имелся у них и еще один недостаток: роботы не делились по признаку пола, а без женщин, без мыслей о них нельзя было себе представить нормальную военную психику... Но, вспомнив о женщинах, Нарев тут же вспомнил и о Миле, и это опять надолго испортило ему настроение — настолько, что он всерьез подумал о вооруженной экспедиции роботов с целью похищения молодой женщины. Бред, конечно — но что взять с изгнанника.

Итак приговор был вынесен. Но Карский не хотел с ним согласиться и хотел заставить компьютер рассмотреть задачу заново, с учетом новых обстоятельств.

Обстоятельства следовало еще найти. Администратор общался с информаторией и тщательно изучил все записи, которые могли ему в чем-то помочь. Там было много полезных и правильных вещей, но применить их к условиям «Кита» было невозможно: все, сказанное там, относилось к обществу открытому, прогрессирующему. Прогресс, борьба, развитие были неперемненными условиями существования.

А в каком направлении могли развиваться и прогрессировать они, запертые в тесном объеме корабля, не имеющие никаких перспектив на дальнейшее развитие интересов и возможностей? Ведь не может быть, чтобы развитие прекращалось, как только люди получали возможность есть досыта!

Администратор снова направился к капитану.

— Хочу ввести в компьютер ограничение: смерть людей исключается. Вы поможете?

Они склонились над длинными, гибкими полосами программы.

— Ей придется поломать голову, — сказал капитан, кивнув в сторону «Сигмы».

— Если бы только ей. Давайте, начнем.

Они проверили программу и ввели ее. Оставалось ждать.

— Чашку кофе? — предложил капитан.

— С удовольствием.

Они пили молча. Индикаторы вычислителя торопливо мигали, словно стараясь обогнать друг друга.

— Вы действительно надеетесь на этот ответ? — спросил Устюг, когда в чашке показалось дно. Карский пожал плечами.

— Не знаю.

— А если машина решит, что мы должны, скажем, выброситься за борт?

— Вы хотите знать, насколько я ей доверяю? Но что еще можно предпринять? У кого просить совета?

— Наш писатель как-то сказал мне, что мы ошибались, принимая количество информации за признак прогресса мысли: знать и думать — не одно и то же. Он сказал, что в античном мире объектов для размышлений было меньше, зато над каждым можно было думать долго, оттачивая мысль до предела, уходя вглубь. Нас губит торопливость, говорил он.

— В таком случае, — сказал Карский, — почему мы так плохо думаем сейчас, когда торопиться некуда?

— Мы спешим, потому что чувствуем, что живем ненормально.

— Да, — пробормотал администратор. — Голодные. Не белковое, не углеводное — целевое голодание. Или...

Он умолк: застрекотало пишущее устройство «Сигмы». Оба склонились над лентой.

— Так, — сказал капитан. — Что же мы должны делать?

— Тут ясно сказано: ничего.

Устюг фыркнул, Карский взглянул на него. Глаза администратора блеснули.

— Погодите! — сказал он. — А и в самом деле. Почему мы обязательно должны что-то делать?

Услышав эти странные слова, капитан не удивился.

— И в самом деле, почему?

Никто из них не знал, что истекли четыре дня инкубационного периода. Болезни обходятся без доклада, они скромны и любят преподносить сюрпризы.

Карский говорил горячо, убеждающе:

— Вспомним: когда — не так уж давно — мы взошли на борт «Кита», нам не казалось, что мы испытываем какие-то неудобства. Условия с тех пор не изменились, изменились мы сами. Но в наших силах — контролировать себя, и мы можем внушить себе, что жизнь здесь дает нам все, что мы хотим от нее получить.

Начнем с нашего мира, с корабля. Это великолепный, чудесный, прямо-таки волшебный корабль, словно созданный для того, чтобы обитающие в нем люди были счастливы...

...Он говорил, и люди слушали его, блестя глазами, а мимика и жесты свидетельствовали о том, что каждое слово администратора падает на благодатную почву. Доктор Серова улыбалась и аплодировала вместе со всеми, и капитан Устюг тоже; они сидели не рядом, и взгляды их не искали друг друга, но они оставляли впечатление счастливых людей. Зоя не думала больше об Устюге, как и он о ней: счастье было в каждом из них, и чем менее открывался каждый для восприятия внешнего мира с его раздражителями, тем он был счастливее, и тем прекраснее казалась жизнь.

Золотой век, думал Истомин в своей каюте, чувствуя, как слезы счастья навертываются на глаза. Это даже не Эллада! Это... это нельзя выразить словами. Может быть, музыкой. Игрой красок. Или просто слезами.

Счастье всегда было где-то рядом, люди только не умели достичь его — и вот оно само упало на ладонь, как зрелый плод, стремящийся поскорее донести до Земли свои семена. Кто решил, что для счастья, хотя бы для мгновенного, надо писать книги? Это лишь мешает, это несовместимо со счастьем, потому что, работая, никогда не достигаешь идеала: реальный продукт всегда хуже того, что хотелось сделать. Нет, не надо книг.

Он сам не заметил, как стал делать это: рукопись таяла, лист за листом исчезал в зеве утилизатора. Он комкал листки, швырял и смеялся взахлеб, когда видел, как они, подхваченные струей воздуха ускоряли свое падение и исчезали из

виду — и при этом еще загоралась лампочка. Жаль, что рукопись не была потолще — никогда раньше не играл он в такую веселую игру...

Карачаров бродил по кухне, беспричинный, мальчишеский смех разбирал его. Он подошел к пульта синтезатора и наугад нажал несколько клавиш. Синтезатор принял заказ. Интересно, что получится? Жидкость, порошок? Газ, может быть? Трудно было придумать времяпрепровождение интереснее!

Это оказался порошок; он высыпался из патрубка и горкой лег на панели. Невыразимо смешно! Физик сунул палец в порошок, облизал, давясь от хохота. Порошок не сладкий, не горький, не соленый — никакой. А что получится в следующий раз? Он стал нажимать клавиши, закрыв глаза — так было еще лучше.

Нажал много; получилась жидкость. Подставить стакан Карачаров не догадался, но успел намочить палец; жидкость все лилась, наверное, он заказал большую дозу. Негустая, липкая солоноватая. Красного цвета. Кровь? — подумал он, и это показалось ему жутко смешным: подумать только, кровь хлещет из синтезатора, синтезатор разбил себе нос, что за великолепная машина — с разбитым носом, просто лопнуть можно от хохота!

Все на корабле перепуталось. Капитан выходил из сада, когда Зоя вошла туда из дверей, что вели в служебные помещения. Они остановились и обменялись сияющими улыбками. Им было приятно видеть друг друга, оба они были прекрасные люди и не мешали друг другу жить, ощущать счастье, и не нужны были один другому, чтобы чувствовать это счастье. Они не потеряли памяти и все прекрасно помнили, но так давно это было, так мелко, так незначительно! Они постояли, улыбаясь, несколько мгновений — и разошлись, так и не сказав ни слова, даже не подумав, что тут для чего-то могли понадобиться слова.

Карский бродил по кораблю. Ему нравилось сидеть в обсерватории: там было пусто, и можно было без помех

размышлять и радоваться счастливой ясности своего мышления.

Как здорово, думал Карский, ведь только и нужно было — сказать людям несколько слов, и они поняли — и какая жизнь началась! А какие чудесные слова мне удалось найти! Исполненные глубочайшего смысла! Ничего не надо делать — вот она, сияющая, ослепительная, великая истина!

Он подумал, что неплохо было бы поделиться своей победой с Верой. Но тут же отбросил эту мысль: зачем? Ни с кем не хотелось разговаривать.

Он нашел ход в носовой отсек. Тут ему понравилось еще больше. Он сидел, размышляя или просто радуясь бытию, и ему казалось, что он слышит, как корабль с легким свистом протискивается сквозь пустоту.

Потом он принялся разгуливать по отсеку и заметил, что борта, откликаясь на его шаги, резонируют иначе, чем в других отсеках. Он постучал в борт. Звук был жестяной, дребезжащий. Звук ему чем-то понравился.

С тех пор администратор стал часто сюда заходить. На корабле все было в наилучшем порядке, люди были счастливы — о чем еще может мечтать руководитель? Он сидел; иногда ему казалось, что за бортом что-то шуршит, пытаясь проникнуть внутрь. Карский улыбался: неудивительно было бы и это — кому не захочется попасть в такой счастливый мир?

Мила сама не заметила, как это произошло; просто однажды вечером, сидя, как обычно, в своей каюте она вдруг, повинуясь внезапному и неодолимому желанию, опустилась на ковер и стала ползать по нему на четвереньках, толкая левой рукой коробочку с гримом, точно это была игрушка, а сама она внезапно превратилась в ребенка и играет на полу. Это не было раздвоением личности: от нее просто ничего не осталось, был только мальчик Юра, возившийся на ковре в своем мире, где каждая вещь была десятью другими, становилась чем угодно — только захотеть. Юра жужжал и трещал, подражая моторам, потом это как-то сразу перестало интересоваться его, и он, сопя и ушибаясь, забрался под стол и злобно зарычал. Теперь он был тигром из книжки, которую ему прочитали только вчера. Он рычал, потому что взрослые были кругом, да и обстановка комнаты вовсе не напоминала

каюту «Кита». Взрослые глядели на него и улыбались, и что-то говорили — «Не ушиби головку» и другое, — а он рычал в ответ и грозил, что бросится, прыгнет, укусит — взрослые пугались... Потом это тоже как-то сразу кончилось: женщина поднялась с пола, удивленно оглядела ладони, провела ими по коленям — колени ныли; затем она села на диван и долго сидела, притихшая. Юре уже читают книжки; когда она улетала, он был еще слишком мал для этого. Значит, не воспоминания вдруг одержали верх над ней, а что-то другое, она и в самом деле была Юрой эти несколько минут. Она твердо знала это и знала, что никому не расскажет о случившемся: для нее не было секретом, что ее считают больной, хотя она просто легко подчиняется мгновенным мыслям и желаниям. Она промолчит; и, может быть, ей еще когда-нибудь удастся побыть Юрой, и она будет знать, что он жив и здоров. А о ней, о матери, он не вспомнил ни разу, пока она была им; дети быстро забывают — наверное, так нужно для счастья.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Итак, счастливый мир Кита стал похож на бильярдный стол, на котором полтора десятка шаров не составляют одного целого, но, столкнувшись, разбегаются в разные стороны и продолжают существовать сами по себе. И когда завывали сирены и вспыхнули табло, одни люди спали, другие лениво, через силу, жевали что-то, третьи грезили наяву, не замечая, как уходят часы. Вой сирен заставил каждого прислушаться, но не нарушил настроения, а показался даже приятным и вызывающим веселье — как и все вообще в мире. А между тем сигналы эти оповещали о беде, которая грозила людям гибелью.

Капитан Устюг пришел в себя первым. Он почувствовал, что ему не хватает воздуха. Грудь поднималась чаще, но все труднее становилось вздохнуть досыта. Мысль о беде боролась в сознании капитана с настроением покоя и веселья, которое было привычным и единственно возможным в последние дни; борьба была трудной, и неизвестно, что одержало бы в ней верх, если бы в каюту, где капитан в это время

танцевал, стараясь попадать в такт то нарастающему, то падающему вою сирен, не ворвался инженер Рудик.

— Капитан! Капитан, авария! Разгерметизация! Это гибель, капитан! Проснись! Надо поднять людей...

Устюг сделал два мягких шага вперед, один в сторону.

— Мало воздуха... — пробормотал он. — Смех, да и только. Пусть синтезаторы увеличат...

— Синтезаторы на профилактике — забыл? Мы гибнем, капитан...

Устюг остановился, и стоял с минуту, закрыв глаза и покачиваясь, готовый то ли продолжить танец, то ли упасть на пол и уснуть; краски ежесекундно менялись на его лице, рот кривился в гримасе. Потом он открыл глаза, прикоснулся ладонью ко лбу.

— Черт, как болит... Идем, вытряхнем всех из кают. Что, говоришь, случилось?

— Разгерметизация...

— А, черт. Я не о том. С нами что случилось?

Они вышвыривали людей из кают, все равно — одетых или в пижамах и халатах. Они были грубы, капитан и инженер. Это дошло наконец до сознания остальных — помогла боль — и вызвало недоумение — тревогу — страх. Рев сирен теперь казался ужасным. Каждый видел страх в глазах остальных и пугался еще больше. Это было еще не сознание, но смутное, инстинктивное ощущение опасности.

Наконец все были собраны в салоне, и капитан обвел их взглядом. Страшно болела голова. Словно после безудержного, многодневного разгула.

— Внимание! — крикнул он. Именно крикнул, боясь, что нормальный голос не дойдет до сознания остальных. — Тревога! Корабль терпит бедствие! Экипаж своими силами справиться не может! Объявляю аврал!

Кажется, люди что-то поняли, а может быть, страх, вызванный заметным уже и здесь недостатком воздуха, заставил их следить если не за смыслом слов, то за тревожной интонацией.

Карский, хватая воздух разинутым ртом, пробормотал, яростно массируя затылок:

— Ничего не понимаю... Все равно. Мы готовы. Распоряжайтесь нами, капитан!

— Вы, администратор, и женщины — к синтезаторам, будете выполнять распоряжения штурмана: надо пустить хоть одну секцию. Мужчины — в распоряжение инженера, в обсерваторию. Я тоже буду там. Быстрее!

Капитан покинул салон последним. Сирены теперь молчали, инженер выключил их; табло продолжали мигать.

Устюг ощутил слабый ветерок. Воздух медленно тек к двери. Когда капитан приблизился к лифту, ветерок усилился: значит, заблокировать поврежденный отсек инженеру не удалось. Это было плохо.

Лишь через час, когда люди начали уже задыхаться от недостатка воздуха, непрерывно утекавшего в пространство, удалось пустить три выхода синтезатора. Возле первого стоял Луговой, у второго — Карский, около третьего работала Вера — третий выход сразу же был поставлен на производство воздуха, два первых изготавливали материалы для ремонта. Мила и Инна относили пухлые, теплые листы пластика, а когда Луговой получал тяжелую металлическую пластинку, к ним присоединялась Зоя и тут же снова присаживалась отдохнуть: заболев раньше остальных, она потеряла больше сил.

Физик и Истомин относили материалы от отсека синтезаторов до лифта. Петров поднимался с материалами наверх и там помогал Еремееву при разгрузке. Футболист, напрягая мускулы, подавал листы наверх, в неширокий люк, где их перехватывали инженер и капитан, работавшие в аварийном отсеке в пустотных костюмах. Инженер прикладывал лист, капитан заваривал. Воздух продолжал утекать, но уже не столь быстро. В мгновения, когда не хватало материала и сварочный аппарат прекращал свое шипение, можно было услышать слабый свист исчезающего в бесконечности газа.

— Капитан! — крикнул Еремеев, подавая очередной лист. — Воздуха все равно не хватает! Можно сделать что-нибудь?

Воздуха становилось все меньше, один выход синтезатора не покрывал утечки — и вместе с воздухом уходили последние остатки счастливого настроения, — оставалась только острая боль в затылке.

Капитан взглянул на часы, прикидывая, сколько еще могут выдержать люди, давно уже отвыкшие от напряженной

работы. Они должны были уже снизить темп. Но давно не испытанный страх смерти, наверное, придавал силы.

Вынося из лифта новые листы, Петров успел спросить:

— В чем причина, капитан?

— Сейчас не до причин.

— Пострадало еще что-нибудь?

— Трудно сказать, — ответил капитан, отходя от люка.

Следующие полчаса прошли в работе без единого слова.

— Что с тобой, Вера? Устала?

— А, ничего. — Вера вытерла пот со лба. — Отвыкла. Давно не устраивали тревог... Смотри, у тебя пошел лист.

Карский отошел к своему выходу. Работа была несложная, настроенный синтезатор почти не требовал регулировки.

— Штурман, — сказал Карский, — у меня плиты становятся толще.

Луговой подошел к нему и стал поворачивать одну из рукояток.

Карачаров показался в дверях; в глазах его больше не было сна. Вера взглянула на него и улыбнулась, заметив, как несмело наклонился он к Зое.

— Хорошо! — сказал он.

Зоя кивнула. И в самом деле было хорошо.

Через час капитан велел прекратить работу на синтезаторах, кроме производства воздуха. Истомин передал команду штурману.

— Ничего, — сказал Луговой. — Запас не мешает. А вы, девочки, займитесь-ка обедом. Самое время.

Женщины удивленно переглянулись. И в самом деле, они испытывали голод. От этого ощущения они давно уже отвыкли.

— Девочки! — сказала Инна, поглядывая на Лугового. — Давайте, закатим праздничный обед!

— Да, — сказал Карский, хотя спрашивали не его. — Это будет очень славно.

Опасность миновала, и теперь могло возвратиться то чудесное ощущение счастья, которое люди еще помнили. Но

оно исчезло безвозвратно. Зоя, преодолевая головную боль и пытаясь разобраться в происшедшем, подумала, что небывалое напряжение физических и душевных сил в сочетании с кислородным голоданием, наверное, замедлившим какие-то опасные для людей процессы в организме, позволили справиться с болезнью, от которой люди в ином случае вряд ли избавились бы. Ощущение своего, личного, изолирующего от других счастья не возвращалось. Но сейчас люди не жалели об этом.

Они снова любили друг друга. На столе было вино, они поднимали тосты за всех, начиная с капитана и администратора. Странное это было веселье — пир во время чумы; люди говорили о том, что было, и все, как по уговору, избегали всякого слова, какое могло бы навести на мысль о будущем. Сейчас им, усталым, разгоряченным и гордым, было хорошо, и стоило ли думать о том, что впереди?

Разговоры за столом не умолкали ни на минуту. Когда все насытились и тосты стали иссякать, пришла пора анекдотов. Анекдоты были незатейливы, но все смеялись много, охотно и благодарно.

Потом инженер Рудик стал показывать фокусы. Они тоже были простыми и непрофессиональными, из популярных журналов, но большего, наверное, и не требовалось: здесь была вечеринка, не фестиваль искусств. Актриса вовремя почувствовала это, и когда запела, то стала петь по-домашнему — негромко и просто. Луговой принес электронную гитару и аккомпанировал, потом и сам пел песни — мексиканские, гавайские, марсианские — печальные и длинные. У него оказался приятный голос и хороший слух. После него вскочил Еремеев, захмелевший больше остальных, но сейчас никто не обратил на это внимания. Он принес мяч и стал показывать, что можно сделать с простым надутым шаром — ногами, грудью, головой. Он был счастлив; люди снова смотрели на него и аплодировали его искусству, и переживали. Было, правда, тесновато, но он на одном квадратном метре мог обвести троих — и обводил, мужчины яростно сопротивлялись, а он заранее указывал, куда придет с мячом, между какими стульями пройдет; противники выстраивались чуть ли не стеной, а Еремеев шел прямо на них, и в последний миг делал серию неуловимых движений не только ногами — двигались

руки, корпус, глаза — и человек, против своей воли, делал шаг, чтобы перехватить — а Еремеев вместе с мячом проходил в образовавшуюся щель, ухитрившись даже не толкнуть противника и не отпустить мяч дальше чем на двадцать сантиметров от ноги... Потом футбол кончился, и вдруг все почувствовали, что устали до невозможного и пора спать.

Но прежде, чем разойтись, договорились, что завтра соберутся вот так же — посидеть, поговорить, посмеяться. И засыпали все с мыслью о завтрашнем обеде и с желанием поскорее дождаться его.

Администратор уснул последним. Он долго еще сидел в салоне, составляя список предстоящих праздников еще вечером Карский ухитрился, кроме всего прочего, узнать у каждого, на какой день приходится его рождение. Праздников получалось немало. На завтра можно было приготовить подарки, устроить лотерею, игры, какие-нибудь соревнования — много чего можно было придумать, если поразмыслить, как следует.

Потом ему понадобилось что-то спросить у Веры. Он вышел. На площадке лифта ему повстречались два робота. Они протопали мимо, ничем не показав, что замечают человека. Карский задумался и вспомнил, что в последнее время роботы часто разгуливали по кораблю — люди не обращали на них внимания, занятые собой, а неудобств роботы не причиняли никаких. Но сейчас ему почему-то стало неприятно смотреть на эти устройства, которые вели себя почти как люди и которым в то же время были глубоко чужды человеческие трагедии.

Администратор долго глядел им вслед, а они мирно топали по коридору. Они не оглядывались, но Карский знал, что задний робот видит его, фиксирует в своем затылочном объективе. Топ-топ, топ-топ. Ритм будущего, внезапно подумал Карский. Топ-топ, топ-топ...

Ну что ж — может быть, так и надо было, она оказалась вчера в ударе, в голосе и выглядела привлекательно, и вообще, все получилось очень хорошо. Но вряд ли стоило обольщаться этим, потому что все произошло после катастрофы, а катастрофа приключилась явно не зря.

Нет, это не могло случиться просто так. Не зря несчастье показало им край лица именно после того, как она, Инна, пришла к мысли о боге, но не довела дело до конца. Бог сначала наглядно показал им, что такое — вечное блаженство: им было так прекрасно... А потом напомнил ей, именно ей, что это блаженство дается не просто так; что она совершила проступок, скрывая от остальных то, что снизошло на нее (именно снизошло; это было точное слово, и она обрадовалась, найдя его) не ради нее одной, но ради всех остальных тоже.

Теперь ей были ясны корни всего, происшедшего с ними. Люди на Земле слишком увлеклись собой, решили, что они покорили все, что ни есть на свете. Но на свете, над всем, что есть, был бог, а об этом люди забыли. Бог долго не подавал признаков гнева. А может, и подавал, но люди предпочитали находить другое объяснение: случались ведь и раньше на Земле, в космосе и на планетах какие-то аварии, катастрофы, даже люди гибли, но все находили какие-то причины, крившиеся либо в несовершенстве техники, либо в чрезмерном риске увлекшихся людей, и не видели, что за этим стоял бог. А ведь, не будь на то его воли, никто не стал бы рисковать — это же совершенно ясно! И вот бог сделал еще одну попытку пробудить в людях подлинное сознание и рупором на этот раз избрал ее. А она не сразу поняла это, хотя все было ясно с самого начала: несчастье постигло не какой-нибудь корабль, но тот, на котором находился администратор — нужный Земле человек; и на этом же корабле оказалась она, способная постигать истины и откровения. Теперь к постижению истин должны были быть готовы и все остальные. К пониманию хотя бы того, что вот тут, где они сейчас находились, хозяевами были вовсе не они (они не могли даже выйти наружу), но кто-то, кому принадлежало все пространство, кто чувствовал себя там так же естественно, как они — на корабле. Это был бог, и люди Кита должны были признать его.

Инна давно уже пыталась представить себе его и постепенно увидела: он был, конечно, похож на человека, высокого роста, стройный, светловолосый... Лишь она одна знала, как он выглядит, другие вряд ли могли представить это, а значит — ни администратор и ни капитан были теперь глав-

ными тут, а главной была она и то, что она несла в себе. Она должна сообщить волю бога — и делает это, когда они соберутся вместе. Инна долго думала, как и какими словами она станет говорить, и ощущала приближение того состояния, в каком выходила, бывало, на сцену в свои самые удачные, трепетные дни. Но сегодня будет не роль — будет что-то, куда более серьезное.

Воздух больше не уходил, ремонт, кажется, был сделан на славу, но все же капитан, начиная обход, первым делом направился наверх.

Войдя в обсерваторию, он невольно остановился. Обычно пустое помещение сейчас было заполнено людьми. Тут были почти все пассажиры и штурман тоже.

Нет, они не разглядывали пустоту за бортом. Они вообще, не разговаривали между собою. Люди сидели, стояли или прохаживались по круглому помещению, и взгляды каждого из них то и дело поднимались наверх — к люку, ведущему в носовой отсек, где вчера произошла авария.

Устюг сначала понял их неправильно. Он сказал:

— Не беспокойтесь. Заварили на совесть.

Он тут же понял, что ошибся. Никто не выразил облегчения, а Мила даже вздохнула. Петров пробормотал:

— Да... Что поделаешь. Ну, пора обедать.

Они медленно двинулись к выходу. Когда последний скрылся, капитан покачал головой. Он только сейчас понял: им вовсе не было страшно, просто их потянуло на место, где вчера они испытали ощущение своей нужности, своей полезности — ощущение настоящего счастья.

Люди старались изо всех сил. Но вчерашней непринужденности, любви и веселья достичь не удалось. Не удалось именно потому, что они хотели и старались делать все, как вчера, а такие вещи трудно выполнять по заданию.

Внешне все было так же: вино, анекдоты и песни под гитару. Но когда очередной анекдот был рассказан и очередная песня спета, рассказчик или певец непроизвольно опускал голову, стараясь не встречаться взглядом с остальными и испытывая облегчение человека, отбывшего неприятную, хотя и неизбежную повинность.

Наконец очередь дошла до Инны, и многие взглянули на нее с надеждой. Она сегодня выглядела как-то необычно, и кроме того, ее профессионализм должен был возместить недостаток искренности — тот профессионализм, которым другие не обладали.

Актриса встала и несколько секунд молчала, переводя взгляд с одного на другого. Она была очень красива сегодня. Луговой взял аккорд и вопросительно взглянул на нее, но Инна отрицательно покачала головой. Она сказала:

— Дорогие! Сестры и братья!

Это было неожиданно и невольно заставило вслушаться.

— Можно ли далее не видеть? Можно ли молчать и не признавать? Разве возможно и далее считать себя хозяевами положения и не признавать над собой власти иного существа — высшего? Откуда и зачем эта неумная гордость, эти притязания на всемогущество, которыми мы не обладаем и не можем обладать? Разве случившееся с нами не убеждает, что мы лишь маленькие фигурки в руках высшего существа, которое поступает с нами, как хочет, заставляя служить его высоким целям?..

— Инна, — прервал ее Карский. — Откуда этот монолог?

— Это не монолог. Это он приказал мне говорить.

— Кто — он?

— Бог.

Карский вздохнул.

— Вы это серьезно?

— Разве вы не видите?

— Хорошо, — хмуро сказал администратор. — Давайте серьезно. Как вы не понимаете, что это — тупик?

— Нет. Только в этом — цель жизни. Что вы можете предложить нам? И не случайно он устроил так!

— Но это же низко: вместо подлинной цели дать суррогат!

— Это не суррогат! Все мы хотим одного: избавления от нашей сегодняшней судьбы! Но вы больше помочь не в силах. А вот бог... Теперь ничто больше не зависит от точности ваших мыслей и их реализации. Логика мертва. Лишь вера может жить.

— Нельзя возвращаться к похороненным идеям. Ваша умерла уже давно.

Инна улыбнулась. Она готовилась к этому разговору, готовилась спорить с сомневающимися, пользуясь их языком. Это было трудно, раскалывалась голова, когда Инна пыталась сразу постичь вещи, на постижение которых нужны годы. Но бог помогал. К тому же она не зря была актрисой, и если овладела немногим, то могла сыграть человека, постигшего многое.

— Ваши слова меня не задевают. Что умерло? Идея о белобородом старце, сидящем на облаках? Но представлять себе бога каждый может, как хочет. Всякое представление бога — лишь символ, так же, как шарик, вокруг которого вращаются другие шарики, поменьше — тоже не изображение атома, а всего лишь условный знак. Представить истинный облик бога не легче, чем частицы, обладающей в то же время свойствами волны. А ведь это — ваша наука!

— Да вы эрудит, Инна! — протянул Карачаров.

— Если я верю в то, что мир сотворен богом — таким, каким я его представляю, — то это лишь аргумент в пользу того, чтобы лучше разобраться в устройстве этого мира. Ведь характер автора каждой вещи проявляется в самой вещи, не так ли доктор?

— Как же вы представляете себе бога? — спросил физик, усмехаясь.

— Как вы — электрон: верю в его существование, потому что вижу конкретные проявления его бытия... Верю, как в силовые линии: они — вне нашего восприятия, но железные опилки располагаются именно по ним. И я верю, что судьбы людей и миров...

— Располагаются по этим линиям?

— Да.

Карский хмуро смотрел в стол. Вот уж к чему он не готовился... Точно так же не был он готов к диспуту о выгоде ручного труда по сравнению с поточным производством или о преимуществах рабовладения перед демократией. Что толку слушать глупости?

— Дело! — сказал он голосом, в котором звучало отчаяние. — Конкретное, нужное дело! Иначе мы снова погрязнем в безумии, даже в том, что предлагает она!

— Вы не верите мне, — сказала Инна, усмехнувшись. — Но я докажу вам, что права. И очень скоро!

Она вышла, высоко держа голову. Истомин мрачно поглядывал ей вслед.

— О каком деле говорите вы, администратор? — спросил он. — У каждого из нас было свое дело. И оказалось, что тут оно не нужно. Я мог бы работать, чтобы потом написать лучше, чем раньше. А если я никому не нужен, зачем же я стану совершенствоваться? Для этого надо считать себя центром мира, но я-то знаю, что я — не центр.

— Да, — сказал физик. — Я могу прожить без этой роскоши, но мне надо знать, что делается в физике, что сделал мой соратник, что — оппонент, какая гипотеза рухнула, какая — воскресла из пепла. Без этого можно существовать, но не жить.

Карский встал.

— Вы правы. Вы во всем, может быть, правы. Но и я прав. Если человек голоден, то он прав, когда требует еды; но тот, кто говорит ему, что есть нечего и надо терпеть — тоже прав. Мы не отказывались ни от чего — мы лишились этого не по своей вине. И надо найти, надо попытаться найти дело, которое снова объединит нас — как это случилось вчера.

Наступило молчание.

— Ну, например, — сказал Карачаров, — какое же дело мы можем найти?

Карский, конечно, мог бы ответить. Если у вас и нет конкретного предложения, всегда можно отделаться словами, не сказать, по сути дела, ничего, но сделать это так, чтобы собеседнику казалось, что он получил исчерпывающий ответ, и его вина, если он не сумел разобраться в нем до конца. Нет, ответ можно было найти, и если бы все зависело от этого ответа, администратор давно извлек бы из памяти формулировку — одну из пригодных на все случаи жизни, вроде «Ну, вы несколько осложняете вопрос» или «Нам проблема не представляется столь серьезной» или, наконец, «Вы понимаете, что я сейчас не имею возможности посвятить вас во все детали» и тому подобное. Но беда заключалась в том, что ответ ничего не решал, потому что в нормальной обстановке он означал бы, что все остается без изменений — а сейчас как раз и нельзя было оставить все так, как оно шло, нельзя было положиться на естественный ход событий: администратор понимал, что это привело бы к гибели.

Подготовленный к руководству в больших масштабах, Карский хорошо знал, что главное — это сформулировать лозунг, поставить цель, к которой людям хотелось бы стремиться. Насколько и в какие сроки эта цель достижима — другое дело. Но то, чего хотели люди тут, на Ките, к чему единственно могли они стремиться — возвращение в систему Человечества — было уже испробовано, испробовано поспешно, суматошно, бездарно — и не удалось. Цель была дискредитирована, и лозунг не имел бы успеха. И виноват, по сути, он сам: приди он к руководству раньше, он не позволил бы испортить то единственное, что следовало разыгрывать медленно и обстоятельно, растягивать на месяцы и годы, исподволь приучая людей к тому, что достижение цели может отодвигаться все дальше, что жить вместе придется, быть может, очень долго, что, кроме основной работы, направленной на достижение цели, надо заниматься и мелкими повседневными делами. И люди жили бы, и повседневные дела постепенно вытесняли бы из памяти главное, а основная цель отодвигалась бы, неуловимая, как горизонт. Но люди поспешили, не подумав о возможной неудаче, и теперь призывать их было не к чему.

— Прошу вас об одном, — сказал Карский наконец. — Думайте. Ищите. Не может быть, чтобы мы, все вместе, не нашли смысла, не нашли цели своего бытия!

Петров искал. Но не цель. Цель он нашел.

— Хотелось бы посоветоваться с вами, капитан.

— Сейчас буду в вашем распоряжении.

Устюг отдал инженеру распоряжение проконтролировать, как идет восстановление энергетического резерва после аварийных расходов. Затем повернулся к инспектору.

— Прошу извинения, что заставил ждать.

— Служба прежде всего. Я-то знаю.

Капитан кивнул.

— Слушаю вас.

— Меня интересует вот что: можно ли, хотя бы с определенной вероятностью, установить причину аварии?

Капитан помолчал. Они глядели друг на друга в упор, и ни один не отвел глаз.

— Почему это заинтересовало вас?

— Потому, что закон запрещает наносить вред нашему миру.

Капитан пожал плечами.

— Вы не станете отрицать, — сказал инспектор, — что это событие привело к определенным положительным результатам — пусть и на краткое время.

— И что же?

— Такие результаты достаточно умный человек мог бы предвидеть заранее.

— Кого вы имеете в виду?

— О, никого в частности — пока. Но закон требует...

— Но раз это, действительно, повлияло на людей в лучшую сторону?..

— Если закон можно нарушать безнаказанно — что это за закон?

Капитан криво усмехнулся.

— Ну что же. Если это вам нужно... Какая степень достоверности вас устроит?

— Не понимаю.

— Дать исчерпывающее объяснение мы пока не в состоянии. Наш опыт тут помочь не может. Так что пока можно говорить лишь о предположениях.

— Для начала неплохо, — сказал инспектор. — Особенно, если эти предположения выглядят убедительно.

— Как раз точные предположения не всегда выглядят убедительно.

Он поглядел в потолок, потом снова перевел взгляд на инспектора.

— Могу совершенно точно сказать одно: я не устраивал этой аварии. Но и подозревать кого-то другого у меня нет оснований.

— Жаль, — откровенно сказал инспектор. — Ведь если бы мы предположили, что виновником был именно человек, а не просто, скажем, естественная усталость металла или еще что-то такое, то можно было бы ожидать повторения такой аварии.

— Скажите откровенно, инспектор: чего вы хотите?

— Как и все — спастись и спасти других. Прежде всего — других.

— Спаси, охранив от предполагаемого злоумышленника?

Инспектор искоса посмотрел на капитана.

— Итак, вы совершенно исключаете умысел?

— Да.

— А я обязан предполагать его.

— Ничем не могу помочь.

— Что ж, — сказал Петров. — Я справлюсь и сам.

— Нет, Верочка, — сказала Зоя, пытаясь выглядеть если не здоровой, то по крайней мере бодрой. — Мне куда лучше. Не волнуйтесь и не тратьте на меня времени.

— Я посижу, — сказала Вера. — Можно?

— Хорошо, будет веселее. Хотите — поговорим о чем-нибудь? Расскажите, что делается у нас. Сколько я уже — неделю?..

Вера уселась, как она любила — на брошенный на пол коврик, обвила колени руками, полузакрyla глаза.

— Вы? Десять дней. Похудели страшно...

— Поделом мне. Зато теперь я знаю, как надо лечить это. Если мы еще раз заболеем... Ну, что там делается?

— Снова ходят, как сонные, едят нехотя — я ведь вижу, сколько еды уходит, сколько остается... Ссорятся. Будь они нормальными — давно бы уже передрались, а теперь говорят самые страшные вещи — и расходятся равнодушно. А ведь, кажется, никто не болен...

— Небольшие нарушения рефлексов, может быть... В таком положении это понятно. А вы как себя чувствуете?

Зоя спросила — и тут же забыла о заданном вопросе: пустота была в голове...

— О чем я? Да, есть в биологии такой термин — специализация. Мы все — слишком специализированные люди... Есть закономерность в биологии: при резком изменении обстоятельств гибнут в первую очередь именно специализированные виды, а выживают те, кто еще не успел или не смог приспособиться к чему-то одному. Им легче перестроиться. Выживем ли мы?

— Надо, — тихо сказала Вера.

— Да, я знаю, что надо, не знаю только — зачем.

Они долго молчали, потом Вера поднялась.

— Пойду. Вам принести что-нибудь?

— Спасибо, у меня все есть. А вы на самом деле прекрасно выглядите, Верочка, по сравнению со мной, во всяком случае. И не похудели ничуть...

— Да, — слабо улыбнулась Вера. — До свидания. Выздоравливайте. Я зайду завтра.

Зоя проводила ее взглядом. Какая-то мысль пришла ей в голову, но слишком слаба была Зоя, чтобы проследить за мыслью до конца. Она приподнялась на локте, хотела окликнуть Веру, расспросить, подумать вслух, сформулировать промелькнувшую догадку — но тут же откинулась на подушку. Все-таки Зоя была еще очень слаба.

Инна осмотрела себя в зеркале и осталась довольна. Она прошла через пустой салон и вскоре уже стучалась в рубку связи. Как она и думала, Луговой был там.

— Вы... — сказал он радостно.

— Я ведь обещала, что приду еще. Или нет?

— Я... Наверное, обещали...

— Вам это не нравится? — строго спросила Инна.

— Ну, что вы! Я только...

— Вы хотите что-то сказать и не решаетесь, — перебила она. — Такой привлекательный молодой человек не должен быть робким.

— Ну... Инна, зачем вы говорили все это? Такая женщина, как вы, такая...

— О-о! — Сладко, ах, как сладко слышать это. Трудно человеку справиться с собой. Но ведь она пришла не только ради этих слов...

— Вы еще слишком молоды...

— Саша, — торопливо подсказал он.

— Не судите поэтому, Саша, о серьезных вещах поверхностно. Я показалась вам смешной? Но поверьте, я знаю, что говорю. И пришла к вам за тем, чтобы вы показали мне то, что видели когда-то на экране. Помните наш разговор?

Луговой молчал, не зная, что делать. Инна подошла к нему вплотную, провела ладонью по его щеке, улыбнулась, глядя прямо в глаза.

— Ну, решайтесь же... Разве можно заставлять женщину ждать?

Он не выдержал — не хотел обнять ее, но как-то само собой получилось. Инна без труда высвободилась.

— Нет, Саша, нет... Я хочу видеть.

Она отстранилась, но была совсем рядом, и он потерял голову. В конце концов он может показать запись кому угодно, это его дело...

— Хорошо, — сказал он, голос сорвался, и он откашлялся. — Смотрите...

Свет погас, замерцал экран. Узкий полумесяц появился на нем, концы его чуть подрагивали...

Инна досмотрела до конца. Потом спросила звонким шепотом:

— Вы поняли, что это означает?

Луговой замялся.

— Ну... я пробовал составить программу. «Сигма» выдала массу расшифровок, все совершенно разные. Все зависит от программы, а программу составлял я...

— Покажите хоть одну!

Достав клочок пленки, Луговой прочитал:

«Последняя попытка зондирования, успеха нет. Неясно происхождение. Природа первая или вторая. Пересекать пространство без выхода в иные области не могут существа. Тело не источник возникновения мира или системы. Не место проникновения энергии из иной области. Почти не излучает. Случайность. Вернуться через...»

— «Сигма» определяет срок, как тысячу или десять тысяч лет.

— А еще?

— Вот.

«В нулевой момент времени начальная точка системы, неизменная пространственная координата которой равна нулю, совпадает с начальной точкой...»

— Не надо, — сказала Инна. — Я ничего не понимаю. Неужели все ответы такие?

Луговой вздохнул.

«Люблю тебя и хочу, чтобы ты всегда была со мною. Я согласен преодолеть пространство и множество препятствий. В последний раз спрашиваю тебя. Почему ты не хочешь быть со мною. Дать начало детям. Ты почти не глядишь на меня. Но я буду ждать...»

— Тысячу или десять тысяч лет? — улыбнулась Инна. — Саша, милый мой мальчик, о чем или о ком вы думали, когда составляли эту последнюю программу?

Покраснев, он молчал. Инна смотрела на него с нежностью и сожалением. Почему это не случилось раньше? Но сейчас она не могла остановиться на полпути.

— Нет, — сказала она со вздохом. — Это все фантазии вашего компьютера. На деле это совсем другое. И недаром это пришло, как вы говорите, из пустоты. Потому что он — везде! Нет, это не смешно. Вспомните, — она грустно усмехнулась, — когда вы были еще мальчиком — разве вам не казалось смешным, разве не было немного стыдно, когда вы видели, как люди целуются, или слышали, как говорят о любви? Не за себя стыдно — за них... Правда? Но потом вы выросли, и стали воспринимать это иначе. И сами, без сомнения... — Она улыбнулась, и Луговой опять покрылся краской. — Ну, не буду. Но вы меня поняли?

Штурман не знал, понял ли он Инну, но видел, что она его не понимает. Он мучился, старался хоть как-то догадаться о возможном значении изображений, страдал от невозможности рассказать о них кому-нибудь другому на корабле, чтобы не пробудилась ненужная надежда... В конце концов это было единственной его ценностью — случайно записанное изображение. Теперь он отдал его Инне, но, наверное, напрасно, лучше бы странный факт остался похороненным в его памяти, потому что она не поняла...

Инна, не дождавшись ответа, заговорила снова:

— Вещи и мысли, смешные для молодых, приобретают для людей зрелых глубокий смысл. Вас избрали, чтобы передать людям весть. Потому, наверное, что вы чисты душой... Почему же вы не сказали?

Он проглотил комок.

— Через тысячу лет нас не будет в живых...

— Но там сказано совсем иное! Не верите? Хотите доказательств? Но обещайте слушаться меня.

Луговой покорно кивнул. Ей он не мог отказать.

Инспектор снова был в родной стихии, где надо было искать, сопоставлять и делать выводы, основываясь на фактах, а не на теориях и домыслах.

Однако установить что-нибудь в носовом отсеке было трудно. Там ничто не осталось в неприкосновенности. Сама пробоина была надежно закрыта новыми листами, и следы преступника давно уже исчезли или смешались со следами всех тех, кто находился тут во время ремонта или после него.

И все же Петров не спешил покинуть отсек. Он размышлял.

Кто был здесь во время ремонта? Капитан и инженер. Ниже, в обсерватории, находился Еремеев. Временами появлялся Истомин и он сам, Петров, подвозивший листы.

Значит, если тут найдутся следы других людей, то ими, во всяком случае, надо будет поинтересоваться. Если же таких следов не будет, то преступником окажется один из четверых. Себя инспектор, естественно, исключил из списка.

Петров извлек из кармана небольшую прямоугольную коробочку с короткой антенной. Она напоминала приемник, но на самом деле это был дуфтер — искатель запахов, электронный аналог собаки. Индексы запахов каждого, обитавшего в Ките, давно имелись у инспектора: он зафиксировал их почти машинально, по привычке, вовсе не рассчитывая, что они когда-нибудь пригодятся ему.

Инспектор стал медленно поворачивать лимб настройки прибора, сверяясь со своими записями.

— Капитан... Естественно — он и должен быть тут.

Инженер... Тоже.

Он сам, Петров. Контрольный тест. Самый сильный сигнал — потому что он и сейчас здесь.

Луговой. Очень слабо. Вероятно, бывал тут раньше.

Вера. Нет.

Истомин. Почти не ощущается.

Физик. Нет.

Администратор. Ого, как сильно!

Карский? Здесь? Ему не следовало тут находиться.

Администратор Карский — разрушитель корабля, на котором он стал наконец главой общества?

Карский — преступник?

Факт указывает на это. Конечно, преступление еще не доказано, следствие надо продолжить. Но теперь ясно, в каком направлении оно должно идти.

* * *

— Саша! — сказала актриса. — Саша, Саша! — Голос ее был чист и силен, и в нем сквозила убежденность. — Как ты не понимаешь, он сохранил нас и сохранит. Нам не грозит ничто! Глупыми страхами нас пугают, но мы не поддадимся им!

Луговой преданно смотрел на нее, не понимая, чего она хочет.

— Ты не веришь?

Он пожал плечами.

— Откуда же, по-твоему, взялась эта передача?

— Мир велик, — кратко ответил он.

— Глупости! Я поняла, что там сказано!

— Ты?

— Для этого не нужны никакие машины. Надо верить! Помнишь, там это... что-то... пробило и вышло наружу?

— Ну, и что?

— Не понял? Сейчас поймешь. Идем!

Она бросилась из рубки связи, и Луговой поспешил за ней: ему приятно было идти за ней, все равно куда; ему было приятно просто находиться поблизости, и он думал о ней по ночам. Инна промчалась по коридору и вскочила в кабину лифта. Очевидно, она продумала все заранее: не задумываясь, нажала кнопку посадочного отсека. Когда Луговой нагнал ее, Инна уже стояла подле внутреннего люка выходного тамбура. Она повелительно протянула руку:

— Открой, Саша!

— Да там ничего нет: два пустотных костюма и все.

— Открой! И ты увидишь...

Она посмотрела ему в глаза; у него голова кружилась от таких взглядов, это был уже не экран, это была Инна — живая, великолепная... Луговой протянул руку, повернул маховик блокирующего механизма и нажал кнопку.

Пластина неторопливо отошла в сторону. Впереди вспыхнул свет. Выходной тамбур был пуст, на переборках светилось несколько шкал и виднелись дверцы двух шкафчиков, в которых хранились скафандры.

— Ну, видишь? — сказал штурман, боясь, что она оборвет его за то, что он обратился к ней на «ты». Но Инна,

кажется, и не заметила этого. Она оттолкнула его и шагнула в тамбур, подбежала к внешнему люку и положила руку на замыкатель запирающего механизма.

— Слушай! — сказала она дрожащим от напряжения голосом. — Сейчас ты увидишь и убедишься, и уверуешь! Зови всех сюда!

Он стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, и она повелительно повторила:

— Иди и зови!

— Сперва выйди, я должен закрыть тамбур.

Он действительно должен был сделать это: механизмы выхода были настроены на комплексы признаков только членов экипажа, силой открыть выход было невозможно, это была могучая система, легче было бы разломать корабль, — и без сопровождения члена экипажа никто не имел права находиться здесь. Даже Инна.

— Я побуду здесь. Не бойся.

Он нерешительно шагнул по коридору. Остановился.

— Я все же закрою.

— Не нужно.

— Так полагается.

— Нет!

Луговой сделал шаг к ней. Палец Инны все еще лежал на замыкателе, но раз он, Луговой, был здесь, механизм сработал бы и от ее нажима. Одно слабое движение...

Инна его сделала. Внутренняя пластина тронулась и поползла, возвращаясь на место.

— Что ты наделала? — крикнул он. — Зачем?

— Я открою! Глаза ее блеснули, в них было что-то сумасшедшее. — Ничего не произойдет ни со мной, ни с вами! Бог хочет, чтобы я вышла! Он творит чудеса! И я...

Луговой стоял на пороге. Пластина коснулась его, и он машинально шагнул вперед — к Инне. Сейчас внутренняя пластина дойдет до места, сработают реле — и в следующий миг начнет растворяться внешний люк, открывая доступ холоду мирового пространства. Воздух улетучится мгновенно... Ноги ощутили, как чуть дрогнула палуба: это включились насосы, чтобы откачать часть воздуха. Предотвратить гибель, понял штурман, можно было лишь одним способом.

Он сунул руку в карман и вырвал флазер. Инна стояла, прикрывая ладонью замыкатель. В глазах ее мелькнул испуг. Но она тут же выпрямилась.

Штурман выстрелил. Он не снимал пальца со спусковой кнопки, пока не кончился заряд.

Инна лежала на полу. Потом медленно, словно в нерешительности, подняла голову, оперлась руками и встала на колени.

Импульсы исковеркали автоматику внешнего люка, находившуюся за тонкой переборкой, превратили ее в кучку рваных, сварившихся между собой обломков. Внешняя пластина осталась закрытой. Внутренняя замерла, так и не успев дойти до конца. Луговой нажал плечом, и она медленно поползла назад, скрываясь в переборке. Раздался щелчок, и пластина замерла, оставив тамбур открытым.

Штурман рукавом стер пот. Потом подошел к Инне и помог ей подняться.

— Глупая! — сказал он. — Какая же ты глупая!

Инна заплакала, пряча голову на его груди. Обняв ее за плечи, Луговой вывел ее из тамбура и нажал кнопку. Пластина не двигалась. Автомат был испорчен. Но черт с ним в конце концов...

— Пойдем, — сказал он. — Тебе нужно успокоиться.

Она в ужасе взглянула на него.

— Я не могу — в таком виде...

Он раздумывал недолго.

— У меня ты приведешь себя в порядок.

Инспектор продолжал размышлять.

То, что администратор был в носовом отсеке, само по себе еще не доказывало, что он — преступник. Мало было выяснить, кто мог совершить преступление; надо было установить, кто и как его совершил в действительности. Если исходить из мотивов, которые казались Петрову наиболее убедительными, проломить обшивку мог и капитан Устюг. И если бы это сделал он, на душе у Петрова стало бы намного легче.

Способ совершения преступления мог сказать многое, помог бы он и выяснить личность преступника.

Как же было совершено преступление?

Как выглядели пробоины в момент совершения преступления, теперь предположить трудно. Но Петров помнил, что при ремонте часть старой обшивки была вырезана: видимо, неровные края пробоин мешали наварить листы. В отсеке этих кусков металла не было. Но, может быть, они еще не попали в утилизатор?

Он нашел их внизу. К счастью, они оказались слишком велики для утилизации, и их еще не успели разрезать на части.

Глядя на эти куски металла, Петров старался представить, как были разворочены, пробиты, изуродованы плиты обшивки. Казалось, здесь произошла целая серия небольших взрывов. Хотя... пожалуй, нет. Даже при помощи флазера нельзя было бы сделать пробоины, не оплавив их края. А здесь рваная кромка вовсе не была оплавлена. Не взрывы, значит, и не импульсы. Но что-то, равное им по мощности.

Такое мог совершить, пожалуй, человек, вооруженный тяжелым металлическим орудием. Бить с размаху, ударяя много раз. Сильный человек с ломом или кувалдой? Но капитан не производил впечатления особо сильного человека. Администратор? После перенесенных травм?

Инспектор попытался представить, как это происходило. Плиты были металлическими. Орудие разрушения, безусловно, тоже. Куполообразный отсек должен был служить неплохим резонатором. Звуки разнеслись бы по всему кораблю.

Однако инспектор ничего не слышал, да и никто другой не упоминал ни о чем подобном. Конечно, все они были тогда нездоровы... Но ведь воспринимать они воспринимали все, не могли только правильно оценивать события. Нет, такой грохот не ускользнул бы от их внимания. Инспектор представил, какой смех поднялся бы, услышь они тогда что-то подобное, и его передернуло.

Одним словом, преступление было совершено бесшумно или, во всяком случае, настолько тихо, что не привлекло ни чьего внимания. Значит, по плитам не били, их не дробили, не плющили и не раскалывали сильными, рассчитанными ударами. Что же могло здесь произойти?

Петров оглядел обломки. Местами они были как бы обработаны наждаком, но инспектор знал, что такими листы

стали там, у звезды, от которой едва удалось спастись. В этих местах человек легко мог проковырять обшивку. Но инспектор ясно видел, что и там, где толщина металла оставалась нормальной и достигала десяти миллиметров и даже пятнадцати, листы обшивки были разорваны, словно тонкий картон. При этом следовало учитывать, что вся эта работа была проделана быстро: автомат тревоги включился, как только началась утечка воздуха, но когда инженер прибежал сюда, здесь уже никого не было.

В раздумье инспектор потер рукой подбородок.

Может быть, в аварии все же были виноваты какие-то стихийные силы? Но если поразмыслить — какие стихийные явления могли возникнуть на корабле, задуманном и сделанном людьми?

Вот, подумал Петров, богатейший материал для Перлинской: в происшествии можно усмотреть не только проявление высшей воли, но и высшей силы. Грубой физической силы, принадлежащей высшему существу. Сверхчеловеческой силы!

Инспектор засмеялся, но тут же умолк.

Вот в чем секрет, оказывается!

— Ну, ладно! — сказал инспектор зловеще. Он не мог отказать себе в удовольствии произнести это вслух, как бы ставя точку под расследованием.

Теперь он успокоился. Его профессиональный уровень оставался прежним, и Петров испытывал величайшее удовлетворение, хотя никто из коллег так ничего об этом и не узнает.

Итак, исполнителем преступления был не человек. Им был робот — один из многих, находившихся в распоряжении Нарева.

Робот ничего не мог сделать без команды Нарева.

Значит, Нарев.

Но Нарев не бывал здесь, наверху, в носовом отсеке. А чтобы дать роботу такое задание, человек должен был предварительно сам побывать в отсеке — чтобы установить, пролезет ли робот в люк, достаточно ли тут для него места, как он должен действовать; человеку, наконец, следовало заранее выяснить, где легче всего можно нарушить герметизацию корабля.

А Нарев сюда не заходил. Иначе его запах сохранился бы.

Следовательно, преступная группа: робот — Нарев — Икс. Икс, который побывал в отсеке, нашел слабое место и составил программу действий.

Икс — это либо капитан, либо Карский.

Капитан?

Поразмыслив, Петров отрицательно покачал головой.

Нарев сместил капитана; Нарев был виновником авантюрного (во всяком случае, с точки зрения Устюга) прыжка к звезде.

С Наревым капитан не стал бы разговаривать. И тем не менее — входить в союз для совершения преступления.

К тому же капитан относился к кораблю — инспектор искал слово — нежно. Пусть и не так, как Рудик, но — нежно.

А Карский?

Между администратором и Наревым не было ни вражды, ни даже недоразумений. Раньше они подолгу разговаривали и, видимо, понимали друг друга.

Конечно, слабые места корабля капитан мог знать лучше.

Но и Карский имел в этом какой-то опыт; попытка бегства на катере убедила Петрова в справедливости такого предположения.

И если для капитана «Кит» был домом, то для администратора, в конечном итоге — всего лишь тюрьмой, местом пожизненного заключения.

Итак, робот — Нарев — Карский. Или, в порядке инициативы и меры ответственности — Карский, Нарев и робот.

Тот самый Карский, охранять которого был послан инспектор Петров. Послан без ведома администратора. На всякий случай.

И вот приходится охранять не Карского, а общество от него.

Петров вздохнул. Ему было тяжело, но он знал, что выполнит свой долг.

Администратора Петров нашел в отсеке синтезаторов. Свежая с какой-то схемой, Карский с инженером Рудиком копались в схеме. Панель была снята и стояла, прислоненная к переборке.

— Мне нужно поговорить с вами о важном деле, — сказал Петров.

— Пожалуйста. Я слушаю.

— Не здесь.

— Хорошо.

Карский сказал это охотно: ждал, что люди будут приходить со своими мыслями и находками, сделанными в поисках цели бытия. Петров пришел первым.

— Я закончу сам, — сказал Рудик.

Инспектор привел Карского в носовой отсек.

— Вот здесь мы и поговорим.

— Да?

— У вас есть пластинка Совета, администратор?

— Конечно.

— Разрешите взглянуть?

Петров взял пластинку и опустил в карман.

— Что это значит? — спросил Карский, нахмурясь.

— Я вынужден задержать вас в связи с обвинением в попытке погубить корабль и его население.

— Что?

— Вы можете возражать. Утверждать, что и не думали об этом. Но...

— Думать я думал, — медленно сказал Карский. — Но сделал кто-то другой.

— Сделал это робот, и вы отлично знаете об этом.

— Позвольте, инспектор... В то время, как я, и все мы...

— Знаю: мы мыслили ненормально. Но что это меняет?

Напротив, это могло облегчить вам решение. И затем — вы могли организовать все раньше.

— Инспектор! — сказал Карский. — Именно сейчас вы не могли придумать ничего глупее.

— Мне очень тяжело, — искренне сказал Петров. — Но оставлять вас на свободе я не имею права. Слишком опасно для нашего мира. — Он шагнул к двери. — Еду я буду вам приносить. Стойте на месте: я вооружен!

Пятясь, он спустился, закрыл люк и повернул блокирующий маховик.

Население Кита Петров застал за обедом. Не всех, правда. Не было Инны, зато за столом присутствовала Вера.

— Ага, — сказал Карачаров, завидев инспектора? — Хватай Великий жалует.

Он не мог простить инспектору, что тот на самом деле вовсе не был учителем.

— Очень приличный человек, — сказал писатель. — Ему просто повезло: нашел дело по вкусу.

— Подите к нему в ученики, — посоветовал физик.

— Ну прямо как баба, — раздраженно сказал Истомин. — Зудит и зудит.

— Ох, ох! — скривился физик. — Что же так о бабах? Помню, в начале рейса...

— Вот стукну вас сейчас, как следует, — скучливо сказал писатель, поддерживая обычный теперь застольный разговор.

— Слушайте! — сказал Петров, остановившись у стола. — Теперь я могу сообщить вам, кто виноват в аварии. К сожалению, преступником оказался администратор Карский.

— Что? — воскликнула Вера.

— И он должен понести наказание по закону. Чтобы впредь...

Вера, вскочив, выбежала. Физик проводил ее взглядом.

— Изменилась наша девонька, — сказал он. Потом сердито посмотрел на Петрова, раздраженный тем, что ему мешали пикироваться с Истоминим. — Ну убейте его, раз он виноват. Сделайте одолжение. А мы при чем?

— Доктор, — сказал Петров. — Вы должны понять: угроза, которой мы подвергались, реальна. И если мы не осуществим...

— Так точно, ваше обоняние, — сказал Карачаров и отсалютовал вилкой. — Разрешите продолжать существование?

Рифма понравилась ему, и он фыркнул.

— Ну зачем вы так? — спросил Петров обиженно.

— А так. Не нравится?

— Что с ним такое? — спросил инспектор, обращаясь ко всем.

— Интересно! — сказал писатель. — Вы являетесь, и заявляете, что единственный человек, которому мы еще как-то верили и на кого надеялись — преступник, желавший погубить всех нас. Иными словами, отнимаете у нас надежду — ее, строго говоря, уже не было, — но даже

тень ее! И после этого спрашиваете, что с ним. Да то же, что со мной, с Зоей, с Милой, с Еремеевым... Ах да, его нет — молодец Еремеев, он даже обедать не ходит, чтобы не портить себе настроение. Пьет потихоньку. Перехитрил всех.

Еремеев действительно перехитрил всех.

Они, остальные, лишь краткое время наслаждались полным счастьем; потом оно исчезло. А он знал, как удержать это чудесное состояние. И был счастлив каждый день и каждый час.

Еремеев был добрым человеком и из своего открытия не делал секрета. Но все, с кем он делился своей находкой и кому предлагал испробовать — отведав, сразу же отказывались, не понимая, что за всякое блаженство надо платить, и если жидкость, которую он пил, была действительно неприятна на вкус и обжигала рот и гортань, то наступавшая вскоре эйфория с лихвой возмещала эти небольшие неприятности.

А люди (может быть, завидуя его способности делать то, чего не могли они) пытались отговорить его. Даже Мила пришла однажды. Она-то и заметила это первой и сразу же попросила его больше не пить, пообещав, ни много ни мало, вернуться к нему и не идти к Нареву — на что уже совсем было решилась. Да, она приходила, плакала и уговаривала его отказаться от своего счастья. Еремеев рассеянно улыбался. Мила не хотела понять, что больше не нужна ему. Ему ничего не было нужно; он и так был счастлив.

Но сегодня, придя к синтезатору за очередной порцией своей жидкости, Еремеев не получил ее. Напрасно он снова и снова нажимал клавиши, вертел дозатор, стучал кулаком по панели. Все можно было получить — но жидкость, его жидкость, не синтезировалась.

Ему стало ясно: его лишили счастья.

И пока администратор Карский яростно метался по норовому отсеку, откуда не мог выйти, и сжимал в кулаке пакетик с препаратом, который синтезировал перед тем как заблокировать, при помощи Рудика, синтезатор, с препаратом, который позволил бы Еремееву обойтись без его жидкости, почувствовать к ней отвращение и постепенно вернуться к обычным для всех людей нормам поведения, — Ере-

меев окончательно потерял надежду на обретение утраченного счастья.

Тогда он ушел из отсека синтезаторов и пошел бродить по кораблю. Он шагал все быстрее и быстрее, чтобы движением утолить странную потребность, все сильнее заявлявшую о себе, потребность в счастье. Он поднимался по трапам, спускался по ним, поворачивал; он почти бежал — словно счастье ожидало его в конце пути. Движением он старался утишить поднимавшийся в нем гнев на людей, отнявших у него последнее из всего, чем он обладал.

Он был добр от природы и старался не поддаваться гневу, но все в нем требовало сейчас мести — требовало сосредоточенно, настойчиво, неотступно. Мести всем. Всему. Всей жизни. Самой жизни.

Он шел по какому-то очередному коридору, задыхаясь и вытирая обильный пот. Впереди послышались голоса, открылась дверь. Еремеев вовремя прижался к переборке, затаился. Вышли двое, мужчина и женщина. Он что-то говорил — тихо, нежно. По голосу Еремеев узнал штурмана. Они, к счастью, направились в другую сторону и не заметили его.

Когда они скрылись за поворотом, Еремеев юркнул в отворенную дверь. Огляделся.

Это была каюта. Несколько приборов на стенах. Небольшой беспорядок. Стол. На нем — зеркальце. И еще какой-то предмет.

Еремеев не помнил, как называется этот предмет, но знал, для чего он предназначался... Предмет был средством мести. И если Еремеев чувствовал обиду на жизнь, то теперь он мог поступить с нею, как хотел. Мог напугать. Мог даже...

А жизнь, словно издеваясь над ним, все туже сжимала пальцы на его горле. Ему нужно было, нужно, нужно — счастье, счастье, счастье!

Ничего, сейчас он ей покажет.

Дверь оставалась открытой. Еремеев услышал шаги. Мерные, увесистые. На этот раз они приближались.

Он поднес предмет к груди и нажал кнопку.

Штурман Луговой всегда заботился о своем флазере. И пока Инна приводила себя в порядок, успел зарядить его батарею. Но, оглушенный счастьем, забыл оружие на столе, исправное и готовое к действию.

* * *

— Но ведь надо беречь наш мир, — сказал инспектор терпеливо.

— А мне все равно, — буркнул писатель, — от чего мы помрем: от аварии или от тоски.

Ему все было до чертиков безразлично. Все равно, толку никакого. Был написан роман — и того не осталось. Ему больше ничего не хотелось: не хотелось писать, не хотелось славы, есть тоже не хотелось, и хотя запрет на любовь был отменен, ему даже глядеть не хотелось в сторону женщин.

— А закон? — спросил инспектор. — Закон!

— Чихать я на него хотел, — на этот раз ответил уже Карачаров.

— На закон?

— На закон, на вас, на все на свете. И на себя тоже.

Петров почувствовал, что силы оставляют его и становится жутко. Все равно было этим людям — жить, не жить...

— Но ведь совершено преступление! — воззвал он, чувствуя, насколько смешным выглядит. — Преступник должен быть наказан!

Снова было молчание, которое нарушил Истомин.

— А давайте и в самом деле уьем его! — проговорил он задумчиво. — Он мне надоел, и у него скверный характер. Самое лучшее, я думаю — убить.

Инспектор, нахмурившись, сказал:

— Я думаю, мы должны говорить серьезно.

— А я серьезно, — сказал писатель. — Кинуть в утилизатор, и все. И наделать из него пуговиц.

— Почему пуговиц? — в отчаянии спросил Петров.

— В самом деле, почему? — спросил Истомин. — Понятия не имею. Наверное, какая-то сложная ассоциативная цепь.

— Опомнитесь!

— Вот возьму однажды что-нибудь потяжелее, — с угрозой сказал физик, — и разобью тут все вдребезги. Увидите.

И, как будто он уже начал приводить угрозу в исполнение, за дверью салона послышались громкие удары.

Это были тяжелые шаги, размеренные, не похожие на поступь кого-либо из обитателей Кита. Дверь отворилась рывком. Робот вступил в салон. Люди невольно вскопили. Вбли-

зи робот был устрашающ. Он мог раздавить человека, просто притиснув его к переборке. Едва уловимый запах нагретых полимеров, исходящий от робота, показался всем отвратительным.

На руках робот нес тело Еремеева. Он остановился, раздалось хрипение. Робот говорил что-то, но до людей доносился лишь невнятный скрежет. Никто не понял и не ответил. Тогда робот положил труп перед инспектором. Повернулся. И снова отворилась дверь. Вошел Нарев. Бог роботов был невесел. Он поглядел на присутствующих и развел руками.

— Ну вот, — сказал он. — Им я больше не нужен. А вам?

Инспектор растерянно моргнул, не найдя, что сказать.

— Что же это? — пробормотал он после паузы.

— Даже не начало конца, — бодро ответил Нарев. — Просто конец.

Взглядом он искал Милу, и только сейчас увидел и ее, и труп Еремеева; полузаслоненная столом, женщина стояла на коленях, уткнувшись лицом в грудь Еремеева и ее щека была в крови. Нарев вздохнул.

— Конец, — повторил он, и бодрости больше не было в его голосе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Они опустили тело в утилизатор без речей, в молчании, за которым у каждого стояло свое. Дверца, глухо стукнув, закрылась за ним, вспыхнул индикатор. Ждать пришлось недолго: утилизатор действовал быстро. Потом инженер включил синтезатор, куда поступили атомы, из которых состояло недавно тело Еремеева. Синтезатор подверг их необходимым преобразованиям и сформовал небольшой, но достаточно тяжелый шар. Руководствуясь древними предрассудками люди пожелали, чтобы шар был золотым, а синтезатору было все равно, какие элементы создавать из имеющихся частиц. И возник шар, тело наиболее совершенной формы; после недолгих размышлений его поместили в салоне, на специально изготовленном постаменте.

Мила в этом не участвовала: ей было плохо, она лежала в каюте, оглушенная транквилизаторами. Администратор был

где-то заперт — Петров не говорил, где; Вера больше не показывалась среди пассажиров. Но и остальные в конце концов чувствовали себя достаточно скверно и, покончив с печальной необходимостью, проспали чуть ли не сутки — без обеда, ужина и завтрака. Зато, проснувшись, отдохнувшие граждане Кита почувствовали сильное желание пообедать. Но сделать это им не удалось.

В этот день массивные фигуры роботов появились сразу у многих дверей. Роботы ничего не предпринимали; просто не пропускали людей. Инженер Рудик покинул свой пост, чтобы участвовать в печальной трапезе вместе с пассажирами. Назад, в энергодвигательный корпус, инженер попасть не смог. Роботы охраняли трюмы и туристскую палубу. Капитан, проснувшись в своей каюте, не сумел проникнуть в центральный пост и был доставлен роботами в салон. Штурман, неожиданно для большинства людей, оказался в каюте Инны; там ему и пришлось остаться. Под, охраной была и палуба синтезаторов, источник всего насущного, в том числе и пищи. Неудивительно, что обеда не было.

Это было неожиданно. Конечно, роботы и до этого попадались на глаза людям и в последнее время — часто. Но на них как-то не обращали внимания: интересы роботов и их жизнь (если это слово применимо к ним) нигде не пересекались с интересами и жизнью людей, а люди обычно дарят вниманием лишь то, что имеет к ним непосредственное отношение. Роботы могли часами стоять где-нибудь — в коридоре, в отсеке, на площадке лифта, — не шевелясь, не издавая ни звука, так что трудно было сказать, включены они или нет, воспринимают ли окружающий мир или целиком погружены в себя. К ним привыкли, как к предметам обстановки, как на Земле и планетах, где они постоянно были на глазах, выполняя самую разную работу. Но, видимо, интересы роботов и людей лишь казались параллельными, нигде не пересекающимися; в конце концов они пересеклись, как в неевклидовой геометрии, а пересекшись, крест-накрест перечеркнули и то небольшое, что еще оставалось у людей.

Люди сидели за столом. Парящие автоматы не появлялись. Играла музыка, обычно сопровождавшая обеды, и от этого еще больше хотелось есть.

— Кажется, — нарушил молчание капитан, — нам предстоит умереть с голода.

Кое-кто пожал плечами — и только.

— Кара, — вяло проговорила Инна. — Стоит ли уклоняться от нее? — Вряд ли она как следует понимала, что говорит: слишком много впечатлений свалилось на нее за последние дни.

— Ну и хорошо, — сказал физик. — Умереть — это еще не самое страшное.

Никто не согласился и не возразил. Люди молчали, словно это и не им предстояло умереть. Только Нарев улыбнулся.

— К чему унывать? — сказал он легко. — Мы умрем, но здесь останется другая раса, не обладающая нашими слабостями. Я передал ей все, что мог — принципы, организацию. Этот мир более приспособлен для них, чем для нас. Не знаю, как вы, а я больше не хочу забот.

Снова наступила тишина, потом послышались приближающиеся шаги. Дверь распахнулась; вошел Карский. За ним следовал робот. Он остановился на пороге, поблескивая объективами, потом отступил, и дверь затворилась.

— Приветствую вас, администратор! — сказал физик. — Вы пока живы; мы тоже. Вот и все новости.

Администратор огляделся.

— Где Вера?

— В вашей каюте, — сказала Зоя. — Она, кажется, плохо себя чувствует.

Физик фыркнул.

— Ну да. Однако кто чувствует себя хорошо? Она просто разъелась. Ничего, сейчас девочка быстро похудеет. Если успеет, конечно. Потому что все это чертовски похоже на конец.

— Нет! — сказал Карский решительно. — Если бы мы захотели найти выход... Беда в том, что мы не хотим его найти!

— Я предлагала обратиться к богу, — медленно, как сквозь сон, опять проговорила Инна.

Нарев посмотрел на нее, усмехаясь.

— Вы? К богу? А, понимаю. Боюсь, дорогая, что тут вас ожидает самое тяжкое разочарование.

— Какое?

— Вам ведь бог представляется, несомненно, мужчиной? — спросил Нарев своим резким голосом. — Ну так вот, это ваша крупнейшая ошибка. Бог — это, конечно, женщина. Если вы знакомы с литературой по данному вопросу, то знаете, конечно, что бог сперва создал мужчину, а женщину — потом. Так вот, будь он мужчиной, он в первую очередь сотворил бы, конечно, женщину; подумайте — и убедитесь, что я прав. Так что бог — ваша конкурентка, друг мой, не забудьте этого!

Он развлекался; Инна широко раскрыла глаза, огляделась; никто не смеялся. Она положила пальцы на кисть штурмана и уже не снимала их.

— Bravo, — пробормотал Истомин. — Но бог, он или она, нас, по-видимому, не накормит. И роботы тоже. Почему? Может быть, вы можете ответить и на это?

— Могу, — кивнул Нарев. — Мы дали им сигнал.

— Какой?

— Они просто решили, что мы уже начали уходить. Как он. Карачаров встал.

— Разговоры, разговоры... — раздраженно сказал он. — Администратор и вы, капитан! Я вижу, что все мы пришли к одному: мы больше не хотим жить, и даже роботы чувствуют это. Что ж, умрем. Но мы не заслужили голодной смерти. Она будет слишком мучительной, к тому же умирать от голода как-то унижительно, вам не кажется? Разве мы не можем уйти проще, быстрее и приятнее? Разве эвтаназия — пустой звук?

Он перегнулся через стол и заглянул в глаза капитану.

— Вы взяли на себя ответственность за нас, когда мы сели на корабль. Доведите же свою миссию до конца! Вы понимаете, о чем я говорю.

— Чего вы хотите?

— Скорость наша велика, хоть мы ее и не ощущаем. Мы не станем ложиться в коконы, а вы дайте резкое торможение. Нас не станет в один миг.

— Я против, — быстро сказал Нарев. — Тогда погибнем не только мы.

— Нарев! — сказал физик. — Речь идет о людях, бросьте жалеть роботов.

— Они — раса будущего, и в ней мое бессмертие. Я против.

— Бессмертие? А не они ли вас выгнали?

— Бывало хуже, — серьезно сказал Нарев. — Бывало, что распинали, а потом поклонялись. Сжигали — и причисляли к лику святых. А я всего-навсего изгнан — недорогая плата за крылья и золотое сияние.

— И я тоже против, — спокойно сказал капитан. — Это было бы просто-напросто убийство, а я не хочу убивать даже в последний миг жизни. Это было бы изменой долгу.

— А предоставить нам умереть с голода — это что?

— Это издержки централизации, — сказал Истомин.

— Вы не поняли, — проговорил капитан. — Я готов помочь. Но пусть соберутся все. Может быть, кто-то еще хочет жить? Инспектор, не могли бы вы пригласить остальных?

— Да, — сказал инспектор, вставая. Зоя проводила его взглядом, а капитан в это время смотрел на нее. Глаза, подумал он; ее глаза потухли, и трудно представить, что не так давно они вызывали желание глядеть в них, глядеть без конца. Слабая женщина, подумал капитан, словно бы никогда и не было ничего.

— Не выдержала испытания. Слабая женщина. Хотя, все мы оказались слабы. И я тоже непрочь был бы умереть, чтобы избавиться наконец от ответственности... Но не имею права.

В салон вошла Вера. Администратор вскочил, усадил ее. Глаза ее были заплаканы, она куталась в плед. Появилась и Мила — сонная, безразличная. Теперь все были в сборе.

— Так, — сказал капитан. — Смотрите.

Он вынул из кармана флазер. Капитан оглядел присутствующих — все шевельнулись, увидев этот изящный механизм для прекращения страданий. Физик протянул руку; Устюг отрицательно покачал головой, положил флазер на стол и накрыл его ладонью.

— Флазер будет лежать здесь. Он заряжен... — капитан вытащил батарею, поставил ее на стол и дал всем полюбоваться, затем снова задвинул на место. — Вот еще, — он вынул из кармана вторую батарею и положил рядом с флазером. — Хватит на всех. Теперь — если все действительно хотят этого — вы разойдетесь по каютам. Прошу правильно

понять: я не против того, чтобы умер тот, кто больше не хочет жить. Но если кто-то лишь боится воспротивиться другим и признать, что боится смерти, то зачем ему умирать? За компанию? Пусть остается в своей каюте.

— Пусть умирает с голода или в драке с роботом, — дополнил физик. — К чему эти разговоры, капитан? Дайте мне оружие.

— Я сказал: все разойдутся по каютам.

— Послушайте! — сказал администратор. — Да вы в своем уме? Неужели это не шутка? А вы, инспектор? Где ваш закон?.. Надо же отобрать у них оружие! Они не в своем уме!

Инспектор покачал головой.

— Это говорите вы, едва не погубивший корабль? Нет, не отмахивайтесь: я знаю, что я прав. Закон умер, администратор, потому что иначе вас не было бы здесь. Я готов умереть!

— Инна! — сказал администратор. — Вы... неужели вы захотите умереть теперь, когда вы не одна?

Актриса задумчиво поглядела на него.

— Я понимаю вас... — Она на миг прислонилась головой к плечу Лугового, улыбнулась. — Мне сейчас хорошо, да. Но уже столько раз было хорошо, а потом становилось плохо. Не лучше ли уйти в хорошем настроении? — Она взглянула на штурмана. — И вы ведь не оставите меня одну, Саша?

Штурман проглотил комок и кивнул.

— Администратор, — сказал Истомин. — Мы ценим ваши усилия. Но они бесполезны. Мы решили — и не отговаривайте нас.

— Вера! — крикнул Карский. — Но ты ведь не захочешь! Она медленно подняла на него глаза.

— Наверное, так будет лучше, — сказала она тихо.

— И ты? Почему?

Вера лишь покачала головой и опустила глаза.

Где настоящие слова? — с тоской подумал Карский. Нет, не слова; дела где? Где великие цели? Что мы без них? Прах...

— Никто не выступает против, — сказал капитан угрюмо. — Что ж, вы — свободные люди. Распоряжайтесь собой. Я останусь здесь, потому что капитан уходит последним. Идите — если все это было серьезно.

Наступила жуткая тишина, словно все перестали дышать. Потом физик засмеялся.

— Год прошел, — сказал он. — Помните, я предлагал через год встретиться? Но через год мы расстаемся — и, кажется, навсегда. — Он встал. — Прощайте!

Нарев откашлялся.

— Прощайте все! — сказал он. — С вами было чудесно. — Он посмотрел на Милу. — Разрешите, я провожу вас. Из каюты мы выйдем вместе — так вам будет легче.

— Спасибо, — прошептала она, поднимаясь.

— Устюг! — сказал инспектор. — А если кто-нибудь только ранит себя?

— Из флазера? Это трудно. Но я помогу.

— Вы сможете?

— Я должен смочь.

— Тогда я спокоен, — сказал Петров, уходя.

Вера подошла к администратору, не стесняясь, обняла его и поцеловала. Он тоже хотел обнять ее — она ловко увернулась (он никогда не понимал, как это удастся женщинам), быстро проговорила: «Не провожай меня — я не выдержу» и подошла к Зое.

— Идемте, доктор?

— Куда? А, конечно...

— Плохо вам?

— Не знаю... Нет, наверное. А вам? Что-то я хотела спросить у вас... Никак не могу вспомнить, что, — Зоя покачала головой и встала, опираясь на руку Веры. — Пойдемте, девочка, пора...

У стола остались капитан и администратор. Флазер лежал на столе, и его металл тускло поблескивал в рассеянном свете. Капитан встал и убавил свет. Дверь одной каюты открылась. Капитан напрягся, администратор скрипнул стулом. Вышел инженер.

— Посижу здесь, — сказал он. — Думал отговорить Сашку. Но она его проглотила живьем. Теперь ему конец.

— Это было бы неплохо, — сказал администратор, — если бы жизнь была впереди.

Капитан кивнул. Рудик достал свой флазер и положил рядом с капитанским.

Они смотрели на закрытые двери кают. Одна из них чуть заметно дрогнула. Капитан прищурился. Дверь приотвори-

лась, затем медленно вернулась в прежнее положение. Устюг усмехнулся краешком губ. Другая дверь приоткрылась на несколько сантиметров. Казалось, из-за нее слышится напряженное дыхание. И эта дверь через несколько секунд вернулась на место. Дрогнула еще одна; между нею и косяком образовалась узкая темная щель: в каюте выключили свет. Дверь не закрывалась и не открывалась дальше. Капитан слышал, как за плечом сопит Рудик, как похрустывает пальцами администратор, едва удерживаясь, чтобы не вскочить, не заорать что-нибудь на весь корабль...

Четвертая дверь распахнулась сразу. Из нее вышел физик. Он подошел к столу.

— Мир честной компании, — проговорил он. — Извините, что задержался: складывал бумажки — хотя и глупо. Дайте-ка мне эту штуку.

Он взял флазер, подбросил в руке и подмигнул ему.

— Здесь все сделано, как надо? — спросил он капитана. — Где нажать — тут?

Устюг не успел ответить, не успел предупредить, что не надо нажимать раньше времени. Механизм сработал. Полыхнуло. Промчались голубые молнии. Сухо, громко ударило. Косая, обугленная борозда возникла на поверхности стола, пластиковый настил пола в углу вскипел. Физик растерянно улыбнулся.

— Черт, — сказал он. — Я даже испугался. Ну, во второй раз не ошибусь. Опыт — великая вещь.

И тут раздался крик. Они узнали голос сразу: кричала Зоя. Капитан вскочил. Он и физик одновременно шагнули к ее каюте. Дверь распахнулась. Показалась Зоя. Она держалась за косяк.

— Нет! — сказала она. — Подождите! Не надо.

— Что случилось? — тревожно спросил капитан.

— Вера... — сказала Зоя и неожиданно улыбнулась. — Вера.

— Вера — что?

— Ах, ну как же вы не понимаете... Пять месяцев, шестой! (администратор медленно поднялся, рот его открывался все шире).

— Пять месяцев? Что это значит?

— Да беременность же, конечно, — с досадой сказала Зоя. — А вы все еще верите, что детей находят в капусте? Или откуда еще они берутся по-вашему?

— Ах, беременность, — сказал капитан Устюг, как будто слово это было иностранным и невыносимо трудным в произношении.

Зоя сердито топнула ногой. Тогда физик длинно свистнул и сказал:

— Молодец девочка! Урок дуракам! — Он глядел на Зою, и глаза его смеялись. — Так и надо! А? Кажется, дивертисмент отменяется! А я-то думаю: с чего она так полнеет? Виват!

Подняв руку, он выпустил весь заряд в потолок, жмурясь и пригнув голову. Звенело стекло, и физик смеялся.

Все высыпали в салон. Капитан сказал писателю:

— У нас есть еще вино в запасе. Кто хочет вина?

— Все хотят! — заявил физик. — Надо же выпить, раз грядущее поколение на подходе! И уберите это.

Капитан сунул флазер в карман.

— За любовь! — сказал Нарев. — Обязательно за любовь!

Вот как обернулось дело. И никто уже не думал — быть или не быть, и никто не обсуждал способ, каким лучше всего свести счеты с этим миром. Не то, чтобы они сразу уверовали в прекрасное будущее; но первый житель этого будущего был уже в пути, и ко дню его встречи надо было приготовить не только чепчики и распашонки — надо было приготовить будущее, чтобы оказалось ему впору, не было бы слишком тесным и не пришлось бы краснеть за подарок, недостойный ни дарителей, ни тех, кому предстоит пользоваться им неопределенно долгое число лет.

Вера плакала, пряча лицо на груди администратора: все, что она хотела — и не решалась сказать вот уже несколько месяцев, уливалось теперь слезами, вырывалось непонятными восклицаниями. Администратор гладил ее плечи и улыбался. Потом сказал:

— Ну, милый... теперь-то ведь все хорошо?

Вера замотала головой так, что разлетелись волосы.

— А в чем дело?

Она проговорила, всхлипывая:

— Как же он будет один?

— Один? Почему один? — Карский улыбнулся. — Думаю, что если он и опередит остальных, то лишь на полгода, не больше.

Лишь теперь она взглянула на него.

— Где же наконец вино, капитан? — крикнул Карский.

— Вино там, — хмуро ответил капитан. — А мы — тут.

Вот теперь все по-настоящему почувствовали, что голодны. Люди снова хотели жить; значит, надо было хотя бы поужинать.

Диспозиция разрабатывалась в салоне.

— Нарев! — сказал инспектор. — Вы знаете их лучше, чем все мы. Попробуйте уладить дело миром. Чего они хотят? Почему выступили против нас? Или это вы внушили им такую мысль?

— Представьте себе, нет, — ответил Нарев. — Я старался вообще не думать о вас — о большинстве из вас. Что же я должен, по-вашему, сказать им?

— А в самом деле, что? — задумался инспектор. — Как вести переговоры с машинами? Какая дипломатия тут пригодна?

— Такой подход не годится, — проговорил администратор. — С машинами не разговаривают. Если мы вступаем в переговоры — значит, это не машины, а существа, равные нам.

— Но они же машины! — воскликнул инспектор.

— Да, — согласился физик. — Но голодны мы.

— И все-таки, — сказал капитан, — если они просто машины... Чем мы им мешаем?

— Эх! — с досадой сказал Нарев. — Мы им не мешаем!

— Почему же они?..

— Очень просто — программа и воздух.

— Неясно, — сказал администратор.

— Это горные роботы. Их программа — бурить, ломать, идти напролом. Поняли? Это, как безусловный рефлекс. Пока они работали, они занимались только этим. А другая причина... Часть их предназначена для разработки рудных залежей на спутниках, где нет атмосферы. Их тела подвержены окислению.

— Ясно, — буркнул инспектор.

— Но роботы не должны причинять вред... — начал было физик.

— А они ведь на нас и не нападают. Просто создают условия, в которых мы не можем жить. В любой момент они могут проковырять где-нибудь дырку — и нам конец.

— Медлить нельзя, — проговорил администратор.

— Да, — проворчал физик. — Вы, Карский, задали нам работы.

— Их шесть десятков, — после паузы молвил Нарев. — Сколько у нас батарей.

— С собой — мало.

— Рудничные роботы — крепкие сооружения, — проговорил Рудик. — Выступать против них с флазером, когда у них плазменные буры...

Несколько минут прошло в тишине.

Потом физик предложил способ. Роботы обладали магнитной памятью. Если изготовить достаточно сильные и удобные в обращении электромагниты, то можно будет стереть все, что записано в этой памяти, и роботы, оставшись без программы, выйдут из строя.

Рудик забраковал план. Дело было не только в том, что блоки памяти роботов хорошо экранированы. Способ не годился потому, что здесь, в пассажирской палубе, не из чего и нечем было изготовить даже самый крохотный магнетик.

Возникло и еще несколько подобных проектов. Пустой желудок, как известно, стимулирует изобретательность. Но для осуществления любого из предложений надо было проворачиваться хотя бы в палубу синтезаторов.

Приходилось рисковать. Капитан решил возглавить группу прорыва. Три члена экипажа и инспектор вооружились флазерами. Карачаров успел разобрать стол. Его каркасом — металлическими трубами — можно было пользоваться, как дубинками. Группа собралась возле двери, и Истомин приготовился распахнуть ее настежь.

Можно было подумать, что осаждающие разгадали план: за дверью слышались торопливые, тяжелые шаги. Видимо, роботы делали перегруппировку.

— Давайте, — кивнул капитан.

Истомин рванул дверь.

За нею было пусто. Роботы ушли.

— Не понимаю, — озадаченно проговорил капитан.

Администратор пожал плечами.

— Не думаете же вы, — сказал он, — что они глупее собак? Собаки прекрасно чувствуют настроение людей. Вот и роботы почувствовали, что мы приготовились умереть, у них просто не хватило такта, чтобы дожидаться, пока мы действительно уйдем. А сейчас они уяснили, что дивертисмент, как выразились вы, доктор, откладывается — и ушли. Но, — он поднял палец, — если такая возможность возникнет снова, они не преминут ею воспользоваться.

— Ах, вот что, — сказал физик. — Значит, это была просто похоронная команда?

Битва была выиграна без единого выстрела, потому что, казалось, снова было для чего жить. Инстинкт сохранения вида — могучий инстинкт. Но человек двойствен по своей природе, и то, чего с избытком хватило бы любому другому виду, для него — лишь меньшая половина.

Капитан, администратор да и все остальные понимали, что пока они лишь получили отсрочку. Заживут ссадины, забудется страх. Но если за это время они не найдут какого-то выхода, все начнется сначала и в еще более тяжелой форме, потому что людям, быть может, придется увидеть, как будет деградировать их потомство. Свойственно желать детям лучшего, чем то, чем обладаешь сам. Но что могли пожелать они?

Они искали выхода ожесточенно и не находили, и безнадежность снова начинала закрадываться в их сердца.

— Боюсь, что все мы неправы, — сказал Карский, когда снова — в который уже раз — разговор зашел об этом. — Мы ошибаемся. Ищем не там.

— А вы знаете, где нужно искать? — спросил Петров хмуро.

Администратор пожал плечами.

— Когда вы, инспектор, заточили меня...

Петров что-то пробурчал под нос.

— Сидя в одиночестве, я думал о принятых вами законах. О законах, выработанных специально для мира Кита.

— Ну, и что же?

— Я подумал: не только законы — в нашем мире все должно быть своим. Он непохож на Землю. Но мы продолжаем мыслить по-земному.

— В чем это проявляется? — спросил Истомин.

— Земные конфликты обращены, так сказать, вовнутрь: они возникают и разрешаются в пределах Земли. Не должны ли мы поступать наоборот.

— То есть искать выход не на корабле, а за его пределами? — уточнил Карачаров.

— Вот именно.

— Да, — сказал физик и яростно поскреб в затылке. — Неужели... Хотя вообще-то... Нет, нет.

Карский взглянул на него.

— Кажется вам не дает покоя какая-то мысль.

— Да что вы ко мне прицепились! — яростно сказал физик. — Отстаньте! — Он вскочил и, широко шагая, вышел, с силой рванув дверь.

— Пока что, — сказал Петров, проводив физика взглядом, — я понял лишь, что арестовав вас, администратор, поступил правильно. Только не вздумайте начать ломать корабль во второй раз.

— Неужели вы думаете, — спросил администратор, — что это и в самом деле был я?

— Вы и Нарев. Я уверен в этом.

— Ни я, ни он.

— Но послушайте! Вы говорите это с такой уверенностью, словно знаете — кто это бы на самом деле!

— Полагаю, что да, — ответил Карский. — Подумайте: кто тогда сохранял рассудок? Два человека: Нарев в трюме и инженер, который находился совсем в другом корпусе, наглухо изолированном от нас. Что касается Нарева, то он не покидал трюма и не появлялся наверху.

Нарев кивнул.

— Инженер? — поднял плечи Петров. — Извините, но это чушь. С его любовью к кораблю...

— Тем не менее именно он. Не сомневайтесь он сам сказал мне. Он слышал наш разговор с капитаном о том, что авария может подхлестнуть людей; он понял, что с нами творится неладное, что мы катимся к гибели. И он рискнул.

— И вы хотите уверить меня, что он сам, своими руками...

— К чему? У него есть ремонтные роботы. Кстати, именно поэтому он не стал использовать их на ремонте: нужно было, чтобы люди сами боролись за свою жизнь. Да, он, конечно, любит корабль и, разрушая его, испытывал, наверное, настоящую муку. Но людей он любит все-таки больше.

Физик зашел в центральный пост.

— Капитан, разрешите воспользоваться «Сигмой»?

— Пожалуйста, компьютер все равно простаивает. А что вы задумали?

— Да так, чисто теоретические соображения. Кстати, какова мощность наших синтезаторов при экономичном режиме работы?

Капитан открыл шкафчик и вытащил из него плоскую коробку. Отобрал нужные кристаллы.

— Здесь все о синтезаторах. Разберитесь сами.

— Давайте, — Карачаров сунул кристаллы в карман. — Капитан...

— Да?

Физик помолчал.

— Хотя — не надо, — сказал он непонятно, повернулся и вышел.

Капитан снова повернулся к пульту и уставился на неподвижные указатели приборов. Внезапно встал. Решительно направился к выходу. Остановился. Вернулся. Сел.

— Ну, нельзя же так! — почти выкрикнул он.

Сейчас уже стало ясно, кто был прав, и надо было — и стыдно было идти к Зое с повинной; он вспоминал ее осунувшееся лицо и думал, каким может быть ее ответ.

Физик мерил шагами прогулочную палубу. Наверное, за эти несколько часов он прошел здесь уже не один десяток километров. Внезапно он остановился, вскинул кулаки, словно готовясь обрушить их на что-то.

— Десять в двадцать первой! — крикнул он, хотя никого другого здесь не было. — Это невозможно! Надежды нет!

Он разжал кулаки, провел ладонью по лбу.

— Ты спишишь, — сказал он сам себе. И тут же ответил: — А что делать? В двадцать первой степени! Но ведь иного пути нет?

Махнул рукой. Постоял, покачиваясь на каблуках. Сказал:
— Да, тут впору свихнуться.

Через несколько секунд он стучал в дверь Зои. Она подняла на него грустные глаза, казавшиеся особенно большими на ее похудевшем лице.

— Нужна ваша помощь, — сказал он. — Иначе я заболею окончательно.

Зоя чуть заметно усмехнулась.

— Новый способ атаки? Не надо, я больше этого не стою.

Он сначала даже не понял. Потом покраснел.

— Вы сейчас куда красивее, чем тогда, — сказал он убежденно. — И не только. Вы просто лучше.

Она медленно покачала головой.

— Так чего же вы хотите?

— Вы разбираетесь в навязчивых идеях? Слушайте внимательно, сейчас я изложу вам одну. Если окажется, что я просто сошел с ума, то постарайтесь, ради всего светлого, изолировать меня сразу же. Договорились?

— Бедный мой! — сказала она. — Я ведь ничего не понимаю в ваших идеях!

— Это и хорошо. Если вы, неспециалист, не поймете, значит, идея никуда не годится. Готовы? Слушайте...

Капитан вошел в инженерский пост. Рудик сидел там ипил какую-то бурду, морщась и вздыхая.

— Не спится, капитан?

— Пойдем, сделаем обход. А то мы распустились в последнее время.

— Понимаю, — сочувственно сказал Рудик. Был не час обхода, но если некуда деться... — Осмотрим, кстати, тамбур. Сашка докладывал, что разнес автомат вдребезги. Была такая ситуация...

Они спустились и осмотрели автомат. Собственно, смотреть было не на что.

— Ремонту не подлежит, — сказал инженер уверенно. — Да нам все равно выходить не придется. Так что переживем.

— Ну? — усмехнулся Устюг. — А вдруг кому-нибудь захочется прогуляться на лоне природы?

Рудик серьезно ответил:

— Открыть мы еще могли бы — в случае крайней необходимости: просто вырезать. Но тогда внутренняя пластина осталась бы заблокированной навсегда.

Капитан медленно провел ладонью по гладкому металлу.

— Хорошо, — сказал он, — что нам не придется открывать.

— Я поняла, — сказала Зоя. Теперь она сидела, забравшись на диван с ногами. — Но разве обязательно сразу — такую громадину? А если начать с небольшого?

— Я думал об этом. Пусть не Земля; пусть придется остановиться на радиусе хотя бы в пятьдесят километров — даже и тогда, при использовании синтезатора на полную мощность, при ограничении всех других потребностей, — при всем этом счет пойдет на тысячи лет.

Он умолк, подпер голову руками. Зоя вздохнула.

— Да. Это очень долго... — жалобно сказала она.

Физик кивнул.

— Ничего другого я не вижу, — пробормотал он. — И ни о чем другом не могу думать. Просто лопается голова... — Он протянул руку и коснулся ее пальцев — почувствовал, как они дрогнули. — Зоя... Я не хочу уходить отсюда. От вас. На этот раз... Поймите же!

Она молчала, и он испугался.

— Надо ли говорить вслух, как я люблю вас?

Зоя долго смотрела на него, и ему почудилось, что в ее глазах он видит слезы.

— Конечно, надо, — тихо сказала она. — Говорите об этом и заставьте меня поверить. Я хочу верить...

— Тогда я выключу плафон, — сказал он. — Вы ведь светитесь собственным светом.

— Вам предстоит разочарование.

— Нет. Просто свет этот вижу один я.

В этом Зоя не была уверена, но вслух не произнесла ничего; да и зачем? Любовь не доказывают и не опровергают, в нее верят или не верят — и все.

— А физик, кажется, что-то придумал, — сказал капитан Рудику, когда они, завершив свой внеурочный обход, шли

пассажирской палубой. — Мысли-то у него бывают дельные. Я буду спать спокойнее, если услышу, что у него на уме.

Он постучал в дверь каюты. Ему не ответили.

— Спит, — сказал Рудик.

— Придется завтра, — сказал капитан. — Он стукнул еще раз и нажал. Дверь отворилась. Каюта была пуста. — А, его нет, — сказал капитан. — Пойдем.

— Где же он может быть сейчас?

— Ну, корабль велик, — проговорил капитан, но тон его голоса не соответствовал смыслу слов. Капитан ускорил шаги, словно салон пассажирской палубы вдруг стал ему в тягость.

Проснувшись, физик почувствовал себя счастливым. Он любил женщину, и она была рядом. А что еще нужно для жизни?

Проклятая страсть к обобщениям и на этот раз подвела его: он стал думать, что нужно и что не нужно для жизни, и сумасшедшая идея снова ударила ему в голову, и он ощутил горечь во рту.

Он тихо оделся, стараясь не разбудить ее, хотя ему очень хотелось сделать именно это. Но совесть была неспокойна, и он знал, что это состояние не пройдет, пока ему не докажут, что мысли его — совершенный бред. Или пока он не докажет противоположное.

Он решил, что не станет выносить свою идею на общий суд. Обсуждать ее было лучше с каждым в отдельности, когда мнение соседа не может повлиять на отвечающего.

Сначала он зашел к администратору. Рассказывая ему, физик уточнял подробности и для самого себя.

Карский выслушал его серьезно и внимательно.

— Не знаю, — сказал он. — Надо подумать, посоветоваться. Основательно подумать, не торопясь.

На языке администратора это означало несогласие.

Капитан хмуро смотрел на Карачарова, словно пытаясь по его лицу прочитать, где физик был ночью.

— Сколько, вы говорите, лет? — переспросил он. Потом нехотя усмехнулся.

— Нет, — сказал он. — Может быть, теоретики и смогли бы воодушевиться этим. Но я человек практический и пря-

молинейный. Живу сегодняшним днем. Если я вижу, что надо отдать приказ, который сегодня нужен — я его отдаю. И сам исполняю, хотя бы позже мне и пришлось поплатиться за это. И я не заглядываю в тысячелетия.

Физик не обиделся: он чувствовал свое преимущество перед капитаном. И потом, разве Устюг не был прав?

Инна выслушала его невнимательно. Она была недовольна тем, что физик помешал ее туалету.

— Ах, спросите лучше Сашу, когда он проснется, — сказала она.

Карачаров пожал плечами. Инна схватила его за рукав.

— Доктор, — проговорила она просительно. — Он молод... но это ничего. И не смотрите на меня так.

— Я и не смотрю, — ответил физик и направился к Нареву.

— Знаете, — с досадой сказал ему бог роботов, — всерьез и философски думать о детях и о том, что им понадобится и что не понадобится, хорошо, когда вы полагаете, что у вас их не будет.

— Гм, — сказал физик.

— Да! — яростно сказал Нарев. — У вас были дети? У меня тоже не было. И я совершенно не знаю...

— Я тоже.

Нарев улыбнулся.

— Ну, излагайте.

Он внимательно выслушал.

— Вы бы придумали что-нибудь... поближе, что ли. Что-то конкретное, реальное. Столь отдаленная цель — это уже почти и не цель.

— Чепуха! — вспыхнул физик. — Громадные цели вблизи вы просто не разглядите.

— Это теория, — сказал Нарев терпеливо. — А мне вы подавайте дело.

— Ничего я вам не обязан подавать! — сердито заявил Карачаров.

Инспектор выслушал его, не прерывая.

— Видите ли, — сказал он затем. — Я ведь, как вы знаете, в этом абсолютно ничего не понимаю, но если мне скажут, что надо что-то сделать, я сделаю. Решают пусть другие.

Он был не в настроении и, может быть, даже не спал ночь — глаза его ввалились, и под ними были черные полу-месяцы.

— Вам нездоровится? — спросил Карачаров.

Инспектор махнул рукой.

— Да нет, — вяло сказал он. — Вот только мучают воспоминания. Любить ведь можно не только присутствующих, правда?

— Простите, — сказал Карачаров.

Инженер Рудик воспринял его идею по-другому.

— Ничего, — одобрил он. — С размахом. Только не представляю, как это будет делаться практически.

— Я же объяснил. Существуют реакции между элементарными частицами, в результате которых, скажем, из двух частиц возникают три. Иными словами, мы, затрачивая энергию, можем производить вещество нужного нам знака. Затем...

— Вы объясняете в принципе, — прервал его инженер, — а я хочу видеть технологию. Этот наработанный материал — как вы будете выводить его за пределы корабля, в пространство?

— Я полагал использовать выходы двигателей...

— Не получится. Двигатели рассчитаны на выброс излучения, а не вещества. И приспособить их нельзя: тогда они долго не продержатся, а вам нужно, чтобы они работали огого сколько!

— Ну, наверное, можно что-нибудь придумать — это не принципиальный вопрос...

— Иногда решают именно непринципиальные обстоятельства. Придумать, конечно, можно, но в любом случае пришлось бы монтировать какие-то приспособления и устройства вне корабля.

— Разве это так сложно?

— Нет — если бы мы могли выйти в пространство. А мы не можем. Вернее, выйти-то можно, да вот назад уже не попасть. Понимаете?

— Нет. Неужели нельзя справиться с такой мелочью?

— Автомат люка — вроде бы мелочь, — кивнул инженер. — Но, понимаете ли, доктор, самые трудные вещи — не всегда

самые значительные, а мы здесь, как и всякое человечество, всемогущи лишь в определенных пределах. Хотите, чтобы я вам объяснил детально?

— Я и так верю, — пробормотал физик.

В конце концов все они могли идти к чертям — разве ему больше всех нужно? У него есть Зоя...

Наверное, ему все-таки было нужно больше всех; поэтому он направился не к Зое, а к писателю.

— Что с вами стряслось? — удивился Истомин.

— Да так... мелкие разочарования.

— Пооткровенничайте, полегчает.

Он слушал увлеченно, и, кажется, переживал все, что говорил физик, и видел, как это должно произойти.

— Ну? — спросил Карачаров, закончив.

— По-моему, блестяще.

— Смеетесь?

— Давно отвык. Нет, правда: то, что нужно.

— Увы, — сказал физик. — Остальные придерживаются иного мнения.

— Естественно, — сказал писатель, — они этого не увидели. У вас, друг мой, есть один недостаток: вы слишком верите во всемогущество вашего математического аппарата и полагаете, что если сколько-то там раз употребили свои символы и степени, то этим все сказали. А на деле не сказали ничего — вам нужен переводчик. Хотя одно дело вам удалось сделать: вы почти заставили меня поверить, что и техника — не лишняя вещь в жизни.

Он усмехнулся; было видно, что разговор на эту тему ему нравится.

— Вы, друг мой, как литература: если человек не владеет данным языком, самый гениальный роман для него — просто пачка бумаги. А я в этой параллели — живопись: она одна для всех.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал физик нетерпеливо. — Что толку в этих рассуждениях?

Истомин прищурился.

— Дайте мне время до обеда — и увидите.

Карачаров почувствовал вдруг неожиданное облегчение, словно бы ответственность за бредовую идею перевалилась с его плеч на сутулую спину писателя.

— Ладно, — сказал он. — Дам. В конце концов мы — две стороны одной медали, и что не удалось одному, то, может быть, получится у двоих.

— Наконец-то вы стали мыслить разумно, — сказал писатель рассеянно; он глядел уже куда-то сквозь физика, рука его наткнулась на диктограф, подтянула его поближе, сняла микрофон. — Ну, идите, — сказал он. — Теперь не мешайте мне. Это вам не математика, тут счет идет на секунды.

...Они почти не изменились; стали, может быть, стройнее и одухотвореннее но в каждом можно было найти какие-то черты, характерные и для их далеких предков, родоначальников, зачинателей эры Кита: и рост Лугового, и широкую кость физика, и огромные глаза Зои, и мягкость движений Милы, и смуглоту Веры, и резкие черты Нарева, и пронизательный взгляд администратора — людей, давно исчезнувших с лица Кита. С тех пор сменились поколения; умирая, они уходили в круговорот веществ, и атомы, из которых они состояли, продолжали теперь жить в телах тех, кому предстояло сейчас начать новую эру — эру Большого Кита, эру открытого человечества.

Старый «Кит», бесконечно изношенный и залатанный, до того древний, что казалось непонятным, как он мог просуществовать в пространстве столько времени, лежал на орбите вокруг Большого Кита — планеты более ста километров в диаметре, чья площадь не превышала двух с половиной тысяч квадратных километров. Но это был необозримый простор по сравнению с замкнутым объемом корабля, где счет шел на квадратные метры. Старый «Кит», пережив многих и многих, все-таки дождался этого дня.

Планета голубела невдалеке. Маленькое, близкое солнце, зажженное несколько лет назад и успевшее теперь прогреть планету и подготовить ее для прибытия людей, находилось сейчас по ту сторону небесного тела, но вскоре должно было уже показаться над невысокой атмосферой; лучи его, преломляясь в воздухе, уже достигали взглядов людей, столпившихся в центральном посту корабля и в обсерватории.

Планета была дочерью корабля. Создаваемая в течение многих столетий при помощи неустанной работы по синтезу антивещества, она казалась сперва беспочвенной меч-

той, но потом стала возникать за бортом, на расстоянии ста пятидесяти километров, и было интересно проследить по записям, как менялись их взаимные орбиты по мере увеличения массы планеты. Пространство было спокойным, ничто не грозило разлучить их — за исключением одного случая, когда пустота стала волноваться, словно океан, и пришлось приложить немало усилий и показать высокое искусство манипулирования гравигенами, чтобы не позволить стихии разрушить эту систему. Это было давно, когда сквозь рыхлое вещество планетки можно было еще заметить конструкции гравигена, который послужил ядром нового небесного тела. Люди преодолели угрозу, и с тех пор планета росла без помех. Чем дальше, тем медленнее росли ее видимые размеры, пришлось уже не десять и не двадцать раз менять рабочие части синтезаторов, гравиген в центре планеты в конце концов остановился от старости, но это произошло, когда планета успела стать центром ощутимой гравитации и новые частички антивещества не имели иного пути, как осесть на ее поверхность. Они оседали, и планета росла.

Многие поколения посвятили свою жизнь служению Планете, которая — они знали — рано или поздно должна была достигнуть расчетной величины. К тому времени, когда шар вырос до половины, было закончено проектирование нового гравигена: тяготение на планете должно было быть нормальным, к какому привыкли на корабле. Гравиген был заключен в прочную капсулу и выброшен, и менее чем через полгода, снижаясь по неуловимо сужающейся орбите, он опустился на поверхность, а затем, подгоняемый точными импульсами гравигенов корабля в строго рассчитанные мгновения, вдавился в вещество планеты, постепенно дошел до ее центра и дожидался там момента, когда его включат. Поколения, строившие мир для своих потомков, давно уже разделились на несколько нужных профессий — среди них были синтезировавшие, гравигенщики, китологи и китографы, биологи и механики, и каждый владел не менее чем двумя специальностями. Из унаследованного от Земли богатства многое забылось, другое же изменилось до неузнаваемости, приспособилось к нуждам Человечества Кита. Но, как святыня, хранились в памяти людей законы управления ко-

раблем, сведения о многих других науках, а также искусство: люди знали, что без этого им не выжить.

Когда масса планеты достигла заданной величины, синтезаторы переключились на создание атмосферы. Чтобы удержать ее, был включен гравиген. Группа солнечных батарей зажгла небольшое термоядерное светило. На планете уже протекали естественные процессы, но в помощь им синтезировалась вода (к тому времени обитатели Кита научились уже осуществлять синтез на расстоянии и, не покидая корабля, смогли создать на планете море), а биологи, тщательно ухаживавшие за деревьями небольшого корабельного сада и собиравшие и копившие семена, неустанной работой добились того, что трава, теперь за день вырастала до колена, а деревья за несколько месяцев вымахивали на три-четыре метра. Труднее всего было с животным миром. Но на кристаллах был записан опыт Земли, позволявший стимулировать развитие организмов даже из нескольких клеток кожного покрова или любой другой живой материи, так что можно было надеяться на то, что и своя фауна появится на Ките. Да, воистину, дел было невпроворот, скучать на всем протяжении минувших тысячелетий людям не приходилось, и они даже не знали, что такое — скука и отчаяние.

И вот наступил миг, о котором мечтали поколения.

Человек, с детских лет учившийся по многочисленным записям управлять кораблем, сел в жалобно скрипнувшее под ним кресло. Старший из Штурманов дал направление. Все затаили дыхание, и пилот взялся за сектор тяги.

Двигатели корабля молчали столетиями. Они спали, но проснулись сразу и мягко подтолкнули корабль вперед.

Пилот переложил рули. Выхлопы заklubились сбоку. Корабль поворачивался. Планета Кит плыла на экранах. Потом она оказалась позади, и капитан выключил большие двигатели: пришла пора тормозных. Корабль стал медленно оседать, приближаясь к поверхности.

Он вошел в атмосферу, скрипя и раскачиваясь. Капитану трудно было удержать его на вертикали, и сразу много рук протянулось к клавиатуре пульта, чтобы помочь. Но он уже выровнял машину и повел ее точно, и она медленно приближалась к гладкой, круглой площади, на которую корабль должен был сесть, чтобы остаться там навсегда.

Люди считали хором: пятьдесят метров... тридцать... два... сели!

Амортизаторы застонали, один из них лопнул: металл устал за минувшие времена. Но теперь это было неважно.

Люди открыли внутреннюю пластину люка — вернее, просто вырезали ее: герметичность больше не имела значения. И, толпясь в тамбуре, несколько минут смотрели вниз, не говоря ни слова.

Перед ними простирались засеянные из космоса зеленые луга, испещренные цветами, и река текла, петляя, сбегая с холмов, и струилась к белопенным волнам моря, откуда дул ветерок и доносились запахи жизни и счастья. Лес шумел невдалеке, и деревья покачивали вершинами. Солнце стояло высоко, и корабль бросал перед собой короткую тень.

Люди стояли молча, потому что слова не были нужны, а земля их лежала внизу, созданная ими, как будто они были богами.

Истомин умолк. Все хранили безмолвие, и кофе стыл в чашках.

— Да, — сказал потом физик. — Значит, так оно будет.

— Стоит! — крикнул капитан Устюг. — А? Стоит!

— И ведь, наверное, на самом деле будет еще лучше! — сказал администратор.

Писатель не обиделся.

— Да, — согласился он. — Будет куда лучше.

Инна отняла от глаз платок.

— Династия штурманов — это будут наши, — шепнула она Луговому, и он прикоснулся губами к ее волосам.

Инженер Рудик вздохнул.

— Да, — сказал он. — Только вот как вывести все это за борт? Выйти-то мы не можем!

Все почувствовали, как потолок снизился и навалился на них; стало трудно дышать. Истомин сказал?

— Не знаю, как. Но выйти надо.

— Все, как в доброй старой истории, — проговорил Нарев, собрав остатки сарказма. — Было нашествие, почти была битва, мы победоносно выиграли войну. Можно начать движение к счастью. И мы не знаем, с какой ноги сделать первый шаг!

— Детали, детали, — сердито сказал физик. — Насколько же все-таки теория симпатичнее! Капитан, инженер! Неужели же невозможно ничего придумать?

Капитан пожал плечами.

— Выводить вещество — это еще туда-сюда. А вот как вы сможете выкинуть за борт гравиген, да еще отбуксировать его в нужное место — этого я, откровенно говоря, не представляю. Элементарная ситуация, но это-то и плохо — из сложных положений всегда легче найти выход.

Физик засвистел песенку. Потом встал инспектор Петров. Он оглядел пригорюнившихся людей.

— Инспектор, — сказал Нарев. — Давайте, обвиним этих двоих в распространении беспочвенного оптимизма.

— Хорошо, — сказал инспектор. — Если все дело в этом гравигене, то я отвезу его, куда нужно.

Инженер Рудик покосился на него.

— Вы, верно, не поняли, — сказал он. — Выйти-то может любой. Но он не сможет вернуться назад: вход будет заблокирован наглухо — и навсегда.

— А я не говорил о возвращении, — сказал инспектор.

— Послушайте... — медленно начал администратор.

— Я знаю, что говорю, — прервал его Петров. — Мне немало лет, и моих потомков не будет на финише этого полета — потому что единственная, кто могла бы подарить их мне, осталась далеко. Я проживу и умру без пользы, а это меня не устраивает. Я знаю, что выйти надо, и выйду. Только лучше разъясните мне, что нужно там сделать, чтобы все не оказалось зря: если я правильно понял, после меня не сможет выйти уже больше никто.

Люди молчали.

— Будут дети, — сказал инспектор. — Еще недавно мы были готовы умереть сами; неужели забота о жизни одного старика заставит вас закрыть путь перед близящимся поколением?

— Я люблю вас, инспектор, — сказала Зоя. — Вы человек.

— Я рад, — сказал Петров, — что вы это понимаете.

— Спокойно, милая, спокойно... — приговаривала Зоя. Вера лежала, закусив губу, в глазах ее был страх. Это всегда страшно. — Кричи, Верочка, — говорила Зоя. — Кричи...

Вера кричала. Крик доносился до салона. Там собрались все и молчали, вслушиваясь. Администратор ходил из угла в угол и кусал пальцы, чтобы ощутить боль. Ему казалось, что так будет честнее.

Инспектор Петров поднялся, украдкой кивнул инженеру и вышел. Никто не заметил этого. Через пять минут встал и инженер. И на него никто не обратил внимания.

Они встретились возле тамбура. Инженер помог инспектору надеть скафандр. Небольшой собранный в капсуле выход гравигена — ядро будущей планеты — уже стоял в тамбуре. Туда же инженер заблаговременно провел кабель для плазменного резака, которым инспектор должен был вырезать замок внешней пластины, заблокированной испорченным автоматом.

— Вы только вовремя скомандуйте, — сказал Петров. — Чтобы я знал, когда остановиться.

— Само собой, — сказал инженер.

— Так что вы запишите где-нибудь для потомства, — сказал инспектор, — что в центре этой планеты похоронен я. Инспектор Петров.

— Это справедливо, — согласился инженер.

Петров вынул сигарету. В пачке оставалось еще несколько. Он отдал ее инженеру.

— Эту я выкурю, — сказал он. — А остальные — может, кому захочется. Только расходуйте осторожно. Больше нету.

Он курил медленно, словно оттягивая момент. Послышались шаги. Подошел капитан.

— Решили сейчас? — спросил он деловито, словно речь шла о самом простом деле. Да, по сути дела, для него так оно и было: он снова работал в экспедиции, с сильными людьми, перед которыми была поставлена цель — построить планету. Одному из них приходилось пожертвовать жизнью. Это бывало и раньше, и капитан снова чувствовал себя молодым.

— Да, — сказал инспектор. — Вот хочу только дождаться. Узнать, все ли окончится благополучно.

Движением головы он указал вверх.

Новый крик донесся оттуда. Теперь Вера кричала не переставая.

И вдруг слышался другой голос — слабый и оглушительный.

— Ну все, — сказал инспектор. — Удачи вам. Мне-то досталось самое простое.

Он поискал глазами пепельницу; ее здесь не оказалось, и он бросил окурочек на пол. Капитан сделал вид, что не заметил этого. Он и инженер вышли из тамбура и остановились в коридоре.

— Не забудьте — резак сразу на полную мощность, — напомнил инженер, хотя инспектор уже не раз тренировался.

Петров кивнул и закрыл шлем. Он включил резак и направил язык плазмы, на замок. Вскоре послышался свист: воздух стал уходить наружу.

В тот же миг внутренняя пластина сдвинулась с места.

— Быстрее! — крикнул Рудик.

Пластина все больше закрывала отверстие выхода, и люди отходили в сторону, чтобы не терять инспектора из виду. Потом пластина щелкнула, перерубая кабель. Но за мгновение до этого, как успел заметить капитан, крышка внешнего люка дрогнула.

— В пост! — сказал капитан.

Они кинулись в пост. Луговой был уже там и сидел перед включенным обзорным экраном.

Было видно, как, обхватив капсулу гравигена, инспектор оттолкнулся ногами от борта, включил двигатель скафандра и полетел.

Луговой называл расстояния. Фигурка инспектора все уменьшалась. Вскоре она стала почти уже неразличимой на фоне вечной черноты.

Вбежал физик. Он посмотрел на людей, перевел взгляд на экран. Медленно проходили секунды.

— Хватит, — тихо сказал Карачаров.

— Стоп! — крикнул штурман в микрофон. — Хорошо!

— Порядок! — донесся голос инспектора. — Я все сделал, как надо?

— Попробуйте теперь включить... Да, все в порядке.

— Очень хорошо, — сказал инспектор Петров.

— Инспектор! — капитан рванул микрофон к себе. — Одну минуту! — Он повернулся к физику. — Кто у нее — мальчик? Девочка?

— Девочка.

— Алло, инспектор! Вы меня слышите? Алло!
Но он не получил ответа.

За ужином женщины плакали. Мужчины крепились, но это удавалось им с трудом. Карский налил стакан и встал.

— Теперь мы — человечество, — сказал он. — У нас есть своя история и свой герой, и высокая цель, и дети. Есть прошлое, и есть будущее. За человечество!

— И за то, — добавил Истомин, — что начали все-таки мы.

Капитан взглянул на Зою. Она что-то говорила физику, и сквозь слезы на ее лице проступала улыбка. Капитан вздохнул и подумал, что за право быть капитаном порой приходится платить чересчур уж дорого.

— Давайте споем! — предложил физик. — Кто станет запевать? Я бы рад, но слух. Саша, вы наш солист — давайте вдвоем с Инночкой! Я могу сбегать за гитарой...

Он уже встал, но Инна подняла руку.

— Погодите! — сказала она. — Слушайте!

Двери были открыты, и издалека, из госпитального отсека, до сидящих в салоне явственно донесся плач ребенка.

— Вот вам солистка! — сказала Инна. — Вот запевала, а уж вы только успевайте подтягивать!

РАССКАЗЫ

РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ

1

Звезды процарапали по экрану белые дуги. Брег, грузнея, врался в кресло. Розовый от прилившей крови свет застилал глаза, приглашая забыться, но пилот по-прежнему перетаскивал тяжелеющий взгляд от одной группы приборов к другой, выполняя главную свою обязанность: следить за автоматами посадки, чтобы, если они откажут, взять управление на себя. За его спиной Сивер впился взглядом в экран кормового локатора и от усердия шевелил губами, считая еще не пройденные сотни метров, которым, казалось, не будет конца. Звезды вращались все медленнее, наконец вовсе остановились.

— Встали на пеленг, — сказал Брег.

— Встали на пеленг, — повторил Сивер.

Япет был теперь прямо под кормой, и серебряный гвоздь «Ладоги» собирался воткнуться в него раскаленным острием, завершив свое многодневное падение с высоты в миллиарды километров. Вдруг тяжесть исчезла. Сивер собрался облегченно вздохнуть, но забыл об этом, увидев, как помрачнело лицо Брега.

— Ммммм!.. — сказал Брег, бросая руки на пульт. — Не вовремя!

Тяжесть снова обрушилась.

— Тысяча! — громко сказал Брег, начиная обратный отсчет.

Он повернул регулятор главного двигателя. На экране проросли черные скалы, между ними светился ровный «пятачок».

— Следи, мне некогда, — пробормотал Брег.

— Идем точно, — ответил Сивер.

— Кто там? — спросил Брег, не отрывая взгляда от управления.

— Похоже, какой-то грузовик. Видимо, рудовоз...

— Сел на самом пеленге, — сердито бросил Брег. — Провожу отклонение.

— Порядок, — сказал Сивер.

— Шестьсот, — считал Брег. — Триста. Убавляю...

Сивер предупредил:

— Закоптишь этого.

— Нет, — проговорил Брег, — сто семьдесят пять, уберу факел, сто двадцать пять, сто ровно, девяносто.

— А хотя бы, чего ж он так сел? — сказал Сивер.

Скалы поднялись выше головы.

— Самый паскудный спутник, — сказал Брег, — надо было именно ему оказаться на их трассе. Сорок. Тридцать пять. Упоры!

Зеленые лампочки замигали, потом загорелись ровным светом.

— Одиннадцать! — кричал Брег. — Семь, пять!..

Двигатель гремел.

— Ноль! — устало сказал Брег. — Выключено!

2

Грохот стих, лишь тонко и редко позванивала, остывая, обшивка кормы да ласково журчало в ушах утихомирившееся время. Сивер открыл глаза. Рубка освещалась зеленоватым светом, от него меньше устает зрение. Брег потянулся и зевнул. Они посмотрели друг на друга.

— Но ты здорово, — сказал Сивер. — И надо же: автомат скис на последних метрах.

— Я его подкарауливал, — ответил Брег. — Чувствовал, что вот-вот... С этой спешкой мы его перегрузили, как верблюда. Теперь придется менять.

— Я думал, ты мне поможешь.

— Ну, помогу, а потом займусь. Полагаю, времени хватит.

— Когда, ты считаешь, они придут? — спросил Сивер.

— Суток двое прозагораем, а то и меньше, — сказал Брег.

— Только? По расчету вроде бы выходило пять дней. Я хотел здесь оглядеться...

— Тут одного дня хватит. Камень и камень, тоскливое место. Вот если бы они возвращались месяцем позже, на их трассу вывернулся бы Титан, там садиться благодать, и вообще цивилизация.

— Вот тогда-то, — сказал Сивер, — мы и врезались бы. Скажи спасибо, что это Япет — всего-навсего пять квинтильонов тонн массы. Титан раз в тридцать массивнее...

— Чувствую, — улыбнулся Брег, — ты готовился. Только к Титану я и не подскочил бы, как лихач. Я его знаю вдоль и поперек. Так что не удивляй меня знаниями. Кстати, их ты, пожалуйста, тоже не удивляй.

— Ну уж их-то мне и в голову бы не пришло, — сказал Сивер. — С героями надо осторожно...

— Правильно, — кивнул Брег. — Со мной-то стесняться нечего: раз дожил до седых волос на посыльном корабле — значит, явно не герой.

— Ну ладно, чего ты, — пробормотал Сивер.

— Я ничего, — спокойно сказал Брег. — Я и сам знаю, что не гений и не герой.

Они еще помолчали, отдыхая и поглядывая на шкалы внешних термометров, которые должны были показать, когда окружающие камни остынут наконец настолько, что можно будет выйти наружу. Потом Сивер сказал:

— Да, герои — это... — Он закончил протяжным жестом.

— Не знаю, — проговорил Брег, — я их не видел в те моменты, когда они становились героями, а если бы видел, то и сам бы, может, стал.

— А кто их видел? — спросил Сивер. — Герои — это рекордсмены; уложиться на сотке в девять секунд когда-то было рекордом, потом — нормой мастера, а теперь рекордсменом будет тот, кто не выйдет из восьми. Так и тут. Чтобы летать в системе, не надо быть героем; вот и мы с тобой путешествуем, да и все другие, сколько я их ни видел и ни показывал, — тоже вроде нас. А вот за пределы системы эти вылетели первыми.

— Ну не первыми, — сказал Брег, он собрался улыбнуться, но раздумал.

— Но те не вернулись, — проговорил Сивер. — Значит, первые — эти, и уж их-то мы встретим, будь уверен. У меня такое ощущение, что мне повезет, и я сделаю прима-репортаж.

— Ну, — сказал после паузы Брег, — можно выходить.

3

Они закрепили кресла, как и полагается на стоянке, неторопливо привели рубку в порядок, с удовольствием ощущая легкость, почти невесомость своих тел, естественную на планетке, в тысячу раз менее массивной, чем привычная Земля. Сивер взял саквояж и медленно, разглаживая ладонями, стал укладывать в него пижаму, халат, сверху положил бритву. Брег ждал, постукивая носком ботинка по полу.

— Пижамы там есть, — сказал он.

— А я не люблю те, — ответил Сивер, застегивая «молнию».

Лифт опустил их на грузовую палубу. Там было тесновато, хотя аппаратура Сивера и коробки с медикаментами и витаминами занимали немного места: «Ладога» не была грузовиком. Сивер долго проверял аппаратуру, потом, убедившись, что все в порядке, дал одну камеру Брегу, другую взял сам.

Вышли в предшлюзовую. Помогая друг другу, натянули скафандры и проверили связь. Люк отворялся медленно, словно отвыкнув за время полета.

Башмаки застучали по черному камню. Звук проходил внутрь скафандров, и от этого людям казалось, что они слышат ногами, как кузнечики. Вспыхнули нашьлемные фары. Брег медленно закивал головой, освещая соседний корабль, занявший лучшее, центральное место на площадке. Машина на взгляд была раза в полтора ниже «Ладоги», но шире. Закопченная обшивка корабля сливалась с мраком; амортизаторы — не телескопические, как у «Ладоги», а шарнирные — вылезали в стороны, как локти подбоченившегося человека, и не вызывали ощущения надежности: частые утолщения показывали, что их уже не раз сваривали. Сивер покачал головой: зрелище было грустным.

— Да, — сказал он, — рудовоз класса «Прощай, мама». Что они делают в этих широтах? Погоди, возьят трансурано-

вые с той стороны на остальные станции группы Сатурна. Правильно?

— Давай дальше, эрудит, — проворчал Брег.

— Это срам, — сказал Сивер, — что энергетика станций зависит от таких вот гробов. Кстати, а что он вообще делает здесь? Рудник же на той стороне.

— Скорее всего техобслуживание. Рудовозам разрешено заходить на станции, как эта, если они никому не мешают.

— Нам они как раз мешают, — сказал Сивер. — Боюсь, что «Синей птице» некуда будет сесть.

— Если она и впрямь зайдет, — проворчал Брег. — Они могли изменить маршрут.

— И в самом деле, — сказал Сивер, — им не сесть. Она же, пожалуй, раза в два больше нашего, «Птица»? А этот стоит — неудобнее нельзя, и растопырился.

Они снова обернулись, поводя лучами фар по кряжистому корпусу. На нем, почти на самой макушке, по рыхлой броне неторопливым жуком полз полировочный автомат, оставляя за собой тускло поблескивавшую полосу. Рудовоз прихорашивался. Сделать это ему, пожалуй, следовало бы уже давно.

— Ну и агрегат, — усмехнулся Сивер. — Корабль запущен дальше некуда. А между тем в этой зоне полагается быть инспектору. Готов поспорить, что он безвылазно сидит на Титане. Поэтому они и сели на автоматической станции, где нет людей и их никто не увидит.

Он умолк, огибая вслед за Брегом глыбу, об острые края которой можно было порезать скафандр.

— И вообще космодром следовало строить там, где камней поменьше.

— Камни здесь появились, когда строили космодром, — сказал Брег. — Взрывали скалы. И потом, каждая посадка и старт добавляют их: скалы трескаются от наших выхлопов. В других местах камней вообще нет: ни тебе атмосферы, ни колебаний температуры...

— Все равно надо строить на гладкой стороне.

— Фон, — сказал Брег. — Там уран и прочее. — Он взглянул на свой дозиметр. — Даже этот кораблик поднял фон. Видишь? — Он показал Сиверу прибор.

— Что ж удивительного, если он нагружен трансуранами по самую завязку. Но теперь потрясаясь, я вижу, ты меня, а не наоборот.

— Ну, — проворчал Брег, — я-то узнал это не из книг... Вот и пришли.

Они остановились возле небольшой, наглухо закрытой двери, ведущей в помещения станции, вырубленной в скале.

— Я зайду, расположусь, — сказал Сивер, — а ты принеси остальное. — После паузы он, спохватившись, прибавил: — Если тебе не трудно, конечно.

— Нет, — ответил Брег, — чего ж здесь трудного.

4

Обширная комната — кают-компания станции — была освещена тусклым светом, и поэтому углы ее казались не прямыми, а острыми, глубоко уходящими в скалу. Автоматы, как им и полагалось, экономили энергию. Сивер искал взглядом выключателя, хозяйским движением включил большие светильники и огляделся.

Трое с рудовоза сидели в конце длинного стола. Перед ними стояли алюминиевые бокалы с соломинками. Примитивная посуда заставила Сивера чуть ли не растрогаться — словно он попал в музей или в лавку древностей. Возле стойки автомат-бармен, гудя и звякая, сбивал какую-то смесь. Автомат не внушал доверия. Сивер перевел взгляд на сидевших за столом и внутренне усмехнулся: трудно было бы придумать людей, более соответствующих своему кораблю. Трое были одеты кое-как, об установленной форме не приходилось и думать. Один из них спал, опустив голову на брошенные на стол кулаки, другие двое разговаривали вполголоса.

— Этот щелкунчик сидел не там, а километром дальше, — говорил сидевший третьим от Сивера, — а они, наверное, увидели вспышки. Так что тут в любом случае был крест. Кто знал только?

— Они не-еретяжились и ползли на брюхе, — яростно сказал другой, — вот в чем причина.

От яркого света он зажмурился, потом повернулся и внимательно осмотрел Сивера. Сивер подмигнул и кивнул на спящего.

— Готов?

— Не-ет, — медленно, как бы задумчиво сказал обернувшийся. — Он просто устал.

Слова, исходя из его уст, смешно растягивались, и Сивер едва удержался, чтобы не фыркнуть.

— Вы издалека?

— Да, с Земли, — небрежно ответил Сивер. — Только сели.

— Да-авно оттуда?

— Три недели.

— Ну что там, на Зе-емле?

— Все нормально, — сказал Сивер, — Земля есть Земля. Самая последняя новость: «Синяя птица» возвращается.

Заика кивнул.

— Их успели похоронить, — сказал Сивер, растолковывая, — а они возвращаются! «Синяя птица». Звездолет, который ушел к лиганту — помните, то ли звезда-лилипут, то ли планета-гигант, — лиганти, разысканный гравиастрономами на полпути к системе альфа Центавра! — Он повысил голос, досадуя на равнодушие, с каким была встречена новость. — Первый звездолет, ушедший к ней, так и пропал. Думали, что и «Птица»...

— Зна-ачит, рано, — сказал заика. — Рано думали. Ну что, нашли они этот лиганти?

— Ладно, — сказал сидевший третьим.

— Да уж наверное, — раздраженно проговорил Сивер. — И, надо полагать, покружились около него достаточно, пока все не развели. Иначе с чего бы опаздывать на целый год?

— Это поня-ятно, — сказал заика. — Только с облета немного увидишь, особенно че-ерез инфравизоры. Им следовало бы сесть.

— Ладно, — опять проговорил третий.

— Первый корабль именно оттого и не вернулся, — на-ставительно сказал Сивер, — что решил сесть. Они сообщили на Землю о своем решении при помощи ракеты-почтальона. Больше о них ничего не известно. Так что «Птица» не могла сесть.

— Ра-азве «Птица» не сообщила на Землю, каковы результаты?

— Их первые сообщения разобрали кое-как, процентов на тридцать. Большие помехи, — разъяснил Сивер. — Для хорошей передачи им надо бы иметь корабль вроде моего: летающий усилитель. Едва хватает места для двух человек, остальное — электроника и энергетика. У них таких устройств не было. Наверное, в последнее время они передавали что-то.

— На-аверное, передавали, — согласился заика и, держа соломинку между пальцами, принялся сосать из бокала.

— Пока мы поняли, что они возвращаются. И что-то насчет трех человек. Надо полагать, — Сивер приглушил голос, — эти трое погибли. А всего их было одиннадцать.

Заика поднял глаза на Сивера, но третий предупредил его.

— Ладно, — сказал он еще раз.

— А я ни-ичего, — пробормотал заика. — Просто я так и думал. Не так уж плохо. Все-таки зна-ачительная часть дошла...

— Правильно, — кивнул Сивер. — Трое героев погибли, но остальные восемь человек возвращаются, и, вы сами понимаете, Земля собирается принять их, как надо. По сути, встреча начнется здесь. Для этого я и прилетел.

— Это хорошо придумано, — сказал третий. — А кто прилетел? Много?

— Я и пилот. Думаю, хватит... Но перейдем к делу. Как я понимаю, это ваша машина? — Он кивнул куда-то вбок.

— По-охоже на то, — сказал заика.

— Серьезный ремонт?

— Да нет. Ни-ичего особенного.

— Значит, скоро уйдете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Хотели сутки отдохнуть, — сказал третий; в голосе его было сомнение.

Сивер доброжелательно улыбнулся. Размашистым движением отодвинув стул, он уселся у противоположного конца стола.

— Сутки, — весело сказал он. — А раньше?

— Ра-аньше? — спросил заика, выпуская соломинку.

— Скажем, через полсуток. Полировку вы закончите, а по вашим отсекам инспектор лазить не станет. — Он подмигнул и засмеялся, давая понять, что маленькие хитрости

транспортников ему известны и он в принципе ничего против них не имеет.

После паузы вновь прозвучал вопрос:

— Мы меша-аем?

Сивер улыбнулся еще шире.

— Так получается. «Синяя птица» остановится здесь на денек-другой — так сказать, побриться и начистить ботинки до блеска, прежде чем прибыть па старушку. Понимаете? Возвращаются герои, которые уже давным-давно не видали родных краев.

— Ну да, — сказал третий. — А мы мешаем.

— Да вы поймите, старики, — сказал Сивер. — Они герои! Я понимаю, вы, может быть, не меньшие герои в своем деле. Только разница все же есть. А вы растопырились так, что «Птице» и сесть некуда. Представляете, какой там кораблина? И потом, ну, честно говоря, посмотрят они на ваше чудо. Вот, значит, чем встретит их благодарное человечество: ржавым сундуком с экипажем, одетым не по форме. Я ведь тут специально для того, чтобы вести прямую передачу на Землю. Репортаж. И вы, правду говоря, как-то в репортаж не вписываетесь. Еще раз прошу — не обижайтесь, старики, у каждого свое дело, и не надо усложнять задачу другим...

Двое внимательно слушали его, а один все так же спал за столом. Потом третий сказал:

— Значит, большой корабль?

— А вы что, — спросил Сивер, — никогда не видали?

— А вы?

— Ну, когда они стартовали, я еще учился... Но у меня есть фотография, наша, архивная. — Он вытащил фотографию из кармана и протянул.

Заика взял ее, посмотрел и сказал:

— Да...

И передал третьему, и тот тоже посмотрел и тоже сказал:

— Да...

— И еще, — сказал Сивер. — Их восемь человек. Восемь человек в составе экипажа. А тут на станции всего десять комнат. Их восемь, я и мой пилот.

— А кто пилот?

— Брег, — сказал Сивер. — Пожилой уже.

— Встреча-ал?

— Нет, — сказал третий. — Может, слышал. Не помню. Значит, вас двое. А родные что же, друзья?

— Я же вам объясняю: настоящая встреча состоится на Земле. Там их и будут ждать все. А мое дело — передать репортаж.

— Ну что же, — сказал третий, глядя на заику, — мы, пожалуй, и впрямь поторопимся.

— Ты все-егда торопишься... — начал заика.

— Так что же, решили? — спросил Сивер.

— Ладно, — сказал третий. — Попытаемся уложиться в ваши сроки. Раз уж так повернулось...

— Правильно, старики, — сказал Сивер. — Там отоспитесь. Хотя коллега ваш, я вижу, и тут не теряет времени. — Он кивнул на спящего. — Как его зовут?

Он задал вопрос не случайно: не принято было интересоваться фамилиями людей, которые не сочли нужным назвать себя, но спящий представиться не мог, и спросить о нем казалось естественным.

— Его? Край, — помедлив, ответил третий; он произнес это негромко, чтобы спящий не проснулся, услышав свое имя, как это бывает с людьми, привыкшими к срочным пробуждениям.

— Край, — повторил Сивер, запечатлевая имя в памяти и одновременно проверяя ее; нет, такого человека не было в числе одиннадцати, составлявших экипаж «Синей птицы» в момент старта. — Ну, значит, договорились?

— Мешать мы не хотим, — сказал третий.

Считая разговор законченным, он взглянул на часы, замечая время, от которого теперь следовало вести отсчет.

— Кстати, — сказал он заике и, порывшись в кармане, вытащил коробочку с таблетками, дал одну заике, вторую, морщась, проглотил сам.

— Спорамин? — сочувственно спросил Сивер.

— Антирад, — неохотно ответил третий. — Машина слегка излучает.

Сивер кивнул, думая о том, что в трюме «Ладоги» стоит несколько коробок с медикаментами, и среди них — одна с антирадом. Несколько секунд он колебался.

— У вас много?

— Вам нужно?

— Вообще-то фон здесь действительно несколько повышен...

Третий, не удивляясь, кивнул и протянул Сиверу таблетку. Сивер проглотил ее и с облегчением подумал, что люди с «Синей птицы» получают свои лекарства в целости и сохранности.

— Береженный уберется, — сказал третий.

Он поднялся в странно замедленном темпе, тяжело ступая, словно нес на себе тяжесть планеты, вышел из-за стола и подошел к стене, на которой был нарисован стандартный земной пейзаж. Пластиковый пол возле стены образовывал неглубокий желоб, долженствовавший изображать продолжение нарисованного на стене ручья. «Ручей на Япете, — подумал Сивер, — надо же придумать такое! За этой переборкой наверняка ванная. А может, ванны нет, только душ». Человек с рудовоза ткнул пальцем в пейзаж.

— Ничего, а? — сказал он и взглянул на Сивера, словно ожидая подтверждения.

Пейзаж был тошнотворен, но Сивер кивнул: он был доволен тем, что разговор с «извозчиками» прошел без осложнений. Третий засмеялся, рот его оказался очень большим, растянулся от уха до уха, а взгляд веселым и пристальным. Сивер заметил это с удивлением: до последнего мига люди эти казались ему очень похожими друг на друга — быть может, потому, что главное внимание привлекали не их лица, а необычно потрепанная одежда. Поняв это, Сивер почувствовал легкое недовольство собой, но в это время прозвучал звонок, означавший, что кто-то входит в станцию, и, поскольку это мог быть только Брег с камерами, Сивер поднялся и вышел в коридор, чтобы встретить пилота.

5

Брег уже успел внести камеры и теперь стоял, откинув забрало шлема и успокаивая дыхание. Сивер осмотрел камеры и убедился, что они в порядке. Потом кивнул пилоту.

— Раздевайся, поужинаем.

— Нет, — сказал Брег. — Хочу сначала наладить автомат. Не могу отдыхать, пока на корабле что-то не в норме.

— Ну что же, это правильно, — сказал Сивер, подумав. — Наладишь, приходи.

— Само собой. Что за ребята?

Сивер пожал плечами:

— Ничего интересного. Неизвестные.

— Не герои, — усмехнулся Брег.

Сивер нахмурился:

— Определенно. Ты зря смеешься. Я было тоже подумал... Нет, просто труженики космоса. Я часто думаю об этом. Должно же все-таки быть что-то, что отличает героев с первого взгляда. Люди совершили подвиг — и у них особенный блеск в глазах и такое учащенное дыхание, когда они начинают понимать всю величину того, что совершено ими. И вот человек становится другим...

— Теория, — сказал Брег. — Все потрясает?

— Брось, милый, — сказал Сивер, — логика! Да и корабль — типичный рудовоз. «Синяя птица» куда длиннее. Кстати, на фотонной тяге — это сказано во всех справочниках. А этот? У него и рефлектора-то нет.

Он проводил Брега и вернулся в кают-компанию. Двое снова сидели за столом, спящий шумно дышал. Сивер заказал ужин, взял тарелки и уселся.

— Где это вы так заездили машину? — спросил он.

— А что, заметно? — хмуро поинтересовался заика, даже не растягивая слов.

— Да ладно, — сказал большеротый.

Заика встал. Он сделал это неожиданно порывисто, так, что стул отлетел и бокалы на столе звякнули; он взглянул на большеротого, развел руками и смущенно засмеялся. Заика оказался неожиданно большого роста, длинноногий. Подойдя к автомату-бармену, он выцедил смесь в стаканы, поставил их на стол и слегка тронул спящего за плечо.

— Про-оспишь все на свете.

— Пускай спит, — сказал большеротый. — Ему хватило. Успеем.

— Ну, пусть, — согласился заика и, не садясь, отхлебнул из стакана. Соломинку он вынул.

Сивер поморщился: ко всему, брюки были чересчур коротки долговязому, а застежка одного из карманов кургузой куртки болталась полуоторванная. Сивер не любил нерях. За-

ика, должно быть, почувствовал его взгляд, он оглянулся на Сивера и сказал, чуть улыбаясь:

— Не по фо-орме, да? Но мы успеем переодеться.

Сивер пожал плечами. Заика поставил полупустой стакан, подошел к стене с пейзажем, завозился, нащупывая кнопки. Найдя, он нерешительно ткнул пальцем одну из них. В желобе, тонко журча, заструилась вода. Скрытая подсветка делала ее золотистой и теплой. Заика уселся на пол и снял башмаки. Сивер зажевал быстро-быстро, чтобы не расхохотаться. Заика опустил босые ступни в воду.

— Ух т-ты! — сказал он, блаженствуя.

— Вода, — пробормотал большеротый, отпивая из стакана.

Заика вскочил. Оставляя мокрые следы, он подбежал к столу и взял стакан. Усевшись и вновь свесив ноги, поднес стакан к губам.

— Со-овсем другое дело, — сказал он.

Сивер отодвинул тарелку.

— Пожалуй, пора, — проговорил он задумчиво.

Спустив тарелку в щель мойки, он прошел вдоль стен кают-компании, ища стенной контакт. Найдя его в углу, он вынул из сумки вольтметр и замерил напряжение.

— Вот еще новости, — пробормотал он.

— Тока нет? — сочувственно поинтересовался большеротый.

— Здесь двадцать вольт, а мне нужно двести.

— А на автоматических все сети низковольтные.

— Это я вижу, — проворчал Сивер. Он постоял около стены, раздумывая. — Ничего не поделаешь, придется тянуть силовой кабель от корабля. Хорошо, что есть резерв времени.

— Ду-умаєте? — спросил заика, не оборачиваясь.

— Они придут не раньше чем через сутки.

— Они о-обещали?

— Да ладно тебе, — сказал большеротый, сердясь.

— В пределах системы, — сказал Сивер голосом лектора, — они вынуждены будут убавить скорость: концентрация свободного водорода здесь куда больше, чем в открытом пространстве.

— Это спра-аведливо, — согласился заика.

Сивер подошел к столу, взял камеру и походил по каюте, прицеливаясь.

— Передача будет что надо! — сказал он. — Земля таких и не видывала.

— Мы еще не мешаем? — спросил большеротый. Чувствовалось, что он борется со сном.

— Еще нет, — сказал Сивер. — Мало света. Включите, пожалуйста, настенные. Так. Пожалуй, подойдет. Вы не могли бы встать сюда? Я примерюсь.

— Это для кино? — спросил большеротый нерешительно.

— Теле. Попозируйте немного. Ну, представьте, что вы командир «Синей птицы».

— Трудно, — сказал большеротый, улыбаясь и окидывая Сивера тем же внимательным взглядом.

— Да нет, — с досадой сказал Сивер. — Очень легко. Семь с половиной лет вы были в полете. Теперь возвращаетесь. Могучие парни на великолепном, все перенесшем корабле...

— Попозируй, мо-огучий парень, — сказал заика. — Что тебе стоит?

Сивер строго поглядел в его спину.

— А вы не иронизируйте, — посоветовал он. — Итак, преодолено много препятствий, совершены подвиги — и теперь, когда у вас все в порядке...

— Стартовые не в порядке, — сказал заика, не оборачиваясь по-прежнему. — Бо-ольшой разброс.

— Это ведь не о вас... Хотя предположим, что стартовые немного не в порядке — это даже интереснее. Видите, у вас фантазия работает. Но вы их, конечно, уже исправили, прямо в пространстве, совершили еще один подвиг. Говорите об этом. Мне нужно видеть, как это будет выглядеть, надо выбрать лучшие точки, откуда можно передавать. Итак, вы капитан...

Большеротый покачал головой.

— Боюсь, не получится.

— Слу-ушай, — сказал заика; на этот раз он повернулся. — А ты представь, что ты — ко-пилот.

— Или ко-пилот, — сказал Сивер. — Все равно.

— Да нет, — сказал большеротый грустно. — Я лучше не буду.

Сивер вздохнул.

— М-да... — проговорил он выразительно, но все же взял себя в руки. — А ведь они заслужили, чтобы вы немного постарались ради них.

— Могучие парни, — пробормотал заика. — Со-овершавшие подвиги. Легенда.

Сивер недружелюбно взглянул на него.

— Это факты, — сказал он.

— Плюс вы-ымыслы, — проговорил заика, шевеля ногами в воде. — Плюс домыслы. Все берется в скобки и возводится в ква-адрат. Возникает легенда. Умирая, кто-то сказал что-то. А как он мог сказать, если...

— Прошу, — четко произнес Сивер, — не оскорблять память погибших!

Спящий поднял голову, просыпаясь.

— Кто? — спросил он.

— Нет, — сказал большеротый. — Отдыхай, спи. Все в порядке.

— Ага, — пробормотал проснувшийся. — Где мы сейчас? — Он пошарил рукой рядом со стулом. — Где?

— На станции. Вспомни. На вот. — Большеротый вложил стакан в пальцы проснувшегося. — Выпей.

— Тут красиво?

— Кра-асиво, — отозвался заика у ручья.

— Ага, — сказал проснувшийся. — И ты здесь. — Он выпил. — Ах, хорошо! Отлично!..

Он повернул голову к Сиверу, и Сивер понял, что человек еще не проснулся по-настоящему: веки его были плотно сомкнуты, очень плотно, как если бы человек боялся, что даже малейший лучик света просочится сквозь них и коснется глаз. Человек повел рукой с опустевшим стаканом, нащупывая стол, и по привычности этого движения Сивер вдруг понял, что под этими веками вообще нет глаз, есть лишь пустые глазницы, предназначенные природой для того, чтобы в них были глаза, но глаз не было, и веки были сморщены и опали. Сивер нечаянно сказал:

— Он!..

— Здесь есть еще кто-то? — спросил слепой.

— С Земли, — сказал большеротый.

— Ага, — пробормотал слепой. — Ну да, станция. Отлично.

— Спи дальше.

— По-огоди, — сказал заика. — Нам надо сняться часов через десять. Иначе мы помешаем.

— Кому?

— Тут готовится встреча героям, могучим парням. С великой помпой. Прямая передача на Землю. Двое: репортер и пилот.

— Неудобно, — медленно сказал слепой.

— Ка-апитан будет произносить речь, — сказал заика. — Представляешь?

— Нет, — сказал слепой после паузы. Потом тряхнул головой и потянулся. — А я выпался, — сказал он весело.

— Третья и че-етвертая магнитные линзы совсем никуда, — пробормотал заика.

— А мы без стартовых, — решительно сказал слепой. — Оттолкнемся маршевым — и все. Нет, это безопасно.

— Пожа-алуй, да, — сказал заика.

— Ну, общий подъем, по-видимому? — проговорил большеротый.

— Раз так — общий подъем, — сказал заика и стал натягивать носки.

— Ты вытри, — сказал большеротый. — На.

Он кинул смятый носовой платок.

— А земляне нам не помогут? — спросил слепой, поворачивая лицо к Северу.

— Нам еще надо установить большие камеры на космодроме, — почти виновато сказал Север, — и прожекторы. Иначе мы не сможем передать момент посадки. А нас только двое.

— Зря вы родных не привезли, — сказал слепой, проводя руками по одежде.

— Собрались по тревоге. А у них, сами понимаете, постоянной медвизы в космос нет. И конечно, здоровье небогатое после всего.

— Ну, поня-атно, — сказал заика. — Пошли.

— Погоди, — сказал большеротый, кивнув на Севера. — А может, они нам отсюда помогут связаться?

— Пренебрежем, — сказал слепой. — Отсюда мы и сами.

— Нет, — сказал Сивер, — если мы можем чем-то помочь, не нарушая своих планов, то, конечно...

— Спа-асибо, — сказал заика. — Не надо.

Они вышли, держа ладони на плечах слепого, направляя его. Было слышно, как в гардеробной они открывают шкафчики и натягивают скафандры; гладкая пластическая ткань омерзительно свистела, и звякал металл.

— Это вас на руднике так? — запоздало крикнул Сивер вдогонку, но они уже надели шлемы и не услышали его.

Тогда Сивер подошел к бармену и налил себе. Это был коктейль из фруктовых соков, обычный и не очень вкусный. Сивер пожал плечами и тоже пошел одеваться.

6

Брег открыл ремонтный люк, вывел через него кабель. Вышел сам, и кабель потянули к станции. Черная гладкая змея медленно извивалась между осколками камня. Брег, нагибаясь, тащил конец. Сивер подтягивал кабель к себе, чтобы облегчить труд пилота. В сероватом свете небольшого, но яркого Сатурна кабель отбрасывал тень, и тень эта, ползущая по камням, тоже казалась живым существом. Другая, более слабая тень ползла в стороне, потому что серебристый корпус «Ладоги» отражал лучи Сатурна. Они дотащили конец кабеля до входа в станцию. «Самое сложное осталось позади», — начал было Сивер, но Брег покачал головой: следовало еще каким-то образом ввести кабель внутрь, преодолев герметические двери и избежав утечки воздуха из помещений, где запас его был ограничен. Пришлось идти на корабль за инструментами.

На обратном пути Сивер остановился и спросил:

— А ты подключил кабель?

Брег ответил:

— Ясно, а то чем бы мы вертели дыры? — Он помахал плоским ящиком, взятым на корабле.

— Хорошо, а то я забыл, — признался Сивер.

Они долго возились у станции, пытаясь пробить узкий канал под дверь. Электроэрозионный бур рассыпал фонтаны голубых искр, трансформатор калился на пределе, но вязкая порода поддавалась с трудом.

— Так мы провозимся до утра, — проворчал Сивер. — Неужели нельзя придумать чего-нибудь?

— Здесь подошла бы обычная дрель. Со спиральным сверлом.

— Что же ты не взял?

— Взял. Только сверл такого диаметра у нас нет. У нас ведь набор для внутренних работ.

— Грустно, — сказал Сивер.

Брег приложил ладонь к трансформатору, чтобы услышать его гудение, и, не колеблясь, выключил ток.

— Что будем делать? — спросил Сивер.

— Погоди, — сказал Брег. — А у этих нет такого сверла? У них как раз может оказаться.

— Светлая мысль, — согласился Сивер. — Может, ты сходишь на их баржу?

— Сходи уж ты, — сказал Брег. — Я с ними незнаком.

Сивер разогнулся побряхтывая.

— Старость не радость, — сказал он. — Дай какое-нибудь сверлышко.

Порывшись в сумке, Брег вытащил плохо гнушимися в перчатках пальцами маленькое спиральное сверло и протянул его Сиверу. Зажав сверло в ладони, Сивер отправился к рудовозу.

Сатурн стоял уже почти в зените. Под его лучами холодно отблескивали грани скал. Обогнув высокую глыбу, Сивер увидел старый корабль — верхнюю половину его, которая, казалось, висела в пустоте, ни на что не опираясь. Сивер замер на миг, изумившись, потом усмехнулся. Все оказалось на месте; трудолюбивый автомат-полировщик, описывая виток за витком, успел пройти уже половину корпуса, и очищенная и отполированная часть обшивки голубовато светилась, отражая лучи, а нижняя, рыхловатая на поверхности и густо закопченная, поглощала свет и терялась в темноте. Вблизи она все же становилась видной, и можно было окинуть взглядом весь корпус корабля, нелепый, напоминающий старинный конический артиллерийский снаряд. Амортизаторы, числом шесть, все так же нависали над окружающими камнями, словно стрелы подъемных кранов.

Подойдя совсем близко, он остановился и посмотрел на дозиметр; корабль излучал, хотя и умеренно. Сивер подошел

еще ближе, вплотную. Полировочный автомат снова вынырнул, сделав виток; он двигался теперь быстрее, и это понравилось Сиверу.

Люк оказался неожиданно высоко, не в нижней, самой широкой, а в средней части корабля, выше верхнего крепления амортизаторов. К нему вела странно массивная лесенка, кое-как сваренная из труб. Любопытствуя, Сивер поискал глазами название корабля — ему положено было находиться над люком, но эта часть была еще покрыта нагаром, и разглядеть ничего не удалось. Поднявшись, Сивер постучал в крышку люка сверлом, но кора, в которую превратился верхний слой обшивки, глушила звук. Удивляясь про себя тому, как такой давно уже созревший для переплавки корабль ухитряется еще проходить через контроль сверхбдительного космического регистра, Сивер несколькими скользящими ударами сбил корку нагара и постучал вновь.

Ждать пришлось долго; очевидно, люди были далеко, да к тому же требовалось время, чтобы один из них мог облачиться в скафандр. Наконец люк медленно распахнулся; на этой старой машине — а кораблю было наверняка больше десяти лет, век же космических машин не длиннее собачьего — люк не откидывался, образуя площадку, и не расходился створками в стороны, а отодвигался назад, влекомый сгибающимися в шарнирах рычагами. Когда-то такие конструкции существовали, и если напрячь память, можно было, пожалуй, даже вспомнить, когда именно и на каких кораблях. Но Сиверу сейчас было не до того, да и воспоминания были ни к чему: он был не на свободной охоте, у него было конкретное задание, и очень важное к тому же, а искусством не отвлекаться он овладел давно.

На фоне отступившей крышки показался человек в скафандре; судя по габаритам, это был долговязый заика. Вытянув левую руку, согнутую в кисти, он указательным пальцем правой постучал по окошку на запястье, где виднелись часы, и затем погрозил этим пальцем, показывая, очевидно, что условленный срок не кончился. Сивер тоже показал свои часы, затем несколько раз провел над ними ладонью, как бы говоря, что время сейчас не имеет значения. И что он пришел не для этого. Он протянул свое маленькое сверло и двумя пальцами обозначил требуемый диаметр — плюс-минус

пять миллиметров. Долговязый помедлил, затем, наверное, сообразил. Он осторожно взял сверло, затем сделал движение, приглашавшее зайти в тамбур. Сивер решил было переступить порог, но взглянул на свой дозиметр и отказался от этой мысли: фон в корабле был наверняка выше, чем вне его, но и так он был достаточно велик, чтобы заставить считаться с собой. Сивер отрицательно поводит рукой, обратив ее ладонью к долговязому; тот сразу понял, отступил, и пластина люка выдвинулась, закрывая вход.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Сивер провел это время, отойдя от корабля на несколько шагов, — все-таки фон был слабее.

Наконец люк открылся. Долговязый, появившись на пороге, подождал, пока Сивер поднялся к нему, и протянул корреспонденту маленькое сверло и еще одно — такое, какое было нужно. Сивер благодарно прижал руки к груди, долговязый поклонился в ответ; луч света от маленькой лампочки, освещавшей порог и верхнюю ступеньку трапа при открытом люке, упал на верхнюю часть шлема, старомодного, почти шарообразного, и осветил полустершееся слово — от него остались лишь буквы «Сол...». Сивер знал, что на его собственном шлеме, под фарой, золотом было напылено слово «Ладога» — название корабля; так что рудовоз именовался, вернее всего, «Солнце» или как-нибудь в этом роде. Хорошо еще, что не «Галактика» — в старину обожали даже небольшим кораблям давать звучные имена. Сивер еще раз помахал рукой и двинулся в обратный путь, а долговязый остался стоять на пороге люка, глядя корреспонденту вслед.

Теперь работа пошла быстрее, несмотря на то, что сверло оказалось изрядно затупленным. Через час канал под дверью станции был высверлен и кабель протянут. Сивер облегченно вздохнул и вытер пот.

— Заработали по коктейлю, — сказал он.

— Не откажусь, — согласился Брег.

— Принеси. Вообще-то, наверное, придется мобилизовать ресурсы «Ладоги»: звездолетчики вряд ли станут утолять жажду тем, что пили эти трое с «Солнца».

— Почему с «Солнца»?

— Похоже, так называется их сундук, — засмеялся Сивер и принялся копать в многочисленных жилах кабеля.

Он подключил пульт дистанционного управления телекамерами, монитор и сами камеры и принялся уже подключать дистанционный пульт радиостанции «Ладоги», когда Брег вынес стаканы с охлажденной смесью соков.

— Долгонько, — сказал Сивер, беря стакан.

— Вспоминал, — сказал Брег. — Но такого названия никак не разыщу в памяти. «Солнце» — нет, не помню, чтобы такое было.

— И все-таки «Солнце». Так написано. Гаснущее солнце. Или еще лучше: солнечное затмение. Корпус так оброс нагаром, что я боялся стучать в борт — опасался, что сверло пройдет насквозь. — Он допил и вытер губы. — Правда, там, где прошел полировщик, металл начинает блестеть. Так что, по видимому, на сей раз они дойдут до Титана благополучно, а в следующий рейс, я убежден, скурвейер их не выпустит. — Сивер осмотрел штекер фидера, предназначенного для питания пульта радиостанции. — Немного болтается. Я сейчас укреплю его, а ты отдыхай, потому что придется еще устанавливать камеры снаружи. Или лучше установи камеры, а потом отдыхай. — Сивер быстро действовал отверткой. — Ты ведь умеешь?

— Со Сказом я полетал немало, — проворчал Брег и снова стал натягивать скафандр.

Сивер помог ему одеться и снова взялся за работу. Брег захватил две камеры и скрылся в тамбуре. Сивер заизолировал соединение и минуту постоял, наблюдая, как мягкая лента схватывается и образует твердый футляр. Затем он подключил телепульт радиостанции и в последнюю очередь присоединил монитор к питанию и к антенному кабелю. «Теперь порядок», — сказал он сам себе, потер руки и включил монитор. Брег успел уже установить камеры и теперь появился в гардеробной и откинул шлем.

— Вот теперь отдыхай, — сказал Сивер.

— Если я не нужен, — сказал Брег, — я лучше пойду доделаю свой автомат.

— Погоди, — сказал Сивер, — сейчас испробуем радиостанцию, тогда пойдешь. Возьми еще коктейль и захвати для меня заодно.

Он включил радиостанцию «Ладоги». Механизмы сработали, неясный шум наполнил помещение. Сивер медленно

пошарил в эфире, в районе той частоты, на которой работал передатчик «Синей птицы».

— Сейчас попробуем, — сказал он, — и вызовем Землю, сообщим, что у нас полный порядок. — Он смотрел на стрелку индикатора настройки, она покачивалась вправо-влево.

Внезапно Сивер вздрогнул: из помех вырвалось слово, оно было громким, но хриплым и трудноразличимым.

— Расстояние, — едва слышно повторил Сивер.

Снова послышался громкий шорох, но Сивер уже включил автоподстройку. «Произведем посадку, — так же хрипло сказал репродуктор. — Квитанции не жду, отключаюсь, сеанс через два часа, привет вам, Земля, милые, стоп». Шорох в динамике сделался сильнее, затем опал. Брег подбежал, расплескивая жидкость из стаканов; Сивер посмотрел на него счастливыми глазами и тихо проговорил:

— Это они.

— Где-то очень близко?

— Наверное, будут часа через два. Как стремятся! Я думаю, следующий сеанс они хотят провести отсюда. Но вместо них это сделаем мы! — Сивер затоптался, будто хотел тотчас же бежать куда-то. — А эти еще тут? Им пора бы убраться!

Он слова включил монитор, направил камеры на рудовоз. Обшивка корабля была чиста, люк закрыт. Полукруглая решетка антенны медленно поворачивалась наверху. Зажглись навигационные огни, затем разом погасли, загорелись снова и теперь уже не выключались.

— Смотри, — сказал Сивер, — кажется, уходят. Наверное, тоже приняли эту передачу и поняли. Торопить их не придется. — Он почувствовал, что начинает испытывать даже некоторую симпатию к людям с рудовоза, которые так хорошо все поняли. — Вызываю Землю!

Он повернулся к пульта, но Брег сказал:

— Погоди. Этот сейчас стартует, мы не пробьемся сквозь помехи.

— А ничего этот кораблик, если его оттереть, — сказал Сивер. — Даже жаль, что ему больше не придется летать.

— Об этом не нам судить.

— Уверен, что он вылетал уже все сроки.

— А вот посмотрим, — сказал Брег.

Он подошел к библиотечному шкафчику, который гостеприимно раскрылся перед ним и, порывшись, обнаружил «Справочник космического регистра» между томами Салтыкова-Щедрина и Стендаля. Полистав его, Брег пожал плечами и сказал:

— Такого названия все же нет. Ничего связанного с Солнцем. Впрочем, погоди-ка... — Он снова занялся справочником.

Сивер уселся поудобнее, подвигал пульт по столу, принаравливаясь.

— Попробуем свет... — пробормотал он и повернул выключатель. Сильные прожекторы «Ладоги» извергли потоки света.

Сивер немного подумал, промышчал что-то и включил главный прожектор, укрепленный в поворотной оправе на самом носу. Обшивка рудовоза вспыхнула, словно холодное пламя охватило ее.

— Вот, — сказал Сивер. — То, что требовалось. А что это он? Погляди-ка...

Брег повернулся к экрану монитора. Было видно, как корабль замигал ходовыми огнями. «Благодарю», — вслух прочитал Брег. Сивер усмехнулся.

— Думают, что это в их честь иллюминация, — сказал он.

Огни все мигали. «Счастливо оставаться», — прочитал Брег.

— Слушай, — сказал он торопливо, — они и в самом деле стартуют! У них еще есть время, но они стартуют!

— И хорошо, — сказал Сивер.

— Ты отдал сверло?

— Нет, — сказал Сивер. — Забыл.

— Напрасно, — сказал Брег. — Так не делаем.

Он, спеша, достал сверло из инструментальной сумки и стал ногтем счищать загустевшую, перемешанную с пылью смазку с хвостовика инструмента. Затем коротко выругался. Сивер недоуменно поднял брови. Через секунду он настиг Брега в гардеробной: пилот рвал скафандр из зажимов.

— Вызывай же их! Быстро! — прорычал Брег.

Сивер пожал плечами:

— Они уже втянули антенну. — Но все же стал влезать в скафандр, который Брег уже держал перед ним.

В тамбуре пилот танцевал на месте от нетерпения. Они выскочили из станции в тот миг, когда корабль трижды промигал: «Внимание!.. Внимание!.. Внимание!» Брег резко остановился, хватаясь за глыбы, чтобы не взлететь высоко.

— Смотри! — сказал он негромко.

Согнутые ноги амортизаторов стали медленно выпрямляться в коленях, словно присевший корабль хотел встать во весь рост, в то же время он еще и вставал на цыпочки, упираясь в грунт лишь концами пальцев, и дальше — становясь на пуанты, как балерина. Ровно обрезанный снизу корпус поднимался все выше, но не весь: нижняя, самая широкая часть его так и осталась на уровне приподнявшихся пяток, с которыми была намертво связана, а остальное уходило вверх, вверх... Брег опустил на колени и стал смотреть снизу вверх. Нос корабля поравнялся с вершиной «Ладogi» и продолжал расти.

Брег, наверное, увидел, что хотел, потому что быстро поднялся и ухватил Сивера за плечо.

— Немедленно назад! — прокричал он. — В станцию! Ну же!

Сивер возразил:

— Лучше посмотрим отсюда, мне не приходилось видеть...

— И не придется, кретин! — рывкнул Брег и толкнул Сивера ко входу.

В станции они, не снимая скафандров, кинулись к монитору. Корабль теперь стоял неподвижно. Брег повернулся к пультам и начал поворачивать внешние камеры так, чтобы они смотрели на корабль снизу вверх и давали самым крупным планом.

Сивер взглянул на экран, на Брега, опять на экран; объективы приблизили нижнюю часть корабля и взглянули на нее искося вверх, и Сиверу показалось, что он увидел бездонное озеро с тяжелой, спокойной водой, знающей, что под нею нет дна.

— Понял? — крикнул Брег.

Сивер не успел ответить. Скалы дрогнули. Сивер ухватился за стол: планету качало. Миллионы фиолетовых стрел ударили в камень. Полетели осколки. Сивер замычал, мотая головой. Корабль висел над поверхностью Япета, выпрямившийся, стройный. Фиолетовый свет исчезал, растворялся, ста-

новился прозрачным и призрачным, но люди с «Ладоги» представляли, какой ураган гамма-квантов бушует теперь за стенами станции. Корабль поднимался все быстрее.

— Мои камеры! — закричал Сивер. — Черт бы его взял!

Он быстро переключил. Первая камера ослепла, дождь осколков еще сыпался сверху. Сивер вновь включил вторую. Корабль был уже высоко; он светился, как маленькая, но близкая планета.

— Красиво, — уныло сказал Сивер. — Он мне удружил. Все шло так хорошо — и под конец разбил камеру.

— Да зачем тебе камера?

Сивер покосился на пилота.

— Кто мог знать, что рудовоз окажется на фотонной тяге?

— Да почему рудовоз? — с досадой спросил Брег. — Кто сказал, что это рудовоз?

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга.

— Да нет, брось! — сказал Сивер. — Не может быть.

— На, — сказал Брег.

Он толкнул толстое сверло, и оно покатилося по столу, рокоча.

Сивер взял сверло и прочитал выбитую на хвостовике, едва заметную теперь надпись: «Синяя птица». И следующей строчкой: «Солнечная система».

7

— Их так и делали, первые субзвездолеты, — сказал Брег. — При посадке они складывались, корпус почти садился на зеркало. Если на планете плотная атмосфера и ураганные ветры, им иначе бы и не выстоять. Ждали, что такие планеты будут. Гордились, что впервые в истории вышли за пределы солнечной системы. Эта надпись под названием — от такой гордости. Она, конечно, не для тех, кто мог с ними встретиться: они все равно бы не поняли ее. Она — для самих себя. Для тех, кто летел и кто оставался. Солнечная система! Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны!

— Ага, — без выражения сказал Сивер. — Вот как. — Он сидел на стуле и глядел на земной пейзаж на стене. Вода все

еще булькала в желобе, в единственном ручье на Япете. Сивер поднялся и выключил воду. — Мы его не догоним? — спросил он равнодушно.

— Нет, — ответил Брег, — у нас же автомат разобран.

— Ну да, — сказал Сивер, — вот и автомат разобран. — Он умолк.

Брег включил камеру, потом начал отсоединять кабель от пульта.

— погоди, — сказал Сивер.

Брег взглянул на него.

— Чего ждать? — спросил он. — Больше ничего не будет. — Он надел на кабель изолирующий наконечник и тщательно завинтил его.

— Ну да, — повторил за ним Сивер. — Больше ничего не будет.

— Что будем делать с кабелем? — спросил Брег.

— Оставим, — сказал Сивер. — Кому-нибудь пригодится. Только не мне... Почему они не сказали? А я даже не подумал. Вернее, подумал, но не понял. Я дурак!

Брег сказал:

— Наверное. Ничего, ты еще молод, а они не последние герои на Земле и в космосе.

— Молчи, не надо, — сказал Сивер.

— А я и молчу, — сказал Брег.

Они вышли из станции и потащились к кораблю. Сивер сказал:

— И все же, почему?..

Брег ответил:

— Наверное, они не хотели легенд. Они хотели просто выпастся или посидеть, опустив ноги в воду. У них на корабле нет ручья.

Кончив закреплять груз, оба поднялись наверх и сняли скафандры.

— Да, — сказал Сивер, — а на Япете они нашли ручей. А пейзаж был плохой.

— Им было все равно, — проговорил Брег. — Им была нужна Земля. — Он подошел к автомату. — Займемся-ка трудотерапией: замени вот эту группу блоков.

— Давай, — торопливо согласился Сивер и стал вынимать блоки и устанавливать новые. Потом, вынув очередной

сгоревший, он швырнул его на пол. — Нет, — сказал он, — все не так! Это не они! Там не было человека с фамилией Край. Совершенно точно! Ну проверь по справочнику! — Он вытащил корабельный справочник из ящика с наставлениями и техническими паспортами. — Ну посмотри!

— Да нет, — ответил Брег, прозванивая блоки, — я тебе и так верю.

— Нет! — сказал Сивер. — Нету! Понятно?

— Тогда посмотри, нет ли такой фамилии в другом месте, — сказал Брег, задумчиво глядя мимо Сивера. — Поищи, нет ли такого в экипаже «Летучей рыбы».

— «Летучей рыбы»?

— Той самой, что не вернулась оттуда.

Пожав плечами, Сивер перелистал справочник. Он нашел «Летучую рыбу», прочитал и долго молчал.

— Кем он там был? — спросил Брег после паузы.

— Штурманом, — сказал Сивер, едва шевеля губами.

Они снова помолчали.

— Они садились там, — тихо сказал Брег. — Сиделись, чтобы спасти его — единственного уцелевшего. Да, так оно и должно быть.

— Сиделись на лиганте — и смогли подняться?

— Выходит, так, — сказал Брег. — Не сразу, наверное...

Он снова нагнулся за очередным блоком и стал срывать с него предохранительную упаковку.

— Выходит, их осталось всего трое, считая со спасенным? И они смогли привести корабль?

— Да, — сказал Брег. — Спать им было, пожалуй, некогда.

— Но ведь, — нахмурился Сивер, — в живых должно остаться восемь!

Брег грустно взглянул на Сивера.

— Просто мы оптимисты, — сказал он. — И если слышим число «три», то предпочитаем думать, что это погибшие, а вернутся восемь. Но иногда бывает наоборот. — Он взял у Сивера блок и аккуратно поставил его на место.

— По-твоему, лучше быть пессимистом? — спросил Сивер обиженно.

— Нет. Но оптимизм в этом случае — в том, что трое вернулись оттуда, откуда, по всем законам, не мог возвра-

титься вообще никто. — Брег установил на место фальшпанель автомата. — Ну, можно лететь.

Сивер уселся в кресло.

— Жаль, — сказал он, — что нельзя махнуть куда-нибудь подальше от Земли.

— Нельзя, — согласился Брег и включил реактор.

Замерцали глаза приборов, пульт стал похож на звездное небо.

— Он слепой, Край, — сказал Сивер, — он больше не видит звезд. Я думал, он потерял глаза на рудниках.

— Нет, — Брег покачал головой, — на рудниках пилоты даже не выходят из рубки, там вообще нет людей — автоматика.

Сивер только зажмурился.

— Слушай, — спросил он, — а если бы ты был все время со мной, ты разобрался бы?

Брег ответил, помедлив:

— Думаю, что да. Для меня каждый пилот — герой, если даже он и не был на лиганте, а просто возит руду с Япета на Титан. Потому что и в системе бывает всякое.

Сивер опустил голову и не поднял ее.

— Что мне скажут на Земле? — пробормотал он. — Меня теперь никуда больше не пошлют?

— Нет, отчего же, — утешил Брег, — пошлют со временем. Но вот они — они никогда уже не будут возвращаться в солнечную систему и останавливаться на Япете. Это бывает раз в жизни и, наверное, могло получиться иначе. — Он несколько раз зажег и погасил навигационные огни, затем трижды промигал слово «внимание», хотя внизу не осталось никого, кто нуждался бы в предупреждении.

— Я хотел... — отчаянно сказал Сивер.

— Да что ты мне объясняешь! — сказал Брег.

Он положил руку на стартер, автоматически включилась страхующая система.

— Действует, — слабо улыбнулся Сивер.

— Теперь его хватит надолго, — ответил Брег. — Наблюдай за кормой.

Сивер кивнул; он и без того смотрел на экран, на котором виднелась поверхность Япета, маленькой планетки, на которой нет атмосферы, но есть ручей с чистой водой, необходимой героям больше, чем торжества.

СКУЧНЫЙ РАЗГОВОР НА ЗАРЕ

Голос Серова был неприятен. Словно муха билась, билась, билась в иллюминатор... Горин глубоко вздохнул, но еще несколько секунд прошло, пока ему удалось разложить это жужжание на составляющие. Наконец он стал понимать слова.

— Горин! — бормотал Серов. — Коллега Горин! Да вы меня слушаете?

— Слушаю, — нехотя ответил Горин. Ему не хотелось разговаривать.

— О чем вы задумались?

— Да ни о чем. Что тут делать?

— Ошибаетесь, коллега. Глубоко ошибаетесь! Именно думать! — Серов произнес это точно таким тоном, каким читал лекции уже много лет подряд; по голосу старика нельзя было понять, какие чувства сейчас владеют им, и владеют ли вообще: голос профессора всегда дребезжал, как плохо собранный механизм. — Думать! Мыслить, анализировать, делать выводы!

Горин мысленно испустил стон. Стало ясно, что от старика не отвяжаться и он не даст покоя.

— Я согласен с вами, профессор, — сказал он, стараясь произносить слова как можно яснее.

— Вот и чудесно! Вот и великолепно! Человек должен думать, друг мой. Так скажите же, что именно вы об этом думаете?

Горин с трудом отвел взгляд от пепельницы. Пепельница была массивная, привычная, смотреть на нее было приятно,

это успокаивало. Теперь Горин стал смотреть на кресло. На нем не было мягкой подушки, на которой так удобно было сидеть. Горин негромко выругался.

Серов мелко, противно засмеялся.

— Это великолепно! — сказал он затем. — Это исчерпывающе, если говорить об эмоциональной стороне. Но меня интересует анализ. В конце концов, мы здесь для того, чтобы наблюдать и делать выводы. Вернемся поэтому к нашей теме. Только скажите: как вы себя чувствуете?

— Немного болит голова, профессор, — сказал он. — А вы?

— Голова? В чем дело?

— Нет, ничего. Мне еще вчера казалось, что я простудился. Как себя чувствуете вы?

Профессор ответил не сразу.

— Полагаю, что «нормально» будет самым точным определением. Нормально. В пределах нормы, вы понимаете?

«Зануда», — подумал Горин и ответил:

— Разумеется, я понял.

— На таких, как я, мало что оказывает влияние. Недаром в институте меня звали Верблюдом.

— Гм... — Горин ощутил некоторую неловкость.

— Что? Ну да, незачем снабжать вас давно имеющейся у вас информацией. Я, кстати, не обижался, принимая во внимание мою неприхотливость и выносливость.

Горин пробормотал что-то неразложимое на слова. Всякий знакомый с профилем Серова и его манерой задираТЬ голову и смотреть свысока вряд ли ошибся бы, устанавливая генезис клички.

— Да, студенты, студенты... Обязательно примите что-нибудь от головной боли, слышите?

— Пройдет, — сказал Горин устало. — Все проходит...

— Фу, коллега, стыдитесь. Не хватает только, чтобы вы оказались нытиком. Самая гнусная порода людей. Вы согласны? — Серов умолк и через несколько секунд чуть ли не с удовлетворением произнес: — Вы меня все-таки не слушаете. Так я и полагал. О чем же вы думаете?

Горин думал о Лилии; кресло рядом с ним принадлежало ей. Но говорить Серову о Лилии было незачем.

— Да так, — сказал он. — Думаю в общем...

— Вот это плохо. Никогда не надо думать в общем. Всегда — конкретно. Это необходимо для работы и, кроме всего прочего, помогает поддерживать тонус. Итак, начнем с анализа конкретной обстановки, если не возражаете.

— Вряд ли это нам под силу, — проворчал Горин. — Мы не специалисты.

— Да, — сказал старик, — Не специалисты. Но наш долг перед специалистами... Однако не заставляйте меня высказывать тривиальные вещи. Начнем с конкретной обстановки.

Горин взглянул на часы. Строго говоря, это было невежливо; такая мысль почему-то развеселила Горина. И до восхода оставалось уже немного.

— Одну минуту, профессор. Скажите: вы оптимист?

— Я? Как вам сказать, друг мой... Полагаю, что ученый по природе своей должен быть здоровым пессимистом. Потому что, зная невозможность достижения конечной цели — абсолютного знания, — он все же делает все возможное для постижения частных истин. И конечно, исходит при этом из объективных данных. И занимается этим всю жизнь. Всю жизнь! Этого вы не забыли?

Горин, помолчав, ответил:

— Нет.

— Вот и великолепно. Да, вы не голодны? Я хочу есть.

Серов громко зачмокал. Но Горину есть все равно не захотелось. Было такое ощущение, словно он насытился навсегда.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал старик. — Итак, начнем с того, что нам повезло.

— Повезло?

— Вне всякого сомнения. Наблюдать подобное явление, если не ошибаюсь, не приходилось еще никому. В литературе, во всяком случае, подобное не описывалось... О!

— Что?

— Нет, пустяки... Следовательно, не будем терять времени. Я не люблю терять время, вы, надеюсь, имеете об этом представление. Давайте же проанализируем то, что мы наблюдали, и попытаемся установить причины.

— Вы думаете, в этом есть смысл?

— Приступая к работе, я всегда предпочитаю думать, что результат будет достигнут, и... Да. Итак, восстановим пос-

ледовательность событий. Да вы примете таблетку или нет? Что вы за работник с больной головой? Примите сейчас же. Возьмите там, справа...

— Да, знаю, — пробормотал Горин.

Он проглотил таблетку и запил водой. Оказывается, ему хотелось пить. Таблетка подействовала почти мгновенно.

— Другое дело, — сказал старик. — Даже дыхание у вас нормализовалось. Итак, что мы имели вначале? Предмет...

— Лучше — тело, — сказал Горин.

— Почему — лучше? Хорошо, пусть тело. Итак, тело, обладающее массой... Попробуйте охарактеризовать массу как можно точнее.

Горин помолчал, подсчитывая.

— Полагаю, — сказал он, невольно подражая манере старика, — что масса составляла... на интересующий нас момент... двадцать семь тысяч — двадцать семь тысяч пятьсот тонн.

Он поморщился: красный огонек раздражал его, и звук падающих капель тоже. Но тут ничего нельзя было поделать.

— Для простоты примем двадцать семь тысяч. Следовательно, тело, обладавшее массой в двадцать семь тысяч тонн, соприкасалось с грунтом в отдельных точках...

— В шести точках, — уточнил Горин.

— В шести точках — в течение...

— Сейчас... Двух часов и четырнадцати минут.

— Двух часов и четырнадцати минут. Коллега, вы наблюдали на протяжении этих двух часов и четырнадцати минут что-либо, что можно было бы теперь интерпретировать как начало процесса?

— Нет, — сказал Горин. Он подумал еще, пытаясь вспомнить, и повторил: — Нет.

— К сожалению, мы не вели специальных наблюдений, и это, безусловно, влияет на точность наших выводов. Но все же можно предположить, что процесс начался внезапно.

— Это был взрыв.

Старик неожиданно рассердился.

— В самом деле? Какое смелое утверждение! — ядовито сказал он. — А мне показалось, что это была майская роза! — Серов фыркнул. — Взрыв. Конечно, взрыв! Но что взрыва-

лось? По какой причине? По-вашему, причина, конечно, была... м-м... субъективной?

Горин понял, о чем говорил старик.

— Да, — тихо ответил он.

Против ожидания, старик не разбушевался, но, вздохнув, сказал:

— Ну что же — исследуем и эту вероятность, хотя, с моей точки зрения, это будет пустой тратой времени. Впрочем... сделаем лучше наоборот. Вы же не станете возражать, друг мой, против того, чтобы ваша версия осталась заключительной и вступила в силу лишь тогда, когда все прочие предположения не подтвердятся?

«Какие еще предположения?» — подумал Горин, прежде чем кивнуть в ответ. Подумав, что кивка недостаточно, он проговорил.

— Пожалуйста. Пусть будет так.

Профессор сделал вид, что не заметил тона, каким эти слова были сказаны.

— Дело в том, друг мой, что ваше утверждение мы не можем ни доказать, ни опровергнуть: оно не входит в категорию предсказуемых событий. Поищем поэтому иные возможности. Например, не заметили ли вы... Лично мне показалось, что тело, о котором мы говорим, испытало весьма эффективное воздействие снизу, со стороны грунта. Что?

— Мне трудно сформулировать точно, — сказал Горин. — Впечатление было такое, словно распахнулась поверхность...

— Я отдаю, разумеется, должное вашей смелости в формулировках, но, позволю себе заметить, не понимаю, как это поверхность может распахиваться. Дверь может распахиваться, а не поверхность. Проявление неизвестной нам силы уместнее было бы сравнить с извержением небольшого вулкана. Здесь мы не касаемся протяженности события во времени, я хочу дать, так сказать, зримую картину.

— Я хотел бы указать, — ехидно заметил Горин, — на отсутствие серьезных свидетельств в пользу гипотезы извержения.

— Почему вы против, коллега?

— Потому, профессор, что этот, как вы выражаетесь, зримый пример может заставить нас мыслить в неправильном направлении. Существует целый ряд систематических оши-

бок, коренящихся именно в следовании неправильным представлениям, в результате чего...

— Вы еще станете учить меня тому, как не допускать систематических ошибок! — оборвал его Серов. — Ну погодите. Вы согласны с тем, что источник силы находился не выше, а ниже поверхности? Под землей — сказали бы мы, если бы дело происходило на Земле.

Горин не ответил.

— Коллега! Коллега!

— Нет, ничего, — медленно сказал Горин. — О Земле — зря...

— Ну простите меня, друг мой. Итак, если источник силы находился в глубине, а сила воздействовала на тело в продолжение весьма малого промежутка времени... Какова, кстати, ваша оценка?

Горин попытался сосредоточиться.

— Мне показалось, что все произошло в долю секунды.

— Несомненно. Но за какую долю? Я лично склоняюсь к оценке промежутка времени в десять-пятнадцать сотых секунды, но, принимая во внимание, так сказать, психические корни возможной ошибки, могу допустить, что явление длилось до трех десятых секунды. В литературе можно найти указания на возможность таких вот внезапных и кратковременных извержений. Мы же отвергаем эту гипотезу. Почему?

— Во-первых, сам характер местности не таков, чтобы можно было предположить возможность тектонических явлений...

— Иначе нас с вами здесь и не оказалось бы, — буркнул Серов.

— Согласен. Во-вторых, ничего не извергнуто, кроме того количества поверхностной породы, которое неизбежно при таком взломе ее изнутри.

— Да, вокруг в основном обломки тела, а не здешних минералов. Значит, не извержение... Ох!.. — застонал он снова.

— Профессор, может быть...

— Нога ноет немного. Ну-с, не извержение. Но и не взрыв — не такой взрыв, какой предположили вы. Что же?

— Попытаемся найти, — сказал Горин, чувствуя, что и в самом деле начинает увлекаться поисками. — Предположим, что на небольшом расстоянии под поверхностью существует

некоторая полость. Разумеется, чем-то заполненная. Тело, вступив в контакт с поверхностью астероида, тем или иным образом воздействует на вещество, заполняющее полость, и оно взрывается.

— Я на вашем месте не делал бы столь опрометчивых заявлений, что заполняет каверну. И каким образом объект воздействует на это неизвестное вещество.

— Ну, это могла быть, допустим, нефть. Легкие фракции...

— Бензokolонка под поверхностью, великолепно. Но это все же не... Одним словом, до нас здесь не бывало людей, коллеги.

— И не будет, — пробормотал Горин, чувствуя, как боль в голове разгорается снова.

— Будут, друг мой. Обязательно будут. Не сомневайтесь в этом. Что, опять голова? Возьмите еще порошок. Сколько их у вас?

— Останется четыре.

— Ну, тогда хватит.

— Хватит, — мрачно сказал Горин.

— Не сердитесь, мой друг — ничего не поделаешь. Но это не должно мешать работе. Работать надо как играет спортсмен: до финального свистка... Итак, что касается нефти, с уверенностью можно сказать, что здесь ее быть не могло. Не говоря уже о том, что это... тело никак не могло воздействовать на нее таким образом, чтобы произошел взрыв. Согласны?

— М-м...

— Нет-нет, тепловое воздействие абсолютно исключается. Все успело остыть. Два с четвертью часа — вполне достаточное время. Оставим нефть в стороне: она ни при чем.

— Хорошо. Скажите, профессор, вы не допускаете, что в природных условиях могли самопроизвольно образоваться такие вещества, какие употребляются для производства взрывов?

— Взрывчатые вещества? До сего времени, во всяком случае, они нигде в природе не обнаружены. Даже там, где вещество не ограничивается, так сказать, минеральным царством. Я бы сказал даже, что открытие их означало бы, что ряд наших коренных представлений из области химии не соответствует действительности. Нет, это чересчур рискован-

ное допущение. Полагаю, что говорить о наличии таких веществ нам с вами не следует.

— Тогда... Тогда невядалеке от поверхности могла находиться значительная залежь химически чистых — или достаточно чистых — расщепляющихся материалов...

— Эти материалы не умеют молчать, друг мой. Они доложили бы о своем присутствии сразу же, как только мы с вами появились здесь.

— Но предположим, что они доложили, а мы своевременно не отреагировали.

— Это уже из области субъективных причин.

— Не обязательно. Могли отказать соответствующие приборы...

— Этих приборов такое множество — не могли же они отказать все сразу. Да и сию минуту наши приборы...

— Мой показывает присутствие.

— А мой — нет. Значит, вам не повезло.

— Все равно.

— Разумеется. «Не повезло» я говорю просто, чтобы дать оценку этой случайности. Нет, друг мой, расщепляющихся материалов здесь не было, и сейчас присутствуют лишь те, которые входили в состав тела.

— Тогда что же?

— Вот и я не знаю что. Это и заставляет меня ломать голову.

— Что же, профессор, не пора ли нам вернуться к причинам субъективного, как вы говорите, характера? И предположить, что просто-напросто кто-то...

— Нет! — резко сказал Серов. — Не время! И никогда не будет время! Слышите? Вы находитесь в экспедиции первый раз, а я уж и не помню в какой. И я вам говорю: никаких субъективных причин быть не могло! Мы имеем дело просто с каким-то новым явлением природы.

— Вы полагаете, что явление произошло бы так или иначе, и это... наше тело оказалось здесь, в месте проявления этого эффекта, лишь по случайности?

Серов помолчал.

— Нет, этого я не думаю, — ответил он наконец. — Я полагаю, что тело каким-то образом повлияло на течение определенных процессов, своим появлением как-то стиму-

лировало, катализировало их, и в результате... Но я пока не вижу механизма этого явления.

— Я тоже. Послушайте, профессор: а если в той полости был газ?

— Газ?

— Именно! Тело, вступив в контакт с поверхностью астероида, неизбежно нарушило ее структуру. Возможно, образовались микроразломы. Газ получил выход на поверхность. Температура оставалась достаточно высокой...

— Для возгорания газа? Сомневаюсь. Кроме того, газ в полости — если он был — находился под немалым давлением. Предположим, какая-то часть его получила выход на поверхность. Допустим даже, она загорелась. Ну и что? Возник бы факел. Это послужило бы предупреждением, позволило принять необходимые меры предосторожности. Пламя не могло пробраться к массе сжатого газа: слишком велико было бы давление изнутри.

— Да, — сказал Горин. — По-видимому, вы правы. Но, откровенно говоря, больше ничего мне не приходит в голову. Скорей наоборот.

— Что значит — наоборот?

— Скорей выходит из нее...

— Ну... Ну что вы... Не надо так. Помолчим немного и подумаем.

— Помолчим, — согласился Горин.

Они помолчали. Горин прислонился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Так было легче. Резко падали капли. Прошло время; наверное, много времени. Они не считали его, хотя чувствовали, как уходят минуты. Горин открыл глаза.

— Заря, профессор.

— Что? Что?? Где заря? А? Где? Где???

— Да нет, профессор. Просто заря. Скоро взойдет солнце.

— Ах да, — пробормотал Серов. — Я и забыл... Да, взойдет солнце. Мы его увидим.

В голосе его не было, однако, уверенности.

— Ну, вы придумали, профессор?

— Я? Да... собственно, нет. Я, знаете, немного отвлекся, ушел в воспоминания. Все-таки есть что вспомнить. Но в общем и целом увиденная нами картина ясна — источник

силы располагался под поверхностью. Неясен пока только механизм... Нога, знаете, не дает сосредоточиться. Почему-то хочется побежать. — Старик тонко засмеялся, и Горин улыбнулся тоже. — А вы, друг мой, поняли что-нибудь?

— Мне кажется, да, профессор.

— Ого! Это любопытно. Ну говорите, излагайте...

— Я тоже вспоминал. И совершенно точно, мне кажется, вспомнил, как это выглядело.

— Видите, — грустно сказал Серов. — Вы оказались выдержаннее меня: я вспоминал о разных вещах, не имеющих отношения к предмету нашего исследования, а вы...

— Это просто потому, что больше вспоминать мне, по сути дела, не о чем.

— Да, возраст... Вы не можете себе представить, как я сожалею. Да, так что же вам удалось восстановить в памяти?

Старик умолк, переводя дыхание после двух длинных фраз.

— Я вспомнил цвет. Вы не забыли?

— Цвет? Должен признаться, да.

— Попытайтесь восстановить его в памяти. Это важно. Это была не красная и не желтая вспышка. Вначале она была голубой. Ярко-голубой и с небольшим оттенком зелени.

— Белое я тоже помню. Белое там было. Да, это я помню отчетливо, друг мой.

— Говорите короткими фразами, так будет лучше.

— Попробую. Спасибо. Так что же?

— Голубая вспышка громадной мощности. Цвет молнии.

— Молнии? О! Это мысль!

— Электрический разряд. Понимаете?

— Любопытно. Проаргументируйте.

— Масса нашей... Нашего... — Горин запнулся.

— Масса тела, друг мой. Итак?

— Тело состояло в основном из металла.

— Процентом на семьдесят, да.

— Достаточно солидная масса. Могучий электрод.

— Ну допустим. Но источник энергии?

— Под поверхностью, как мы и думали.

— Не понимаю...

— Подумайте, профессор. Если мы допускаем, что в том районе, где произошел контакт тела с астероидом, могла оказаться полость...

— Разумеется — мы наблюдали показания приборов...

— То можно предположить также, — примем на минуту, что в этой полости мог оказаться выход каменного угля.

— На астероиде — каменный уголь? Ну знаете ли... Да... Еще нефть туда-сюда, ее генезис нам, в конце концов, еще не вполне ясен. Но уголь...

— Погодите, профессор. А насколько нам ясен генезис астероидов?

— Вы имеете в виду гипотезу Фазтона?

— Можно ли зачеркивать ее совершенно?

— Не знаю; вот если бы мы успели детально исследовать хотя бы этот самый астероид...

— Но, так или иначе, мы можем принять, хотя бы на мгновение...

— Допустим.

— И уже гораздо проще — не правда ли, профессор, — предположить наличие выхода цинка.

— Самородного? Гм... Ну, а откуда же вы возьмете серную кислоту? Ведь для того, чтобы образовалось нечто подобное природному элементу Гренэ, нужна и серная кислота!

— Это не так уж сложно. Если есть окислы серы и вода — мы получим кислоту. Это школьная химия... Вода могла существовать в виде льда, но высокая температура, возникшая при установлении контакта с телом, заставила ее...

— И все же, друг мой... даже при наличии всех этих совпадений... — Старик помолчал, переводя дыхание. — Даже при наличии их мы получили бы лишь сернистую кислоту, — а она в водном растворе очень слабо ионизирована. Вряд ли ваш элемент мог бы...

— Ну не знаю, — обиженно сказал Горин.

— Не обижайтесь. Гипотезы нельзя принимать на веру.

— Конечно...

— Хотя должен сказать, что в вашей идее относительно электрического разряда...

— Не спешите, профессор, берегите силы...

— ...Есть что-то привлекательное.

— Спасибо.

— Эта идея мне нравится. Такой разряд мог вызвать...
Черт!

— Вы...

— Мог вызвать, я говорю, замыкание в полости нашего тела. А там было предостаточно веществ, способных взорваться.

— Еще бы!

— Могли также расстроиться магнитные поля...

— Именно, профессор, — сказал Горин, и у него перехватило дыхание. — Расстроились магнитные поля. На краткий миг. Но этого хватило. Однако, если вы считаете, что угля быть не могло, то как же...

Профессор помолчал, размышляя.

— Не согласен, друг мой. Никому не удавалось наблюдать в естественных условиях подобные источники тока. Они — изображение человека. Человек, друг мой, его разум — самое прекрасное...

— Жизнь прекрасна во всех проявлениях, — пробормотал Горин стандартную фразу. Он думал о Лилии, и фраза показалась ему точно выражающей мысль.

— Это, безусловно, тонко подмечено, — сказал старик, на мгновение перестав кряхтеть; последние минуты он только тем и занимался. — Жизнь во всех проявлениях — это...

Он умолк и через секунду закряхтел еще сильнее. Горин чувствовал, как все ближе подступают воспоминания, еще немного — и они овладеют им и больше уже не выпустят.

— Скажите, — произнес вдруг Серов уже другим, бодрым и даже чуть звенящим голосом. — Скажите, а вы за это время не наблюдали ничего... к чему могла бы относиться ваша фраза?

Фраза относилась к Лилии, но старик не мог знать этого. Горин повел глазами.

— Я наблюдаю пепельницу, — пробормотал он. — И кресло. Вот и все, маэстро.

— Понимаете, — сказал старик, — мне тоже пришла в голову мысль... Разряд, очевидно, имел место. Именно электрический. И если думать о его источниках, мы можем остановиться на одном из двух выводов: или под поверхностью и в самом деле имеется какой-то заряженный пласт, — но от явлений природы, которые не обладают инстинктом и не могут выбирать слабое место для удара, наше тело было достаточно хорошо защищено...

- Да, оно было защищено, однако могло ведь случиться...
- Погодите, дайте закончить. Или... или это была жизнь.
- Жизнь?

— Конечно же! Заряженные пласты до сих пор не наблюдались, зато обладающие мощным электрическим зарядом существа есть и на Земле, и на других планетах. Мощностью, конечно, на много порядков ниже, но это уже не принципиально. А если здесь и в самом деле существует жизнь — на поверхности или под нею, — то она неизбежно обладает обменом, основанным на прямом усвоении энергии Солнца. В таком случае не исключено, что эти существа в случае опасности могут защищаться именно таким способом...

Горин подпирал голову кулаком — иначе она не могла держаться прямо. Страшно хотелось спать.

— Мы бы заметили, профессор, — промямлил он. — Но было пусто.

- Если жизнь была на поверхности. А если — под нею?
- В этой полости?
- Не обязательно.
- В веществе такой плотности?

— Ну этой плотности далеко до предельной. А если существо обладает плотностью большей, скажем, на два порядка...

— Может быть, — устало проговорил Горин. — Может быть, существо. Или вся эта глыба. Весь астероид.

— А почему бы и нет? Горин, вы что, уснули?

— Еще нет, профессор. Но близок к этому.

— Не смейте спать! Не спите, мальчик! Именно сейчас вы не можете позволить себе это. Подумайте: ведь место, где мы находимся, — единственное пригодное для посадки!

— Очень удобное место, — пробормотал Горин.

— Сюда будут садиться!

Горин напрягся, отталкивая сон.

— Не спите же! Ну хотите... хотите — споем песню, а? Или я расскажу вам анекдот. Я в юности знал массу анекдотов, очень смешных. Не спите. Поймите: придет новый корабль и сядет здесь!

— Этого нельзя допустить, — через силу проговорил Горин.

— Ни в коем случае! Вы понимаете, что нужно сделать?

- Я не вижу, что мы сможем...
- Дать знак опасности!
- Крест? А как?
- Как? А мы?
- Мы?
- Ну конечно же! Мы сами!
- Горин размышлял, глубоко дыша.
- Не успеть.
- Надо успеть! Надо!

Горин промолчал. Кровь по-прежнему капала из расщепленного лба и из плеча, в скафандре образовалась уже лужица, и грудью Горин лежал в этой лужице и чувствовал, как с каждой каплей уходит жизнь, как приходит сон, носивший, впрочем, иное название... Он пошевелил руками, примеряясь, как будет ползти. Потом — ногами.

- У меня мало шансов, профессор. А вы?

— Я, к сожалению, нетранспортабелен, как говорят медики. Конечно, будь мы предусмотрительнее, мы захватили бы, выходя, тележку. А так... Видите ли, друг мой, у меня раздроблены ноги, и что-то лежит на них. Кусок обтекателя, по-моему. Двигаться я не могу.

- А как же вы...

— Как я не истек? Я, знаете ли, лежу наклонно, вниз головой. Тут такой рельеф. Как вы думаете, до меня далеко?

— Около километра, — прикинул Горин. — Выйдя, мы успели разойтись метров на четыреста, и взрыв потом швырнул нас... Да, судя по тому, как ясно мы слышим друг друга, что-то около километра — если бы было больше, прием был бы хуже, радиации ведь у нас слабые.

— Вы должны доползти. Доползти, освободить меня от обтекателя — при здешнем напряжении гравитации это совсем не трудно, — выпрямить и лечь поверх крестообразно.

- Вы думаете, они...

— Не знаю, поймут они или нет, что это означает. Но садиться не станут, чтобы не сжечь нас. Спустят человека. А там уж разберутся...

- Ползу, — сказал Горин.

Он и в самом деле двигался. Между пепельницей и валившимся на камнях вверх ногами искореженным креслом было относительно ровное место, можно было надеяться про-

ползти и не разрезать скафандр. Там, где лежал профессор, придется ползти осторожнее: там, по-видимому, будет больше металлических обломков. Ползти придется не прямо, а по дуге, минуя место, где произошел взрыв: этот район наверняка не пройти даже на ногах, не то что на животе. Горин полз, стучаясь головой о внутреннюю поверхность шлема и отплевываясь, когда текущая сверху кровь попадала на губы.

— Но если я положу вас горизонтально... — пробормотал он.

Серов услышал его.

— Не бойтесь. Это буду уже не я. Видите ли, у меня помяло регенератор, и он действует все хуже, так что...

Горин застонал.

— Я понимаю, друг мой, и мне очень неудобно, что придется оставить вас одного.

— Ненадолго, — прохрипел Горин.

— Но это будут невеселые минуты. Ищите утешение в одном: те, кто прилетит сюда после нас, останутся в живых. Их корабль не взорвется, как наша «Заря».

— Да, — буркнул Горин.

Голова грозила расколоться; он повернул голову в шлеме вправо, нашарил вспухшими губами рожок первой помощи и высосал еще одну таблетку. И снова зашевелил руками и ногами, передвигаясь меж обломков, как древняя рептилия.

— И потом, — сказал Серов, — как-никак мы сделали открытие.

— Только не знаем какое.

— Пласт или жизнь? Я думаю, что это все же жизнь. Во всяком случае, я записал это в полевой блокнот. Руки, к счастью, уцелели. Блокнот будет лежать на груди. — Серов говорил теперь, отделяя слово от слова долгими паузами. — Когда вы ляжете сверху, возьмите его и положите у себя на груди. Пусть его найдут. Обязательно...

— Спасибо вам, профессор, — пробормотал Горин.

— Что вы? За что?

— Вы помогли мне. Иначе я умер бы, думая, что во всем виноват кто-то из наших, из экипажа. Я решил, что взрыв произошел по чьей-то небрежности...

— Я знал, почему вы говорили о субъективных причинах. Но это было не так, мы с вами установили. Вас извиняет то,

что это первая ваша экспедиция. Иначе вы бы знали. Это были не такие люди. Им можно верить больше, чем себе.

— За это я и благодарю вас.

— Нет, что вы. Я просто помог вам прийти в себя. Вы видите меня? Я зажег фонарик, но плохо представляю, с какой стороны вы должны появиться.

— Не беспокойтесь. Я ползу по пеленгу. Рано или поздно я вас увижу.

— Хорошо, друг мой. Я пока помолчу. Попробуйте сэкономить. Перед глазами, знаете ли, такие круги... Но вы будете слышать мое дыхание. Хорошо, если бы вы увидели фонарик, прежде чем оно прекратится.

— Я увижу, профессор, — пробормотал Горин. — Увижу...

— Тогда прощайте, друг мой. Я, кажется, отключаюсь.

— Подождите, профессор, — попросил Горин.

Теперь он слышал только дыхание, громкое и хриплое, все более учащающееся. Он полз, и лужица плескалась в скафандре. Ползти приходилось, минуя обломки «Зари», размеченные внезапным и мощным взрывом, от которого уцелели лишь они двое, вышедшие, чтобы взять пробы грунта там, где он не был обожжен при посадке корабля. Горин полз и знал, что доползет. Посветлело. В черных камнях отразился первый луч солнца. Оно всходило впереди, и Горин подумал, что теперь ему будет легче ползти. Всегда легче, если видишь, куда надо двигаться.

ГЛУБОКИЙ МИНУС

1

Колин медленно повернул ключ влево и выключил ретаймер. С закрытыми глазами еще посидел в машине, но заколовшееся во внезапном приступе гнева сердце все не унималось. Тогда он вылез из хронокара и уселся прямо на землю.

Несколько минут он глядел прямо перед собой, ничего не видя и стараясь успокоиться. Слева, издалека, донеслось тяжелое пыхтенье, и Колин автоматически отметил, что в зарослях у воды появились гадрозавры — здоровенные и лишённые привлекательности ящеры. Но утконосые пожиратели камыша Колина пока не интересовали. Ему был нужен Юра. Юры-то как раз и не было.

Итак, куда он мог деваться?

К решению этой задачи Колин попытался было привлечь теорию вероятностей, но не успел. Вместо этого он встрепнулся и повернул голову. Из лесу донеслось что-то напоминающее мелодию. Хотя мелодией донесшиеся колебания воздуха можно было назвать лишь с большой натяжкой. С колоссальной!

«Певец, — презрительно подумал Колин. — Бездельник!»

Он поднялся на ноги. Звуки приближались. Колин расставил ноги пошире и уперся кулаками в бока. Он наклонил голову и саркастически усмехнулся. В такой позе Колин продолжал дожидаться. Уже стало возможным различить не только напев, но даже и слова. Ну, подожди, исполнитель...

А певец уже показался из-за араукарий. На плече его висела сумка с батареями. Пальцы дергали воображаемые струны. Ему было весело.

В следующий момент Юра увидел Колина. По телу юнца прошло волнообразное движение. Ноги дернули его назад, подчинившись первому импульсу — удрать. Верхняя же часть туловища и голова остались на месте: умом парень понимал, что сбежать не удастся.

Теперь мальчишка приближался куда медленнее, чем раньше. Он шел, старательно изображая беззаботность. Даже опять запел.

— А вот, — пел Юра, — вот высокие деревья, хотя, может быть, они и не деревья. И большое желтое солнце. Как тепло здесь! А вот стоит Колин, великий хронофизик. Он нахмурен, Колин. Он разгневан. Что он скажет мне, Колин? Что он сделает?..

— Это ты сейчас узнаешь, — сумрачно произнес Колин. — Не скажешь ли ты мне, великий артист, кто сжег рест у хронокара?

— Кто сжег рест у хронокара? — запел Юра, остановившись в десяти шагах от Колина и не проявляя ни малейшего желания приблизиться. — Откуда я знаю, кто сжег? Может быть, Лина... Или Нина. Или Зоя... Не подходи, ты! — Последние слова солист произнес скороговоркой.

Колин поморщился.

— Лучше не сваливать на девушек. Целесообразнее всегда сознаться самому.

— Что я могу сделать, — жалобно сказал Юра, — если я и в самом деле не знаю, кто сжег рест? Как будто я не умею водить хронокар. — Глаза его теперь излучали чувство оскорбленного достоинства. — А раз я умею — ведь умею же, а? — то, значит, я и не мог сжечь рест. Как ты думаешь?

Он сделал паузу. Колин стоял все в той же позе, не предвещавшей ничего хорошего. Юра вздохнул.

— Однако, я готов облегчить твоё положение, о почтенный руководитель. Своими руками сменю рест. Пусть! Мне всегда достается чинить то, что ломают другие. Я сменю рест. — При этих словах на лице его появилось выражение высокого и спокойного благородства. — А посуду зато пусть вымоет Ван Сайези.

Колин вздохнул. Легкомыслие плюс отсутствие мужества — вот Юра. Как хорошо было бы в экспедиции, если бы не он со своими выходками! Совершенно пропадает рабочее настроение...

— Небольшое удовольствие — быть твоим начальником, — сказал Колин, сурово глядя на юнца. — Но можешь быть уверен, я все это учту при составлении отчета.

— Так я иду, — торопливо сказал Юра. — Где у нас запасные ресты?

— Каждый участник экспедиции обязан знать это на память, — стараясь сохранить спокойствие, раздельно произнес Колин. — Знать так, чтобы, если даже тебя разбудят среди ночи, ответить, ни на секунду не задумываясь: «Запасные ресты хранятся в левой верхней секции багажника». Человек, не знающий этого, не может участвовать в экспедиции, направляющейся в минус-время, в глубокое прошлое Земли. Ты понял?

— А конечно, все ясно, — сказал Юра и побежал к хронокару, подпрыгивая и делая по три шага одной и той же ногой.

Колин покачал головой. Затем он повернулся и неторопливо направился ко второй позиции, где еще утром стоял хронокар Сизова. Присел на поваленный ствол и задумался.

Когда дела в экспедиции идут на лад, можно порой расслабиться на несколько минут и посидеть вот так, ощущая, как течет, слыша, как журчит уплывающее время. Как нигде, это чувствуется здесь, в глубоком минус-времени, в далеком, ох каком же далеком прошлом Земли! Иногда становится немного не по себе при мысли о тех миллионах лет, что отделяют экспедицию от привычной и удобной современности. Но место хронофизика — в минусе.

Точнее, в одной из шахт времени. Там, где погружаться в прошлое легче, потому что плотность времени ниже, чем в других местах. В шахте номер два, на уровне мезозоя, и находилась сейчас эта группа экспедиции. В состав ее входили и зоологи, и палеоботаники, и радиофизик, и химик, и астроном, и, конечно, хронофизики. И еще входил Юра, который, по существу, еще не был никем, хотя и именовался лаборантом, и который очень хотел кем-нибудь стать.

«Однако вряд ли это ему удастся, — не без злорадства подумал Колин. — Одного желанья мало, нужен характер. А характера нет. И потом, Юра не занимается наукой. Он играет в нее. И, как всякий ребенок, ломает игрушки».

Как говорится, не было печали...

Хорошо, что других Юрок в экспедиции нет. Ни в той группе, которая сейчас в силлуре занимается трилобитами, их расцветом и гибелью, свободно передвигаясь в своем хронокаре на миллионы лет; ни в группе Рейниса — Игошина в архее, у колыбели жизни, а тем более — в обеих группах верхних уровней.

Верхним группам особенно тяжело; каждая из них состоит всего из одного человека. Петька и Тер. И тот и другой — один на все окрестные миллионы лет. Случись что-нибудь — и не поможет ни прошлое, ни будущее.

Опять он тут?

Юра и в самом деле показался из-за хронокара и приблизился, все так же пританцовывая. Губы его изображали торжествующую улыбку.

«Ну ладно, — подумал Колин. — Ну сменил рест. Все в порядке, пускай. И все равно безобразия!»

Хорошо, что хоть нет Сизова с его вечной язвительностью. Сизов ушел на рассвете, и сейчас его машина уже приближается к современности. Там он проведет профилактику, оттуда привезет энергию...

Поспешным движением Колин зажал уши. Это был не ящер, это Юра испустил свой боевой клич.

— Довольно, — брюзгливо сказал Колин. — Я уже все понял.

— Вовсе нет, — ухмыляясь, ответил Юра. — У меня вопрос к начальнику.

— Ну?

— Не ответит ли высокочтимый руководитель, на каком, собственно, основании он принимает участие в столь ответственной экспедиции?

Колин сморщился. Опять шуточки...

— Ведь тот, кто не знает, где хранятся запасные ресты, не имеет права участвовать в экспедиции, правда? Цитирую по собранию высказываний почтенного главы...

— Ну?

— Так вот, высокий руководитель не знает. Они вовсе не хранятся в левой верхней секции багажника. Там вообще ничего не хранится. Секция пуста. Рест лежал в верхней секции, над дверью. Если бы не я с присущим мне инстинктом следопыта, предводителю пришлось бы долго искать...

— Да подожди ты, — сказал Колин, досадливо морщась. — Какая еще секция над дверью? Там никаких рестов никогда не было. Весь пакет лежит там, где я сказал.

— Может быть. Только там не было никакого пакета. И нигде не было. Только один рест. Там, где сказал я!

Колин сердито пробормотал что-то, поднялся, тщательно отряхнул брюки.

— Вот я тебе сейчас покажу...

Он широко зашагал к хронокару, рывком откинул дверь. Сейчас он вытащит из шкафчика плоский пакет, залитый для безопасности черной вязкой массой, ткнет молокососа носом в ресты и скажет... И скажет... И...

Его руки обшарили секцию: сначала спокойно, отыскивая, к какой же стенке прижался пакет. Потом еще раз, быстрее. Потом совсем быстро; пальцы чуть дрожали. Голову в шкафчик одновременно с руками было не всунуть, и Колин шарил, повернув лицо в сторону и храня на нем напряженно-досадливое выражение. Наконец Колин разогнулся, вынул руки из секции, посмотрел, удивленно подняв брови, на пустые ладони.

— Ничего не понимаю!

Юра ехидно хихикнул. Колин принялся за соседнюю секцию. На пол полетели защитные костюмы, белье, какая-то рухлядь, неизвестно как попавшая в экспедицию, — Колин только все сильнее сопел, извлекая каждый новый предмет. Из третьего шкафчика появились консервы, посуда и прочий кухонный инвентарь. Секций в багажном отделении было много, и с каждым новым обысканным хранилищем лицо Колина становилось все мрачнее. Наконец изверг свое содержимое последний шкафчик. На полу возвышалась пирамида из банок, склянок, тряпок, кассет, запасных батарей, сковородок и еще чего-то. Пакетов не было.

— Убери, — сказал Колин, не разжимая челюстей. Резко повернулся, ударился плечом об открытую дверцу, зашипел и вылез из хронокара.

Юра не рискнул возразить: он знал, когда шутить нельзя. Что-то бормоча несчастным голосом, он занялся уборкой. Колин сделал несколько шагов и остановился, потирая лоб. От таких событий у кого угодно могла разболеться голова.

Рестов нет. Нет всего пакета — пяти новеньких исправных деталей. Вместо них Юра нашел одну-единственную. Нашел вовсе не там, где следовало. И — один. Откуда взялся этот рест? И куда исчезли остальные?

Колин долго вспоминал. Наконец вспомнил. Этот рест остался в секции над дверью еще с прошлой, Седьмой комплексной экспедиции, которая впервые добралась до мезозоя. Это был уже поработавший рест. Еще пригодный, правда. Но только никто не мог сказать, когда он сгорит. Это могло произойти в любую минуту.

Хорошо, что не надо никуда двигаться. Иначе — беда. Но дело не в этом. А в том, что не где-нибудь — в минус-времени, в экспедиции, которой он руководит, вдруг, ни с того ни с сего, пропал целый пакет рестов. Единственный резервный на хронокаре. Это беспорядок. Это отсутствие ответственности. Это могло бы поставить под угрозу выполнение научной программы, и хорошо, если не что-нибудь еще.

Еще — это значит жизни людей, — уточнил Колин сам для себя. Но и привезти в современность невыполненную программу — достаточно плохо. Он, Колин, просто не может представить себя в таком положении. Этого не было и не будет. Потому что самое важное на свете — это результаты.

Колин знал это назубок и все-таки время от времени возвращался к этой мысли. Она помогала, поможет и сейчас.

Сейчас... Сейчас придется просить рест из резерва Сизова, когда он вернется. Вместо того чтобы анализировать уже полученные данные, систематизировать их и намечать новые направления, руководитель экспедиции будет думать о судьбе пакета рестов и подставлять себя под удары сизовского остроумия.

Колин вздохнул. Оттуда, где на низеньких колесах стоял хронокар — полупрозрачный эллипсоид с несколько раздутой багажной частью, — доносились негромкий стук и побрякивание металла. Это Юра вынимал сгоревший рест. «Надо обладать особым талантом, чтобы так основательно сжечь рест, — подумал Колин. — Там уцелело десятка полтора ячеек, не больше».

Мысли о сожженном и уцелевшем докатились до перекрестка, откуда привычно свернули от реста к той закономерности изменения уровня радиации на планете, которая

как будто бы стала намечаться при обобщении последних данных. Здесь, в мезозое, сделано уже почти все. Но вот в силлуре и архее... Да, там еще могут произойти открытия. Вот если бы группе Арвэ удалось подобраться во времени поближе — там, в силлуре, — и проследить, как происходит это изменение: скачком или плавно нарастая, и какими явлениями — космическими или местного порядка — сопровождается. Правда, исследователи предупреждены: чрезмерный риск недопустим. Чрезмерный. Но если они все же получат убедительные данные... то, может статься, вовсе не зря расходует мы энергию в глубоком минусе.

Колин недовольно дернул плечом. Воспоминание об энергии вернуло его к мыслям о происшедшем, и он твердо решил: в дальнейшем экспедиция будет обходиться без Юркиных услуг. Пусть упражняется дома. На кошках. Вozить его к динозаврам обходится слишком дорого.

Вот он сжечь деталь сумел, а поставить новую, видимо, не умеет. Столько времени возится с установкой...

Колин раздраженно повернулся. Но Юра уже подходил, вытирая руки платком.

— Ну, порядок, — объявил он. — Опять можно хронироваться, куда хочешь, высокочтимый предводитель.

— Наконец-то, — буркнул Колин. — А теперь скажи мне: куда же девался пакет?

Юрка критически посмотрел на донельзя грязный платок, скомкал его и резким движением швырнул тугой комок прочь. Промасленный мячик взлетел, описывая крутую параболу; оба невольно следили за ним, зная, что сейчас произойдет: граница защитного поля четко представлялась каждому. В следующий миг платок пересек ее; голубая вспышка сопровождалась негромким хлопком, и платка не стало. Колин перевел взгляд на мальчишку.

— Я думаю, — сказал Юра задумчиво, — что пакет увез с собой Сизов.

— Перестань! — проговорил Колин. — Сизов ничего не станет брать с другого хронокара. У него самого полный резерв.

— Я же не говорю, что он их взял. Он увез пакет, потому что пакет оказался в его багажнике.

— Так... Каким же образом?

— Я их туда переложил.

Колин тяжело вздохнул.

— Значит, ты их переложил? Взял да переложил?

— Ну да. Мне нужно было освободить одну секцию. Собралась очень интересная коллекция, и ее надо обязательно доставить в современность. Но это я сделаю сам. Наши палеозоологи...

— Молчи! — Голос Колина сорвался, но хронофизик тут же овладел собой. — Значит, коллекция... А ты что, не знал, что Сизов уходит на три дня в современность?

— Конечно, не знал. Откуда же?

— Об этом говорилось вчера за ужином.

— Я опоздал вчера, — сказал Юра. — Ты что, не помнишь? Я работал с траходонтами, было очень интересно...

«Опоздал, — подумал Колин. — Вот опоздал. И с этого все началось... Ох, сейчас я сорвусь!..»

Он раскрыл рот и опять закрыл. Затем снова открыл, но проговорил только:

— Почему же ты заставил меня обшарить весь багажник?

— Ну, я хотел немного пошутить, ты не обижайся, — весело сказал Юра. — Ты так смешно говорил, что, кто не знает, не имеет права идти в экспедицию. А получилось, что не знал ты. Я-то знал...

— Ты... ты вреден для науки! — сквозь зубы процедил Колин. Он повернулся к Юре спиной.

— Чего ты обижаешься? Я же хронируюсь в первый раз. Ничего, я научусь еще... — Он подмигнул. — А вот я узнаю, кто сжег наш рест...

— Если хочешь узнать, — холодно произнес Колин, — я отвезу тебя в ближайшее прошлое — в восемнадцать часов тридцать две минуты по моим часам. Там ты увидишь...

— А ты видел?

— Видел.

Юра смущенно засмеялся.

— Ну ладно... Ты знаешь... Мне надо было попасть лет на тысячу выше — посмотреть, как развивается далекое потомство одного меченого ящера, очень характерного для периода повышения уровня... Честное слово, я теперь и близко не подойду к управлению. Я сжег рест совершенно случайно, когда фактически уже возвратился. Усиливал темп-ритм и

одновременно дал торможение. Мне хотелось выйти поточнее, чтобы потом не дотягивать. Ну и разряд был! Даже маяки взвыли!

Колин сжал кулаки. Его желание сдержаться исчезало, таяло под напором чего-то куда более сильного, поднявшегося черт знает откуда. Болтун — у него маяки и то воют.

— А вот я тебя сейчас... — пробормотал он.

Мальчишка нерешительно сделал несколько шагов назад. Колин набрал полную грудь воздуха, но не успел добавить ни слова.

Громовой, скрежещущий рев пополам со свистом раздался неподалеку. Звук был на редкость силен и противен, но Юра удовлетворенно ухмыльнулся.

— Рексик, — сказал Юра. — Тиранозаврик, милое создание. Крошка Тирик. Он недоволен. Заступается за меня. Когда он доволен, кого-то съел, он делает так...

Юра весьма похоже изобразил, как делает Рексик, когда он доволен.

— Это чтобы ты не злился на меня. Ты уже подобрел?

Они стояли друг против друга. Колин шумно сопел. Потом воздух между ними задрожал, и в этом дрожании возникла высокая фигура, затянута в плотно облегающий, отблескивающий костюм, с горбами хроноланговых устройств на спине и груди. Юра ошалело глядел на возникшего. Тот медленно расстегивал шлем, затем откинул, и стоящие увидели крупные черты и широкую, с проседью бороду Арвэ. Он усталым движением стер пот со лба.

— Ты? — спросил Колин. — Что-нибудь случилось? Ну? Ну?..

— Мы вышли точно в момент изменения уровня, — ровным голосом проговорил Арвэ. — Скачок, Колин. Никакой постепенности — скачок.

— Так, — сказал Колин. — Так! — повторил он ликующе. — Ты понял? — закричал он Юре и тотчас же снова повернулся к Арвэ. — Ну рассказывай, ради всего... А причины? Причины?..

— Космические факторы, — сказал Арвэ. — Похоже на сверхновую.

— Вы ее видели?

— Мы видели. Только...

— Ну?

— Впечатление такое, что она возникла на пустом месте. До этого там не наблюдалось даже самой слабой звезды.

— Э, вы просто не заметили, — с досадой сказал Колин. — Проворонили. Где все материалы?

— Главное при мне. Вот пленки... — Арвэ извлек пакет из внутреннего кармана. — Вся астрономия тут. Можешь проверить...

— Если не сверхновая — тогда что же?

Арвэ улыбнулся.

— Откуда я знаю? Может быть, это взрыв — результат столкновения всего лишь двух частиц, но обладающих благодаря скорости энергией, стремящейся к бесконечности? Разберемся...

Колин моргнул.

— Разберемся... — неуверенно повторил он, но тут же перешел на обычный свой тон. — Главное — что ты сразу привез. Молодец! Но это же небезопасно — пускаться с хронолангом! Следовало использовать вашу машину.

Арвэ покачал головой.

— Хронокар погиб, — сказал он. — И два хроноланга в нем. В момент скачка энергетические экраны не выдержали. Хорошо, что мы успели разбить лагерь и поставить стационарный экран.

Лицо Колина стало каменеть, радостная улыбка застыла на нем, как застывает лава после извержения, — радостная, глупая, никому не нужная улыбка.

— Аккумуляторы сохранились, — сказал Арвэ, — их хватит на полсутки. Мы вышли слишком близко к моменту скачка...

— Как же теперь? — медленно проговорил Колин.

— Подбросьте нам энергию, и все. А сейчас мне пора. Там столько работы, что рук не хватает. Ничего, часов двенадцать мы продержимся, а тут и вы подоспеете. Хотя бы пару контейнеров.

Он кивнул молчащему Колину.

— Я так и скажу ребятам, что вы привезете.

Он накинул шлем, щелкнул застежкой. Колин медленно поднимал руку, чтобы удержать Арвэ, но там, где только что стоял старик, лишь колебался воздух.

— Немедленно дай сигнал общего сбора группы, — почти беззвучно произнес Колин.

2

Это — проклятое положение... Ты путешествуешь в чужие эпохи, но не можешь проникнуть в свой вчерашний день, чтобы изменить в нем что-то хотя бы на миллиметр, на долю секунды. Слишком мала разность давлений времени между «сегодня» и «вчера», а эта величина имеет тут решающее значение. Плотность времени окружающего события настолько велика, что, если не обрушиться на событие с высоты большой разницы давлений, тебе не пробиться к нему. Нельзя вернуться назад, в силлур, и предупредить друзей, чтобы не лезли в пекло. Нельзя связать мальчишку по рукам и ногам, чтобы он...

Колин согнулся и заткнул пальцами уши. Это был сигнал общего сбора. По сравнению с ним рыканье тиранозавра казалось лирической вечерней тишиной. Даже самые далекие ящеры умолкли от страха.

Девушки выбрались из чащи первыми, перемазанные, исцарапанные и веселые. Они тащили маленького двуногого гада и по очереди заглядывали в его широко раскрытую пасть. Зверь дергался, шипел и гадил.

— Какая прелесть, а? — сказал Юра.

— Интересно, сколько энергии израсходовано на то, чтобы ухватить этого прыгуна, — мрачно произнес Колин. — Девочки! Бросьте его немедленно! — И, глядя, как насмерть перепуганное создание улепetyвает к лесу, продолжил: — Ни ватта энергии без крайней необходимости — запомните это. Где Ван?

— Я здесь, — сказал Ван Сайези, подходя неторопливой, как всегда, походкой.

— Тогда слушайте...

Но, вместо того чтобы продолжать, Колин задумался.

Давно уже миновала эпоха, когда понятие об экспедиции было тесно связано с понятием риска. Экспедиция продумывается и снаряжается настолько тщательно, что ничего угрожающего — иными словами, непредвиденного — возникнуть не может. На смену романтике неизвестности давно и основательно пришел пафос достижения запланированных целей. А тут под угрозой оказались, ни много ни мало, все результаты экспедиции, И жизнь людей.

О ценности жизни и говорить не приходится. А результаты — разве можно пренебрегать ими? Вдруг в словах, словно невзначай брошенных стариком Арвэ, есть доля истины? Трудно сказать, что будет тогда: может быть, расцветет теория — космогоническая, скажем, хотя об этом и трудно судить, не будучи специалистом; а возможно, произойдет переворот в энергетике... Так или иначе, экспедиция, получившая такой результат, перестанет быть просто рядовой экспедицией. Она...

Колин опомнился, встретившись глазами с выжидательным взглядом Ван Сайези. Вздохнул.

— Арвэ, Хомфельдт и Джордан в силлуре добились крупного успеха, — сухо сказал он. — Вот их материалы... — Он зачем-то положил руку на карман, словно это должно было убедить всех в достоверности его слов. — Но они лишились машины и запасов энергии — ее осталось, по их расчетам, на двенадцать часов. Сизов, как вы знаете, вернется лишь через трое суток. Им грозит дехронизация.

— Ужас... — после паузы тихо проговорила Зоя.

Нина лишь закрыла глаза. Массивная Лина сидела словно каменный монумент: Арвэ грозит гибель...

— Ты ведь знаешь, — медленно проговорил Ван Сайези, — мы не хронофизики. Мы просто пассажиры... То есть вести машину может каждый из нас, но решить, куда ее теперь вести... Ты здесь единственный специалист сейчас.

Колин опустил голову. Что тут решать? Все и так знают: отправляясь в прошлое, мы берем свое время с собой, защищаем его энергетическими экранами и можем жить только в нем. Так подводный пловец берет в глубину моря свою атмосферу, заключая ее в баллоны. Кончается газ — кончается все. Мы возим в прошлое энергию в контейнерах, и когда она иссякнет — исчезнет все, до последнего прибора, до последнего кусочка бумаги, как исчез недавно Юрин платок. Это всем понятно.

Он взглянул на товарищей.

— Я объясню... По сути дела, поставлена задача из сборника упражнений по теории времени. Цель: спасти результаты экспедиции — и ее участников, конечно. — Колин рассердился на себя за то, что результаты выскочили первыми, и продолжал решительно: — Средства — имеющиеся здесь, в

группе мезозоя, запасы энергии и наш хронокар. Что же мы должны сделать?

— Погоди... На сколько хватит нашей энергии в пересчете на всех? — спросила Нина.

— Ну, — сказал Колин, — если оставить лишь необходимое...

— Одну минуту, — перебил Ван. — Я думаю, надо посчитать, как это получится в цифири.

Он вытащил из кармана карандаш и стал считать, выписывая тупым концом карандаша цифры прямо на песке.

— Всего нам этой энергии достанет — это уж абсолютно точно, строгий расчет — ровно на двое суток. Ровно, — повторил Ван, — без всякого лишка.

Нина вздохнула.

— Сизов возвратится на сутки позже...

— Значит, так нельзя.

— Можно, если Сизов придет раньше, — уточнил Колин. — Но коли уж в расчете возникает «если», то надо всегда помнить, что это палка о двух концах. Если раньше, а если позже, то что тогда?

Все молчали, представляя, что будет тогда. Люди в глубоком минус-времени будут долго с тоской следить за приборами, которые покажут, что все меньше и меньше остается энергии. Будут следить и с каждой минутой все менее верить в то, что помощь успеет. Умрут они мгновенно, но до этого, даже помимо своей воли, будут медленно умирать сто раз и еще сто раз...

— Что же, — сказал Ван. — Разве есть другой выход?

— Нет, — сказал Колин. — Другого выхода нет. Но...

— Да?

— Задача еще не вся. Ведь энергия — здесь, а они — там.

— Привезти их сюда. На хронокаре можно забрать всех сразу.

— Нет... Наша машина неисправна.

Колин хотел сказать, по чьей вине, но что-то помешало ему, и лишь повторил после паузы:

— Неисправен... вернее, ненадежен рест. Конечно, можно рисковать. Съездить за ними. Но риск очень велик. Можем не добраться.

— Ага, — невозмутимо сказал Ван Сайези. — Это не-сколько меняет дело.

— Если бы мы и привезли их сюда, — медленно проговорила Нина, — то все равно погибли бы. Все, Сизов ведь не знает.

— Все — или никто, — сказала Лина, думая об Арвэ.

— Главное, чтобы не пропали результаты, — сказала Нина. — Энергию лучше использовать для их защиты. Они берут мало. Сизов найдет все в сохранности.

Юра испуганно заморгал.

— Причин для паники нет, — медленно проговорил Колин, — и рано думать о самопожертвовании. Во-первых, по расчету времени Сизов может успеть. Трое суток даны ему с учетом того, что половину этого времени он будет заниматься профилактикой и осмотром машины на базе. Погрузка и путь в оба конца занимают лишь вторую половину этого времени. Так что, если Сизов будет знать...

— Это уже второе «если», — вставил Ван. — А построенное с двумя «если» не заслуживает уважения.

— И все же шансы есть. При условии, конечно, что мы не станем дожидаться, пока судьба решит все за нас. На предельно облегченном хронокаре надо спешить в современность. К Сизову. Чтобы никакой проверки сейчас, никакого ремонта, поскольку это ремонт предупредительный. Пока наша машина доберется туда, его энергетические контейнеры будут уже погружены. С ними он сразу же хронит сюда. Он успеет.

— Рест может сгореть и на пути в современность, — пробормотала Нина, покачивая головой.

— Тут риск меньше: давление времени возрастает с погружением в минус и уменьшается с подъемом к современности. Это должен знать и ботаник, коль скоро он участвует в экспедиции. Нагрузка на рест будет не возрастать, а постепенно уменьшаться. Больше шансов дойти.

Группу Арвэ сюда можно доставить и без хронокара. У нас пять индивидуальных хронолангов, такую дистанцию они выдержат: прошел же Арвэ. Двое из нас пойдут в силлур, три хроноланга возьмут с собой. Все данные о работе привезти сюда. Приборы придется бросить. Здесь будем ждать помощи. А предупредить Сизова, я считаю, все же возможно.

— При условии, — сказал Ван, — что машину поведет самый опытный минус-хронист. Кто у нас самый опытный?

На миг наступило молчание, затем Колин тихо проговорил:

— Я.

— Ну вот ты и поведешь.

— Это было бы целесообразным, — сказал Колин. — Но капитаны не спасаются первыми.

— Да, — согласился Ван. — Ты мог бы еще сказать, что кто-то может обвинить тебя в бегстве. И что обстоятельства могут сложиться так, что никто из нас не сможет слова молвить в твою защиту. Конечно, для тебя было бы спокойнее остаться здесь. Но не для экспедиции.

— Бедный Колин, — сказала Зоя. — Правда, ему не повезло.

— Итак, — сказал Ван, — ты поведешь машину.

— Да.

— Вот все и решено. Разумеется, если бы мы обладали более богатым опытом по части критических положений, то не стали бы подвергать тебя такому риску. Если бы обладали опытом наших предков. Они, быть может, нашли бы и другой выход из положения.

— Нет, — сказал Колин. — Чем может помочь нам опыт предков? У них не было таких машин. Они даже не имели представления о них. Окажись предки на нашем месте, они просто растерялись бы. Не надо их чрезмерно идеализировать... Нет, на опыт прошлого нам нечего надеяться. Да и на будущее тоже. Ближе всего к будущему находится наш Юра, — Колин постарался, чтобы при этих словах в его голосе не прозвучало презрение, — но я не думаю, чтобы он смог нам помочь. Нет, мы здесь одни — под толщей миллионов и миллионов лет, и только на себя мы можем рассчитывать.

Он повернулся и стремительно направился к машине. Перед глазами его все еще стояло лицо Юры — такое, каким оно было только что, в момент, когда парень осознал всю трагическую непоправимость своего проступка. «Да, — подумал Колин, — совесть у него, конечно, есть, против этого возразить нечего, и слава богу, как говорится. Только что сейчас толку от его совести?»

Он проверил, как установлен рест, — кажется, хорошо, да, по всем правилам, — и начал во второй уже раз сегодня

освободить багажник, облегчая машину. Остальные все еще сидели в кружке там, где он их оставил. До Колина доносился каждый напряженный вздох — и ни одного слова, потому что слов не было. Наконец Ван спросил — так же спокойно, как всегда:

— Кто же сжег рест?

— Я, — ответил Юра, и голос его дрогнул.

Зоя сказала:

— Да, представляю, как тебе скверно.

— Ему сейчас, конечно, не очень хорошо, я полагаю, — отозвался Ван Сайези.

Громко сопя, чтобы не слышать этих разговоров, Колин яростно выбрасывал лишнее из багажника. Вновь заговорил Ван Сайези. Колин выглянул: Ван сидел, положив ладонь на затылок мальчишки, уткнувшего лицо в поднятые острые колени.

— Пожалуй, ничего лучшего нам не придумать. Жаль — в субвремени не существует связи, и мы не можем ни предупредить, ни просить о помощи. Но я надеюсь на Колина...

Колин торопливо отошел от двери: не хватало еще слышать комплименты в собственный адрес. Ну-ка, что еще можно выкинуть?

— Лишь бы рест не сгорел, — пробормотала Нина. — А вообще-то минус-время не терпит вольностей. Ты не забывай этого, Юра.

Юра поднял голову, глаза его были красны. Он шмыгнул носом.

— Сизов мог оставить ресты в верхних группах, — сказал он. — Сизов же будет брать для зарядки и их контейнеры и обязательно залезет в багажник.

Колин поднял брови. А ведь действительно! Но тогда...

Он вылез из багажного отделения, неторопливо подошел к сидящим.

— Ну, машину я подготовил.

— Погоди минутку, — сказал Ван. — Надо что-то сделать с парнем. Ожидать эти двое суток здесь ему будет не под силу, тем более что придется сидеть на месте, выходить за экраны — лишний расход энергии. Парень просто свихнется от угрызений совести.

Решение пришло неожиданно. Колин сказал:

— А не взять ли мне его с собой? Поехали, Юра?

Парень поднял на него глаза, и Колин даже испугался — такая была в них благодарность.

— Мало ли что: поможет мне в дороге...

Именно так. И вовсе ни к чему говорить, что он просто оберегает экспедицию от мальчишки.

— Ну вот и хорошо, — сказал Ван. — Второй человек тебе будет очень кстати.

— Почти сутки физического времени — не шутка, — подержала Нина. — А вдвоем куда легче. Сможешь отдохнуть, когда он будет сидеть за пультом.

— Слишком много рестов надо иметь для такого удовольствия, — не удержавшись, пробормотал Колин.

Он снова перехватил обращенный на него взгляд Юры и опустил глаза; говорить этого, конечно, не следовало: дважды за один проступок не наказывают.

— Шучу, — сказал он и взглянул на часы. — Ого! Время! — Он кивнул Юре: — Пошли! Ну, так вы здесь... осторожнее с энергией. Маяк проверьте — вдруг в шахте окажется еще чья-нибудь экспедиция, будет проходить мимо. Только если вас подберут — оставьте здесь вымпел суток на трое, на это хватит одной батареек. Что, мол, с вами все в порядке. — Он умолк и подумал, что сказал, кажется, все. Или нет? — Да, лишнее сразу же дехронизируйте. — Он кивнул в сторону выброшенных из машины вещей. — Нечего тратить энергию на всякую рухлядь.

Теперь, кажется, сказано было уже окончательно все. И, однако, оставалось ощущение, что разговор не закончен. Все словно ждали чего-то... Тогда Колин пробормотал:

— Ну ладно. Ну все. Значит, в случае чего...

Губы всех шевельнулись одновременно, беззвучно прощаясь.

Колин захлопнул за собой дверцу. По узкому проходу добрался до своего кресла в передней части машины.

— Видеть барохроны, — распорядился Колин на жаргоне хрономехаников. Надо было сразу же дать парню определенное задание. — Если давление скакнет к красной, скажи сразу. Субвремя не шутит. Не забудь, — он поднял палец, — мы везем с собой, может быть, важнейшее открытие, ради которого должны...

Он вдруг умолк и ухватился за карман: почудилось, что материалы больше не лежат там. Нет, они были на месте, пленки из силлура...

Сквозь прозрачный купол он улыбнулся тем, кто стоял снаружи, чуть поодаль от машины. Кивнул им и включил ротаймер.

3

Постепенного перехода не было. Просто какой-то очередной квант времени, реализуясь, продолжил мир уже без них. Для оставшихся хронокара вдруг не стало, лишь воздух колыхнулся, заполняя возникшую пустоту; для Колина и Юры не существовало больше ни поляны, ни людей. Время исчезло. Часы шли, но они ничего не отсчитывали.

Колин усмехнулся про себя: «Исторического времени нет, и никто не может сказать, в каком году мы сейчас находимся. Но физическое время — наше собственное — не обмануть, оно есть, и пройдет еще немало часов, пока мы вынырнем в эоцене.

Там почти наверняка лежат ресты — драгоценные, оставленные Сизовым. Вот он ругался, когда вдруг увидел их в своем багажнике! Но это ничего.

А пока будем внимательнее следить за тем единственным, который только что унес нас из исторического времени».

Колин медленно, по раз навсегда установленному порядку, читал показания приборов. Иногда, когда стрелки устремлялись враздрай, слегка поворачивал лимбы на пульте. Этим внешне и ограничивалось искусство управления хронокаром, сущность же его заключалась в умении предвидеть все и совершать необходимые действия хотя бы на полсекунды раньше, чем произойдет еще один скачок плотности времени.

Колин покосился на барохрон, потом на Юру, не отрывавшего взгляда от прибора. Нет, можно еще жить. И усилить темп, а?

Ну нет. Усилим темп — возрастет сопротивление субвремени, странной среды, где господствуют неопределенность

и вероятность. Так что потерпим. Пока лучше отдохнуть: чем ближе к современности, тем больше возни. А пока за приборами может последить Юра. Только следить, самому же не прикасаться из боязни немедленной, беспощадной и ужасной расправы.

Колин так и сказал. Юра вздохнул.

Проснулся Колин сам; Юра уже занес руку, чтобы подергать его за плечо. Курсовой хронатор только что получил сигнал маяка группы эоцена. Этот этап прорыва кончался. «Мои ресты, — весело подумал Колин. — Подать их сюда!»

Розовый туман исчез так же мгновенно, как и наступил — никому еще не удавалось уловить тот момент, в котором происходило это преобразование и хронокар вновь возникал в историческом времени. Колин выключил ретаймер и сладко потянулся.

Затем он влез в отделение ретаймера и потрогал ладонью рест. Горяч, но еще не настолько, чтобы следовало бояться всерьез. Все-таки у них колоссальный запас прочности. Затем Колин открыл дверцу и выбрался на землю третичного периода.

Было раннее утро. Овальное солнце, потягиваясь, разминало лучи. Петька спал в палатке, голые пятки торчали из-под синтетика. Юра стоял рядом и глядел на пятки, во взгляде его было вдохновение. Он оглянулся в поисках прутика, но прутика не было, и Юра присел и с наслаждением пощекотал пятки мизинцем. Пятки втянулись, из дверцы в противоположном конце палатки показалась голова.

— Где у тебя ресты?

— Какие?

— Такие, — сказал Юра. — Те самые ресты. Мои. Которые тебе оставил Сизов.

— А он не оставлял, — сладко простонал Петька и закрыл глаза. — Он торопился. Я погрузил контейнеры и он отбыл. Будет через два дня с лишним. А зачем вам ресты?

Колин посмотрел на Юру взглядом, хлестким, как плеть. Мальчишка стоял с опущенной головой. Колин хотел кое-что сказать, но промолчал и только сплюнул.

— Ладно, — сказал он затем, приведя мысли в порядок. — Проверьте все батареи, как здесь с запасом энергии.

Он присел около Петькиной палатки, пока оба парня, кряхтя, лазили вокруг оставшегося контейнера. Хорошее настроение исчезло, словно его никогда и не было. Вообще, конечно, глупо — поверить так нелепо, на скорую руку сконструированной фантазии относительно того, что Сизов найдет пакет и оставит его Петьке. Наивно, конечно. С другой стороны, пробиваться к Сизову надо было так или иначе. Так что горевать пока нечего. Вот если не удастся пробиться...

— Ну долго там? — спросил он.

— У нас готово, — чуть испуганно, как показалось Колину, проговорил Петька. Он подошел и остановился в нескольких шагах. — Слушай, парень мне все объяснил. В общем, невесело, а?

— Да, — сказал Колин.

— Но, может быть, вы его еще поймаете...

— Ветра в поле.

— Да нет... Сизов будет брать два контейнера в миоценовой группе. Так вот, там он наверняка наткнется на ресты.

— Понятно, — сказал Колин. Он оживился: ну, еще один этап они, может быть, проскочат без приключений. А там, если Сизов и в самом деле полезет в багажник... — Ты правда так думаешь? — строго спросил он. — Или только утешаешь?

— Вот ей-богу, — ответил Петька.

— Тогда мы поехали. Позавтракаем в дороге.

— Давайте. Поезжайте поскорее. Буду ждать вас.

— А ты не спи, — сказал в ответ Колин. — Работай. Из глубокого минуса данные есть, остановка за вами. Срок экспедиции истекает. Ну, удачной работы!

— Счастливо! — откликнулся Петька.

Снова настала розовая тьма. Теперь Колин больше не думал о сне — за рестом надо было следить, ни на миг не спуская глаз с барохронов. Указатели давления времени, которые раньше казались неподвижными, теперь плясали, отмечая флуктуации плотности. От этих явлений можно было ожидать всяческих неприятностей.

Хронометр неторопливо отсчитывал физические секунды, минуты, часы. Колин сидел; и ему казалось, что с каждым движением стрелки он все больше тяжелеет, каменеет, превращается в инертное тело, которое даже посторон-

няя сила не сразу сможет сдвинуть с места, пусть и при самой крайней надобности. Сказывалось расхождение между напряжением нервов (его можно было сравнить с состоянием средневекового узника, голова которого лежит на плахе, и топор занесен, но все не опускается, хотя и может обрушиться в любую минуту) и вынужденной неподвижностью мускулов всего тела, для которого сейчас не было никакой работы — никакого способа снизить нервный потенциал. Колин подумал, что руки у него, по сути дела, так же связаны, как и у только что придуманного им узника. Да, невеселое положение...

— Сходи посмотри, как там рест, не очень нагрелся? — сказал Колин, хотя термометр находился у него перед глазами. Ничего, пусть парень сделает хоть несколько шагов, все-таки разомнется. Сам, и то устаешь, а новичку, наверное, и вовсе невыносимо: ведь ощущения движения нет совсем, все тот же розовый туман за бортом, и можно верить, глядя на приборы, что ты перемещаешься, — ощущать этого нельзя, к этому долго не привыкают. — Посмотри, равномерно ли греется, — сказал Колин вдогонку.

Юра вернулся через несколько минут; он был озабочен.

— Так я и думал, — сказал Колин. — У него одна сторона была сильнее подношена.

— Надо охлаждать, — сказал Юра.

— Система охлаждения действует.

— Еще надо. Вручную. Возьму баллончик с азотом, буду обдувать по мере надобности.

— Не лишено целесообразности, — пробормотал Колин. — Только там же не то что сесть — стоять негде. В три погибели... Долго так не прстоишь.

— Простою, — сказал Юра.

— Иди. Только не злоупотребляй.

— Понятно.

Парень торопливо ушел в корму. Смотри — пригодился и в самом деле. А мысль неплоха. Свидетельствует о том, что начатки технического мышления у него есть.

Снова потекло время. «В три погибели в этой жаре, — подумал Колин. — Там каждая минута покажется часом... Если так, то, может быть, все-таки чуть ускорить темп? Сэкономить эту минуту?

Он покачал головой: хорошо бы, конечно, но нарушать ритм, в котором сейчас работает рест, нельзя. Именно это нарушение ритма может оказаться роковым. Нет, до следующей группы придется дойти в этом же ритме.

«Инстинкт самосохранения, — недовольно подумал он. — Не главное ли теперь добраться побыстрее, чтобы спасти тех, кто сейчас ожидает помощи, кто бессилен предпринять хоть что-нибудь? Не стоит ли ради такой цели и рискнуть собой?»

Нет, перебил он сам себя. Дело обстоит вовсе не так. Рискую собой, он рискует и теми людьми. И еще одним: результатами экспедиции. Тем, что получил Арвэ с товарищами.

Может быть, никто из нас и не уцелеет. Но если при этом результаты дойдут до современников, то погибнем мы не зря. А если не дойдут...

А результаты здесь. В этой машине. У него в кармане.

Риск был бы совершенно неоправданным.

«Терпи, парень! — подумал Колин, словно именно парень уговаривал его увеличить темп. — Терпи. Дойдем и так».

Они дошли. Когда время вдруг окружило их, историческое время со всеми своими камнями, жизнями и проблемами, Колин, чувствуя изнеможение, еще несколько секунд не поднимал глаз от приборов, указатели которых медленно возвращались на нулевые позиции. Дошли. Все-таки дошли... Он покосился на парня; тот, согнувшись, пробирался к двери. Да, несладко ему пришлось, очень несладко... И дышал он там всякой ерундой, тяжелый воздух в машине, надо проветилировать...

Колин неуклюже вылез из машины, чувствуя, как затекло все тело. Столько времени без движения! Юра и Тер-Акопян подошли, лица их были серьезны.

— Он не оставил, — сказал Юра едва слышно.

— Это очень скверно, знаешь ли, что не изобретена связь, — сказал Тер. — Очень неудобно, знаешь ли. Вы бы мне сообщили, я забрал бы у него ресты, и вам не пришлось бы ни о чем беспокоиться.

— Ничего себе беспокоиться, — сказал Колин. — Речь идет о жизни людей...

Тер кивнул.

— Я знаю. Но что тут поделаешь? Если бы мои вздохи могли помочь, то и в современности было бы слышно, как я вздыхаю. А так, я думаю, не стоит. Я вот что сделаю: заберу свои батареи сколько смогу и отвезу туда, вниз.

— У тебя же хроноланг для средних уровней.

— Как будто я не понимаю, — сказал Тер. — Подумаешь, мезозой — тоже средний уровень.

— Только в случае, если мы Сизова нигде не догоним, — сказал Колин. — Ты сам увидишь, расчет времени тебе ясен.

Да, может статься, что нигде не догоним. Очень вероятно. Хотя это уже размышления по части некрологов. Но раз такое предчувствие, что добром эта история не кончится... На этот раз гнилой рест не выдержит. Обидно — ведь больше двух третей пути пройдено.

Зато последняя стоит обеих первых. До сих пор было шоссе, а теперь пойдет уж такой булыжник...

— Ладно, — сказал Колин и хлопнул Юру по спине. — Поехали, что ли? Надо полагать, прорвемся. Все будет в порядке.

Юра кивнул, но на губах его уже не было улыбки, которая обязательно появилась бы, будь это прежний Юра. Колин включил ретаймер осторожно, опасаясь, как бы с рестом не случилось чего-нибудь уже в самый момент старта. Медленно нарастил темп до обычного, а затем постарался вообще забыть, что на свете существует регулятор темпа. Больше никакой смены ритмов не будет до самого конца. Каким бы этот конец ни оказался.

Глаза привычно обегали приборные шкалы. Стрелка часов ползла медленно-медленно... Указатели барохронов порывисто качались из стороны в сторону: снаружи была уже история, и все больше в ней становилось событий... Но рест держался. И Юра тоже держался там, в ретаймерном отделении. Хоть бы оба выдержали!

Рест начал сдавать первым. Это произошло примерно еще через три часа. Раздался легкий треск, и сразу же повторился. Колин лихорадочно завертел рукоятки. Юра из ретаймерного прокричал:

— Сгорели две ячейки!

В его голосе слышался страх. Колин по-прежнему скользил взглядом по приборам, одновременно прислушиваясь к

обычно еле слышному гудению ретаймера. Сейчас гудение сделалось громче, хотя только тренированное ухо могло почувствовать разницу. Две ячейки — не так много. Но обольщаться мыслью о благополучном завершении путешествия было уже трудно. Конечно, осталось еще сто восемнадцать. Но недаром говорится: трудно лишь начало. Оставшиеся ячейки напрягаются сильнее, им приходится принимать на себя нагрузку выбывших. А это значит...

Раздался еще щелчок, стрелки приборов шатнулись в разные стороны. Третья ячейка. Зажужжал компенсатор, по-новому распределяя нагрузку между оставшимися. Колин услышал за спиной дыхание, потом Юра опустил в соседнее кресло. Значит, не выдержал в одиночестве.

— Газ весь, — сказал Юра. — Охлаждать больше нечем.

Они обменялись взглядами, ни один не произнес больше ни слова. Говорить было не о чем: не каяться же в грехах перед смертью...

Еще щелчок. Четвертая.

Колин взглянул на часы. Еще много времени... Исторического, в котором надо подняться, и физического — тех секунд или часов, что должен выдержать рест. Каждый щелчок может оказаться громким — и последним, потому что оставшиеся ячейки способны сдать все разом. Нет, все-таки нельзя перегружать их до такой степени.

Он протянул руку к регулятору темпа, который был им недавно забыт, казалось, навсегда. Чуть убавил. Гудение стало тише. Но это, конечно, не панацея. Сбавлять темп до бесконечности нельзя; тогда они если и дойдут, то слишком поздно. И вообще, это палка о двух концах: ниже темп — больше времени в пути, дольше будет под нагрузкой рест. Нет, теперь убавлять он не станет.

Щелчок, щелчок, щелчок. Три щелчка. Нет, и это не помогает. Очевидно, ячейки уже вырождаются. Что ж, ясно, по крайней мере, где граница их выносливости при разумной эксплуатации. И то неплохо. Но до современности им не добраться...

Он покосился на Юру. Парень сидел в кресле, уронив, руки, закинув голову, глаза были закрыты, он тяжело дышал. Ну вот, этого еще не хватало.

— Что с тобой?

Юра после паузы ответил:

— Нехорошо...

Голос был едва слышен. Ну понятно — столько времени проторчать там, у ретаймера, дышать азотом, да еще такое нервное напряжение. Парень молодой, неопытный... Только что с ним делать?

— Дать чтонибудь? Погоди, я сейчас.

«Что же ему дать? Я даже не знаю, что с ним».

— Нет... Колин, мне не выдержать...

— Ерунда.

— Не выдержу... Хоть несколько минут полежать на траве...

Трава. Где ее взять?

— Дотерпи. Не дотерпишь?

— Нет. Дышать нечем...

Воздух и в самом деле был никуда не годным. Да и хара... Скоро плейстоцен, последняя разрешенная станция. Там сейчас никого нет, но станция, как всегда, готова к приему хроногаторов. Кстати, дать остыть ресту, осмотреть его да и всю машину. Больше остановок не будет до самой современности: скоро уже начнется эпоха людей, в которой останавливаться запрещено, да и подготовленных площадок там, естественно, нет...

Колин невольно вздрогнул: раздались еще два шелчка. Сколько это уже в сумме?... Юра раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но Колин опередил его.

— Вот он, — сказал Колин. — Маяк стоянки.

Сигнальное устройство заливалось яростным звоном.

— Включаю автоматику выхода...

Цифры исторического времени перестали мелькать на счетчиках. Розовая мгла сгушалась. Хронаторы мерно пощелкивали, голубой свет приборов играл на блестящей рукоятке регулятора темпа. Небольшая, но все же отсрочка. Пусть отлежится парень и остынет рест...

Хронокар выпрыгнул из субвремени. Вечерело. Стояла палатка, немного не такая, как в их экспедиции, но тоже современная, рядом стоял закрытый ящик с одной батареей. Это и была стоянка хронокаров в плейстоцене, последняя перед современностью, перед финишем в стартовом зале института. Об этом финише Колин подумал сейчас как о событии далеком и невероятном.

Он помог Юре выбраться из машины и улечься на траву около палатки.

— Полежи, — сказал он, — отдышись. Это и с другими бывает, а я пока займусь рестом.

— Будь машина полегче... — пробормотал Юра.

— Ну мало ли что. В общем, лежи.

Колин полез в ретаймерное отделение и, стараясь уместиться там, снова подумал, что в такой обстановке кому угодно сделалось бы не по себе. Минут пять, а может быть, и все десять он просидел, ничего не делая, просто глядя на рест — вернее, на то, что еще оставалось от него. В конце концов все зависело от точки зрения. Если исходить из общепринятых положений, то на таком ресте хронировать нельзя. Но, принимая во внимание конкретную ситуацию... все-таки осталось еще куда больше ячеек, чем сгорело. Что ж, посмотрим.

Он долго пристраивал дефектоскопическое устройство, захваченное из кабины. Затем, не отрывая глаз от экрана, начал медленно передвигать прибор от одной ячейки к другой. В однородной массе уцелевших ячеек виднелись светлые прожилки. Монолитность нарушена, но, может быть, это еще не вырождение?

Колин пустил в ход тестер. Это была долгая история — подключиться к каждой ячейке и дать стандартное напряжение для проверки. Наконец он справился и с этим. Каждая в отдельности, ячейки выдержали. Но ведь теперь при работе им приходится находиться под напряжением выше стандартного.

— Юра! — позвал Колин, вылезая. — Юра! — крикнул он громче. — Ты где? — И ощущая знакомое чувство гнева: — Что за безобразие!

Он обошел хронокар. Низкая, жесткая трава окружала машину. Никаких следов мальчишки. Колин позвал еще несколько раз — ответа не было, зов отражался от недалекого дубового леса и возвращался к крикнувшему ослабленным и искаженным.

Колин заглянул в кабину. Может быть, уснул в кресле? Времени оставалось все меньше, искать было некогда. Но и кабина была пуста. Листок бумаги белел на кресле водителя, сумеречный свет, проникая сквозь ситалловый купол каби-

ны, затемнялся пробежавшими облачками, и в такие мгновения в кабине наставал вечер и вспыхивали плафоны. Вспыхнули они и сейчас, и Колину показалось, что бумага шевелится. Он торопливо схватил листок.

Размашистые буквы убегали вверх. «Прости меня, я немного схитрил. Чувствую себя хорошо, но машина перегружена. Помочь тебе ничем не смогу, только помешаю. Я буду ждать здесь, взял в запас одну батарею. Торопись. Удачи!»

Подписи не было, да и зачем она? Одна батарея — это на сутки. А если все-таки задержка? Если что-нибудь? Чертов мальчишка! Не для того же его увезли оттуда, чтобы бросить в пути!

Колин кричал еще минут десять, пока не охрип. Он приказывал и умолял. Мальчишка выдержал характер — не показался, хотя Колин чувствовал, что парень где-то поблизости, да он и не мог уйти далеко. Однако искать его бессмысленно, это яснее ясного. Колин выкинул на траву еще одну батарею. Последнюю. Конечно, это не гарантия спасения. Но кому из нас спасение гарантировано? Никому. Вот результаты экспедиции — ее отчет, хотя бы в том виде, в каком он существовал сейчас, — должны быть спасены во что бы то ни стало.

4

Рест сгорел окончательно, когда плотность времени была уже очень близка к современной. Хорошо, что существовала аварийная автоматика. Она не подвела, и хронокар вынырнул из субвремени неизвестно где.

Выход прошел плохо. Что-то лязгало и скрежетало, Машину сильно трянуло раз, другой. Потом все стихло. Сквозь купол в кабину хронокара вошла темнота. Очевидно, была ночь. Пахло паленым пластиком. Итак, он все-таки сгорел. Сказалось вырождение ячеек. Немного не дотянул. Жаль! Интересно, что это за эпоха? По счетчикам уже не понять — дистанция до современности слишком невелика. Ясно, что тут обитаемое время. Населенное людьми.

В каком состоянии машина? Окончательно ли безнадёжен рест, или автоматика, как это бывает, чуть поторопи-

лась? Все это можно установить сейчас, но нужен большой свет. За куполом ночь. Зажигать прожектор опасно. И так уже нарушено основное правило — сделана остановка в обитаемой эпохе. В момент, когда рест залился дробной очередью щелчков — ячейки полетели подряд, — Колин даже не успел подумать, что нарушит правила. Он просто сохранил неподвижность и позволил автомату спасти машину, это произошло без участия рассудка. Тем более следовало думать теперь. Нет ли опасности привлечь внимание людей? Что здесь, лес или город? Все равно люди могут оказаться рядом. Они увидят. Что произойдет?

Царит тишина. По-видимому, тут сейчас нет войны. Правильно? Очевидно, да. С первого взгляда странно: в прошлом всегда происходили войны. Ну да, не все они были мировыми. Значит, находились места, где войн в данный момент не было. Вот и тут, сейчас.

А когда — сейчас? Масштаб минус-хронистов тут неприемлем. Что такое сотня-другая лет в любой геологической эпохе? Их там просто не различишь, эти столетия, они похожи, как близнецы, никто не считал их, никто не нумеровал. А в обитаемом времени сто, даже десять, а порой и один год имеет значение. Один день. Но историческая наука, к сожалению, редко достигает точности в один день. И вот приходится сидеть и гадать.

Колин явственно представил, как наутро — а если он тут начнет возиться, то и сейчас — вокруг машины соберется целая толпа угрюмых предков. В памяти возникли какие-то звериные шкуры, длиннополые кафтаны, ряды блестящих пуговиц — не вспомнить было, что к каким векам относится. Пусть хотя бы кафтаны. Толпа в кафтанах будет все увеличиваться и, преодолевая страх, придвигаться все ближе. Первый камень ударится о ситалл купола, как тяжелая капля из грозовой тучи. Конечно, с материалами такой прочности, как ситаллы или бездислокационные металлы, предкам встречаться не приходилось. Однако они припишут эту прочность козням того очередного дьявола, которому в эту эпоху поклоняются. Обложат машину чем-нибудь горючим и зажгут. Или привезут артиллерийские орудия, если уже успели изобрести их. Недаром есть правило: в обитаемом минусе не останавливаться. Буде же такая остановка произойдет... Но об

этом позже. А пока надо выйти из машины. Найти здания. Или другие следы деятельности человека. Машины, возделанные поля и прочее. И по ним установить эпоху. Например, самодвижущийся экипаж — это уже второе тысячелетие того, что в прошлом называлось нашей эрой. И даже точнее: вторая половина этого тысячелетия. Кажется, даже последняя четверть? Сооружения из бетона — тоже последняя четверть. Но сооружения из бетона воздвигались еще и в начале третьего тысячелетия. Жаль, что плохо припоминается история. Жаль! Но кто же в нормальной обстановке думает о том, что может наступить момент, когда жизнь людей будет зависеть от того, насколько хорошо (или плохо) кто-то из них знает историю?

Можно встретить человека и пытаться определить эпоху по его одежде. Однако, даже если помнить все точно, запутаться тут еще легче. Грань между короткими и длинными штанами или между штанами и отсутствием их примерно (в масштабе столетий) провести еще можно. Но ориентироваться в десятилетиях на основании широких или узких штанов кажется уже совершенно невозможным. Тем более что они менялись не один раз. А ведь сейчас важны именно десятилетия. Сейчас ночь. Ждать рассвета нельзя, потому что существует второе правило, гласящее: буде остановка в обитаемом минусе все же произойдет...

Колин вторично отогнал мысль об этом правиле. Успеется об этом. Пока ясно лишь, что способ ориентации по конкретным образчикам материальной культуры в данном случае не годится.

Последние столетия характеризуются развитой связью. Правда, принципы ее менялись. Но и это само по себе может служить для ориентации. Если же удастся включиться в эту связь, то можно будет, если повезет, установить время с точностью даже и до года. Если же связи не будет, это тоже послужит признаком...

Просто, как все гениальное. Колин протянул руку к вмонтированному в пульт мим-приемнику. Сейчас он включит. И вдруг из динамика донесется голос. Нормальный человеческий голос!

Колин включил приемник осторожным движением. Шкала осветилась. Колин включил автонастройку. Бегунок мед-

ленно поехал по шкале. Он беспрепятственно добрался до ограничителя, переключился и поехал обратно. Опять до самого конца — и ни звука, только едва слышный собственный шум, фоновый шорох приемника. Плохо. Колин ждал. Приемник переключился на соседний диапазон. Проскользил до конца. Щелчок — переключение диапазона. Бегунок поплыл. Ничего...

И вдруг он остановился. Замер. Приемник заворчал. Бегунок закачался туда-сюда, туда-сюда, с каждым разом уменьшая амплитуду колебания. Наконец он застыл. Приемник гудел. Передача? Передача в мим-поле?

Колин закрыл лицо ладонями. Попытался не думать ни о чем, только слушать. Высокое гудение. Никакой модуляции. Равномерное, непрерывное. Это не передача. В какой-то лаборатории уже генерируется мим-поле, но люди еще не знают об этом.

Он вновь тронул кнопку автонастройки. Приемник в том же неторопливом ритме прощелкал остальными диапазонами. Ничего! Тогда Колин вернулся к гудящей частоте. Под гудение было приятнее думать.

Итак, ориентиры уже есть. Человечество еще не знает мим-поля. Значит, до современности еще самое малое семьдесят пять лет. Полный простор для второго правила! Хотя... в конце концов, какие-то ориентиры все-таки найдены: хронокар вынырнул из субвремени не ниже чем... ну, скажем, чем за триста, и не выше чем за семьдесят пять лет до современности. Особой разницы между этими числами нет. Во всяком случае, в одном отношении — в отношении ремонта хронокара и возвращения в современность. Потому что ни триста, ни даже семьдесят пять лет назад человечество еще ничего не знало о возможности хроногации. Правда, семьдесят пять лет назад уже подбирались к принципиальным положениям. Но от этого до конкретных деталей, до готового реста еще очень далеко.

И вывод: рассчитывать можно лишь на самого себя.

Вот так порой оборачивается минус.

Какая была бы благодать, если бы он возвращался не из минуса, а из плюса. Из будущего, а не из прошлого. Триста или семьдесят пять лет не «до», а «после» современности — пустяк! Вам нужен запасной рест? Что вы, к чему вам эта

старая машина? Оставьте ее нам для музея, возьмите нашу, не стоит благодарности, счастливого пути... Вот так, наверное, выглядело бы это, потерпи Колин аварию при возвращении из плюса. Наверное, именно так.

Наверное, потому что в плюс-времени никто еще не бывал. Не получается. По-видимому, там действуют какие-то иные физические закономерности. Нужна другая техника. Не все равно — нырять в воду или подниматься в воздух. И овладевают этими направлениями неодновременно и по-разному.

Плюс-время, будущее — пока мечта. Мы идем туда потихоньку. День за день, час за час. Потому что этот день и этот час уходят на создание этого самого будущего.

Жаль, конечно, но потомки из плюс-времени сидят там, у себя, и о тебе не думают. А вот если бы подумали, то сразу, в два счета, выдернули бы отсюда, спасли из беды.

А пока, если только ты не хочешь вспомнить до конца второе правило, если только ты еще думаешь о спасении товарищей — а ты не можешь не думать, — постарайся помочь самому себе.

Для этого еще раз изменим направление мыслей. Забудем о плюс-времени, забудем об ориентации. Сейчас настала пора взвесить и продумать все шансы. «За» и «против». В первую очередь — «за».

Итак, сначала собственные возможности. Колин продумал их тщательно: во-первых, потому, что думать вообще следует без спешки и тщательно; во-вторых, потому, что их было мало.

Исправить ретаймер? Без нового реста невозможно.

Выбросить маяк? Можно, если бы был маяк. Но все они работают в экспедиции, там они куда нужнее.

Вот и все собственные ресурсы. Связи, как известно, в хроногации нет. Не найден способ. Может быть, со временем найдут, после нас. Хроноланг — вот он, лежит. Но использовать его нельзя. Это компактный аппарат для хронирования одного человека. Но ради этой самой компактности пришлось, увы, пожертвовать универсальностью. Хроноланг действует при плотности времени не ниже пятнадцати тэ аш. Иными словами, за зоной последней станции он уже не годится. Для того и устроена станция, чтобы на ней хронолангисты могли дожидаться машин.

А какие есть возможности несобственные? Попросту говоря, на какую помощь и на чью ты можешь рассчитывать?

Да ни на чью и ни на какую. Из твоих современников никто не знает, где ты, и не станет искать тебя здесь. Потомуки о тебе не знают. А от людей, живущих в этом времени, помощи тебе не дожидаться: они и не поймут, и не сумеют.

Так что на чудеса рассчитывать не приходится. Что же остается? Остается второе правило.

Второе правило гласит: если остановка, вот эта самая, все же произойдет, то... Как это там было? «Минус-хронист обязан принять все меры, включая самые крайние, для того чтобы его появление осталось не замеченным или не разгаданным обитателями этого времени».

Коротко и ясно.

Колин откинулся в кресле и начал тихонько насвистывать. Не реквием, конечно, но веселой эту мелодию тоже никто не назвал бы.

Крайние меры — это значит исчезнуть. Дехронизироваться вместе с машиной и со всем, что в ней находится. Отвести предохранитель, закрыть глаза и выключить экраны.

Чего мы боимся? Что, появившись в их времени, как-то нарушим ход истории, цепь причин и следствий? Но история носит, кроме всего прочего, вероятностный характер. А мое появление здесь — крохотная случайность, таким не под силу поколебать развитие исторического процесса. История ничего и не почувствует. А если даже чуть выйдет из берегов, то очень быстро войдет в свое русло.

Колин взглянул на шкалу барохрона. На счетчик исторического времени. На мим-приемник. Не возразит ли кто? Но приборы безразлично отблескивали. Они не боялись смерти.

Нет, конечно, дело не в том, что ты поломаешь или нечаянно убьешь что-то или кого-то, и от этого история пойдет по другому пути. Мы опасаемся не этого. Но вот если ты встретишься здесь с человеком и он догадается, кто ты и откуда, — это не исключено, — то начнет расспрашивать. И ты будешь ему отвечать — потому что предоставлять неверную информацию о чем бы то ни было в твоё время уже не умеют. Считают недостойным. Раньше был даже такой специальный глагол для названия этого. Он давно забыт.

Ты начнешь рассказывать, а человек — понимать, что не каждый путь, каким идут сегодня, приведет куда-то, все равно — в науке ли, в технике, в искусстве... А ведь каждому хочется делать то, что понадобится завтра, и никому неохота заниматься тем, что потомки забудут навсегда.

Но иначе, не бывает. Даже то, что завтра покажется ненужным, с точки зрения сегодняшнего дня правильно и необходимо. Ты прилетишь в мезолит и покажешь прекрасное стальное лезвие. И может быть, умельцу, обивающему камень, станет обидно: он-то старается, а потом это выбросят, забудут... Но если он бросит свою работу, человеку никогда не дойти до стальных лезвий. Поэтому не надо волновать его зря. Не надо, чтобы он чувствовал свою вынужденную ограниченность. И поэтому встречаться с ним тебе не следует. И если будущее человечества — вечный мир, это не значит, что можно бросить оружие раньше времени. Но если ты выскажешь свое отношение... Одним словом, второе правило справедливо.

5

Надо умирать; ничего не поделаешь.

Когда?

Сейчас, пока темно, пока тебя не заметили.

Хорошо.

Хорошо, пусть будет так. Я сделаю это. Но мне нужно хоть немного времени, чтобы подготовиться. Успокоиться. Как-никак умирать приходится не каждый день. Это не может войти в привычку.

Человеку, готовящемуся к смерти, не остается ничего другого, как думать о жизни. Вроде бы все в ней было так, как надо. Люди ни в чем не смогут упрекнуть тебя. Жил, как того требовала жизнь. Честно служил своему делу, ставя его выше всего. И умер, потому что так нужно было сделать в этих условиях.

Можно быть спокойным...

Обстановка располагала к спокойствию. Была тишина, только гудели едва слышно энергетические экраны, пока еще охранявшие машину и самого Колина от дехронизации.

Ладно.

Он протянул руку и отвел предохранитель главного выключателя. Ну вот и все приготовления. Теперь только нажать от себя...

А как же те, кто остался в глубоком минусе? Как же мальчишка, который сбежал и ждет помощи на последней станции?

И мало того. То, что оправдало бы, может быть, гибель всех нас — результаты экспедиции — покоится у тебя в кармане и исчезнет вместе с тобой.

Сейчас поступить по инструкции — будет означать просто, что ты убежишь первым.

Слишком легкий выход.

«К черту инструкцию! — с облегчением подумал Колин. — Еще не вечер! Еще есть время. Хотя бы для того, чтобы сидеть здесь и сдаться последним, а не первым.

Надо дожидаться рассвета. Дождаться. И посмотреть: а может быть, есть еще надежда? Может быть, уцелеют хотя бы пленки Арвэ?

Решено: ждем. Может быть, никто здесь меня и не...»

Колин оглянулся. За прозрачным куполом было темно и тихо.

Но тебе не кажется, что в одном месте — вот тут — эта темнота еще темнее?

Он взгляделся. И увидел, как из черноты протянулась рука. Он ясно различил все пять пальцев, странно согнутых. Вот костяшки пальцев коснулись купола. Белые пальцы на черном фоне. И раздался стук.

Сердце билось бешено. Колин сидел, пригнувшись, подобрав ноги.

Он все-таки оказался здесь, человек. Набрел. Дехронизация отменяется, пока он не отойдет на достаточное расстояние. Лучше всего будет, если человек уйдет совсем.

Но это от Колина не зависит. Что предпринять? Сидеть, не подавая никаких признаков жизни? Снаружи тот ничего не разглядит: в машине темно, выключена даже подсветка приборов.

Итак, переждать, пока ему не надоест стучать. Он уйдет своей дорогой, и можно будет делать свое дело.

Стук повторился.

Но если он уйдет и приведет других? Если эти другие далеко — беда невелика: когда они подоспеют, Колина уже не будет. А если они рядом и их пока просто не разглядеть?

Когда-то такая ситуация уже была. Только снаружи вместо человека топтался ящер. Тогда Колин вышел. Но с ящером разговор был краток. Впоследствии палеозоологи с удовольствием занимались его анатомией. То был ящер, не человек.

Да, переделка ничего себе: час от часу хуже. Но вроде бы так дожидаться не совсем в твоих привычках.

Колин решительно встал. Медленно прошел по кабине. Помедлил секунду — и нажал на ручку двери.

Он вышел. Вокруг был лес. Послышался хруст шагов. Стукавший, видимо, обходил машину. Предрассветная мгла начала проясняться, Колин пошел навстречу человеку.

Обходя машину спереди, он окинул взглядом уже проступивший из тьмы корпус хронокара. Это был профессиональный интерес: как удалось вынырнуть из субвремени в таком густом лесу? Н-да, этим особо не похвалишься. Левый хронатор — вдребезги. Деформирован большой виток темп-антенны. Вмятина в корпусе почти рядом с выходом энергетического экрана. Проклятые деревья!

Разглядывать повреждения дальше стало уже некогда. Предок вышел из-за левого борта. Он подходил медленно, остановился, вглядываясь, и Колин тоже стал вглядываться в него.

Человек казался неуклюжим. Он стоял, широко расставив ноги, и молчал. Наверное, ему показалась необычной тонкая фигура в отблескивающем защитном костюме, с широким, охватывающим голову обручем индивидуального энергетического экрана. Впрочем, если человек и удивился, то, во всяком случае, не испугался. Он не отступил, не сделал ни одного движения, которое можно было бы принять за признак страха или хотя бы за ритуальный жест, какой, помнится, в прошлом полагалось делать при встрече с чем-то необычным: не поднял рук к небу, не дотронулся до лба и плеч, не принял даже оборонительной позы. Он просто сделал шаг вперед, и теперь Колин, в свою очередь, смог рассмотреть его как следует.

Тяжелая одежда; очевидно, без подогрева. Интересно все-таки, смогу я определить эпоху? Нет, безнадежно. Ясно, на-

пример, что штаны есть. Но короткие они или длинные — не разобрать, потому что на ногах у человека, к сожалению, сапоги до бедер. А такие носили с незапамятных времен и чуть ли не до вчерашнего дня. Да и в минус-экспедиции было что-то подобное, только, конечно, из другого материала. За спиной висит оружие. Кажется, еще огнестрельное, поражавшее пулями. Так... Сейчас он заговорит. Как важно...

— Извините, я вас разбудил, — сказал человек и улыбнулся. Зубы его блеснули в полумраке.

Колин наморщил лоб. Слова можно было понять: хотя они показались очень длинными, корни их были общими с языком современности. Это, пожалуй, удача...

И нападать предок как будто не собирается. Тем лучше. Он ничего не подозревает. Теперь надо только вести себя так, чтобы наткнувшийся на хронокар человек и в дальнейшем не узнал истины, чтобы у него вообще не возникло никаких подозрений. А для этого — не позволять ему опомниться. Сразу занять чем-нибудь. И самому осмотреть ретаймер.

— Значит, спали, — снова сказал человек. — Я вас не стану больше тревожить. Расположился здесь, по соседству, но оказалось, что огня нет — то ли потерял спички, то ли дома забыл...

— Нет, — проговорил Колин, — я не спал. Вздremнул немного. Так и думал, что кто-нибудь подойдет. Мне нужна помощь. А огонь я вам дам.

Он достал из кармана батарейку, нажал контакт. Неяркий венчик плазмы возник над электродом.

— Зажигалка интересная, — сказал человек, прикуривая. С удовольствием затянулся. — Иностранец?

— Как?

— Ну, турист? Путешественник?

— Пожалуй, так, — согласился Колин.

— Понятно, — проговорил человек и взглянул почему-то вверх. — Машина любопытная, мне такие не встречались. Издалека?

— А... да, довольно издалека. (Так правильно?) Так вы сможете мне помочь?

— Почему же нет? Пожалуйста... А в чем дело?

Он снял с плеча оружие, прислонил к дереву.

— Вот, — сказал Колин, указывая на виток. — Видите эту дугу? Помялась. Надо выпрямить.

— Инструмент у вас есть? — спросил предок. Он разложил свое верхнее одеяние возле хронокара. — Давайте...

«Хорошо, — подумал Колин. — Пока работает, он ни о чем не спросит. Хотя бы о том, как я попал сюда, в чащу леса, без дороги, на такой неуклюжей машине... Или откуда попал... Значит, можно браться за ретаймер».

Он начал осмотр с внешних выходов. Так, здесь все в порядке. Ну, перейдем к главному...

В ретаймерном отделении было тепло. Колин протянул руку и сразу нащупал рест. Он уже не обжигал, хотя был еще сильно нагрет. Колин стал слегка прикасаться пальцами к ячейкам. Они осыпались под самым легким нажимом — слышно было, как крупинки вещества падали на пол. Да, сторел. Мир праху его, сказал бы Сизов.

Странно: это было ясно заранее, и все же только сейчас Колина охватил ужас. Такой сильный, что Колин замер в оцепенении. Но опомнился, услышав легкое покашливание. Он поднялся и вышел из машины, стараясь выглядеть как можно безмятежнее.

— Ну, это я сделал, — сказал предок. — Подручными средствами, как говорят. Готово... — Речь его странно замедлилась, он смотрел в одну точку, смотрел не отрываясь.

Колин проследил за направлением его взгляда и почувствовал, как холодеет спина: сквозь блестящий титановый щиток хронокара проросла былинка. Она уже была здесь, когда хронокар выходил из субвремени, и что-то в нужный момент не сработало в уравниателе пространства-времени; щиток не примял былинку, а заключил ее в себя — слабый стебелек пронзил металл, словно сверхтвердое острие... Колин почувствовал, что краснеет, но предок все смотрел на былинку. Сейчас спросит. опередить его...

— Кстати, кто вы? — спросил Колин. — Работаете здесь?

— Нет. Иногда приезжаю отдыхать.

— А чем вы занимаетесь, когда не отдыхаете?

Кажется, предок взглянул на Колина с некоторым подозрением. Ответил он не сразу.

— Работаю... в одном учреждении.

— В какой области науки?

— В ящике.

Колин не понял, но решил не переспрашивать. Очевидно, у них не принято говорить на эту тему. У всякой эпохи свои обычаи. Надо быть внимательнее.

— Да, — сказал Колин. — Здесь вы отдыхаете... («Если бы он тут не болтался, как знать — может, я и проскочил бы, не было бы этого уплотнения времени, на котором сгорел рест. И сидеть бы мне сейчас в стартовом зале Института Хроногации и Физики Времени...») Наши, возвращаясь из звездных экспедиций, тоже любят пожить в лесу. Кстати, что слышно о последней звездной?

Колин выжидательно посмотрел на человека из прошлого. Тот не менее внимательно глядел на Колина, в глазах его было что-то... Неужели в этой эпохе еще не было звездных экспедиций? Когда же они начались, черт... Человек шагнул к нему, и Колин напрягся, чувствуя, что сейчас что-то произойдет.

— Знаете что? — сказал человек. — Давайте начистоту. Я ведь не ребенок... и вы меня не убедите в том, что на такой машине смогли заехать в чащу леса, куда я и пешком-то еле пробираюсь.

— Я по воздуху, — безмятежно промолвил Колин. — Вы, наверное, еще не слышали — сейчас уже изобретены машины, которые передвигаются по воздуху. Как птицы. Вы воздушный-то шар видели? Ну, а это совсем другое, но тоже летают. Есть машины с крыльями, ну, а вот моя — без крыльев.

— Согласен, — предок чуть улыбнулся. — Ваша машина сошла бы за вертолет... будь у нее винт. Или у вас реактивный двигатель? Откровенно говоря, не очень-то похоже: здесь все вокруг было бы выжжено. Да и как это вы ухитрились опуститься сквозь сомкнутые кроны, не задев ни одной веточки?

Он снова взглянул вверх и опять перевел взгляд на Колина.

«Вот несчастье, — подумал Колин, — вот знаток на мою голову... Я не умею искажать информацию, и не удивительно, что я все время попадаю впросак. И сколько раз еще попаду! Рассказать ему, что ли, все?

А правила?

Так что ж, что правила; все равно мне деваться некуда. Да и человек этот, кажется, не из тех, кто сразу же впадает в истерику, едва услышав, что где-то люди живут иначе. Нет, он определенно не из тех. Рассказать?»

— Расскажите-ка всё, — сказал предок. — Я тут строю всякие предположения, но они выходят очень уж фантастичными. А мне фантастика в выводах противопоказана.

— Ну что ж, — вздохнул Колин, набирая полную грудь воздуха.

Он рассказывал недолго. Когда кончил, предок усмехнулся и повертел головой.

— Да... Но придется согласиться: убедительно.

Затем он нахмурился.

— Я чувствую себя виноватым: выходит, не раскинь я здесь свой лагерь, вы благополучно проскочили бы в ваше время?

— Возможно, — согласился Колин. — Но наша судьба — подчас спотыкаться там, где располагались предки. Это не ваша вина.

— Очень хочется вам помочь. Вы меня, конечно, изумили порядком. Но в принципе история знает вещи, которые на первый взгляд казались еще менее вероятными. Давайте подумаем, как вам выпутаться. Вы не покажете эту вашу деталь?

— Рест ретаймера? Пожалуйста...

Все это ерунда. Эпоха не ясна, но, во всяком случае, столетие не наше. И даже не прошлое. И, значит, в ресте он разбирается, как... как...

Но сравнения наворачивались только обидные, и Колину не захотелось употреблять их даже мысленно.

Он осторожно вынес рест из машины — возня с зажимами отняла немало времени — и положил на землю, усыпанную сухими сосновыми иглами.

— Вот, — сказал он. — Это сгорело. Остались считанные ячейки. Видите — одна, две, три... семнадцать. Из ста двадцати. Остальные — пепел. Дать мне новые ячейки — если не рест целиком — вы, к сожалению, не можете. А иного пути нет.

Предок молчал, размышляя. Затем медленно проговорил:

— А больше таких обломков у вас не сохранилось?

Колин удивился.

— Один лежит в багажнике. Но там уцелело еще меньше...

— А если отремонтировать?

— Что вы имеете в виду?

— Ну те, уцелевшие, переместить сюда. Вы что, не понимаете, что ли?

Ремонтировать: взять два сгоревших реста и пытаться сделать из них один новый. Очевидно, этим предкам приходится туго с техникой. А идея остроумна; только, к сожалению, бесполезна.

А впрочем, почему бы и нет? На тридцати ячейках, понятно, не уедешь. Но если взять их еще из маленького реста в хроноланге — там их еще тридцать, — то уже можно рассчитывать... нет, не на то, чтобы спастись самому и догнать Сизова. Но хотя бы на то, что машина — пусть лишь скелет машины — доползет до института и доставит письмо и пленки.

— Вы молодец, — сказал Колин. — Знаете, мне это не пришлось бы в голову, у нас ремонт — нечто иное. Что же, поработаем.

Да, раз уж маскировка не помогла, раз этот предок знает, кто ты и откуда, надо держаться до самого конца. Предки должны быть высокого мнения о потомках, о людях будущего. Такой человек здесь в особом положении. Своего рода пророк, хотя бы он и не старался становиться в позу. Пока это, кажется, удавалось. И, во всяком случае, удалиться надо будет с библейским величием — когда придет к концу энергия экранов. Чтобы предок не подумал, что ты просто гибнешь. Пусть думает, что спасаешься. Зачем предкам знать, что и у нас — бывает — гибнут люди.

Он вынес второй рест и инструменты. Спокойно взглянул на часы. Человек из прошлого засучил рукава: наверное, это по ритуалу полагалось делать перед тем, как приступить к работе. Потом Колин незаметно забыл о времени. Ячейка за ячейкой покидали раму реста, сожженного Юрой, и занимали место по соседству с уцелевшими семнадцатью. Ну что ж, даже увлекательно... Тихо пощелкивал выключатель батарейки, в возникавшем пламени мгновенно сваривались с трудом различимые глазом проводнички. Пепел от сгоревших ячеек падал на землю и, вспыхивая мгновенными, не-

слышными искорками, исчезал. «Модель моей судьбы, — мельком подумал Колин. — Модель гибели. Но что возможно, я сделаю».

Через час привинченный рест стоял на месте. Все выглядело бы совсем благополучно, если бы не шестьдесят ячеек вместо ста двадцати. Предок, подняв брови, покачивал головой — то ли сомневаясь, то ли удивляясь степени риска, на который надо было идти, то ли осуждая — уж не самого ли себя? Колин медленно собрал инструменты, тщательно уложил их в соответствующую секцию багажника, обстоятельно, очень обстоятельно проверил, хорошо ли защелкнулся замок секции. Потом он решил, что надо проверить и остальные секции. Он проверял их медленно-медленно...

Потом прикинул: что еще можно будет выкинуть из машины, которая уйдет в современность одна, без человека? Оказалось, что в хронокаре очень много оборудования, ставшего вдруг лишним. Вся климатическая система, например, баллоны с кислородом, кресла, мало ли что еще.

Как знать — может быть, машина и дойдет. И донесет то, что будет ей поручено. Теперь осталось только написать письмо, положить его вместе с пленками Арвэ на пульт, включить автоматику дрейфа и выскочить из машины.

Самое тяжелое будет — выскочить. Не поддаваться искушению остаться в ней. Потому что лишних семьдесят килограммов нагрузки приведут к тому, что рест сгорит на первых же секундах пути. Не останется даже той минимальной мощности, необходимой, чтобы спастись, выскочив из субвремени.

Ничего, с этим он справится.

Он вышел из машины. Было совсем светло, но солнце еще не поднялось над деревьями. Предок стоял, прислонившись к стволу, и насвистывал что-то задумчивое.

— Спасибо, — сказал Колин предку. — Вы мне очень помогли.

Предок отвел глаза в сторону и промолчал. Наверное, он тоже не до конца верил в отремонтированный рест. Пели птицы. Предок вздохнул.

— Ладно, — сказал Колин. — Давайте посидим немного, отдохнем... — Он чувствовал, что ему нужны несколько минут покоя. — Я бы пригласил вас в машину, там неплохо, но

вы, к сожалению, не можете существовать там — в ней течет наше время, а у вас нет защиты от него. — Он извиняюще улыбнулся. — А потом мне снова потребуется ваша помощь: придется выгрузить кое-что.

Предок кивнул.

— Посидим, — сказал он. — Может, разложим костер?

— Костер? Это будет славно...

Древний огонь — простое открытое пламя, — возникнув над электродом колинской батарейки, охватил ветки; Колин устремил взгляд на огонь. Человек уселся, стал подкладывать сучья.

— Чайку вскипятить, что ли, — сказал он. — Или вы не откажетесь — у меня тут есть... А может, у вас не принято?

Колин не услышал его. Костер разгорался все ярче. Странно: ночью в машине Колин думал о костре, но совсем о другом — о враждебном, угрожающем... Наши представления о прошлом, решил Колин, в значительной мере не опираются на опыт, а проистекают из легенд, нами же созданных. А может быть, неправильно, что мы не бываем в обитаемом минусе? Это нужно, нужно — погрузиться порой в прошлое. Даже не для того, чтобы встретиться с его обитателями и заинтересовать их рассказом о будущем, которое, несомненно, представится им сверкающим и достойным зависти; но в будущем — в нашей современности — встречаются свои сложности, и вовсе не каждый раз ты видишь правильный путь и знаешь, каким должен быть следующий шаг. Иногда ты теряешь ясность и самообладание. И вот в таких случаях опуститься в прошлое и увидеть такого вот предка — спокойного, уравновешенного, умелого — будет очень полезно. Им ведь живется труднее, но они не теряют мужества. Значит, уж совсем стыдно терять его нам.

Наверное, Колин сказал это вслух; предок едва заметно улыбнулся. Голоса птиц смешивались с потрескиванием костра. Потом еще какой-то звук примешался к ним.

Это был негромкий хруст сухого сломавшегося сучка. Оба сидевшие у костра оглянулись. Звук донесся из-за густой массы соснового молодняка, в правильности рядов которого чувствовалось вмешательство мысли и руки. Треск повторился. Колин озадаченно взглянул на предка; лицо того было спокойно, потом брови поднялись, выражая удивление. Но че-

ловек уже вынырнул из чащи. Он шел к костру, и хворост потрескивал под его ногами.

Человек ступал свободно и неторопливо. Он почти не был одет, но, хотя утро было прохладным, словно не ощущал холода — смуглая кожа его была гладка, мускулы вольно играли под нею. В руке он нес прозрачный мешок, пленка его играла радужными цветами, и сквозь нее было видно, что мешок этот набит сосновыми шишками. Человек смотрел на сидящих, в его взгляде была доброта.

«Какой рост, — невольно подумал Колин. — Просто великан! Откуда он? Вышел из лесу — значит принадлежит к той эпохе, в которой я сейчас нахожусь; но почему-то трудно признать их современниками: пришедшего и того, что сидит напротив меня у костра. И дело вовсе не в одежде, в чем-то другом...»

Человек взглянул в глаза Колина, и минус-хронист понял, что смущало его: взгляд.

Взгляд был доброжелателен. И все же, столкнувшись с ним, Колин в первое мгновение ощутил, как по телу прошла легкая дрожь, словно от холода. На миг он даже испытал головокружение. Но уже в следующее мгновение ему сделалось тепло, легко, и он почувствовал, как возвращается утраченная за последние часы ясность мысли.

Он медленно поднялся, чтобы встретить человека стоя.

Человек приблизился. Он наклонил голову, приветствуя, и опустил на траву. Мешок он бережно положил рядом. Древним жестом человек протянул к костру руки. Никто не нарушил тишины. Предок пошевелился, взял несколько сушьев и подбросил их в огонь. И снова все замерло.

Колин почувствовал, как снова в нем все напрягается. Нет, не может быть, чтобы человек этот подошел к ним случайно. Он вышел к костру уверенно, словно заранее знал, что костер этот горит и люди сидят подле него. Как знать, не сумел ли предок каким-то образом предупредить этого великана?

Надо попасть в хронокар. Там, внутри, они ничего не смогут ему сделать. Они даже не смогут проникнуть туда.

Колин мельком взглянул на предка-охотника. В его глазах минус-хронист увидел жадное любопытство. «Ждет, что я предприму», — подумал Колин.

А что можно предпринять?

Нужно заманить их подальше от хронокара. Если я буду отдаляться от машины, их это не беспокоит: они понимают, что без меня она никуда не денется. С другой стороны, я тоже знаю, что сейчас, в эту минуту, им не удастся сделать с машиной ничего. Чтобы увезти ее отсюда, им придется про рубать просеку.

Что же сделать? Пожалуй, вот что: скрыться — хотя бы в этой заросли молодняка. И позвать их. Закричать, словно случилось что-то страшное.

Простое любопытство заставит их кинуться к нему. А пока они станут искать в чаще, можно добежать до машины.

Колин встал. Резко повернувшись, он нырнул в густую поросль молодых сосенок. Спинай он ощущал взгляды оставшихся.

Он пробирался, согнувшись; энергетический экран расталкивал ветки перед ним. Но едва Колин сделал десяток шагов, как чаща кончилась.

Заросль шла, как оказалось, неширокой полосой. За ней обнаружилась просторная поляна, и Колин мельком подумал, что именно здесь следовало ему вынырнуть из субвермени. Тогда не произошло бы совмещения с деревьями... Он отбросил эту мысль, совершенно лишнюю теперь. Огляделся. Пожалуй, можно уже кричать, звать на помощь. И сразу же снова кинуться в заросль, только взять левее, круто влево, чтобы не столкнуться с ними, а обойти. Описать дугу.

Колин повернул голову, прикидывая, какую дугу надо описать, чтобы, вновь продравшись сквозь молодняк, выйти точно к машине, выйти так, чтобы не пришлось обходить ее, а сразу вскочить в дверь и захлопнуть ее за собой. «Мое время — моя крепость», — промелькнуло в голове, и Колин невольно усмехнулся.

В следующее мгновение он замер.

Поляна была по-прежнему пуста, никто не угрожал ему, ничто не вызывало представления об опасности. Но в центре свободного от деревьев пространства происходило что-то непонятное, что привлекло сейчас внимание Колина.

Сначала ему показалось, что старые сосны на той стороне поляны, колебнувшись, сделали шаг вперед, чтобы приблизиться к нему, и при этом вежливо поклонились, согнув-

шись посередине. В следующее мгновение он понял, что это не так. Деревья оставались на местах, они были спокойны. Просто свет преломился в чем-то, что находилось на поляне, и облик сосен исказился, словно это было изображением, которое кто-то проецировал при помощи несовершенной оптики. Да, как будто громадная линза находилась в середине поляны, невидимая, абсолютно прозрачная, но временами преломлявшая лучи. Что это значит?

Колин взгляделся.

Не могло быть сомнений — там что-то было. Воздух в середине поляны чуть дрожал, словно что-то постоянно подогревало его снизу, и он поднимался вверх. Но на покрывавшей поляну высокой траве не было видно ничего. Хотя, кажется, кое-где трава была слегка примята. Да, примята по кольцу нескольких метров в поперечнике. По периметру этой фигуры и дрожал воздух, и чуть колебался, так что трава внутри кольца, если взглядеться, чуть шевелилась, словно там дул ветерок, которого здесь, в лесу, не было.

Колин сделал несколько медленных шагов, приближаясь к месту, где происходило непонятное. Он глубоко втянул воздух. Пахло озоном и еще чем-то незнакомым. С каждым пройденным метром шаги Колина делались все медленнее; внезапно он поймал себя на мысли, что ему хочется идти на цыпочках, словно не явление природы было перед ним, а какой-то из пещерных хищников третичного периода. Он подошел вплотную к границе примятой травы; запах озона стал резче. Колин нерешительно протянул руку и ощутил под ней что-то упругое, хотя глаза по-прежнему не воспринимали ничего, кроме легкого дрожания воздуха. Колин ладонью без труда определил ту грань, за которой начинались эти колебания; ладонь, казалось, легла на что-то теплое, едва ли не живое. Что же это?

Если бы он подумал над этим подольше, то не решился бы, пожалуй, на то, что сделал в следующее мгновение. Что-то словно подтолкнуло его, и он решительно сделал шаг вперед. При этом он бессознательно закрыл глаза.

Теплый ветерок словно провел мягкими пальцами по его лицу. Он открыл глаза и ничего не понял.

Он находился в белом матовом куполе. Под ногами была не зеленая трава, а такой же белый матовый пол, над голо-

вой — полукруглая кровля. Купол был наполнен едва слышным мелодичным гудением. Больше в нем не было ничего. Колин убедился в этом, совершив полный поворот внутри купола.

Что все это значит?

Быть может, это ловушка?

В следующую минуту часть матового купола, находившаяся на уровне его глаз, стала светлеть. Круг с диаметром около метра. За ним что-то возникло. Не поляна, не сосны. Даже не предки. Колин протяжно свистнул. Это же...

Это был он сам. Хотя и не совсем такой, каким привык видеть себя в зеркале, но ведь известно, что зеркало не дает нам точного изображения. Да, это был он сам, и он стоял, глядя прямо перед собой; поодаль располагался лес, но не этот лес, в котором он находился сейчас, а какой-то другой, а между лесом и Колиным стояли хронокары. Их было три, и возле них возились люди.

— Невероятно! — сказал Колин.

Он узнал мезозойский лес; тот самый, где экспедиция задержалась перед тем, как разделиться на группы. Все три хронокара. И все люди налицо. Значит, их спасли все-таки?

Чепуха. Взорвавшийся хронокар спасти никто не в силах. Кроме того, Колин сейчас здесь, это уж точно. И в то же время, он видит себя там. Вот он, именно он, а не кто-нибудь еще.

Что же получается? Можно не путешествовать в прошлое? Его можно просто наблюдать, словно на телеэкране?

Наблюдать, просто подумав об этом? Потому что Колин ведь только что подумал о людях в Глубоком минусе. И едва он подумал о них, кто-то — или что-то — показало ему один из эпизодов экспедиции.

Хроновидение. Несомненно, хроновидение, то, о чем пока еще только мечтают современники Колина. Потому что хроновидение может возникнуть лишь после того, как удастся найти какие-то возможности связи в субвремени. А их пока не найдено. В отсутствии связи — одна из самых больших трудностей проведения экспедиций.

И вот оказывается, что хроновидение есть...

Где? В эпохе, в которой не могут восстановить самый простой хронокар?

Чепуха! Абсурд! Предки...

И вдруг его мысли запнулись.

Предки? А если не предки? Если...

Колин подошел к стене купола решительными шагами. На этот раз он не опустил век.

На миг его охватила темнота. Затем ноги запутались в траве. Поляна. Он огляделся. Ничего, только воздух дрожал рядом, пахло озоном и ладонью можно было нащупать теплую, упругую поверхность.

...Он вырвался из чащи стремительно, как выносятся хронокары из субвремени. Костер дружелюбно кивнул ему и снова устремил свое пламя к небу. Сухая ветка сломалась под ногой. Сидевшие прервали беседу и повернулись к Колину. Предок улыбнулся ему.

— Ну вот, — сказал он. — Вы боялись, что помощи не будет. Я тогда еще подумал: как может статься, чтобы не пришла помощь? Уже у нас так не бывает...

Колин остановился у костра и взглянул прямо в глаза третьему из них. Они смотрели друг на друга, и Колин почувствовал, как ветры в его душе утихают и беспокойство оседает на дно.

— Я был на поляне, — сказал он. — Я понял, кто вы.

— Да, — сказал Третий негромко. — Я знаю.

— Вы... издалека?

Третий кивнул.

— Между вами и нашим собеседником, хозяином этого времени, — проговорил он, — целая эпоха; но нас с вами разделяет время, куда большее.

Колин проглотил комок.

— И вы здесь для того...

Он умолк, потому что Третий жестом остановил его и положил руку на радужный мешок.

— Я здесь для того, чтобы собирать шишки, — сказал он, улыбаясь.

— Шишки?

— Спелые сосновые шишки... Драгоценности валяются у вас под ногами, нам же приходится снаряжать за ними экспедиции.

— А что можно получать из сосновых шишек? — не удержался предок.

— Из них можно получать сосны. Великолепные сосны. Предок смущенно кашлянул.

— Они вымирают, — грустно сказал Третий. — В нашей эпохе, конечно. Сосны — очень древние деревья, а всякий биологический вид имеет предел во времени. Они вымирают, а сосны нужны всем.

— Всему человечеству, — кивнул предок.

Третий снова улыбнулся.

— Всем семидесяти. Но мы восстановим вид. Для этого нам нужны семена. В глубокой древности посылали экспедиции за золотом, за алмазами... Но ведь так просто — синтезировать металл или вырастить кристаллы. Но синтезировать сосну... Да и надо ли ее синтезировать? Она — не металл, она растет сама, надо только беречь ее... Колин почувствовал, как его охватывает злоба. Разве время проповедовать, когда нужно спасать людей?

— Потомки не спасают предков, — медленно сказал Третий. — Так было всегда.

— Значит, вы мне не поможете... — пробормотал Колин, чувствуя, как безразличие и безнадежность обволакивают его мозг.

Он тяжело опустил на землю. Ладонь его оперлась на лежавшую в густой траве шишку, и Колин хотел отшвырнуть ее, но почему-то оставил на месте и убрал руку. Он взглянул на радужный мешок.

— Что же, — с невеселой усмешкой сказал он, — в каждой эпохе есть свои вторые правила, всегда что-то будет можно и чего-то нельзя. Но я прошу вас об одном...

Он опустил руку в карман и вытащил пакет с пленками.

— Возвращаясь, вы минуете и наше время. Донесите туда вот это. Оставьте там. Пусть хоть результаты нашего труда дойдут до людей, раз уж мы сами не в состоянии уцелеть.

Третий удивленно взглянул на него:

— Не в состоянии? Почему?

— Но если вы не можете помочь...

— Разве ваша экспедиция так плохо подготовлена?

— Взорвался хронокар, — пробормотал Колин. — А на моем рест...

— Я не об этом. Но ведь, прежде чем уходить в минус-время, вы должны были оценить тот минус и тот плюс, то

прошлое и будущее, что всегда находятся рядом с нами. Тех стариков, в которых и наше прошлое, потому что они действовали тогда, когда нас еще не было, и наше будущее — потому что и мы достигнем их возраста и приобретем их опыт и подход к вещам и событиям. И тех юношей, в которых — будущее: они ведь продолжают дело после нас; и в которых и прошлое: когда-то и мы смотрели на мир их глазами. Единство прошлого и будущего — в каждом из нас, и вы должны...

— Благодарю, — сдержанно сказал Колин. — Значит, вы не можете даже этого?

— Отвезти ваши результаты? Но это никому не нужно.

— Не нужно? — смятенно пробормотал Колин.

— Нет. Не было никакого столкновения двух частиц. И не было скачка. Вернее, он был, но причиной его послужил взрыв хронокара. Поменяйте местами причину и следствие... Вы знаете, что происходит при дехронизации, но еще не имеете представления о том, что означает высвобождение полного запаса энергии хронокара при таком взрыве, который произошел там. Такое событие может приобрести планетарный масштаб...

— Но отчего же взорвался?..

— Это вы потом найдете сами.

— Значит, наша экспедиция бесполезна, — с горечью проговорил Колин. — Да, ее не стоит и спасать...

— Нет, вы ошибаетесь. Ваша экспедиция имеет громадное значение для всех нас.

Колин поднял голову.

— Как пример того, чего не надо делать?

— И снова нет. Важно открытие, сделанное ею.

— Но вы же сказали...

— Не скачок, нет. Вы прервали меня, когда я хотел сказать вам вот что: вы должны доверять тем, кто рядом с вами, будь они стариками или юношами. И когда вы снова соберетесь вместе...

Колин почувствовал, что начинает кружиться голова.

— Мы? Как же мы можем собраться, если вы не хотите помочь нам?

— Разве я вам не помогаю? Я стараюсь, чтобы вы поняли одно: нас с вами разделяет не уровень техники, это не глав-

ное. Но мы порой по-разному относимся к людям, к их ценности. Вы не верите окружающим, а значит — и самому себе тоже. Не верите, что в состоянии спасти экспедицию... Пытаетесь найти путь к спасению, пользуясь методикой прошлого. А искать вы всегда должны в будущем!

— Что искать? Вот если бы я смог сообщить Сизову, что необходимо срочно двинуться... Но я не уверен, что мой хронокар, даже предельно облегченный, дойдет до современности. А если и дойдет, то автомат поведет его в таком темпе, что там получат сообщение слишком поздно!

— Да, — сказал Третий. — Вы правы.

— Что же остается? Если бы связь в субвремени была возможной!

— Почему бы вам не изобрести ее?

— Вы шутите!

— Ничуть не бывало. Попробуйте просто взглянуть поиному хотя бы на то, что произошло вчера, сегодня...

— Мальчишка сжег рест, вот что произошло!

— Каким образом?

— Ну, судя по его словам, он усиливал ритм и одновременно, не подумав, дал сильное торможение. По словам мальчишки, от замыкания, фигурально выражаясь, даже взвыли маяки!

— А если это было сказано не фигурально?

— Маяки? Но ведь они находились в субвремени!

Колин умолк, словно какая-то сила внезапно захлопнула его челюсти. Потом он пробормотал:

— Погодите. Неужели вы хотите сказать...

— Разве лишь то, что у вас в институте ведь тоже стоит маяк. И расстояние во времени здесь уже очень мало.

— Это выход! — вскричал Колин.

Он кинулся к хронокару. Затем остановился.

— Но даже таким способом я не смогу сообщить им ничего! У нас нет приборов для передачи сообщений таким путем, для передачи речи...

Наступило секундное молчание. Затем предок, все еще сидевший у костра, усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — и нас еще рано списывать со счета. И мы еще можем пригодиться: для нас эпоха, когда на

расстоянии нельзя было передавать речь, — очень недавнее прошлое. И уж наверняка там у вас вспомнят об этом, приняв сообщение, зашифрованное в виде точек и тире.

Третий кивнул.

— Да. Теперь ваша очередь помочь.

— Диктуйте текст, — сказал предок.

— Придется только, — сказал Третий, — тормозить не один раз, а несколько. Осторожно, чтобы не сжечь ячейки сразу, но и достаточно сильно. Вы сможете?

— Когда-то, — сказал Колин, — меня считали лучшим минус-хронистом. Поторопимся. Время идет.

6

Отправив сообщение, он вернулся к костру. Теперь рест был сожжен окончательно. Слабое голубое облачко вылетело из двери ретаймерного отделения, смешалось с дымком костра и рассеялось в воздухе.

— Надеюсь, сообщение дошло, — пробормотал Колин.

— И не только до вашего института. Оно дошло до всех нас — тех, кто находится в минус-времени, кто так или иначе был заинтересован в результатах вашей экспедиции. Теперь у нас есть основание решить проблему энергетики. И мои друзья торопятся в нашу современность, чтобы принять участие в эксперименте. Там для всех найдется дело.

— Пожалуй, вы опоздаете пешком, — сказал предок.

— Мы любим двигаться пешком даже во времени. Но и у нас есть свои корабли.

— А если бы их увидеть? — спросил предок. — Хотя бы на миг.

— Вообще это не принято, — задумчиво промолвил Третий. — Но ради нашей необычной встречи... Идемте.

Они прошли сквозь заросль молодых сосенок и снова оказались на поляне. Третий поднял голову, лицо его приняло выражение глубокой сосредоточенности. Он протянул руку. Колин и предок стали смотреть туда.

Казалось, шквал взметнул воздух над поляной и заставил его дрожать и клубиться. Еще секунду ничего не было видно. А затем появились корабли времени.

Они возникали не более чем на секунду каждый. Машины трудноопределимых форм, где геометрия сочеталась с фантазией и вдохновением художника, они появлялись по несколько сразу и исчезали, но на смену им шли и шли все новые, новые... Прошло полминуты, и минута, и пять минут, а поток их все не иссякал, многообразие форм увеличивалось, они проскальзывали все быстрее, быстрее... Колин стоял, опираясь на плечо предка, у них перехватило дыхание, Колин почувствовал, как оглушительно колотится его сердце.

И внезапно поток машин иссяк, лишь одна задержалась на поляне.

— Мне пора, — сказал Третий. — Ничего не поделаешь: мы разные поколения, из разных эпох. И лицом к лицу со временем выступаем порознь. Но не в одиночку.

— Мы всегда ощущали, что так оно и есть, — сказал предок. — Должно быть!

— Конечно, — сказал Третий, улыбаясь. Он кивнул на прощанье и сделал несколько шагов к машине: Потом обернулся.

— Не забывайте, каждому из нас всегда сопутствуют предки и потомки. Предки, живущие в памяти, и потомки, живущие в мечтах. И мы не можем представить себя без них, потому что не может быть человека без памяти и мечты.

ПИЛОТ ЭКСТРА-КЛАССА

1

— Ну вот, кажется, и все, — сказал Говор.

— Теперь все, — согласился Серегин.

— Да, еще одно: мой пилот. Вы подобрали?

Серегин кивнул с маленьким запозданием; эта пауза не ускользнула от Говора.

— Вас что-то смущает?

— Пожалуй, да, — сознался Серегин. Он выпятил нижнюю губу, склонил голову влево и повторил: — Пожалуй, да.

— Честное слово, я не знаю, до чего мы так дойдем. Что, неужели нельзя уже найти приличного пилота? Зачем же вы советовали мне отпустить Моргуна на звезды? После него мне нужен очень хороший пилот. С другим я просто не смогу летать, вы это знаете.

— Судя по знакам отличия, он хороший пилот, — сказал Серегин. — У него их полная грудь.

— В чем же дело?

— Хотел бы я знать, в чем дело, — сказал Серегин, скептически покачивая головой. — Опыта у него, по-видимому, достаточно. Но что-то такое есть в нем...

— Это лучше, чем когда нет ничего, — прервал Говор. — Вы ознакомились с документами? Да, впрочем, Резерв не прислал бы мне кого попало. Они меня знают.

— Я тоже так думаю, — сказал Серегин, не моргнув глазом. — Да кто вас не знает? — Говор покосился на него; Серегин был непроницаемо серьезен. — Документов у него пока нет, по его словам, их сейчас оформляет Резерв. А так, с виду, парень в порядке.

— Какой класс?

— Экстра.

Говор поднялся с кресла с таким видом, словно собирался немедленно засучить рукава и кинуться в атаку.

— Вы начинаете острить?

— Я ничего не начинаю, — невозмутимо сказал Серегин. — У него экстра-класс. Не думаю, чтобы он врал.

— М-да, — буркнул Говор.

— Вот в том-то и дело.

— Я вас понимаю. Пилоты экстра-класса не каждый день идут на корабли малого радиуса.

— Да, не каждый день. Точнее, это первый случай.

— Вы правы: тут что-то не так. Может быть, возраст? Как его зовут?

— Рогов.

— Рогов, Рогов... Где-то что-то... Напомните, Серегин.

— Когда-то вы хотели взять пилота с такой фамилией. Только он передумал и ушел на звезды. У него был первый класс.

— Значит, он получил экстра и решил принять наше предложение? Странно...

— Да нет же, — терпеливо сказал Серегин. — Вы забыли; это было давно. Того два года назад списали по возрасту.

— Зачем же вы привели его, Серегин?

— Это не он. Возможно, его сын. Ему лет сорок — сорок пять...

Говор уселся на угол стола и скрестил руки на груди.

— Что же вас смущает? Я вас знаю, Серегин, вы не станете сомневаться зря. Ну отвечайте же, бестолковый человек!

Серегин пожал плечами.

— Ничего определенного. Но, когда я смотрю ему в глаза, мне кажется, что он куда старше всех нас.

— Возможно, усталость, — предположил Говор. — Да, наверное, усталость. Он хочет отдохнуть здесь, в системе. Но вы сказали ему, что работа у нас очень напряженная? Иногда из-за одного человека приходится гонять машину чуть ли не на другой конец солнечной системы. Такова космическая ветвь геронтологии. — Соскользнув со стола, Говор заложил руки за спину, гордо выпятил живот. — Если где-нибудь на Энцеладе человеку удастся дожить до ста двадцати, мы вынуждены облазить всю планету, чтобы в конечном итоге убедиться в том, что там нет никаких специфических условий,

ведущих к увеличению продолжительности жизни, а просто у человека хорошая наследственность. Помните, сколько нам пришлось попотеть из-за Карселадзе?

— Помню.

— Все-то вы помните! Где этот пилот? На следующей неделе я хочу выслать группу к Сатурну, на Титан. Я сам пойду с нею. Не исключено, что там окажется что-то интересное. Где же он? Нельзя заставлять пилота экстра-класса ждать столько времени! Ей-богу, Серегин, вы иногда так злите меня, что я начинаю думать: человечество просто не заслуживает того продления жизни, ради которого я тут чуть ли не разрываюсь на части. Не говоря уже о бессмертии, которого оно заведомо не заработало. Даже вы — нет; а заметьте: вас я считаю одним из лучших представителей человечества. Это чтобы вы не обижались.

Серегин не улыбнулся.

— Я не обижаюсь, — сказал он. — Пилот здесь, рядом.

— Ну вот, я так и думал. И вы только сейчас снисходите до того, чтобы уведомить меня об этом, а пилот изнывает от скучного ожидания в приемной. Или вы думаете, что его может интересовать телепрограмма? Нет, если бы не ваша способность подбирать такие блестящие группы, я бы вас... Каково теперь по вашей милости мнение этого пилота обо мне? Он думает, что шеф института — старый дурак и вовсе не заботится о людях, хотя именно он должен бы... Впрочем, я не уверен, что вы судите иначе.

Серегин покачал головой:

— Нет.

— Тогда идемте к нему.

— Только я хочу предупредить вас...

— Ничего не желаю слушать, — отрезал Говор. — Где он? В конце концов, имею я право поговорить с ним?

Не по возрасту стремительными шагами Говор пересек кабинет и рывком распахнул дверь в приемную.

2

Навстречу Говору поднялся старик. Его длинное, костистое лицо обтягивала сухая, с красными прожилками кожа. Старик выпрямился во весь рост, но привычка сутулиться укоренилась слишком глубоко. Старик неуверенно шагнул вперед.

— Я пришел, Говор, — сказал он. Голос его дрожал; старик чувствовал, что произвести благоприятное впечатление ему не удалось. — Я пришел. Когда-то ты обещал сделать для меня все, что я захочу. Так вот, я хочу, чтобы ты взял меня.

— Ну вот, — сказал Говор, с досадой ударив себя руками по бедрам. — Ну вот. Этого только мне не хватало.

— Я ведь немногим старше тебя, Говор, — сказал старик. — И я неплохо летал, а? Нет, скажи прямо: разве я плохо летал? Вспомни. Другие забыли это, они не возьмут меня. Но ведь ты не можешь забыть! И ты возьмешь меня, Говор! — Он говорил все быстрее, чтобы не дать никому вставить слово. — Сейчас у тебя нет пилота, я узнал. У меня все с собой... — Негнушимися пальцами старик полез в карман. — Вот сертификат, вот книжка... Правда, на них этот проклятый штамп. Но ты уберешь его! А, Говор? На, вот они. Возьми! Или скажи ему... — Старик ткнул документами в сторону Серегина. — Скажи, пусть он возьмет и сделает все, что надо. И мы полетим опять, а, Говор?

Говор тяжело вздохнул, покосился на Серегина, затем подошел к старику. Говор отвел в сторону документы и обнял старика за плечи.

— Ну садись, старина, — сказал он. — Садись, и поговорим еще. Хотя у меня мало времени, чертовски мало.

— Узнаю тебя, — сказал старик и мелко захихикал. — Раз кто-то чертыхается, значит, Говора не придется искать далеко. А ты тоже стареешь, — отметил он не без удовлетворения.

— Это естественный процесс, — сказал Говор недовольно. — Но давай-ка поговорим о деле. Ты все-таки хочешь летать. Но ты ведь давно знаешь, Твор, буйная твоя голова, что не полетишь. Все комиссии, начиная с психологов...

— Вот что, — сказал старик. — Ты сначала возьми документы...

— Если даже я их возьму, все равно никто не выпустит тебя в пространство.

— Захочешь — выпустят! Тебя все боятся: вдруг ты и вправду найдешь способ делать людей бессмертными? Тогда каждому захочется оказаться поближе к началу очереди... Нет, если ты скажешь, что хочешь летать со мной — и только со мной! — то никто не осмелится тебе возразить.

— Меня просто не станут слушать, — сказал Говор не очень убежденно.

— Но вот сам же ты слушаешь меня! — Старик снова хихикнул. — Да, ты стареешь. Раньше ты не стал бы и слушать. Приказал бы отправить меня домой, и все.

— Старина... разве тебе плохо дома? Ты налетал столько, что хватит на две жизни. Уже десять дней, как ты вышел из больницы. Райская жизнь! Заслуженный отдых. В самом деле я готов сделать для тебя все, но по эту сторону атмосферы. Может, хочешь переехать в Африку? На Гавайи? Куда-нибудь еще? Я помогу, мы тебя перевезем — но, ради бога, выбрось из головы, из своей старой головы, что ты еще можешь летать. Тебя не выпустят с Земли даже пассажиром!

— Тебя же выпускают!

— Я куда крепче тебя. И, кстати, я теперь летаю в капсуле, где не испытываешь перегрузок. А пилот должен вести корабль...

— Не тебе учить меня этому, Говор. Я хочу летать. И я был бы сейчас не слабее тебя, не облучись я тогда на Обероне. Но ведь я не виноват, что облучился, когда летал по твоим, Говор, делам!

— Если бы даже был виноват я — все равно, — произнес Говор после паузы. — Скажи по-человечески, чего ты хочешь, или — прощай. В конце концов, я занят серьезным делом: стремлюсь продлить жизнь хотя бы тебе! И у меня мало времени.

— Ну да, — пробормотал старик. — У тебя мало времени... Но где же твое бессмертие? Ты не представляешь, как оно мне пригодилось бы: я стал бы молод и опять уселся бы за пульт...

Говор непреклонно покачал головой.

— Даже тогда — нет. Бессмертие — не омоложение.

Старик моргнул, и губы его задрожали.

— Продлить райскую жизнь, — сказал он. — Чтобы меня подольше кормили из ложечки? Не так я жил, чтобы... Тебе не приходилось жалеть, что ты не погиб раньше? А я теперь каждый день думаю об этом. Умереть на орбите — вот о чем я мечтаю.

— И оставить меня на произвол судьбы? Спасибо! В общем, иди к черту! — сказал Говор, поднимаясь. — Когда я

тоже не смогу больше работать — вот тогда ты изложишь мне свои взгляды на жизнь. И на бессмертие. Только имей в виду, что бессмертные — они будут не такими, как ты. И даже не как я. Они будут вечно молоды, понимаешь? Но, конечно, будут умнеть с годами. Пока это удастся не всем. И оставь меня, пожалуйста, в покое. Понятно? Серегин, отправьте его домой. Иди, старина, иди, — я к тебе, может быть, заеду как-нибудь вечером.

— Нет, — сказал старик. — Ты не чудотворец, Говор. А я ожидал от тебя чуда.

— Куда вас отвезти? — спросил Серегин. — Я распоряжусь.

— Куда-нибудь подальше. Это в ваших интересах. Но пока меня не увезут за пределы Земли, вам от меня не избавиться. Тебе тоже, Говор. Я приду опять. И ты ничего не сможешь сделать: нельзя же не пустить в Институт человека, который много лет водил его корабли. Так что до скорого, Говор! На космодроме...

Последние слова были сказаны уже в дверях.

3

— Ну, — сказал Говор, — если бы не мое воспитание, я бы стал бить вас, Серегин, чем попало. А работай вы у Герта, он вас вообще уничтожил бы.

— Я и не знал...

— Должны были знать.

— И потом, мне жаль его.

— Достоинство, нечего сказать! А кому не жаль? — Говор постоял, плотно сжав губы, шумно сопя носом. — Да, у него окончательно разладилось с психикой. Мрачное напоминание всем старикам, Серегин, особенно облучавшимся. Впрочем, что вам до этого? Но, собственно, и сам я хорош: зачем вышел к нему?

— Вы вышли не к нему, — возразил Серегин.

— Вот как? А к кому?

— Пилот ждет вас.

— Ага, — сказал Говор. — Я же говорю, что вы всегда все помните. А где пилот? Я его не испугал, надеюсь?

— Я здесь, — негромко сказал кто-то из угла.

— Чудесно. Значит, вы не испугались? Проходите, прошу вас. Поговорим у меня. Вы тоже, Серегин. Да вы... Простите, как вас?

— Рогов.

— Рогов, Рогов... Ну да, Рогов. Так вот, вы должны простить нас, стариков. Меня и того, которого я попросту выгнал. Он тоже когда-то был пилотом. И даже неплохим: второго класса. Но — темпора мутантур... Да, старики — невыносимый подчас народ. Вы должны иметь это в виду, поступая ко мне. Дело не только в том. Садитесь, прошу вас. Что-нибудь тониизирующее? Ну, а я выпью. Серегин, вас, надеюсь, не нужно приглашать? Так вот, дело не только в том, что я старик. — Говор откинулся на спинку кресла, повертел в пальцах бокал, заглянул в него, словно в окуляр. — Мои недостатки не превышают обычного для этой возрастной категории уровня. Но нам приходится работать в основном со старцами. С долгоживущими. Мы занимаемся геронтологией, вы слышали об этой науке? Вы ведь знаете, что в каждом уголке космоса, большого или малого, существуют свои условия, не похожие ни на какие другие. И вот мы ищем, не могут ли эти условия — какая-то их комбинация — положительно повлиять на продолжительность жизни, а может быть, и... Словом, мы ищем людей, опыт которых мог бы со всей достоверностью нам сказать, что именно в данном месте существуют нужные условия. Тогда мы начнем изучать их как следует. Короче, нам приходится помногу летать: учет долгожителей даже в солнечной системе поставлен из рук вон плохо, она ведь, по сути, не так мала, система. Итак, я вас предупредил. Вы не боитесь того, что придется много летать?

— Нет, — сказал Рогов.

— Чудесно! Впрочем, чего вам бояться: вид у вас отличный, можно только пожелать такого же и себе. Корабли класса «Сигма-супер» вам, разумеется, знакомы?

— Да, — сказал Рогов. После паузы добавил: — В основном теоретически. Плюс месяц практики в Космическом резерве сейчас. Эти корабли появились, когда у меня был перерыв в полетах.

— Долго не летали?

— Довольно долго.

— Долго, Серегин, слышите? Гм... Скажите, Рогов, а летали вы на каких трассах?

— На межзвездных.

— Много? — спросил Серегин.

— Подождите, Серегин, я же разговариваю! Естественно, много: иначе он не был бы пилотом экстра-класса. Вы знаете, Рогов, я удивляюсь, что вас направили на такую скромную работу. Ведь пилотов экстра-класса не так много?

— Сейчас уже около двадцати.

— Все они — надпространственники, — сказал Серегин. — А как у вас с навыками работы в трех измерениях?

— Я почти все время работал именно в трех.

— Очень хорошо, — сказал Рогов. — Исчерпывающий ответ. Вы еще что-то хотите спросить, Серегин?

— Только одно. Долго ли вы не летали? Точно.

— Да постойте, Серегин. Что вам дадут цифры? Ну, пусть он не летал даже пять лет — выработанные рефлексy и навыки ведь не исчезают. А вот почему вы не летали? Это важнее.

— Женился, — сказал Рогов. — Жил на Земле. Отдыхал, можно сказать.

— Я вас понимаю. Человеку необходимы перемены. А теперь, следовательно, семейная жизнь вам приелась, и вы решили...

— Нет, — сказал Рогов. — Не то чтобы мне надоело...

Было в его голосе что-то такое, что заставило обоих собеседников взглянуть в Рогова повнимательнее. Нет, все было в порядке: рослый, плечистый человек под сорок, с гладким лицом и уверенными движениями. Но вот только что им слышалось? Какое-то горькое превосходство, что ли?

— Вот как? А почему же вы решили, выражаясь высоким стилем, вновь покинуть Землю?

Рогов подумал и пожал плечами.

— Понимаю: вы затрудняетесь ответить. Это даже неплохо: ваше желание, значит, естественно, органично...

— Много ли у вас детей? — спросил Серегин. — И согласна ли жена?

— Дети выросли. — сказал Рогов. — Жена умерла.

— Простите, — сказал Серегин.

— Нет, позвольте! — возмутился Говор. — Что значит — простите? Как это — умерла жена? У нас стопроцентная гарантия жизни, каждый человек уже сегодня доживает до своего биологического рубежа, а вы говорите — умерла жена! Отчего? Непонятно.

— Очевидно, — сказал Рогов, — достигла своего рубежа.

— Во сколько же это лет, если не тайна?

— Ей было сто два, — сказал Рогов.

— Сто два? Простите, а сколько же тогда лет вам? — спросил Серегин.

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов.

4

— Да нет, — поморщился Говор, — нас интересует не это. Не ваши релятивистские годы, не время, прошедшее на Земле, пока вы летали на околосветовых скоростях. Мы хотим знать ваш реальный, физический, собственный возраст. Годы, которые вы прожили. Ясно?

— Отчего же, — сказал Рогов. — Ясно.

— Итак, вам...

— Двести двадцать семь. Релятивистских — более трехсот.

Говор схватил бокал и снова со стуком поставил его на столик.

— Скажите, Серегин, — сердито спросил он, — кого вы мне рекомендуете? Я просил пилота, а наш друг Рогов, мне кажется, мистификатор. Потому что предложение чудес, как говорит Герт, на свете куда меньше спроса. Двести двадцать семь лет? А почему не больше?

— Двести двадцать семь, — сказал Рогов, пожимая плечами. Он не обиделся. — Больше не успел.

— Просто интересно!!! Но вы понимаете, Рогов, в этом-то вопросе мы специалисты. Возраст — это, так сказать, наша профессия. И будь вам действительно... ну не двести двадцать семь, конечно, но хотя бы полтора — учитывая ваш облик и состояние здоровья, мы изучали бы вас, как редчайшую из редкостей, биологический раритет. Но почему же мы до сих пор о вас ничего не слышали? А?

— Не знаю, — сказал Рогов. — Я не думал, что обо мне кто-то должен знать.

— Но позвольте! Вы же живете не в пустоте! Люди...

— Большую часть жизни, — сказал Рогов, — я провел как раз в пустоте.

— Да, конечно. Однако же...

— Позвольте мне, — вмешался Серегин. — Не думаю, чтобы он шутил. По его виду этого не скажешь. Да и зачем бы? И однако, это невероятно. Так что, я надеюсь, Рогов не обидится, если мы...

— Да, пожалуйста, — сказал Рогов.

— Тогда скажите, в каком году вы родились.

— В девятьсот шестьдесят пятом. Одна тысяча...

— С ума сойти! — не удержался Говор. — При всем желании я...

— Одну минуту. Когда вы начали летать?

— Вскоре после возникновения звездной космонавтики. На лунных трассах.

— Значит, вам было не так уж мало лет, когда...

— Но и не много. И опыт. И хорошее здоровье.

— Так. Затем?

— Участвовал в освоении планет. На периферии солнечной, потом в других системах... Это есть в послужном списке.

— Да, — сказал Говор. — Это релятивистские экспедиции, до открытия надпространства. Но в таком случае мы крайне просто можем это... Серегин, свяжитесь, пожалуйста, со Звездной летописью.

Неторопливыми шагами Серегин прошел в угол кабинета, где, тяжелый и надменный, возвышался пульт информаторов. Серегин набрал номер. Засветился экран; он был вытянут снизу вверх, сохраняя традиционные пропорции книжной страницы. На экране зажглось название указанного Говором источника. Затем возникла первая страница, вторая...

— Быстрее, Серегин! — нетерпеливо прикрикнул Говор. — Рогов, где нам искать?

— В четырнадцатой. И девятнадцатой...

— Четырнадцатая экспедиция, Серегин. Что вы копаетесь?

Страница остановилась на экране. Серегин вглядывался в нее.

— Ведущий корабль «Улугбек», — вслух прочитал он. — Ведомый — «Анаксагор». На каком были вы?

— «Улугбек» не вернулся, — тихо сказал Рогов.

— «Анаксагор». Одну минуту... Так. Шеф-пилот — Мак-Манус. Пилоты: Монморанси — ого! — и Рогов. Да, Рогов.

Рогов вздохнул.

— Гм, — сказал Говор. — Это было сколько лет назад? Да... Удивительно. Посмотрите, Серегин: там должны быть фотографии членов экипажа. Вы, конечно, простите нас, друг мой. Вы понимаете: такие факты нельзя принимать на веру.

— Нет, пожалуйста, пожалуйста, — сказал Рогов, чуть улыбаясь.

— Вот Рогов, — сказал Серегин. Он впервые с откровенным интересом взглянул на пилота. — Посмотрите сами.

Говор торопливо прошагал к пульту информаторов. Несколько раз повернул голову, сравнивая.

— Да, — сказал он. — Сходство несомненное. Удивительное, а? Правда, на снимке вы несколько моложе.

— Я и был тогда моложе.

— Вот именно. На двести лет, а? Серегин, отыщите-ка и вторую!

Поиски второй экспедиции заняли столь же немного времени.

— Здесь вы совсем похожи, — констатировал Говор. — Что же, Серегин, будем считать факт установленным? Но я предвижу, что все наши коллеги будут требовать бесконечного количества доказательств. Может быть, посмотрим еще дальше?

— Я думаю, — сказал Серегин, — что это мы еще успеем сделать. Меня интересует другое: сколько лет вы уже не летаете?

— Семьдесят, — после паузы проговорил Рогов. Он поднял на Серегина спокойный взгляд. — Вы боитесь, что это повлияет?.. Я тоже опасался. Но, наверное, эти рефлексy не исчезают. Во всяком случае, в Резерве прошел все испытания, стажировался на последних моделях. Мне даже сохранили экстра-класс.

— Да нет, в этом мы не сомневаемся, друг мой, — вмешался Говор. — Дело не в этом. Мы не понимаем, как вы могли столько времени жить на Земле — и не попасть в карто-

теку. Хотя, возможно, у наших земных коллег служба поставлена хуже — на Земле столько народу...

— Не знаю, — сказал Рогов и пожал плечами. — Об этом я не думал. Просто жил, и все. Семьдесят лет — они уходят незаметно...

— Незаметно. Семьдесят лет. Тут невольно позавидуешь, а, Серегин? Человек просто жил... Кстати, Рогов первого класса не родня вам?

— Сын.

— Понятно. Но подождите, Рогов. А ваши друзья?

— Друзья, — повторил Рогов медленно, словно обдумывая это слово. — У меня их было много.

— Вот те, с кем вы летали.

— С кем летал... Ну, Мак-Манус и Мон — это раз. Они умерли.

— Давно?

— Да; я уж не помню точно, когда. Потом Выходил и другие: Грюнер, Холлис, Семеркин...

— А эти?

— Тоже.

— Так, так, — сказал Говор. Наступила тишина, только едва слышно жужжал кристаллофон, записывающий весь разговор. — Ну, а кого еще вы помните из друзей?

— Пришлось бы долго перечислять, — сказал Рогов.

— Ну да, за столько лет... И все они умерли давно?

— Почти все, — кивнул Рогов. Он помолчал. — Только Тышкевич и Цинис...

— Ну, ну? Что же они?

— Они тоже жили долго.

— Ну сколько же? — Говор потер руки.

— Тышкевич погиб совсем недавно. Он работал на Южной термоцентрали. Что-то там произошло такое...

— Да, помню это событие. Итак, погиб. Сколько ему было?

— Он был года на три или четыре моложе меня. На три, кажется.

— Потрясающе, а, Серегин? — Говор ходил по кабинету, вздымая кулаки. — Значит, ему было тоже двести с лишним! И погиб несколько лет назад! А мы с вами раскатываем по всей солнечной... А второй, как его?

— Цинис? Он погиб раньше, в полете. Он не ушел на Землю. Ему было, помнится, сто шестьдесят... Это было давно. Мы тогда еще скрывали возраст — боялись, что спишут.

— Да, — гневно сказал Говор. — Да! — крикнул он. — Тут и не заметишь, как сойдешь с ума! Погиб. Вы понимаете, Серегин: никто из них не умер своей смертью. Оба погибли! Вы хоть, соображаете, о чем это заставляет думать? Ах, если бы вы раньше!..

— Очень просто, — сказал Серегин. — На них не обращали внимания именно потому, что они — Рогов, например, — выглядят людьми средних лет. Конечно, будь у них морщины и борода...

— Это я понимаю. Но они сами не могли же не задуматься!

— Конечно, — сказал Рогов медленно, — мы понимали, что это необычно. Но мало ли каких необычностей насмотрелись мы по ту сторону атмосферы? Обо всем не расскажешь и в двести лет... Нам хотелось летать. А потом стало неудобно...

— Ну да, — сказал Серегин. — Он женился.

— Чепуха, — сказал Говор. — Я вам скажу, в чем дело: они все суеверны, Серегин. И боялись — ну, что мы их сглазим, например. А?

Рогов улыбнулся.

— И вам... не надоело жить?

— Нет, — сказал Рогов. — Мне хочется еще полетать. Только не так далеко. На ближних орбитах. Все-таки в конечном итоге лежать хочется в своей планете.

— «В своей планете»... — пробормотал Говор.

Засунув руки в карманы, он пересек кабинет по диагонали. Локти смешно торчали в стороны. В углу он постоял, опустив голову. Резко повернулся. Снова зашагал — на этот раз быстрее, резко ударяя каблуками.

— Лежать — в своей — планете, — повторил он громко, раздельно. Вытащив руки из карманов, он широко расставил их и резко опустил, хлопнув себя по бедрам.

— В своей планете! — крикнул он. — А? Каково?

В следующий миг он оказался возле пилота и неожиданно сильно ударил его по плечу.

— Этого не обещаю! — сказал он торжественно и помахал ушибленной ладонью. — Насчет своей планеты.

Рогов покосился на него.

— Думаете, не выдержу в рейсе?

— Нет, не это. Но похоже, что вам не суждено лежать в земле.

— Жаль, — сказал Рогов. — Где же?

— Нигде. Жить. Просто жить. Потому что все, что вы тут рассказали, а мы — поверили, чертовски смахивает... На что это смахивает, Серегин?

— На элементарное бессмертие, — сказал Серегин по обыкновению коротко и сухо.

— Да, — торжествующе сказал Говор. — Вот именно.

5

Во взгляде Говора было такое ликование, словно это именно он, а не кто-нибудь другой, обрел бессмертие.

— Но, я вижу, Рогов, вы даже не очень взволнованы? Ничего, это придет позже, а пока продолжим. Отвечайте, где вы это подхватили?

Рогов задумчиво взглянул на свои ладони.

— Ну, быстрее. Надеюсь, там у вас нет шпаргалки? Итак, я имею в виду бессмертие. Когда вы... Ну, когда вы перестали стареть, что ли. Одним словом, когда вы это почувствовали?

Рогов покачал головой.

— Не знаю. Откровенно говоря, я и сейчас ничего не чувствую.

— Абсолютно ничего?

— Чувствую, что все в норме.

— Так, чудесно... Попробуем иначе. Эти два друга — те, которые погибли, — где вы с ними летали?

— Это был многоступенчатый рейс. Он так и называется. Мы были возле трех звезд. Планеты могу перечислить.

— Успеется. И высаживались?

— Само собой.

— И облучались? Вспомните, это очень важно...

Рогов пожал плечами.

— Хватало всего.

— Так... Есть ли подробные дневники экспедиции, журналы?

— Вряд ли они сохранились. Нас ведь потом спасли просто чудом. Корабль погиб. Там были довольно каверзные места, в этом рейсе. Такие хитрые трассы... Очень хорошо, что теперь на такие расстояния ходят в надпространстве.

— А вы не пробовали?

— Я, наверное, консерватор, — сказал Рогов. — Это не по мне. Люблю трехмерное пространство. Выше — для меня чересчур сложно.

— Мы отвлекаемся, — сказал Говор. — Значит, объяснить, где именно с вами произошло это, вы не в состоянии?

Рогов покачал головой.

— Надо повторить этот рейс, — сказал Серегин. — Рогов, вы пошли бы снова по этой многоступенчатой трассе? Без вас мы не восстановим всего. — Рогов, подумайте! — сказал Говор.

— Пожалуй, я пойду, — ответил пилот.

— Хорошо, хорошо, — сказал Говор. — Но это позже. Вы же понимаете, Серегин: такая экспедиция даже в самом лучшем случае может рассчитывать примерно на один шанс из ста тысяч. Готов спорить, что они облучились — а я уверен, что они облучились чем-то, — не на основной трассе. Вернее всего, было даже не одно облучение. Комплекс их. Сочетание. И вот это сочетание произвело то действие, которое мы пытаемся... Нет, полет — это потом. А в первую очередь мы должны установить, что же за изменения произошли в организме Рогова. Для этого мы его исследуем. Фундаментальнейшим образом исследуем. Тогда нам станет ясно, что именно мы должны искать. Реконструкция обстоятельств будет нелегким делом, но это уже, так сказать, техническая задача. А исследование Рогова — первоочередная. Что скажете, Рогов?

— А полеты?

— Будут и полеты. Потом. Не понимаю, что вы за человек: вам сказали, что вы бессмертны, а вы хоть бы удивились, что ли.

Рогов улыбнулся.

— Нелегко нарушать законы природы, — сказал он. — И я никогда не любил выделяться. Поэтому мне не очень верится.

— Поверится, — сказал Говор. — Скажите, а что вы будете делать со своим бессмертием?

— Наверное, у меня теперь хватит времени, чтобы обдумать это, — сказал Рогов.

— Обдумывайте. Сейчас мы поместим вас в уютное местечко, где будут все условия для этого. Тишина, покой, уход... Вы, Рогов, скажу без преувеличения, сейчас самый дорогой для мира человек. Вы и представить себе не можете всей своей ценности...

— Откровенно говоря, — сказал Рогов, — я чувствую себя немного кроликом.

Говор мгновение помолчал.

— Иногда все мы попадаем в такое положение, — успокоительно сказал он затем. — Не бойтесь, вам не придется ждать долго, вы и соскучиться не успеете! — Он обнял поднявшегося Рогова за плечи. — Идите, друг мой. Серегин вас проводит. Готовьтесь: исследовать вас будем безжалостно, а это утомительный процесс. Хлеб кролика — он горький, друг мой, горький.

— Ну да, — сказал Рогов. — Я понимаю.

В голосе его не чувствовалось энтузиазма. Говор подозрительно посмотрел на него.

— Я надеюсь, вы не допустите никаких глупостей? Не сбежите, например? Хотя что я говорю. У пилотов всегда высоко развито чувство ответственности перед остальными людьми, иначе они не могли бы летать... Да, так что вас не устраивает?

— Да нет, — сказал Рогов и переступил с ноги на ногу. — Разве что... Я ведь был на испытательном полигоне, стажировался. В город приехал только что. Не успел даже оглядеться. Здесь многое изменилось.

— Ну, это естественно. Даже я замечаю изменения, а ведь я куда моложе... М-да. Итак, вы хотите прогуляться по городу. Серегин, как вы думаете?

— Лучше потом, — сказал Серегин.

— Безусловно. Может быть, Рогов, вы потерпите?

— Как прикажете, — сказал Рогов.

— Ну и чудесно! — Говор несколько мгновений смотрел на пилота. — Хотя знаете что? Идите. Погуляйте час-полтора. Сейчас половина девятого? Ну, до половины одиннадцатого. Только ведите себя хорошо! — Он повернулся к Серегину и, не стесняясь пилота, пояснил: — На прогулке он

успокоится, а если просидит это время в ожидании, то станет излишне нервничать. А мы пока что успеем приготовиться к обзорному анализу. — Он снова повернулся к Рогову. — Только не опаздывайте.

Рогов кивнул.

— Я, пожалуй, съезжу только на космодром, — сказал он. — Хочется поглядеть на машины.

— Ну что ж, раз это вам нравится... В половине одиннадцатого!

Рогов кивнул еще раз. Он подошел к двери. Створки, щелкнув, поехали в стороны. Постояв секунду, Рогов решительно шагнул и оказался в коридоре. Створки мягко сомкнулись за ним.

6

Говор задумчиво проводил взглядом высокую фигуру пилота. Когда дверь бесшумно встала на место, он усмехнулся и покачал головой:

— Все-таки мы до старости остаемся детьми. А, Серегин? Знаете, мне очень хочется догнать его и никуда не отпускать от себя. Словно ребенок, который боится выпустить из рук новую игрушку... Смешно? — Он помолчал. — А наш пилот, кажется, начал понимать. Вы видели, как осторожно он выходил? Боялся, чтобы его не задело дверь. Как же, бессмертие — не шутка...

— Пилот экстра-класса, — сказал Серегин. — Но что это значит? Ничего. Тут надо быть человеком экстра-класса.

— Вовсе нет. Экстра-класс — это нечто исключительное. А ведь бессмертие — биологическое бессмертие — не может быть исключительным явлением. Оно должно принадлежать всем — или никому. Массовое, как прививка оспы, — прививка от смерти. Иначе оно сразу же превратится в награду. А этого произойти не должно.

— Потому что награду не всегда получает достойный?

— Дело даже не в этом. Ведь есть уже другое бессмертие — в человеческой памяти. И оно, как правило, приходит, если заслужено. А вот человек прожил двести с лишним лет, и кто знает о нем? Мы, специалисты, и то узнали случайно.

— Мне кажется, вы начинаете жалеть...

— Жалеть? Нет. Но я боюсь. Представьте себе миллиарды, десятки миллиардов людей, все Большое Человечество, которое, как Рогов нынче, боится выйти в дверь! — Он поднял плечи и развел руки, изображая растерявшееся человечество, затем фыркнул: — Ну говорите!

— Разве вы не думали о подобном, когда начинали работать?

Говор отмахнулся:

— Ну да, ну да. Я работал: это была величественная научная проблема, огромная задача. Но, откровенно говоря, я не думал, что она решится так скоро. Разные вещи: решать абстрактную проблему — или вдруг оказаться перед неизбежностью практического применения.

— Что же, — сказал Серегин. — Еще не поздно. Еще можно ничего не сделать.

Говор взглянул на него словно на сумасшедшего.

— Ну хорошо, — сказал Говор после паузы. — Соберите сотрудников. Надо поставить задачу. Приготовить всю аппаратуру. Работы будет очень много. О, наконец-то у нас будет настоящая работа!

— Погодите. Все же ваши сомнения...

— Что же, — сказал Говор. — Будем надеяться, что сомнения эти — просто результат склеротических процессов в моем организме. Страхи старого дурака. Будем верить, что бессмертие — шаг в лучшую сторону.

7

Перед лифтом Рогов остановился. Гладкие двери, роко-ча, раскатились, кабина осветилась. Рогов постоял, не двигаясь с места, охватив пальцами подбородок. За спиной вежливо кашлянули. Рогов поспешно сделал шаг в сторону, пропуская. Человек вошел в кабину и оттуда вопросительно взглянул на пилота. Прикрыв глаза, Рогов медленно покачал головой. Створки сомкнулись. Растерянная улыбка появилась на лице пилота.

Скоростной лифт мог сорваться и упасть. Стопоры могли не сработать. Падение с такой высоты означало смерть.

Смерть же вдруг стала страшной, потому что перестала быть неизбежной.

Рогов спустился по лестнице. Так было дольше, но надежнее.

Внизу он постоял, не сразу решившись выйти на улицу. Помнится, когда-то он слышал, как что-то упало сверху прямо на человека; человек этот умер.

Если хорошенько подумать, выходить на улицу больше не следовало. Можно было вернуться к Говору и устроиться в палате. Тут его будут охранять. Будут следить за каждым его шагом...

Рогов повернулся. Он не сделал следующего шага назад лишь потому, что наверх пришлось бы подниматься на лифте. Пожалуй, улица была все же безопаснее.

Он осторожно приблизился к двери. Люди входили и выходили. Они не боялись. Они знали, что смерти им не избежать. Мысль эта была настолько привычной, что они даже не ощущали ее. Они постоянно рисковали жизнью, потому что она была коротка.

И на них ничего не падало. Может быть, следовало все же попытаться? Сколько раз в жизни приходилось рисковать...

Рогов напрягся. Но сделать первый шаг оказалось страшно трудно. Стартовые перегрузки он некогда выдерживал куда легче.

Подумав о перегрузках, он почувствовал, как весь покрывается холодным потом.

Полеты! Там опасность подстерегала человека с первой до последней секунды. Много опасностей, одна страшнее другой.

Рогов понял, что больше никогда не осмелится взлететь. Но разве это обязательно?

Да его и не пустят больше летать. Его будут изучать. Долго. Тщательно. Несколько лет...

Но эти несколько лет пройдут, подумал он. В конце концов, его изучат. А тогда?..

Что будет он делать тогда в этом водовороте опасностей, который называется жизнью? Что будет делать десятки, сотни, может быть, даже тысячи лет?

Пилот почувствовал, как мелко дрожат его руки.

Жизнь оказывалась страшной вещью. А ведь до сих пор она казалась такой великолепной!

Рогов подумал, что сходит с ума.

Жаль, что бессмертие не делает человека неуязвимым для смерти вообще! Ведь вот погибли Тышкевич, Цинис — ребята ничем не хуже его.

Жаль...

Но порог придется переступить. Это Рогов понял сразу же, чуть только вспомнил о Тышкевиче и Цинисе.

Выходило, что он старается спрятаться за их спины. А он никогда не прятался. Не прятался двести двадцать семь лет. Долго.

И потом, дети. Они, несомненно, получают это самое бессмертие. И тоже будут так же переминаясь с ноги на ногу? Что бы он сказал, увидев кого-нибудь из них в таком вот положении?

Пожалуй, то же, что сказали бы они, увидев его сейчас...

Шаг удалось сделать почти так же легко, как раньше, когда он еще ничего не знал.

Рогов вышел на тротуар. В трех шагах левее стояла свободная машина. Можно было взять ее. Машиной управлял автомат, ехать в ней было бы безопасно.

Рогов взглянул на машину и усмехнулся. Он даже засвистел что-то сквозь зубы. Эту песенку любил Тышкевич. Рогов давным-давно забыл ее, а вот сейчас мелодия вдруг вспомнилась. Как и сам Тышкевич, с его редкими светлыми волосами и высокими польскими скулами.

Рогов вспомнил, в какой стороне космодром, и зашагал напевая.

Он вдруг почувствовал себя нормально. Наваждение прошло. По улице шли люди. И он шел, такой же, как все. Он ничем не отличался от остальных. Разве что тем, что люди шли молча, а он насвистывал старую-престарую песенку.

8

В девять часов районная энергоцентральный произвела первое перераспределение мощностей в связи с тем, что Институт космической геронтологии впервые за все время своего существования затребовал все, что ему полагалось. Были включены сложнейшие комплексы приборов, необходимых

для всесторонних исследований человеческого организма, вплоть до молекулярного и субмолекулярного уровней.

Это была первая прогонка вхолостую. Вторая произошла в десять часов и продолжалась пятнадцать минут. После этого аппараты были выключены, но никто уже не покидал своих мест. Начало исследований было назначено на полдень. Задача была поставлена перед каждым сотрудником. Такой задачи людям не приходилось решать еще никогда, и они чувствовали себя приподнято, как перед редким праздником.

Говор неторопливо прохаживался по матовому белому полу центральной лаборатории. Он сжимал кулаки и потряхивал ими, словно готовясь выйти на ринг. В середине лаборатории, на высоком постаменте возвышалась цилиндрическая камера. В полдень, отдохнув после прогулки, сюда войдет Рогов. Его усадят в кресло, облепят датчиками. Начнется первый цикл исследований, медико-физиологический. Если в организме пилота все окажется в порядке и медики не дадут никаких противопоказаний, можно будет перейти ко второму и прочим циклам.

В организме все окажется в порядке, в этом Говор был уверен: проверяющие пилотов комиссии относятся к своему делу достаточно серьезно, а Рогов как-никак имел медицинскую визу в космос. Но, как и перед началом любого эксперимента, волнение не оставляло главу института, и он все кружил и кружил вокруг постамента, то и дело бросая косые взгляды на сотрудников, готовых принять человека, ставшего объектом исследований, и проделать с ним все необходимые процедуры, и поместить его в камеру, а затем разойтись по своим местам, чтобы потом не отрывать взгляда от приборов в надежде первым увидеть то новое, что должны дать — и обязательно дадут — исследования; если не сегодня, то завтра или через месяц, но дадут. Дадут, и Говор теперь пытался угадать, кто же из сотрудников окажется этим первым, заметившим что-то существенное. И хотя он знал, что угадать это невозможно, и любой из людей был достоин такой удачи, Говор все же подходил к каждому и вглядывался в него, затем отводил взгляд и направлялся к следующему, что-то ворча.

Сотрудники старались выглядеть спокойными. Но то один, то другой из них бросал взгляд на мерцающий циферблат больших часов, а потом — на всякий случай — и на свои часы, к которым как-то больше было доверия. Все стрелки синхронно

подвигались к одиннадцати, потом миновали их и заспешили к двенадцати, все убыстряя, казалось, ход. Серегин подошел к Говору и наклонился к его уху. Говор что-то коротко ответил. Серегин торопливо вышел, все проводили его глазами. В лаборатории стояла тишина, и поэтому был ясно слышен глухой шум машины у подъезда: это уехал Серегин. И тишина продолжалась, прерываемая только шарканьем шагов Говора.

— Он мог бы уже прийти, — не выдержав, проговорил старший оператор группы диагностов.

— Старый человек, — успокоил кто-то. — Может и опоздать.

— Говорят, он совсем не выглядит стариком.

— Но на самом-то деле он стар. С ним, наверное, трудно разговаривать...

— Ничего не трудно, — проворчал Говор. — С вами порой труднее.

И он резко повернулся к телефону. Но это вызывала всего лишь энергоцентральный.

— Возьмете ли вы, как предполагалось, свою мощность в двенадцать?

— Возьмем, — буркнул Говор. Он взглянул на часы. Оставалось совсем немного времени.

— Ничего, — сказал он. — Серегин привезет. Пусть на пять минут позже. В двенадцать включить все. Пока прогреем...

Он не закончил фразы и снова затоптался по полу, уже не имея больше сил отвести взгляд от циферблата. Оставалось две минуты.

Полминуты.

Ноль.

Говор кивнул. Защелкали переключатели. Длинные прозрачные цилиндры налились фиолетовым светом. Тонкий, звенящий гул повис в помещении.

9

Этот день казался особенно хорошим на космодроме. В лучах солнца нацеленные в зенит стрелы кораблей казались почти невесомыми.

Нет, конечно, не следовало обманываться это были всего лишь слабые корабли малых орбит. Маленькие интересистем-

ные яхты и тендеры с ионным приводом, не выдерживавшие никакого сравнения с фотонными транссистемными барками или диагравсионными надпространственными клиперами Дальней разведки.

Но все же это были корабли, и Рогов, глядя на них, чувствовал, как окончательно исчезает, растворяется, испаряется через кожу тот унижительный страх, который еще так недавно терзал его. Наступило спокойствие, и Рогов знал, что источником его являются корабли. На Земле могло произойти что угодно, но корабли были надежны; это давнее ощущение вошло в него и помогло обрести спокойствие.

Да, после семидесятилетнего перерыва начинать следовало именно с таких машин. А те, настоящие, не уйдут. Ведь у него теперь очень много времени впереди!

Он усмехнулся. Бессмертие! Оно оказывалось стоящей вещью! Потому что вселенная для нас бесконечна. И именно бесконечная жизнь нужна, чтобы лететь, не оглядываясь назад, а возвратившись, заставить живыми своих современников. Бессмертие очень нужно для звездных полетов!

Нет, все-таки он полетит. Никаких палат! Конечно, жаль, что нельзя подняться сразу. Какое-то время уйдет на все эти исследования. Но тут ничего не поделаешь. Бессмертие нужно не только ему, но и его современникам. И будущим. Детям. Внукам. Всем. Его дети — странно — уже близки к старости. Каково было бы пережить их? Об этом просто нельзя подумать.

И жаль, что погибли ребята. Можно было бы сформировать экипаж. Первый бессмертный экипаж. Как приблизиться бы звезды!..

Спохватившись, он взглянул на часы. Стрелка уже миновала одиннадцать. В институте ждут его. Не следовало опаздывать... Без точности нет пилота. Но корабли — на них можно смотреть без конца. Или еще пять минут, он ведь долго не увидит их.

Хорошо, что бессмертными станут все. Нет, он и раньше, конечно, догадывался, в чем дело. Но не думал, что ученые уже размышляют об этом. Значит, и не было смысла трезвонить о своей исключительности.

Пора идти, пора.

Он взглянул на поле и невольно задержался еще на минутку. В соседнем квадрате готовился к старту какой-то кораблик. Небольшая, не достигавшая и сотни метров в высоту яхта с радиусом действия, пожалуй, не дальше пояса астероидов. Старт — это такое зрелище, на которое хочется смотреть всегда. Тем более что своего старта ты никогда не видишь.

Рогов подошел поближе. Почти к самому запретному кругу. Ионные корабли пользовались для разгона химическими ускорителями. Атомные включались лишь в пространстве. Каждый кораблик стоял над вытяжной шахтой, куда при старте уходило пламя ускорителей. Так что можно было подойти совсем близко. Вот и сейчас возле ограждающих тросов стояло несколько человек. Один из них показался Рогову знакомым. Впрочем, может быть, пилот ошибался.

Рукава заправки были уже сняты. С амортизаторов, на которые опирался корабль, убрали оранжевые стопоры. Корабль был готов, и Рогов невольно позавидовал тому, кто сейчас в рубке нажмет красную клавишу «Пуск».

Кто-то тронул Рогова за плечо. Он оглянулся. Сзади стоял Серегин. Они улыбнулись друг другу, как старые друзья, и Рогов сказал: «Сейчас, только он взлетит...» Потом он снова повернулся к кораблю.

Провыла сирена. Затем раздался первый глухой удар ускорителей. Через секунду он превратился в рев. Но пламени не было видно: ускорители ревели в шахте.

И вот бронзовая стрела дрогнула и медленно, очень медленно поползла вверх. Рев усилился: сейчас ускорители покажутся из шахты. Блеснут умирающие языки пламени. Но корабль уже скользнет вверх...

В этот миг в запретный круг вскочил человек.

Он что-то кричал, хотя голос его не был слышен. Рот беззвучно разевался на костистом лице, обтянутом багровой кожей. Вихрь горячего воздуха из шахты развеивал седые волосы.

Человек повернулся и кинулся к шахте. И вдруг Рогов вспомнил, где он видел этого человека. И понял, что кричит

старик: что не может умереть в своей постели. Этот человек еще ничего не знал о бессмертии. И лишь четыре шага отделяли его от шахты.

Рогов вынесся в круг первым. Реакция у него была по-прежнему быстрой, как и в те годы, когда он летал. Быстрее, чем у всех остальных. Кроме того, он лучше других знал, что выключить ускорители сейчас невозможно.

В мгновение ока Рогов оказался рядом с самоубийцей. Он вложил в удар всю силу. Старик был слаб и легок. Он отлетел к границе круга. Там его схватило сразу несколько рук.

Рогов увидел лицо Серегина. На лице был ужас. Рогов понял, что ускорители выходят из шахты и что выхлоп еще силен. Рогов не успел испугаться.

10

— Что там исследовать, — сказал Серегин. — Даже пуговиц не осталось.

Он умолк; гул приборов еще бился под потолком. Говор подал знак, и приборы выключились.

Раздался звонок вызова; это была энергоцентральный.

— Нет, больше не нужно, — сказал Говор. — Да, мы кончили.

Он повернулся к сотрудникам.

— Я сказал ясно: мы кончили.

— Эпилог прекрасной сказки о бессмертии, — пробормотал старший оператор диагностов.

— О моем, во всяком случае, — буркнул Говор. — Такое трудно пережить.

— Он был, я думаю, хороший парень, — сказал Серегин. — Горе. Да и вообще... Погиб зря.

— Что — вообще? — сказал Говор. — Погиб человек. Но не надежда на бессмертие: мы знаем теперь, что оно возможно, и знаем даже, где его искать. Пусть не я найду его, пусть даже это будет Герт — все равно...

Наклонив голову, он смотрел, как гаснут огни и пустеет зал.

— Серегин! — грустно сказал Говор. — Вы сегодня словно подрядились попадать пальцем в небо. Вы опять ошиблись. И даже дважды.

— Да? — сказал Серегин.

— Вы сказали: он погиб зря. Глупо — это так. Но он помог нам сделать еще один важный вывод.

— Какой же?

— Очень простой, Серегин. Запомните: и получив бессмертие, никогда люди не станут бояться открыть дверь.

«АДМИРАЛ» НАД ПОЛЯНОЙ

Дальняя разведка не профессия, а образ жизни, и люди определенного сорта приходят к ней, как иные к живописи или литературе, раньше или позже, но обязательно. Хлебнув этой жизни, люди потом порой клянут ее, но уйти уже не могут: это крепкое питье. Куда уж крепче.

Мы вышли не то что в поле тяготения, но чуть ли не в самой атмосфере планеты, оказавшейся тут так же кстати, как песок в затворе. Нас ломало, и крутило, и швыряло из стороны в сторону, в нижних палубах что-то лопалось с противным, ноющим звуком, а моя скакалка, висевшая на крючке, сама собой завязалась узлом, который у моряков носит название «восьмерки». Сесть мы, однако, сели. Не успел я как следует потянуться и пошевелить костями, как зажужжал интерком, и Старый Пират снял трубку.

Он поднес ее к уху и подтянул вечно спадавшие штаны. На покое Пират выглядел настоящим недотепой, и тот, кто не видал его в деле, не мог и представить себе, насколько способен преобразиться человек, когда он берется за дело, для которого создан. Старый Пират доложил, что внимательно слушает. Я тем временем вылез из амортизатора и подошел к шкафчику, где у нас стояли избранные произведения конструкторов-оружейников. Проверил трассер, магазин и конденсаторы, полюбовался оптикой и на всякий случай раза два прошелся по контактам: в этой модели если что и может подвести, то только контакты, и за ними надо приглядывать. Пират в это время нашел глазами Марка Туллия и поднял

два пальца — одеваться, значит, следовало по второй программе, без искусственного дыхания: атмосфера годится.

— Ладно, — сказал Пират в трубку. — Это беда небольшая, капитан, мы выйдем и поспрошаем первого встречного. — Такая была у него присказка перед выходом на чужую планету; на этом он закончил разговор и стал, побряхтывая, влезать в костюм.

Мы окунулись в ночь, как в холодную воду. Слегка перехватило дыхание. Люк прошипел, закрывшись за нами, и мы остались наедине с чужими широтами, шептавшими что-то голосом ветерка на языке, которого мы не понимали. Мы постояли в темноте, голубой от множества звезд. Нам было странно; только с предчувствием любви можно сравнить ощущение первого выхода. Это миг для стихов, но я, откровенно говоря, не люблю их: плохие — они ни к чему, а хорошие приводят в расслабленное состояние, когда хочется думать о высоком назначении человечества и гладить собак. Нет, я не люблю стихов, и сейчас просто подумал: мир вам, серебряные туманности, — и почувствовал, как перехватило горло. Марк Туллий сопел рядом, а стажер Петя что-то шептал. Но тут Старый Пират с присущей ему деликатностью просигналил: «Ну, утрите слезы и займитесь делом, сынки!» — и все стало на свои места.

Опыт — великая вещь, отец интуиции. Интуиция же — стержень Дальней разведки, ее спинной хребет. Земля небольшая планета, множество людей исследует ее уже очень долгое время, и все же нельзя сказать, что планета изучена досконально. Что же могут три-четыре человека, оказавшиеся в одной точке совершенно незнакомого небесного тела? А ведь им предстоит сделать первые, основные, а часто и единственные выводы, высказать решающие суждения. Разведчик без интуиции, фактограф уместен среди нас так же, как слепец в команде снайперов. Интуиция — за нее нам прощают многое.

Так что мы не прошли еще и двухсот метров, как трое уже знали, что на этой планете есть жизнь, хотя никто из нас не взялся бы объяснить, почему он так считает. Человек может больше, чем знает, порой срабатывает какое-то его качество, им самим не контролируемое. Мы просто знали, что на

мертвой планете чувствуем себя иначе, чем на живой. И вот сейчас мы явственно ощущали, что планета жива. Но живая не значит — дружественная, и мы покрепче ухватились за свои игрушки, а Старый Пират сказал — беззвучно, конечно, на линтеле:

— Топать больше нечего. Полетели.

— Вот здорово! — сказал стажер Петя, любивший летать. Но ему пока еще по рангу не полагалось обсуждать команды. К тому же линтель был им усвоен в училище в основном пассивно — слышать он нас слышал, но говорить ему приходилось вслух. В училище их заряжают в основном энтузиазмом, остальное приходит потом. Так что Пират тут же поставил его на место, сказав безмолвно:

— Еще одно сотрясение воздуха, этюднен, и вместо разведки пойдешь на кухню.

Стажер понял намек и умолк. Мы откинули крышки двигателей. Каждый встал на курс — это нетрудно, что-то вроде компаса живет у нас в больших полушариях мозга, и время, направление и расстояние мы фиксируем бессознательно; это приходит где-то на втором, а у иных и на третьем году работы, а коли нет, то человек ищет для себя другое занятие. Со стажера спрос пока что был невелик, и я сказал ему:

— Мой каблук — твоя звезда. Не теряй из виду.

— Все? — спросил Старый Пират, включил стартер и поднялся в воздух первым. Я лег за ним, стажер взлетел почти без заминки, а Марк Туллий, как всегда, замкнул колонну.

Мы летели на высоте ста метров и поглядывали вниз и по сторонам. Внизу был сплошной камень, и Старый Пират высказал мнение:

— Если он гробанулся здесь, то я за него не дам ни затяжки.

Я пришел в Дальнюю куда позже Пирата и не знаю, что возникло раньше: эта ли его кличка, или такие вот обороты речи, вполне пригодные для опереточных разбойников. Слышал только, что до Дальней он занимался античной философией, а Марк Туллий — зерновыми культурами. Пока я припоминал, чем же я сам заполнял свою жизнь прежде, чем сбежать в Разведку, впереди что-то возникло. Я подумал было, что это скалы, но оказалось — лес.

Даже не лес, а много деревьев вместе. Понимаете, много деревьев не всегда лес, так же как много людей не обязательно отряд. Я просигналил эту мысль, стажер не выдержал и фыркнул: у него за плечами было не более пяти выходов, а в эту пору смеешься иногда и тому, что не смешно. Здесь был не лес, а много деревьев, стоявших на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям расти так, как им хочется, и каждое дерево было само по себе, словно нарисованное отдельно, а вообще все это напоминало кадрик из мультфильма.

Пират скомандовал спуск. Дальняя разведка — не то место, где приходится часто видеть одни и те же картины, но такого невзаправдашнего пейзажа мы еще не встречали и даже усомнились на какое-то время, настоящие ли это деревья. Но они росли, и листья на них чуть слышно шумели, когда налетал ветерок. Мы остановились и стали смотреть. Время шло, а мы стояли и смотрели. Просто так. И, наверное, думали. Не может же быть, чтобы мы, три с половиной взрослых мужика, стояли без единой мысли. Нет, наверное, думали. Но мыслей в памяти не осталось. Зато сохранилось испытанное тогда ощущение, ощущение человека, который очень долго шел, плыл, летел, обошел, наконец, планету по большому кругу — и вернулся на то место, откуда начинал когда-то и где ему и полагается быть, — вернулся с моря или там с холмов, и больше ему не надо уходить никуда.

Так мы стояли, пока сами чуть не пустили корни в мягкую землю, а если быть точным — три минуты тридцать; потом вдруг опомнились и озадаченно поглядели друг на друга. Никто не сказал ни слова, но мы тут же построились походным порядком и тронулись, внимательно глядя по сторонам. Прошли еще четыреста с небольшим метров и увидели наконец наш собственный катер, из-за которого и предприняли весь этот поход. Эта космическая тачка служит в основном для сообщения между кораблями в пространстве, а в остальное время крепится в специальном гнезде, углублении в теле корабля. Крепится; вернее — должна крепиться, и следить за этим — обязанность боцмана, однако на сей раз наш Лев рыкающий сплоховал и, пока нас лихорадило перед посадкой, катер оторвался. Надо полагать, боцмана лихора-

дило еще сильнее, когда он стоял на коврике перед капитаном и давал объяснения.

Катер лежал на поляне, ближе к одному ее краю. Мы, как и положено, разделились и подошли к нему сразу с четырех сторон. Ничем не пахло, только озон чувствовался в воздухе. Снаружи катер выглядел нормально и стоял на всех четырех лапах, но лапы ушли в грунт глубже, чем полагалось бы; значит, автомат не погасил скорость. Мы поняли это и приготовились к неприятностям.

— Железяка нехорошая! — проникновенно сказал Пират. — Ну, заглянем, полюбопытствуем, чем нас тут встретят.

В каюте все было перевернуто, как после выпускного бала курсантов Училища Дальней разведки. Мы пробрались через этот содом и проникли в двигательный отсек.

Дальние разведчики должны разбираться во всем, и не понемножку, а профессионально, потому что там, где мы бываем, зачастую не найти ни экспертов, ни специалистов в радиусе десятка-другого световых лет. И мы разбираемся. Поэтому нам сразу стало ясно, что рассчитывать на катер не приходится. Механическая часть, правда, уцелела, но радужный диск мембраны не только выскочил из рамы, но разлетелся в кристаллики. А без мембраны катер можно поставить на постамент в парке, но летать на нем нельзя, а нам нужно было, чтобы он летал.

Мы расселись на обломках своих надежд и молча посовещались. Катер — вещь, нужная в хозяйстве, и бросать его не хотелось, а унести эту посудину на руках мы не могли. Оставалось одно: доставить и смонтировать новую мембрану, и уж тогда запустить двигатель.

— Очень красиво, — сказал Старый Пират. — Только крепить мембрану все-таки лучше на корабле, в мастерской, а не на лоне природы.

Мы немного скисли, прикинув, как далеко придется тащить массивную раму, восемь метров в диаметре. Наши моторчики были слишком слабосильны, чтобы поднять ее, и, значит, нести придется на горбу, всем четверым. Но спорить не приходилось.

Марк Туллий пробрался в крохотную рубку связи. Он включил аппаратуру — и без толку. Великий оратор покачал головой, снял со спины нашу походную рацию и включил.

Станция молчала — не было не только сигналов, но и фона. С таким же успехом можно было подключить к антенне кирпич. Марк Туллий достал из кармана тестер, открыл рацию и стал тыкать в нее приборчиком.

— Батарея, — сказал он. И, поднатужившись, выдал второе слово: — Пуста.

Старый Пират выхватил у него тестер и полез сам. В батарее не было ни следа заряда, хотя перед выходом она была полна, а хватает ее обычно не менее, чем на год. А в остальной станции была в образцовом порядке, как и все у Марка Туллия. Пират мрачно сказал:

— Публика в диком восторге. Ладно, займемся делом.

Мы провозились с рамой часа два. Потом Пират решил полчаса отдохнуть: путь предстоял серьезный. Светило успело взойти; оно было горячим, как первый поцелуй. Мы отошли в тень ближайшего дерева и вытащили, чем позавтракать. Еда — занятие, которым можно увлечься. Мы увлеклись и проглядели момент, когда первые двое появились на поляне.

Двое; они бежали что есть духу — один убежал, другой преследовал. Гуманоиды, карлики — ростом, по сравнению с нами, чуть выше пояса. Головастенькие. Полуголые. Все это мы привычно ухватили сразу же. А потом увидели, как задний, поняв, что не догонит, остановился и опустил на колено. В руках у него оказалось что-то — можно поклясться, что сук от дерева, в полметра длиной. И вот карлик, стоя на колене, вскинул сук, словно бы это было оружие. Мы не успели удивиться. Блеснули короткие вспышки пламени, раздалась отрывистые, хорошо знакомые нам звуки. В тот миг планета сразу перестала мне нравиться. Убегавший уже достиг опушки; сейчас он упал плашмя. Стрелок вскочил и издал победный вопль, голос был высок и походил на женский. Потом туземец отшвырнул свое оружие и, высоко подпрыгивая, помчался туда, откуда пришел.

Мы уже лежали под деревом, заняв оборону, недоеденный завтрак валялся в стороне. Мы не сводили глаз с убегающего, привычно держа его в перекрестии. Он скрылся за деревьями, и я спросил на линтеле:

— Что это у него было?

— Погоди, — излучил Старый Пират. — Запомнил место?

— Само собой, — ответил я. — Он упал за деревом с кривым сукком.

— Давай туда. Мы прикроем.

Я пополз. Трава на поляне достигала карликам до пояса, так что могла укрыть. Я взял курс на дерево и прикинул: пресмыкаться придется минут пятнадцать. Так и оказалось. Я дополз до дерева и, не вставая, обогнул его, осторожно переваливая через выступающие корни. За деревом никого не было.

Никого, понимаете? Трава была еще примята там, где лежал убитый. Убитый — потому что упал он именно так, как падает человек, сраженный насмерть, не как раненный; но ни тела, ни капли крови — ничего. Я огляделся, осторожно поднялся на колено, затем во весь рост. Тела не оказалось. Было далековато для разговора, но я, напрягшись, окликнул — безмолвно, конечно, — Пирата и объяснил ситуацию. Старик ответил:

— Прелестно. Мы ничего не заметили. Поползешь назад, прихвати оружие.

Я и сам хотел так сделать. Когда я отполз метров на тридцать от дерева, то услышал треск, оглянулся и увидел парня.

Он сидел на дереве, оседлав толстый сук; от наших туземцев был прикрыт листвой, но отсюда, со стороны, я его видел ясно. В руках у лилипута было что-то вроде обрезка доски и палка, которую он, по-моему, только что отломал от дерева. «Неплохо», — подумал я, глядя, как он прикручивает палку к доске крест-накрест; противник промазал, этот упал, стрелок не захотел убедиться в его смерти, и теперь спасшийся мастерит что-то: бумеранг не бумеранг, но тяпнуть по голове и этим можно основательно.

Я ошибся. Он сделал свой крест и тут же уселся на доску — так, что ветка проходила между ног и торчала короче спереди и подлиннее сзади. Я моргал, ожидая, что будет дальше. Парень приподнялся и замер, только вытянул губы трубочкой. И в следующий миг крест с оседлавшим его карликом сорвался с места и полетел.

Он летел, точно маленький самолетик, с крыльями метр в размахе, доска и хворостина, а карлик сидел на нем как ни в чем не бывало и управлял непонятным образом. Он про-

несся невдалеке от меня, делая километров семьдесят в час, и я ясно разглядел босые ноги авиатора с грязными пятками. Слабое жужжание донеслось до меня и стихло, и крестовина с пилотом исчезла, мелькая между деревьями. Я перевел дыхание и пощупал лоб. Влажноват, но температура, кажется, в норме. Я окликнул Пирата:

— Со мной вроде не все ладно.

Он ответил не сразу.

— Подбери оружие и ползи сюда?

Я двинулся дальше. Солнце припекало, трава пахла не сильно, но проникновенно, хотелось уснуть и во сне увидеть свой дом, где ветреными ночами память о предках шуршит на чердаке. У меня никогда не было такого дома, и потому я оказался тут, и полз, ползакрыв глаза, пока не прибыл туда, где, как я твердо помнил, стрелок бросил оружие. Место было то самое, да и Пират помог пеленгом. Так что вышел я точно.

Конечно, найти в траве полуметровый предмет, особенно передвигаясь ползком, не так просто. Я пошарил вокруг, потом пополз по спирали, уминая траву. Через две минуты я нашел сук, еще через две секунды — второй и тут же третий. Никакого оружия не было. Я осмотрел сучья один за другим. Пожалуй, с расстояния в триста метров любой из них можно было при желании принять за оружие, но если чего-нибудь с их помощью нельзя было делать, то именно стрелять — в этом я как-нибудь разбираюсь. Я вертел и нюхал их, потом плюнул и пополз, оставив сучья на умятом пятачке.

Я был примерно на полдороге к своим, когда трава зашуршала сильнее. Разведчик не станет пренебрегать таким предупреждением. Я припал к земле, потом осторожно поднял голову, увенчанную пучком травы. Это был заяц. Он мчался, пересекая поляну, и кто-то — собака или волк — настигал его. Было ясно, что косому не уйти, хотя он чесал по прямой, без прыжков, не петляя. У меня зудел указательный палец, но я удержался: мне пока ничто не угрожало. Я вздохнул и рассчитал, что зверь настигнет зайца за пятачком, откуда я полз. Заяц с лета выскочил на утоптанное место. А потом мне захотелось плакать.

Ну, не от жалости, конечно. Волкам положено жрать зайцев, и перевоспитать их до сих пор никому не удалось. Но

тут вышло не так, и плакать мне захотелось от недоумения. Потому что все последующее не лезло ни в какие ворота — даже в ворота самого большого дока на Космостарте, около Земли.

Заяц выскочил на пятачок (я приподнялся, наблюдая за ним: мы избегаем демаскироваться перед человекоподобными, четвероногих опасаться у нас нет причин) и приник к земле. И исчез.

Вместо него с земли вскочил карлик — такой же, как те, первые. Я не знаю, откуда он взялся и куда делся ушастый. В сказки я не верю: мы навидались столько настоящих чудес, что сказочные нас не тревожат. Но заяц исчез, а карлик вскочил, и в руках у него был сук — один из тех, что я недавно подобрал там и бросил. Карлик вскинул его к плечу — волк был уже в прыжке, — и блеснул огонь, и прозвучали выстрелы. Волк перекувырнулся через голову и замер.

Только тут я опомнился и перекинул камеру на грудь, чтобы запечатлеть сценку в назидание поучающимся. Упавший волк лежал, невидимый в траве, а карлик сидел и внимательно разглядывал сучья. Потом поднял голову, и — я услышал — что-то сказал своим высоким голосом. С места, где упал волк, поднялся второй карлик. Они уселись рядом и стали разбираться в сучьях, что-то тараторя. Кажется, в чем-то они не соглашались. Потом один из них стал суком рыть яму; земля летела так, словно он орудовал лопатой. Другой побежал к опушке и скрылся в тени.

Я решил, что с меня хватит. Захотелось, чтобы Марк Туллий выдал мне лекарство, потрогал мой лоб своей увесистой рукой и, констатируя тепловой удар, предложил полежать на ветерке минут триста или немного больше. Иначе — чувствовалось — я совсем выйду из строя.

Я дополз и по странно блестящим глазам всех троих понял, что они наблюдали то же самое, что и я, и неизвестно еще, кто кому должен помогать.

Тем временем ушедший вернулся. С ним пришло еще несколько туземцев, среди которых были, по-видимому, и женщины — судя по иной одежде; фигурой они практически не отличались, и в них не было той привлекательности, того безмолвного и оглушительного зова, какой особенно четко слышим и ощущаем мы, годами не бывающие дома. При-

шедшие тащили разные палки и обрезки досок, что ли. Потом нечто показалось из-за деревьев. Представьте себе, что едет платформа, доверху нагруженная всяческим ломом, в кабине сидит водитель и руки его лежат на баранке. Потом уберите этот транспортер или сделайте его невидимым — и получите удовольствие наблюдать, как в воздухе, в метре от земли, плывет человек, сидящий ни на чем, полусогнув ноги и вытянув руки, а позади, ничем с ним не связанная, летит куча груза, меняя скорость и направление вслед за человеком, не приближаясь к нему и не отставая. Вот такую картину мы и увидели. Невидимый транспортер подкатил к моему пятаку, водитель сделал движение рукой, и лежащая на воздухе груда обломков стала перекашиваться, словно гидравлика поднимала край платформы, и наконец весь мусор посыпался на землю. Водитель опять пошевелил руками, словно переключая рычаги, и плавно двинулся по воздуху — на той же высоте — в обратном направлении. Я в тоске закрыл глаза.

Уткнувшись носом в траву, я пытался сообразить, в какой миг и в каком месте сознание мое, обычно ясное, сошло с курса и тронулось по дороге к безумию. В том, что я свихнулся, у меня не оставалось сомнений, да и остальные трое, видно, не избежали этой участи. Я слышал, как они обменивались мыслями, лежа тут же, рядом со мной. «Этого им без крана не поднять», — уверенно сообщил Старый Пират. «Ну», — глубокомысленно ответил Марк Туллий. «А вдруг...» — начал было стажер и умолк. «Ну!» — сказал Марк Туллий, но уже другим тоном. «Ах ты, дьявол!» — излучил Пират и подавился. Я не стал глядеть, мне было хорошо, в меру прохладно, хотелось задремать и увидеть во сне что-нибудь обычное: джунгли на Анторе или суп из концентратов. «Это не будет держаться, — снова предсказал Пират, — и вообще вся конструкция блеф». Марк Туллий вновь ответил нечленораздельно, лишь интонация позволяла понять, что он сомневается. Стажер вдруг засмеялся вслух, а Пират чертыхнулся и сказал опять на линтеле: «Миша, давай аптечку, это все не к добру». Через минуту я почувствовал, что мне засучивают рукав. Я позволил вогнать в меня все, что Марк Туллий нашел нужным, выждал еще минуты две и открыл глаза.

На поляне уже возвышалась башня — что-то вроде конуса, стоящего на своей вершине, а странный народец собрался на задранном к небу основании и продолжал строить. Строительство у них было, как я понял, пустяковым делом: стоило приложить одну часть конструкции к другой, как она прирастала, словно приваренная. По всем законам механики эта башня должна была опрокинуться еще в самом начале, но ничего подобного с нею не приключилось, и она продолжала расти. Нашему зелью, стабилизирующему сознание, пора было бы подействовать, но картина не исчезала, и оставалось предположить, что все это происходило в действительности, хотя и не имело права. Сейчас народец находился уже метрах в семи над поляной. Старый Пират, подслушав, наверное, мою мысль, проговорил: «Да, странные эффекты дает порой облучение. Да и вообще... — Тут его мысль обнаружила новое русло и кинулась по нему. — А вообще-то все это вполне реально — существуют законы вероятности, и весьма возможно, что мы попали в такой уголок мироздания, где они проявляются не так, как у нас. Симметрия, симметрия явлений...» — Старый Пират, как и большинство философов, в особенности отставных, порой преклонялся перед многозначительными формулировками законов куда больше, чем они того заслуживали. Вот и сейчас он стал неслышно разглагольствовать на эту тему. «Что есть абсолютно невозможное? — спросил он и сам тут же ответил: — Событие, при котором нарушается какой-либо из фундаментальных законов. Прочие же явления могут быть маловероятными, но не невозможными. Не говоря уже о том, что на законе не написано, каков он на самом деле — фундаментальный или только притворяющийся таковым, все зависит от нашего уровня познания... Так что стоит еще подумать, существует ли закон, запрещающий ветке стать огнестрельным оружием. Ставлю свои башмаки против двух недель отпуска, что можно найти такую цепь событий, при реализации которых этот сук может и даже неизбежно должен стать оружием и выпускать пули. Например...»

Мне было любопытно услышать, какой он приведет пример и как построит свою цепь событий, но этого удовольствия я так и не получил, потому что один из карликов, вошедших на площадке башни, в этот миг стал внимательно

смотреть в нашу сторону. Он даже поднес к глазам ладони, сложенные, как бинокль, словно бы ему так было лучше видно. Я насторожился. Снизу туземцам было трудно заметить катер — он стоял в тени, солнце было с нашей стороны, — но с высоты парень увидел и закричал что-то, указывая пальцем. Строители мгновенно посыпались со своей площадки; они не падали, а опускались плавно, и никто из них не свернул шеи, хотя вероятность была велика. Оказавшись на земле, они помчались к нам, галдя и размахивая палками — у кого были сучья, у кого щепки, у других и вовсе ничего. Я изготавился и стал ожидать дальнейших событий, держа молодцов на прицеле, но еще не переведя переключатель на позицию «массовая цель». Старый же Пират встал, поправил свой фламмер на груди и, помахивая правой рукой, неторопливо пошел навстречу местному населению, спокойный, как всегда в таких случаях, и улыбающийся, как землянин на картинке, изображающей дружественный контакт.

Обе стороны остановились метрах в сорока от нашей позиции, когда между ними осталось два шага. Никто не стрелял и вообще не проявлял признаков недружелюбия, и мы немного успокоились. Мы знали, что сейчас Пират пытается нащупать их способ мышления, чтобы найти в нем щелку, куда можно будет вклиниться со своим линтелем. Карлики смотрели на него без страха, но — как я понял — и без особого интереса. На лицах их, схожих с человеческими, хотя и не до конца, возникали и исчезали гримасы; мимика у них была богатой, но, видимо, не совпадала с нашей, а в таких случаях трудно сказать, улыбается ли собеседник или показывает зубы. Они что-то говорили — во всяком случае, тот, кто стоял ближе всех к Пирату. Губы его, яркие и немного припухлые, шевелились, а маленькие зрачки не отрывались от лица нашего старика. Я почувствовал, что начинает стучать в висках: чтобы различить на таком расстоянии выражение глаз, приходится перестраивать зрение, а это утомительно; и тут предводитель туземцев решительно протянул руку.

Это было нам знакомо: попадая на обитаемую территорию, мы не раз уже уплачивали пошлину, чтобы избежать осложнений. Законы надо соблюдать, как бы примитивны они ни были. Старый Пират стоял к нам спиной, но я подумал, что сейчас он улыбается, довольный тем, что события

развиваются привычным образом и не придется изобретать на ходу новую схему. Он залез рукой в сумку и вытащил горсть всякой ерунды, которую вечно таскал с собой — му-жик он был запасливый: болтики, фонарик с атмосферной подзарядкой, замок от старого комбинезона и прочий хлам. Но предводитель этим пренебрег. Он снова вытянул руку, и на этот раз не оставалось сомнений, что он указывает на фламмер, висевший на груди у нашего командира. Не знаю, какое выражение в тот миг возникло на лице Старого Пирата, но по медленному движению руки, которую он положил на оружие, я понял, что он находится в нерешительности.

Отдать оружие — значит оказаться в одиночестве, самом страшном, какое только можно придумать. Особенно когда перед тобой стоят полтора десятка человек — пусть даже каждый из них едва доходит тебе до пояса. Так что я отлично понимал, почему Пират медлит. А тот, маленький, все так же стоял перед ним, требовательно протянув руку, и уверенно смотрел командиру разведчиков в глаза.

Потом старик решил. Он снял фламмер с груди. По едва заметному движению плеча я понял, что он отключил конденсаторы и заблокировал разрядник. Теперь оружие больше не могло помочь ему, но и повредить тоже.

Маленький жадно схватил оружие. Остальные вмиг окружили его, головы склонились над незнакомым предметом. Старый Пират сделал шаг назад и остановился в ожидании.

Дальнейшее произошло мгновенно. Народец внезапно брызнул в разные стороны; как раз в тот миг в голове у меня мелькнула тень догадки и исчезла, вытесненная событиями. На секунду Пират и предводитель человечков оказались наедине, лицом к лицу. Карлик вскинул фламмер. Пират не шелохнулся: он знал, что бояться нечего, хотя вряд ли ему было приятно. Затем ударила очередь. Обезвреженный фламмер ожил в руках стрелка в не свойственном ему качестве пулевого оружия, и вряд ли хоть одна из неизвестно откуда взявшихся пуль прошла мимо цели. Старый Пират рухнул навзничь. Карлики завизжали, приплясывая, их главарь скакал выше всех, и тут-то, в прыжке, его нащупал тонкий луч трассера — устройства, которое помогает нам не расходовать заряды без толку.

В следующее мгновение импульс испепелил бы плясуна, но Марк Туллий в повороте ударил стажера в челюсть. Бывалый разведчик успел бы уклониться, но у стажера не было еще нужной реакции; импульс ушел в небо, а Петя спланировал наземь и несколько секунд лежал, не приходя в себя. Мы провожали глазами уносившихся карликов, и тут снова началось: они менялись на бегу, теряли человеческий облик, и вот уже стайка птиц поднялась с поляны и исчезла за лесом, да еще несколько четвероногих, мчась галопом, скрылось за деревьями. Тогда Марк Туллий перевел взгляд на меня, Во взгляде был испуг.

— Да, — сказал я. — Я тоже видел.

Марк Туллий засопел. Стажер очнулся и сел, всхлипывая. Марк похлопал его по плечу, а я сказал — вслух, чтобы Петя понял точно:

— Не спешить — первая заповедь разведчика, паренек. Уж извини, но ты поторопился и мог сделать грязное дело. Пошли, Миша.

Я как-то сразу понял, что это было бы грязное дело. Марк Туллий кивнул, и мы быстрым шагом, не скрываясь, направились туда, где лежал Старый Пират.

Мы подошли; в глазах старика застыло удивление, маленькие дырочки наискось пересекали грудь. Я смотрел на них; пока Марк Туллий, присев, пытался найти пульс командира, одна дырочка исчезла. Марк отпустил руку командира, повернулся ко мне и спросил — тут уж он никак не мог обойтись одними междометиями:

— Ты засек тогда — с тем?

Это было не очень членораздельно, но я его понял.

— Да. Тот через пятнадцать минут был уже на дереве. Даже чуть раньше.

Марк Туллий взглянул на часы, мы уселись и принялись ждать. Прошло восемь минут, потом Старый Пират вздохнул. Мы смотрели на него. Он медленно повернул голову, теперь его взгляд был уже осмысленным. Он подобрал под себя руку, сел и покачал головой.

— Ну, как ты? — спросил я.

— Как с того света вернулся, — буркнул он. — Вот башибузуки, а?

— Да, — согласился я. — Но, понимаешь ли, они...

— Да понял я, — сказал старик. — Тут понял, когда разглядел их вблизи. — Он с усилием встал. — Однако ощущение не из самых приятных. Возраст, наверное. Да и давно уже меня не убивали.

— Они-то переносят запросто, — согласился я, — возраст, наверное. Вот и Марк тоже догадался.

Старый Пират слабо усмехнулся.

— У Марка, — проговорил он, — дома два таких разбойника, ему грех было бы не догадаться. Ну, топнули, что ли?

Мы повернулись, чтобы возвратиться туда, где ожидал нас угрюмый стажер. Он, кажется, успел даже поплакать немного от обиды — а может, мне просто показалось. Старый Пират сказал:

— Это что́ еще за траур? Хоронить меня собрался, что ли?

— Да не стрелял я! — вместо ответа крикнул стажер. — Напрасно они меня! Не стрелял! Я только подумал — врезать бы сейчас ему! — и...

Мы с Марком Туллием обменялись взглядами. Я подошел к стажеру и взглянул на индикатор фламмера. И не удержался, чтобы не присвистнуть: батарея фламмера была пуста, как бортовой журнал непостроенного корабля. Я поднял свое оружие; то же самое. Батареи разрядились подчистую. Ни о какой стрельбе не могло быть и речи — а ведь трассер сработал, и импульс был, только ушел он в молоко. Я сказал Марку Туллию:

— Явления того же порядка. Ладно, что будем делать? Поташим раму?

— Зачем? — спросил Марк Туллий. — Полетим на катере.

Я напрягся и понял, что именно он хотел сказать. Старый Пират и стажер взглянули удивленно. Великий оратор кивнул на Петю:

— Он.

— Понятно, — сказал я. — Смог выстрелить, значит, и катер сможет поднять. Если захочет.

— Пошли, — сказал Марк.

Мы взялись за раму и стали запихивать ее в катер. Тут и до Старого Пирата дошла наконец наша мысль.

— Ах, вон оно что! — протянул он. — Что ж, не лишено остроумия. Этюдъен, иди-ка сюда! — Он указал на водительское кресло. — Размещайся.

— Степан Петрович! — сказал стажер и шмыгнул носом.

— Давай, давай, — поторопил Пират. — Разговорчики!

Стажер нерешительно протиснулся мимо нас и сел.

— Сидеть всем! — скомандовал Старый Пират. — Держаться крепче!

Мы включили страховку.

— Ну хорошо, — сказал Пират протяжно, — а теперь, этюдн, вези нас домой. На корабль.

Стажер не двинулся, на лице его снова возникло выражение обиды.

— Да мы не смеемся! — сказал я как только мог убедительно. — Ты ведь не стрелял в того?

— Нет! — сердито сказал Петя. — Не стрелял!

— Но очень хотел, правда? Очень, очень?

— Ну, хотел, — проворчал он.

— Мы так и подумали. А сейчас тебе надо захотеть, сильно захотеть, очень, очень захотеть, чтобы катер поднялся в воздух, как будто двигатель работает нормально. Понимаешь? Представить себе это так же ясно, как ты представил, что стреляешь в того человечка. Так, чтобы ты сам в это поверил, понимаешь? И мы поднимемся и полетим — так же, как эти летали на своих палочках, как превращались они в зверей и птиц — в кого-угодно, потому что очень хотели и сами в это верили. Понял? Ну, давай, летим.

— Без мотора? — пробормотал стажер.

— Да ведь и они — без мотора.

Он нерешительно моргнул.

— Лучше пусть кто-нибудь из вас...

— Нет, — сказал Старый Пират. — Видишь ли, нам не суметь так. Мы не можем до конца, искренне в это поверить. Слишком много мы прожили и слишком хорошо понимаем, что к чему, что может быть и чего не может — слишком хорошо, в этом вся беда. Мы верим не в чудеса, а в абсолютные законы, мы набили себе немало синяков, стучаясь об эти законы, и страх нарушить их слишком глубоко сидит в каждом из нас. А ты еще можешь захотеть — и поверить, а поверив — суметь, потому что... Да ладно, давай-ка действуй, и не заставляй корабль и всех, кто на нем, ждать слишком долго. До Земли далеко, а всем нам не терпится увидеть кое-кого из тех, кто остался дома.

Он прямо поэтом стал, наш старик, от волнения.

— Хорошо, — тихо сказал Петя. — Я попробую.

Он закрыл глаза, сосредоточиваясь. Мы молчали, чтобы не помешать ему, и даже думали негромко, чтобы мысли не пробивались за пределы нашего мозга. Мы надеялись на стажера, недаром он был такой лопоухий и мягкий, и романтический блеск часто появлялся в его глазах.

Мы не обманулись в нем. Он положил руки на рычаги и устремил взгляд в лобовое панорамное стекло, и задышал чаще, и пригнулся — и минуты через две мы поняли, что он уже летит, только мы с катером еще оставались неподвижными. Значит, что-то мешало ему, какие-то остатки взрослого скепсиса и здравого смысла. Но помехи с каждой минутой становились все слабее. И вот катер — мы все это почувствовали — слабо дрогнул, словно лодка, стоящая на мели, когда прилив нагоняет воду и первая волна уже чуть приподняла дно. Затем катер дрогнул еще раз, сильнее — и плавно всплыл. Мы молча переглянулись. Катер набирал скорость. Еще несколько минут мы держались, кто за что придется, но потом поняли, что не упадем: стажер надежно держал катер в воздухе и вел к кораблю.

— Ты сказал «домой», — повернулся я к Пирату. — Однако, насколько я помню, экспедицию снаряжали не для того, чтобы она потеряла катер и снова нашла его; задача была — установить возможный уровень цивилизации в этой зоне. Но эта планета со всеми ее чудесами стоит вне цивилизаций, она — парадокс, не более. Так что дом мы увидим не скоро: нам еще искать и искать.

Марк Туллий удивленно взглянул на меня, а Старый Пират ответил:

— Ты не понял, Стрелок: цивилизация, которая может отвести целую планету под детскую площадку и устроить так, чтобы дети жили в своем мире, где каждая их фантазия, каждое желание исполняется как бы само собой; чтобы дети росли, полные уверенности в себе и в силе своей мысли и воображения, — это, друг мой, цивилизация, заслуживающая уважения и зависти. Техническая сторона вопроса для меня темна, но они сделали это хорошо.

— Батареи, — сказал Марк Туллий со свойственным ему красноречием. — Сели. Все.

— Да, батареи. Какое-то поле, или не знаю что. Да разве это важно?

— Правильная ли это подготовка, — усомнился я, — к предстоящей юности и зрелому возрасту?

На этот раз Марк Туллий изменил себе.

— Да почему подготовка? — с досадой спросил он. — Опять эта глупость. Ты ведь не считаешь, что твой возраст — это подготовка к старости? А Пират не думает, что его пора — это подготовка к смерти. Нет, это просто разные жизни, и каждую из них следует прожить наилучшим образом. Люди горько заблуждаются, когда пытаются в другой жизни выполнить что-то, упущенное в предыдущей: это все равно, что потерять книжку на Земле, а потом искать ее около Гаммы Лебеда. Личинка бабочки ест листья, но зря бабочка старалась бы доесть то, чего не успела, пока была гусеницей: листья — не ее корм. Наши мысли — остатки веры в вечную жизнь, вот что это такое. Нет, они молодцы — те, кто придумал это.

Мы помолчали, потрясенные красноречием Марка Туллия: ведь прозвище его (подразумевался Цицерон), как и у всех нас, шло от противного — мы не скрываем своих недостатков от друзей. Меня, например, прозвали Стрелком; но я не люблю стрелять и делаю это лишь в случаях самой крайней необходимости — когда надо выручать ребят из серьезной беды. И сейчас, глядя на уже виднеющийся впереди корабль, я задумался: а может быть, все же слишком много стреляли ребяташки на своей детской площадке? Может быть, конечно, Марк Туллий и прав, и у гусеницы — свой корм, а уж когда бабочка раскинет крылья и вспорхнет над лугом — этакий махаон или адмирал, — она и глядеть на листья не станет, потому что пришла не пожирать мир, но делать его прекраснее. Память предков живет в нас, а предки наши стреляли и по поводу, и без повода; память ищет выхода. Ну что же, пусть детишки отстреляют свое, пока они еще бессмертны; а когда повзрослеют, пусть уже не возвращаются к этому, их ждут дела прекрасные и мирные. Вот так я думал. Я дальний разведчик, и теряю покой, когда кто-то где-то начинает слишком уж увлекаться игрой в оружие. Профессиональная черта, ничего не поделаешь. Детям это, пожалуй, простительно. Но только им.

ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ, УТРО

1. Вечер. Дома

Часы показывали половину десятого. Кира лежала на диване. Стояла тишина, но что-то тревожное мешало ей быть полным безмолвием. Кира чувствовала себя так, как если бы кто-то настойчиво смотрел на нее. Она подняла голову. Кто-то сидел в кресле и действительно смотрел на нее.

Она не испугалась; скорей удивилась. Но человек встал, и она увидела, что это Александр; и у нее захватило дыхание. Александр стоял перед нею и улыбался, и тут Кира ощутила, как в нее проникает страх. Наверное, так и должно происходить, когда человек становится свидетелем чуда.

2. Минувшим днем. Спутник «Большой Космостарт»

Обратный путь был еще короче.

Но прежде был путь туда. Они держались за руки и молчали; любое сказанное слово опять ввергло бы их в тот иррациональный разговор, который они успели уже возненавидеть.

После обычной для приземельского кораблика тесноты внутренность прозрачной сферы, куда они попали, показалась обширной. Снаружи, доступный взорам, поднимался крутой и высокий борт «Летающего среди звезд». Он был ярко освещен, и телекамеры неотрывно держали его под прицелом. Глухие голоса провожавших блуждали, отражаясь от вогнутых стен. Шуршала обертка наивных пакетиков, приго-

товленных в последний момент; их втискивали в каменные ладони уезжающих — совали так заискивающе-настойчиво, словно в измятых свертках находились талисманы любви и памяти. То тут, то там вспыхивали последние поцелуи — искры между навечно размыкающимися контактами, громкие, краткие и ненужные.

Затянувшееся ожидание накалилось до предела. Люди чувствовали, как теряют они равновесие, балансируя на грани отчаяния и одиночества. Наиболее решительные уже перешагнули мыслями через то, что навсегда уходило из жизни, и обратились к тому, что должно было в ней остаться. И Кира почувствовала, что Александр — после того, как он пробормотал невнятное «жди» и она вымученно улыбнулась в ответ, — расстался с нею, хотя еще стоял рядом и рука могла дотронуться до него.

Сигнал они расслышали не сразу. Телеоператоры экстатически изогнулись, принимая к видеоискателям. Путники какое-то малое мгновение толпились около выхода. Потом они скрылись, и последний, вырвавшись, проскользнул между уже начавшими смыкаться створками. Серо-зеленый борт стал отдаляться; в пронесшемся вздохе были ужас и облегчение вместе. Но это еще только зал прощаний, покинутый экипажем звездолета, заскользил по направляющим, укрываясь под защиту конструкций стартового спутника. Стал виден весь корабль, затем и рамка из черного неба. Всех чуть качнуло; это зал, чьи прозрачные переборки были, наверное, сделаны из отвердевших слез, вернулся на свое место в системе сооружений спутника «Большой Космостарт». «Летающий среди звезд», из рода длинных кораблей, висел устойчиво, словно центр мироздания. Но настал миг, и вселенная пошатнулась. Стартовые двигатели выговорили слово «прощай», уходящее в бесконечность. По вселенной прошла рябь, а когда унялась, одним кораблем стало меньше в мире людей, одной звездой больше на небе Земли.

На этом все кончалось. Звезда должна была исчезнуть в избранном направлении со скоростью, близкой к известному людям пределу. Ей предстояло вновь возникнуть и превратиться в корабль через пятьсот лет. Поэтому все и кончалось: прожить пятьсот лет не под силу даже человеку, не расстававшемуся ни с кем и никогда.

Оставшиеся заговорили было громко и бодро. Но они находились еще в космосе, а космос не терпит фальши, и вскоре искренность взяла верх, овеществившись в слезах. До того их сдерживали усилием, которое никто и никогда не сможет оценить, — сдерживали, чтобы не стало еще тяжелее на сердце у избранных лететь. Тяжесть на сердце мешает в пути больше, чем целые тонны другого груза, и оставшиеся приняли на себя и это бремя. Нет, не сказать, чтобы великая техника облегчила людям поиск новых материков!

Кира тоже плакала, неумело от непривычки. Она охотно отошла бы в угол, но в круглом зале не было углов; она лишь повернулась к стене и опустила голову пониже. Была тишина и приглушенные всхлипы не нарушали ее, а лишь подчеркивали глубину безмолвия. Показавшийся на пороге внутренней двери человек, уважая горе, тоже не сказал ни слова; только поднял руку, приглашая. Никто не заметил жеста. Тогда он сдержанно кашлянул; звук показался оглушительным, все вздрогнули и обернулись.

В салон ожидавшего их кораблика люди входили по одиночке, и по одному рассаживались. Свободных мест осталось много, а когда летели с Земли, их не было вовсе. Вспыхнули экраны. Планета плавно накатывалась на корабль. Гул двигателей протиснулся в салон. Забормотал автомат-информатор, советуя проверить защитную систему. Все было так же, когда летели сюда, — и совсем иначе: сейчас было всего лишь безжизненное отражение в зеркале — мнимое, как говорят оптики. Женщина закусила губу и почувствовала, как опять влажнеют щеки. Но космодром уже распахнулся перед нею, необъятное пастбище кораблей.

Посадка совершилась в ликующем грохоте: корабли редко сочувствуют людям. К вокзалу Кира шла по местами выжженной траве, пренебрегая туннелем. Она подставляла лицо ветерку, чтобы скорее высохли слезы. Пилоты приземельского корабля стояли поодаль, они были хмуры и прятали глаза, словно стыдились того, что вернулись в свой порт и семьи вскоре увидят их, а те, кто улетел, не вернутся ни в этом, ни во многих будущих поколениях и жены не встретят их никогда. Кира прошла мимо пилотов, высокомерно подняв заплаканное лицо и глядя покрасневшими глазами поверх голов. Но пилоты не обиделись; младший

из них пробормотал что-то о церемонии, в которой их кораблю была отведена немаловажная роль катафалка. Улететь безвозвратно всегда казалось ему завидным уделом; но сейчас, глядя вслед удаляющейся женщине, он впервые подумал, что человек — за чем бы ни устремлялся он, — едва ли не большее оставляет тут, на старой планете. Ему захотелось догнать женщину. Но Кира уже скрылась в путанице высоких мачт и косых плоскостей вокзала, за которым взлетели аграпланы, заставляя воздух на миг закручиваться смерчем.

3. Днем. Город

Через час с небольшим Кира сошла с рейсового аграплана на аэродроме своего города и направилась домой пешком, избрав самый длинный путь.

В городе был праздник. Звездные экспедиции уходят не часто, и каждая из них — торжество не одних только улетевших. Все вышли на улицы. Жилища, начинавшиеся у земли мощным стволом и ветвившиеся наверху на множество отростков, медленно меняли краски. Плавно вращались площади, звучала музыка и везде танцевали люди. Взрывался фейерверк. Грудами лежали цветы; лепестки их налипали на подошвы, запах разносился далеко. Кира шла, погруженная в странные, непонятные до конца ей самой мысли и ощущения. Она не замечала, как люди протягивали ей руки, чтобы вовлечь ее, грустью выделявшуюся из остальных, в общее веселье. Потом руки опускались: ее узнавали, она была такой же, как на экранах, когда транслировался старт. Несколько раз с нею заговаривали. Она смутно понимала, что говорили о героизме Александра — и ее самой, отпустившей его и оставшейся в жизни одинокой, навсегда одинокой — подразумевалось, что никто не будет в силах вытеснить из ее сердца облик человека, чье имя будут с уважением произносить в столетиях. Кира торопливо кивала и улыбалась, потом уходила — кажется, не очень вежливо; люди при этом на мгновение ощущали себя виноватыми, хотя их вины в происшедшем не было. Кира шла, и запах раздавленных цветов провожал ее.

Затем она свернула с магистрали и углубилась в сеть улиц и улочек, до которых так и не докатилась еще волна реконструкции. Одно- и двухэтажные домики прятались в обширных садах, ожидая своего часа. Плоские кровли чередовались с острыми — плодом недавнего увлечения стариной; окна — то круглые, то стрельчатые, то просто квадратные — сменялись прозрачными стенами. Все архитектурные моды последних столетий демонстрировались здесь, как на выставке. Когда-то это развлекало Киру; Александр уверял даже, что многие ее проекты были навеяны этой мешаниной стилей. На самом же деле Кира, привыкнув, перестала замечать окружающее, и сейчас воспринимала многое с таким острым удивлением, словно оказалась здесь впервые.

Каблуки глухо ударяли о тротуар, а раньше они звенели четко. Но Кира не могла теперь идти так, как ходила, когда он был рядом. Лишь на миг она представила, что Александр опять вышагивает на расстоянии ладони; боль оказалась даже более сильной, чем можно было ожидать, и горькой на вкус. Наверное, так горьки бывают те яды, от которых ни люди, ни сама природа не изобрели противоядия, что не мешало людям подчас принимать их.

Мысль о ядах оказалась неожиданно уместной, потому что понятие о смерти всегда соседствует с ней. Александр никогда больше не пойдет рядом. Как если бы он умер. Кроме безысходности, в этой мысли оказалась и неожиданная прочность; в следующий миг прочность стала призрочной. Умер — значит умер. Но Александр жив, и память о нем — не воспоминания о покойном. Кто-то сейчас слышит — и будет слышать — его смех, смотрит — и будет смотреть — в его глаза. Нет, все куда сложнее...

Эти мысли помешали ей как следует приготовиться к встрече с домом, который неслышно подкрался и вдруг встал на пути. Кира остановилась бессознательно и еще несколько секунд пыталась понять, что же задержало ее; поняв, она даже не улыбнулась собственной рассеянности. Здесь они жили: Александр любил уединение. Дикий виноград нависал над окнами, подобно зреющей лавине, острая крыша казалась носом изготовившегося к прыжку корабля. Отныне Кира ненавидела корабли, поэтому дом показался ей враждебным и она остановилась у калитки, не в силах отворить ее.

Стоя на тротуаре и переминаясь с ноги на ногу, она внезапно ощутила свою незащищенность перед будущим. В доме затаилось Одиночество, с которым ей отныне придется дружить. Ей захотелось оттянуть встречу. Она глубоко вздохнула; запах цветов из садика донесся до нее и напомнил другие цветы, на площади. Именно там — сейчас она словно заново услышала и слова, и интонацию — именно там ей сказали о предстоящем одиночестве. Надо было прожить еще много лет, и прожить их одной. Раньше ей было некогда задумываться о том, что все, бывшее в жизни и казавшееся лишь началом, на самом деле шло к концу — и кончилось. Она была теперь Жена Героя — живого Героя, но вечно отсутствующего; такой ей и предстояло остаться, чего бы это ни стоило. Иначе... Почему это всем кажется, что самые тяжелые испытания придутся на долю улетевших? А что станет с оставшимися — кто подумал об этом? Совершать подвиги легче, чем ждать, когда ждать нечего. Можно только укрыться...

Она покачала головой и медленным движением затворила уже открывшуюся калитку.

В этом доме ей не укрыться. Здесь поджидают ее Одиночество и Память. Она будет лишь Хранительницей Памяти. Но, может быть, укрываться и не надо? Может быть, начать все сначала? Многое забыть, многое вспомнить заново. Уйти отсюда. Бросить все — кроме разве материалов проекта и еще нескольких мелочей, которые все уместятся в эту сумку. И пусть Одиночество шелкает зубами: ему не под силу окажется укунить ее!

Она решительно тряхнула головой и пошла к дому. Поставила ногу на ступеньку крыльца. И опять остановилась. Да, все так, и кто-то будет смотреть Александру в глаза. Но зайти домой даже только для того, чтобы собраться, было страшно. Она боялась, что ее решимость останется снаружи, за дверью.

Она сжала губы, досадуя сама на себя. И услышала шаги. Кто-то торопливо шел, приближаясь; кусты мешали ей разглядеть, кто, но шаги были мужскими. Внезапно Кира поняла: надо войти в дом не одной, а с кем-то. Она попросит прохожего побыть с ней четверть часа. Выпить чашку кофе. Сама она за эти минуты спокойно соберется, попрощается с

Одинокством. И, поблагодарив незнакомца, выйдет вместе с ним, даже не оглядываясь.

План ей понравился, и она поспешила к калитке. Шаги прозвучали рядом. Она встретила глазами с прохожим. И растерянно улыбнулась:

— Ты?

Он сказал:

— Ты не ожидала, не правда ли?

Она ответила:

— Да.

— Плохо, — сказал он, — быть чужим на празднике, правда? Я еще тогда говорил тебе, что так будет. Ты не поверила. Но я все равно пришел. Может быть, я понадобится. Тебе будет тоскливо. Я очень долго ждал.

— Разве? — спросила она. — Ты приходил не так уж редко.

— Приходил к Александру. Как-никак, мы занимались одним и тем же.

— Да, — сказала Кира. — Но он улетел.

— А я остался. Знаешь, почему? Потому, что осталась ты. Я ведь тоже мог бы улететь. Я не хуже его. Но он оставил тебя. А я не мог. Пригласи меня в дом.

Сама не зная почему, Кира послушно сказала:

— Входи.

Как бы компенсируя уступку, она толкнула дверь сердито. Смешно! И страшно глупо. Но он поможет собраться. И прийти в себя. А потом уйдет. И она больше никогда его не увидит.

4. Сумерки. Дома

— Подожди здесь, — сказала она. — Там, кажется, беспорядок.

Гость остановился в прихожей. Он положил руку на плечо Кире, ничем не прикрытое: лето стояло жаркое. Рука показалась горячей. Кира осторожно сняла его ладонь, как сняла бы шаль. Затем вошла в комнату и затворила за собой дверь.

Было полутемно. Голубая пелена затягивала окна; так это осталось с утра. Кира нащарила кнопку. Посветлело, лишь в углу сохранилась словно бы дымка; возможно, именно здесь

начиналось бесконечное пространство, в котором сейчас неся Александр, с каждой секундой удаляясь от Киры на все большее число километров. Все предметы стояли на своих местах. Никакого беспорядка. Жаль, что мебель на месте: ей следовало разбрестись, перемешаться, опрокинуться вверх ногами — создать другую, непривычную обстановку и дать Кире возможность заняться делом. Тогда она, может быть, забыла бы и невнятный страх, и человека, который ждет в прихожей. Можно, кстати, пригласить его. Нет, еще минутку помедлить. Пусть подождет...

Кира медленно обошла комнату. Взяла с полки легкий темно-серый камень. Его в самом начале их знакомства привез с Луны Александр. Вспомнив об этом, Кира с досадой положила камень на место. Сделала несколько шагов — осторожно, словно пол грозил провалиться при каждом из них... Кто упрекнет ее и в чем? Кто вправе решать за нее, как прожить ей остальную, немалую часть жизни? Одиночество не страшно, если оно не навязано тебе извне — людьми, обстоятельствами. Все то, что навязано, вызывает желание бороться и отрицать... Она подошла к двери в спальню. Дверь была приотворена, за ней царил беспорядок, разбросанная постель (автоматика была выключена) еще хранила, казалось, тепло тел: ее и Александра. Кира плотно прикрыла дверь, резко повернулась и направилась в его кабинет.

Глубокие кресла хранили спокойствие, со стен глядели портреты знаменитых теоретиков и капитанов. На письменном столе белел листок бумаги. Кира торопливо схватила его, перевернула; листок был чист. Следов не осталось, но в каждом углу комнаты свила гнездо память. Она была похожа на птицу: не оставляла следов в полете, но вила гнездо из всего, что попадалось. Неразборчивая птица и, наверное, хищная. Не был ли памятью тот орел, что терзал Прометея?

Неподвижно стоя у стола, она услышала, как тот, в прихожей, кашлянул. Она мысленно позвала его и тотчас услышала шаги. Человек вошел в соседнюю комнату. Кира стояла, не шевелясь, затаив дыхание. Шаги стихли, потом возобновились. Дверь отворилась беззвучно. Он вошел. Кира почувствовала, что в следующий миг он дотронется до нее. И она ударит его — яростно и не один раз. Есть вещи, которых нельзя делать на кладбище — хотя бы и надежд.

Она стремительно повернулась.

— С тех пор ничто не изменилось, — сказала она, стараясь, чтобы слова прозвучали как можно спокойнее. — И не изменится.

Руки опустились; несколько секунд он смотрел ей в глаза. Она не отвела взгляда.

— Это не для меня, а для тебя, — сказал он. — Но ты еще не поняла. Я поторопился. Я приду завтра. С утра.

Поклонившись, он вышел. Кира слышала, как за ним затворилась и наружная дверь. Тогда она почувствовала, что колени дрожат и пот выступил на лбу, и опустилась на диван.

— Тварь! — сказала она о себе. — Спешешь убедиться, что ничего еще не потеряно? погоди, вот вернется Алька, он тебе...

Она оборвала себя на полуслове, потому что последнее было сказано по инерции (она и раньше упрекала себя так, если что-то не клеилось), но сейчас, уже произнеся эти слова, она поняла вдруг, что Александр и в самом деле может еще вернуться!

Она подобрала ноги и оперлась локтем на подушку.

И в самом деле: вовсе не трудно было предположить, что на корабле случилась какая-то незначительная авария. Не подвергая опасности жизнь людей, поломка вынудила бы улетевших возвратиться. Могло произойти и другое: в последний момент экспедиции порой отменяются из-за каких-то новых соображений, которые в науке возникают еще неожиданнее, чем в других отраслях деятельности. Так что не успевший еще как следует разогнаться корабль теперь, быть может, уже возвращался. Это было возможно; это было реально. Остальное — например, что ученые экспедиции, занимавшиеся, кроме всего прочего, и проблемами времени, найдут в пути способ обратить парадокс времени — было нереальным, хотя Александр с друзьями иногда и мечтали об этом вслух. Если бы это удалось, люди долетели бы до источника странных сигналов и успели вернуться, а на Земле прошло бы не пятьсот, а пять лет — или месяцев, или недель. Но в это они и сами, кажется, не верили всерьез, а вот поломка — это скромно и убедительно, такое случается чуть ли не каждый день. Так много места еще для надежды! Как же могла, как смела Кира потерять эту надежду сразу же?

Она почувствовала, как вновь поднимаются слезы, а вместе с ними — та боль, что родилась на «Большом Космостарте». Кира уткнулась лицом в подушку. Рука Александра — бесплотная, неощутимая — прикоснулась к ее волосам, и это открыло путь слезам. Заболела голова; это было приятно, боль отвлекала от другой, сильнейшей. Кира подумала, что надо встать и найти порошок, или еще лучше — принять ионный душ. Но вставать не хотелось. Проклятая нерешительность! Нерешительность во всем... Самое лучшее — перестать быть женщиной. Забыть. Архитектура — разве одного этого мало? «Пусть мне приснится новый театр», — подумала Кира, засыпая.

5. Вечер. Дома

Ей снилось, что Александр вернулся. Как она и предполагала, что-то приключилось и экспедицию отозвали. Кире снилось, что она проснулась утром и Александр уже пришел домой; он расхаживал по кабинету, а она лежала у себя, как обычно. Но Кира вспомнила, что уснула она в кабинете, и поняла, что это сон. Тогда она проснулась.

Александр и в самом деле вернулся. Она спала в его кабинете, а он ходил по соседней комнате и напевал какую-то песенку. Кира почему-то была раздета, хотя уснула одетой, это она твердо помнила. Она сделала попытку натянуть на себя одеяло, но внезапно еще раз проснулась, и поняла, что и это был сон. Она лежала одетая, но Александр все-таки был здесь. Он обнял ее и начал целовать, и это было очень хорошо. Но сердце ее почему-то сжала боль, и она опять проснулась, теперь, кажется, окончательно.

Часы показывали половину десятого; были глубокие сумерки. Часы мелко постукивали на руке, перед ее глазами. Кира лежала на диване все так же, лицом вниз. Стояла тишина, но что-то тревожное и безымянное мешало ей быть полным безмолвием. Кира почувствовала себя так, словно кто-то настойчиво смотрел на нее. Она провела ладонью по ногам, пытаясь натянуть юбку на колени, но осталось ощущение, что некто упорно не сводит с нее глаз. Она резко потрянула головой, ощущение не прошло. Тогда Кира медленно повернулась на бок.

Сон продолжался. Александр сидел в кресле и смотрел на нее. Ей показалось, что он улыбается. Были сумерки, но Кира сразу узнала его и испугалась, что больше никогда не сможет проснуться, что сон этот будет продолжаться всю жизнь.

Она подняла голову. Александр пошевелился и улыбнулся еще шире. Его обычная улыбка могла Кире присниться. Но на подбородке заметный в полосе света, падавшего из соседней комнаты, темнел шрам, которого еще сегодня утром не было, и он-то присниться наверняка не мог, раз его раньше не было. Или мог?

Мысли обгоняли одна другую. Сон? Кажется, нет. Хуже: болезнь? Александр выглядел совсем живым, но кто знает, как бывает это при болезни? Но, будь это так, врачи уже примчались бы: здоровье каждого человека находится под контролем днем и ночью, автоматы не спят. Значит, не болезнь?

— Неужели это ты? — спросила она шепотом.

Он на миг стал серьезен и потянул себя за ухо — как всегда в затруднительных случаях.

— В общем, — сказал он, — это я.

— погоди, погоди, — торопливо проговорила Кира. — Сейчас... еще восьмое июля. Да? (Он кивнул). Половина десятого. Да?

— Тридцать три, — сказал он.

— Пусть, — согласилась она. — И ты улети сегодня.

— Сегодня, — подтвердил Александр. — Вот именно. Восьмого июля... сего года. Забавно, а?

Ей это не показалось забавным. Исполнялись желания и свершались чудеса, хотя в глубине души Кира всегда знала, что свершиться им не придется. Убитое Одиночество умирало в углу. Кире вдруг захотелось закричать, громко и торжествующе. Все-таки самой сильной оказалась она, сильнее науки, сильнее пространства. А объяснения найдутся, коль скоро событие уже произошло! Кира напряглась, чтобы, вскочив, преодолеть последние сантиметры разделявшего их расстояния и обнять Александра, но что-то непонятное удержало ее, и она не двинулась с места, а лишь спросила:

— Что забавно?

— Да так, пустяки... Ну, как ты живешь?

— Я? — Кира удивилась: что могло произойти в ее жизни за эти несколько часов? В следующий миг она покраснела, но в темноте этого нельзя было увидеть.

— Постой, — сказала она. — Вы же, наверное, не успели там даже пообедать! Я закажу что-нибудь.

— Не стоит, — успокоил Александр. — Я не голоден.

— Тогда закажи что-нибудь сам. — Кира смотрела на него, но губы Александра не шевельнулись, как обычно, в усилии скрыть ту улыбку, какой он обыкновенно встречал разные мелкие проявления женской непоследовательности. Все же она поторопилась объяснить:

— Я что-то проголодалась.

— Закажу, — пообещал он. — Вино и еще что-нибудь.

Он поднялся с кресла и секунду постоял, оглядываясь, словно что-то ища или вспоминая, потом шагнул в угол и включил кристаллофон. Кира любила вечерами слушать музыку, нужный кристалл всегда был наготове. Мелодия зазвучала, и Александр взглянул на Киру с таким победным видом, будто сделал что-то очень сложное. Затем вышел в соседнюю комнату и завозился там. Кира лежала и улыбалась. Ей было не просто хорошо: было чудесно.

— А где миан? — спросил Александр оттуда.

— Что, что?

Александр помолчал.

— Нет, ничего, — пробормотал он через несколько секунд и вошел в кабинет. — Заказал, — удовлетворенно сообщил он, снова уселся в кресло и стал как-то странно, внимательно и настороженно смотреть на Киру, как будто ожидая от нее чего-то необычного. Потом улынулся:

— Никак не можешь опомниться?

Она слегка смутилась: она и в самом деле все еще переживала обрушившееся на нее счастье, а ведь несколько часов назад совсем уже разуверилась в нем... Александр никогда не должен был узнать о ее малодушии, и Кира почти совсем искренне сказала:

— Я знала, что так будет. Не веришь? Честное слово!

Она хотела закончить фразу обычным «Алька», — она любила называть его так. Но снова что-то помешало ей, словно то, что он — Алька, еще не было окончательно доказано.

— Я верю, — сказал он.

— Верь. Так расскажи, что у вас случилось.

— Сначала лучше ты. Что ты делала все это время?

Кира вздохнула.

— Совсем ничего. Вернулась с «Космостарта», прилетела в город. Был праздник... — Она умолкла на миг, прислушиваясь; ей почудилось, что какие-то отзвуки празднества еще и сейчас долетали сюда, но это, наверное, была иллюзия: какой же праздник, раз корабль вернулся? Или никто еще не знает?.. — Пришла домой, — Кира медленно загибала пальцы, Александр вдруг присел на диван и поцеловал эти пальцы, но Кира высвободилась: не надо было торопить события. — Ну, поревела. Легла спать. Проснулась — а ты уже здесь.

— А я уже здесь, — отдельно повторил он за нею. — Правда. Вот я и здесь. Ах, черт возьми!

— Что?

— Ничего. Я уже здесь, вот что.

— Восемь часов прошло, — подсчитала Кира. — У вас что-нибудь испортилось? Я так и думала. Я поняла сразу, как только увидела ваш корабль: в такой машине не может не испортиться что-нибудь.

— Да нет, — сказал Александр. — В общем, все было в норме.

— Почему же вы вернулись? Рассказывай... — Она почувствовала прикосновение его руки и торопливо поднялась. — Нет, подожди. Переоденусь сначала. Не зажигай свет, я вся мятая. Твое вино, наверное, уже пришло. Похозяйничай сам, хорошо?

Она пробежала в свою спальню; переодеваясь там, следила, как в соседней полутемной комнате двигалась большая и ловкая фигура. Кира еще раз почувствовала себя самой счастливой, но тут же спохватилась: Александр, кажется, совсем не так рад, в нем чувствуется какая-то напряженность. Конечно же: экспедиция не состоялась, а он мечтал о ней столько лет... Кире сделалось стыдно, и она виновато проговорила:

— Ты, наверное, жалеешь?

— О чем? — откликнулся он из соседней комнаты.

Кира причесывалась перед зеркалом, и в нем сейчас отразился Александр; он остановился в дверях, удивленно подняв брови.

— Ну, о том, что не удалось слетать.

— А-а, — протянул он после мига молчания, потом засмеялся: — Нет, интересно все-таки... — Вдруг он стал очень серьезным и сказал, как будто произнося клятву: — Я очень счастлив, Кир. Очень. Поверь.

Он подошел к ней сзади, обнял, и она почувствовала, как дрожат его руки и углубляется дыхание. Она и сама не могла больше справиться с сердцем, выбивавшим праздничный благовест. За окном стояла тьма... Внезапно Кира резко повернулась и оттолкнула Александра. Отступив на шаг, он остановился — обиженный, недоумевающий... Кира пробормотала:

— Прости, мне нехорошо... Я сейчас.

Не дожидаясь ответа, она проскользнула мимо него и с облегчением вздохнула лишь в прихожей. Она чувствовала, что избежала опасности, которую ощутила внезапно: что-то сказало ей, что рядом — не Александр, что чужой человек обнимает ее и в следующий миг произойдет непоправимое... На миг возникло сумасшедшее желание: открыть дверь и бежать из дому, Александр не догонит, она всегда бегала лучше... Кира невольно усмехнулась: если это все же Александр, то бежать незачем. Все-таки она постояла минуту-другую на пороге, открыв наружную дверь. Небо в той стороне, где был центр, порозовело на миг. Фейерверк? Праздник не кончился. Значит? Плотно сжав губы, она затворила дверь, пересекла прихожую и вошла в автоматную. Приблизившись к информатору, послала вызов:

— Что нового о «Летащем среди звезд»?

Ответ последовал сразу: по-видимому, она была далеко не единственной, кого интересовала сегодня судьба корабля.

— Все в порядке. Разгон продолжается. Вышли из зоны видеосвязи, но микрофонная пока устойчива, хотя запоздание велико.

— Спасибо, — машинально поблагодарила она. Корабль и не думал возвращаться, и, значит, Александр был там, а не здесь.

А почему, собственно, «значит»? «Летающий» с таким же успехом может разгоняться и с дублером Александра, правда?

Она вызвала службу внешней связи и назвала себя.

— Могу ли я еще заказать разговор с кораблем?

Наверное, она и тут оказалась не первой: у многих возникло желание послать вдогонку улетающим последнее, самое последнее «прости». Ответивший ей голос не выказал ни удивления, ни удовольствия.

— Произошло что-нибудь исключительное?

— Да, — ответила она без колебаний.

— Что именно?

Кира молчала, не зная, что ответить.

— Что же? — повторил голос. Затем произнес: — Мы передадим ваш привет во время очередного сеанса связи. Всего доброго!

Зазвучал сигнал отбоя, и Кира медленно отошла от аппарата. Постояв немного, вздохнула и решительно вошла в комнату.

Александр сидел, опустив голову. Кира сказала сразу, боясь передумать:

— Ты обиделся? Я и сама не понимаю, в чем дело. Но...

Все остальное, что она собиралась сказать, она проглотила: так несчастен был этот, сидящий в слабом, почти сумеречном свете человек, что сказать остальное значило — совсем растоптать его. И потом, это же все-таки Александр, что бы там ни чудилось!

— Это пройдет, — сказала она. — Уже прошло.

Она заставила себя подойти к нему вплотную — так, что он мог бы снова обнять ее, если бы захотел. Александр не пошевелился. Он лишь пробормотал:

— Я понимаю...

— Это от сумерек, — неуверенно произнесла она. — Знаешь, бывает так...

— Ты хотела есть, — сказал Александр. — Все готово.

Он встал и включил яркий свет, и Кира стала вглядываться в него внимательно, как в незнакомого.

6. Между вечером и ночью. Дома

Да, это был все-таки Александр, но какой-то странный. Они расстались считанные часы тому назад, но он изменился намного сильнее, чем можно было ожидать. Кира не заметила этого сразу же потому, что стояли сумерки, и еще потому, что знала: это — Александр; так что не было нужды

пристально вглядываться в его давно уже изученное лицо. В миг, когда ей почудилось, что это — кто-то другой, каждая черточка его лица, выхваченная отдельно, стала, наоборот, казаться ей незнакомой, как это бывает с любым привычным словом, если повторять его множество раз, вслушиваясь, как будто встречаешься с ним впервые; слово начинает казаться чужим, странным и лишенным смысла. Теперь же она вглядывалась в Александра осмысленно, и с каждым мгновением удивление ее возрастало все более.

Раньше она заметила только шрам. Сейчас показалось странным, что она не увидела сразу и многое другое. Можно было подумать, что прошли годы: черты лица Александра стали суше, резче, кожа покрыта загаром — а ведь он этим летом почти не успел загореть. Морщинки у глаз и поперек лба. Он выглядит куда старше, чем следовало бы. Наверное, так выглядел его отец. Впрочем, Кира никогда не видела ни отца Александра, ни матери, погибшей тогда же, там же, в месте с трудно запоминаемым склонением и прямым восхождением.

— Слушай, да у тебя седых волос полно! — проговорила она почти с ужасом. — Неужели приключилось что-то серьезное? Или это ваши перегрузки так старят человека? Какими же вы стали бы, если бы действительно улетели? Хотя что я говорю, — перебила она себя, — ведь корабль летит, и только ты — здесь. В чем дело?

Его молчание казалось ей угрожающим.

— Что-то случилось именно с тобой? Почему ты вернулся? Ты испугался? Нет? Почему же?

Александр невесело усмехнулся.

— Как бы там ни было, — сказал он, — сядь сначала. И выпьем за встречу.

Поднявшись, он отодвинул стул, подождал, пока Кира уселась, сел сам и налил вина:

— За встречу!

Он выпил до дна. Кира пригубила, отодвинула бокал, поставила локти на стол, оперлась подбородком о ладони:

— Итак, я слушаю.

— Что тебе рассказать?

— Почему ты вернулся?

— Потому что я и должен был вернуться.

— Вот как! А другие?

— И они тоже.

— Тогда экспедиция не состоялась бы. Но корабль летит! Я только что узнавала.

— И передала мне привет?

— Д-да... Но что же с экспедицией? Ничего больше не понимаю.

— Видишь ли, — Александр помолчал, словно подыскивая слова. — Экспедиция, в общем, состоялась.

— Ну, так... Что? Погоди. Не поняла.

— Она состоялась, Кир. И я был с ней от начала до конца.

— Пожалуйста, — сказала она, потирая виски, — пожалуйста, не смейся надо мной. Ты знаешь, я ничего не понимаю в ваших тонкостях. Состоялась, и ты — здесь? Постой! — она вскочила. — Вам удалось это... Ну, вы об этом говорили между собой... инверсия времени?

— Нет, — сказал он после паузы. — Это не оправдалось.

Кира снова опустилась на стул:

— Но ты же...

Не закончив, она протянула руку над столом и коснулась пальцев Александра, и крепко сжала их, как будто то, что он — из плоти и крови, нужно было в доказательствах. Только после этого она договорила:

— Но ты же вернулся так... сразу!

— Мы долетели. И вернулись на Землю. Вот, в общем, все. Лицо Киры выражало ужас:

— Сколько же вы находились в полете?

— Своих — десять лет. Там, на месте, мы были недолго. Мы не садились на планеты.

— Десять лет! А здесь прошло... меньше девяти часов? Да нет, что ты говоришь! — голос ее зазвучал надтреснуто, глаза заблестели. — Уж лучше сразу скажи мне, что я сошла с ума! — Она залпом выпила вино и закашлялась. Прошло несколько секунд, пока она снова смогла говорить. — Нет, это, конечно, сон. Сейчас я повернусь на другой бок, и ты исчезнешь. Ты только во сне — здесь. Сколько же прошло времени?

— На Земле, — произнес он, глядя на нее с сочувствием, — прошло пятьсот лет, как и полагалось по расчету времени. Сон...

Это было бы очень просто, если бы ты спала. На самом деле все сложнее. Одним словом, мы прилетели через пятьсот лет.

Она медленно положила ладони на грудь.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я не привидение. Говоря самыми простыми словами, я сейчас — из будущего. Из того, через пятьсот лет, в котором мы оказались. Там, через пять веков, уже существует, — правильнее, наверное, сказать: будет существовать — аппаратура, нужная для перехронизации. Нет, не бойся, — торопливо продолжал он, заметив, как Кира вскинула брови. — Я не стану объяснять, это сложное дело, я не понимаю даже некоторых принципиальных положений. — Он пожал плечами, как бы удивляясь тому, что не может понять чего-то. — Мы ведь тут задумывались о чем-то подобном — искали доказательства симметрии времени и даже, кажется, находили порой: сначала в физике элементарных частиц, потом — в метагалактической астрономии... Но это оказалось не тем путем. То есть, симметрия существует, но ее не так легко использовать. Там, в будущем, это стало ясно уже лет двести назад... через триста лет, с нашей точки зрения. Нам сейчас не удавалось и долго еще не удастся решить проблему потому, что мы исходим из представлений об одномерном симметричном времени, а в одном измерении поворот невозможен. Допустимо обратное движение — но тогда необходима фаза остановки, нулевая, а остановка времени означает... Короче говоря, необходимо было выйти во второе измерение времени, а для этого предстояло еще доказать его существование. Доказать же они смогли лишь тогда...

Он внезапно умолк, поняв, что Кира не слушает его. По обыкновению, он увлекся, не понимая, что собеседнику нужно время для того, чтобы свыкнуться с идеями, которые ему самому казались уже без малого тривиальными. Наступило молчание — такое глубокое, что ему потребовалась темнота. Кира поднялась и нажала выключатель; заполнявший комнату свет потускнел, затем собрался в небольшой, напоминавший шаровую молнию ком, и ком этот внезапно исчез.

Ночь захлестнула комнату. Во мгле едва угадывались очертания предметов; какие-то детали костюма Александра зеленовато мерцали, и неизвестно как забредший с улицы лучик света преломился в бутылке с вином и исходил из нее. Александр сидел, неподвижный, как на фотографии. Только рука

его шарила по столу, движения пальцев, задевавших луч, казались осмысленными — рука искала что-то, чего не было на столе и что в той, другой жизни, обязательно должно было быть — так обязательно, что даже вошло в привычку. Странно — именно это непроизвольное движение заставило Киру поверить в то, что Александр говорит правду; в следующую минуту она подумала и о том, как, наверное, тяжело ему скрывать свои новые привычки, приобретенные за десять лет полета и еще два — пребывания в будущем, и восстанавливать старые, основательно, как, видно, забытые. Он делал это, чтобы не показаться ей чужим, и сердце ее сжалось, когда она подумала, что это не поможет ни ему, ни ей: все-таки он стал посторонним — совсем другой человек, намного старше, с иным опытом и новым мышлением, и даже состоял он теперь из вещества тех, будущих времен. Восстановить прежнее невозможно, инстинкт не зря удержал ее, когда предстоящая близость уже туманила разум... Нет, настоящий Алька сейчас удалялся от планеты, заключенный в гулком теле корабля, а этот человек, оказавшийся здесь вопреки логике и естеству, лишь пытался занять место подлинного! Ей пришлось повторить эту мысль, потому что в сознании что-то с этим соглашалось, но что-то и протестовало; Александр был тут, недалеко, он дышал рядом; лежала тьма — великий союзник непонятного; воздух в комнате, казалось, накалился, и в каждом углу таилась опасность. Необходимо было сию же минуту уйти из дома на улицу, где тоже была ночь, но без такого мрака и тишины, где все привычное не обступало бы ее так тесно и ничто не угрожало бы памяти и верности.

Она резко поднялась; стул упал за ней, и она вздрогнула.

— Душно. Нет, нет, — она скорее угадала, чем заметила его движение к кондиционеру. — Не надо. Пойдем лучше гулять. Ты ведь хочешь взглянуть на город? Совсем забыл его, наверное. Дай мне плащ.

— По-моему, тепло.

— Все равно, дай.

Он медленно поднялся. Кира напряженно вглядывалась в темноту. Шаги Александра прозвучали, затем замерли. Возобновились. Послышалось легкое жужжание: открылся стеной шкаф. Он вспомнил; но что с того? И так понятно, что он — это он, а не самозванец.

— Вот, — сказал он, подходя и нашаривая ее руку.

— Слушай, — неожиданно спросила она. — Тебе было хорошо там?

Он промолчал. Дверь плавно затворилась за ними, и Кира облегченно вздохнула.

7. Ночь. На улице

Они были на улице, где можно просто идти и разговаривать, не боясь ничего. Улица принадлежала всем, не только Александру — Альке, и не была так тесно связана с памятью о нем. Они неторопливо шли, стены домов и мостовая слабо светились, звезд высыпало, казалось, раза в два больше, чем всегда. Изредка звучали шаги прохожих, еще реже проносилась запоздавшая машина, и в этой пустоте и тишине Кира внезапно успокоилась. Она поняла, что надо сделать; всю жизнь она была честной с Александром, как и с каждым человеком, и теперь следовало только откровенно сказать ему, что она не в силах отождествить его с улетевающим Алькой, и поэтому ему нечего ждать от нее. Она скажет; сейчас она постепенно подведет разговор к этому, и...

— Какая ночь, правда? Но ты не ответил: там было хорошо?

Он отозвался через несколько шагов:

— Интересно, во всяком случае.

— Ты был один все это время?

— Почему? — удивился он. — Вернулись все, никто не погиб.

— Я не это имею в виду.

Тогда он понял.

— Но ведь есть ты, — сказал он медленно. — Кто еще мог быть?

Кира почувствовала укол совести. И даже что-то похожее на нежность, шевельнулось в ней. Но поддаться этому чувству было бы нечестно. К тому же слова его нуждались в уточнении.

— И сюда — вот так — вы тоже вернулись все?

— Нет. Только я.

— Почему?

- Разве я не обещал тебе вернуться?
 - Ага: чтобы сдержать слово? Похвально.
 - Я тебя чем-то обидел? Почему ты сердишься?
- Она подавила вздох:
- А как это тебе удалось? — Он пожал плечами:
 - Подвезли.

Кира кивнула. Взяли, подвезли за пятьсот лет. Постучали: это какая эпоха? Здравствуйте, к вам гости...

- Что же будет? — спросила она.
- Не знаю... — пробормотал он.
- Да я не об этом. И давно они так — летают по времени?
- Нет. Им долго не хватало опытных данных, фактов.

Потом они их получили — около двух лет назад. Техническое воплощение заняло немного месяцев.

- Значит, они к нам летают? Или это запрещено?

— Может, и летают, — неуверенно сказал он. — Не исключено. Этим занимается служба хроногации, я не очень осведомлен о ее делах: я ведь не хронофизик. Но если и бывают здесь, то так, чтобы мы не заметили.

— Выходит, мы не знаем, а они, быть может, за нами наблюдают? И судят по-своему?

— А раньше? — Александр усмехнулся. — Даже и до этого — куда было деваться от потомков? Все равно они вспоминали... и судили. Просто мы забываем об этом, а надо бы помнить всегда.

Кира покачала головой. Наблюдают и судят. Осудят ли ее сурово за те слова, что скажет она Александру? Нет: за откровенность не карают. Но как трудно начать...

— Ты часто вспоминал меня? — задала она обычный вопрос.

- Не забывал. Так что вспоминать не было нужды.
- А не будь меня здесь, ты бы вернулся?
- Нет, — ответил он, не задумываясь. — Я... Нет.
- Наверное, вскоре ты начнешь жалеть, что приехал.
- Нет, — сказал он. — Это мне не грозит.

Кира внимательно посмотрела на него:

- Расскажи что-нибудь о них. Например, что там носят?

— Как одеваются? — Он задумался; потом развел руками. — Да по-разному... Знаешь, я как-то не обратил внимания, — он виновато глянул на нее.

Кира усмехнулась:

— Ну, что-нибудь другое.

— О будущем? — Он помедлил. — Тогда надо вспомнить, что было и чего не было тут, в наших днях.

— Ты уже забыл? — Против воли, в ее словах прозвучало легкое раздражение, словно Кира была полномочным представителем этого времени, и вина перед эпохой становилась виной и перед нею, Кирой.

— Образовалась этакая забавная смесь в голове. А кроме того, они не рекомендуют рассказывать.

— Боятся, что мы не поверим?

— Нет, почему же... Но там многое иначе, не только в науке или технике, но и в культуре, в отношениях между людьми, во всем. Понятно: полтысячелетия не может пройти, не изменив ничего.

Кира сказала резко; она даже не ожидала, что получится так резко:

— Отношения между людьми? Наверное, они стали намного проще, чем в наше время? Признайся откровенно.

На этот раз он понял сразу:

— Я ведь говорю не о себе.

— Прости, — смутилась она, удивляясь внезапному приступу ревности. — Где ты там живешь?

— В общем, — сказал он, — координаты те же.

— В нашем городе?

— Даже почти в нашем доме. Хотя дома этого нет, пожалуй, уже очень давно.

Кира улыбнулась, не очень весело:

— Конечно, пятьсот лет... Рассказывай дальше. Им пригодились то, что вы привезли?

— В какой-то мере — да. Они не посылали экспедиций в этот район, считая его малоперспективным. Так и получилось: мы рассчитывали встретить старые цивилизации, а нашли кипящие и фыркающие планеты.

— Погоди, а сигналы, которые были приняты?

— Это были не сигналы. Вернее, сигналы, но не те. Кстати, именно этот феномен — сигналы — и дал возможность...

Он набрал побольше воздуха в легкие, и Кира поняла, что объяснение будет пространным. Ей было интересно услышать рассказ о работе экспедиции, но, чтобы слушать и

понимать, надо было прежде избавиться от того камня, который лежал у нее на сердце и состоял из сплава неискренности и недоговоренности.

— Слушай, — сказала она решительно. — Пока ты еще не начал рассказывать об этом... Я хочу, чтобы ты понял. Ты и я... Мы не можем, не вправе. Не вправе быть вместе, понимаешь? Ты, конечно, останешься в своем доме. А я...

Он прервал ее, коснувшись руки.

— Я не останусь в своем доме, — сказал он невесело, — и все это не нужно, потому что времени у меня — всего лишь до утра. До утра, и ни секундой больше.

8. Ночь. За городом

Она остановилась и стояла долго, а его слова все звенели в ее ушах. Она сначала даже не поняла, что он сказал: так неожиданно, так вразрез ее уверенности это прозвучало. И поэтому первое, что она смогла сказать, выглядело беспомощно:

— Ты шутишь!

Он потянул себя за ухо:

— Утром экспедиция будет возвращаться. Она заберет меня.

— Значит, ты уже заранее решил?..

— Это не зависит от моего желания. Видишь ли, теперь мое время — то, будущее, а здесь я нахожусь лишь в гостях. Жить в чужом времени можно только под защитой энергетических экранов. А они пока что не могут действовать не только бесконечно, но даже сколько-нибудь продолжительное время без дозарядки.

— Где же эти экраны? Я их не вижу.

— Поле неосязаемо. А источник его — вот он, вшит под кожу. Дай-ка руку...

Он растегнул куртку, и Кира, колебавшись, положила ладонь на его грудь, справа. Действительно, под кожей ее пальцы почувствовали что-то небольшое и округлое. Она медленно отняла руку, ощущая, как невдалеке бьется его сердце.

— Этой батареей, — сказал он чуть хриплым голосом, — хватает на двенадцать часов.

— Двенадцать часов! — ужаснулась она. — Сколько же их прошло? — Она взглянула на часы, пытаясь различить стрелки в ночном мраке, потом перевела взгляд на Александра. — Когда ты приехал? Я ведь спала...

— Прошло, в общей сложности, около трех часов — считая с момента старта.

— О, как много уже, как много, — почти простонала она.

— Ну, — утешил он, — ты, во всяком случае, успеешь сказать все, что хотела.

— Ах, перестань! — крикнула она. — Я ведь не знала, как ты не понимаешь!

— Разве что-то изменилось?

Кира недоуменно посмотрела на него, потом нахмурилась.

В самом деле: что же изменилось? Она не испытывала к человеку любви и твердо решила расстаться с ним в ближайшие же часы. Оказалось, что он все равно должен в эти же ближайшие часы уйти, исчезнуть окончательно. Что изменилось? Или все это было хитростью и в глубине души она знала, что не расстанется с ним, и хотела лишь наказать его — за что же? Она не нашла ответа, но чувствовала, что изменилось все.

— Нет, — пробормотала она невнятно. — Ты меня не понял. Я хотела только сказать...

Она ждала, что Александр прервет ее и тем поможет, потому что она и сама не знала теперь — что же хотела сказать. Но Александр молчал, он только смотрел на нее и улыбался, зубы его белели во тьме.

— Я хотела сказать... Я думала...

Он и в самом деле сжалился:

— В общем, я так и понял. Что же мы стоим? Чудесный воздух. Там, в будущем, климат нормализован, и жизнь проходит главным образом на воздухе. Идем дальше. Так что строится сейчас? Театр?

Она кивнула, зная, что Александр, несмотря на темноту, чувствует каждое ее движение.

— Да, по моему проекту. — Ее не удивил вопрос о том, что еще полсуток назад было очень хорошо известно Александру: ведь полсуток прошло для нее, для него же — больше десятилетия.

— Ну, идем же!

Но Кира схватила его за руку. Александр внимательно посмотрел на нее, нагнувшись, приблизив лицо к самому ее лицу. Через секунду Кира отвела взгляд и выпустила его руку.

— Нет, — сказал он. — Не надо... так. Не хочу. Станет только хуже. Пойдем.

Теперь он взял ее под руку, и Кира повиновалась. Они пошли молча, не глядя друг на друга, но ощущая близость идущего рядом. Город кончился; справа все ближе к дороге подступал лес, слева приближалась река, оттуда повеяло влажным ветерком. Это было как раз кстати, потому что Кира почувствовала, что лицо ее горит, и не только от смущения, но и от гнева.

Значит, судьба все-таки обманула ее! Поддразнила, позволила на миг почувствовать себя всемогущей, могущей выбирать между одной и другой любовью, а на самом деле выбора не было, из двух у нее не оставалось ни одной, ничего не оставалось, кроме памяти, и память эта была горькой. Одиночество ухмыльнулось издали, а за его спиной маячил тот, приходивший сегодня и обещавший прийти завтра, и это было еще хуже, потому что необъятна разница между тоской и любовью. Любовь шла рядом, отвергнутая с ходу... Но может быть, Александр пришел с намерением остаться, и только неласковый прием заставил его заговорить о расставании навсегда? Как она могла хоть на миг вообразить, что не любит его? Что случилось с ней?

— Послушай, но у тебя ведь, наверное, есть какие-то запасные батареи! Не может быть, чтобы все ограничивалось двенадцатью часами. А как живут в экспедициях?

— Они подзаряжают батареи, — ответил Александр сразу же. — У экспедиций — большой запас энергии.

— Ага! Их можно заряжать?

— Конечно. Заряд наводится, индуцируется.

— Значит, ты можешь дома...

Он невольно улыбнулся.

— К сожалению, это доступно только там. Если бы я попытался зарядить батарею здесь, даже будь у меня вся аппаратура — городская сеть мгновенно вышла бы из строя.

— И никак нельзя? Но ведь это опасно! А если они опоздают?

Он кашлянул:

— Все может быть, конечно. В будущем тоже так: все может быть. Но если случится, то легко и безболезненно. Мгновенно.

— Значит, ты все-таки уйдешь, — почти без звука сказала она.

— Да.

Кира прижалась к нему как можно теснее, стараясь не нарушать ритма в котором они шагали. Потом отстранилась:

— Ну, что же... Но если ты просто сердисься за то... Я была очень обижена на тебя, понимаешь? Чуть не наделала всяких глупостей. И в самом деле: ты меня оставил; все равно, ради чего — но это обидно. И когда ты вернулся, обида еще не успела пройти. Ведь для меня минуло всего лишь несколько часов! А теперь — я считала, что времени у нас бесконечно много. И обидела тебя. Не намеренно, и все же... Так что расстанемся мы самым глупым образом.

— Да нет, — сказал он. — Я не обиделся.

Но Кира не была уверена в его искренности.

— Тогда придумай что-нибудь, Алька, милый... — впервые за эти часы Кира назвала его так и сама удивилась тому, что это получилось у нее легко и естественно, и никакого неприятного осадка не осталось на душе; наоборот — вспыхнула мгновенная радость: оба они, прежний Александр и этот, слились в одного человека, слились, наконец! Она не задумывалась над тем, что причиной этого слияния был тот страх потери, который она пережила утром, провожая Альку — первого, и теперь, ночью, готовясь проводить второго. Эти чувства слились и помогли ей почувствовать, что это — один и тот же человек, один и тот же... — Слушай, а если обратиться к энергетикам? Может быть, они найдут способ зарядить тебя?

Они даже не заметили смешного оборота речи.

— Мало надежды: нет такой аппаратуры. Но пусть даже... а что дальше? Дважды в сутки повторять процесс дозарядки им не под силу; и потом, жить все время привязанным к их генераторам? Существовать на правах безнадежно больного? Нет, это была бы плохая жизнь.

— Ну да, я понимаю, — суховати проговорила она после паузы. — Конечно, тебе там интересно и ты не хочешь возвращаться в нашу отсталую эпоху. Что же, ты прав. Я, на-

пример, тоже ни за что не отправилась бы туда: не представляю, что где-то может быть интереснее, чем у нас.

Александр покосился на нее и на миг сбился с шага. Кира едва заметила это, продолжая:

— В тамошней благодати ты однажды просто вспомнил, что где-то в темном прошлом живет женщина, когда-то близкая тебе, и приехал рассеяться. Так ведь? Развлечение не удалось, прости меня за это. И уезжай, уезжай...

У нее перехватило горло. Она резко дернула руку, чтобы вырваться, но Александр удержал ее и прижал к себе. Они остановились, он гладил ее по волосам, она всхлипывала, прижавшись лицом к его груди. Так они простояли долго.

— Прости, — повторила она наконец. — Не знаю, что я тут наговорила. Забудь. Пойдем, и рассказывай что-нибудь, я скоро приду в себя. Ну, например, о полетах. Там тоже летают?

— Да. И далеко; мы и мечтать не могли о таких маршрутах.

— В какое же будущее прилетают они?

— Они возвращаются в свою эпоху. К звездам летают в гиперпространстве. Другие корабли, иные принципы движения. Нам, релятивистам, они удивляются: говорят, что для таких полетов надо было обладать громадным мужеством.

— Наверное, очень приятно — быть эталоном мужества для целой эпохи!

— Не думаю, чтобы у них его было меньше. Просто возникли иные формы проявления. Но они правы в том, что покинуть свое время — самое страшное. Ведь родная земля — это не только территория. Это еще и время. Я живу в этом же городе. Но тот ли это город, если вдуматься? В центре, например, где сейчас возвышаются эти ветвистые дома, у них, через пятьсот лет, находится...

— Нет! — почти крикнула она. — Не надо! Молчи!

Это нельзя слушать даже в самом лучшем настроении. Это ведь были ее дома, она придумала их, была ведущим архитектором, строительство закончилось совсем недавно — год назад. Это новые дома, и тяжело слышать, что когда-то на этом месте будет — или есть? — уже что-то совсем другое, а ветвистые здания, жалкие и безнадежно устаревшие, снесены и вывезены, как мусор. Ты работаешь и думаешь, что

это надолго, но кто знает, каким на самом деле будет срок, в течение которого твоя мысль послужит людям?.. Кира не стала говорить этого вслух, но Александр догадался сам.

— Извини, — сказал он. — Я помолчу.

— Нет, говори. Только о другом, пожалуйста. Расскажи, как вы там живете, чем заняты...

— Как живем? Трудно ответить исчерпывающе. Мы привыкаем, или уже привыкли, и они тоже привыкли к нам. Конечно, и привыкнув, мы отличаемся от них.

— Там много таких, как вы?

— Нет. И не будет много: после нас состоится еще лишь одна релятивистская экспедиция, она уйдет через два года. Потом Земля перестанет их посылать.

— Почему?

— Начнется разработка гиперпространственных полетов. Ты не устала? Пойдем помедленнее.

— Нет, я чувствую себя хорошо. Чем вы там занимаетесь?

Александр ответил не сразу, и пауза сказала Кире, что с этим, наверное, не все в порядке. Александр шел и насвистывал какую-то протяжную мелодию.

— Чем занимаемся... — ответил он наконец. — Выбор там не узок. Пилоты все так же летают. — Он вздохнул. — На приземельских линиях.

Звездники на приземельских линиях — не дальше Луны — это было немного, и Кира отлично поняла это.

— А ты?

— Нет. Я ведь никогда не был пилотом, и к тому же за десять лет можно соскучиться по Земле на всю жизнь. Первые месяц-два после возвращения мы вообще не могли делать ничего другого, только ходили и смотрели. Не потому, чтобы что-то казалось нам странным, а просто — это была Земля...

— Значит, по-прежнему астрофизика?

— На сей раз хронофизика, это интереснее.

— Ты же говорил, что ты не хронофизик!

— Да, — сказал он резко. — Я — что-то вроде лаборанта. Ясно? На настоящую науку меня не хватает. Да и всех остальных.

— Почему же именно хронофизика?

— Так уж получилось. Приехав, мы заинтересовали в первую очередь именно представителей этой науки.

— Сегодня из тебя приходится каждое слово вытягивать. Пойми же, мне интересно!

— Ну, нам удалось получить в полете некоторые факты; не будь их, вопрос о втором измерении времени и сейчас стоял бы на месте. Хотя объективно мы не были готовы заниматься такими вопросами: нам просто повезло. Установленные факты никуда не укладывались, интерпретировать их нам, естественно, было не по силам. Но когда мы вернулись и представили отчеты экспедиции, их физики ухватились за наши наблюдения и смогли построить теорию и даже провести строгий эксперимент. Некогда опыт Майкельсона пригодился для вывода теории относительности. А на этот раз те самые сигналы, на поиски источника которых мы летели, оказались... Как бы это сказать... Я ведь не популяризатор, лучше дома я напишу тебе уравнения...

— Ну, хоть как-нибудь!

— В общем, это были сигналы, посланные в будущее и изогнувшиеся во времени вследствие определенного стечения обстоятельств, а мы сыграли в этом некоторую роль — не наш корабль, конечно, но явления, возникшие в результате наших действий, астрофизических экспериментов, зондирования звезды... В этом роде, понимаешь? Конечно, нам такая интерпретация фактов и в голову не пришла, но существенным оказалось то, что уже там, в полете, кто-то все-таки попытался связать их с проблемой времени; иначе все это не нашло бы отражения в материалах экспедиции и люди будущего еще некоторое время о них ничего не узнали бы. Вот так обстояло дело.

— А тот человек, который подумал о времени... наверное, он гений?

— Да нет, — сказал Александр. — Какой там гений.

— Но он смог...

— Наверное, время чем-то досадило ему. И он во что бы то ни стало хотел перехитрить время. В общем, конечно, сложно понять...

— Знаешь, — сказала Кира, — в твоих уравнениях я, наверное, не разберусь, как бы ни старалась. Но ведь это не

значит, что я не могу понять ничего. Скажи: как вы там живете? Не только — что изучаете. Как живете?

Коснувшись ладонью ее волос, он задержал на них свою руку, потом рука соскользнула; Александр вгляделся в свою ладонь, то ли пытаясь найти на ней след прикосновения, то ли желая прочесть слова, которыми следовало ответить.

— Как живем? Представь: мы прилетели. Мы кто?

— Герои, — не задумываясь, ответила Кира.

— Герои. И по их представлениям — куда большие, чем по нашим. Естественно, всегда то, что представляется предкам нормой жизни, потомкам кажется сплошным преодолением трудностей. Так что для них мы преодолели не только то, что действительно было трудным, но и справились с тем, с чем, по нашему разумению, и справляться не надо было — это само собой подразумевалось. Иная эпоха, иной уровень жизни...

— Да. Итак, прилетели герои...

— Именно. Мы и в самом деле потратили много сил: такие полеты очень нелемки. Понемногу приходили в себя. Потянулись к работе. Они, потомки, это отлично понимали; менее всего они похожи на людей, способных чем-то удовлетвориться прежде времени, прожить без полного напряжения сил...

— Прости, я перебую. А на кого они вообще похожи?

— То есть? На людей... На нас с тобой: биологически люди не эволюционируют, во всяком случае, там это еще незаметно. Да, так они отлично понимали, какая перед нами трудность. Ведь, возвратившись почти сказочными героями и оставаясь такими — допустим на минуту — на весь остаток жизни, а мы не успели состариться, как видишь (он согнул руку, напрягая бицепс), мы ни в чем не разочаровались бы и никого бы в себе не разочаровали, в то время как начав заниматься тем же, чем занимались они, и неизбежно проявляя вначале беспомощность, делая кучу ошибок, заслуживая если не осуждения, то, во всяком случае, критики, мы могли перестать ощущать свою полезность.

— Но почему же? Ты ведь считался хорошим специалистом, а знания уже сегодня можно усваивать с такой быстротой, что за какой-нибудь месяц...

— Дело не в знаниях. — Он коротко рассмеялся, и Кира даже вздрогнула: так похож был этот смешок на его привычную манеру. — Наверное, я приехал специально, чтобы пожаловаться... Поплакать на груди. Вероятно, так оно и есть. Человек ведь редко сознает, в какой именно миг он достиг своей вершины. Ему хочется делать еще и еще... Пока ты жив, твоя жизнь еще не оправдана; ты не отдал всего, что можешь. Хочется отдавать. А на деле... Пока мы кажемся себе чем-то очень условным — этакая помесь древнего дедушки с несмышленным внуком; сумма, которая при делении все-таки не дает в среднем взрослого человека, способного разговаривать с ними, с потомками, на равных.

— Но почему же, я не понимаю!

— Мы слишком инертны, — с досадой сказал он. — Инерция мышления, интеллекта... Разум не может мгновенно приспособиться к совершенно новому. Он будет действовать по старым канонам, наперекор даже фактам и логике. Препятствия мы преодолеваем с помощью рассудка, но что может повлиять на него самого? Только другой интеллект; но тут есть, очевидно, нечто, подобное биологической несовместимости: психологическая несовместимость, что ли? Просто привить чужую мысль — если ты всем ходом жизни не подготовлен к ее восприятию — нельзя, она, как и чужая плоть, отомрет, будет отторгнута, произойдет некроз. Чтобы этого не произошло, разум надо предварительно подготовить, как готовят тело. Этим наши потомки и занимаются — с переменным успехом.

Он помолчал.

— Дело не в том, что мы чего-то не знаем. Мы — не чувствуем. Слишком много принципиально новых идей, и мы пока еще не готовы к их восприятию, хотя уже вызубрили уравнения. Легко научить человека говорить, что бога нет, — куда труднее заставить его даже в самых тяжелых случаях не обращать глаза к небу. Конечно, мы со всем согласны, потому что не можем опровергнуть. Но чтобы творить, недостаточно соглашаться или даже быть уверенным; надо дышать идеями, как воздухом. Но кислородом дышат и рыбы, и люди; только рыбы извлекают его из водного раствора и гибнут на воздухе, хотя усваивать кислород воздуха, казалось бы, куда легче. Так вот, мы привык-

ли дышать в воде и не можем иначе — только шевелим жабрами...

Он грустно усмехнулся и даже показал ладонями — как это они шевелят жабрами. Это действительно было смешно.

— Ну вот, я поплакал. Тебе не противно?

— Глупость. Слушай, а если бы ты заранее знал, что будет так, ты не полетел бы, правда?

Это можно было, пожалуй, принять за скрытый упрек: вот каково покидать меня, так хоть покайся напоследок! Александр поднял голову.

— А куда же я делся бы? — проговорил он удивленно. — Полет был неизбежен, даже больше — нужен.

— Ну, пусть, — сказала она со вздохом. — Значит, потомки вам помогают. Ну и чудесно.

— Видишь ли, все дело в том, что для нас из истории Земли выпало пятьсот лет. Это много. История оказалась разрезанной: кончалась на дне отлета и возобновлялась в день прилета, а между ними оказался ров в пятьсот лет. Его надо было засыпать. Шаг за шагом проследить весь ход человеческой мысли за эти пять столетий. От одной научной революции к другой. Подойти к последним выводам по достаточно пологому подъему.

— И это вам под силу?

— Да — если есть все нужные условия.

— У тебя они есть?

— Не все, — пробормотал он. — Ну, ладно. Послушай, мы оказались где-то...

— Вот река.

— Я имею в виду разговор. Кира... осталась немного часов. Давай проведем их так, словно ничего не случилось. Не было экспедиции. Мы не расставались. Просто гуляем, как обычно.

— Хорошо, — сказала она, решив, что это и впрямь самое лучшее. Он неизбежно уйдет; она неизбежно останется. И пусть все будет так, как он хочет: ведь все-таки он пришел к ней, а не наоборот.

Они шли берегом реки. Город остался далеко позади; в эту эпоху города обрывались сразу, не отделенные от лесов и лугов кольцом предприятий и свалок. Временами задувал ветерок — и смолкал, точно ему лень было дуть; листьям тоже

было лень шевелиться и шуршать, катерам не хотелось двигаться, и они дремали на приколе, а попадавшимися изредка парам не надо было говорить, и они молчали. Только звездам хотелось светить, и они горели, и мерцали, и звали стремящееся вдаль человечество, а реке хотелось течь, и она текла, и отражала звезды, и играла с ними, легко перебрасывая светила с одной волны на другую. Вода не стремилась к звездам, потому что светила были в ней, а рекам этого достаточно; только человеку мало тех звезд, которые живут в нем, и он ищет, и всегда будет искать еще и другие. Река текла, изредка в ней всплескивала рыба; один раз тихо проскользнула лодка — еще кому-то, видно, не спалось, но он был один и поверял свои мысли лодке и реке. Они же по-своему отвечали ему, и он понимал их язык, как всякий человек может понять язык реки, язык деревьев, язык звезд, стоит лишь ему вспомнить, что и река, и деревья, и звезды — это та же материя, из которой возник и он сам, и так же существуют во времени. Но вот язык времени — можно ли понять его? Можно ли доказать времени, что очень жестоко — забирать самого дорогого человека и забрасывать его далеко, очень далеко, и делать это так, чтобы он даже не чувствовал себя виноватым!

— Значит, гуляем, как обычно?

— Конечно.

— А я не могу, как обычно! Никто не вынесет этого: дважды в течение суток расставаться навеки с одним и тем же — с тобой! Это мука: делать вид, что мы гуляем, как всегда, хотя каждый миг я помню, что все лучшее — позади. Как мне жаль того, что позади, Алька! Будь это возможно — я без конца возвращалась бы и возвращалась назад, в самые счастливые дни жизни, и переживала бы их заново. Но вот ты можешь вернуться, а я — нет, мне придется жить от одной встречи с тобою до другой, а ведь они, наверное, будут происходить не часто. Ты жесток; ты лишил меня даже надежды на то, что обстоятельства заставят вас возвратиться через неделю или через год. А ты хочешь, чтобы я гуляла с тобой, как в прошлом, которое для меня неповторимо, и думала о будущем, которое недостижимо. Я не хочу! Не хочу сейчас быть счастливой: тем тяжелее будет потом. Вы ушли, а мы, оставшиеся, перестали быть нужными вам...

— Ты ничего не понимаешь! — крикнул он. — Как это — не нужны? Ты — это и есть то, чего потомки мне дать не в состоянии, и без чего мне никогда не перешагнуть через все эти века. Разве это не ясно?

Кира внезапно остановилась и схватила его за руки.

— Алька! — сказала она.

— Ну, да! — сказал он. — В этом все дело.

— Я чувствовала, что ты прилетел не просто так. Я нужна тебе там. Потому что тебе без меня плохо!

— Да, — сказал он. — Мне без тебя очень плохо.

— Я же ничего не могу сделать. Или могу? Говори!

— Если бы захотела, — после паузы сказал Александр, — ты бы смогла.

9. Перед рассветом. За городом

Кира не поверила своим ушам — так это прозвучало просто. Она наморщила лоб:

— Я бы смогла... Что я смогла бы?

— Быть со мною. Там.

— Да говори же, пожалуйста, не иероглифами!

Она вспылила; это было еще ничего, она готова была его ударить, и не как-нибудь, а больно.

— Почему ты не объяснил сразу же, что прилетел за мной?

— Видишь ли... Ты ведь сказала, что ни за что не расстанешься со своим временем.

— Но ведь я не знала! Ты был такой благополучный, такой гордый и независимый, а я распухла от рева... Поворачиваем.

— Куда?

— Домой! Раз я могу что-то сделать, я не стану терять времени. И объясни мне все. Скорее. Ну?

Он подчинился.

— Помнишь, я говорил еще об одной релятивистской экспедиции — последней? Там, в будущем, мы уже получили ее сигналы. Она стартовала через два года после нас, корабль ее обладал теми же характеристиками, — он сейчас уже почти готов, скоро начнется его монтаж на орбите. Параметры рейса подобны нашим. Расчет времени показывает...

— Ну, ты же не на кафедре!

— Короче говоря, они должны были вернуться на Землю тоже через два года после нас. А после нашего финиша прошло уже почти столько времени. Так что до их прибытия — там, в будущем, — осталось, ну, месяца два.

— Через два месяца ты встретишь их там?

— Вот именно.

— Трудно поверить. Но раз это говоришь ты...

— А главное — участники экспедиции, возвратившись, станут нашими современниками!

— Понятно, — тихо проговорила Кира. — Значит, я должна принять участие в этой экспедиции.

Она помолчала, пытаясь представить, насколько сложна задача.

— И для этого я должна стать специалистом в одной из космических наук?

— Или в космической технике. Но не просто специалистом — одним из лучших. Конкурс будет жестким, если судить по тому, как отбирали нас.

— И всего за два года?

— Вдвое быстрее: состав экспедиции утверждается за год до отлета, разве ты не помнишь?

— А у меня еще на полгода работы с театром...

— Брось ее.

Кира покачала головой.

— Не могу. Проект надо закончить.

— Почему?

— А почему ты не мог не лететь?

Александр замедлил шаги.

— Что же, некуда торопиться, если так...

Он произнес это со вздохом, но Кире показалось, что кроме сожаления, в его вздохе и еще что-то. Она с подозрением взглянула на него.

— Кажется, ты не совсем искренен.

Александр молчал.

— Не хочешь говорить? Но ты напрасно сомневаешься, Алька. Мне выносливости не занимать, я закончу проект — и за это же время стану специалистом. Одним из лучших. Стану, ты понимаешь? Веришь?

— Верю, — кивнул он, потому что действительно верил. — Хотя ты не представляешь себе, какой это труд.

— Ничего. Там ведь понадобятся специалисты по строительству станций на планетах?

— Да, такие предусмотрены в экспедициях.

— Вот этим я и займусь. Такая работа мне под силу. Я ведь не самый плохой архитектор в мире, — похвасталась она, хотя Александр уже давно знал, что она была хорошим архитектором. — А что касается работы в космосе... остановись на минутку. — Раскрыв сумочку, Кира торопливо рылась в ней. — На, возьми... И это поддержи...

— Зачем?

— Просто мне надо найти одну вещь. Ага!

Она вытащила плоскую коробочку телеабонента. Выдвинув тоненькую антенну, включила. — Ну вот, научная микротека — прекрасная помощница. Называй побыстрее!

— Что же? — спросил он, но тут же понял. — Так... Программы общей подготовки для кандидатов в звездные экспедиции, с дополнениями прошлого и этого годов — четыре кристалла...

Кира негромко повторила, поднеся коробочку к губам. Через секунду на поверхности коробочки зажглась синяя точка: заказ был принят.

— Основы космического строительства — два кристалла... Минералогия планет... Стройматериалы: организация производства и использование в условиях систем звезд класса К... Космостроительная техника... Атмосферы планет, издание этого года... Дальше: архитектура внеземных станций... Биологическая защита... Водо- и воздухоснабжение в известных и предполагаемых условиях, два кристалла...

— Не так быстро, — Кира положила пальцы на его рукав и продолжала посылать заказы. Александр продиктовал еще десяток названий, после чего Кира назвала адрес и выключила аппарат.

— Я использую свою технику, — сказала она, — буду учиться наяву и во сне. Ты доволен? Ну, говори же: ты счастлив, ты уверен во мне больше, чем когда-либо, ты простишь мне за это все... что могло быть!

Александр стоял, держа в ладонях содержимое ее сумочки.

— Опять молчишь? Да сунь все это в сумку!

— Кира, милая... Главного ты пока не знаешь.

Его тон снова не понравился ей:

— Слушаю?

— Понимаешь... мы там, в будущем, знаем, что эта экспедиция возвращается. Но, судя по сообщениям, она оказалась не столь удачной, как наша. Они возвращаются, но не все. Не все!

— Понимаю.

— Мы еще не знаем, сколько погибло, и главное — кто...

— Я полечу.

— Но если...

— А я не боюсь. Есть ради чего рисковать.

— Ты хочешь сказать — ради меня?

— Ради себя самой: ведь и ты нужен мне. «А кое-кто напрасно ждал все эти годы, — подумала она внезапно. Что же, его жаль. Но помочь нечем».

— А я говорю откровенно, Кира: я боюсь.

— Зачем же ты... зачем ты дал эту надежду?

— Не знаю, что со мной, — сказал Александр хмуро. — Я ехал к тебе именно затем, чтобы позвать. И был уверен: ни с одним из нас ничего не может случиться. Даже в момент разрыва...

— Что это? Объясни.

— Просто термин хронодинамики. Явление, сопутствующее началу поворота во времени, выходу во второе измерение, момент наименьшей устойчивости системы. Бывали случаи, когда...

— Когда происходили катастрофы?

— Ну, что-то в этом роде. Но даже и в это время я был уверен, что все кончится благополучно. Знал, что еще увижу тебя, а сейчас — боюсь. И думаю, что не имею права посылать тебя в опасность.

— Да разве ты меня посылаешь? Я лечу сама. Кстати, я и без тебя додумалась бы до этого. Не понимаю одного: судя по твоему рассказу, эта техника для перемещения во времени у вас еще не очень совершенна. Как же они берут пассажиров?

— Каких пассажиров?

— Взяли же тебя!

— Ну... мм... Я очень попросил.

— Алька! — сказала она настойчиво. — Ну-ка, взгляни на меня!

— Ну, я имел в конце-концов право...

— Ага! Какое же? Молчишь? Кто обнаружил эти сигналы в экспедиции? И кто связал их с проблемой времени?

— Тот, кому повезло, — ответил Александр, пожимая плечами.

— Милый, твои ответы, как загадки для детей: разгадка тут же, она просто написана вверх ногами. Я ведь знаю, чем ты должен был заниматься на корабле! Даже больше: я не забыла, о чем вы спорили еще до отлета.

— С Евгением? Он возражал. Но его сопротивление и помогло мне потом найти нужную точку зрения.

— Бедный Евгений, — сказала Кира, подавляя возникшее на миг искушение рассказать о сегодняшнем визите этого человека. — А теперь скажи: что помогло тебе пережить время?

Александр потянул себя за ухо и сказал:

— Ты.

— И после этого ты хочешь, чтобы я не шла на риск? Послушай, если ты просто намерен заставить решать меня одну, это не получится, можешь не умывать рук. Я тебе по-настоящему нужна там?

— Еще как! Я же объяснил тебе...

— Вот ты и решил. Потому что слово «лети» — всего лишь другой способ выразить то же самое. Итак, через два месяца мы окажемся вместе — и навсегда!

— Но для тебя пройдут не два месяца, Кир: двенадцать лет, и не таких уж легких.

— Ты же перенес их! А я выносливее тебя. И сейчас у меня еще прибавилось сил. Мне только хочется представить все как можно яснее. Вообрази: время прошло, я прилетела и мы встретились снова. Как это произойдет?

— Будет хорошая погода, — начал он после паузы. — Весь город переселится на пляж. Я привезу тебя туда прямо с космодрома. Возьмем яхту. Под парусами уйдем на острова...

— Погоди, какие острова?

— А? Ну, там они есть, ты увидишь. Очень оригинальная кон...

— А потом?

— Пойдем в концерт. А ночью поплывем в подводный город. Хочешь в подводный город?

— Куда угодно, — сказала она. — Только с тобой.

— А мне угодно, — проговорил Александр, — нести тебя на руках.

Он и в самом деле поднял ее на руки и понес — он и раньше носил ее так и не уставал, силы в нем было много, и двенадцать лет, кажется, ее не убавили.

— Вот так я унесу тебя к морю. Будем просто лежать на песке и загорать.

— Или строить из песка взвезмные станции, — сказала Кира, делая вид, будто засыпает у него на руках. Но тут же напрягла мускулы, чтобы высвободиться: она была слишком возбуждена и ей не хотелось покоя.

— Да, — сказал Александр, помогая ей встать на ноги. — Так оно и будет.

— Не пойму одного, — сказала Кира, оправляя плащ. — Разве ты не мог перед тем, как вернуться ко мне, найти в архивах список улетевших с последней экспедицией?

— Возможно, я и сумел бы, — задумчиво ответил он. — Хотя трудно проследить за судьбой каждого отдельного человека. Я не пытался, потому что... ну, потому что боялся не найти там твоего имени.

Кира кивнула. Они возвращались в город другим путем, все время держась близ реки, уходя от зари, которая догоняла их. Позади, на горизонте, возникла яркая полоса и быстро расширялась. Ее отблеск поднялся выше деревьев. Кира взглянула вверх. Звезды гасли, но солнце уже готовилось сиять, и птицы пробовали голоса.

— А птицы там есть?

— Птицы, и цветы, и все. Тебе там понравится.

Кира кивнула, представляя себе тот мир, легкий и элегантный, и уже отыскивая свое место в нем.

— А как там строят? Расскажи.

— Ну, ты же знаешь, — я ничего в этом не понимаю.

— Просто опиши, что видел.

— Попробую, — вздохнул он. — Представляю, как беспомощно это прозвучит для специалиста...

Он стал рассказывать, рисуя в воздухе руками, и один раз даже остановился, чтобы нацарапать на песке контуры — получилась какая-то виноградная гроздь. Рассветные бестеневые сумерки делали линии почти неразличимыми, но Кира разобралась и пожала плечами:

— Не понимаю, какой в этом смысл.

— Они ведь не связаны гравитацией, у них в каждой системе свой центр тяготения, — пояснил Александр. — Наше направление верх — низ в данном случае неприменимо.

— Ах, вот оно что...

Все было новым и странным, кое с чем Кира не согласилась бы, многого просто не понимала. Было ясно лишь, что это — архитектура других материалов и техники, задач и потребностей, и эстетические критерии за пятьсот лет тоже, конечно, подверглись изменениям.

— А что у вас находится там, где сейчас площадь?..

Она назвала место, где встанет здание театра. Александр помолчал, припоминая.

— Ну конечно, как я сразу не сообразил: там сейчас Большая игла.

— Там стоит большая игла? Что это? — спросила Кира каким-то чужим голосом.

— Устройство для гиперсвязи. Не стоит, а парит. Очень красивое сооружение, для тех времен...

— Ты — как пророк, — грустно сказала Кира. — Но про рокам хочешь — веришь, хочешь — нет, а ты все знаешь точно, с тобой не поспоришь, как бы ни хотелось подчас. Вот, значит, и театр мой не доживет...

Александр проворчал что-то, досадуя на себя: увлекся и сказал, чего не следовало. Он попытался утешить ее:

— Откровенно говоря, из того, что есть в городе сейчас, сохранилось немного, да и то — не всегда лучшее. Ты огорчилась?

— Нет, — неохотно ответила она.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем. Просто: ночь прошла, наступило утро...

10. Утро. Дома

Наступило утро, и город, в который они вошли, охватил их сразу — еще по-ночному тихий, но неуловимые краски ночи, ее иррациональные линии исчезли, уступив место трезвой ясности. Они взяли машину. Город бежал, торопясь зайти им за спину. Из невидимых магистралей в срезах тротуа-

ров ударили струи воды, светлый пластик улиц потемнел, потом в нем отразилось утро. Из машины Кира вышла первой и несколько секунд постояла перед домом. Ей вдруг показалось, что ничего не было и она только что возвратилась с космодрома, и сейчас снова услышит шаги за спиной. Шаги и в самом деле раздалились — шаги Александра. Он обогнал ее и распахнул дверь. Она медлила.

— Прошу, королева, — произнес Александр, склоняясь.

— Ответь: ты будешь меня любить? Что бы ни произошло?

Вместо ответа он подхватил ее на руки и внес в дом. От прикосновения его рук возникла тревога; кто-то посторонний подумал за нее, что она так и не успела навести дома порядок. Эта была последняя мысль из реального мира. Затем время остановилось.

Минула вечность, когда Кира порывисто поднялась, чтобы взглянуть на часы.

— Нет, — сказал Александр, не открывая глаз. — Не беспокойся. Они предупредят — за четверть часа.

Она кивнула и отвернулась, не пытаясь объяснить, что ее интерес к прибору, измеряющему время, был вызван иной причиной: почему-то подумалось, что все сроки уже прошли, а Александр остался с нею и не случилось ничего страшного... На самом деле время, оказалось, шло гораздо медленнее. Александр обеспокоенно спросил:

— Ты обиделась? Но ведь я...

— Нет, нет, — устало проговорила она. — Хочется пить. — Она и в самом деле ощутила во рту какую-то горечь.

Он неохотно поднялся, затем Кира услышала шаги. Александр еще не успел отправить заказ, когда Кира, надев халат, показалась в дверях. Он подошел к ней и хотел обнять, но она отстранилась:

— Алька, подожди. Скажи: у тебя нет сомнений в том, что мы избрали правильный путь?

— Не понимаю, — проговорил он, настораживаясь.

— И я не понимаю, но что-то не так...

— Конечно, готовиться будет тяжело...

— Разве дело в этом? Работать я умею. И даже то, что новые знания там не пригодятся — тоже ничего: мало ли

ненужных вещей мы запоминаем... Но... Вот: что же в том мире буду делать я?

— Ах, вот что! — Александр облегченно перевел дыхание. — Ну, найдешь занятие по вкусу.

— А мне по вкусу мое дело. Но там — окажется ли оно мне по силам?

— Ну... я полагаю, — сказал он без уверенности в голосе.

— Только искренне.

— Н-не знаю, — сказал он, ухватившись за мочку уха.

— А я почти уверена, что нет. То, о чем ты рассказывал, мне чуждо. Я вряд ли смогу, как ты говорил, дышать этим.

Александр почувствовал, что должен сказать сейчас что-то значительное и хорошее, чтобы все их планы не рухнули, опрокинутые непониманием. Но ничего не приходило в голову.

— Вечерами будем гулять, — вернулся он к самой спокойной из тем. — Ты и не узнаешь окрестностей...

— Да? — безразлично спросила она, но за кажущимся безразличием он почувствовал боль.

— Тебе неинтересно?

Кира вздохнула.

— Ну ладно, — сказала она, — все будет очень хорошо. Давай завтракать, время идет.

Они ели лениво и мало — у обоих сразу пропал аппетит. Почти полные тарелки одна за другой возвращались на диск и исчезали где-то в путанице пищевых коммуникаций. Александр налил вина и теперь задумчиво глядел на пузырьки; растворенный в вине газ улетучивался, и так же улетучивалось — он чувствовал — взаимопонимание, которое совсем было установилось между ними. Этот процесс надо было прервать, пока он не зашел слишком далеко.

— Можно подумать, — сказал он, — что ты сомневаешься.

— Нет. Я вижу все, о чем ты рассказывал. Но этого слишком мало. Скажи еще раз: я нужна тебе — там?

— Говорю еще раз: нужна — даже не то слово.

— А какая?

— Что — какая?

— Какая я тебе нужна?

Он пожал плечами.

— Такая, какая ты есть.

Она рассмеялась, но смех этот был похож на рыдание.

— Но ведь такая я — здесь. А там?

— Ах, так это тебя смущает? Конечно, ты станешь на дюжину лет старше; но какое это имеет для нас значение?

Кира усмехнулась; конечно, она думала и об этих двенадцати годах, но главное заключалось вовсе не в них.

— Ты не угадал. Дело в том, что там ведь я не буду такой, как сейчас.

Он взглянул недоуменно.

— Я, наверное, разучился понимать тебя.

— Ну, зачем же так мрачно, — сказала Кира, улыбаясь, хотя губы плохо слушались ее. — Налей еще.

— Пожалуйста. Поставить музыку?

— А ты не привез ничего оттуда? Хоть бы послушать, что и как там исполняют...

— Нет, — он развел руками, — собирался наспех. Да ты скоро услышишь все на месте.

— Знаешь, — сказала она, — я не полечу, — и выпила вино.

— Ты...

— Я решила. Так будет лучше.

В наступившей тишине жужжание часов казалось оглушительным. Александр взял стакан и медленно водил пальцем по его верхней грани. Раздался печальный, пронзительный звон; стакан запел. Кира повела плечами.

— Что же, правильно, — сказал Александр почти беззвучно, глядя мимо нее. — Риск слишком велик.

— Не поэтому, — ровным голосом возразила она.

— Почему же?

— Не знаю... Это не нужно.

— Кому?

— Никому. Тебе.

— Ну, — запальчиво сказал он, — мне лучше знать!

— Ты просто не подумал как следует. Со мной тебе не станет легче. Вдвое тяжелее.

— С чего бы это?

— Очень просто. Ведь там я не смогу жить так, как здесь.

— Куда лучше!

— Ведь работать всерьез я там не сумею!

— Мало ли на свете дел? Главное — оставаться самим собой. Вот я, например.

— Нет, и ты тоже не тот. Совсем не тот.

— Ага, хуже?

— Нет. Но — другой. Да ты и сам знаешь... Ты привез туда открытие. А с чем приеду я? Мои дома не доживут до той эпохи. А начинать сначала в сорок лет — смогу ли я? Будут ли силы?

— Ладно! — Александр махнул рукой. Не станем дискутировать. Все решено и чудесно. — Он отвернулся, но не смог сдержаться: — Если бы ты по-настоящему любила...

— Молчи! Вот если бы я не любила — тогда я могла бы и не рассуждать об этом. Я ведь не очень честолобива, и создать что-нибудь настоящее мне хочется в первую очередь не ради себя. Я полетела бы, не колеблясь: как-никак интересно посмотреть, что происходит там, в будущем. Будь ты мне безразличен, я не стала бы бояться, что тебе со мною станет тяжелее. А так оно и будет. Я чувствую, что моя вершина — еще впереди, и не хочу, чтобы нас обоих всю жизнь терзала мысль, что я ее так и не достигла. А там мне до нее не добраться.

— Да почему? — взорвался он и вскочил на ноги. — Почему? Как ты не понимаешь, что здесь тебе тоже будет недоставать меня, а там — вдвоем — мы станем вчетверо сильнее?

Кира молчала, и со стороны могло показаться, что она анализирует его слова, стремясь поверить им. На самом же деле она просто прислушивалась к голосу логики, и голос этот говорил ей то же, что и раньше. Через минуту она показала головой:

— Такие — вдвоем — мы не станем сильнее. Наоборот...

— Чушь. Прости, конечно... — спохватился он и поставил бокал на стол, сильно стукнув доньшком.

— Не будем спорить, Алька. Прекрасно черпать силы в любви: я — в тебе, ты — во мне. Но сколько этих сил понадобится, чтобы справиться со всем: с тоской о своем деле, своем времени...

— Хроноста́льгия, — проговорил он.

— Что?

— Так это называется. Болезнь. Тоска по своему времени, по своей эпохе. Но не есть ли это...

— Видишь, даже название есть...

— Я говорю: не есть ли это всего лишь неизбежная тоска о детстве, посещающая порой каждого? Но разве...

— Да, черпать силы в любви. Но, чтобы черпать, надо откуда-то братья этим силам? Я готова отдать тебе все, и если ради тебя надо лететь и погибнуть — я полечу без слов. Но не погибнуть, прилететь, быть с тобой — и ощущать, как с каждым днем будет иссякать то, ради чего все сделано, — это ужасно. Ведь у нас только и есть, что наше дело...

— Как оно может иссякнуть?

— Что же останется от меня там? Любовь — не только объятия, это знает каждый пятнадцатилетний. Нужная тебе я — это еще и то, что я делаю, что думаю, и — как делаю, как думаю... Но ведь там я буду делать не то, и думать не так, и это уже не буду я, которую ты любишь. Хуже, слабее, неопределеннее... И жить так, ежедневно видеть, как другой нуждается в твоей поддержке, — и не уметь поддержать его — вот что ожидает каждого из нас. Я не хочу убить любовь своими руками. А это значит: у нас нет дополнительного источника сил — общей эпохи; и мы должны остаться каждый в своем времени.

— Вот тут-то она и кончится, — сказал Александр мрачно. — Другое дело, если бы я не возвращался и ты сохранила бы меня в памяти таким, каким я был до старта — на вершине. А сейчас...

— Я очень, очень благодарна тебе. Ради меня ты пронизал время в обратном направлении, совершил подвиг...

— Не надо; я тоже давно переболел честолюбием, и мне нужны не титулы. Но только... Признайся, Кир: может быть, ты просто побаиваешься? Тут ты права: жертвы будут.

— Ну, хорошо, — согласилась она. — Пусть все дело будет в том, что я испугалась. Струсил. Не решилась. Это тебя устраивает?

Александр не ответил; оба замолчали, чувствуя, что продолжение разговора приведет к ссоре, а никто из них не хотел ссоры, которая должна была бы продлиться пятьсот лет — и еще сколько-то. Потом он взглянул на часы.

— Еще много времени. Займемся чем-нибудь?

— Хочешь почитать?

— Нет смысла, — отказался он. — Лучшее из того, что сейчас написано, я могу прочесть и там. А остальное не стоит. Лучше шахматы.

— Слишком сложно. Не могу думать сейчас.

— Что еще можно придумать?

— Крестики-нолики, — подумав, сказала Кира и улыбнулась. — Как в детстве. Глупо?

— Как и все остальное, — проворчал он. — Давай.

Они играли в крестики-нолики, рисуя на бумаге одну табличку за другой. Кира выигрывала чаще. Внезапно Александр отшвырнул карандаш:

— И все-таки не понимаю...

— Что тут непонятного? — Кира отозвалась сразу: каждый миг она была готова к продолжению разговора, отлично понимая, что Александр все еще не примирился с ее решением. — Ты предлагаешь мне великолепный медовый месяц. Но он кончится; мы очнемся — и пожалеем, что возврата нет.

— Медовый месяц? Ошибаешься. Войти в ту жизнь — это будет не так-то легко. Это... Но ты решила окончательно?

— Да, — сказала она, взяла карандаш и поставила крестик.

— Тогда скажи: почему раньше женщины и не задумывались над этим? Они знали, что нужны, и они шли. Женщины были какими-то другими? Сильнее?

— Раньше? — задумчиво спросила Кира, отдавая ему карандаш. — Наверное, у них было что-то, чего нет у меня. Ты хочешь, чтобы я знала все. Я ведь не жила раньше. Не знаю.

— Жаль, — сказал он и нарисовал на табличке жирный нолик. — И все равно я не могу с этим примириться.

— А я, ты думаешь, могу? Мне так хочется, так невыносимо хочется найти у себя хоть какую-то ошибку! Ты ведь не представляешь, каким ущербным кажется мне будущее без тебя... Но я не нахожу возражений, и ты тоже. Ты прав — не надо больше об этом.

Она поставила еще один крестик:

— Ты проиграл.

— Да.

— Еще?

— Нет, — сказал он. — Хватит. Все равно я проиграю. Еще два часа... Мне придется провести их тут: хронокар — машина экспедиции вынырнет здесь, за домом, и я должен буду сесть сразу, чтобы никто не успел их заметить.

— Пожалуйста. Что тебе предложить?

— Да ничего. Посижу просто так на диване, подышу воздухом этого дома — в последний раз. Только не давай мне уснуть, а то просплю.

— Понимаю: ночь без сна.

— Вторая, — пробормотал он, устраиваясь на диване. — Перед стартом там тоже хватало работы... Я бы вышел в сад, но меня ведь тоже не должны видеть: я теперь не человек, а феномен.

— Ты мне напомнил: время полить цветы. Сиди, дыши... Я быстро.

Кира вышла в соседнюю комнату, прошла в автоматную, открыла дверку приемника: заказанные кристаллы лежали там, никому ненужные. Она хотела, нажав кнопку, отправить их обратно, потом передумала: это она сделает, когда Александр уедет, при нем такой поступок выглядел бы так, словно она старалась поскорее избавиться от всего, связанного с его зовом... Она настроила садовые автоматы и вышла из дому.

Цветы стояли, словно наблюдая за нею, листья переливались в отблесках росы. Было тихо, и очень явственно прозвучал шорох подъехавшей машины. Автоматы пустили воду, но и сквозь ее шелест Кира слышала звуки шагов. Кто-то открыл калитку. Кира вздрогнула: Александра не должны увидеть... Она шагнула навстречу.

— Здравствуй, — сказал Евгений. — Как ты спала? — Он внимательно вгляделся в ее лицо. — Ого! Не ошибусь, сказав, что ты вообще не спала! — Он подошел ближе и остановился совсем рядом. — Тебе будет нелегко, я предупреждал. С этим надо порывать сразу. Что поделаться? Он не вернется...

Она улыбнулась уверенности его слов.

— Ага, — сказал он. — Уже лучше. Знаешь что? Я нашел для тебя чудесную квартиру. В твоём же доме. Машина ждет. А я не стану надоедать тебе, сама понимаешь...

— Спасибо, — сказала Кира, по-прежнему улыбаясь. — Спасибо за заботу. Только не надо: я никуда не собираюсь отсюда.

— Будешь терзать себя?

— Наверное, — задумчиво сказала она, — я это заслужила.

— Глупости.

— А если уеду — то куда-нибудь очень далеко. В Африку, на Южный полюс... Может быть, я позову тебя оттуда. Приедешь?

— Сразу же! — сказал он.

— Вот как? Расскажи, как ты это сделаешь?

Он пожал плечами:

— Очень просто. Упакую свою лабораторию... Закажу, чтобы там, на полюсе, мне построили подходящее здание... Кстати, а как у них с энергетикой? Мне нужны немалые мощности.

— Боюсь, что мощностей не хватит. И здание — построят ли его?

— Ну, — сказал он, — что-нибудь да придумается. И потом, почему обязательно полюс? На побережье Антарктиды великолепные энергоцентраль, они там не знают, куда девать мощность. Соглашайся на побережье, а?

— Подумаю, — сказала она. — Значит, со всей лабораторией?

— У меня сейчас решаются такие проблемы! Не бросать же их. Или ты хочешь туда ненадолго?

— Насовсем.

— Ну, может, я успею к тому времени закончить...

— Да нет, не торопись, — сказала Кира. — Я шучу. Никуда я не собираюсь. И не жди меня, советую от души. Не стоит. Я ведь достаточно упряма.

— Будешь хранить память?

— Буду.

— Знаешь что? Иди, поспи. А я приду вечером.

— Вечером меня не будет дома.

— Тогда завтра утром. Нет, не завтра... Послезавтра утром.

Он повернулся; Кира отрицательно покачала головой, но он уже не видел этого. Снова зашуршала машина, потом шорох рассеялся в утренней тишине. Автоматы кончали поливку. Значит, лабораторию — с собой. Он такой же... Выходит, мы одинаковы? Значит, прав Александр, если мы с Евгением одинаковы. Но в чем ошибка?..

Она все еще глядела вслед уехавшей машине, опираясь о полуотворенную калитку. Потом что-то другое привлекло ее внимание и заставило повернуть голову. Из соседнего дома вышел человек. Светлые вьющиеся волосы падали на его лоб. Очень большие глаза отражали мир, ход важнейших мыслей угадывался по лицу — размышлений о мире, который весь, до последней травинки и винтика, принадлежал этому человеку, и оставалось только освоить его, как следует. Преобразователь, он стремился вперед, пытливо оглядывая все, что попадало в поле его зрения; встретив взгляд Киры, он улыбнулся, и Кира улыбнулась в ответ так, как не улыбалась еще никому и никогда, и почувствовала, как что-то поворачивается в ее душе, причиняя боль и радость одновременно. Человек поздоровался исполненным достоинства кивком и прошел дальше. Еще не умея как следует ходить, он широко расставлял ноги, иногда с размаху садился на тротуар, но тотчас же поднимался и упрямо шел дальше, волоча за собой какую-то из новейших моделей звездного корабля с отломанным рефлектором и расплюснутым жилым отсеком... Кира затаила дыхание и почувствовала, как влажнеют глаза. Потом повернулась и кинулась в дом.

Александр спал сидя, откинув голову на спинку дивана. Кира подошла к нему и тряхнула за плечо.

— Я готов, — пробормотал он, не открывая глаз. — Сигнал? Сейчас... Одну минуту...

— Алька! — настойчиво сказала она. — Да проснись же на миг! Ты мне ничего не рассказал о детях!

Он открыл глаза и поморгал, с трудом приходя в себя.

— Прости... Дети? Что дети? Ах, там? Обыкновенные... маленькие... Смешные...

— Да нет! Слушай, а если бы мы были там... нам дали бы разрешение? Мы могли бы?..

Александр недоуменно взглянул на нее:

— Разрешение? Погоди... А, я совсем забыл... Там ничего этого не надо. Эти проблемы давно решены. Забыл, что тут, у нас, еще существует ограничение...

— Значит, мы сможем?

Но Александр, так и не совладав со сном, опять шумно задышал. Кира отпустила его плечо и села рядом, и почувствовала, как он, не просыпаясь, нащупал ее пальцы и сжал

в своих. Кира сидела, улыбаясь. «Архитектор!» — подумала она о себе. Потом нахмурилась.

— Алька! — сказала она вслух. — Но если в эти два месяца ты что-то позволишь себе... Смотри!

Спящие часто улавливают настроение находящихся рядом; странный звук раздался, и Кира взглянула, не понимая. Звук повторился, подобный плеску воды, и на этот раз она сообразила. Александр спал; ему, наверное, снился счастливый сон, и он смеялся во сне, как смеются дети, у которых еще много хорошего впереди.

СВИСТОК, КОТОРОГО НЕ СЛЫШИШЬ

Ровно две недели назад корабль лежал на круговой орбите, и те из двенадцати человек, кто мог хоть на мгновение оторваться от машин и приборов, толпились у панорамного экрана. Капитан Мак скомандовал негромким, словно сдавленным голосом. Силин нажал рычаг; две боевые ракеты, оторвавшись от корабля, понеслись к полюсу планетки и взорвались там с секундным интервалом. Пламя взметнулось и исчезло; оно погасло, а не утонуло в облаке пыли и мелких осколков, как ему полагалось бы. Частокол скал на полюсе, быстро уходявшем из поля зрения, по-прежнему возвышался творением архитектора-абстракциониста, ни одна вершина не изменила очертаний.

— Последние, — пробормотал капитан.

Стало ясно, что садиться надо не там, где рассчитывали, а в том месте, где это окажется возможным. Капитан вопросительно взглянул на Грина; шеф-инженер сморщился и плачущим голосом сказал:

— Неужели нельзя потише? Я не могу думать!

К этому привыкли, все продолжали разговаривать. Тогда Грин подумал и заявил:

— Точность ходов нужна немыслимая, но за моторы я ручаюсь.

Капитан кивнул. Они кружили в плоскости меридиана, каменные пики пролетали внизу, как зубья дисковой пилы.

— Легче найти лысину у Силина, — сострил доктор.

Силин машинально оглянулся и провел рукой по коротким волосам.

— Чтобы сесть тут, надо быть факиром, — сказал капитан. Никто не отозвался, и они пошли на очередной виток.

Когда надежда была уже на исходе, местечко нашлось — крохотная проплешина на шкуре космического дикобраза. Прошло несколько витков, прежде чем капитан решился на маневр. Они тормозили плавно, уменьшая скорость по миллиметру. Кродер, биотектор, кричал снизу: «Дайте полное охлаждение на биокибы!» Астероид наплывал все ближе, было страшно, как пловцу, которого прибой несет на отвесный кряж, истирающий валы в водяную пудру. Капитан на миг оперся на полированную панель, и на пластике остался влажный след ладони.

Все кончилось благополучно; корабль приткнулся между острыми иглами, хрупкий, точно семечко одуванчика, упавшее зонтиком вниз. Еще с минуту все глядели на экран. Вокруг вздымались скалы, они были теперь неподвижны, но никто не мог сказать это о звездах.

Звезды взлетали над близким горизонтом, словно выстреленные из ракетницы. Они достигали зенита и, так и не рассыпавшись горстью гаснущих огоньков, стекали вниз и падали за скалы. А на смену уже спешили другие.

Зрелище несущихся звезд было невыносимо. Оно было невыносимо вдвойне, потому что кругом возвышались скалы, зеркально-сизые, словно отполированные по высшему классу точности, и каждая звезда отражалась в скалах — возникала в них, скользила по гладкой поверхности и исчезала на изломе, чтобы через мгновение появиться на соседней грани. Глядел ли человек в небо или вниз, звезды мелькали и мелькали перед глазами, и у человека кружилась голова и дрожали колени. Казалось, тут была иная вселенная, с другим пространством и течением времени; старость наступала за две недели, судя по седине.

Силин шел торопливо и раз или два оглянулся, словно опасаясь погони. Идти было несложно: астероид состоял из вещества, чья плотность намного превышала земную, и сила тяжести здесь приближалась к привычной. Она была бы еще больше, не вращаясь астероид с такой быстротой; тогда и звезды не плясали бы, а чинно висели в небе.

Силин еще прибавил шаг. Он лавировал между скалами, стараясь не задевать за них. Округлые, пирамидальные, конические, то устремленные в зенит, то изгибающиеся, как турий рог, и нависающие над другими утесы были выразительной иллюстрацией к понятию первобытного хаоса. Ничто не брало их: ни сверло, ни кислота, ни взрывчатка не могли нарушить их зеркальную поверхность, и отражение неба в ней накладывалось на отражения других скал с их звездами; из этой сутолоки ярких точек вдруг выступал шлем, нелепо перекошенные плечи, вся до ужаса искаженная фигура человека в скафандре — и впору было пуститься наутек. Наилучшим казалось — не глядеть вообще ни на что, но идти вслепую в этой галерее черных, причудливо изогнутых зеркал было бы совсем невозможно. Оставалось лишь терпеть до конца пути. Поэтому, увидев впереди корабль, Силин вздохнул облегченно. Машина с десятью людьми на борту — девятью и еще одним — обещала укрыть от звезд, а математически точные формы ее среди каменного бурелома свидетельствовали, что в мире еще существует разум.

Приблизившись к кабине лифта, Силин перевел дыхание. Взгляд его стлался по камням, не рискуя подняться выше. Он громко спросил:

— Лист... Ты далеко?

Он подождал ответа с полминуты, топчась на месте, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Не дождавшись, махнул рукой и вошел в кабину.

В тамбуре Силин разделся и с минуту стоял перед зеркалом, стараясь придать лицу спокойное выражение. Когда это почти удалось, он вышел и направился вверх, в рубку суперсвязи.

Лог сидел за пультом. Запавшие щеки оператора были гладко выбриты, уголки губ подняты чуть иронически. Лог смотрел на хронометр, чья стрелка пробиралась по быстрым секундам последней десятиминутки. Услышав шаги, он взглянул на Силина, потом на дверь и несколько мгновений не отрывал глаз от медленно сходящихся створок. Силин тяжело опустился рядом. Он поднял взгляд на Лога и не то кивнул, не то просто опустил голову. Лог усмехнулся.

— Так... — сказал он. — Так. Ну что ж, как говорится, не впервой. — Голос его был громок и насмешлив. — Недаром сказано: «Все моря мы кормим уж тысячу лет»!

Силин медленно поднял голову:

— Что?

— Смысл высказывания в том, что мало времени. Работать надо, гулинька!

— Вдвоем? — спросил Силин тихо. — Без него?

— Вдвоем. Я, во всяком случае, размножаться делением не умею.

— Наверное, надо... — Силин запнулся.

— Ну? — подбодрил его Лог. — В темпе!

Силин сделал движение, словно собираясь развести руками.

— Известить Землю, — медленно закончил он. — Такой риск...

— Вижу, — с удовольствием проговорил Лог, — искусство дипломатии ты не изучал.

— С чего бы вдруг?

— Я тоже. Но я постиг его на практике. В общении с начальством. — Лог усмехнулся и неторопливо продолжал: — Из меня вышел бы первоклассный профессор, если бы понадобилось прочесть курс космической дипломатии... Так вот, с точки зрения этого рода деятельности может возникнуть крупный конфликт. Представь: мы сообщаем на Землю, что у нас... Одним словом, то, что есть. Поднимается суматоха. Срочно комплектуют специальный отряд. — Теперь Лог говорил быстрее, подчеркивая каждую фразу жестом. — Готовят. Обучают. Идет время. Проходят все сроки. Гости нервничают, не понимая причин задержки. И начинают подозревать нечто, чего у наших и в мыслях не было. Трагедия в том, что наши постесняются сказать, а наивные гости и не заподозрят, что все дело в габаритах их корабля, которые мешают им воспользоваться нашим Гиперстартом для перехода в надпространство. — Лог помедлил, перевел дыхание. — Ну и, конечно, никто даже не заикнется о том, что группа, посланная специально для того, чтобы создать условия для надпространственного старта в разумном удалении от больших планет, не смогла спра-

виться со своей задачей по причине, которую объяснить никто не в состоянии. Вот как это начнется, а чем может кончиться — кто знает? — Он умолк, но тут же как бы спохватился, что несколько минут говорил серьезно, без того балагурства, что вдруг появилось в его речи и поведении в последние дни, балагурства, в котором, возможно, и звучало что-то неестественное, принужденное, но Силину было сейчас не до таких тонкостей. Лог продолжал: — Всякий первый контакт в известной мере опасен — слишком многое зависит от него в будущем. Возьмем хотя бы первое знакомство с женщиной...

— Только про женщин не надо, — попросил Силин.

— Хорошо. Кстати, если моя блестящая речь тебя не убедила, добавлю лишь одно: гости должны стартовать сегодня, так что идея твоя все равно ни к черту не годится. Ты это знаешь не хуже меня.

— Слушай, — проговорил Силин. — Перенеси сеанс. Мне нужно хоть полчаса, чтобы прийти в себя. Иначе я не справлюсь.

— Справишься, — жестко сказал Лог. — И на сеансе, и потом.

— Как?

— Мы справимся. Это я беру на себя.

— А если...

— С нами ничего не случится, — прервал его Лог.

Силин промолчал. Лог кинул взгляд на хронометр, стараясь сделать это незаметно, и заговорил торопливее:

— Ничего, великий вождь. «Она впереди, она позади, нам не уйти прочь» — это сказано не про нас. Так что займись делом, сынок, займись делом!

Силин сидел, расставив ноги, опершись локтями о колени и сцепив пальцы — и все же было заметно, что руки его дрожат.

— Эй, вратарь! — не отставал Лог. — Готовься к бою!

На лице Силина промелькнула слабая улыбка.

— Если бы, — сказал он.

Лог насмешливо глянул на него.

— Ну, вратарь ты был никудышный, — заметил он тоном превосходства.

Силин поглядел исподлобья.

— Да?

— Чего «да»? Помнишь, как я тебе врезал?

— Когда это?

— Он не помнит! — сказал Лог. — Видали, а?

— Ну, один раз, — признал Силин.

— Мы и встречались один раз: ты начинал, я уже сходил... Но тогда ты хоть достоял до конца. А на сей раз, похоже, хочешь сбежать с поля. Слабоват был у вас тренер.

— Это почему? — сердито спросил Силин.

— Не научил тебя играть до финального свистка.

— То игра, — сказал Силин хмуро, — а то жизнь. Разные вещи.

— Вещи разные, — кивнул Лог, — а законы одни. Иначе игра никого не интересовала бы. — Теперь он уже откровенно посмотрел на часы. — Ну, боцман, пора. Команды вызваны на поле, играй, как было условлено!

Силин встал. Видно было, что поднимается он с усилием — словно тянет себя за шиворот. Он постоял несколько секунд, резко тряхнул головой. Потом подошел к двери, ведущей в осевой коридор, отворил ее и поставил на стопор. Пересек рубку и толкнул противоположную, внешнюю, дверь. За ней лежали приготовленные заранее длинные, узкие приборные ящики. На них Силин бросил несколько ярких разноцветных курток, какие носили члены экипажа в рейсе.

— Ваш боксер готов? — спросил Лог.

— Да, — буркнул Силин. И, повинуясь правилу взаимного контроля, прибавил: — А ты?

Лог вскинул голову:

— Нынче я готов один сыграть за всю сборную. «Абдур Рахман, вождь Дурани, спокоен раз навсегда».

Торопливо упали последние секунды. Мягкая трель зонтика и наполнила рубку. Лог тряхнул головой.

— Мяч в игре! — сказал он.

В следующее мгновение посветлело. На стену рубки легли расплывчатые тени. Это вспыхнул радужными красками большой экран.

— Не забудь о четкости, — пробормотал Силин.

Лог весело взглянул на него:

— Боцман! Ты меня учишь?

Голос его был уверенным, на лице оператора возникла широкая, радостная улыбка, глаза блеснули, как у человека, который собирается сообщить неожиданную и чрезвычайно приятную весть и с трудом сдерживается, чтобы не выдать себя раньше времени. Силин повернулся к нему.

— Почта? — спросил он полупшепотом.

Лог, не переставая улыбаться, скосил глаза на Силина и коснулся ладонью стопки бумажек справа. Говорить было уже нельзя.

Косые волны шли по экрану, затем яркий прямоугольник очистился от них. Еще несколько секунд изображение колебалось, расплываясь по экрану и вновь стягиваясь воедино. Лог быстро крутил ручки. Наконец на экране возникло оживленное лицо женщины, молодой и взволнованной.

— Салют, Лидочка! — быстро и весело проговорил Лог. — Здравствуйте, Земля! Неужели только сутки мы вас не видели? Мне казалось, годы... Но вот вы взошли, и Млечный путь померк. — Он перевел дыхание. — Официально докладываю: станция и аппаратура в порядке, экипаж и сотрудники — как обычно. Полная готовность встретить экспедицию. Переход ее будем транслировать, как и предполагалось.

— Плохо вижу вас, — озабоченно пожаловалась Лидия. — Недостает четкости. Плохая четкость, исправьте!

— Что-то разладилось, — сказал Лог. Он повернул ручку четкости, но не вправо, чтобы улучшить, а наоборот, влево. — Ничего не могу поделать...

— Очень жаль. Это Костя... Это Лог? — тут же поправилась она. — Почему не рапортует капитан? Почему снова вы?

— Капитан верен себе, — не задумываясь, ответил Лог. — А Мака я знаю давненько, как сказал поэт. Сам проверяет монтаж, не подпуская никого. Но дела хватает всем...

— Передайте капитану, — сказала Лидия, — гости стартовали в семнадцать двадцать три по условному. Их сопровождают три «Дракона»...

Силин за внешней дверью взвалил на плечо один из приборных ящиков. Громко, уверенно топая, он прошел по рубке, держась около самой переборки. Миновав полпути, повернулся к экрану и взмахнул свободной рукой. Лог жестом

подозвал его, Силин отрицательно мотнул головой и торопливо двинулся дальше.

— Здравствуйте, — радостно проговорила Лидия. — Кто это был?

— Силин прошел правым краем, — объяснил Лог. — Тащит запасные батареи для биокибов. Тяжелы, собаки! Вы любили рэгби, милая, так вот — Силину потруднее. «Что́ бремя королей», — как восклицал стихотворец. И все же наш боцман сделал крюк специально, чтобы увидеть вас. Я уверен, что и все наши ребята не преминут...

Он говорил, не умолкая. Лидия покачала головой:

— Дайте хоть словечко вставить!

— Не отказывайте мне в удовольствии поговорить с вами...

— В удовольствии? — странным голосом спросила она.

— Все изменяется... Ну, так что же нового у вас?

— А почему Силин не подошел?

— Темпы, темпы... Как здоровье?

Силин успел занести ящик в осевой коридор и беззвучно опустить на пол. Обратный боцман шел вдоль противоположной переборки, не попадая в кадр, шел крадучись, бесшумно, хотя при его весе это было нелегко.

— Я здорова, — сказала Лидия, глядя Логу в глаза. — Совсем-совсем здорова. Все прошло.

— Ага, — буркнул Лог, и лицо его на миг омрачилось. Но он тут же справился с замешательством. — Что ж, поздравляю вас. Даже завидую...

За внешней дверью Силин скинул оранжевую куртку и натянул голубую. На этот раз он взял ящик под мышку и снова двинулся вдоль первой переборки.

— Здравствуйте, дивная! — крикнул он густым басом, выговаривая слова с акцентом. — Никак не получается поговорить с вами по душам. На Земле я буду приносить жалобу на Лога, он узурпатор...

— Кродер, — пояснил Лог. — Да вы и сами узнали.

— Как же узнать при такой четкости! — с досадой сказала она.

— Виноват, — сказал Лог. — Мой грех. Работы столько, что руки не доходят. «Как всегда, мы первые там, где шумят» — слова поэта.

Выражение лица Лидии смягчилось:

— Ничего, вам осталось совсем недолго...

— Что правда, то правда, — воскликнул Лог и тут же изменил тему. — А как высокие гости? Пускали, расставаясь, скупую мужскую? Спешили к дамам сердца?

— Насчет мужчин и дам не очень у них понятно, — заметила Лидия. — Хотя специалисты, наверное, разобрались. — Помедлив, она улыбнулась: — Не надо бы, да уж ладно... Говорят, задумана ответная экспедиция. Кто-нибудь из вас наверняка полетит. Иногда я жалею, что вы не взяли меня.

— Что было бы тогда со здоровьем? — тихо спросил Лог, чуть усмехнувшись и прищурив глаза.

— О, не беспокойтесь, — сухо ответила она.

— И кроме того, — продолжал он уже громко, — кто ждал бы нас дома? Как сказал поэт: «Они расскажут ей у огня, и кивнет она головой»...

Две-три секунды они не произнесли ни слова, лишь вглядывались один в изображение другого; суперсвязь, в отличие от радио, доставляла сигналы без задержки. Но слишком дорого обходились секунды общения Земли с далекой группой, и было этих секунд чересчур мало. Лог опомнился первым:

— Принимайте почту — время.

— Передавайте, — сказала Лидия и вытянула руку, чтобы включить запись на своем пульте.

Силин снова торопливо прошел — на этот раз он был в зеленой куртке, нес ящик на голове и шел на полусогнутых ногах, чтобы казаться пониже ростом. Краем глаза Лог заметил, что лицо друга все еще хранило такое выражение, словно он никак не мог отвернуться от бездонной пустоты, куда нечаянно заглянул. Высоким хриловатым голосом Силин прокричал приветствие.

— Бунт вне игры, — пояснил Лог. — Немного простудился. Но не беспокойтесь за него, ибо сказано: «Они возвращаются, чтобы она благословила их». Итак, передаю текст: «Милая дочурка...»

— От капитана? — спросила Лидия. Лог кивнул, не переставая диктовать.

Передача заняла пять с лишним минут. Изображение Лидии заметно потускнело: вращаясь, астероид быстро уносил корабль из зоны устойчивой связи.

— У вас все? — спросила она.

— Да... Хотя нет, — он снова взглянул ей прямо в глаза и улыбнулся победно, как, наверное, улыбался господь бог, даря Адаму мир; могучие образы были в древней литературе... — Еще одна. Текст: «Был неправ, пусть все останется по-старому, люблю сильнее, чем всегда». Подпись: Константин.

— Адресат? — глядя в сторону, спросила Лидия.

— О, — сказал Лог весело. — Найдите его сами!

Она медленно покачала головой:

— Боюсь, что адресат выбыл.

— Ну, что ж, — проговорил Лог хмуро. — «Он был камнями побит на свалке в час зари», — наверное, это сказано обо мне. У вас есть послания? Пишу.

Он включил запись и откинулся на спинку кресла, полукрыв глаза, пропуская мимо ушей тексты, похожие друг на друга, как похожи чувства людей, которым суждено любить и ждать. Голос Лидии смолк; Лог взглянул на экран — изображение женщины уже начало размываться.

— Не было почты Силину, — проговорил он тихо.

— Но ведь у него...

— Все равно. Ему сейчас очень нужно получить хоть два слова. Сымпровизируйте. Пишу.

— Не надо, — медленно сказала она. — Лучше позовите его.

— Да, — одобрил Лог. — Так лучше. Вы молодец. Сможете убедительно? Это не так просто...

— В этом случае — просто, — улыбнулась Лидия.

— Силин! — крикнул Лог. — Силин! Бегом сюда!

— А вы отойдите, — попросила она.

Он покачал головой.

— Не имею права. Но я не стану слушать.

Силин подбежал. Лог повернул кресло вокруг оси, чтобы оказаться спиной к экрану. Силин тяжело дышал рядом. Лог заставил себя не слышать ни слова. Потом Силин хлопнул его по плечу. Лог взглянул ему в лицо — пронзительно, испытующе; затем опустил глаза и подтолкнул Силина в сторону двери.

— Спасибо, — сказал он, снова вступая в передачу. — А для меня, значит, ответа не найдется?..

Он неосторожно подался вперед, к приемной трубке.

— Что у тебя с глазами? — встревоженно спросила Лидия.

— Только не говорите, что они утратили былую красоту, — усмехнулся Лог. — Вернувшись на Землю, я намерен покорять сердца по-прежнему. — На миг он сделался серьезен. — Ничего, просто немного недосыпаем. Но мы выспимся, это впереди... Ободрите лордов-аксакалов из комиссии, передайте им, что наша команда настроена на игру. А вы нас знаете: мы в игре до последнего свистка!

— Наладьте, пожалуйста, четкость, — попросила Лидия. — Не то сорвется трансляция. До свидания, ребята, привет всем...

Лог протянул руку к выключателю. В рубке сразу потемнело, и одновременно с лица оператора исчезла улыбка — словно она-то и освещала все вокруг. Силин в коричневой куртке, оказавшийся в этот миг посреди рубки, тяжело опустился на пол ящик и сел на него. Лог откинулся на спинку кресла, руки его упали и только пальцы непрерывно сжимались в кулаки и разжимались. Несколько секунд оба молчали. Внезапно Лог схватил бумажки с текстами переданных суперграмм. Он рвал их с иступлением, белые клочки сыпались на пол. Силин вскочил, подошел к Логу и положил руки на его плечи:

— Что ты, — сказал он. — Не надо...

— Ладно, младенец мой прекрасный, — проворчал Лог после паузы. — Прости. — Он еще помолчал, потом громко, раздельно проскандировал: — Стрелой летит галера, и не плакать по мертвецам, а завидовать им только хватало времени нам...

Он умолк, махнул рукой. Силин сказал:

— Она очень... милая женщина, правда?

— А что ты понимаешь, скромнейший брат мой? — хмуро спросил Лог. — Ты умеешь копить деньги?

Силин взглянул удивленно.

— На старость, — пояснил Лог. — Или на черный день.

— Деньги? На черный день?

— Это, конечно, история. Но идея жива: самое ценное не расходуй без остатка. Копи — как знать, может быть, настанет день, когда запас пригодится. Самое ценное... Пусть будет женщина, которая в такой вот день скажет тебе... Иначе — плохо. А ты знаешь, что такое «плохо»?

Силин не ответил. Потом сказал:

— Давай сменю повязку.

Лог кивнул. Он повернулся вместе с креслом. Силин бережно коснулся ноги оператора и стал осторожно сматывать бинт. Лог глядел поверх его головы.

— Ну, как ты, отошел? — спросил он погодя.

Не поднимая головы, Силин пожал плечами.

— И пусть никто не ждет ни лавров, ни награды, — проговорил Лог словно про себя. — Но чего-то ждать нужно.

— Больно? — спросил Силин.

— Да ну, — отмахнулся Лог. — Бывает хуже.

Силин засопел, накладывая повязку. Потом заметил:

— Если копить, так уж друзей. А тут...

— Ладно! — резко сказал Лог. — Поплачь еще.

Силин умолк.

— Ну, все, — промолвил он через минуту и бережно опустил ногу товарища на пол. Встал и в нерешительности постоял, потом спросил: — Есть хочешь?

— Нет, неохота, сестричка, — сказал Лог. — А чего мне охота, того вы, сестричка, дать мне не можете в силу того, что вы вовсе и не сестричка, а здоровый и трусливый мужик. Мысль понятна?

— Значит... — нерешительно начал Силин.

— Значит, надо идти за Листом.

Силин молчал, глядя в пол.

— Да разозлился ты! — крикнул Лог. — Ломай себя, ломай! Ты же был человеком и играл в футбол! Или — ей-богу, не видать тебе ее на Земле! Клянусь! Сделаю по-своему! Рассказать, как?

— Сейчас я тебе... — пробормотал Силин, сжимая кулаки.

— Испугал! Я и на одной ноге тебе всыплю! Этой ногой я тебе, детка, забил в тот раз гол. Забил, и ничего ты с этим не поделаешь!

— Иди к черту! — зло бросил Силин, резко повернулся и вышел.

Наверху он оделся; движения были отработаны до автоматизма, думать об их последовательности не приходилось; включать ничего не надо было — все системы скафандра ожидали, как только закрывался замок, и выключить их, пока

человек находился в скафандре, было бы не под силу, как изрек однажды оператор связи, даже великому Муллавайоху, богу дальних трасс. Выходить из корабля было очень страшно, но Силин все же ступил в кабину лифта и нажал кнопку.

Когда кабина остановилась внизу и дверь распахнулась, Силин зажмурился, словно от неожиданной вспышки. Он успел забыть о звездах, а они все взлетали и падали вокруг корабля, возникали в скалах, проносились по их поверхности и исчезали. Звездный дождь шел, и можно было ожидать, что пространство в один прекрасный миг выйдет из берегов и звезды затопят все вокруг. Силин потоптался около лифта, потом шагнул вперед — отчаянно, как человек бросается в ледяную воду.

Поиски оказались недолгими. Лист сидел на невысоком уступе скалы, прислонившись к ней спиной, голова его в шлеме была откинута, глаза закрыты. Казалось, он спал, но Силин знал, что это не так.

С трудом он взвалил Листа на плечи; груз оказался не из легких. То, что раньше звалось Дятлом, — такова была традиционная кличка надпространственников, по названию их орудия, — послушно изогнулось: в обогреваемых скафандрах тела коченели медленно, да к тому же всего час с небольшим назад Лист был жив. Силин тяжело зашагал обратно. Страх еще не оставил его, но, идя с ношей на плечах, боцман был вынужден очень внимательно следить за дорогой, и бояться не оставалось времени. За поворотом он увидел корабль, но даже не попытался ускорить шаг.

Возле лифта стоял Лог. Завидев Силина, он, хромая, заторопился навстречу. Последние двадцать метров они несли Листа вдвоем. Кабина была тесна; тело надпространственника пришлось не положить, а прислонить в углу и поддерживать — каждому со своей стороны. После остановки они вынесли Листа из кабины, миновали тамбур, положили тело на пол, разделись и понесли скафандр с мертвецом по правому коридору — и вниз. Следующая передышка наступила перед широкой двустворчатой дверью. Силин вытер пот. Лог, переведя дыхание, отворил дверь. Силин мотнул головой и сделал шаг назад.

— Ну? — резко окликнул его Лог. — Что я, один понесу, что ли?

Слабый свет озарял просторное низкое помещение. Трюм номер два был освобожден от обычного груза. Только девять скафандров лежало в нем — рядом, один к одному, словно саркофаги на братском кладбище властителей Фив, если бы такое существовало... Руки в перчатках были сложены на груди, шлемы из поляризованного пластика извне выглядели черными, сквозь них, к счастью, уже нельзя было различить ничего.

Силин и Лог внесли десятый скафандр и положили слева, рядом с остальными. Светлый шлем быстро темнел, черты лица надпространственника делались все более неопределенными. Вскоре рассмотреть их стало совсем невозможно.

— Когда-то в таких случаях читали молитву, — проговорил Лог.

— Да.

— Глупо, разумный брат мой. И все же чего-то не хватает. Тебе не кажется?

— Мне их не хватает, — с трудом вытолкнул Силин.

— Да вот они, — сказал Лог. — Все тут.

Он опустился на колени рядом с Листом, нашарил выключатель замка. Грудь скафандра медленно раскрылась. Лог попытался нащупать сердце, потом поднялся:

— Попробуй ты, как знать...

Сморщившись, Силин замотал головой.

— Не бойся, — подбодрил Лог. — Он не укусит.

Странно говорил Лог о покойных друзьях: без уважения, приличествующего перед лицом смерти. Силин укоризненно взглянул на оператора связи. Лог выдержал его взгляд.

— Смерть, как произведение искусства, — сказал он, как бы оправдываясь. — Она впечатляет в единственном экземпляре и не терпит конвейера. Серийная смерть более не потрясает. Правда?

Силин не ответил. Пересилив себя, он опустился на колени. Тело Листа было еще теплым, но сердце не билось. Силин торопливо встал, пряча руку за спину, словно стыдился показать ее. Неожиданно он не то всхлипнул, не то коротко рассмеялся.

— Ты что?

— Значит, и я не произведу на тебя впечатления?

— Игра не кончена, — сказал Лог. — Аллах любит лошадей и нас с тобой. С нами ничего не случится, я ведь говорил тебе?

— Ну, говорил...

— Но ты не веришь, да? Тебе нужно чудо? Хочешь, чтобы я, как некто раньше, воскресил Лазаря?

— Кого?

— И это мне под силу, — серьезно сказал Лог. — Одного человека я могу воскресить, мне дана такая власть. Ты выберешь — кого, или предоставишь мне?

Силин смотрел на него, не зная, улыбнуться или испугаться.

— Ладно, — кивнул Лог. — Я выберу сам. Побудь здесь, я вернусь.

Он вышел быстро, несмотря на хромоту, и Силин не успел удержать его. Он кинулся было вслед, но странное чувство заставило его остановиться, как будто кто-то сзади вдруг опустил руку на его плечо.

Силин резко обернулся. Ничто не изменилось в трюме: все так же тлели светильники, вдоль переборок висели амортизаторы, струбины — все принадлежности для крепления груза в пути. Десять скафандров по-прежнему лежали; от первых четырех справа тянулись черные фидеры, подключенные к сети контроля экипажа. Кродер, биотектор, истово веривший в свои автоматы, искренне надеялся, что биокибы, может быть, найдут причины гибели людей, выкопав похожее в своей богатой памяти, и сообщат, чего следует остерегаться. Но автоматы никак не реагировали, сам Кродер был пятым, и его уже не стали подключать, а тех, кто умер позже, — тем более. Силин помедлил немного, пытаясь понять, нужно ли отсоединить фидеры, или, напротив, включить в сеть контроля и все остальные: боцманское чувство порядка требовало единообразия. Наконец, он решил включить.

Он сделал шаг к скафандрам, другой — медленно, словно боясь, что друзья лишь притворились мертвыми и сейчас один из них вскочит и оглушительно заорет, а остальные дружно захохочут, подняв головы; в экипаже любили розыгрыши, но этого Силин не выдержал бы. Однако, как и следовало ожидать, ничто не нарушило тишины и неподвижности. Силин

склонился над Листом, извлек из карманчика на его левом плече свободный конец фидера и воткнул наконечник в ближайшее гнездо сети контроля, какими было в изобилии оснащено каждое помещение корабля. Секунду Силин вглядывался в Листа, еще на что-то надеясь; но Лист был не счастливее других, ничего не произошло, и Силин перешел к следующему.

Лишь закончив эту работу, он удивился тому, что не испытывает страха, хотя перед ним было самое ужасное — то, что грозило и ему. И все же он больше не боялся глядеть на десять бывших друзей.

Почему бывших, впрочем? Силин потер затылок, стараясь собраться с мыслями. Только что он включил в сеть шесть фидеров. Первые четыре присоединил Кродер. Силин лишь закончил его работу. Но можно было сказать и иначе — Кродер завершил свое дело руками Силина: мысль-то принадлежала Кродеру и никому другому. А это означало, что только тело биотектора лежало в скафандре, а мысли и намерения его перешли к Силину. И хотя спросить Кродера о чем-нибудь вслух было нельзя, но возможность мысленно посоветоваться с ним, с капитаном Маком, с шеф-инженером, с каждым из десяти оставалась. Силин не мог жить без друзей, и страх его (понял он) происходил оттого, что их не стало — но вдруг оказалось, что они живы в нем, и если раньше в каждом из них был целый мир, то теперь эти миры — и голоса людей, их мысли, взгляды, все — уместались в памяти Силина. Так что он был теперь не только миром — вселенной стал Силин, в которой, кроме его собственного, было еще десять миров. Пока он есть, существуют и они, и смогут еще кое-что сделать его руками, например, отстоять вахту и с честью проводить корабль гостей в необъятные просторы надпространства.

Он повернулся и вышел из трюма. Лог стоял в коридоре и обернулся на звук двери; неосторожно ступив раненой ногой, он закричал. Силин коснулся его руки. Лог оглядел его и улыбнулся:

— Ну, я выполнил обещание?

— Высшим классом, — сказал Силин.

Лог на мгновение обнял его за плечи.

— Ты по себе знал? — спросил Силин.

Лог покачал головой:

— Ты искал в друзьях то, чего тебе не хватало. И, наверное, нашел.

— А тебе не нужно ничего?

— Все мое ношу с собой... Мои друзья умерли за столетия до моего рождения.

Силин промолчал; он не мог решить, хорошо Логу или нет. Ему захотелось утешить оператора.

— Тут ты неправ насчет друзей: одного ты только что воскресил. — Он улыбнулся. — Спасибо, что выбрал меня.

Лог улыбнулся в свою очередь:

— Я обещал воскресить человека. Оживлять трупы я не умею.

Слово «трупы» резануло слух Силина; оно было неприятным. Боцман представил, как, вернувшись к жизни, из скафандра показывается то, что лежит в нем сейчас. Он содрогнулся.

— Как бы удалить из скафандров воздух? — подумал он вслух. Проблема действительно была нешуточной: кристаллического воздуха скафандров хватало на месяц, даже когда им дышали. — Может быть, вынести наружу, раскрыть и заморозить?

— Это мысль, — согласился Лог. — «Бросали их акулам, когда умирали они». Только не стоит: на Земле ученые коллеги похоронят их, не вынимая из скафандров.

— А у тебя цитаты на все случаи? — спросил Силин.

— Прости. Дурная привычка. Вторая натура.

— Куда теперь?

— В киберотсек, — сказал Лог.

— Ты что-нибудь придумал?

— Это, вождь, была службишка, не служба, — рассеянно проговорил Лог.

— Да ты и впрямь волшебник.

— Добрая фея.

— Вот-вот.

— В хрустальных туфельках.

Силин покосился на башмаки Лога и не мог сдержать улыбки.

— От них страшные мозоли, от хрустальных туфелек, — не то в шутку, не то всерьез пожаловался Лог.

Несколько шагов они прошли молча. Поднялись по пандусу.

— Слушай, Лог. Лидия...

— Ну?

— Вы и в самом деле?..

— Черт, — сказал Лог. — Какой ты еще молодой...

Они вошли в киберотсек. Он походил сейчас на жилье, откуда в спешке бежали обитатели, захватив самое необходимое и бросив остальное как попало. Половина панелей была снята и за ними виднелись пустые гнезда, выстланные упругим пластиком; поблескивали контактные пластины, вились тугие спирали проводов. Капсулы с биокиберами были давно уже вынуты и, заключенные в приборные ящики с такой же упругой оббивкой, установлены в тесной металлической будке на полюсе, у подножия устройства, носившего в просторечии название Большого Черного Дятла. Только одна из капсул, уроненная при демонтаже, валялась на полу — ее так и не успели убрать. Капсула треснула, и виднелось розоватое тело биокIBA, кое-где уже тронутое зеленцой. Торчащие из капсулы проволоочки с блестящими наконечниками разметались по полу. Восстановить прибор было нельзя: биокИбы не портились, они умирали, как подстреленные птицы. Зато можно было вырастить новый, задав наперед его характеристики и конфигурацию. Для этого требовалось всего лишь уметь задавать эти характеристики. Кто-то из погибших — наверняка Кродер — уже успел сделать это: инкубатор был включен, на что указывали огоньки на его панели и тепло, струившееся от стенок.

Силин заглянул в глазок и в ярком кварцевом свете увидел небольшое, в два кулака, розоватое тело. Голубые волны пробегали по его поверхности, и казалось, что тело живет, вздрагивает, учащенно дышит. На самом деле биокИбы способностью к движению не обладали, лишь темно-розовая жидкость мерно пульсировала по прозрачным трубочкам, подведенным к растущему телу, и — уже почти прозрачная — по другим трубкам уходила в стенку инкубатора, в обогатитель. Все остальное пространство внутри аппарата было заполнено путаницей тонких блестящих проволоочек — скелетом биокИба, смонтированным на точнейшей координатной решет-

ке с помощью микроскопа и микроманипуляторов; от точности монтажа и зависели качества будущего робота, а точность, в свою очередь, обуславливалась не только совершенством приборов, но и интуицией мастера, оттачивавшейся годами. Создание биокробов было сродни искусству, в отличие от монтажа электронных схем, и вряд ли люди стали бы так усложнять свою работу, если бы не безотказность и огромный запас мощности этих устройств. Человеку не подготовленному нечего было и браться за биотектуру — Силину, например. Он это отлично знал и оторвался от глазка с чувством благодарности тем, кто выполнил труднейшую работу до него.

— Погляди, — сказал он Логу. — Это ведь координатор тяги — взамен разбитого? Очень кстати: взлетать без него я бы не взялся.

Лог подошел и тоже заглянул в глазок. Брови его сдвинулись, но через миг лицо приняло обычное выражение. Он выпрямился.

— Да, взлететь без координатора тяги было бы мудрено, — согласился он. — А теперь не поработать ли нам ради приятного разнообразия? Возьмем этот регулятор, — он щелкнул пальцем по одной из еще закрытых панелей. — И эту штуковину тоже.

— Что тут?

— Судя по надписи, малый иерарх.

— И они заменят нам Листа?

— Анекдотов они рассказывать не будут, — сказал Лог. — А в остальном... Впрочем, заменим его мы: вместо него нести вахту у Дятла придется нам по очереди. А эти кибы просто скомпенсируют разницу в опыте и умении Листа и нашем.

— Значит, и на связи придется дежурить по очереди?

-- Ты боишься не найти общего языка?

— Я?.. Просто во время смены вахт на связи не будет никого. А вдруг Земля захочет...

— Рассчитаем так, чтобы смениться, когда связь невозможна.

— Все, оказывается, просто.

— Жизнь вообще проста. Да и смерть тоже. Давай-ка снимаю панель.

Силин повиновался. Полчаса они работали, не произнося ни слова, — отсоединяли проводочки от гнезд, осторожно отводили контактные пластины. Силин взял два из сложенных в углу приборных ящиков, тщательно проверил целостность обивки, контактов, заряд батарей в гнездах, герметизирующую прокладку. Потом люди вынули и бережно уложили в ящики сначала регулятор, потом малый иерарх, закрыли и затянули крышки и убедились, что индикаторы на стенке ящиков показывают полный порядок. Тогда Силин окинул отсек взглядом.

— Надо бы прибраться, — сказал он недовольно.

— Да, великий боцман. Но прежде уясни: на месте спутать соединения немыслимо — следи за цветом проводов и все.

— Это я знаю.

— Надеюсь, они продержатся эти несколько часов.

— Здорово, — сказал Силин. — А на корабле, по-твоему, они не понадобятся?

— Да, разумеется, милый логик. Я имел в виду — пока они будут нужны для выполнения задачи. Ну, что же — давай свисток на приборку.

Они навели в отсеке полную чистоту, закрыли панели. Силин проверил, прочны ли соединения инкубатора с сетями и системами отсека: слишком важен был растущий биокиб. Наконец он вытер руки:

— Осталось снести и установить.

— Нет, великий вождь. Если идти сейчас да потом возвращаться, то мы не отдохнем перед вахтой. Лучше выйти к началу прослеживания. К чему лишние концы? Оставим приборы здесь и идем в рубку — я тебя потренирую.

В рубке связи они провели минут двадцать: в несложной технике суперпередачи Силин разобрался быстро. Наконец Лог, потянувшись, проговорил:

— Не пора ли пообедать, коллега?

— Самое время, — согласился Силин.

Они направились в салон. Здесь было пусто и неуютно, царила неподвижность, лишь красная точка на конце секундной стрелки настенного хронометра все кружила, словно стараясь найти выход из заколдованного круга, где счет с каждым оборотом начинался заново и все же никогда не повторялся.

— Ничего, — сказал Лог. — Времени еще с походом.

— Как нога? — спросил Силин.

— Да что ты пристал, доктор Эскалоп! — проворчал Лог. — Нога! Ничего, дотерпит. Дай лучше поесть. Ибо сказано: «Было славно на галере, пировали мы подчас».

За едой они молчали, изредка звякала посуда и после каждого такого звука тишина становилась все плотнее. Лог вздохнул, подцепил на вилку консервы.

— Проза жизни, — сказал он. — Эту самую лососину французы, например, делают с вином.

Реплика была неудачной: обоим сразу вспомнился Малан — ныне седьмой справа. Он был белокур, массивен и медлителен, говорил мало, а о женщинах, кажется, и вообще никогда, и был великолепным пилотом.

— Алкоголь в рейсе запрещен, — сказал Силин серьезно, и Лог невольно улыбнулся: боцман, по-видимому, окончательно пришел в норму.

— Не станем уточнять, — произнес он, вытер губы и отодвинул тарелку. — Теперь сорок минут отдыха. Не знаю, как ты, а мне хотелось бы провести их в одиночестве.

Силин пожал плечами, но не стал возражать.

— Схожу наверх, — сказал он.

— А я посижу здесь.

Силин отнес посуду на камбуз и сунул в мойку, потом направился на самый верх — в ходовую рубку корабля.

Тускнели выключенные экраны, кресла очередной вахты стояли пустые, странно выразительные, ставшие из вещей, предназначенных для человека, самостоятельными предметами, вещами в себе. Разноцветные кнопки, клавиши, ключи виднелись на пульте; сейчас они воспринимались, как детали отделки, их истинное назначение — оживлять корабль, его многочисленные системы и устройства — отошло куда-то, сделалось мифом, легендой, оставшейся от далекого прошлого. Удайся кораблю сесть там, где предполагалось, демонтировать автоматику не пришлось бы: сам корабль и служил бы станцией. Так это было задумано, так осуществлялось ранее в других местах, но астероид внес свои поправки, и теперь после выполнения задачи придется снова разобрать все на полюсе, перенести на руках в корабль и установить на место. Только тогда корабль вновь

станет самым собой; сейчас это, если говорить откровенно, был не корабль, и жаргонное обозначение «гроб» казалось точным, как никогда.

Силин тряхнул головой: ничего. Смонтировать биокибы в отсеке вещь не такая уж сложная, поскольку выращивать заново ничего не придется. Все схемы, какие понадобятся при монтаже, лежат тут, в рубке. Вот они.

Несколько минут Силин листал биосхемы. Потом покачал головой, на лице его возникло тревожное выражение. И без того загадочные для непосвященного разноцветные линии и знаки были беспощадно исчерканы красным и синим: петли охватывали отдельные участки схем, размашистые стрелы выводили их куда-то в пустоту, к отметкам, понятным лишь тому, кто их делал; резкие линии рассекали схемы на несколько частей и тоже заканчивались стрелками, ни на что не указывавшими. Силин вспомнил, что после посадки биотектор долго доказывал капитану, что следовало бы изменить структуру части кибов, чтобы она выполняла и работу остальных, иначе для управления Черным Дятлом на полюс пришлось бы перенести всю корабельную автоматику, а на это не хватило бы ни времени, ни сил. Разговор этот показался тогда Силину чисто теоретическим, а в свой отсек Кродер непосвященных не пускал. Но теперь, когда Силину с Логом придется восстанавливать структуру, они могут с этим и не справиться.

Еще с минуту Силин сидел, колеблясь. Затем встал, сунул схемы под мышку и решительным шагом направился в салон.

Еще спускаясь, он услышал звуки музыки и удивился. Оператора суперсвязи сомнения, по-видимому, не волновали — к вахте он готовился, предаваясь кейфу! Силин прислушался. Низкий женский голос пел, хор поддерживал его; песня была о реке, что ли? Настолько Силин знал язык, чтобы разобрать: «Слишком много рек разделяют нас с тобой»... Мелодия была не то чтобы грустной, но строгой какой-то, очень сдержанной, как будто женщина хотела говорить спокойно и старалась говорить спокойно, и действительно говорила спокойно, но спокойствие это казалось страшнее отчаяния, беспросветнее полной безнадежности. Отрешенность

была в нем, понял Силин; наверное, так пели бы песни по ту сторону грани — в Аиде, в мире теней, существуй он в действительности. Вроде бы не было в фонотеке корабля такой записи; то ли Лог, манипулируя тембрами и ключами кристофона, придал ей такое звучание, или действовала мертвая тишина корабля и тот резонанс, что возникает в опустевшем, вымершем жилье?

Он отворил дверь. Лог полулежал в большом мягком кресле, капитанском, хотя живые предпочитали сидеть на своих местах. Кристофон стоял на столике рядом, и — Силин даже не сразу поверил глазам — золотистая бутылка и рюмка. Боцман нахмурился. Лог открыл глаза и улыбнулся:

— Знаешь, я понял: хорошим в жизни было то, что я многим был нужен. И они радовались, когда я приходил.

— Ты и сейчас необходим, — сказал Силин.

— Ах, да я совсем не о том. — Улыбка сбежала с лица Лога, он выпрямился. — Ну да, — проговорил он уже обычным резковато-насмешливым голосом. — Конечно. Зачем я понадобился на сей раз? «Что там на солнце так черно — так рядовой сказал...»

— Вот, — сказал Силин, протягивая схемы. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю ли я... — задумчиво повторил Лог. Он взял со столика листок бумаги, исчерканный какими-то линиями, — пронумерованные, они не пересекались, но каждая была рассечена короткими штрихами на четыре-пять частей. Лог сложил листочек и спрятал в карман. — Да, так что? Ах, сумеем ли мы восстановить автоматику?

— Если только автоматика до последнего кибя не будет в идеальном порядке, — выговорил Силин то, что мучило его все последние минуты, — то вдвоем мы машину не поднимем.

— Ты полагаешь? А тебе очень хочется поднять машину? Силин начал сердиться:

— Не понимаю таких шуток.

Лог странно взглянул на него:

— Ну, ладно... Только я одного не пойму: с каких пор ты перестал мне верить?

— Почему ты решил?

— Да вот, ты пришел с какими-то схемами и говоришь, что они сложны.

— Просто я не могу в них разобраться.

— И ты решил, что я тоже не смогу? Ну-ка...

Он взял схемы, раскрыл альбом наудачу, быстро пробежал глазами по пестрой паутине, усмехнулся, что-то пробормотал и кивнул. Перелистнул. Силин смотрел на него, и на сердце становилось легче. Лог перевернул еще страницу, захолопнул альбом и бросил на столик.

— Ну, что? — спросил Силин.

— Приготовительный класс, — сказал Лог, презрительно скривив губы. — Не знаю, осторожный брат мой, чем заслужил я такое неуважение со стороны начальствующего состава в лице великого ботмана.

— Суперсвязь, — сказал Силин осторожно, — это же совсем другое...

— Ну и что? — улыбка Лога стала саркастической. — Почему ты решил, что в жизни я занимался одной лишь суперсвязью? Потому что с вами я полетел связистом?

Силин кивнул.

— Убогая логика, — вздохнул связист. — А тебе не пришло в голову, что если бы у вас заболел не связист, а, к примеру, биотектор, то я полетел бы биотектором? Или еще кем-нибудь? Я просто занял свободное место: мне хотелось сходить в этот рейс. Нет, ваша честь, я недаром ел хлеб на Земле, да и в любом другом месте. Есть еще вопросы?

— Раз ты говоришь, что можешь...

— А о чем же я тебе толкую столько времени? — сердито поинтересовался Лог. — Да, кстати, о времени... — Он покопался на хронометр. — Его уже мало.

— Да, — согласился Силин.

— К слову, чтобы ты был уж совсем спокоен: если мы даже и не сумели бы поднять корабль, всегда остается возможность попросить помощи у Земли. Эскорт вместе с гостями нырнет в надпространство, но ненадолго: раз переход произойдет нормально, они почти сразу же вынырнут и мы сможем просигнализировать им. Убедительно?

Силин кивнул.

— Видишь! — усмехнулся Лог. — А ты боялся. Но пора идти — установить приборчики и отсидеть первую вахту.

— Я пойду. Дай ноге еще два часа отдохнуть.

— Нога? Я уж забыл про нее.

— Все равно.

— Бросим жребий, — сказал Лог.

— Нечестно: тебе всегда везет.

Лог улыбнулся.

— Ладно, — согласился Силин. — Бросай.

Лог взял нож и пощупал пластиковую обивку кресла.

— Эй, эй! — предостерегающе воскликнул Силин.

— Боцмана ничто не исправит, — снисходительно проговорил Лог. Он вытащил из кармана информатор и отломал крышку. — Моя сторона красная, твоя голубая. Идет?

— Давай.

Лог подбросил. Гибкая пластинка несколько раз перевернулась и спланировала на пол.

— Моя взяла! — воскликнул Силин, торжествуя. Лог хмуро глянул на пластик.

— Ну, что ж, — сказал он. — Иншалла! Береги себя.

— Попробую, — обещал Силин.

— Не напутаешь с соединениями?

— Да ну, — пробормотал Силин. — Ты тоже не обижай меня.

— Что ты, — сказал Лог, мягко улынувшись. — Что ты, брат мой, великий боцман. Ну, команды на поле!

Силин прощально поднял руку и вышел. В киберотсеке он еще раз посмотрел в глазок инкубатора. Тело биокиба заметно выросло, в одном месте оно уже соприкоснулось с контактной пластиной, и там стала возникать корочка капсулы. Силин осторожно погладил стенку инкубатора, потом взял ящики с регулятором и иерархом, в тамбуре эделся, спустился и вышел из лифта не поднимая глаз. Он не хотел смотреть на звезды. «Хорошо, — подумал он, — что на Земле звезды видишь не каждый вечер. Там есть атмосфера и облака, можно поднять голову и не видеть светил. И потом, на Земле звезды не взлетают и не бросаются на тебя из-за угла, даже не замечаешь, как они поднимаются и опускаются. А на Луне звезды и вообще похожи на картину, неподвижно висящую на стене; на нее можно смотреть, а можно и не смотреть, и она ничем не напоминает о себе».

Здесь звезды напоминали о себе. Силин не удержался, поднял глаза и несколько секунд неотрывно глядел на них. Затем двинулся, внимательно глядя под ноги, чтобы не зацепиться о какую-нибудь неровность в узкой расщелине между скалами и не упасть. Может быть, те, кто не уцелел, именно спотыкались и падали, и острые грани скал, не сглаженные ни ветром, ни водой, наносили им сквозь эластичный материал скафандра смертельные удары? Но единственным, о ком достоверно известно, что он упал, был Лог, а он отделался всего лишь ногой, да и та заживала. Тех же находили сидящими, как вот Листа, или даже стоящими, прислонясь спиной к скале; все у них было в порядке — и ноги, и руки — только жизнь отказала. Да, и все же надо было опасаться падения: приходится остерегаться всего на свете, если неизвестен подлинный источник опасности.

Так размышлял Силин, пробираясь в скальной теснине и испытывая не страх, но все же некоторую неловкость оттого, что шел один. Последнее время люди выходили только по двое, хотя эта мера по сути была бесполезной: единственный путь к полюсу не отличался удобствами, люди, пробираясь меж острыми ребрами скал, то и дело теряли друг друга из виду, а потом один находил другого уже недвижимым. Так это происходило — за исключением тех случаев, когда встревоженные долгим отсутствием ушедших члены экипажа, еще остававшиеся на борту, выходили и обнаруживали бездыханными обоих.

Да, такая вот ушица. Силин осторожно продвигался, поглядывая по привычке на дозиметр. Прибор дремал: радиационный фон здесь был низок, излучение не могло повредить не то что здоровому человеку — даже лабораторной зверушке оно не повредило бы... За поворотом извилистый путь, круто поднимаясь, выводил на крохотный свободный пятчок на самом полюсе. Места тут было в обрез, чтобы поставить будку с кибами и локатором, а рядом, на привезенной с Земли ферме, сам Черный Дятел. Силин пробирался, наклонясь вперед, чтобы легче было преодолевать подъем; потом он остановился. Приборные ящики, показалось ему, отяжелели, а вернее, — он просто-напросто устал петлять между скалами в постоянном напряжении. Он стоял, дыша через

нос, глубоко втягивая теплый воздух, едва ощутимо пахнувший скафандром. Удары сердца становились все реже, размереннее.

Отдышавшись, он шагнул. Повернул. Звездная россыпь снова вспыхнула взрывом, тяжелый скат Млечного пути закрутился. Силин удивился: ему вдруг показалось, что есть в этом вращении нечто, из-за чего, быть может, следовало постоять подольше, вглядываясь в крутые траектории небесных тел. Но краем глаза он уже нащупал узкую будку, куб батарей и решетчатую ферму с коническим излучателем — Ключом Дятла. Все было цело и устойчиво, только люди успели умереть, как строители пирамид.

Силин осторожно опустил ящики на камень. Отворил дверь. Внутри загорелся свет. Широким полукольцом охватывал стену экран, перед ним стоял жесткий вращающийся стульчик и был укреплен маленький пульт с ручками наводки и клавишей разряда. Места хватало только чтобы кое-как втиснуться, — Лист не заботился об удобствах, да и сложением он был помельче; все остальное пространство занимали расположенные во много ярусов ящики с биокибами. Силин установил регулятор и иерарх под самый потолок. Внимательно — чтобы не перепутать — присоединил фидеры к нужным гнездам. Потом уселся и, с трудом заведя руку за спину, затворил дверцу.

Освоившись, он осторожно нажал клавишу накопления и взглянул на шкалу индикатора мощности. Цифры в окошечке дрогнули, правая сдвинулась и едва заметно для глаза поплыла вверх. Дальше надо было включить обзор. Силин нащупал кнопку. Экран засветился, сумеречное, рассеянное сияние озарило тесную внутренность будки. На экране не было звезд, только линия, начертанная локатором, бежали по нему, а звезд локатор даже не замечал; прибор, как человек практического ума, воспринимал лишь то, что находилось поблизости и могло оказать влияние на обстановку, до дальних светил ему не было дела. Сейчас окрестность пустовала, светлая линия не изгибалась, не дыбилась пиком, и это означало, что экспедиция не встретит помех, благополучно разгонится и проскользнет в надпространство через пролом, услужливо сделанный Дятлом.

Теперь, в полной готовности к событиям, Силин мог под ритмичное шелкание накопителя поразмыслить о будущем. Охотно покоряясь обычному своему стремлению не сидеть без дела, когда можно найти его, он стал прикидывать, каким образом «Драконы» могли бы помочь, если Силин с Логом и в самом деле запросят помощи. Боцман улыбнулся, словно уже и простым глазом стало можно различить быстро летящую среди звезд искорку. Он с легкостью представил, как «Дракон» идет, не уменьшая скорости, лихо тормозит в самый последний момент, ложится на круговую орбиту, выбирая место для посадки... Вообразить это было нетрудно: ведь и корабль Силина точно так же кружил в поисках свободного местечка, и острые черные иглы мелькали под ним. Капитан разыскал все-таки единственное место, и...

Какое-то из слов, в которые Силин облекал свои мысли, ему не понравилось. Ну да: «единственное».

На этом астероиде нашлось одно-единственное место для посадки, и корабль занял его, как электрон заполняет последнюю вакансию на внешней орбите атома, куда больше не присоединиться уже никому. Силин потер лоб. Выходило, что прилететь-то «Дракон» прилетит, но сесть не сможет, а значит, не сумеет и оказать никакой помощи ни людям, ни кораблю. Вот это да, ничего себе ушища...

А если не сам «Дракон», а один из его катеров?

Силин напрягся, стараясь с наибольшей четкостью увидеть астероид таким, каким выглядел он тогда, с высоты. И понял: нет, даже самый маленький катер не сможет сесть. Это ведь только говорится — «маленький», на самом деле катер — машина хоть куда. И потом, самый маленький и нельзя посылать: масса астероида огромна, а ионные катера рассчитаны на действия в космосе и тяга у них чересчур слаба.

— Вот такой супец, — повторил Силин, чувствуя, как ему становится невесело. Вспомнилось почему-то, как он стоял в воротах, и резво набегал правый крайний, а другой шел центром, мяч крутился у него в ногах, и трудно было выбрать позицию.

По логике, раз места нет, значит, надо его подготовить. А как подготовить, если эти скалы и взорвать нельзя — во всяком случае, той взрывчаткой, какая есть у них на борту?

Хотя — что-то было в этой мысли насчет взрывов. Какой-то поворот, который — Силин чувствовал — пока ускользал от его внимания. Если как следует подумать, этот поворот можно будет, пожалуй, найти...

Но найти Силин не успел. Трель прозвучала, наполнив будку; металлические стенки тонко завибрировали. Силин торопливо протянул руку к приемнику.

Голос Лога был прежним — спокойным, самоуверенным, от одного его звука все сомнения Силина вдруг съезжились и поползли куда-то под стул, как нашкодившие коты.

— Ну, что ты там, брат мой Тристан-отшельник? — поинтересовался Лог. — Слышал свисток? Начинается серьезная игра, великий вождь: с учетом всяких случайностей, их можно ожидать вскорости. Возьми глаза в руки, и чтобы пространство было, как бархат...

— Я в игре, — ответил Силин, стараясь, чтобы и его голос звучал безмятежно. — Пространство чисто. Черный Дятел готов. Не сомневайся, сыграно будет как по нотам!

Странно: убедил ли Силин Лога или нет, но самому ему стало куда легче от собственной уверенности. В опасениях ничего стыдного нет, только не надо держать их про себя: трус таит сомнения, смелый высказывает их. Силин продолжал со сверхъестественным спокойствием:

— Я тут прикинул насчет «Драконов». Не очень весело: они не могут даже сесть. Расчищать место аннигиляторами крейсеров опасно: кто знает, как отзовется на такое дело вещество астероида?

— О господи! — после едва уловимой паузы трагически воскликнул Лог. — Куда я попал, в какое общество? Да о чем тебе думать, когда здесь я. Я! Понял, брат мой Фома?

— Да иди ты! — сказал Силин, улыбаясь. — Я ведь не боюсь.

— Наконец, — проговорил Лог удовлетворенно, — я слышу речь классного вратаря. И все же ответь: тебе приходилось летать на «Драконах»?

— Ни разу, — признался Силин.

— А я на них ходил, — торжествующе возгласил Лог, — и немало лет. Я-то знаю, что это за корабли! И могу тебя заверить, друг мой вахтенный: стоит нам попросить их помощи,

как они мгновенно найдут тысячу и один способ вытянуть нас отсюда.

— Тысячу и один... — медленно повторил Силин, испытывая глубочайшее удовлетворение от произнесения этого числа вслух.

— Никак не меньше. Дюжину-другую из этих способов знаю даже я. Например, взять хоть... Но я отвлекаю тебя, великий вождь, а корабли спешат. Мы еще успеем поговорить об этом. Итак — держись. До финального свистка!

— Понял, — сказал Силин.

И в самом деле, беспокоиться было нечего. «Драконы» приближались, неся с собой тысячу и одну возможность спасти людей, еще оставшихся в живых. В будке стояла тишина — не угрожающая, а дружественная, нормальная тишина, необходимая для сосредоточенной работы. Силин внимательно глядел на экран, обшаривая его глазами от края до края, словно уже в ближайшие минуты мог увидеть вытянутые тела кораблей не в воображении, а тут, за изогнутым стеклом. Глаза напряженно работали, а мозг бездействовал, и Силин стал вспоминать, как несколько месяцев назад началась вся эта история.

Сначала два любителя из Японии обнаружили новое небесное тело. Его приняли за комету и даже успели дать ей соответствующий номер. Потом поднялась тревога: комета, как полагали, должна была пройти в опасной близости Земли. Вскоре возникло подозрение, что комета — вовсе не комета: движение ее не вполне согласовывалось с законами небесной механики. Лишь ученые до последнего мгновения, согласно правилам своей игры, пытались объяснить эволюции небесного тела с помощью различных комбинаций естественных причин и следствий и окончательно преуспели в этом как раз в день, когда приближавшееся тело легло на круговую орбиту около Земли.

К нему — не подходя, впрочем, ближе нескольких сот километров — устремились земные кораблики, стараясь установить связь. Сделать это не удалось — гости не пользовались ни одним из способов связи, известных Земле, — но в конце концов после месячного ожидания, когда ни одна из сторон не предприняла попыток нанести другой какой-либо вред (сохранение статус-кво потребовало ко-

лоссальной осторожности, поскольку каждая сторона не знала, что другая может воспринять как угрозу; Земля, например, временно отказалась даже от запуска климатических спутников, вследствие чего летний отдых у многих был испорчен), гости покинули свое убежище. Земле это обошлось в несколько часов тихой паники: никто не мог знать, что заключает в себе отделившийся от корабля и медленно снижающийся диск. Ограничились тем, что почти вплотную к нему подвели беспилотный корабль, заранее обреченный в жертву, — подвели медленно, очень медленно, во избежание недоразумений. Диск не стал шараться в сторону — наоборот, последовал за автоматическим проводником и покорно приземлился в самом центре Атакамы, подальше от населенных мест.

И вот теперь переговоры кончились, и гости уходили, а Земля провожала их с почетом. Маршрут был разработан заранее: чтобы обеспечить безопасность при переходе чужой громоздкой машины в надпространство, астрономы всласть поколдовали над своими картами и каталогами и наткнулись наконец на этот астероид, позволивший, благодаря своей массе, установленной гравиастрономами, обойтись без постройки специального спутника с мощными противооткатными двигателями: переход должен происходить вдали от больших планет, искривляющих пространство. И вот корабль гостей с сопровождающими приближался к астероиду, и надо было следить за пространством всерьез.

Откровенно говоря, это было скучное занятие, вгонявшее в сон. Чтобы сделать его поинтереснее, Силин мысленно вступил в соревнование с автоматами. Как только в пространстве окажется какое-то постороннее тело, подлежащее уничтожению слабым импульсом Клюва, на экране возникнет всплеск; если вахтенный не заметит сигнала и не нажмет контрольную клавишу, через секунду автоматы дадут звонок, чтобы привлечь внимание человека. И вот Силин решил, что каждый прозвучавший звонок будет голом в его ворота, а каждый, предупрежденный им, — в ворота биокибов, у которых, при всех их достоинствах, вряд ли были хорошие вратари.

Он так сосредоточился на игре, что не заметил, как прошло время. Счет не был открыт, и на воображаемом табло

стояли нули (к счастью, зрители, которые могли бы выразить недовольство, при этой игре не присутствовали). Лампочка на пульте замигала: это Лог пришел на смену. Силин поднялся; только теперь он почувствовал, как затекло тело после двух часов неподвижности, как гудит в голове и рябит в глазах после непрерывного взглядывания в экран.

Он отворил дверцу и вышел. Мгновение они постояли рядом, потом каждый, протянув руку, прикоснулся к плечу другого. Беседовать не было времени, но не в привычках Лога было разойтись молча. Поэтому Силин не удивился, когда Лог сказал:

— А в конечном итоге, повезло все же мне: работать-то с Дятлом буду я. Если тебя смутит что-нибудь при трансляции — спрашивай. Хотя ты все понял, да и сама техника тривиальна. Как сказал один парень: «Проклятье моей работе, уловкам, что всем по плечу!».

Он шагнул в кабину и стал примащиваться там. Силин подождал, пока затворится дверь, и пожалел, что не нашел слов, которые сейчас надо бы сказать Логу, чтобы ему стало совсем хорошо. Потом повернулся и зашагал знакомым путем к кораблю.

Он шел, стараясь не глядеть на звезды; это стало уже привычкой. Неожиданно он почувствовал, что может взглянуть на них, не делая над собой усилия. Он удивленно поднял брови и даже засмеялся: к чему бы это? Торопливое вращение звезд теперь не говорило о чем-то враждебном; наоборот, оно вызывало в памяти какую-то плавную, приятную музыку, старинный вальс — Штрауса, может быть? Все еще усмехаясь, Силин остановился, посмотрел на звезды — взглянул сразу, резко подняв голову, взглянул в упор, вызывающе, как смотрят в глаза человеку, которого боялись и вдруг перестали бояться. Да, звезды и вправду больше не пугали. Они, кажется, стали друзьями.

Силину не хотелось отрываться от них. Пришлось просто-таки заставить себя опустить взгляд. Он сделал это, испытывая великолепное ощущение, свидетельствующее о силе и уверенности в себе.

Близ корабля он позволил себе еще раз постоять — каких-нибудь две-три минуты, от силы пять — и полюбоваться прекрасным зрелищем взвивающихся светил. Потом вошел

в лифт, взлетел вверх и, уже снимая скафандр, почувствовал, что смертельно устал и с охотой прилег бы на часок-другой. Но усталость была врагом привычным, и как бороться с нею Силин знал.

Он поел и выпил большую кружку кофе, такого крепкого, что, казалось, поднеси спичку — и он вспыхнет бесцветным пламенем. Теперь можно было идти в рубку связи, чтобы откликнуться, как только Земля вызовет станцию.

Однако перед этим Силин решил зайти в киберотсек, чтобы убедиться, что новый биокиб растет нормально, что ему хватает всего, — слишком многое зависело от этого прибора в будущем. Силин долго смотрел в глазок. Биокиб уже почти созрел. Молодец Кродер — успел задать инкубатору программу сразу же, как только Лист кочнул координатор. Лист... А разве Лист работал с биокибами при Кродере? Его дело было — Ключ, с кибамы Кродер возился сам, Листу, пришлось заняться этим, когда биотектор уже выбыл. Но Лист заведомо не мог запустить инкубатор: в биотектуре он смыслил не больше Силина. Инкубатор зарядил Кродер. Значит, и прибор был разбит еще при Кродере, а разбил Лист — он сам говорил... Нет, наверное, просто перепуталась в памяти последовательность событий, иначе трудно понять, как мог Кродер догадаться, что именно будет разбито после его смерти. А ничто другое не могло оказаться в инкубаторе: все остальные автоматы были исправны и замены не требовали.

Додумывал это Силин уже за пультом связи. Затем вызвал Лога.

— Дошел благополучно, — доложил он.

— Они уже нащупали нас: был сигнал маяка! Чувствуешь? Голос Лога звучал взволнованно. Силин прикинул:

— Чуть раньше, чем предполагалось.

— Хорошо разгоняются. Славно, друг мой боцман! Славно! Пройдут раньше, значит, раньше все и...

— Ну, ладно, — сказал Силин.

— Вот именно. Я, наверное, просто хотел сказать: раньше вернемся на Землю.

— Да, — сказал Силин весело. — Само собой.

— Теперь слушай: аппаратура настроена на трансляцию.

— Ты говорил.

— Ничего не меняй. Твое дело — только включить.

— Это я сумею.

— Если захотят перед этим видеть нас, откажись. Объясни, что не хочешь сбивать настройку, переключать с трансляции на обзор рубки. Ты не связист, тебе простительно, если не захочешь лишний раз возиться с настройкой. Попроси, чтобы вызвали на следующем обороте, а еще лучше — попозже.

— Так и сделаю. А если она спросит, почему на сеансе не ты?

— Она не спросит, — после паузы ответил Лог. — А если... что ж, сочини что-нибудь.

— У меня так гладко не получается...

Силин тут же пожалел о сказанном. Лог — слышно было — усмехнулся:

— Как у меня? Да, я в этом профессионал хоть куда. В артисты пойти — мне цены бы не было.

Силин настороженно вслушивался в звуки его голоса.

— У тебя что-то не в порядке, Лог? Плохо себя чувствуешь?

— Я? Наивный мальчик... Слушай дальше: перед трансляцией Земля тебя не увидит, но будет слышать. Поэтому, чтобы они ничего не заподозрили, включи запись. Найди на панели тумблер — третий справа во втором ряду...

— Лог, слушай...

— Не перебивай старших.

— Ты очень обижен, что она...

— Милый, разве на это обижаются? Ты нашел тумблер?

— Нашел. Что это за запись?

— Я как-то записал для собственного удовольствия, как разыгрывали Грина, и все ржали. Земле покажется, что мы шумим тут, неподалеку. Такая оптимистическая картинка...

— Это ты неплохо придумал, — сказал Силин.

— Ну, держись.

— И ты, — проговорил в ответ Силин.

— Главное — спокойствие. Все идет по плану. Тренерская установка выполняется на сто процентов. Последний тайм. Кончим с финальным свистком, точно по секундомеру.

— Все ясно, — сказал Силин, радуясь, что голос Лога вновь звучит бодро. — На Земле надо будет обязательно сыг-

рать. На этот раз в одной команде. Мы же не самые плохие игроки, а?

— Мы-то? Из лучших! Мы с тобой... Алло! — перебил Лог сам себя. — Ты слушаешь? Внимание! Внимание! Вижу их!

— Я готов! — крикнул Силин, чувствуя, как заколотилось сердце.

— Включай! Земля уже, наверное, стучится в дверь!

Лог угадал. Как только Силин включил видео и косые полосы побежали по экрану, в рубке зазвучал требовательный голос Лидии:

— Почему молчите? Почему молчите? Не слышу вас...

Силин повернул переключатель. Звезды вспыхнули на экране, вечно нетерпеливые звезды. Они — на этом экране — неслись слева направо, заполняя его своими письменами; но вот одна из них, показавшись в левом углу, не последовала за остальными, а стала пробиваться наперерез потоку, сверху вниз. Силин нажал клавишу, на которой уже загодя держал палец. Стремительность звезд исчезла, они вдруг остановились, на пульте вспыхнуло табло: «Слежение включено». Антенна теперь вращалась, удерживая на экране один и тот же участок неба.

«Игра, — подумал Силин. — Великолепная игра!».

— Земля! — сказал он громко. — Я здесь, Земля! Слышу вас!

— Кто на связи? — И тише. — Это ты?

— Я, — сказал он. — Я.

— Здравствуй... — так же тихо проговорила она.

Он молчал: просто невозможно было найти слово для ответа.

— Станция! — вмешался другой голос, мужской. — Не слышим вас!

— Земля! — опомнился Силин. — Как видите? Ретранслятор станции включен! Видите их? Они на экране...

Звезда — единственная, двигавшаяся теперь — ползла через экран, все увеличиваясь, становясь ярче. Рядом с ней стали видны еще три звездочки послабее — три «Дракона».

— Видим! — сказал мужской голос с Земли. — Какое у вас бездонное небо!

— Они приближаются! — вдруг охрипнув, сказал Силин. Он нашарил тумблер, о котором говорил Лог, нажал, поло-

жил левую руку на регулятор и медленно ввел фонограмму, на которой шумели и смеялись умершие. Звезды, бегущие на давно забытом фоне неподвижного неба, все росли, теперь их было не спутать ни с какими другими.

— Попросите ваших говорить потише! — сказал мужской голос.

— Эй, молодцы! — крикнул Силин, чуть отвернувшись от микрофона. — Не галдите так! — Рот его кривился, глаза часто мигали. — Земля меня не слышит! — Презрение к себе было на его лице, но голос звучал бодро. Он приглушил фонограмму.

— Внимание! — крикнула Лидия на Земле. — Смотрите же! Включаю всю планету!

Самая яркая звезда на экране уже обрела размеры. С каждой минутой все четче становились ее контуры. Это был тетраэдр со множеством выростов, чье назначение пока, наверное, оставалось тайной даже для специалистов Земли. Три вытянутых трехкорпусных «Дракона» с вынесенными далеко назад рефлекторами шли по сторонам, образуя призму, в центре которой и находился тетраэдр гостей, — неслись, вытянув вперед полураскрытые клювы питателей. Сильнейшие крейсеры из всех, какими обладала Земля, по сравнению с гостем они казались дельфинами рядом с китом.

— Земля! — сказал Силин. — Земля! Смотрите картинку, связь с вами прерываю, подключаю трансляцию с «Драконов». Связь с вами — на следующем сеансе, попозже. — Он повернул переключатель на нужную волну. — «Дракон», я станция. Слышите меня?

— Слышим и видим хорошо! — голос «Дракона» пробился сквозь жужжание помех. — Проходим нормально! Продолжаем разгон!

Силин нашарил клавишу и нажал. Тонкая сетка словно легла на экран, вспыхнули шкалы группы приборов слежения; все биокибы, смонтированные на станции, работали теперь на полную мощность, сопоставляя скорость и направление летящей в пространстве экспедиции с теми данными, что были заложены в их необъятной памяти, мгновенно производя вычисления и передавая результаты на приборы. Несколько секунд Силин вглядывался в светящиеся окошечки, потом перевел взгляд на экран.

— Внимание, «Дракон»! По нашим данным, пространство чистое, пригодное для маневра, скорость выдерживаете, идете с угловым отклонением в шесть десятых секунды, для коррекции имеете время — сто сорок секунд!

— Поняли вас, производим коррекцию!

Наступило молчание — наверное, и на Земле сейчас никто не произносил ни слова, глядя в экраны. Силин представил, как разносятся сейчас по отсекам «Драконов» предупреждающие гудки, как включается страховка и кресла плавно поворачиваются в направлении предстоящей перегрузки. Вдруг он пригнулся к микрофону:

— Внимание, «Дракон»! Можете ли сообщить гостю о коррекции?

— Алло, станция! Гость автоматически сохраняет положение в центре нашей системы, подвернет синхронно, — донесся ответ.

Силин покраснел: на Земле, наверное, смеются. Вот уж некстати вылез... Теперь он не отрывал глаз от секундомера.

— Время! — крикнул он: ему показалось, что корабли медлят. Но мгновением раньше «Драконы» на экране чуть дрогнули, зеркала их, видимые отсюда в три четверти, на краткий миг залились фиолетовым светом. Не отстав ни на долю секунды, и тетраэдр изменил направление на неуловимую глазом величину — он просто чуть затуманился на миг. Силин облегченно вздохнул: теперь корабли лежали точно на оси.

— «Дракон»! — позвал он. — Идете точно, поняли? Идете точно, сообщите готовность к маневру!

— Алло, станция, к маневру готовы, ждем команды!

Силин быстро шелкнул переключателем:

— Внимание, Лог! Они готовы, они готовы! Включаю тебя!

Голос Лога, уверенный, ликующий, рванулся из динамика:

— Привет, станция! Привет, «Драконы»! Сделан контрольный замер! Как сказано, с миром идите в море! Отсчет двадцать, и держитесь крепче!

— Спасибо, ребята! — донеслось оттуда. — Привет! Остальное — при встрече...

Жужжание помех становилось уже сильнее голоса: поле заряженных до предела батарей «Дятла» искажало передачу.

Но отсчет шел: оставалось пятнадцать секунд — восемь — три — ноль.

Ударило. Силину показалось, что скалы сдвинулись с места, но это был корабль; его шатало, как высокую мачту на ветру. Масса астероида была велика, но и она не смогла не отозваться на потрясающей силы толчок, когда батареи разом вышвырнули громадный заряд, сфокусированный энергетическими линзами Клюва Дятла. Что-то промелькнуло на экране и ударилось в скалы недалеко от корабля, высекая искры, роняя расплавленные капли: это сам Клев вместе с обломками фермы, сорванный, как и предполагалось, отдачи с места, пролетел и грянулся об утесы. Он был не нужен больше: энергия уже ушла в пространство, которое ей предстояло преобразовать.

Силин не отрывался от экрана. Лишь доля секунды потребовалась потоку энергии, чтобы сфокусироваться в нужной точке, в ста двадцати тысячах километров отсюда. Теперь там, казалось, звезды сорвались с привычных орбит и кружились, свиваясь в туманный клубок, тонущий в черноте. Они кружились все быстрее, туман становился плотнее, потом что-то ярко-зеленое стало пробиваться сквозь него, гася звезды, и загорелось вдруг солнцем цвета молодой, сочной травы. Три «Дракона» и тетраэдр гостей, отражая свет, сверкнули звездами минус третьей величины, зелеными, как кошачьи глаза; одновременно их зеркала снова вспыхнули фиолетовым — корабли давали последний импульс, — а машина гостей опять затуманилась, словно расползаясь по пространству. Зеленое солнце ширилось, острые лучи его растекались во все стороны, концы их и самый центр зеленого пятна на экране стали синеть. На «Драконах» что-то кричали в микрофон, но слов различить было уже нельзя, да и не нужно: судя по ликующему голосу, все там шло как надо. Секунда едва успела протечь — и все вдруг оборвалось, тяжелый непроницаемый занавес упал на вселенную, не стало видно ни звезд и ничего другого, даже кусочек скалы, заметный до этого в уголке экрана, исчез, словно зеленое сияние, погаснув, унесло и его. Но это было лишь реакцией изнемогших от яркости глаз: на самом деле и скалы, и звезды остались на месте, и только зеленое солнце погасло, втянув

свои лучи, и четыре корабля исчезли из пространства — ни видеоприемники, ни локаторы больше не воспринимали их; хотя корабли находились еще поблизости, но уже в ином, высшем измерении, недоступном чувствам. Назад, в привычное трехмерное пространство, «Драконы» выберутся и без посторонней помощи: надпространство само вытолкнет их, стоит им выключить двигатели. Настало время подумать и о себе.

— До свидания, Земля! — сказал Силин, повернув предварительно переключатель. — Рады, если вам было хорошо видно. Внушительное зрелище, правда? Уходим из вашей видимости, до встречи в эфире в скором времени...

Голоса Земли донеслись до него уже едва различимо. Силин выключил экран и снова перешел на связь с Логом.

— Как дела? — спросил он и, не услышав ответа, позвал: — Лог!

— Я здесь, — отозвался Лог, словно бы нехотя.

— У тебя все в порядке?

— Тряхнуло основательно. Но батареи разрядились отлично, корабли нырнули, как классный прыгун, — без единого всплеска.

— Ах, как здорово! — сказал Силин. Он даже расстегнул воротник комбинезона, словно и впрямь работа была нелегкой, откинулся на спинку кресла, положил руки на колени. — Как хорошо!

— Да, можешь считать, что эту игру мы выиграли.

— Теперь пойдет веселей, правда?

— Погоди. Давай сначала сделаем все, что полагается.

Силин протянул руку и взял лежавшую на пульте инструкцию.

— Слушай меня, — сказал он. — Ввести автоматы в режим два!

— Есть режим два, — было слышно, как у Лога защелкали переключатели.

— Предохранитель! — скомандовал Силин погода.

— Есть предохранитель.

— Батареи замкнуть! Реактор на ноль!

Он выслушал ответы.

— Ну, все наконец, — облегченно подвел он итог.

— Да, — откликнулся Лог. — Теперь совсем все.

— Хотя, — сказал Силин, раздумывая, — заново смонтировать биокобы — тоже, скажу тебе, работа не из самых легких.

— Восстановить биокобы? — Лог помолчал. — Ну что ж, теперь, пожалуй, самое время...

— Да нет, не сразу. Отдохнем хоть часок, подремлем...

— Я имел в виду, брат мой, самое время поговорить, не торопясь, на эту тему.

— Ты о чем?

— Да видишь ли... Восстанавливать автоматы нам вовсе ни к чему.

— Ты весело шутишь, — сказал Силин, недоумевая.

— Вся беда в том, что нам их не наладить, даже проживи мы еще сто лет...

— Погоди, — Силин резко выпрямился в кресле, нахмурившись, наклонился к микрофону. — Ты же говорил...

— Увы! Во всей этой механике я понимаю еще меньше тебя. Корабли, на которых мне приходилось летать, оснащены самой обычной электроникой. И к тому же, координатор тяги, как ты видел, разбит. А без него — сам понимаешь...

— А новый? Из инкубатора?

— Это, к сожалению, не координатор. Ничего общего. Сравни хотя бы конфигурацию: он и не ляжет на место.

— Не координатор? А что же это?

— Откуда я знаю? Разве угадаешь, что взбрело тогда в голову Кродеру? Может, он был уже нездоров?

— Ладно, — сухо произнес Силин. Ему стоило большого труда ограничиться этим словом. — Значит, нам остается только внимательно наблюдать за пространством. Об отдыхе думать действительно некогда. Как только «Драконы» вынырнут, я дам сигнал бедствия.

— Нет, милый. Пустое дело. Они ничем не смогут нам помочь.

— То есть как?

— Ты и сам знаешь, им негде сесть.

— Ты же уверял...

— Врал.

— Вот как! А тысяча способов? Ты ведь летал на «Драконах»?

— Горе мне, — сказал Лог. — Я никогда в жизни не ступал на палубу «Дракона». А способов таких нет, да и быть не может.

Силин почувствовал, как гнев приливает к вискам.

— Ты... знаешь, кто ты?

— Ну, знаю, — ответил Лог. — А впрочем, ну тебя к дьяволу. Я устал, работая за двоих. Не будь я таким, кем стал бы сейчас ты?

Силин промолчал. Он почувствовал, что краснеет.

— Нас ведь с тобой практически уже нет, — спокойно продолжал Лог. — Хотя мы еще и дышим, нам ничто больше не под силу: ни взлететь, ни дожидаться чего-то... Единственное, что мы могли сделать, — это помочь кораблям. Мы принадлежали им. Поэтому я не мог сказать тебе с самого начала, что на спасение у нас нет и одного шанса из миллиона: тогда мне пришлось бы выкручиваться одному, а на это меня не хватало. Я хотел, чтобы ты снова стал спокоен и весел. Я знал, что ты справишься с собой. Так и вышло. Ты молодец.

Силин медленно проговорил:

— Значит, ты все время дурачил меня...

Он услышал сдвленный смешок Лога.

— Видишь, друг мой, как низко я пал? Я ведь большую часть жизни провел на Земле, в централи суперсвязи. И лишь когда ваш связист заболел и срочно искали замену...

— Не надо, — попросил Силин. — Не то я...

— Ну, что — ты? — холодно спросил Лог. — Может, ты полагаешь, что другой на моем месте справился бы лучше?

— Извини, — упавшим голосом проговорил Силин. — Я неправ. Возвращайся, и, может быть, мы еще что-то придумаем.

— Да нет, — сказал Лог. — Это лишнее.

— Старик, ты тронулся.

— Нет. Я честно доиграл до финального свистка.

— Его еще не было.

— Был, брат мой. Я сыграл свое как умел. Больше не могу.

— Почему?

— Устал. И слишком много хитрил. А я не люблю врать. Как и всякий нормальный человек. Я писал суперграммы за мертвецов. Я заверял, что все в порядке, когда было хуже

некуда. И тебе втер очки, как ты знаешь. Так что теперь не испытываю к себе ничего, кроме презрения. Ну, что ж: мое совершеннолетие наступило уже давненько, теперь я принадлежу сам себе и вправе распоряжаться своим достоянием. Вот я им и распоряжусь.

— Постой... Ну, пусть ты делал все это. Но ведь ты прав — это было нужно! Иначе мы не обеспечили бы прохождения. Ты поступал как надо, и я готов заявить это любому!

— Ох, мальчик... Неужели ты думаешь, что мне важно мнение других? Основное — что думаю о себе я сам! А я просчитался. Начиная, я думал, что подвиг оправдывает все. Результат — главное! Да, я поступал правильно. Но «правильно» и «безопасно» — не одно и то же. Ничем нельзя оправдать ложь. Если бы это сделал ты — как чувствовал бы ты себя сейчас, будь все даже трижды оправдано?

— Не знаю, — неуверенно пробормотал Силин. — Мне никогда не приходилось...

— А я, ты думаешь, учился этому? — крикнул Лог. — Специально готовился? Видел в этом смысл жизни? — Он помолчал. — Ладно. Поговорим о деле. Скоро Земля снова выйдет в эфир. Что ты им скажешь?

— Говорить будешь ты.

— Думаешь, если я решил, меня еще можно переубедить? Нет, на связи останешься ты. Что же ты скажешь?

— Всю правду.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что теперь надо думать о них, а не о нас. Стоит им узнать, как обстоит дело в действительности, и они тут же прилетят, даже не зная, как спасти нас, — прилетят просто потому, что невозможно не прилететь, когда люди гибнут и зовут тебя. И это будет вдвойне мучительно для них и для тебя: видеть их простым глазом — и знать, что ты недосяжим для них, как они — для тебя. Лучше избежать этого.

— А если они найдут способ?

— Найдут возможность сесть? Допустим невозможное: найдут. Но можешь ли ты ручаться, что они не погибнут так же, как и наш экипаж? Молчишь?

— Я слушаю.

— Поэтому Земля не должна знать, что люди погибли здесь, на астероиде. Пусть эта чертова глыба считается благополучной во всех отношениях. В таком случае его очередь в программе исследований наступит лет через пятьдесят, если не позже. А к тому времени люди, может быть, научатся делать какие-нибудь прививки...

— Против чего?

Лог ответил не сразу:

— Одним словом, важно, чтобы они не оказались тут сейчас.

— Что же ты предлагаешь?

— Погибнуть.

— Я, наверное, страшно отупел, — пожаловался Силин. — Не понимаю.

— Погибнуть ведь можно везде: можно тут, а можно и на пути домой, в пространстве. Тогда искать некого и незачем: если машина взрывается в рейсе, от нее не остается ничего. Ты понял?

— Чего ж тут не понять, — ровным голосом сказал Силин.

— Для этого нужно, чтобы ты доложил, что на борту все в полном порядке. Потом, выждав некоторое время, ты снова установишь связь и сообщишь, что корабль стартовал и лежит на курсе. Для этой передачи ты изменишь частоту, чтобы имитировать доплер: на самом деле у тебя ведь не будет дополнительной скорости.

— Что такого, — согласился Силин. — Элементарная задача.

Он сам удивился собственному спокойствию. Но ему и в самом деле не было страшно сейчас. Наверное, он еще просто не осознал всего.

— Рад твоему самочувствию, — проговорил Лог. — Эту вторую передачу лучше будет прервать на полуслове. Правдоподобнее. И после этого — ни в коем случае не отзываться больше! Как бы тебе ни хотелось, как бы они ни страдали.

— Это будет трудно, — тихо сказал Силин.

— Очень. Но ты сможешь. Ты сильный парень. «Нас двое могучих, сказал Камал».

— Ну, дальше?

— Дальше? «Но она верна одному».

— Да нет, я... Лог, слушай: ты это о Лиде?

— Это стихи, к ней они не имеют отношения.

— Почему ты так поздно начал летать, Лог? Из тебя вышел бы капитан.

— Не знаю. Боялся, наверное. Мне кажется, что я — вроде нашего Дятла — рассчитан на разовое употребление. Но кому нужна сейчас моя биография? Главное ты понял: чтобы избежать искушений, корабль надо взорвать во время второго сеанса связи.

— Взорвать? Корабль?!

— А как ты хотел? Уверить всех в своей гибели — и потом ждать, не выручит ли счастливый случай? Не надо обманывать себя, великий вождь: на этот раз лучше обойтись без иллюзий. Помни: ты спасешь многих на Земле. И Лиду.

— Да. Спасу от себя — это ты имел в виду?

— Нет. — Спасешь — потому что он обязательно полетит, узнав, что тебе грозит беда. Я ее знаю. Словом, думай об одном: мы выиграли трудный матч, продержались до последнего свистка. А что будет потом в раздевалке, зритель этого не увидит.

— Насчет последнего свистка не согласен, — сказал Силин.

— Вот как? — подчеркнуто удивился Лог.

— Ты слышал его?

— Как тебя сейчас.

— А я считаю, что последний свисток — это первый, которого ты больше не слышишь. А пока слышишь, игра продолжается.

— Это ничего не меняет; взорвать корабль надо. Иначе «Драконы», возвращаясь, нашьарят его локаторами и вся наша сказка расплзется по швам.

— Мне надо подумать, Лог. Взорвать корабль... Мне ведь не себя жаль. Я не стану обещать тебе сразу. Ты должен обождать.

— Черт! — сказал Лог. — Думаешь, сидеть тут так приятно?

— Приходи сюда.

— Хитер, хитер...

— Какая тебе разница, если в любом случае выход один?

— Разница есть. Хотя бы в том, что мне не хочется лишний раз тащиться через этот сумасшедший лабиринт, созданный

ный господом в приступе белой горячки. Правда, звездный шейк мне стал даже нравиться, но этого слишком мало.

— Соберись с силами и приходи. Подумай: если я откажусь от твоей программы, выполнять ее придется тебе самому.

— И не подумаю. За людей на Земле ты в таком же ответе, как и я. Почему же я должен тебя уговаривать?

— Ну, ладно. И все же подожди полчаса.

— Да к чему?

— Я не верил, что мы справимся вдвоем. Ты убедил меня, и мы выиграли. Теперь моя очередь сказать: потерпи полчаса — и я что-нибудь обязательно придумаю! У меня такое ощущение, что все кончится хорошо. А интуиция редко подводит.

— Господи боже, какой бесстыдный хвостун! Кто когда-нибудь слышал об интуиции Силина? Ладно, я погожу — чтобы наказать тебя за самоуверенность.

— Разве тебе самому не нужно время, чтобы подготовиться...

— К чему — к смерти? Ты начитался романтических книжек. Да человек готовится к ней всю жизнь! Или ты думаешь, что я еще студент и не могу обойтись без ночи перед экзаменом?

— Значит, ты ждешь.

— При одном условии: без лирики.

— То есть?

— Не вздумай выходить и идти сюда, чтобы предотвратить кошмарную драму. Помешать ты все равно не сможешь, только зря потратишь силы. В твоём распоряжении полчаса.

Наступила тишина. Силин встал, и у него закружилась голова. Он чувствовал, что не в силах до конца понять Лога, и поэтому не сможет и разубедить его. А придумать — что ж тут придумаешь?

Он прошелся взад и вперед по рубке, прикоснулся к пульту, провел пальцами по экрану. Резко повернувшись, вышел. Спустился в салон. Тут все осталось, как было, только кристфон выключился. Силин протянул руку, чтобы включить, потом опустил ее. Прошел на камбуз. Достал банку сгущенного молока, ударом ножа вскрыл ее. Молоко было горьким. Силин отшвырнул банку.

Еще минут пятнадцать бродил он по отсекам и коридорам корабля, не зная, куда и зачем идет. В коридорах лежала тишина, тускло, вполне могла горели плафоны. Иногда включался и, погудев немного, смолкал климатизатор. Корабль дышал, он жил бы и без людей, долго — многие годы, пока не выгорит топливо в малом реакторе. Убийство корабля — самое аморальное: он не может защищаться, это как убить спящего... Силин постоял около пандуса, потом спустился в киберотсек. Что-то изменилось там. Погодя, Силин понял: отключился инкубатор, в котором закончилось формирование ненужного биокибера. На табло инкубатора горела теперь надпись: «Включить в сеть контроля экипажа». Для чего? Зачем? Силин попытался понять это, но так и не нашел здравого объяснения. Отчаявшись, пожал плечами: бесполезный автомат, случайно родившись, просто жаждал дела; самому Силину тоже нужно было заняться хоть чем-нибудь. Товарищи по несчастью, киб и человек, на которых возлагались надежды и кто оказался не тем, за кого их принимали... «Ладно, помогу тебе, а мне уже никто не сможет»...

Он открыл инкубатор, бережно извлек тепловатую капсулу с торчащими из нее проводками и стал разбираться в том, как же присоединить ее. В конце концов он справился с этим. Больше и тут делать было нечего. До конца срока оставалось неполных пять минут. Силин пошел дальше.

Он обходил корабль, но лишь теперь понял, что это — прощание. Что корабль он взорвет. Нельзя, чтобы Земля раскусила игру и сохранила плохую память об умерших, а ведь так может случиться: для актерской игры есть сцена, в любом другом месте это уже не искусство, а подлость.

Самое трудное порой — принять решение, выполнить его бывает проще. Для Силина подготовка корабля ко взрыву и вовсе не представляла сложности: был он третьим пилотом (хотя прозвище «Боцман» прилипло к нему накрепко) и с энергетическим и двигательным хозяйством был хорошо знаком. Он подготовил реактор к действию, потом вывел из строя систему безопасности: убрал предохранители и без особого напряжения заклинил системы сброса и катапультирования реактора. Все в нем сопротивлялось этим противоестественным действиям, но он заставил себя сделать все на совесть,

основательно, как будто это вело не к сокращению, а к prolongации жизни корабля.

Наконец он вытер руки. Полчаса давно минуло, и Лог, наверное, давно потерял терпение; Силин подумал об этом, как о чем-то обычном: в конце концов, умрешь ты чуть раньше или позже — уже не имело значения.

Теперь оставалось лишь установить автокорректор тяги на нужное время. На тот час, когда будет проходить второй сеанс связи с Землей.

Силин стоял, потирая лоб: опять кружилась голова, и в какой-то миг ему показалось даже, что он не устоит и упадет. Он устоял, но чувствовал себя все менее уверенным. Ему пришло в голову; что второго сеанса он может и не дожидаться, и некому будет нарисовать Земле веселую картинку со стремящимся к дому кораблем. Да и нужен ли был второй сеанс? Пожалуй, лучше закончить все во время первого. Он скажет, что они уже летят. Потом что-то о подозрительном поведении двигателей. Наверное, если заранее подготовиться, можно будет рассказать убедительно. Несколько слов — и взрыв...

Силин представил, как этот взрыв будет выглядеть со стороны. Эффектно... Обломки разлетятся по всем направлениям, и лишь гладкая площадка останется там, где только что стоял великолепный корабль.

С ходу Силин проскочил дальше. Но тут же вернулся к этой мысли. Гладкая площадка останется после взрыва корабля!

Пулей влетел он в рубку связи. И закричал в микрофон:

— Лог! Скорее! Лог! Да Лог же! Я нашел! Слышишь? Нашел!

Он совсем забыл, что Лог, скорее всего, уже не ждет вызова и не сможет на него ответить. Но Лог отозвался; наверное, вовсе не так легко было выполнить задуманное им, пока оставалась хоть какая-то надежда.

— Можно подумать, что ты решил квадратуру круга!

Силин вздохнул полной грудью. Только сейчас он понял, какой ужас охватил бы его, не отзовись Лог на вызов.

— Спасены! — сказал он. — Жертва ферзя, понимаешь? Слушай!

Он говорил горячо, как на защите диплома. Да, корабль надо взорвать. Но сами они заблаговременно покинут его и укроются — хотя бы там же, на полюсе. Испарится половина корабельных конструкций, а остальное разлетится во все стороны, так что даже убирать ничего не придется. Сама ж площадка вряд ли придет в негодность: слишком крепок материал.

— Что, разве плоха идея?

— Нет, — сказал Лог. — Что хорошо, то хорошо. «Хороша была галера и хорош штурвал резной». Просто и смело.

Голос его, однако, не стал веселее. Правда, Силин понял это не сразу.

— Так давай сюда! — воскликнул он. — Соберем все, что может понадобиться, и станем ждать, пока появятся «Драконы». Договоримся с ними и взорвем!

— Идея хороша, — повторил Лог. — Но и только, дорогой мой боцман.

— Ты думаешь, не получится?

Лог помолчал.

— Видишь ли... — проговорил он наконец. — Я, собственно, и ждал тебя, чтобы рассказать... Я и раньше догадывался, а теперь наконец понял, после чего умирают люди.

— Отчего умирают?

— Да не отчего, — с досадой проговорил Лог. — Отчего — я не знаю. После чего. «После» не обязательно значит «вследствие», не так ли? Школьная логика. Вследствие чего, мне неизвестно. Механизм непонятен. Но люди умирали после выходов из корабля на поверхность астероида, если выход был на продолжительное время. Каждый умирал после четвертого выхода. Только капитан — на пятом. Понял? Люди выходили для монтажа, для исследовательских работ. Один, два, три раза. Из четвертого они возвращались не сами. Доктор выходил вне графика — для исследований. И первым исчерпал лимит. Мы выходили реже всех. И остались последними.

Лог умолк; молчал и Силин, хмуро глядя на пульт связи. Снова на миг закружилась голова.

— Интересно... — проговорил наконец Силин. — Один. — Он загнул палец. — Два. Три...

— Я уже подсчитал: ты сделал три выхода. Так что у тебя еще есть запас времени — если ты не станешь покидать корабль.

— А ты?

— Ну, собственно...

— Четвертый, — тихо сказал Силин, сосчитав.

— Да, что-то в этом роде — больше трех, меньше пяти. Так что возвращаться мне, как ты теперь понял, нет смысла. Я просто немного потороплю это дело. Я человек нетерпеливый, не люблю ждать. И, как сказано у поэта: «никого не прокляну я, я страдал и жил с людьми».

Лог говорил спокойно, но Силину в этом спокойствии почудилась фальшь, бравада человека, который торопится умереть оттого, что боится смерти. Силин вовсе не был уверен, что угадал правильно, и все же крикнул:

— Знаешь, кто ты? Ты пижон! Иначе понял бы, что нельзя сдаваться. Господи, как вдолбить это такому самолюбленному дураку, как ты? Ты и умереть-то собираешься, чтобы не нарушить позы. Потому что финального свистка не было!

— Поделом мне, — произнес Лог в ответ. — Нечего создавать маленьких Франкенштейнов... Но ты неправ: свисток был. Представь, что мы играли в баскет и я заработал пять персональных. Хочешь не хочешь — иди на скамеечку. Как ты думаешь, великий вождь, что такое возраст?

Опять он ушел от разговора по существу, перевел его в плоскость словесной игры, где побеждает не правый, а умелый. И снова Силин невольно подчинился:

— Ну... годы?

— Так-то так, но какие? Не прожитые, как думают обычно, но те, что еще осталось прожить. Поэтому своего настоящего возраста люди обычно не знают. А я теперь знаю, и со всех точек зрения намного старше тебя. Уважай старость, юноша.

— Капитан сделал пять выходов.

— Капитан был не нам чета. Но, кажется, мы все уже обсудили: и жизнь, и остальное. Не хватит ли, друг мой? Скажи, а тебе не хотелось бы, чтобы там все-таки оказалось нечто?

— Ох... Лог, слушай: ты трус! Просто трус! Понимаешь? Мало того, что хочешь умереть сам, — ты и меня угровишь вдобавок! Ты же знаешь, что я пойду искать тебя!

— Может быть, — сказал Лог невесело. — Наверное, я самый великий трус. Не знаю. Но признание обвиняемого — давно уже не царица доказательств, а других улик нет. Аргументация твоя несерьезна: не я тебя угроблю, а взрыв — потому что иного выхода не дано. Так что не вали на меня. Да и что постыдно-го в трусости? Важно не проявлять ее тогда, когда другие могут пострадать от этого. Ты не согласен? Слушай...

Свист раздался в динамике — свист, напоминающий трель судейской сирены.

— Вот как я умею, а? Правда, здорово? Не выходи, чтобы искать меня: не найдешь. Будь спокоен, я уж сделаю все на совесть.

— Все равно я обязательно выйду за тобой, слышишь? И набью тебе морду — такому, какого найду!

— Не будь дураком, — спокойно ответил Лог. — Не порть напоследок благоприятное впечатление о себе, иначе мне будет очень обидно.

— Мертвым не бывает обидно.

— Мне — будет.

— Лог! — крикнул Силин.

Но он не услышал шороха: связь прервалась, и на этот раз — окончательно.

Силин представил, как Лог отворяет дверцу будки. Переступает высокий порог. Дверка захлопывается — навсегда. Лог делает первый шаг. Минует поворот. Сразу? Нет, пройдет еще немного. Но разницы нет.

Силин понял, что остался один. Совсем и навсегда. Ему хотелось что-то делать. Он теперь чувствовал себя лучше: знал, что ему еще не пришла пора умирать. И не придет, если он не станет больше выходить за пределы корабля. Надо что-то делать. Занять себя. Отвлечься.

Впрочем, стоит ли отвлекаться? Лога больше не было, но Земля оставалась. И жизнь нескольких человек из того множества, что жило сейчас на Земле, зависела от того, что предпримет сейчас Силин.

Он поднялся по пандусу на самый верх; поднялся легко, чуть ли не бегом, хотя можно было и не спешить. Вошел в

ходовую рубку. Несколько секунд смотрел на ручки, управлявшие автокорректором тяги. Потом повернул кольцо таймера, устанавливая его на часовое упреждение. Поразмыслив, решил, что часа много, и переставил кольцо на сорок минут. Включил автокорректор. Обождая немного, убедился, что автомат работает: кольцо таймера медленно, едва заметно для глаза, двигалось обратно, к нулевой отметке. Силин ждал, пока под риску не встала отметка «Тридцать девять». Столько минут оставалось теперь до взрыва.

Он вышел из рубки, захлопнул за собой дверь и медленно спустился. Земля еще не вызывала: она была сейчас по ту сторону астероида. Силин побыл немного в рубке связи. Но он не мог усидеть на месте. Хотелось двигаться — быстро, резко, чтобы прошибал пот. В голове слегка гудело, и все время что-то отсчитывало секунды и минуты. Силин почти выбежал из рубки.

Он пришел в себя в тамбуре. Идти не хотелось. Идти было бесполезно. Идти было нельзя. Он привычно надел скафандр, застегнулся и поехал вниз.

Звезды, как всегда, как всю жизнь — насколько Силин помнил ее сейчас — летели вверх. Они летели вверх, а другие сыпались вниз, а третьи возникали в чем-то, что не было ни верхом, ни низом — но все они почему-то попадали прямо в Силина. Это было приятно: звезды щекотали, как теплый дождик, шуршащий в листве, освежающий воздух и сверкающий в косых лучах солнца — дождик, от которого не хочется укрыться, а наоборот, жаль уходить из-под него. Силин шел и негромко повторял в микрофон имя Лога. Он знал, что не получит ответа, и все же вздрогнул, когда увидел того, кого искал.

Лог стоял, прислонившись к выступу скалы в самом узком месте прохода. Скалы не давали ему упасть. Силин включил нашлаемную фару. Скафандр Лога был распахнут, рука не успела отойти от кнопки замка и застыла на полдороге; казалось, Лог протягивает ее для пожатия. В раскрытой груди скафандра был виден домашний комбинезон, и дико было видеть этот комбинезон здесь, под летящими звездами, среди зеркальных скал.

Силин попытался отвести руку Лога подальше, чтобы закрыть скафандр. Рука не сгибалась, она стала твердой, словно

Лог сделался частью камней, меж которых умер. Потом Силин попробовал взвалить его на плечи; скалы мешали, но в конце концов это удалось. Тогда Силин попятился, повернулся и пошел.

Он шел, согнувшись под ношей, и тосковал оттого, что не мог поднять голову и взглянуть на звезды. Это было нужно, очень нужно. Силин тихо выругал Лога за то, что оператор связи не давал разогнуться и полюбоваться на пляску светил.

До корабля оставалось меньше ста метров, когда Силин понял, что не проживет дольше ни минуты, если не увидит звезд. Противиться больше не было сил. Он осторожно опустил Лога на камни и с неведомым ранее наслаждением поднял глаза к небу. Сразу закружилась голова, но это было приятно, и звезды теперь описывали восьмерки, прежде чем упасть за близкий горизонт. Силин дышал медленно и умиротворенно. Ему было хорошо. Ему хотелось стоять так вечно. Он знал, что ему не надоест. Жаль, что на Земле нельзя видеть такие звезды.

Мысль о Земле задержалась в его гаснущем сознании. Она зацепилась за какую-то другую. Мысли эти жили как бы вне Силина и двигались без его участия, помимо воли. И так же он не был властен над тикавшим где-то секундомером. Мысли стали назойливы. Они вели себя бесстыдно. Стучали в виски. Силин морщился и крутил головой, не отрывая взгляда от звезд, но мысли не отставали. Чего они хотели от Силина?

Он сделал неимоверное усилие, чтобы понять это: стоит разобраться в мыслях, как они перестанут беспокоить. Он понял и ужаснулся.

В следующий миг он подхватил тело Лога, словно оно было невесомым. К кораблю Силин бежал, как не бегал никогда на Земле. Он не глядел более ни под ноги, ни на звезды. Он не отводил глаз от корабля, боясь, что в каждый следующий миг корабль может вспыхнуть невиданным доселе костром и взлететь грудой обломков. Силин не знал, сколько времени прошло, но чувствовал, что осталось его мало.

Он ворвался в лифт, втащил Лога и нетерпеливо притоптывал ногами, пока кабина ползла вверх. Как только кабина остановилась, Силин кинулся на самый верх корабля, в хо-

довую рубку. Он бежал и просил кого-то: ну, еще полминуты. Еще пятнадцать секунд погоди! Еще десять...

Дверь он даже не распахнул, а отшвырнул, ударив ее всем телом. Одним немыслимым прыжком достиг пульта и, еще не успев ничего увидеть, нажал ладонью там, где находился выключатель автокорректора тяги.

После этого он перевел дыхание и с минуту стоял, закрыв глаза и покачиваясь. Затем медленно открыл глаза и посмотрел на таймер. Он зря торопился: оставалось еще восемь минут! Он почувствовал, что это смешно. Очень смешно, невыразимо, дико смешно! Он даже взвизгивал от смеха; так он не смеялся еще никогда в жизни.

Отсмеявшись, он почувствовал себя легким, почти невесомым, как если бы дело происходило в пространстве при выключенных двигателях. Он еще вытирал слезы, проступившие от смеха, когда какой-то звук вошел в его сознание.

Это была мягкая трель — отсюда она казалась ему приглушенным судейским свистком на зеленом поле. «Нет, — подумал Силин. — Это еще не конец игры. Не финальный свисток. Черта с два!» Только потом он понял, что звук этот доносится из рубки связи и означает, что его вызывает Земля.

Он кинулся вниз. Головокружение швыряло его от переборки к переборке, но все же он добрался до рубки, сел в кресло и включил видео. На миг он, наверное, забылся, а когда вновь стал воспринимать окружающее, глаза Лидии внимательно и чуть испуганно смотрели с экрана прямо на него.

— Здравствуй, — сказал он и улыбнулся. — Ну, вот и снова увиделись.

Она что-то говорила в ответ, но Силин слышал только последние слова:

— А вы? Как вы?

— Мы? — он удивился, хотел спросить: «Какие мы?», помолчал и ответил: — Мы ничего.

— Устали?

— Нет, — сказал он, подумав. — Не устали. Впрочем, конечно, устали. Все спят.

Он чувствовал, что вот-вот и сам уронит голову. Сон был рядом — мягкий, теплый. Силин собрал все силы.

- Спят. И я. Я тоже сплю.
- Что с тобой? — спросила она, тревожась.
- Ничего, — пробормотал он. — Все прошло.
- Ты отдохнешь, — сказала она. — Наконец-то ваша вахта

кончилась.

— Да, — кивнул он. — Отдохну. Кончилась. Лида! Ты здесь?

- Я?
- Я хотел сказать — ты ждешь?
- Я жду, — сказала она. — Ох, как я жду...
- Помнишь, тогда, перед стартом?
- Разве это можно забыть?
- Ну вот, я и сейчас...

Все-таки ему было не совладать с собой: сон валил его. Лицо Лидии задрожало и запрыгало на экране. Силин с трудом протянул руку к настройке, но вовремя понял, что виновато головокружение.

- Подойди поближе, — попросил он.

Она растерянно улыбнулась.

- Поближе, — повторил Силин.

Наверное, на Земле работали трансфокатором — лицо Лидии стало приближаться, расти. Оно заняло весь экран. Силин не отрывал глаз от ее губ. Они двигались. Он принудил себя вслушаться.

— ...Что с тобой? Что случилось? Где все? Хоть кто-нибудь? Почему там так шумят? Где капитан Мак? Почему он не подходит к экрану?..

— Заняты, — пробормотал Силин, удивляясь, что фонограмма оказалась включенной. — Там. — Он ткнул рукой куда-то, кажется, в сторону двери. Зрение уже отказывало. — Они...

Он понял, что умирает, и хотел поднять руку и выключить видео. Но рука не повиновалась более.

Лидия взглянула мимо него, на дверь.

- Где — там? — требовательно спросила она. — Не вижу!

Голова Силина со стуком упала на пульт. Веки сомкнулись. Больше не было ни экрана, ни женщины. Только звезды кружились — все быстрее, быстрее, мир раскрутился, и теперь его было не остановить. «Вот, значит, как все кончается, — успел подумать он. — Бредом, в котором капитан Мак говорит что-то своим сдавленным голосом и врач фальце-

том возражает ему, а шеф-инженер Грин просит: «Неужели нельзя потише?» Фонограмма? А Лидия? Что она?» Он не успел додумать: слух выключился и настала тишина.

— Ага, — сказала Лидия. — Вот теперь вижу. Здравствуй-те, капитан Мак. Это вы там так шумели? Здравствуйте, доктор... Доктор, скорее! Что с ним?

— Лидочка! — восторженно сказал, доктор и всплеснул руками.

— Перестаньте кокетничать с девочками! — хрипло оборвал его Бунт. — Мы все их не видели черт знает сколько времени.

Капитан подошел к экрану, заслонив собой доктора и Силина.

— Мы шумели? — спросил он. — Никогда еще мы не вели себя так тихо, как в последнее время. Сейчас мы отключимся на пятнадцать минут. Объяснения потом.

Он выключил экран. Энергетик Мор показался в двери; он был в скафандре, снял только шлем и остановился, зевая и протирая глаза.

— Чем вы тут заняты? — спросил он. — Я выспался. Чего это мы оказались вдруг во втором трюме? И почему нельзя было разбудить меня по-человечески? До сих пор стук в висках. Что это было такое?

— Какая великолепная картина! — сказал доктор, разгибаясь. — Пульса нет, рефлексов нет, дыхания нет. Все признаки смерти, а? Нам повезло, что здесь такой грунт. Это был киберлекарь, коллега Мор. Импульсы через сеть контроля экипажа. Вот только откуда он взялся?

— Кродер запрограммировал его еще при мне, — сказал капитан. — А схему заимствовал у вас.

— Нет, это возмутительно! — сказал доктор. — Неужели нельзя устроить так, чтобы не рылись в моих бумагах? У меня там есть записи чисто личного характера!

— А у вас нет там записей, в которых говорилось бы, что это звездная карусель будет гипнотизировать людей и в конце концов приведет к летаргии? — язвительно поинтересовался Грин. — Я не медик и то понимаю. Как же вы...

— Теперь-то объяснять легко, — сказал доктор. — Лучше помогите перенести Силина в каюту. Пусть хоть он поспит

по-человечески. А я понаблюдаю за ним: все же это интереснейший случай!

Торопливо вошел Кродер.

— Лог лежит в лифте! — сказал он; от волнения его акцент стал особенно заметен. — Мертв...

— Видели, — буркнул капитан и раскрыл бортовой журнал.

— Этого я не могу понять, — сказал Мор. — Он никогда не выглядел слабым. И вот тебе!

— Ну, — хрипло проговорил Бунт, — если жизнь заставляет тебя выйти на поединок с самим собой, то кто бы ни нанес удар, гибнешь ты.

— Это романтика, — сказал Мор. — Красиво, но неверно.

— Я был снаружи, — вмешался Кродер. — Дятел закинут на скалы, значит, он сработал. Они вдвоем с Силиным выполнили задачу. Если это слабость, то что же есть сила? Героизм?

— Вы намолчались, — теперь вас не остановишь, — заметил капитан. — Кродер, тут валяются ваши схемы, а ведь они понадобятся: я не собираюсь зимовать в этих краях. — Он снова заглянул в журнал. — Героизм, да. Но герой — тот, кто держался до последнего: итоги принято подводить в конце.

— Не согласен, — буркнул Бунт, массируя горло. — Я, кажется, простудился во сне. Ангина? Где доктор?

— А я — да, — сказал Мор. — По терминологии самого Константина, он не доиграл до конца. Кстати, удар у него был поставлен классно.

— Специалист! — прохрипел Бунт. — Что ты там сочинишь, капитан?

— Погиб при выполнении задачи, — сказал капитан. — Так сообщим. У него есть родные?

Бунт покачал головой.

— Да нет, он всегда был один. Если не вникать в детали.

— Да? Оно и видно, — сказал капитан.

КАРУСЕЛЬ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Свеча горела на столе, свеча горела. Или скорее лампа; но что-то горело, был мягкий, милый свет и теплые, уютные тени лежали в углах, сгущались под потолком, корешки книг мерцали за полированными стеклами, тишина неуловимо звенела за окном, живая тишина, полная дыхания спящих людей, сотен и тысяч, и мысли вязались, легко, без нажима, без усилия укладывались в коробочки, склеенные из слов, в коробочки фраз; мысль со всех сторон обливалась словами, как начинка — шоколадной оболочкой. Планета Земля вращалась, кружилась балериной в прозрачной газовой накидке — и из всего этого сама собой, исподволь, возникала картина: кто-то, невыразимо прекрасный, шел навстречу, раскинув руки для объятия, солнце вставало у него за спиной, и роса вспыхивала искрами на тяжелых, налитых яблоках, а счастье радугой выгибалось в небе, тугое, чуть звенящее от напряжения; так или почти так должна была выглядеть предстоящая раньше или позже, но несомненно предстоящая встреча с иным Разумом, иным Добром, иным Счастьем — если только Разум, Добро и Счастье вообще могут быть иными: вода везде остается водой, и железо — везде железом, могут разниться примеси, но основа остается неизменной. Это будет прекрасно, но пока встреча эта не совершилась, даже думать, мечтать о ней и воображать ее было хорошо. Ах, как все было славно, как ладно: лампа на гибком чешуйчатом хоботке, белая до голубизны бумага, чистая — на столе слева, а исписанная — справа. Вот как было, и сейчас могло быть. Так за каким же чертом понадобилось...

— Нет, так мы никуда не придем, — сказал Савельев. Прерывая мысли спутника, голос его, налитанный раздражением, мгновенно затух; стены, пол, потолок всосали его как воду — пересохла губка, треснувшая земля, песчаный бархан. До Уварова звук дошел, как сквозь вату, и он протянул руку и коснулся Савельева, чтобы поверить, что соратник рядом, но тот понял движение иначе:

— Да нет, я не волнуюсь. Просто подумалось: идем ли мы? Или попали в какую-то фата-моргану?

Отчего ж не подумать и так; что угодно могло прийти в голову в путанице туннелей, коридоров, лазов, где каждую секунду казалось, что ты — в самом центре паутины и во все стороны от тебя разбегаются ходы, вверх и вниз уходят колодцы, а по диагоналям, полого — уклоны; но проходила еще минута — и получалось, что вот он, настоящий центр, вокруг которого и завязан весь узел. Однако новый луч фонаря прямо вперед — уже маячил там. Проще было решить, что центр все время передвигается вместе с идущими; тут всякое могло почудиться.

— Долго идем? — среагировал Уваров на этот савельевский всплеск.

— Час сорок семь.

— Прошли километров пять, пять с половиной, — прикинул Уваров. — А углубились, как думаешь, насколько?

— Судя по уклону, метров на пятьсот.

— Через тринадцать минут остановимся, будем думать.

Так решил Уваров, потому что из двоих он был старшим и больше знающим.

Снова потекло беспокойное молчание. Говорить было трудно; рации отказали бесповоротно — стоило включить, и в телефонах раздавался скрежет, визг, курлыканье, вой разогнавшегося мотора, пронзительный голос сверчка, плач детей или крик весенних кошек, чье-то бесконечное «ау-у-ау» и — через каждые две секунды — удовлетворенное басистое утробное «ух!». Магнитное поле расшалилось несмысленным ребенком, голос идущего рядом человека не доходил, увязал, рассыпался, частички его разлетались, и можно было лишь свирепеть, пытаясь найти и не находя свободной щелочки в стандартном наборе частот. Рации нет, рации были ни к чему.

Переговариваться, не открывая шлемов, не удавалось: прокладки костюмов гасили звук, костюмам не полагалось пропускать звук извне, и они честно не пропускали. Так что пришлось открыть шлемы и дышать через аварийный загубник, придуманный специально на случай разгерметизации: конструкторы-то были умны, весьма, весьма. Однако с загубником во рту не поболтаешь: вынь загубник, выговори, что успеешь, и хватай воздух снова, не мешкая. Фразы по этой причине порой звучали странно, начинались и кончались не там, где требовала мысль, а где позволяло дыхание.

Медленно проходили тринадцать минут, остававшиеся до двух ровно часов, когда решено все обдумать. Именно двух? Магия круглых чисел велика. Или просто так считать удобнее, и лишних сложностей мы не любим... Пусть так, но еще не успели рассосаться эти минуты, как впереди, в бесконечности лабиринта, стало вроде бы светлее; замерцало, словно вестник недалекого рассвета уже взлетел на розоватых перепончатых крыльях. Теплым было мерцание, зовущим, сулящим доброе. И оба невольно ускорили шаги, спеша туда, где хоть одной способностью человеческой, бесценной, незаменимой — зрением — можно будет напользоваться до отказа. И там, где, сменив мрак, как бы наступили розовые сумерки, люди остановились и принялись смотреть, чтобы понять, что же это было такое, чем они вот уже два часа пробирались, — после того, как спустились в узкую воронку, единственную, вызывавшую какие-то надежды; после того, как с великим трудом посадили и с тщанием укрепили свою капсулу в хоть сколько-то подходящем месте, нечаянно и странно возникшем среди первозданного, остервенелого хаоса, какой представляла собой поверхность планеты (откуда-то из этого района был получен вдруг сигнал «Омеги» о помощи); после того, как капсула всласть покружилась над планетой в поисках корабля или его останков и не нашла ничего, кроме этого вот места, где хотя бы предположительно могли уцелеть люди; после того, как капсула с двумя людьми стартовала с борта «Омикрона», корабля Дальней разведки, шедшего в паре с «Омегой» в этот район, где несколько раньше беспилотными зондами были перехвачены сигналы, которые

при желании можно было интерпретировать и как сигналы Разума. Надежды такого рода, правда, рассыпались в пыль при первом же взгляде на небесное тело.

И вот теперь двое стояли в подzemелье, всматриваясь. Источника света не было; светился сам воздух — впрочем, не воздух, конечно; что же — атмосфера? И ее здесь, если говорить строго, не было, потому что в одном из этих эллинских корней заключено понятие дыхания, а дышать тут было как раз невозможно, хотя ядовитой для глаз или кожи среда не была — это люди почувствовали бы сразу. Смесь нейтральных газов, вернее всего, и люди сделали зарубку в памяти, отметив, что для аварийной посадки, не говоря уж о колонизации, планета вряд ли годилась. Пробы газа в баллончиках, накрепко закупоренных, уже покоились в сумках, но это потом — там, наверху, где свет, где люди, где «Омикрон» навивает петлю за петлей, не рискуя опуститься на щетинистую, хрупкую, как червем источенную поверхность, чтобы, прожигая ее жаром выхлопов, а затем продавив немалым своим весом, не ухнуть, не загреметь, не углубиться в тартарары. Итак, светился газ; но уж свет-то оставался светом, частота его была такой, какой видит земное око, истосковавшееся по голубому и зеленому. Смотреть можно было досыта, смотреть и укрепляться духом, потому что, когда видно, уже не очень страшно — так устроен обитатель Земли. И даже на столь отдаленную планету привозит он с собой свои свойства, привычки и комплексы.

Теперь можно было окинуть взглядом все вокруг сущее. Туннель, с его притоками, входами и выходами, истоками и устьями; такое и не снилось творцу лабиринта на Крите, а если даже снилось, то он потом привнес в это свою, пусть искаженную, пусть ненормальную, но все же логику, ибо был человеком, а человек и в алогичности своей последователен...

«Однако, ахх, ахх, пффффиууу, в безумии этом, изуу — ухх! арррр, есть своя система!» — донеслось смутно, как если бы кто-то из дальней комнаты проговорил, не повышая голоса, сквозь шум льющейся в ванной воды, сквозь скрежет расстроенного приемника. Уваров, не отвлекаясь от идеи, машинально кивнул, позабыв удивиться тому, что мысль его, не высказанная вроде бы вслух, уловлена партнером и тот отозвался Шекспиром, чтобы, наверное, ощутить кусочек зем-

ного, незыблемого, надежного — для успокоения души. Савельев, впрочем, синхронно кивнул тоже; все прошло взаимно незамеченным, не помешав мыслям продолжиться.

Да, здесь не было логики, ибо не было творца, не было отпечатка личности, акта самовыражения: словно какая-то машина случайных чисел спроектировала этот глубинный трехмерный многоярусный лабиринт. Действуй здесь компас, люди поняли бы, что уже трижды, а то и четырежды пересекали свой след, каждый раз все ниже и в то же время были от входа дальше по числу пройденных метров, чем даже думали, — однако нет, тут нельзя сказать «в то же время», поскольку времена как раз и были разными у них и у лабиринта, где брошенное семя, едва успев упасть, тут же, на глазах, поднялось бы в полный рост, зазеленело и покрылось плодами и уронило бы их наземь и зацвело бы снова, а они бы еще только раскрывали рот, чтобы произнести звук удивления; сути времени нам пока что постичь не дано, то, что мы о нем сейчас думаем, есть лишь теория трех китов в череде космогонических гипотез, до Галилея Времени — еще века; а уж постигнув его суть, мы перестанем быть людьми и станем чем-то большим, а чем — нам опять-таки пока знать не под силу, и это скорее всего к лучшему.

Туннель был хорош, и с определенной точки зрения им можно было даже залюбоваться: природа в диком состоянии, еще не ощутившая ни малейшего влияния разума, не несущая никаких его отпечатков. Разум, как известно, не только приспособливается к природе, но и стремится приспособить ее к себе — и часто зря, ибо он не абсолютен (о чем часто забывают) и часто проламывает стену, чтобы выйти, вместо того чтобы поискать и найти дверь... Тут были ходы неправильного, меняющегося сечения, с выступами и углублениями тоже классически неправильных форм, сложенные из однообразной, пористой, словно пемза или пенопласт, крошившейся в пальцах субстанции, уплотнявшейся под ступнями, так что следы оставались на ней, словно на молодом снегу, чуть подмороженном, но еще не покрывшемся чешуей наста. Была порода эта на ощупь влажной, и воздух, или газ, и он казался коже влажным, хотя ничто не текло, не капало, не было сталактитов и сталагмитов; не было, конечно, и настенной росписи, которую всегда ищет взгляд в зем-

ных пещерах: не тот материал, да и кто стал бы расписывать тут стены? Разум нужен для этого, но он начинает не с росписей, а тут не то что росписей не было, но ни малейшего следа, пусть самого слабого, условного, прочерченного, прорисованного, протоптанного — свидетельства о том, что здесь проходили те, кого искали и ради кого брели сейчас два разведчика с «Омикрона», о том, что не зря берегли они воздух, слова и выдержку. Тут этого не было.

— Ничего, — угрюмо сказал Савельев и снова заткнул себе рот трубкой.

— Но сигнал-то был? Ошибка исключена. И сели мы на удивление удачно, и оказался же вход! — Уваров передохнул. — Просто мы не в ту, может быть, сторону пошли?... Но здесь они! Ни одной другой планеты нет в поле зрения!

«Ушшашшффуу — уиррр, сели мы на удивление хорошо, аф-аф-аф ммммм, но здесь они — пффф!»

— Да, — кивнули Уваров с Савельевым одновременно и, погруженные в мысли, снова не заметили, что сказали это оба враз.

Еще постояли молча. Розоватый свет стал медленно меняться, какие-то желтоватые, лимонные, зеленоватые оттенки возникали, исчезали и возникали снова — не постепенно, а как бы толчками; свет то почти совсем желтел, и становилось, как в осенней роще в солнечный день, то даже зеленел, словно возвращалось вопреки календарю лето, потом розовое снова заполняло все углы. Яркость при этом не менялась, только цвета переходили один в другой.

— Почему этот свет, как думаешь? — спросил Уваров.

— Свечение газа. Не чувствуешь? Покалывает кожу.

— Да. Электричество. Газ заряжен.

— Все кругом заряжено. Раньше этого не было.

— Нет. Это не опасно?

— Пока, наверное, нет.

— Значит, надо идти дальше?

— Если бы какой-нибудь след. Малейший бы признак, что они здесь. Но если они ждут в другом месте? А мы теряем время? Не прощу себе.

— И все же идем. Если бы человек останавливался в момент сомнения, он до сих пор питался бы червяками.

— Ты прав, может быть...

«Но тут уже начинается новая история, история постепенного обновления человека...»

— Что ты? — переспросил Уваров.

— Я говорю: ты прав, может быть...

— Больше ничего?

— Не понял.

— Больше ты ничего не сказал?

— Ни слова. Наоборот, мне показалось...

— Ясно. Думаю, надо еще продвинуться вперед. Там, кажется, свечение усиливается. Может быть, что-нибудь увидим.

Реплики были неторопливыми, словно люди старались показать друг другу, что им не страшно. Свет все еще изменялся, но уже медленно и незначительно, колеблясь вокруг нового, светло-зеленого цвета. Будто какое-то нужное качество было уже найдено и совершались лишь затухающие движения вокруг него; газ тихо потрескивал, наливаясь напряжением. Надо было двигаться, но что-то заставляло людей медлить, словно здесь и находилось то, к чему они так стремились. И они продолжали разговаривать, как если бы беседа служила оправданием бездействию, и старались поверить в нужность и значительность своих слов.

— Уваров, что толку искать их здесь? Где их нет и быть не может? Скажи честно: ты и не считаешь. Найти их. Мечтаешь найти следы чужого разума. Думаешь, никто не понимает, зачем ты пошел с нами. Да?

— Я и не скрывал. И сейчас не таю. Хочу найти. Но не тут. Здесь его нет. Никаких признаков. Я знаю, как выглядит, как должен выглядеть разум. Во всех его проявлениях. Много лет отдал я ему, десятки вариантов рассчитал. Нет, Савельич, я не надеюсь. Как и ты, хочу найти наших.

— Не знаю, как в теории. Сужу практически: никакого их следа.

— Но сигнал был точен. А Гарми — мастер пеленга.

— Что завело их так далеко от курса?

— Мало ли что случается в пространстве. Тебе лучше знать. — Уваров сделал паузу. — Кто другой мог подать сигнал? Именно наш сигнал, по коду Дальней разведки?

— Он мог отразиться.

— От такой поверхности? С такой чистотой и силой? Нет.

— Может быть, Гарми дослушался до галлюцинаций? Такое бывает.

— Он верит, ты сам знаешь, только в то, до чего можно трижды дотронуться ладонью. Скорее уж галлюцинируем мы с тобой. И нет планеты, нет тебя — а я сижу за своим столом и пишу, извиваясь от сладостных размышлений...

— Знаю, ты человек уюта и любишь обнимать мир. Не прикасаясь к нему. Мы сперва удивлялись, когда ты оказался с нами. Потом поняли.

— Можно измышлять всю жизнь. Но хоть раз надо увидеть своими глазами. Чтобы увериться, что жил не зря. А это, наверное, самое большое счастье, какое бывает.

— Но ты не нашел его.

— Найду. Каждому, кто ищет, выпадает в жизни хоть один шанс. И уж я его не упущу.

— Надейся.

— Не здесь, конечно. Я уже сказал. Здесь — пустой номер, глухо. Можешь смеяться, но Разум я найду в пространстве, близ светила. Там увижу его тугие паруса. Именно так, не иначе. Разум всегда тяготеет к свету. Катакомбы не для него. Только вынужденно, и то на краткий срок.

— Я летаю давно. И ничего не встретил. И никто другой.

— Вы не искали. Не были настроены. А я ищу. И если он есть, а его не может не быть... мы станем стремиться друг к другу бессознательно, сами того не ощущая... соприкасаться полями, которые нами еще не открыты... но не перестают от этого быть реальностью. Мало сказать, что я верю в это: я знаю. Иначе все, что я сделал в жизни, ничего не стоит.

— Разума не может не быть — почему?

— Иначе не было бы смысла и в нашем бытии. Как нет смысла в существовании одного мужчины или женщины. У них не будет продолжения, развития, движения. А мы ведь не похожи на тупиковую ветвь эволюции. Разум не самоопыляется. Когда он созрел, ему становится нужен кто-то другой. Иначе он измельчает и захиреет. Как хирели некогда династии фараонов... женившихся на родных сестрах.

— Логично. Только истина — не плод логики. И потом: созрел ли наш разум? Однако мы все болтаем. Слушай, Ува-

ров, я не хочу больше терять здесь время. Сейчас время — главное. И...

«Всякое искусственно вызванное деление частиц сопровождается исчезновением определенного количества времени. И если такое деление происходит неоднократно и в больших количествах, дефект времени становится...»

— Глупости, — сказал Уваров. — Это ты придумал.

— Сколько же ты еще намерен идти?

— Я относительно дефекта времени. Откуда ты взял?

— Я? Черт, разве я что-то сказал? Бывает, я говорю вслух во сне — после больших встрясок. Извини. Что-то подобное мелькнуло у меня в голове. Но мне показалось, что это сказал ты. Я даже удивился.

— Как я мог? Физика — не моя область. Да, о мудрости... Мы еще не достигли ее, конечно. Но инстинкт размножения намного опережает ее.

— И ты решил древнюю проблему: встретив — понять? Найти общий язык?

— А так ли нужен он? Пусть выброшенные на остров мужчина и женщина говорят на разных языках. Помешает ли это им соединиться? Им не понадобятся подсказки. Это в худшем случае. Но может быть — и я надеюсь, — мир разума един. И в любой точке любого пространства разум говорит на едином языке. Не в лингвистическом смысле конечно...

— Маловероятно.

— Но тебе ведь не кажется странным, что весь мир построен из одних и тех же частиц. И электрон из Магелланова Облака будет чувствовать себя в Солнечной системе не менее уютно. Почему же не предположить, что и разум? Построен из одних и тех же элементарных частиц, движущихся... и превращающихся по тем же законам? Он ведь тоже продукт движения материи?

— И в каждом мире — свой Шекспир? А принц Датский окажется старым знакомым пришельца извне?

— Что в этом принципиально невозможного?

— Не знаю. Может быть...

«Есть многое на свете, друг Горацио,

Что и не снилось нашим мудрецам...»

— У тебя хорошее произношение, — похвалил Уваров.

— Какое это имеет отношение...

— Английское. Не знал, что ты...

— Да ты когда-нибудь слышал мой английский? .

— Да только что.

— Жарко. — Савельев озабоченно глянул на товарища. —

И, видно, заряженная среда на нас действует. — Он только что слышал совершенно четко, как Уваров — а кто же кроме? — произнес реплику из великой трагедии; по-русски, разумеется: английского Савельев не знал совсем. — Давай, будем говорить дальше. Это успокаивает. О чем мы — перед «Гамлетом»?

— О чем же?.. Да. Что невозможного в том, что «Гамлет», как электрон, един для Вселенной?

— Но тогда ты как раз должен бы поверить, что наших с «Омеги» тут нет, а сигнал послан ими, другими, говорящими на едином языке разума.

Они снова молчали несколько минут. Время сейчас, впрочем, измерялось не часами, а делениями на шкале воздушного манометра.

— Пойдем, — сказал затем Уваров. — Отдохнули. — Он сделал было шаг, но остановился, тяжело размышляя. — Слушай... Наверное, ты прав, Савельич, и в самом деле надо возвращаться. Я что-то перестал верить, что мы тут найдем их. А время, как ты сам сказал, дорого. — В словах его не было решимости, скорее какая-то неуверенность, соседствовавшая со страхом. — Посмотри, как свет усиливается — там, впереди. Если и с нами что-то случится...

Казалось бы, Савельев должен с радостью согласиться. Он, однако, замялся:

— Свет... Ты прав — он что-то означает, предвещает... Давай-ка посмотрим, что именно. И если наших там нет, будем считать, что одной загадкой стало больше в задачнике Природы. Она любит ставить в тупик, ничего не скажешь.

Уваров вздохнул:

— Она любит резвиться, Природа. Она еще дитя, она бурно растет и резвится, бездумно и непоследовательно, как девочка на грани перелома, когда детское сталкивается с женским и возникают вихри и водовороты, и проносятся тайфуны, грозя смести все, что непрочное...

— Почему бы тебе не писать стихи, Уваров?

— Боюсь. Это значило бы — стать прозрачным. А я не готов к этому. Посмотри, мы ничего не забыли?

Савельев осмотрелся.

— Нет, все свое носим с собой.

— Тронулись.

— Вперед!

— Постой! Все же — вперед?

— Да.

— Но раз наших тут нет, мы решили, значит, мы нужны им в другом месте?

— Не знаю. Думаю, что их тут и не было. И не могло быть. Наверху все наверняка выяснили.

— Откуда такая уверенность?

— Чисто пилотские соображения. Не стану утруждать тебя сейчас. В общем, у нас есть немного времени. Посмотрим, что там — впереди.

— Ну, если ты так уж уверен...

Они зашагали быстрее; воздух потрескивал; постепенно какая-то слизь, тускло мерцавшая, отдельными пятнами стала возникать на ноздреватых стенах; влажность увеличилась, порой сверху срывались тяжелые, литые капли чего-то и, мгновенно и радужно вспыхивая, разлетались, ударившись о грунт.

— Не так быстро, Савельич.

— Становится жарче, а?

— Не от скорости. Повышается температура.

— Уклон тут круче.

Уваров снова вздохнул, помахал ладонями перед лицом, словно отгоняя что-то — может быть, тот самый страх, который несколько минут назад задел его крылом.

— Спускаемся, несомненно. Ладно. Там, внизу, что-то интересное может раскрыться. Меня уже немного лихорадит. Знакомое чувство.

— Лихорадка открытия?

— Прекрасная болезнь. Я дважды в жизни... Наверно, все же хорошо, что мы не повернули назад. Если возвращаешься, когда впереди маячит что-то, может быть, новое, потом неизбежно ощущаешь себя преступником и удивляешься, почему никто не выступает с обвинением. Хорошо...

«Считая нужным, однако, еще больше помочь простому народу, он позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника...»

— Любовь к цитатам — свойство теоретиков, а?

— К чему ты это? — спросил Уваров внешне безразлично.

— Да вот к этому самому.

Уваров помолчал, глядя под ноги.

— Не обращай внимания, — посоветовал он потом. — Нервы. Обстановка...

— Да. Мы волнуемся. Тут вредно молчать. Говори. Все равно о чем.

— Хорошо. Ты сказал: может быть, принятый сигнал послан другими. Но я не верю в города, возникающие вдруг в пустыне. Это мираж. На самом деле городу всегда предшествует дорога. Обработанная земля. Предместья. Множество признаков культуры. А здесь? Подумай: в чем функция разума? Изменять, совершенствовать мир. А как может разум совершать это, не оставляя зримых следов? Мир ведь видим, и наступившие в нем изменения тоже должны быть видимыми. Гладкая дорога вместо хаоса глыб. Я знаю это! Слышишь? Знаю!

— Да не волнуйся. Не надо. Значит, только так?

— Об ином мы ничего не знаем. Догадываться же бесполезно.

Несколько секунд только похрустывал грунт, уплотняясь под йогами.

— Градусов под сорок, не меньше, — заметил Уваров.

— Тропики. Жаль, нет моря. Давненько не видал я моря.

— А может, и есть? Там, впереди.

— Я бы выкупался.

— Дома, на Земле — если тебя не устраивает бассейн. Да, никаких признаков. А ведь разум эволюционирует куда медленнее, чем строится город на пустом месте. И следы должны быть непременно, и во множестве. И они остаются, даже если не удалось избежать катастрофы. Если цивилизация не нашла мира...

«Сражение продолжалось всего час, а восемь тысяч человек уже погибли: пять тысяч четыреста утонули, тысяча четыреста были убиты или ранены на поле сражения, ты-

сяча двести сдались в плен; в руки победителя попали восемнадцать пушек, тридцать зарядных ящиков, пятьдесят знамен...»

Уваров заговорил громче, будто стараясь заглушить что-то:

— Начиная с самого возникновения жизни, еще только предполагающей возможность рождения разума, накапливаются следы, которым не укрыться от...

— Ну, жизни тут в избытке. Почему, кстати, мы проходим мимо? Биологи нас не похвалят.

Они остановились; Савельев вынул кинжал, соскреб немного слизи в стеклянную банку, плотно закрыл, спрятал.

— Увлеклись, — оправдываясь, сказал Уваров. — Мы все о разуме, а от плесени до него — ох какая даль... А вот, смотри, еще новое.

И правда, почти под ногами, где условные стены туннеля сходились с условным же полом, виднелись грязновато-белые, а в этом освещении почти салатные выпуклости, подобные шляпкам грибов, и размера они были, как маленькие боровички.

— Берем и это.

Савельев срезал один; две-три голубые искорки шелкнули о клинок кинжала, свет дрогнул было и стал немного ярче; Уваров порывисто оглянулся, словно услышал шаги за спиной. Савельев заметил это.

— Ты что?

— Так... — Уварову не хотелось признаться в том, что секунду назад страх как бы схватил его, сжал костлявыми пальцами сердце — и тут же выпустил, будто решив, что обознался. — Хорошо, что заряд остается прежним. Не то в нас стали бы вонзаться молнии.

— Пока опасности нет, — сказал Савельев. — В этом я соображаю. У меня словно вольтметр сидит под сердцем. Ярче становится. Замечаешь?

Свет и на самом деле продолжал усиливаться, меняя яркость, но оставаясь таким же приветливо, безмятежно зеленым, как бы убеждая, что нет никаких препятствий движению вперед.

— Низкоорганизованная жизнь, — молвил Уваров, разглядывая гриб; из среза капала слизистая жидкость, организм понемногу сморщивался, опадал в пальцах, хотя Ува-

ров держал его, едва прикасаясь. — Спрячь. Относительно низкая, конечно. Все же гриб — не одноклеточное, уже сложнейшая система. Только и от гриба до разума — миллионы, а то и миллиарды лет. Дорогу эту никому не сократить. Лестница, на которой не перепрыгнешь через ступеньку.

— Никогда?

— Никогда. Природа постепенна. И должны быть необходимые и достаточные условия, чтобы в конце концов возникла личность.

— А что личность, по-твоему?

— Я бы сказал — сознание собственной равновеликости миру и обособленности в мире при неизбежной связи с ним. Личность! Как далек путь... Нужны были хитросплетения истории, политики, экономики, военного дела, чтобы на свет появился — и проявился! — скажем, Цезарь...

«Кто из толпы сейчас ко мне взывал?

Пронзительнее музыки чей голос

Звал: «Цезарь!» Говори же: Цезарь внимлет».

Оба остановились разом. Несколько секунд в упор смотрели друг на друга. Савельев сильно мотнул головой. Уваров заставил себя усмехнуться:

— Эти шутки мне знакомы, я ведь тоже не впервые вышел погулять. В одной экспедиции, на Медузе, лет пять назад, нам постоянно казалось, что плачут дети. Маленькие, напуганные, брошенные дети. Нас было пятеро, все с устойчивой психикой, и мы дошли чуть ли не до истерики, веришь. А все были только проделки ветра, этакая своеобразная Эолова арфа... Ты все еще хочешь вперед?

Савельев хмуро кивнул:

— Да.

Они двинулись дальше, ободряя сами себя. Свет был все ярче, стены и потолок раздвигались, создавая пространство. Грибы росли уже и на стенах, были крупнее, выпуклее, почти с футбольный мяч, морщинистые, неприятные на вид.

— Слушай...

— Весь — внимание, — откликнулся Уваров очень бодро.

— Ты сказал — развитие... Но ведь давным-давно мы научились моделировать, строить математические, кибернетические модели, проигрывать на компьютерах материальные процессы. Ни одного серьезного мало-мальски дела не на-

чинают без них. А это и есть скачок через много ступеней сразу. Еще ничего не создав в материале, мы уже знаем, как оно будет себя вести в разных ситуациях.

— Конечно, знаем. Хотя и ограниченно, потому что всю природу не смоделируешь. А на любое изменение или вмешательство она откликается вся целиком...

— Я сейчас не об этом. Ты думаешь, разум не может — вот так, минуя этапы, — смоделироваться? Ну, вдруг вырастет такая же вот сложная живая система, и в ней возникнет, начнется процесс мышления. Просто это будет иной путь эволюции и...

— Нет! — крикнул Уваров неожиданно резко, пронзительно, что свет на мгновение дрогнул, но они, занятые самими собой, этого даже не заметили. — Нет! — повторил он. — Не может! Не имеет права! Ты не понимаешь! Ты, твое дело... — Ему не хватило дыхания, он захрипел, схватил загубник, судорожно вдохнул, закашлялся, потом задышал медленнее, успокаиваясь. — Мы все исходим из того, что чудес не бывает. И не может низкоорганизованная материя вдруг превратиться...

— Но если те же вещества и в той же структуре...

— Замолчи! Не надо! Потом, я объясню... — Уваров снова затаился дыхательной смесью. — Понимаешь ли...

«Нашли, чем удивлять, — молвил Пантагрюэль. — В наших краях ежегодно бывает по пятьсот подобных превращений, а иногда и еще больше...»

Незаметно для самих себя люди ускорили шаг, почти бежали. Коридор стал шире, зеленый свет слоями заголубел, грибы густели, некоторые места были сплошь покрыты ими. Воздух шуршал, в нем теперь непрерывно происходили микроразряды.

— Понял! — крикнул Савельев на бегу.

— Что?

— Пока это было, я включил рацию.

— И что?

— Тот же базар. Но это — это слышалось ничуть не хуже.

— Значит, это не звук? Ты считаешь?

— Нет. Это — в нас.

— Галлюцинации, конечно... Под влиянием... Какого-то излучения?

— А если все же...

— Стой! — решительно скомандовал Уваров. — Дальше опасно!

Они остановились, дыша так, что воздух хрипел и булькал в шлангах. Пот выступал и тут же высыхал в душной жаре, и от него кожа как бы покрывалась чешуйками. Свет теперь лиловел, он снова играл, и от смены цветов и яркости казалось, что грибы движутся, хотя они были неподвижны. Потолок и стены ушли куда-то совсем далеко, то уже не туннель был, а купол, зал, пределы которого никто не взялся бы сразу определить. Но, видимо, у него было еще какое-то продолжение — новый туннель? — и там ярчайшие снопы света неторопливо и ритмично сменяли друг друга, словно колесо с разноцветными сияющими спицами, — наклонно положенная карусель величественно вращалась в подземелье. Смотреть туда было больно, и они отвернулись.

— Пойдем?

— погоди! — Уваров схватил его за руку. — Итак, потвоему, групповая галлюцинация?

— Почему же нет?

— Но тогда... тогда и у Гарми на «Омикроне» могла быть все та же галлюцинация, и никакого сигнала он не принимал.

— Да ничего он не принимал наверняка. Я сообразил уже здесь. На борту, ты сам помнишь, как мы действовали, как по тревоге. Не рассуждая. И только тут я понял, почему нет следов, ничего нет. Вспомни диспозицию. Мы шли пусть не рядом, но параллельными курсами. Так, что они находились, условно говоря, справа от нас, а система — слева. Чтобы оказаться здесь, они должны были своевременно изменить курс. Ты знаешь, как это сложно. Они сообщили бы. Так же как мы, замедляясь для поворота, послали об этом сообщение «Всем». На том расстоянии, какое было тогда между нами, мы приняли бы сигнал. А раз они не поворачивали, они и не могли попасть сюда раньше нас. Понял?

— Кажется... Значит, пора выходить, Савельич. Вероятно, планета генерирует какое-то поле, оно действует на нас, и на достаточно большом расстоянии. Иначе Гарми не принял бы сигнал.

— Все же интересно: словно нас заманивали. Знали, на что мы клюнем.

— Будем считать, что мы сделали микрооткрытие: грибная, пещера. Может быть, она заинтересует грибников, и когда-нибудь сюда станут летать на выходной с лукошками...

— И все-таки, — сказал Савельев, — надо пройти дальше. Тем более что спешить больше ни к чему. Воздух еще есть.

— Да что тут смотреть? Мы все видели!

— Погляди внимательно. Видишь — плесень. И на том тоже. Грибы чем-то больны. Так что пока сюда прилетят любители, все вымрет.

— Что же, — легко согласился Уваров, — такова жизнь. Законы эволюции суровы, и ни к чему поддерживать то, что не жизнеспособно. Значит, и не надо им вырастать. Не надо! Подумаешь — грибы! Разве ради них мы рисковали? Главное — можно считать доказанным: сигнала не было.

— Погоди. Помоги разобраться. Что-то крутится в голове, но я не умею так, сразу... Слушай: если эти... галлюцинации в чем-то перекликаются каждый раз с нашими мыслями... Это можно понять, это как сны. Как причудливое преломление наших мыслей. Но ведь в момент приема сигнала никто и не думал, что «Омега»...

— Откуда ты знаешь?! — яростно крикнул Уваров. — А если кто-то думал? Пусть подсознательно, сам того не понимая! Да сам Гарми мог думать! А планета просто усиливает и отражает, все остальное происходит в нашем мозгу. А нет мысли — нет и галлюцинации. Вот сейчас мы не думаем о судьбе «Омеги» и неоткуда взяться никакому сигналу!

«Омикрон», я «Омега», я «Омега», внимание, у меня ситуация три, ситуация три, спешите, я «Омега», ситуация три, найдите планету, я...»

Чвакнуло, белесые хлопья разлетелись в стороны: Уваров, не выдержав, смаху, как хороший форвард, поддал тяжелым, с оковками, башмаком, и ближайший гриб, налитой, тускло-лоснящийся, объемистый, брызнул, словно фонтанчик взлетел из-под грунта. Тишина схлопнулась, Уваров вытер пот.

— Извини, — сказал он. — Нервы. Боюсь, мы спатим совсем. Тусклая перспектива. И воздух — почти на полови-

не. Нельзя распускаться. Извини. Такая обстановка. Пора домой. Так хорошо дома...

«Когда же мы прошли край, полный всяких утех, край приветный, с такой же умеренной температурой воздуха, как...»

— О, господи! — простонал Уваров. — Ну не могу я! Не могу! Тогда уж лучше умереть! Здесь! Сразу!

«Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними...»

Савельев схватил спутника за руку.

— Жаль, но и вправду пора убираться. Ни минуты больше. Мы или задохнемся, или же...

Свет под потолком стужался. Багровел. Сверкнули высоко вверх первые разряды. Жара усиливалась толчками. Что-то рокотало внизу, и под ногами чуть подрагивало. Карусель света лихорадочно завертелась.

Они побежали. Вдруг Уваров остановился, взмахнул руками.

— Я всегда был честен! — крикнул он. — Перед наукой! Перед всеми! Не думай! Не смей думать!..

«В эпоху империи он оказал важные услуги благодаря своей безукоризненной честности, и, вспоминая о нем, приходится пожалеть, что в конце своей карьеры он принимал участие в правительстве, которое...»

Бежать приходилось в гору, и от этого было вдвойне тяжело, Гневный свет сверкал. Пот выедал глаза. Но зал уже постепенно сжимался до размеров туннеля, и свет, отставая от бежавших, слабел, в туннеле смеркалось, собственные следы были уже с трудом различимы, и Савельев, не останавливаясь, вытащил фонарь.

— Я жизнь отдам... за свое дело... и отдал уже...

«Большей части варваров, и особенно персам, свойственна прирожденная дикая и жестокая ревность: не только жен, но даже рабынь и наложниц они страшно оберегают, чтобы никто...»

Становилось прохладней, и пот не высыхал теперь, а стекал по груди и спине, белье липло, было неуютно и тоскливо; люди бежали, мыслей не было, осталась лишь боязнь за капсулу — все вокруг сотрясало, и она наверху могла не

выдержать толчков. Капсула сейчас — это корабль, дом, жизнь.

«Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь...»

Слова звучали и бились в мозг, неизвестно откуда взявшиеся, давным-давно написанные и знакомые слова...

Люди выскочили на поверхность, когда силы, казалось, иссякли все. Выскочили с ужасным предчувствием беды. Было тихо. Наступила ночь, звездный свет с трудом пробивался сквозь плотный воздух. Надежно укрепленная капсула стояла на месте, пошевеливая кружевными раковинами антенн, как лошадь ушами.

— Уф! — выдохнул Уваров. Он похлопал по капсуле ладонью, и тонкий металл отозвался тихим и едва слышным гулом, простым звуком, понятным и объяснимым от начала до конца. — Выбрались, — сказал он. — Хорошо, что наши сюда не попали.

— Да, — согласился Савельев. — Наших-то здесь не было... А что же было? Слушай, может, тебе покажется смешным, я ведь не теоретик, но возникают мысли. Может быть, смешные — но мысли...

— Ну смелей, смелей, — подбодрил Уваров, играя безмятежность — а возможно, ему и на самом деле стало хорошо и спокойно здесь, где были только свои голоса. — Дерзай!

— Может быть, традиция нашего мышления узка? Та традиция, по которой возникновение разума неизбежно связано с движением и эволюцией? Может быть, природа идет к одной и той же цели разными путями, и то, что в одном месте требует долгого подготовительного цикла, создания условий, в другом — получает эти условия в готовом виде? В пустыне нужны удобрения и вода, но в черноземе желудь прорастает, не ожидая, пока ему помогут это сделать. Может быть, где-то личность, гений возникают, как конструкция, способная улавливать нечто в мироздании, как конструкция, которая воспринимает и переживает все, ничего не совершая, как мы в наших снах совершаем нечто, хотя окружающие видят, что мы тихи и неподвижны в тот миг? Может быть?..

Он закончил, глядя на Уварова, но тот уже закрыл шлем, и выражение лица было неразличимо, только голос нес информацию о мыслях теоретика.

— Мило, — проговорил Уваров; проговорил легко и небрежно, как обращаются к детям, желая показать, что держатся с ними, как с равными, зная, что на деле равенства нет, и сами дети понимают это отлично. — Для дилетанта мило, своего рода концепция. К сожалению, Савельич, критики она не выдерживает — неверно все это и невозможно, как-нибудь на досуге я объясню тебе почему; это долгий разговор. Сейчас важно другое: там, внизу, опасно, мне думается, — очень опасно; возможно, мы что-то сделали не так, разворошили это гнездо, хорошо еще, что сами выбрались... И вот поэтому при рапорте мы должны...

— Карусель, — сказал Савельев медленно и сдержанно, так, что не понять было, как воспринял он слова Уварова и поверил ли им. — Не дошли. Жаль: самое интересное наверняка было там. Эти штуки могли оказаться лишь трансляторами, а сам генератор, может быть, располагается...

— Генератор чего? — Голос Уварова прозвучал сурово, как бы отвергая возможность спора. — Строк Шекспира? Наполеона? Рабле? Пушкина, Достоевского, Плутарха, наконец?

— Не знаю, кто из них Плутарх и кто — Рабле. Не читал, не успел, я ведь технарь. Но раз не читал, то у меня в памяти этих строк и быть не могло. А ведь я их слышал!

— Не читал — это ты так думаешь. Когда-то, хоть двадцать лет назад, кто-нибудь процитировал их при тебе, а память записала. Это все гипотезы, милый мой, хлипкие гипотезы. А вот опасность реальна, и если кто-нибудь полезет туда вслед за нами, это может кончиться очень плохо. Нам еще повезло. Может быть, надо даже завалить, обрушить все это, жаль — у нас нет ничего такого...

Он говорил уверенно, сам в то же время не понимая себя и не зная, отчего говорит так, а не иначе, — он, человек широкой терпимости и смелой мысли. Авторитета ли было жалко? Да нет, приди он сейчас в науку с этим — и слава первооткрывателя не затмила бы ореол мыслителя, а усилила... А может быть, страх? Потому что ведь свои концепции иного Разума он создавал исходя из того, что являлось для

человека лучшим, пусть неосознанно — но именно из этого. И испугался того, что на деле, в жизни, могло оказаться не лучше для людей, а хуже? Не за себя испугался, за всех? Нет, пусть уж колесо это, карусель там, внизу, кружится сама по себе — без них! Если только... Разум, проклятый разум — он всегда находит лазейки...

— Обрушить? — медленно повторил Савельев. — Ну, это вряд ли.

— Давай-давай! — поторопил Уваров. — Наши наверняка уже беспокоятся.

Где-то, далеко впереди, свеча горела... или лампа, ожидал уютный стол, за которым можно будет снова предаться мечтам о встрече с другим Разумом, — встрече, которая когда-нибудь да состоится!

Пропустив Уварова, Савельев уселся медленно, словно неохотно. Еще одна вещь могла подвести — но не подвела, и двигатель включился сразу, мягкий, ничему не вредящий антиграв. Он был рассчитан именно на такие посадки. Заранее было известно, что посадки понадобятся. Хорошо, когда все известно заранее.

СОДЕРЖАНИЕ

Дверь с той стороны	5

Рассказы

Ручей на Япете	369
Скучный разговор на заре	397
Глубокий минус	413
Пилот экстра-класса	465
«Адмирал» над поляной	491
День, вечер, ночь, утро	509
Свисток, которого не слышишь	559
Карусель в подземелье	615

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Михайлов Владимир Дмитриевич

Дверь с той стороны

Роман

Рассказы

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

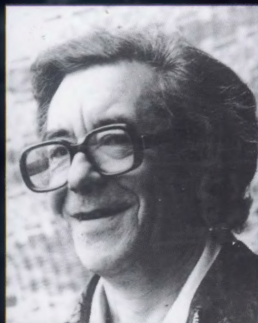
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
«Самарский Дом печати»

443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Признанный мастер отечественной фантастики... Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» — и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, — и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад...

Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите?

Прочитайте — и убедитесь сами!

ISBN 5-17-016686-9

9 785170 166862